

ПРИРОЖДЕННЫЕ УБИЙЦЫ

Винсент Буглиози

при участии Курта Джентри

HELTER SKELTER:

ПРАВДА О ЧАРЛИ МЭНСОНЕ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург • Москва

Annotation

Подлинная история одного из самых громких судебных дел XX в. — группового убийства “Семьей” Мэнсона актрисы Шарон Тейт и ее друзей. Леденящие кровь подробности, религия и мистика, психологический портрет “калифорнийского потрошителя” и документальный отчет о судебном процессе по делу Чарли Мэнсона. Разыгравшаяся в Голливуде конца 1960-х годов трагедия, о которой идет речь в этой книге, не имеет срока давности; имена её участников всё ещё на слуху, а главные действующие лица за минувшие годы приобрели статус культовых личностей.

Книга построена на подлинных материалах по делу Чарльза Мэнсона. Пунктуация издания подчеркивает документальный характер текста.

-
- [Винсент Буглиози, Курт Джентри](#)
    - [Основные действующие лица](#)
    - [Часть 1](#)
    - [Часть 2](#)
    - [Часть 3](#)
    - [Часть 4](#)
    - [Часть 5](#)
    - [Часть 6](#)
    - [Часть 7](#)
    - [Часть 8](#)
    - [Эпилог](#)
    - [ОТ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)

- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)

- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)

- [194](#)
  - [195](#)
  - [196](#)
  - [197](#)
  - [198](#)
  - [199](#)
  - [200](#)
  - [201](#)
  - [202](#)
  - [203](#)
  - [204](#)
  - [205](#)
  - [206](#)
  - [207](#)
  - [208](#)
  - [209](#)
  - [210](#)
  - [211](#)
-

Винсент Буглиози, Курт Джентри
Helter Skelter: правда о Чарли Мэнсоне

Посвящается Гейл и Блани

Основные действующие лица

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА (ДПЛА)

Следователи "Группы Тейт":

Хелдер Роберт Дж. — лейтенант, руководитель отдела расследования грабежей и убийств. Возглавлял следствие по делу об убийствах на Сизло-драйв.

Баклз Джесс — сержант.

Калкинс Роберт — сержант.

Макганн Майкл Дж. — сержант.

Принимали участие в следствии:

Барбридж Роберт — патрульный офицер.

Бердик А. Х. — лейтенант. Следователь-оператор детектора лжи отдела научной экспертизы (ОНЭ).

Боев Джерром — отделение дактилоскопии ОНЭ.

Вайзенхант Уильям Т. — патрульный офицер.

Варни Дадли — сержант.

Вольфер Девэйн — криминалист ОНЭ.

Галиндо Дэни — сержант^[1].

Гёрт Д. Л. — отделение дактилоскопии ОНЭ.

Гранадо Джо — отделение судебной химии ОНЭ.

Димер Эрл — лейтенант.

ДеРоса Джерри Джо — патрульный офицер.

Дорман Д. Э. — патрульный офицер.

Камадоу Джен — сержант.

Клементс Венделл — гражданский эксперт дактилоскопии.

Ли Уильям — сержант, эксперт-баллистик ОНЭ.

Мэдлок Роберт К. — лейтенант.

Хендерсон Эд — сержант.

Следователи "Группы Лабианка":

Лепаж Пол — лейтенант. Возглавлял следствие по делу об убийстве четы Лабианка.

Брода Гари — сержант.

Гутиэрес Мануэль “Чик” — сержант.

Нильсен Майкл — сержант.

Патчетт Фрэнк — сержант.

Сартучи Филип — сержант.

Принимали участие в следствии:

Долан Гарольд — сержант, отдел дактилоскопии ОНЭ.

Клайн Эдвард Л. — сержант.

Клэборн Дж. — сержант, отдел дактилоскопии ОНЭ.

Родригес В. С. — патрульный офицер.

Тоней Дж. С. — патрульный офицер.

ОФИС ШЕРИФА ОКРУГА ЛОС-АНДЖЕЛЕС (ОШЛА)

Следователи по делу об убийстве Хинмана:

Гуэнтер Чарльз — сержант.

Уайтли Пол — сержант.

ОФИС ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Буглиози Винсент Т. — заместитель окружного прокурора. Общественный обвинитель на судебном процессе по делу об убийствах Тейт — Лабианка.

Кей Стивен и Мюзих Дональд — заместители окружного прокурора. Назначены помощниками Буглиози после отстранения от дела Стовитца.

Стовитц Аарон — глава судебного отдела. Обвинитель на судебном процессе по делу об убийствах Тейт — Лабианка.

ОФИС ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА ИНИО

Гардинер Джек — следователь.

Гиббенс Бак — заместитель окружного прокурора.

Фоулз Фрэнк — окружной прокурор Инио.

АДВОКАТЫ ЗАЩИТЫ

Болл Джозеф — беседовал с Чарльзом Мэнсоном и посчитал его компетентным для самостоятельной защиты в суде.

Барнетт Дональд — первый адвокат Лесли Ван Хоутен, позднее замененный Марвином Партом.

Бойд Билл — тexasский адвокат Чарльза Уотсона.

Бубрик Сэм — вместе с Максвеллом Кейтом защищал интересы Чарльза Уотсона.

Кабаллеро Ричард — адвокат Сьюзен Аткинс в период с ноября 1969 года по март 1970 года.

Канарек Ирвинг — сменил Рональда Хьюза в качестве адвоката Чарльза Мэнсона.

Кейт Максвелл — после исчезновения Рональда Хьюза назначен судом представлять интересы Лесли Ван Хоутен; кроме того, защищал Чарльза Уотсона вместе с Сэмом Бубриком.

Парт Марвин — адвокат Лесли Ван Хоутен в течение короткого периода; заменен Айрой Рейнером.

Рейнер Айра — сменил Марвина Парта в качестве адвоката Лесли Ван Хоутен; в свою очередь, заменен Ричардом Хьюзом.

Салтер Леон — адвокат Роберта Бьюсолейла.

Фитцджеральд Пол — первый адвокат Чарльза Мэнсона; позднее уволился из Офиса общественного защитника, чтобы представлять интересы Патриции Кренвинкль.

Флейшман Гари — адвокат Линды Касабьян.

Холлопитер Чарльз — адвокат Чарльза Мэнсона в течение очень короткого периода.

Хьюз Рональд — некогда “адвокат-хиппи” Чарльза Мэнсона, позднее он защищал Лесли Ван Хоутен вплоть до своей смерти от рук “Семьи”.

Шинь Дэйи — сменил Ричарда Кабаллеро в качестве адвоката Сьюзен Аткинс.

УЧАСТНИКИ “СЕМЬИ” МЭНСОНА И ЛИЦА, ИМЕВШИЕ К НЕЙ ОТНОШЕНИЕ

Мэнсон Чарльз Майлз, он же Иисус Христос, Бог, Душа, Дьявол, Чарльз Уиллис Мэнсон — лидер “Семьи” и серийный убийца.

Алонзо Мария, она же Кристал — отпущенная на свободу после убийства Лорин Уиллетт, позднее была арестована в связи с предполагаемым заговором с целью похищения иностранного дипломата.

Аткинс Сьюзен Дениз, она же Сэди Мэй Глютц, Сексуальная Сэди, Шарон Кинг, Донна Кей Пауэлл — принимала участие в убийствах Хинмана, Тейт и Лабианка.

Бартелл Сьюзен Филлис, она же Деревенщина Сью — присутствовала при предполагаемом самоубийстве Зеро, “совершенном в процессе игры в русскую рулетку”.

Болдуин Линда — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Меделайн Джоан Коттедж.

Большая Патти — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Патрицией Кренвинкль.

Браун Кеннет Ричард, он же Скотт Белл Дэвис — имел отношение к “Семье”; друг Зеро.

Бруннер Мэри Тереза, она же Мариок, Ок, Мать Мария, Мэри Мэнсон, Линда Ди Мозер, Кристина Мария Юхтс — первой из девушек примкнула к “Семье”; родила Мэнсону сына; участвовала в убийстве Хинмана и в перестрелке в Хоуторне.

Бьюсолейл Роберт Кеннет, “Бобби”, он же Купидон, Джаспер, Херувим, Роберт Ли Харди, Джейсон Ли Дэниелс — участвовал в убийстве Хинмана.

Бэйли Лоуренс Эдвард, он же Ларри Джонс — присутствовал при отъезде убийц Тейт с ранчо Спана; участвовал в перестрелке в Хоуторне.

Бэйли Эдвард Артур — имел отношение к “Семье”. Возможно, был свидетелем гибели человека от руки Мэнсона в Долине Смерти.

Бэйли Элла Джо, она же Йеллерстоун — оставила “Семью”, узнав об убийстве Хинмана.

Ван Хоутен Лесли Сью, она же Лулу, Лесли Мэри Санкстон, Луэлла Александрия, Лесли Оуэнс — участвовала в убийстве четы Лабианка.

Вильдебуш Джоан, она же Хуанита — участвовала в передовом отряде Мэнсона, появившемся на ранчо Баркера; покинула “Семью” и бежала с Бобом Берри, партнером Пола Крокетта.

Вэнс Уильям Джозеф — псевдоним, использовавшийся бывшим заключенным Дэвидом Ли Хэмиком, имевшим отношение к “Семье”.

Тру Гарольд — жил в доме 3267 по Вейверли-драйв, по соседству с домом четы Лабианка; Мэнсон и другие члены “Семьи” посещали его там четыре или пять раз.

Гиллис Кэтрин Ирэн, она же Капистрано, Каппи, Кэтрин Майерс, Патриция Энн Бурке, Патти Сью Джардин — участница “Семьи”; внучка владелицы ранчо Майерса; хотела отправиться с остальными в ночь убийства четы Лабианка, но ее услуги не потребовались; присутствовала при смерти Зеро.

Глютц Сэди Мэй — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Сьюзен Аткинс.

Гоучер Уильям — имел отношение к “Семье”; участвовал в убийстве Джеймса Уиллетта.

Гроган Стивен Деннис, он же Клем Тафтс — участвовал в убийствах Хинмана и Шиа; сопровождал убийц в ночь убийства четы Лабианка; участвовал в неудавшейся попытке убийства свидетельницы обвинения Барбары Хойт.

Гуд Сандра Коллинз, она же Сэнди — после замужества — миссис Джоэл Пью; участница “Семьи”.

ДеКарло Дэниел Томас, он же Ослик Дэн, Дэниел Ромео, Ричард Аллен Смит — участник группировки мотоциклистов-рокеров “Правоверные сатанисты”; имел отношение к “Семье”; позднее с неохотой дал важные показания со стороны обвинения.

Деревенщина Сью — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Сьюзен Бартелл.

Джонс Ларри — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Лоуренсом Бэйли.

Дэвис Брюс МакГрегор, он же Брюс Макмиллан — участвовал в убийствах Хинмана и Шиа; присутствовал при смерти Зеро; подозревался еще в трех убийствах.

Зеро — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Джоном Филипом Хоутом.

Змея — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Дайанной Лейк.

Капистрано — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Кэтрин Гиллис.

Касабьян Линда Друин — сопровождала убийц в ночь убийства четы Лабианка; основная свидетельница обвинения.

Клем — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Стивом Гроганом.

Комо Кеннет, он же Джесси Джеймс — бежавший заключенный; имел отношение к “Семье”; участвовал в перестрелке в Хоуторне.

Коттедж Меделейн Джоан, она же Маленькая Патти, Линда Болдуин — присутствовала при смерти Зеро.

Крейвене Парри — участник “Семьи”.

Крейг Джеймс — заключенный, бежавший из федеральной тюрьмы; имел отношение к “Семье”; признал себя виновным в сокрытии факта убийств Джеймса и Лорин Уиллетт.

Кренвинкль Патриция Дайанна, она же Кэти, Марни Ривз, Большая Патти, Мэри Энн Скотт — участвовала в убийствах Тейт и Лабианка.

Кристал — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Марией Алонзо.

Купер Присцилла — признала себя виновной в сокрытии факта убийства Лорин Уиллетт.

Купер Шерри Энн, она же Шерри из долины Сими — бежала с ранчо Баркера вместе с Барбарой Хойт.

Купидон — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Робертом “Бобби” Бьюсолейлом.

Кэти — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Патрицией Кренвинкль.

Лейк Дайанна Элизабет, она же Змея, Дайанна Блюстайн — присоединилась к Мэнсону в возрасте 13 лет; дала показания со стороны обвинения.

Лейн Роберт, он же Черпак — арестован в ходе рейда на ранчо Баркера.

Ловетт Чарльз Аллен — участник “Семьи”; участвовал в перестрелке в Хоуторне.

Лютсингер Китти — девушка Роберта “Бобби” Бьюсолейла; покинула “Семью”, но впоследствии вернулась в нее.

Макканн Бренда — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Нэнси Лорой Питман.

Маленькая Патти — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Меделайн Джоан Коттедж.

Мариок — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Мэри Бруннер.

Минетт Манон — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Кэтрин Шер.

Монтгомери Чарльз — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Чарльзом “Тексом” Уотсоном.

Монфорт Майкл — заключенный, бежавший из федеральной тюрьмы; имел отношение к “Семье”; участвовал в убийствах Джеймса и Лорин Уиллетт.

Мурхаус Дин — отец участницы “Семьи” Рут Энн Мурхаус; последователь Мэнсона.

Мурхаус Рут Энн, она же Уич, Рэйчел Сьюзен Морс — участница “Семьи”; участвовала в неудавшейся попытке убийства свидетельницы обвинения Барбары Хойт.

Нолл Джордж, он же Джордж 86 — президент группировки “Правоверные сатанисты”; отдал Мэнсону саблю, позднее использованную при убийстве Хинмана и бывшую при Мэнсоне в ночь убийства четы Лабианка.

Уич — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Рут Энн Мурхаус.

Ослик Дэн — кличка, данная Дэниелу ДеКарло девушками-участницами “Семьи”.

Питман Нэнси Лора, она же Бренда Макканн, Пеструшка, Цидетта Перелл — признала себя виновной в сокрытии факта убийства Лорин Уиллетт.

Пиццалка — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Линеттой Фромм.

Постон Брукс — бывший участник “Семьи”; предоставил стороне обвинения важные сведения относительно необычного мотива для убийств, имевшегося у Мэнсона.

Пью Джоэл — муж участницы “Семьи” Сандры Гуд. Официально его смерть была объявлена “самоубийством”, но его имя остается в списке “возможных” жертв “Семьи”.

Райс Деннис — участвовал в неудавшейся попытке убийства свидетельницы обвинения Барбары Хойт и в перестрелке в Хоуторне.

Росс Марк — имел отношение к “Семье”; смерть Зеро произошла в принадлежащей ему квартире во время его отсутствия.

Санкстон Лесли — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Лесли Ван Хоутен.

Синклер Колли, она же Бет Трейси — участница “Семьи”, арестованная в ходе рейда на ранчо Баркера.

Скотт Сюзанна, она же Стефани Роуи — участница “Семьи”.

Смит Клодия Лей, она же Шерри Эндрюс — участница “Семьи”, арестованная в ходе рейда на ранчо Баркера.

Спринджер Алан Лерой — участник группировки мотоциклистов-рокеров “Правоверные сатанисты”; Мэнсон признался ему в участии в убийствах на Сиэло-драйв, но показания Спринджера не могли быть использованы в суде.

Сэди — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Сьюзен Аткинс.

Тафте Клем — псевдоним, использовавшийся участником “Семьи” Стивом Гроганом.

Ти-Джей Грозный — псевдоним, использовавшийся Томасом Уоллеманом, имевшим отношение к “Семье” и бывшим ее участником.

Тодд Хью Роки, он же Рэнди Моргли — участник “Семьи”, арестованный в ходе рейда на ранчо Баркера.

Уиллетт Джеймс — дата смерти не установлена (до 8 ноября 1972 года); трое человек, имевшие отношение к “Семье” были обвинены в его убийстве.

Уиллетт Лорин — имела отношение к “Семье”, убита 10 или 11 ноября 1972 года, через несколько дней после обнаружения тела ее мужа; к ее убийству причастны несколько участников “Семьи”.

Уич — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Рут Энн Мурхаус.

Уоллеман Томас, он же Ти-Джей Грозный — имел отношение к “Семье”; присутствовал при выстреле Мэнсона в Бернарда Кроуи.

Уолте Марк — бывал на ранчо Спана; его брат обвинил Мэнсона в его убийстве.

Уоткинс Пол Алан — подручный Мэнсона, поставлявший в “Семью” новых девушек; предоставил Буглиози недостававший элемент необычного мотива для убийств, имевшегося у Мэнсона.

Уотсон Чарльз Дентон, он же Текс, Чарльз Монтгомери, Чарли из Техаса — участвовал в убийствах Тейт и Лабианка.

Флинн Джон Лео “Хуан” — работник на ранчо Спана; имел отношение к “Семье”; дал показания о сделанном Мэнсоном изобличающем признании.

Фромм Линетта Элис, она же Пищалка, Элизабет Элейн Уильямсон — одна из первых участниц “Семьи”; взяла на себя роль неофициального лидера “Семьи” после ареста Мэнсона.

Хинман Гари — дружил с участниками “Семьи”; был убит ими.

Хойт Барбара, она же Барбара Розенберг — покинула “Семью” перед рейдом на ранчо Баркера; дала показания со стороны обвинения; “Семья” пыталась устранить ее при помощи напичканного ЛСД гамбургера.

Хоут Джон Филип, он же Зеро, Кристофер Джизас — по официальной версии, “совершил самоубийство в процессе игры в русскую рулетку”; по всей вероятности, убит.

Цыганка — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Кэтрин Шер.

Шер Кэтрин, она же Цыганка, Манон Минетт — участвовала в “уборке” после убийства Шиа и в перестрелке в Хоуторне.

Шерри из долины Сими — псевдоним, использовавшийся участницей “Семьи” Шерри Энн Купер.

Шрам Стефани — бежала с ранчо Баркера вместе с Китти Лютсингер; дала показания со стороны обвинения о том, что в ночи убийств Тейт и Лабианка Мэнсона с нею не было.

Часть 1

УБИЙСТВА

Что это значит — быть кем-то из Прекрасных Людей?

*The Beatles,
“Мальчи, да ты богач”
(альбом “Волшебное Путешествие”) Таинственное*

9 августа 1969 года, суббота

Как потом скажет кто-то из убийц, ночь выдалась настолько тихой, что вот-вот — и услышишь звон кубиков льда в коктейлях у людей, живущих вдоль каньона.

Каньоны над Голливудом и Беверли-Хиллз творят со звуком нечто странное. Шум, отчетливо слышимый за милю, вполне может оказаться совершенно не различим с расстояния в несколько сотен футов.

Ночь выдалась душная — хоть и не настолько, как прошлая, когда температура не опускалась ниже 92 градусов по Фаренгейту^[2]. Трехдневная жара начала спадать всего за какие-то часы до описываемых событий, около десяти вечера в пятницу, — к огромному облегчению (как психологическому, так и физическому) тех из “ангеленос”^[3], кто еще помнил, как в такую же ночь всего четыре года назад район Уоттс взорвался насилием^[4]. Хотя с Тихого океана к городу приближался береговой туман, в самом Лос-Анджелесе воздух остался по-прежнему жарким и влажным, улицы изнывали в собственных испарениях, — тогда как здесь, высоко над основной частью города, а зачастую и над смогом, было по крайней мере на десяток градусов прохладнее. Тем не менее духота заставила большинство местных жителей улечься спать с распахнутыми настежь окнами в надежде уловить шальное дуновение ветерка.

Учитывая все это, кажется странным, что лишь немногие хоть что-то слышали.

С другой стороны, было уже довольно поздно, как раз за полночь, и дом 10050 по Сизло-драйв стоял достаточно уединенно.

И поэтому был уязвим.

Сизло-драйв — узкая улица, резко поворачивающая вверх от Бенедикт Каньон-роуд. Не бросающаяся в глаза вопреки расположению (прямо напротив Белла-драйв), она обрывается тупиком у высоких ворот дома 10050. Если смотреть от ворот, не заметишь ни основного здания, ни гостевого домика немного поодаль; на виду лишь уголок гаража (ближе к концу вымощенной плиткой парковочной площадки) да тонкие рейки ограды чуть дальше. Был август, но заборчик увивали лампочки рождественской елочной гирлянды.

Эти огоньки, что виднелись почти от самого бульвара Сан-сет, развесила актриса Кэндис Берген^[5], жившая здесь вместе с предыдущим съемщиком дома 10050 по Сизло-драйв, телевизионным и музыкальным продюсером Терри Мельчером^[6]. Когда Терри, сын прославленной Дорис Дэй^[7], переехал в принадлежащий матери пляжный домик в Малибу, новые жильцы оставили гирлянду на прежнем месте. В ту ночь, как и в любую другую, огоньки горели, привнося в каньон Бенедикта ставшее привычным круглогодичное ощущение праздника.

От парадной двери дома до ворот — более сотни футов. От ворот до ближайшего жилища (Сизло-драйв, 10070) — еще почти сто ярдов.

В доме 10070 по Сизло-драйв мистер Сеймур Котт с женой уже отправились спать, после того как бывшие у них за ужином гости распрощались и уехали около полуночи. Прошло лишь немного времени с отъезда гостей, когда миссис Котт услышала некие похожие на выстрелы хлопки — три или четыре, с небольшим промежутком. Казалось, звук идет от ворот дома 10050. Миссис Котт не заметила точного времени, но позднее предположила, что шум раздался где-то в промежутке между половиной первого и часом ночи. Ничего более не услышав, миссис Котт уснула.

Примерно в трети мили южнее Сизло-драйв, 10050 и ниже по склону, Тим Айрленд не ложился в ту ночь. Тим был одним из пяти воспитателей при палатках летнего лагеря Уэстлейкской школы для девочек, где тридцать пять детей ночевали на открытом воздухе. Остальные работники уже спали, но Тим вызвался нести дежурство

ночь напролет. И примерно в 00:40 услышал мужской голос, донесшийся с севера или северо-востока, вроде как издалека. Мужчина кричал: “О боже, нет, пожалуйста, не надо! О боже, нет, не надо, не надо, не надо...”

Так продолжалось секунд десять-пятнадцать, потом крик оборвался, и наступившая тишина показалась Тиму не менее зловещей, чем сами вопли. Айрленд быстро проверил, все ли в порядке в лагере, но дети уже спали. Тогда Тим разбудил своего непосредственного начальника — Рича Спаркса, заночевавшего в здании школы; рассказав об услышанном, Айрленд получил разрешение объехать квартал — посмотреть, не нуждается ли кто в помощи. Он описал широкий круг: начиная с Норт Фаринг-роуд, где находилась школа, на юг по Бенедикт Каньон-роуд до бульвара Сан-сет, на запад до Беверли Глен, — и вновь на север, к школе. Тим не заметил ничего странного, хотя собачий лай слышал то и дело.

До рассвета в ту субботу округу оглашали и другие звуки.

Эмметт Стил, дом 9951 по Беверли Гроув-драйв, был разбужен лаем обоих своих охотничьих псов. Как правило, собаки не обращали внимания на обычный уличный шум, но просто сходили с ума от выстрелов. Стил покинул дом, чтобы осмотреться, но, не найдя ничего из ряда вон выходящего, вернулся в постель. По его мнению, было между двумя и тремя часами утра.

Роберт Баллингтон, сотрудник “Патрульной службы Бель-Эйр, частной охранной фирмы, нанимаемой многими домовладельцами этого обширного района, сидел в машине, припаркованной у дома 2175 по Саммит Ридж-драйв. Стекло было опущено, и Роберт явственно расслышал нечто, похожее на три выстрела, с промежутком в несколько секунд между ними. Баллингтон позвонил в головной офис фирмы; звонок был зарегистрирован дежурившим там Эриком Карлсоном как поступивший в 4:11 утра. В свою очередь, Карлсон набрал номер Западного отделения, принадлежащего Департаменту полиции Лос-Анджелеса (ДПЛА), и передал рапорт дальше. Принявший звонок офицер заметил: “Надеюсь, это не убийство; нам только что звонили насчет женских криков в том же районе”.

Мальчик-почтальон Стив Шеннон, развозивший свежий номер “Лос-Анджелес тайме”, не слышал ничего странного, крутя педали по Сиэло-драйв между 4:30 и 4:45 утра. Но, сунув газету в почтовый ящик

дома 10050, он все же заметил нечто, похожее на кусок телефонного кабеля, повисшего над воротами. Сквозь ворота Стив видел также, что желтый фонарь на стене гаража вдалеке по-прежнему включен.

Сеймур Котт также заметил свет и упавший кабель, выйдя за своим экземпляром газеты примерно в 7:30 утра.

Около восьми часов Винифред Чепмен сошла с автобуса на углу Санта-Моника и Каньон-драйв. Светлокожая мулатка пятидесяти с небольшим лет, миссис Чепмен работала экономкой в доме 10050 по Сизло и нервничала, поскольку — из-за отвратительной работы городского автобусного парка — не успевала вовремя. Впрочем, ей, кажется, сопутствовала удача: Винифред уже собиралась искать такси, когда увидела мужчину, вместе с которым когда-то работала, — и тот подобрал ее почти до самых ворот.

Оборванный кабель миссис Чепмен заметила сразу, и это обеспокоило ее.

Перед воротами, слева, находился металлический столбик с механизмом, открывавшим ворота, — он не был спрятан, но и не торчал на виду. Стоило нажать кнопку, и ворота открывались. Сходное устройство было установлено и по ту сторону; оба столбика располагались так, чтобы водитель мог дотянуться до кнопки, не покидая автомобиля.

Из-за оборванного провода миссис Чепмен решила было, что электричество может и не сработать, но, когда она нажала кнопку, ворота открылись. Забрав номер “Таймс” из ящика, она поспешила к дому и на подъездной дорожке заметила незнакомый автомобиль — белый “рамблер”, припаркованный под странным углом. Но Винифред прошла мимо него и нескольких других автомобилей, стоящих ближе к гаражу, не особенно долго раздумывая. Оставшиеся на ночь гости не были чем-то исключительным. Кто-то оставил внешнее освещение на всю ночь, и миссис Чепмен погасила его, нажав выключатель на углу гаража.

В конце мощеной площадки для парковки начиналась выложенная плитами дорожка, плавно заворачивавшая к парадной двери главного здания. Тем не менее Винифред Чепмен, не доходя до дорожки, свернула направо, направляясь к крыльцу служебного хода по ту сторону здания усадьбы. Ключ лежал, как обычно, спрятанный от

чужих глаз на балке над входом. Достав его, Винифред отперла дверь и вошла, сразу пройдя на кухню, где подняла трубку параллельного телефона. Трубка хранила молчание.

Решив, что стоит предупредить кого-нибудь об обрыве линии, Винифред пересекла столовую. Тут, на пороге гостиной, она внезапно остановилась: путь ей преградили два толстых синих тубуса, которых здесь не было, когда она уходила домой вчера вечером, — и за ними открывалось ужасное зрелище.

На тубусах, на полу и на двух смятых и брошенных здесь же полотенцах алела кровь. Винифред не видела всей гостиной (длинный диван отсекал пространство перед камином), но повсюду, куда бы она ни смотрела, виднелись красные брызги. Парадная дверь распахнута настежь. Выглянув из нее, Винифред заметила несколько лужиц крови на плитах крыльца. И чуть подалее, на лужайке, — неподвижное тело.

Крича, Винифред повернулась и бегом пронеслась по дому, проделав прежний свой путь в обратном порядке, но, уже пробегая по подъездной дорожке, срезала дорогу к механизму с открывающей ворота кнопкой. Поэтому она миновала белый “рамблер” с другой стороны, впервые заметив, что и внутри машины также находилось чье-то тело.

Выбежав за ворота, миссис Чепмен метнулась вниз с холма, к первому же дому (10070), где принялась дергать кнопку звонка и молотить в дверь. Котты не открывали, и она с криком побежала дальше, к дому 10090, где снова заколотила по двери, выкрикивая: “Убийство, смерть, трупы, кровь!”

Пятнадцатилетний Джим Эйзин находился снаружи, прогревая принадлежащий семье автомобиль. Была суббота, и он, член 800-го отделения Группы содействия закону американских бойскаутов, поджидал отца, Рэя Эйзина, чтобы тот подбросил его к Западному отделению полиции Лос-Анджелеса, где в тот день

Джим должен был работать на приеме посетителей. К тому времени как он достиг крыльца дома, родители Джима уже отперли дверь. Пока они старались успокоить впавшую в истерику миссис Чепмен, Джим набрал номер полиции. Приученный в скаутском отряде к точности, Джим заметил время — 8:33.

Ожидая прибытия полицейских, отец с сыном дошли до ворот соседей. Белый “рамблер” стоял футах^[8] в тридцати от ворот — слишком далеко, чтобы можно было различить что-либо внутри, зато они заметили не один упавший телефонный кабель, а сразу несколько. Похоже было, что провода перерезаны.

Вернувшись домой, Джим снова позвонил в полицию и, несколько минут спустя, еще раз.

Не совсем ясно, что произошло с этими звонками. Официальный полицейский отчет гласит лишь: “Время 09:14: единицы 8L5 и 8L62 Западного отделения приняли радиовывоз — код 2, возможное убийство, 10050, Сизло-драйв”.

Упомянутыми “единицами” были патрульные автомобили с полицейским в каждом. Офицер Джерри Джо ДеРоса, управлявший “единицей 8L5”, прибыл первым, с включенными мигалкой и сиреной^[9]. Появившись на месте, ДеРоса начал опрашивать миссис Чепмен, но ему пришлось нелегко. Будучи в истерике, она была не в состоянии связно описать увиденное (“Кровь, повсюду трупы!”); получить ясное представление о действующих лицах и связях между ними оказалось непросто. Полански. Альтобелли. Фрайковски.

Тут вызвался помочь Рэй Эйзин, знавший жильцов дома 10050 по Сизло-драйв. Дом принадлежит Руди Альтобелли. Он живет сейчас в Европе, но нанял сторожа-смотрителя, чтобы тот — молодой человек по имени Уильям Гарретсон — приглядывал за усадьбой. Гарретсон проживает в гостевом домике ближе к дальнему концу участка. Альтобелли сдал основной дом усадьбы кинорежиссеру Роману Полански и его жене. В марте чета Полански, впрочем, тоже отправилась в Европу, и на время их отсутствия в дом въехали друзья — Абилай Фольгер и Войтек Фрайковски. И месяца не прошло, как миссис Полански вернулась; Фрайковски и Фольгер остались с ней, пока не вернется ее муж. Миссис Полански — киноактриса. Ее зовут Шарон Тейт.

Отвечая на вопрос, заданный ДеРосой, миссис Чепмен не смогла сказать, кому из названных лиц (или же никому) принадлежат виденные ею два тела. К уже прозвучавшим именам она, впрочем, добавила еще одно: Джей Себринг, известный стилист мужских причесок и старинный друг миссис Полански. Это имя она упомянула потому, что

заметила среди припаркованных у гаража автомобилей черный “порше” Себринга.

Достав винтовку из патрульной машины, ДеРоса попросил миссис Чепмен показать ему, как открываются ворота. Осторожно пройдя по подъездной дорожке к рамблеру, полицейский заглянул внутрь через опущенное стекло. Там действительно *было* тело, сидящее на месте водителя, но склонившееся к пассажирскому сиденью. Мужчина, белый, рыжеватые волосы, рубашка в клетку, синие брюки грубой хлопковой ткани; и рубашка, и брюки пропитаны кровью. Мертвец на вид был молод; вероятно, юноша-подросток.

Примерно в этот момент за воротами остановилась патрульная “единица 8L62”, управляемая офицером Уильямом Т. Вайзен-хантом. ДеРоса вернулся за ним, прибавив: здесь, вероятно, произошло убийство. ДеРоса также продемонстрировал Вайзенхан-ту, как открываются ворота, и оба офицера вновь шагнули на подъездную дорожку. ДеРоса по-прежнему держал в руках винтовку, Вайзенхант — пистолет. Проходя мимо “рамблера”, Вайзенхант также заглянул туда, отметив опущенное стекло с водительской стороны и тот факт, что фары и зажигание не были включены. Затем полицейские осмотрели остальные автомобили и, обнаружив их пустыми, обыскали гараж и помещение над ним. Все еще никого.

Здесь обоих догнал третий офицер, Роберт Барбридж. Когда все трое дошли до конца парковки, их взгляду предстали не одна, а сразу две неподвижные фигуры на лужайке перед домом. Издалека они походили на заляпанные чем-то красным манекены, случайно брошенные на газон, да так и оставшиеся там лежать.

Они казались особенно чудовищными по контрасту с ухоженной лужайкой с окаймлявшими ее тщательно подобранными кустами, цветами и деревьями. Справа — само здание, длинное, изогнутое, на вид скорее удобное, чем шикарное; крыльцо ярко освещено фонарем. Дальше, за южным концом дома, офицеры видели плавательный бассейн: зелено-голубая поверхность воды в утреннем свете. Слева протянулся перевитый елочной гирляндой речный заборчик; огоньки все еще горели. А за заборчиком разворачивалась широкая панорама, охватывавшая и центральный район Лос-Анджелеса, и океанский пляж. Там, внизу, жизнь кипела по-прежнему. Здесь же она замерла.

Первое тело находилось в восемнадцати-двадцати футах от парадной двери здания. Чем ближе подходили офицеры, тем ужаснее оно выглядело. Мужчина, белый, лет тридцати с чем-то, около пяти футов десяти дюймов^[10], полуботинки, разноцветные расклешенные брюки, фиолетовая рубашка, жилет. Он лежал на боку, голова покоилась на правой руке; вытянутая левая сжимала пучок травы. Голову и лицо покрывали следы ударов, кровоподтеки; на торсе и конечностях зияли буквально десятки ран. Казалось невозможным, чтобы столько жестокости могло быть излито на одного человека.

Второе тело — примерно в двадцати пяти футах от первого, еще дальше от крыльца. Женщина, белая, длинные темные волосы, на вид 26–29 лет. Она лежала навзничь, раскидав руки; босая, одетая в длинную ночную рубашку, которая прежде, еще до нанесения жертве множества колотых ран, была, вероятно, белой.

Царившее вокруг абсолютное спокойствие заставило офицеров занервничать. Все здесь было тихо, слишком уж тихо. Сама безмятежность начала казаться зловещей. Эти окна вдоль передней части дома... за любым мог ожидать, наблюдая, убийца.

Оставив ДеРосу на газоне, Вайзенхант и Барбридж двинулись назад, к северному концу дома, надеясь отыскать другой способ войти. Полицейские превратились бы в четкие мишени, попытайся они приблизиться к парадной двери. Офицеры заметили, что с одного из окон передней части дома снят ставень, прислоненный теперь к стене. Вайзенханту также бросилась в глаза горизонтальная прореха в нижней части ставня, у самого края. Предположив, что именно здесь в дом залез убийца (или убийцы), Вайзенхант и Барбридж продолжали искать другие способы проникновения внутрь и вскоре наткнулись на распахнутое окно в торце здания. Заглянув туда, они увидели свежеекрашенную комнату, без какой бы то ни было мебели. И влезли в дом через это окно.

ДеРоса ждал, пока не увидел коллег уже внутри; только тогда он приблизился к парадной двери. На дорожке между кустами живой изгороди алело пятно крови; еще несколько пятен — в правом углу крыльца; другие — у самой двери, слева от нее и на дверной ручке. ДеРоса не видел — или не вспомнил позднее — никаких следов, хотя их там было немало. Открывавшаяся наружу дверь была распахнута, и

ДеРоса оказался на крыльце прежде, чем заметил надпись, тянувшуюся по нижней ее части.

Чем-то, похожим на кровь, там были выведены три буквы: “PIG”^[11].

Вайзенхант и Барбридж уже закончили проверку кухни и столовой, когда ДеРоса ступил в холл. Повернувшись влево, в сторону гостиной, он обнаружил, что его путь частично перекрыт двумя синими посылками-тубусами. Казалось, прежде они стояли вертикально, но затем были сбиты: одна из труб, упав, прислонилась ко второй. Кроме того, на полу рядом с тубусами ДеРоса увидел очки в роговой оправе. Барбридж, последовавший за ним в комнату, заметил еще кое-что: на ковре, слева от входа, лежали два небольших кусочка дерева. Они напоминали фрагменты расколовшейся рукояти пистолета.

Полицейские входили в усадьбу, ожидая увидеть два тела, но обнаружили уже три. Теперь они искали не новых смертей, но хоть какое-то объяснение случившемуся. Подозреваемого. Улики.

Комната была просторна и светла. Стол, кресло, пианино. Затем нечто странное. В центре гостиной стоял развернутый к камину длинный диван. На его спинку был наброшен огромных размеров американский флаг.

И лишь дойдя почти до самого дивана, офицеры смогли увидеть тела, лежащие по ту сторону.

Женщина была молода, светловолоса и явно беременна. Лежала на левом боку, прямо перед диваном, с подобранными к животу ногами — в позе зародыша. На ней был яркий пляжный комплект: бикини — бюстгальтер и трусики; цветочный мотив на ткани практически неразличим из-за крови, покрывшей, казалось, все тело. Вокруг шеи лежащей дважды обернута белая нейлоновая веревка: один конец тянется вверх, к потолочной балке, второй — в сторону, к еще одному, на сей раз мужскому, телу футах в четырех.

И вновь веревка дважды обматывала шею мужчины; свободный конец уходил под тело и обрывался в нескольких футах с другой стороны. Окровавленное полотенце, наброшенное на лицо, скрывало черты. Он был невысок, около пяти футов шести дюймов, и лежал на правом боку, с поднесенными к голове руками, словно бы все еще защищаясь от ударов. Его одежда — синяя рубашка, белые брюки в

черную продольную полосу, широкий стильный ремень, черные ботинки — насквозь пропитана кровью.

Никому из офицеров и в голову не пришло проверить пульс у кого-либо из лежащих. Как и в случае с телами в автомобиле и на лужайке перед домом, бесполезность этого была совершенно ясна.

Хотя ДеРоса, Вайзенхант и Барбридж были патрульными, а не следователями по делам об убийствах, все трое и ранее сталкивались на службе со смертями. Но прежде им не приходилось видеть ничего подобного. Дом 10050 по Сизло-драйв был настоящей бойней.

Потрясенные офицеры разделились, чтобы обыскать остальные помещения. Над гостиной были устроены вместительные антресоли. ДеРоса взобрался по деревянной лестнице и нервно оглядел их, но никого не увидел. С южным концом дома гостиную соединял холл. В двух местах в нем обнаружилась кровь. Слева, сразу за одним из пятен, размещалась спальня, дверь которой была приоткрыта. Простыни и подушки смяты, покрывало сдернуто, будто кто-то — возможно, женщина в ночной рубашке, оказавшаяся на лужайке, — уже успел раздеться и улечься в постель, когда в дом заявились убийцы. На доске у изголовья кровати сидит игрушечный кролик с опущенными вниз лапами и настороженными ушами, словно бы насмешливо взирая на вошедших. Крови нет, как нет и каких-либо признаков борьбы.

Через холл, как раз напротив, — хозяйская спальня. Дверь также открыта, как и двери в дальнем конце комнаты: сквозь опущенные жалюзи виднеется бассейн.

Эта кровать шире и аккуратнее; откинутое белое покрывало открывает верхнюю простыню веселой цветочной расцветки и белую с золотым геометрическим узором нижнюю. Две подушки лежат скорее в центре кровати, чем у изголовья, — они словно отделяют сторону, на которой спали, от неиспользуемой. У стены напротив, экраном к кровати, стоит телевизор с двумя изящными шкафчиками по бокам. На верху одного из них виднеется белая плетеная колыбель.

Полицейские осторожно открыли примыкавшие двери: гардеробная, встроенный шкаф, ванная, еще один шкаф. И вновь никаких следов борьбы. Телефонная трубка мирно лежит на аппарате, на ночном столике у кровати. Ничего опрокинутого или небрежно брошенного.

Впрочем, на внутренней стороне левой створки раздвижных дверей обнаружили следы крови: предположительно, кто-то (возможно, опять же женщина на лужайке) бежал сюда, пытаясь спастись.

Выйдя наружу, офицеры были на мгновение ослеплены ярким бликом на поверхности бассейна. Эйзин упоминал гостевой домик за основным зданием. Теперь полицейские заметили это строение — или, скорее, его угол — где-то в шестидесяти футах на юго-восток, за кустами.

Тихо приблизившись к нему, они услышали первые звуки с момента своего появления на территории усадьбы: собачий лай и мужской голос, произнесший: “Тс-с, тихо ты”.

Вайзенхант двинулся направо, в обход здания. ДеРоса повернул налево, чтобы пройти мимо передней его части, Барбридж прикрывал его сзади. Оказавшись на крыльце со стеклянной дверью, закрытой изнутри противомоскитным экраном, ДеРоса сумел разглядеть в жилой комнате сидящего на диване лицом к двери юношу лет восемнадцати. На нем были брюки, но никакой рубашки, — и хотя молодой человек вроде не был вооружен, объяснит позднее ДеРоса, это не означало, что оружие не лежит у него под рукой.

С криком “Ни с места!” ДеРоса пнул входную дверь.

Опешив, юноша поднял взгляд и уперся глазами в наставленное прямо на него оружие: сначала один ствол, а мигом позднее — и все три. Кристофер, принадлежащий Альтобелли большой пес веймарской породы, бросился к Вайзенханту и вцепился зубами в ствол его пистолета. Вайзенхант ударил собаку дверью и держал зажатой между дверью и косяком, пока юноша не отозвал ее, успокоив.

Существуют две противоречащие друг другу версии того, что произошло затем.

Юноша, назвавшийся Уильямом Гарретсоном, сторожем, позднее покажет, что офицеры сбили его с ног, заковали в наручники, рывком поставили на ноги и вытащили на газон, где вновь повалили наземь.

Потом ДеРосе придется давать показания об аресте Гарретсона:

В.: “Не падал ли он, не оказывался ли на полу, споткнувшись?”

О.: “Может, и падал; не помню, спотыкался он или нет”.

В.: “Вы приказали ему лечь на землю снаружи?”

О.: “Приказал, да, то есть лечь на землю, да”.

В.: “Помогли ли вы ему опуститься на землю?”

О.: “Нет, он сам упал”.

Гарретсон все спрашивал: “А в чем дело-то? В чем дело?” Один из офицеров ответил: “Сейчас покажем!” Подняв юношу на ноги, ДеРоса и Барбридж провели его назад по дорожке к основному зданию.

Вайзенхант остался в гостевом домике — искать оружие и забрызганную кровью одежду. Хотя ничего и не обнаружив, он все же заметил множество маленьких деталей. Одна из них в то время показалась столь несущественной, что он позабыл о ней, пока позднее расспросы не заставили ее всплыть в памяти. Рядом с диваном стояла стереосистема. Когда полицейские вошли в комнату, она была выключена. Поглядев на панель управления, Вайзенхант отметил, что ручка громкости установлена между отметками "4" и "5".

В это самое время Гарретсона провели мимо двух неподвижных тел на газоне. О состоянии тела молодой женщины говорит хотя бы то, что Гарретсон принял лежащую за миссис Чепмен, экономку-негрятню. Мужчину он назвал “молодым Полански”. Если, по утверждению Чепмен и Эйзина, Полански находился сейчас в Европе, это опознание казалось бессмыслицей. Чего офицеры не знали, так это того, что Гарретсон считал Войтека Фрайковски младшим братом Романа Полански. И Гарретсон совсем стушевался, когда ему предложили опознать молодого человека в “рамблере”^[12].

В определенный момент, никто точно не помнит, когда именно, Гарретсону разъяснили его права и объявили, что он арестован за убийство. На вопрос о своих действиях прошлой ночью он отвечал, что не сомкнул глаз всю ночь, писал письма и слушал пластинки, ничего странного не видел и не слышал. Его более чем сомнительное алиби, “вялые, неправдоподобные” ответы и неудачное опознание виденных тел привели арестовывавших Гарретсона офицеров к выводу, что подозреваемый лжет.

Пять убийств — и четыре из них, кажется, менее чем в сотне футов, — и он ничего не слышал?

Сопровождая Гарретсона по подъездной дорожке, ДеРоса заметил контролирующий ворота механизм — на столбике, не доходя до ворот. А также кровавое пятно на кнопке.

Вполне логично было бы предположить, что кто-то (возможно, убийца) нажал кнопку, чтобы выйти через ворота, и при этом, возможно, оставил на ней отпечаток своего пальца.

Офицер ДеРоса, в обязанности которому вменялось охранять место преступления до прибытия следственной группы, теперь нажал эту кнопку сам, успешно открыв ворота и, в то же время, уничтожив любые отпечатки, которые могли там оставаться.

Позднее он даст показания и на этот счет:

В.: “Имелась ли какая-либо причина, вынудившая вас дотронуться пальцем до окровавленной кнопки, управлявшей воротами?”

О.: “Я должен был пройти через ворота”.

В.: “Иными словами, это сделано преднамеренно?”

О.: “Мне нужно было убраться оттуда”.

Было 9:40 утра. ДеРоса позвонил в отделение, доложив о пяти смертях и об аресте подозреваемого. Пока Барбридж оставался на территории усадьбы, ожидая появления следственной группы, ДеРоса и Вайзенхант отвезли Гарретсона в участковое отделение Западного Лос-Анджелеса для допроса. Еще один офицер доставил туда же миссис Чепмен, но состояние экономки было настолько истерическим, что ее пришлось отвезти в медицинский центр Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, где она приняла успокоительное.

После доклада ДеРосы четверо следователей отделения полиции Западного Лос-Анджелеса были командированы на место преступления. Лейтенант Р. К. Мэдлок, лейтенант Дж. Дж. Грегора, сержант Ф. Граванте и сержант Т. Л. Роджерс прибыли менее чем через час. К моменту появления последнего из них у ворот усадьбы уже стояли первые репортеры.

Прослушивая полицейские радиочастоты, они перехватили сообщение о пятерых погибших. В Лос-Анджелесе стояла сухая, жаркая погода, и возможность возгорания была постоянной заботой — особенно на холмах, где всего за несколько минут и человеческие жизни, и имущество могли исчезнуть в огненном аду. Очевидно, кто-то предположил, что пятеро человек погибли при пожаре. Должно быть, в одном из полицейских рапортов упоминалось имя Джея Себринга, поскольку один из репортеров набрал номер его дома и осведомился у дворецкого, Амоса Расселла, не известно ли тому что-нибудь о

“погибших в огне”. Расселл позвонил Джону Маддену, президенту “Себринг интернэшнл”, и рассказал ему о звонке. Мадден был обеспокоен: ни он сам, ни секретарь Себринга не говорили с Джем со вчерашнего вечера. Мадден связался с матерью Шарон Тейт, находившейся в Сан-Франциско. Отец Шарон, полковник армейской разведки, служил неподалеку, на базе Форт-Бейкер, и миссис Тейт навещала его там. Нет, она не говорила с Шарон. Или с Джем, который и сам должен был подъехать в Сан-Франциско в тот же день.

До своего брака с Романом Полански Шарон Тейт жила с Джем Себрингом. Хотя и покинутый ради польского кинорежиссера, Себринг поддерживал дружеские отношения с родителями Шарон — так же как с самой Шарон и ее мужем — и, появляясь в Сан-Франциско, обычно созванивался с полковником Тейтом.

Когда Мадден повесил трубку, миссис Тейт набрала номер Шарон. Телефон все звонил и звонил, но никто так и не подошел.

В доме было тихо. Все звонившие слышали гудки, но линия еще не была восстановлена. Офицер Джо Гранадо, химик-эксперт, работавший в ОНЭ, отделе научной экспертизы ДПЛА, уже приступил к делу, прибыв на место около десяти. В обязанности Гранадо входило взятие проб во всех местах, где, по-видимому, оставалась кровь. Обычно в деле об убийстве Гранадо заканчивал работу за час-другой. Но не в этот день. Не в доме 10050 по Сизло-драйв.

Миссис Тейт дозвонилась до Сэнди Теннант, близкой подруги Шарон и жены Уильяма Теннанта — делового менеджера Романа Полански. Нет, они с Биллом не говорили с Шарон с позднего вечера накануне. Шарон сказала тогда, что они с Гибби (Абигайль Фольгер) и Войтеком (Фрайковски) проведут ночь дома. Джей говорил, что заглянет попозже, и Шарон приглашала Сэнди присоединиться. Вроде никакой вечеринки не намечалось, просто тихий вечер дома. Сэнди отказалась от приглашения, страдая от сыпи. Как и миссис Тейт, она уже пыталась дозвониться до Шарон этим утром, но безуспешно. Никто не подходил.

Сэнди уверила миссис Тейт, что никакой связи между сообщением о пожаре и домом 10050 по Сизло-драйв, скорее всего, нет. Впрочем, едва миссис Тейт положила трубку, Сэнди позвонила в теннисный клуб мужа и попросила вызвать его к телефону. Это важно, сказала она.

Где-то между 10 и 11 часами утра Реймонд Килгроу, представитель телефонной компании, вскарабкался на столб за воротами усадьбы 10050 по Сизло-драйв и обнаружил, что телефонные провода кем-то перерезаны. Разрез прошел поблизости от крепления кабелей к столбу, что указывало: кто бы ни перерезал линии, этому человеку, вероятно, также пришлось взбираться на столб. Килгроу восстановил два кабеля, оставив остальные для изучения следователями.

Полицейские машины подъезжали к воротам через каждые несколько минут. И в то время как на месте преступления появлялись все новые и новые офицеры, само это место понемногу менялось.

Очки в роговой оправе, впервые замеченные ДеРосой, Вайзенхантом и Барбриджем у двух трубок-тубусов, как-то переместились на шесть футов в сторону, на крышку стола.

Два кусочка рукояти пистолета, ранее замеченные на пороге, оказались уже под креслом в гостиной. Как говорилось в официальном отчете ДПЛА, “очевидно, они оказались под креслом после толчка ноги одного из первых появившихся на месте офицеров; впрочем, выяснить, кто именно это был, не удалось”^[13].

Третий кусочек той же рукояти, поменьше двух остальных, был позднее обнаружен на крыльце парадного входа.

Кроме того, один или же несколько офицеров разнесли кровавые следы из дома на крыльцо и дорожку, добавив к уже имевшимся там отпечаткам новые. Чтобы определить и исключить позднейшие добавления, потребовалось бы опросить весь посетивший место преступления персонал, уточнив, кто из них носил в то утро ботинки или полуботинки, с гладкими или рифлеными подошвами, — и так далее.

Гранадо все еще собирал образцы крови. Позже, в стенах полицейской лаборатории, он проведет с ними пробу Октерлони, позволяющую определить, принадлежала ли кровь человеку или животному. Если кровь оказывается человеческой, эксперт определит ее группу (О, А, В или АВ ^[14]) и подгруппу, проведя еще ряд дополнительных тестов. Существует около тридцати подгрупп крови; однако, если на момент взятия пробы кровь успела высохнуть, можно точно определить лишь три из них — М, N и MN^[15]. Ночь была теплой,

и уже начинался не менее жаркий день. Когда Гранадо приступил к работе, большая часть крови, не считая лужиц возле лежащих в доме тел, уже успела высохнуть.

В течение нескольких дней Гранадо получит из офиса коронера пробы крови каждой из жертв и постарается сопоставить эти пробы с уже полученными. В обыкновенном деле об убийстве присутствие на месте преступления следов крови нескольких групп подскажет, что убийца, как и сама жертва, также был ранен, — и эта информация способна затем стать важной уликой в определении личности преступника.

Но данный случай не был рядовым убийством. Вместо одного тела следователи столкнулись с пятью.

Повсюду было столько крови, что Гранадо фактически выпустил из виду несколько пятен. Справа от крыльца, при приближении к нему по дорожке, находились несколько больших лужиц крови. Гранадо взял пробу только одной из них, предположив, как он заявит позднее, что вся эта кровь имела один источник. Как раз справа от крыльца кустарник выглядел поломанным, измятым, будто кто-то упал в него. Оставшиеся там кровавые брызги, казалось, подтверждают такое предположение. Их эксперт не заметил. Как не взял и проб из лужиц крови в непосредственной близости от двух тел в гостиной (так же как и пятен, расположенных рядом с двумя телами на лужайке), предположив, что во всех этих случаях кровь принадлежит ближайшей жертве — а эти пробы он в любом случае получит от коронера. Это следует из позднейших показаний Гранадо.

Всего Гранадо взял сорок пять проб крови. Тем не менее по некоей так и не проясненной причине он не стал пытаться выявить подтип двадцати одной из них. Если это не делается в течение недели-двух после взятия пробы, в дальнейшем подобные действия бесполезны: компоненты крови разрушаются.

Позже, при попытке воссоздать ход событий во время убийств, эти оплошности вызовут немало проблем.

Незадолго до полудня приехал все еще одетый в теннисный костюм Уильям Теннант, и полицейские провели его через ворота. Эта прогулка стала кошмаром наяву, когда Уильяма подвели сперва к одному телу, затем ко второму. Теннант не узнал юношу в автомобиле.

Но он опознал в лежащем на газоне мужчине Войтека Фрайковски, а в женщине — Абигайль Фольгер; тела в гостиной были опознаны им как Шарон Тейт-Полански и, вероятно, Джей Себринг. Когда полицейские приподняли окровавленное полотенце, лицо жертвы оказалось настолько обезображено ушибами, что Теннант не смог определить точно, Джей ли это. Затем он вышел наружу, и ему сделалось дурно.

Когда полицейский фотограф завершил работу, другой офицер вынул простыни из бельевого шкафа и накрыл ими тела.

За воротами ожидавшие развития событий репортеры и фотокорреспонденты собрались уже десятками, непрерывно подъезжали все новые и новые. Машины полиции и прессы настолько загрохотали, что нескольким офицерам было приказано попробовать устранить создавшийся затор. Когда, всхлипывая и держась за живот, Теннант пробивался сквозь толпу, репортеры обрушили на него шквал вопросов: “Погибла ли Шарон?”, “Они были убиты?”, “Сообщил ли кто-нибудь Роману Полански?” Тот молчал, но ответы ясно читались на лице.

Далеко не каждый из побывавших на месте преступления проявил такое же нежелание говорить. “Это похоже на поле битвы”, — заявил репортерам сержант полиции Стэнли Клорман, чьи черты были искажены испытанным от увиденного шоком. Еще один офицер, имя которого осталось неизвестным, обронил: “Словно какой-то ритуал”, — и эта единственная ремарка легла затем в основу невероятного количества самых отвратительных спекуляций.

Новость об убийстве распространялась подобно волнам, расходящимся от эпицентра землетрясения.

“ПЯТЕРО ЗАРЕЗАНЫ В БЕЛЬ-ЭЙР”, — гласил заголовок первой заметки, переданной по телеграфу агентством Ассошиэйтед Пресс. Распространенная прежде, чем стали известны имена погибших, она тем не менее верно описала расположение тел; отметила перерезанные телефонные линии; объявила об аресте неназванного подозреваемого. Были и ошибки; одна фраза, часто повторявшаяся впоследствии, гласила: “На голову жертвы наброшен колпак-капюшон...”

ДПАА уведомил Тейтов, Джона Маддена (который, в свою очередь, известил родителей Себринга) и Питера Фольгера, отца Абигайль. Довольно преуспевающие в социальном смысле родители

Абигайль Фольгер были разведены. Ее отец, председатель совета директоров “Эй-Джей Фольгер коффи компани”, жил в Вудсайде, а ее мать, Инесс Миджиа Фольгер, — в Сан-Франциско. Впрочем, миссис Фольгер сейчас находилась не дома, а в Коннектикуте, навещая друзей после средиземноморского круиза, — и мистер Фольгер нашел ее там. Она не могла поверить в услышанное: ведь они с Абигайль говорили лишь вчера, около десяти вечера. Мать с дочерью собирались лететь сегодня в Сан-Франциско, чтобы встретиться там. Абигайль забронировала билет на десятичасовой утренний рейс “Юнайтед эйрлайнз”.

Вернувшись домой, Уильям Теннант совершил самый сложный звонок. Он был не только деловым менеджером Романа Полански, но и его близким другом. Теннант сверился с часами, привычно приплюсовав девять часовых поясов, чтобы узнать, сколько сейчас в Лондоне. Хотя там уже стоял поздний вечер, Теннант подумал, что Полански мог задержаться за работой, увязывая свои разрозненные кинопроекты перед тем, как вернуться домой в будущий вторник, — и попробовал набрать номер его городского дома. Предположение оказалось верным. Полански обсуждал с несколькими сотрудниками один из эпизодов сценария “Дня дельфина”^[16], когда зазвонил телефон.

Полански позднее так опишет состоявшийся разговор:

“Роман, в доме несчастье”. — “В каком доме?” — “В твоём, — и затем, скороговоркой: — Шарон погибла, и Войтек, и Гибби, и Джей”.

“Нет, нет, нет, нет!” — Конечно, это какая-то ошибка. Оба мужчины уже плакали, Теннант снова и снова повторял, что это правда; он сам был в доме.

“Как это случилось?” — спросил Полански. Позднее он объяснит, что подумал тогда не о пожаре, но об оползне, которые случались в холмах Лос-Анджелеса, особенно после затяжных дождей; иногда под лавиной земли оказывались целые дома, и в этом случае люди еще могли оказаться живы. Лишь тогда Теннант сказал Роману, что все они убиты.

У Войтека Фрайковски, как выяснили в ДПЛА, в Польше имелся сын, но никаких родственников в Соединенных Штатах не было. Юноша в “рамблере” оставался не опознан, но ему уже присвоили кодовое имя Джон Доу 85^[17].

Новости быстро расползлись — и слухи вместе с ними. Руди Альтобелли, владелец дома на Сизло-драйв и менеджер немалого количества знаменитостей шоу-бизнеса, находился в Риме. Одна из клиенток Руди, молодая актриса, позвонила и рассказала ему, что Шарон и еще четверо убиты в доме, а нанятый им самим сторож Гарретсон во всем сознался.

Ничего подобного Гарретсон не делал, но Альтобелли узнает об этом лишь по возвращении в Соединенные Штаты.

Специалисты начали прибывать около полудня.

Офицеры Джерром А. Боем и Д. Л. Герт из отделения дактилоскопии научно-следственного подразделения ДПЛА прошли по главному зданию и гостевому домику усадьбы в поисках отпечатков пальцев.

Нанеся на отпечаток особый порошок (“проявив”, иными словами), его покрывают прозрачной клейкой пленкой; затем эту пленку с оставшимся на ней отпечатком снимают и размещают на картонке контрастного цвета. На обороте указываются место нахождения отпечатка, дата, точное время и инициалы офицера, снявшего отпечаток.

На одной из таких карточек, приготовленных Боеном, читаем: “09.08.69 / 1005 °Сизло / 1400 / Дж. А. Б. / внутренняя сторона дверного косяка левой створки раздвижной двери / из хозяйской спальни в направлении бассейна / ближе к дверной ручке”.

Расположение еще одного отпечатка, снятого примерно тогда же, значилось как “внешняя сторона парадной двери / створка с дверной ручкой / непосредственно над ручкой.

Работа с отпечатками в обоих зданиях заняла шесть часов. Позднее к двум первым специалистам присоединились офицер Д. Э. Дорман и Вендел\ Клементс; последний был гражданским экспертом дактилоскопии и сосредоточился на четырех автомобилях.

Вопреки распространенному мнению, отпечатки, пригодные к распознаванию, встречаются скорее реже, нежели чаще. Многие поверхности — например, ткани, одежда — ведут себя по отношению к ним не слишком доброжелательно. Даже если поверхность в принципе подходит для того, чтобы на ней остался отпечаток, человек обычно касается ее лишь краешком пальца, оставляя оттиск фрагмента его

кромки, бесполезный для идентификации. Если палец при этом двигается, криминалист получает лишь нечитаемый мазок. Кроме того — и офицер ДеРоса продемонстрировал это с кнопкой, управляющей воротами, — отпечаток, наложившийся сверху на другой отпечаток, создает путаницу, также непригодную для распознавания. Таким образом, на любом месте преступления количество отчетливых, читаемых отпечатков, имеющих достаточно точек сравнения, обычно оказывается на удивление скудным.

Не считая тех отпечатков, что позднее были исключены как принадлежащие работавшему на месте персоналу ДПЛА, всего пятьдесят оттисков были получены по адресу: Сизло-драйв, 10050, после изучения основного здания, гостевого домика и автомобилей. Из них семь оказались отброшены как принадлежащие Уильяму Гарретсону (все они — из гостевого домика; в основном здании и на автомобилях отпечатков Гарретсона обнаружено не было); еще пятнадцать принадлежали жертвам и поэтому также были исключены; три оказались недостаточно четкими для сравнения. После чего в распоряжении следствия оказалось двадцать пять относительно четких отпечатков, любой из которых мог принадлежать (или же нет) убийце или убийцам.

Первые следователи отдела убийств появились в доме не ранее 13:30. Установив, что причиной смертей не были действия самих жертв или случай, лейтенант Мэдлок сделал запрос о препоручении расследования отделу грабежа и убийств. Дело было передано под ответственность лейтенанту Роберту Дж. Хелдеру, контролирующему следствия данного направления. В свою очередь, он поручил дело сержантам Майклу Дж. Макганну и Джессу Баклзу (обычный партнер Макганна, сержант Роберт Калкинс, находился в отпуске и заменит Баклза по возвращении из него). Еще трое офицеров — сержанты Э. Хендерсон, Дадли Варни и Дэнни Галиндо — были назначены им в ассистенты.

Узнав об убийствах, коронер округа Лос-Анджелес Томас Ногучи попросил полицейских не прикасаться к телам, пока их не осмотрит представитель его ведомства. Заместитель coronera Джон Финкен прибыл на место около 13:45, сам же Ногучи обещал приехать позже. Финкен официально подтвердил наступление смерти; измерил

температуру тел и воздуха (к 14 часам на лужайке было 94 градуса по Фаренгейту, в доме — 83 градуса) и разрезал веревку, соединявшую тела Тейт и Себринга; куски веревки получили следователи, чтобы попытаться установить, где она была сделана и продана. Это был белый трехжильный нейлон; общая длина веревки составила 43 фута 8 дюймов. Гранадо взял пробы крови, но не выявлял подгрупп, вновь предположив очевидное. Финкен также снял с тел жертв личные вещи. Шарон Тейт-Полански: обручальное кольцо желтого металла, серьги. Джей Себринг: наручные часы Картье”, позже оцененные в полторы тысячи долларов. Джон Доу 85: наручные часы “Люцерн”, бумажник с различными бумагами, но никакого удостоверения личности. Абигайль Фольгер и Войтек Фрайковски: личные вещи отсутствуют. После того как на кисти жертв были надеты пластиковые мешки (для предохранения от утраты волосков или частиц кожи, которые могли остаться под ногтями жертв во время борьбы с убийцами), Финкен помог накрыть тела и укрепить их на тележках-носилках для размещения в машинах “скорой помощи”, которые доставят их в морг при Дворце юстиции, в центре Лос-Анджелеса.

Атакованный у ворот репортерами, доктор Ногучи объявил, что не станет комментировать произошедшее, пока не представит общественности результаты вскрытия тел в полдень на следующий день.

И Ногучи, и Финкен, впрочем, уже успели поделиться со следователями первыми выводами.

Следов сексуального насилия или нанесения жертвам увечий нет.

Три жертвы — Джон Доу, Себринг и Фрайковски — застрелены. Не считая легкой рубленой раны на запястье левой руки, полученной в попытке самозащиты (удар, рассекший также и ремешок часов), Джон Доу не имел ножевых ран. Но остальные четверо имели — и более чем достаточно. В придачу, Себринг получил по меньшей мере один удар в лицо, а Фрайковски — множественные удары неким тупым предметом по голове.

Хотя окончательные выводы будут сделаны лишь после вскрытия, по входным отверстиям от пуль коронеры заключили, что убийца, вероятно, использовал оружие 22-го калибра. Полицейские успели прийти к тому же выводу. Осматривая “рамблер”, сержант Варни обнаружил четыре фрагмента пули между обивкой и внешним

металлом пассажирской дверцы. Найден был и еще один кусочек металла неправильной формы — на подушке заднего сиденья. Хотя все они были слишком малы для использования в целях идентификации оружия, “на глазок” их калибр также был определен как 22-й.

По поводу характера колотых ран кто-то заметил, что все они могли быть нанесены штыком. В своем официальном докладе следователи шагнули чуть дальше, определив: “нож, использованный для нанесения ранений, возможно, представлял собою штык”. Это не только отмело в сторону ряд прочих “возможностей”, но и фактически объявляло: убийца (или убийцы) воспользовались одним-единственным ножевым орудием.

Глубина ран (многие достигали 5 дюймов), их ширина (между дюймом и полутора) и толщина (от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ дюйма) заставляли подумать о кухонном или обычном карманном ноже.

По совпадению, оба обнаруженных в доме ножа как раз и *были* кухонным и карманным.

Разделочный нож был найден в кухонной раковине. Гранато обнаружил положительную реакцию на бензидин, что предполагало кровь, — но отрицательную Октерлони, что подразумевало кровь животного, а не человеческую. Боен попробовал снять отпечатки пальцев с рукояти, но получил лишь нечитаемые фрагменты. Позже миссис Чепмен узнала в ноже один из кухонного набора, принадлежавшего чете Полански, и показала остальные, хранимые в шкафу. Но еще до этого полицейские исключили этот нож из-за его размеров — в особенности из-за небольшой толщины. Нанесенные жертвам удары были настолько яростными, что подобное лезвие попросту сломалось бы.

Гранато нашел второй нож в гостиной, менее чем в трех футах от тела Шарон Тейт. Он завалился за подушку одного из кресел и торчал там лезвием вверх. Складной карманный нож с диаметром лезвия $\frac{3}{4}$ дюйма, длиной 3 и $\frac{13}{16}$ дюйма, — слишком мало, чтобы нанести большинство ран. Заметив пятнышко на лезвии, Гранато протестировал его на кровь — реакция отрицательная. Гёрт поискал отпечатки — нечитабельный хаос.

Миссис Чепмен не смогла вспомнить, чтобы видела именно такой нож когда-либо прежде. Это, да еще необычное место, в котором он был найден, указывало, что нож мог оставить в доме убийца(цы).

В беллетристике сцену преступления обычно уподобляют картинке-головоломке. Если набраться терпения и не опускать руки, все разрозненные фрагменты рано или поздно станут на свои места.

Людам, прослужившим в полиции достаточно долго, известно: все это неправда. Гораздо лучшей аналогией были бы две-три, а то и больше головоломок, ни одна из которых не является законченной сама по себе. Даже после нахождения решения (если это удастся) непременно остаются лишние фрагменты — улики, которые просто не вписываются в общую схему. А некоторых кусочков так и не удастся отыскать.

На диване растянут американский флаг, и его присутствие добавляет еще один жутковатый мазок к и без того кошмарной картине. Возможности, которые оно предполагало, ранжировались от одного конца политического спектра до другого, — пока Винифред Чепмен не сказала полицейским, что флаг находился в доме вот уже несколько недель.

Но лишь мизерная часть подобных обрывков улик поддается настолько быстрому и простому объяснению. На входной двери алели кровавые буквы. В последние годы слово “свинья” приобрело новое значение, более чем знакомое полицейским^[18]. Но что означает написанное здесь “PIG”?

Затем, веревка. Миссис Чепмен уверенно заявила, что прежде никогда не видела такую на территории усадьбы. Не принес ли ее с собой убийца(цы)? Если так, то зачем?

Имел ли какое-то значение тот факт, что двое связанных вместе жертв, Шарон Тейт и Джей Себринг, были в прошлом любовниками? Или, тогда уж, уместно ли здесь говорить о “прошлом”? Что делал в доме Себринг — в отсутствие Полански? Этим вопросом позднее зададутся многие газеты.

Очки в роговой оправе (отрицательный результат проверки на отпечатки пальцев и на кровь) — принадлежали ли они кому-то из жертв, или убийце, или же человеку, не имеющему к преступлению никакого отношения? Или (с каждым очередным вопросом число возможностей все растет) очки оставлены здесь с целью затруднить и запутать следствие?

Две посылки-тубуса на пороге. Экономка уверяет, что их здесь не было, когда она уходила домой вчера в 16:30. Кто доставил их сюда и когда? Не видел ли этот человек чего-нибудь?

Зачем убийца (цы) затруднял себя расщеплением и снятием ставен, когда другие окна, уже без ставен, были распахнуты настежь, — включая и окно недавно окрашенной комнаты, которая должна была послужить детской для так и не рожденного ребенка четы Полански?

Джон Доу 85, юноша в “рамблере”. Чепмен, Гарретсон и Теннант не смогли опознать его. Кем он был и что делал на территории усадьбы? Стал ли он свидетелем остальных убийств или же был убит прежде, чем они случились? Если он погиб первым, почему остальные не слышали выстрелов? На сиденье рядом с ним найдены часы со встроенным АМ-FM приемником “Сони диги-матик”. Часы остановились в 00:15. Простое совпадение или важная улика?

Кстати, о времени совершения убийств: жалобы на выстрелы и на другой шум поступали на протяжении значительного времени — от нескольких минут пополуночи до 4:10 утра.

Не все элементы головоломки оставались разрозненными; некоторые из фрагментов вполне подходили друг к другу. Нигде на территории не были обнаружены пустые гильзы, и это указывало, возможно, что орудием преступления послужил револьвер, который не выбрасывает использованные гильзы на манер, скажем, автоматического пистолета.

Составленные вместе, три черных кусочка дерева сложили правую половинку рукояти пистолета. Таким образом, полиция знала, что разыскиваемое оружие является, похоже, револьвером 22-го калибра с недостающей правой половинкой рукояти. Найденные кусочки, возможно, помогут определить изготовителя и модель револьвера. Хотя на всех трех кусочках присутствовали следы крови, лишь одно пятнышко было достаточного размера для проведения анализа. Группа крови O-MN. Из пяти жертв лишь Себринг имел кровь этой группы, и это ясно говорило о том, что рукоять револьвера как раз и сыграла роль “тупого предмета”, использованного для нанесения удара ему в лицо.

Анализ выявил также группу кровавой надписи на парадной двери: O-M. И вновь только одна из жертв имела кровь этой группы и подтипа. Слово “PIG” было выведено кровью Шарон Тейт.

На подъездной дорожке стояли четыре автомобиля, но здесь не было единственного, которому надлежало тут находиться, — принадлежавшего Шарон Тейт красного “феррари”. Оставалась возможность того, что убийца(цы) воспользовался спортивным автомобилем, чтобы скрыться, — и машину объявили в розыск.

Следователи оставались в усадьбе еще долго после того, как тела жертв были увезены: они искали значимые улики.

И нашли несколько, показавшиеся достаточно важными.

Признаков грабежа или воровства не было. Макганн нашел бумажник Себринга в пиджаке, висевшем на спинке стула в гостиной. В нем находилось 80 долларов. В бумажнике Джона Доу оказалось 9 долларов, в бумажнике и кармане брюк Фрайковски — 2 доллара 44 цента. На ночном столике у кровати Шарон Тейт, на виду, лежали банкноты в десять и пять долларов, а также три бумажки по одному доллару. Явно дорогостоящие предметы — видеоманитофон, телевизоры, стереосистема, часы Себринга, его же “порше” — также не были украдены. Несколькими днями спустя полиция вновь привезет Винифред Чепмен в дом 10050 по Сизло — с тем, чтобы та постаралась определить, не пропало ли чего-либо. Единственным предметом, который она не смогла найти, оказалась тренога для фотокамеры, хранившаяся в шкафу в холле. Пять невероятно жестоких убийств едва ли были совершены с целью завладения штативом. Вполне вероятно, его одолжили кому-нибудь или просто потеряли.

Хоть это отнюдь не снимало вероятности, что убийства совершены в процессе ночного грабежа — жертвы застигли грабителя (ей) на месте преступления, — отсутствие его признаков, естественно, передвинуло эту версию ближе к концу общего списка.

Другие находки предполагали гораздо более правдоподобную ситуацию.

В “порше” Себринга был найден грамм кокаина, 6,3 грамма марихуаны и двухдюймовый “роч” (сленговое обозначение частично выкуренной сигареты с марихуаной).

В пластиковом пакете, найденном в ящике письменного стола в гостиной, оказались еще 6,9 граммов марихуаны. В тумбочке у кровати в спальне, использовавшейся Фрайковски и Фольгер, обнаружили 30 граммов гашиша и десять капсул с веществом, в ходе дальнейших

анализов оказавшимся относительно новым наркотиком, известным как МДА. Кроме того, пепел марихуаны был найден в пепельнице на столике у кровати Шарон Тейт, сигарета с марихуаной — на столике у входной двери^[19], еще две — в гостевом домике.

Не проходила ли здесь вечеринка с обильным приемом наркотиков, завершившаяся тем, что кто-то из участников неудачно “словил кайф” и перерезал всех остальных? Этот вопрос возглавил составленный полицейскими список возможных мотивов, хотя недостатки этой теории были также очевидны: получалось, что убийца был один, но при этом размахивал револьвером (в одной руке), штык-ножом (в другой) и имел при себе 43 фута нейлоновой веревки, которую захватил, так сказать, на всякий случай. Кроме того, телефонные провода. Если их перекусили *до* убийств, это предполагало преднамеренность преступления, а не спонтанный приступ бешенства. Если провода перерезаны *после*, то зачем?

Или, быть может, убийства стали следствием “стрелки”, то есть убийца(цы) появился, чтобы передать наркотики или купить их, и спор о деньгах или о скверном качестве товара перерос в потасовку? Так выглядела вторая, во многих отношениях куда более правдоподобная, из пяти версий, предложенных следователями в самом первом отчете о ходе расследования.

Третья была вариацией на тему второй: убийца(ы) решил оставить себе и наркотики, и деньги.

Четвертая предполагала, что жертвы застали врасплох забравшегося в дом вора(ов).

Пятая версия называла убийство “заказным”: убийца(цы) был послан кем-то в дом, чтобы устранить одну (или нескольких) из жертв, и после выполнения “заказа” убил всех остальных, чтобы не оставлять нежеланных свидетелей. Но разве убийца-профессионал воспользовался бы чем-то столь громоздким, подозрительным и неудобным, как штык? И разве продолжал бы наносить все новые раны, словно обезумев, — как, очевидно, и обстояло дело?

Версии, упоминавшие наркотики, выглядели более правдоподобно. В процессе дальнейшего следствия, пока полиция опрашивала друзей и знакомых погибших, жизненный стиль и привычки жертв начали понемногу проясняться. Поэтому вывод о возможной связи между наркотиками и мотивом преступления некоторым стал казаться

настолько очевидным, что, даже получив улику, которая позволила бы распутать дело, следствие наотрез отказалось принимать ее в расчет.

Полиция оказалась не единственной, кто подумал о наркотиках.

Услышав о случившемся, актер Стив Мак-Куин^[20], давний приятель Джея Себринга, решил, что дом стилиста причесок должен быть избавлен от наркотиков — ради защиты его семьи и бизнеса. Хотя сам Мак-Куин не участвовал в “уборке”, к тому времени, как в ДПЛА нашли время обыскать жилище Себринга, все “посторонние” предметы уже были оттуда удалены.

У других немедленно начался приступ паранойи. Никто не знал, кого именно захочет допросить полиция или когда. Неназванный представитель киноиндустрии признался репортеру журнала “Лайф”: “В Беверли-Хиллз только и слышно, как работают сливные бачки; вся канализация Лос-Анджелеса, должно быть, уже под кайфом”.

КРОВАВАЯ ОРГИЯ УНЕСЛА ПЯТЕРЫХ,

ВКЛЮЧАЯ КИНОЗВЕЗДУ

ШАРОН ТЕЙТ — ЖЕРТВА “РИТУАЛЬНЫХ” УБИЙСТВ

Подобными заголовками пестрели первые полосы вечерних газет; радио и телевидение также включились в обсуждение новостей. Кошмарная природа самого преступления, количество жертв и их известность (красавица-киноактриса, наследница кофейной империи, ее великосветский плеябой-возлюбленный, всемирно известный стилист причесок) — все вместе подготовило появление, пожалуй, самого шумевшего убийства в истории, — за исключением разве что убийства президента Джона Ф. Кеннеди. Даже солидная “Нью-Йорк таймс”, которая редко снисходит до того, чтобы сообщать о преступлении на первой полосе, сделала это на другой день, да и во многие последующие дни.

Отчеты прессы о происшедшем, опубликованные в тот же и на следующий день, примечательны необычно высоким содержанием в них деталей. В прессу просочилось столько информации, что позднее следователям непросто будет отыскать “ключи” для опроса подозреваемых на детекторе лжи.

В любом деле об убийстве обычной практикой считается придерживать определенную информацию, которая предположительно остается известной лишь самим полицейским и убийце(цам). Если

подозреваемый сознается в совершенном или соглашается пройти проверку на детекторе, этими сведениями можно воспользоваться, чтобы определить, говорит ли он правду.

“Благодаря” множеству утечек, приписанные к “делу Тейт” (как уже окрестила убийства пресса) следователи смогли насчитать лишь пять таких “ключей”:

- 1) использованный в убийствах нож был, вероятно, штыком;
- 2) огнестрельные раны нанесены, вероятно, из револьвера 22-го калибра;
- 3) размеры веревки и то, как она была завязана и свернута;
- 4) очки в роговой оправе;
- 5) складной карманный нож.

Количество неофициально просочившейся в прессу информации так обеспокоило высшие чины ДПЛА, что все дальнейшие находки следствия были прикрыты завесой молчания. Это не могло понравиться репортерам; кроме того, не имея подтвержденных новостей, многим пришлось обратиться к догадкам и спекуляциям. В последующие дни было опубликовано огромное количество ложной информации. Так, широко разошлась весть, что неродившийся младенец Шарон Тейт был вырезан из ее лона; что обе ее груди были отрезаны; что некоторые из жертв имели следы увечий в области гениталий. Наброшенное на лицо Себринга полотенце превращалось то в белый капюшон (ку-клукс-клан?), то в черный (сатанисты?) — в зависимости от того, какую именно газету вы читали.

Впрочем, когда дошло до обсуждения личности человека, которому было предъявлено обвинение в убийствах, информации явно не хватало. Поначалу было решено, что полиция хранит молчание, стремясь защитить права Гарретсона. Считалось также само собой разумеющимся, что ДПЛА имеет против него достаточно улик, — иначе зачем было арестовывать?

Одна из газет Пасадены постаралась восполнить пробелы, подбирая обрывки и разрозненные клочки сведений. Она писала, что при аресте Гарретсон спрашивал: “Когда со мной встретятся следователи?” Вывод очевиден: Гарретсон знал, что именно произошло. Гарретсон действительно задал подобный вопрос, когда его проводили

через ворота, немало времени спустя после ареста, — но этот вопрос последовал после замечания, сделанного ДеРосой ранее. Цитируя неуказанного полицейского, газета также сообщила: “Было отмечено, что невысокий юноша имел прореху на колене одной из брючин, а его комната в гостевом домике хранит следы происходившей там борьбы”. Железные улики, да и только, — если не знать, что все это произошло *во время* ареста Гарретсона, а не до того.

В течение нескольких дней место преступления посетили сорок три полицейских офицера, разыскивавших оружие и другие улики. Осматривая антресоли над гостиной, сержант Майк Макгэган обнаружил коробку из-под киноленты с видеозаписью внутри.

Сержант Эд Хендерсон отвез ее в полицейскую академию, где имелось устройство для просмотра. Фильм демонстрировал Шарон и Романа Полански, занимавшихся любовью. Проявив известную деликатность, полицейские не стали включать видеозапись в собранные вещественные доказательства, но вернули ее обратно на антресоли^[21].

Кроме обыска помещений, следователи еще и опросили соседей, интересуясь, не видели ли те каких-либо подозрительных незнакомцев в округе.

Рэй Эйзин вспомнил, что два или три месяца назад в усадьбе 10050 по Сизло-драйв была устроена большая вечеринка, причем гости съезжались “в шмотках хиппи”. У самого Рэя, впрочем, осталось ощущение, что эти люди на самом деле не были хиппи: многие подъезжали на “роллс-ройсах” и “кадиллаках”.

Эмметт Стил, разбуженный той ночью лаем собак, вспомнил, что в течение последних недель по ночам кто-то разъезжал на пустынке вверх-вниз по холмам, но сам он ни разу не оказывался настолько близко, чтобы разглядеть водителя или пассажиров.

Большинство опрошенных, однако, заявляли, что не видели и не слышали ничего из ряда вон выходящего.

Следователи остались с куда большим количеством вопросов на руках, нежели получили ответов. И тем не менее они не оставляли надежд услышать показания человека, способного, по их мнению, собрать головоломку, — Уильяма Гарретсона.

Следователи, работавшие в центре города, питали меньший оптимизм. Вслед за арестом девятнадцатилетний Гарретсон был препровожден в тюрьму Западного Лос-Анджелеса для допроса. Офицеры сочли ответы Гарретсона “вялыми и не слишком подробными”, придерживаясь того мнения, что подозреваемый все еще находится под остаточным действием того или иного наркотика. Возможно также, и это подчеркивал сам Гарретсон, что он практически не спал прошлой ночью, всего несколько часов под утро, — и теперь испытывал эмоциональное истощение и страх.

Вскоре после этого Гарретсон воспользовался услугами адвоката Барри Тарлоу. Второй допрос, проходивший в присутствии Тарлоу, состоялся в Центре Паркера, штаб-квартире Департамента полиции Лос-Анджелеса. Насколько могла судить полиция, он также оказался непродуктивным. Гарретсон заявил, что, даже живя на территории усадьбы, он мало контактировал с людьми, населявшими основное здание. По его словам, в ту ночь у него был лишь один посетитель, парень по имени Стив Парент, явившийся около 23:45 и покинувший гостевой домик полчасом позднее. Отвечая на вопросы о Паренте, Гарретсон сказал, что не слишком хорошо был знаком с ним. Как-то вечером пару недель тому назад Парент подвез его вверх по каньону, и, вылезая из машины у ворот, юноша пригласил Стива заглядывать в гости, случись тот поблизости. Гарретсон, живший в гостевом домике отдельно от всех прочих (не считая собак), раздавал сходные приглашения и ранее. И был удивлен, когда Стив действительно появился: прежде никто и никогда не воспользовался его радушием. Но Стив не остался надолго и отбыл, узнав, что Гарретсон не собирается приобрести часы с радиоприемником, которые тот намеревался продать.

В этот момент полицейские еще не связали позднего посетителя Гарретсона с юношей в “рамблере” — возможно, потому, что сам Гарретсон не смог опознать его.

Посоветовавшись с Тарлоу, Гарретсон согласился пройти проверку на детекторе лжи, и эта процедура была назначена на вечер следующего дня.

С момента обнаружения тел прошло двенадцать часов. Джон Доу 85 так и оставался неопознанным.

Лейтенант полиции Роберт Мэдлок, исполнявший обязанности руководителя следствия на протяжении тех нескольких часов, пока дело не было приписано к отделу убийств, позднее скажет: “Когда мы обнаружили [принадлежащую жертве] машину на месте преступления, нам по-прежнему приходилось действовать сразу в четырнадцати направлениях. Так много следовало сделать, что, мне кажется, у нас попросту не нашлось времени проследить регистрацию автомобиля”.

Весь день Уилфред и Хуанита Паренты провели в ожидании и в беспокойстве. Их восемнадцатилетний сын Стивен так и не явился домой прошлой ночью. “Он не позвонил, не сказал ни словечка. Прежде он не делал ничего подобного”, — говорит Хуанита Парент.

Около 20:00, понимая, что жена слишком расстроена, чтобы приготовить ужин, Уилфред Парент отвел ее и троих остальных детей в ресторан. Быть может, когда мы вернемся, сказал он жене, Стив уже будет ждать нас дома.

Из-за ворот дома 10050 по Сизло-драйв можно было различить номер лицензии на белом “рамблере”: ZLR 694. Один из репортеров записал его и затем проделал собственное расследование, связавшись с Департаментом моторных транспортных средств и узнав, что зарегистрированным владельцем автомобиля является “Уилфред Э. или Хуанита Д. Парент, 11214 Брайант-драйв, Эль-Монте, Калифорния”.

К моменту его появления в Эль-Монте, пригороде Лос-Анджелеса примерно в двадцати пяти милях от Сизло-драйв, в доме никого не обнаружилось. Опросив соседей, репортер узнал, что в семье действительно был сын-подросток; он выяснил также имя семейного священника Парентов — отца Роберта Бирна, служившего в церкви Рождества, — и позвонил ему. Бирн прекрасно знал самого юношу и всю его семью. И хотя священник был уверен в том, что Стив не знаком ни с какими кинозвездами и все это какая-то ошибка, все же согласился сопровождать репортера в окружной морг. По пути туда он говорил о Стиве. “Этот парень — фанатик стереоаппаратуры. Если вам понадобится узнать что-то о проигрывателях или о радио, Стив знает все ответы”. Отец Бирн не сомневался, что юношу ждет прекрасное будущее.

В то же время ДПЛА уже установил личность убитого с помощью отпечатков и проверки лицензии. Вскоре после возвращения домой Парентов у их двери появился местный полицейский, который протянул Уилфреду Паренту карточку с нацарапанным на ней номером телефона и попросил набрать его. Вслед за чем вышел, не сказав больше ничего.

Парент набрал номер.

“Офис coronera округа”, — произнес мужской голос.

Растерявшись, Парент назвал себя и рассказал о карточке и о визите полисмента.

Звонок был переадресован заместителю coronera, который заявил Уилфреду:

“Очевидно, ваш сын попал в перестрелку”.

“Он что, убит?” — обмерев, спросил Парент. Расслышав вопрос, его жена впала в истерику.

“У нас тут лежит труп, — ответил заместитель coronera, — и, сдается нам, это ваш сын”. Затем он перечислил приметы, которые совпали.

Парент повесил трубку; его душили слезы. Позже, по понятным причинам резко, он заметит: “Могу сказать лишь одно. Это чертовски скверный способ рассказать кому-либо о смерти сына”.

Как раз в это время отец Бирн увидел тело и произвел опознание. Джон Доу 85 стал Стивеном Эрлом Парентом, восемнадцатилетним энтузиастом электроники из Эль-Монте.

Было уже пять часов утра, когда Паренты легли в кровать. “Мы с женой в итоге забрали детей к себе в постель, и все впятером крепко обнялись и плакали, пока не уснули”.

Примерно в девять часов вечера все того же 9 августа 1969 года Лено и Розмари Лабианка и Сьюзен Стратерс (дочь Розмари от предыдущего брака, двадцати одного года от роду) покинули озеро Изабелла с тем, чтобы начать долгий путь домой в Лос-Анджелес. Озеро, популярная зона отдыха, расположено милях в ста пятидесяти от Лос-Анджелеса.

Пятнадцатилетний брат Сьюзен, Фрэнк Стратерс, отдыхал на озере вместе с другом, Джимом Саффи, чья семья владела небольшим домиком на берегу. Розмари и Лено ездили к озеру в прошлый вторник,

чтобы оставить в распоряжении ребят свою лодку, но утром в субботу вернулись, чтобы забрать и лодку, и самого Фрэнка. Тем не менее мальчики настолько хорошо проводили время, что чета Лабианка согласилась оставить Фрэнка на озере еще на день, и теперь они возвращались домой без него, в своем зеленом “тандерберде” 1968 года выпуска, везя за собою лодку на прицепе.

Лено, президенту сети лос-анджелесских супермаркетов, было сорок четыре года. Итальянец, при своих 220 фунтах^[22] он был немного тучноват. Розмари — изящная, привлекательная брюнетка тридцати восьми лет — начинала официанткой закусочной для автомобилистов и впоследствии, вслед за чередой смен мест работы и несчастливым браком, открыла собственный магазинчик одежды (“Бутик Карриаж” на Норт-Фиджуро в Лос-Анджелесе) и добилась внушительного успеха. Они с Лено были женаты с 1959 года.

Из-за лодки Лено не мог вести машину на скорости, которую предпочитал, и потому пропускал вперед почти весь транспорт, направлявшийся в этот субботний вечер к Лос-Анджелесу и окрестностям. Как и многие тем вечером, они держали радио включенным и слышали в сводке новостей об убийствах в доме Полански. Если верить Сьюзен, новость особенно расстроила Розмари, которая всего несколько недель тому назад призналась близкой подруге: “Кто-то приходит в дом, когда нас нет. Вещи сдвинуты с мест, а собаки оказываются снаружи, хотя должны были сидеть внутри”.

10 августа 1969 года, воскресенье

Около часу ночи супруги Лабианка высадили Сьюзен у ее квартиры на Гринвуд-плейс, что в районе Лос-Фелиц в Лос-Анджелесе. Лено и Розмари жили неподалеку, в доме 3301 по Вейвер-ли-драйв, рядом с парком Гриффита.

Лабианка не сразу направились домой, но сначала подъехали к перекрестку улиц Хиллхарст и Франклина.

Джон Фокианос, продававший газеты на углу, узнал зеленый “тандерберд” с лодкой и, пока машина совершала U-образный поворот к киоску, потянулся за воскресным выпуском “Геральд экзаминаер” и за бюллетенем скачек. Лено был постоянным клиентом.

Фокианосу показалось, что Лабианка устали после долгой дороги. Клиентов было не густо, и они поболтали несколько минут “насчет Тейт, о главном событии дня. Большие новости”. Фокианос вспомнит потом, что миссис Лабианка, похоже, была потрясена трагедией. У Джона оставалось несколько лишних вкладок в воскресную “Лос-Анджелес тайме”, рассказывавших о случившемся, и он отдал одну бесплатно.

Джон наблюдал, как они отъезжают. Он не заметил точное время, но было где-то между часом и двумя — похоже, ближе к двум, потому что вскоре окрестные бары закрылись, и газеты пошли нарасхват.

Насколько известно, Джон Фокианос был последним (кроме убийц/цы), кто видел Розмари и Лено Лабианка живыми.

В воскресный полдень холл перед прозекторской на первом этаже Дворца юстиции был забит репортерами и операторами телевидения, ожидающими выступления coronera.

Ждать пришлось долго. Хотя вскрытия начались в 9:30 и к ним было привлечено несколько заместителей coronera, последнее завершилось уже после 15 часов.

Доктор Р. С. Генри проводил вскрытия Фольгер и Себринга, доктор Гастон Херрера — Фрайковски и Парента. Доктор Ногучи руководил всеми четырьмя; кроме того, он лично провел еще одно вскрытие, начавшееся в 11:20...

Шарон Мария Полански, 1005 °Сизло-драйв. Белая, женщина, 26 лет, 5 футов 3 дюйма, 135 фунтов, светлые волосы, карие глаза. Профессия жертвы — актриса...

Отчет о вскрытии — всего лишь сухой документ. Холодно перечисляя фактические сведения, он может дать представление о том, как умерла жертва, и намекнуть о последних часах ее жизни, но нигде в нем субъект исследования не возникает — пусть даже ненадолго — как личность. Каждый такой отчет — своего рода итог чьей-то жизни, но в нем лишь очень немного проблесков того, как эта жизнь была прожита. Нет ни предпочтений, ни неприязни; нет любви, ненависти, страхов, стремлений или любых других человеческих эмоций; только клиническая, формальная констатация: “Тело нормально развито... поджелудочная железа имеет чрезвычайно малый размер... сердце весит 340 граммов и имеет симметричную форму...”

Однако каждая жертва убийства некогда жила, у каждой есть прошлое.

Большая часть истории жизни Шарон Тейт напоминает пресс-релиз, составленный в какой-нибудь киностудии. Кажется, она всегда мечтала стать актрисой. В шесть месяцев она была названа “Мисс Малыш Далласа”, в шестнадцать лет — “Мисс Ричленд, штат Вашингтон”, затем — “Мисс Ауторама”. Когда отец Шарон, армейский офицер, был приписан к Сан-Педро, она частенько отправлялась автостопом в Лос-Анджелес, совершая набеги на офисы киностудий.

В придачу к ее амбициям, в пользу Шарон говорила, по крайней мере, еще одна вещь: она была очень красивой девушкой. Она воспользовалась услугами агента, который сумел устроить ей несколько съемок в телевизионной рекламе, а затем, в 1963 году, — прослушивание для телесериала “Юбочки”^[23]. Продюсер Мартин Рансохофф^[24] увидел двадцатилетнюю красавицу в съемочном павильоне и, если верить легенде, какие в большом количестве ходят по киностудиям, сказал ей: “Сладкая моя, я сделаю тебя кинозвездой”.

Восхождение новой звезды заняло немало времени. Уроки пения, танца и актерского мастерства перемежались второстепенными ролями (играть часто приходилось в темном парике) в тех же “Юбочках”, в “Деревенских миллиардерах из Беверли-Хиллз”^[25], в двух фильмах самого Рансохоффа: “Американизация Эмили”^[26] и “Кулик”^[27]. Пока шли съемки последнего, с Элизабет Тейлор^[28] и Ричардом Бартоном^[29] в главных ролях, Шарон буквально влюбилась в Биг-Сур. И впоследствии, стоило ей захотеть сбежать подальше от голливудских перебранок, она приезжала сюда. Стерев с лица грим, Шарон (чаще одна, реже — с подругами) снимала жилье в недорогой “Таверне Дитжена” в Биг-Суре, где гуляла по тропинкам, наслаждалась пляжным солнцем или смешивалась с завсегдатаями местных кабачков. Многие из них до самой ее смерти не подозревали, что Шарон — киноактриса.

По словам близких друзей, Шарон Тейт, хотя и выглядела старлеткой, не соответствовала имиджу, по крайней мере, в одном: ее нельзя было назвать неразборчивой в связях. Знакомых у нее было немного, и лишь редкие из этих знакомств оказывались случайными — во всяком случае, с ее стороны. Казалось, Шарон особенно привлекают уверенные в себе, самодостаточные мужчины. Будучи в Голливуде, она

имела долгую связь с неким французским актером. Подверженный внезапным приступам ярости, однажды он так сильно поколотил подружку, что Шарон пришлось обратиться за помощью в медицинский центр Калифорнийского университета Лос-Анджелеса^[30]. Вскоре после этого, в 1963 году, Джей Себринг увидел Шарон на одном из студийных прослушиваний и упросил приятеля представить себя ей; после короткого, весьма подробно описанного впоследствии в прессе периода ухаживания они стали любовниками, и эти их отношения закончились только после знакомства Шарон с Романом Полански.

Наступил 1965 год, прежде чем Рансохофф решил, что его протеже подготовлена к первой серьезной роли в “Глазе дьявола”^[31], где также снимались Дебора Керр и Дэвид Найвен. Упомянутая в титрах седьмой, Шарон Тейт сыграла деревенскую девушку, обладавшую колдовскими способностями. У нее было не более десятка строк текста; основной задачей ее роли было выглядеть красавицей — с чем Шарон справилась. То же можно сказать почти обо всех фильмах, в которых она снялась.

По фильму герой Найвена становится жертвой таинственного культа людей в капюшонах, практиковавших ритуальные жертвоприношения.

Действие фильма происходит во Франции, но съемки велись в Лондоне, и именно там летом 1966 года Шарон повстречала Романа Полански.

В то время Полански было тридцать три, и критика уже называла его одним из ведущих кинорежиссеров Европы. Роман родился в Париже, в семье русского еврея; мать была полькой русского происхождения. Когда Роману исполнилось три года, семья переехала в Краков. Они все еще жили там, когда в 1940 году в город вошли немцы, закрывшие выход из гетто. С помощью отца Роману удалось бежать, и он жил с друзьями семьи, пока не закончилась война. Его родители, впрочем, побывали в концентрационных лагерях; мать погибла в Аушвице.

После войны Роман Полански провел пять лет в Польской национальной киноакадемии в Лодзи. В качестве дипломной работы он представил снятый по собственному сценарию короткометражный фильм “Два человека со шкафом”^[32], получивший много похвал сюрреалистический шедевр. Затем Роман снял несколько других

короткометражек, среди которых был и фильм “Млекопитающие”^[33], в котором польский друг режиссера, Войтек Фрайковски, сыграл вора. После затянувшейся поездки в Париж Полански вернулся в Польшу, чтобы закончить съемки “Ножа в воде”^[34], своего первого полнометражного фильма, получившего премию критики на кинофестивале в Венеции, номинированного на “Оскар” и заставившего заговорить о Полански (которому было только двадцать семь) как об одном из наиболее многообещающих кинодеятелей Европы.

В 1965 году Полански сделал свой первый англоязычный фильм, “Отвращение”^[35], с Катрин Денев в главной роли. За ним последовал “Тупик”^[36], получивший звание лучшего фильма Берлинского кинофестиваля, а также принесший режиссеру премию критики в Венеции, диплом “За заслуги” в Эдинбурге и премию Джиове Капитальяно в Риме. В колонках, напечатанных вслед за убийством Тейт, репортеры не забывали упомянуть, что в “Отвращении” героиня Денев сходит с ума и убивает двоих мужчин, а в “Тупике” всех постояльцев стоящего на отшибе замка поджидает страшный конец, пока в живых не остается только один из них. Газетчики также отмечали свойственную Полански “приверженность насилию” — не поясняя, однако, что чаще всего в фильмах Полански насилие показано далеко не столь натуралистично, как того требует сценарий.

Личная жизнь Романа Полански вызывала не меньше толков, чем его фильмы. Вслед за браком с польской киноактрисой Барбарой Ласс, завершившимся разводом в 1962 году, Полански приобрел репутацию режиссера-плейбоя. Позднее один из друзей вспомнит, как тот, бывало, листал свою записную книжку, приговаривая: “Ну, так кого же мне осчастливить этой ночью?” Другой друг заметит, что явный талант Полански превзойден лишь его собственным эго. Недруги, которых всегда хватало, высказывались крепче. Один из них назвал Романа “уникальным пятифутовым шестом”^[37], которым не каждого захочешь коснуться”^[38], ерничая над его небольшим ростом: чуть более пяти футов. Похоже, Роман Полански затрагивал сильнейшие эмоции практически в каждом, с кем ему приходилось встречаться, — будь то притяжение озорного, лукавого обаяния или раздражение от самонадеянности.

С Шарон Тейт все вышло иначе — во всяком случае, поначалу. Когда Рансохофф познакомил Романа и Шарон на одном из больших приемов, оба не выказали особенного интереса друг к другу. Но знакомство не было случайным. Узнав, что Полански задумал снять пародию на фильмы ужасов, Рансохофф предложил себя в качестве продюсера будущей картины. Он хотел, чтобы в главной женской роли выступила Шарон Тейт. Полански сделал кинопробы и решил, что актриса вполне подойдет для этой цели. Полански написал сценарий, режиссировал и лично снимался в фильме, вышедшем на экраны под названием “Неустрасимые убийцы вампиров”^[39], — но Рансохофф смонтировал его по своему вкусу, к большому неудовольствию польского режиссера, отрекшегося от итоговой версии. Хотя фильм оказался скорее буффонадой, чем подлинным искусством, Полански явил миру еще одну сторону своего многогранного таланта, сыграв комическую роль неловкого молодого помощника престарелого ученого, по ходу сюжета ставшего охотником на вампиров. И вновь Шарон выглядела прекрасно, но произнесла лишь с десяток фраз. Став жертвой вампира в самом начале фильма, в последней сцене она кусает возлюбленного, героя Полански, порождая тем самым новое чудовище.

Прежде чем завершились съемки и после очень долгого (по меркам Полански) ухаживания, Шарон и Роман стали любовниками не только на экране. Когда Себринг прилетел в Лондон, Шарон дала ему это понять. Если Джей и испытал потрясение, то не показал его, весьма быстро приняв на себя роль друга семьи. Нескольким знакомым вскользь были сделаны намеки: Себринг надеялся, что Шарон в итоге разочаруется в Романи, и наоборот, — и в этот ответственный момент он намеревался оказаться рядом. Те, кто объявлял, что Себринг по-прежнему любил Шарон, оперировали лишь догадками (хотя у Себринга были сотни знакомств, настоящих друзей, как видно, ему не доставало, и подлинные свои чувства он держал при себе), но можно было с определенной уверенностью сказать: пускай природа этой любви переменялась, меж ними оставалась некая глубокая привязанность. После разрыва с Шарон Себринг был близок со множеством женщин, но, как показали проведенные следователями ДПЛА опросы, по большей части эти отношения носили скорее сексуальный характер, чем эмоциональный, оставаясь в большинстве своем “увлечениями на одну ночь”.

Между тем студия “Парамаунт” предложила Полански снять киноверсию романа Айры Левина “Ребенок Розмари”^[40]. Фильм, в котором Миа Фэрроу^[41] сыграла девушку, родившую ребенка от самого Сатаны, был завершен к концу 1967 года. 20 января 1968 года, к удивлению многих из друзей, которым Полански ранее клялся никогда больше не жениться, они с Шарон сыграли свадьбу в Лондоне.

Премьера “Ребенка Розмари” состоялась в июне. Тогда же супруги Полански сняли дом 1600 по Саммит Ридж-драйв в Лос-Анджелесе, принадлежащий актрисе Патти Дьюк. Они все еще жили в нем, когда миссис Чепмен стала их экономкой. В начале 1969 года им нашептали, что усадьба на Сиэло-драйв, 10050 может оказаться свободна. Хотя они никогда не виделись с хозяином лично, Шарон несколько раз говорила с Терри Мельчером по телефону, устраивая переоформление еще не истекшей аренды. Чета подписала соглашение об аренде 12 февраля 1969 года (на условиях выплаты 1200 долларов ежемесячно) и въехала в дом тремя днями позже.

“Ребенок Розмари” имел большой успех, но карьера самой Шарон так и не получила заметного развития; фактически, она так и не началась. Снимки полуобнаженной Шарон появились в мартовском номере “Плейбоя” за 1967 год (Роман Полански самолично сделал их в окружении декораций “Неустрасимых убийц вампиров”), и прилагающаяся статья начиналась словами: “В этом году все говорят о Шарон Тейт...” Но предсказание статьи не сбылось в 1967 году; это случится позднее. Хотя многие обозреватели отмечали ее потрясающую внешность, ни этот, ни два последующих фильма с участием Шарон — “Не гони волну”^[42] с Тони Кертисом и “Аварийная команда”^[43] с Дином Мартином — не приблизили ее к успеху. Лучшая роль Шарон Тейт сыграна в том же 1967 году в фильме “Долина кукол”^[44], где она играет актрису Дженнифер, которая, узнав о своей болезни (раке груди), кончает с собой, проглотив чрезмерную дозу снотворного. Незадолго до смерти Дженнифер с горечью произносит: “У меня нет таланта. Все, что у меня есть, — это мое тело”.

Некоторые критики сочли, что эта фраза адекватно отразила игру самой Шарон. Если же быть честным, она так ни разу и не получила роли, которая дала бы ей хоть ничтожный шанс продемонстрировать актерское мастерство, которое могло у нее оказаться.

Она не была кинозвездой, тогда еще не была. Карьера Шарон, казалось, замерла на грани большого прорыва, но она с той же легкостью могла замереть там навсегда — или же повернуть вспять.

Впервые в жизни Шарон ее амбиции актрисы отошли на второй план. Брак и беременность заняли собою всю ее жизнь: по словам близких, она, похоже, утратила интерес ко всему остальному.

Ходили, однако, и слухи о проблемах в ее замужестве. Некоторые подруги Шарон признались следователям, что она сообщила Роману о своей беременности лишь тогда, когда делать аборт уже было поздно. Если ее и беспокоило, что Роман и после брака остался все тем же плейбоем, то Шарон прятала свои чувства. Сама Шарон часто пересказывала ходившую в киношной среде историю о том, как Роман, ведя машину по Беверли-Хиллз, заметил идущую впереди девушку и прокричал ей: “Мисс, у вас ве-ли-ко-ле-е-епная задница!” Только когда девушка обернулась, он узнал в ней свою жену. Очевидно, Шарон надеялась, что появление ребенка поможет ей скрепить семью.

Голливуд — настоящая банка с пауками. Снимая показания у знакомых с убитыми, следователи столкнулись с невероятным количеством желчи. Довольно интересно, впрочем, что в многочисленных бланках показаний никто из тех, кто действительно хорошо знал Шарон Тейт, не сказал о ней ничего дурного. “Очень милая, чуточку наивная...” Эти слова повторялись чаще всего.

В то воскресенье знавший Шарон репортер “Лос-Анджелес таймс” описал ее как удивительно красивую женщину с точеной фигурой и прекрасными чертами лица”.

Но он не видел ее глазами коронера Ногучи.

Причина смерти: множественные ножевые ранения груди и спины, задевшие сердце, легкие и печень, вызвав обильное кровотечение. Жертва получила шестнадцать ножевых ран, пять из которых сами по себе могли оказаться смертельными.

Джей Себринг,

9860 Истон-драйв, каньон Бенедикта, Лос-Анджелес. Белый, мужчина, 35 лет, 5 футов 6 дюймов, 120 фунтов, черные волосы, карие глаза. Убитый был стилистом причесок и владел корпорацией “Себринг интернэшнл”...

Родившийся в Детройте, штат Мичиган, Томас Джон Каммер сменил имя вскоре после своего появления в Голливуде вслед за четырехгодичной службой парикмахером в Военно-морских силах. Новую фамилию он перенял у известной модели гоночного автомобиля: Тому нравилась ассоциация, которую вызывало это слово.

В личной жизни, как и в работе, облик и производимое впечатление имели для него крайнюю важность. Джей водил дорогую спортивную машину, был частым посетителем клубов для автомобилистов, даже джинсовые куртки “Левис” ему шили на заказ. Он держал в доме дворецкого, закатывал роскошные вечеринки и жил в имевшем дурную славу особняке 9860 по Истон-драйв, в каньоне Бенедикта. Именно здесь, в спальне, бывшей некогда любовным гнездышком актрисы Джин Харлоу и продюсера Пола Берна, два месяца спустя после свадьбы Берна совершил самоубийство. Знакомые в один голос уверяют, что Себринг приобрел дом как раз из-за его “скверной” репутации.

Широко разошелся слух, будто Себринг летал в Лондон по приглашению одной кинокомпании — для того лишь, чтобы подстричь волосы Джорджу Пеппарду^[45], — и получил за эту стрижку 25 тысяч долларов. Вероятно, эта история не более правдива, чем другая, имевшая столь же широкое хождение (якобы у Себринга был черный пояс в карате: после нескольких уроков, взятых у Брюса Ли), — но Джей Себринг, вне всяких сомнений, был ведущим специалистом по мужским прическам в Соединенных Штатах, и в большей степени именно его заслугой было введение моды на мужское каре. Кроме Пеппарда, в число клиентов Джея входили Фрэнк Синатра^[46], Пол Ньюман^[47], Стив Мак-Куин, Питер Лоуфорд^[48] и бесчисленное множество других кинозвезд, многие из которых обещали вложить деньги в его новую корпорацию, “Себринг интернэшнл”. Так и не расставшись со своим первым салоном в доме 725 по Норт-Фейрфакс в Лос-Анджелесе, он планировал открыть сеть элитарных бутиков и выпустить линию мужской косметики, которая носила бы его имя. Первый магазин открылся в Сан-Франциско в мае 1969 года, и на торжественном открытии присутствовали, среди прочих, Абигайль Фольгер и полковник Тейт с супругой.

В апреле 1968 года Себринг подписал заявку на предоставление индивидуальной страховки (на сумму в 500 тысяч долларов)

калифорнийской Компанией по страхованию жизни от несчастных случаев. Проведенная фирмой “Ретэйл кредит компани” проверка подтвердила наличие у Себринга имущества на общую сумму в 100 тысяч долларов, 80 из которых составляла приблизительная стоимость его резиденции. Основанной им компании “Себринг инкорпорэйтед” изначально принадлежало ценностей на 150 тысяч долларов, тогда как общая сумма ее долгов составила 115 тысяч.

Детективы углубились и в личную жизнь Себринга. Он женился в 1960 году, но его жена Ками, модель по профессии, съехала из дома Джея в августе 1963 года; развод оформили в марте 1965 года, детей у супругов не было. Доклад по результатам проверки также объявлял, что Себринг “не имел привычки употреблять наркотики”. Следователи ДПЛА были уверены в обратном.

Они также выяснили еще кое-что, что так и не удалось обнаружить детективам кредитной компании. Личность Джея Себринга имела свою изнанку, которая всплыла в ходе множества опросов, проведенных полицейскими. Как упоминает об этом официальный отчет, Себринг “имел славу дамского угодника и многократно приводил женщин в свою резиденцию на голливудских холмах. Он связывал женщину коротким пояском и, заручившись согласием, наносил ей удары плетью, после чего они имели сексуальный контакт.

Слухи об этом достаточно долго ходили по Голливуду. И теперь, подхваченные прессой, легли в основу множества теорий, основная из которых гласила: в ночь на 9 августа 1969 года в доме 10050 по Сизло-драйв происходила какая-то садомазохистская оргия.

Сотрудники ДПЛА никогда всерьез не рассматривали сексуальные пристрастия Себринга в качестве возможного мотива убийств. Ни одна из опрошенных девушек (а их было немало: обычно Себринг приводил к себе пять-шесть девиц в неделю) не объявила, что Себринг действительно причинял ей боль, — хотя часто просил делать вид, будто им больно. Кроме того, насколько это вообще возможно установить, Себринг никогда не участвовал в групповом сексе: для этого он слишком опасался, что тайные привычки выставят его перед партнерами в забавном свете и послужат предметом насмешек. Горькая истина состоит в том, что за тщательно спланированным и поддерживаемым имиджем стоял одинокий человек, имевший множество проблем и настолько не уверенный в себе, что даже в

сексуальном отношении ему приходилось обращаться к фантазиям и выдумкам.

Причина смерти: потеря крови, жертва буквально истекла ею. Себринг получил семь ножевых ран и одну огнестрельную, причем три из ножевых (как и огнестрельная) сами по себе могли оказаться смертельными.

Абигайль Энн Фольгер.

Белая, женищина, 25 лет, 5 футов 5 дюймов, каштановые волосы, карие глаза. Место жительства (с 1 апреля) — 1005 °Сизло-драйв. Предыдущее место жительства — 2П4 Вудсток-роуд. Занятие — наследница “Фольгер коффи”...

Первый выход в свет Абигайль (Гибби) Фольгер состоялся 21 декабря 1961 года в отеле Святого Франциска в Сан-Франциско. Бал в итальянском стиле стал одним из социальных всплесков того года, дебютантка была на нем в ярко-желтом платье от Диора, купленном ею в Париже летом прошлого года.

После этого она посещала Радклифф, где получила диплом с отличием; какое-то время работала директором по связям с общественностью Калифорнийского музея искусств университета в Беркли; уволилась, чтобы устроиться в книжный магазин в Нью-Йорке; после занималась социальной работой с жителями “черных” кварталов. Именно там, в Нью-Йорке, в начале 1968 года, польский романист Джерзи Косински познакомил ее с Войтеком Фрайковски. В августе они вместе оставили Нью-Йорк ради Лос-Анджелеса, где сняли дом 2774 по Вудсток-роуд, на голливудских холмах. Через Фрайковски Абигайль познакомилась с супругами Полански, Себрингом и другими, вращавшимися в том же кругу. В числе прочих она вложила свои деньги в развитие “Себринг интернэшнл”.

Вскоре после переезда в Южную Калифорнию Абигайль Фольгер записалась добровольцем в Департамент социальной работы округа и всякий день поднималась ни свет ни заря, чтобы выполнить то или иное поручение Департамента, приводившее ее в Уоттс, Пакоиму и другие неблагополучные районы. Эту работу она продолжала выполнять до того дня, когда вместе с Войтеком Фрайковски перебралась в дом 10050 по Сизло-драйв.

В тот момент что-то изменилось. Возможно, причин было несколько. Абигайль расстраивалась, видя, что благотворительные усилия не справляются с решением проблем и по-настоящему достигают лишь немногого в попытке сдвинуть с места хоть что-нибудь. “Многие социальные работники приходят вечером домой, принимают ванну и смывают с себя прошедший день, — объясняла Абигайль старой подруге, живущей в Сан-Франциско. — А я вот не могу. Чужие страдания забираются под кожу”. В мае чернокожий Томас Брэдли, член городского совета, противостоял на выборах мэра Лос-Анджелеса исполняющему эти обязанности Сэмюэлу Иорти. Поражение Брэдли в исполненной расовой ненависти кампании разрушило последние иллюзии Абигайль, испытавшей немалое разочарование. Нет, она не возобновила социальную работу. Кроме того, ее беспокоили формы, которые начали принимать ее собственные отношения с Фрайковски, включавшие прием наркотиков, давно вышедший за рамки экспериментаторства.

Она обсуждала все это с психиатром, доктором Марвином Фликером. Абигайль посещала врача пять раз в неделю, с понедельника по пятницу, в 16:30.

Она была на приеме и в последнюю пятницу.

Фликер сказал полицейским, что, по его мнению, Абигайль почти готова была оставить Фрайковски, что она пыталась набраться мужества для самостоятельной жизни.

Полиция не сумела определить, когда именно Фольгер и Фрайковски начали употреблять наркотики на постоянной основе. Стало известно, что во время поездки через страну они останавливались в Ирвинге, штат Техас, где провели несколько дней в гостях у крупного наркоторговца, отлично известного как местной полиции, так и властям Далласа. Наркоторговцы частенько заглядывали к ним и на Вудсток-роуд, и на Сизло-драйв. Уильям Теннант сказал следователю, что всякий раз, когда он посещал усадьбу, Абигайль “пребывала, похоже, в постоянном ступоре из-за наркотиков”. В последнем разговоре с матерью (около десяти вечера в пятницу) Гибби, судя по ее голосу, все понимала, но была “немного навеселе”. Миссис Фольгер, отчасти знакомая с проблемами дочери, вкладывала немало и денег, и времени в Бесплатную медицинскую клинику в Хейт-

Эшбери^[49], стремясь помочь тамошним врачам в их самоотверженной борьбе с наркотической зависимостью пациентов.

Коронеры обнаружили 2,4 миллиграмма метилэнедиоксиамфетамина (МДА) в крови Абигайль Фольгер. Это больше, чем было найдено в кровеносной системе Войтека Фрайковски (0,6 мг), — но Абигайль не обязательно приняла большую, чем он, дозу. Она могла принять МДА позднее, чем Фрайковски.

Эффект от принятия этого наркотика варьируется в зависимости от дозировки и индивидуальных особенностей организма принимающего, но ясно одно: в ту ночь Абигайль Фольгер полностью осознавала происходящее.

Жертве нанесены двадцать восемь ножевых ранений.

Войцех (Войтек) Фрайковски.

Белый, мужчина, 32 года, 5 футов 10 дюймов, 165 фунтов, светлые волосы, голубые глаза. Фрайковски состоял в гражданском браке с Абигайль Фольгер...

“Войтек, — скажет Роман Полански репортерам, — не был особенно талантливым человеком, но обладал замечательным обаянием”. Они подружились еще в Польше, и отец Фрайковски, по слухам, помогал финансировать один из ранних фильмов Полански. Еще в Польше Фрайковски был известен как сорвиголова. По словам знакомых эмигрантов, однажды он схватился сразу с двумя агентами тайной полиции и уложил обоих на больничную койку, — что, возможно, и стало причиной его отъезда из Польши в 1967 году. Войтек дважды был женат и, уезжая в Париж, оставил в Польше единственного сына. И на родине, и позднее в Нью-Йорке Полански поддерживал друга морально и деньгами, надеясь (но, хорошо зная Фрайковски, не питая излишнего оптимизма), что какой-либо из его великих планов сбудется. Ни один так толком и не осуществился. В частности, Войтек всем говорил, что он писатель, но никто не смог припомнить, чтобы он давал почитать написанное.

Друзья Абигайль Фольгер сказали полицейским, что Фрайковски “подсадил” ее на наркотики, чтобы держать под контролем. Друзья же Войтека придерживались иного мнения: Фольгер поставляла Фрайковски наркотики, чтобы не потерять его.

Полицейский отчет гласит: “Не имея средств к существованию, он черпал все необходимое в состоянии Фольгер... в большом количестве принимал кокаин, мескалин, ЛСД, марихуану, гашиш... будучи экстравертом, всех и каждого приглашал в гости. Употребление наркотиков считал естественным делом”.

Войтек отчаянно боролся за жизнь. Жертве нанесены два огнестрельных ранения, тринадцать ударов по голове тупым предметом и пятьдесят одна ножевая рана.

Стивен Эрл Парент.

Белый, мужчина, 18 лет, 6 футов ровно, 175 фунтов, рыжие волосы, карие глаза...

В июне Стив стал выпускником школы в Арройо; встречался с несколькими девушками, но не имел стабильных привязанностей; работал курьером в фирме, поставлявшей водопроводное оборудование, подрабатывая вечерами продавцом в магазине стереоаппаратуры. Работая сразу в двух местах, надеялся накопить достаточно денег для продолжения обучения и в сентябре поступить в институт.

Жертва получила легкое ножевое ранение и четыре огнестрельных.

Во время флюорографии, предшествовавшей вскрытию тела Себринга, доктор Ногучи обнаружил пулю, находившуюся между спиной Себринга и его рубашкой. Еще три пули были найдены непосредственно в процессе вскрытия: одна — в теле Фрайковски, две — в теле Парента. Все они (равно как и деформированные фрагменты, найденные в автомобиле Парента) были переданы для изучения сержанту Уильяму Ли, отделение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ ОНЭ. Ли сделал вывод, что все эти пули имели 22-й калибр и были, по-видимому, выпущены из одного и того же оружия.

Вскрытия еще продолжались, когда сержанты Пол Уайтли и Чарльз Гуэнтер, два следователя по делам об убийстве из Офиса шерифа Лос-Анджелеса, подошли к Джессу Баклзу, одному из следователей Департамента полиции Лос-Анджелеса, кому было поручено расследование “дела Тейт”, и поведали ему весьма необычную историю.

31 июля они ездили в дом 964 по Олд Топанга-роуд в Малибу, проверяли рапорт о возможном убийстве. В доме они нашли труп Гари Хинмана, тридцатичетырехлетнего учителя музыки. Гари умер от многочисленных ножевых ран.

Странная штука: как и в деле Тейт, на месте преступления убийцы оставили сообщение. На стене гостиной, неподалеку от тела Хинмана, ясно виднелись слова “POLITICAL PIGGY”^[50], написанные кровью жертвы.

Уайтли также рассказал Баклзу о произведенном им аресте подозреваемого в связи с убийством некоего Роберта “Бобби” Бьюсолейла, молодого музыканта-хиппи. Он сидел за рулем принадлежавшей Хинману машины, на его рубаше и брюках виднелись следы крови, и тут же рядом обнаружился нож. Арест был произведен 6 августа; таким образом, во время убийств на Сиэло-драйв подозреваемый уже находился под стражей. Впрочем, оставалась вероятность, что не он один вовлечен в расправу над Хинманом. В последнее время Бьюсолейл жил с группой других хиппи на ранчо Спана, старом ранчо с кинодекорациями неподалеку от Чатсворта, пригорода Лос-Анджелеса. Это была странная группа: лидер, парень по имени Чарли, очевидно, убедил остальных, что на самом деле он — Иисус Христос.

Как позднее вспомнит Уайтли, Баклз сразу утратил интерес к рассказу, стоило упомянуть хиппи. “Не-а, — протянул он, — мы уже знаем, что кроется за этими убийствами. Они — часть передачи из рук в руки крупной партии наркотиков”.

Уайтли вновь подчеркнул ряд странных совпадений. Ну, во-первых, способ убийства. В обоих случаях надпись, сделанная на стене. И там и здесь — печатные буквы, нанесенные кровью жертв. И в обоих случаях упоминаются “свиньи”. Любое из этих совпадений покажется весьма подозрительным, а уж *все сразу*... вероятность того, что они случайны, должна оказаться микроскопически мала.

Сержант Баклз, ДПЛА, сказал сержантам Уайтли и Гуэнтеру, ОШЛА, буквально следующее: “Если через недельку мы с вами еще не свяжемся, значит, распутываем что-то свое”.

Немногим более чем через двадцать четыре часа после обнаружения тел Департамент полиции Лос-Анджелеса получил из

Офиса шерифа Лос-Анджелеса ниточку, потянув за которую смог бы быстро распутать дело.

Баклз так никогда и не перезвонил коллегам, не сочтя переданную ему информацию достаточно важной для того, чтобы пересечь комнату для вскрытий и передать содержание только что состоявшегося разговора начальству в лице лейтенанта Роберта Хелдера, ведущего следствие по делу об убийствах на Сиэло-драйв.

Вняв просьбе лейтенанта Хелдера, доктор Ногучи не стал вдаваться в подробности, встречаясь с репортерами. Он не упомянул точного количества нанесенных ран, как не распространялся и о том, что две из пяти жертв незадолго до смерти находились под воздействием наркотиков. Он вновь отмел уже многократно повторенные прессой слухи о сексуальном насилии и (или) увечьях. Ни то ни другое не является правдой, подчеркнул он.

Отвечая на вопрос о ребенке Шарон, он сказал, что миссис Полански была на восьмом месяце беременности; что ребенок был прекрасно развивающимся мальчиком; что, если бы его извлекли из тела матери в ходе посмертного кесарева сечения не позже двадцати минут после ее гибели, жизнь ребенка, вероятно, можно было бы спасти. “Но к моменту обнаружения тел было уже слишком поздно”.

Лейтенант Хелдер тоже встретился с представителями прессы в тот день. Да, Гарретсон все еще содержится за решеткой. Нет, он не станет комментировать улики, имеющиеся против Гарретсона, лишь пояснит, что в данный момент полиция опрашивает его знакомых.

Не выдержав дальнейшего натиска, Хелдер признал: “Пока что у нас нет твердых улик, которые могли бы уверить нас в том, что преступление совершено одним человеком. Преступников могло быть двое. Или трое. Но лично я, — добавил он, — не думаю, что по округе разгуливает маньяк-убийца”.

В 16:25 в Центре Паркера лейтенант А. Г. Бердик приступил к допросу Уильяма Гарретсона на детекторе лжи.

Бердик не стал сразу же укреплять датчики. В соответствии с обычной процедурой, первый этап допроса носил характер беседы, и экзаменатор старался заставить подозреваемого расслабиться, одновременно выудив как можно больше дополнительной информации.

Сперва заметно испуганный, Гарретсон понемногу разговорился. Он сказал Бердику, что ему девятнадцать, что родом он из Огайо и что в марте его нанял Руди Альтобелли, который сразу же уехал в Европу. Работа была простая: содержать гостевой домик в порядке и присматривать за тремя псами. Взамен Гарретсон получил жилище, тридцать пять долларов в неделю, а еще Альтобелли обещал купить ему обратный билет до Огайо — сразу по возвращении.

Он редко соприкасался с людьми, жившими в основном здании, заявил Гарретсон. Это следовало, впрочем, из нескольких других его ответов. Например, он по-прежнему называл Фрайковски “молодым Полански”, тогда как Себринга не знал вовсе, ни по имени, ни по описанию, — хоть и встречал время от времени черный порше на подъездной дорожке.

На просьбу описать, чем он занимался до произошедших в усадьбе убийств, Гарретсон сказал, что вечером в четверг его навестил приятель, явившийся в компании с девушкой. Они принесли упаковку пива и немного “травки”. Гарретсон уверен, что дело было в четверг, потому что приятель женат и “он уже приходил с этой девушкой ко мне, ну, понимаете, по четвергам, когда жена отпускает его погулять”.

В.: “Они расположились на твоём диване?”

О.: “Ну да, и, пока они там барахтались, я потягивал себе пиво...”

Гарретсон припомнил, что выпил четыре банки пива, выкурил два косяка, принял порцию декседрина, — и его подташнивало всю пятницу.

Около 20:30 или 21:00 в пятницу, сказал Гарретсон, он спустился к Сансет-стрип купить пачку сигарет и телепрограмму. Часов у него нет, и время возвращения он не помнит — наверное, около десяти. Проходя мимо основного здания, он заметил свет в окнах, но никого не видел. В глаза не бросилось ничего необычного.

Потом “без четверти двенадцать, или в том роде, появился Стив [Парент]; он, знаете, притащил с собой приемник. У него было радио, такой приемник с часами; а я не ожидал, что он придет, и Удивился, а он просто спросил, как у меня делишки, все такое...” Парент включил приемник, чтобы продемонстрировать его работу, но Гарретсон не пришел в восторг.

Потом “я дал ему пива... ну, он его выпил и давай звонить кому-то... в Санта-Монику или Догени... и он сказал, что поедет прямо туда,

в общем, потом он ушел, и, знаете, вот тогда... тогда-то и я видел его в последний раз”.

Обнаруженные в автомобиле Парента часы остановились в 00:15 — приблизительно во время убийств. Конечно, это могло быть редким совпадением, но логика подсказывала, что Парент установил их, показывая Гарретсону, и выключил перед самым уходом. Это совпадало с оценкой времени самого Гарретсона.

По словам подозреваемого, после ухода Парента он написал несколько писем и слушал пластинки, а спать отправился лишь незадолго до рассвета. Заявив, что в течение ночи он не слышал ничего необычного, Гарретсон признался, что был “напуган”.

“Почему?” — спросил Бердик. Ну, вскоре после ухода Парента, отвечал Гарретсон, он заметил, что дверная ручка опущена вниз, словно кто-то пытался открыть дверь. И потом, когда он поднял трубку телефона, чтобы узнать точное время, тот не работал.

Как и прочие офицеры, Бердик считал маловероятным, чтобы Гарретсон, якобы прошедший на ногах всю ночь, ничего не слышал, — тогда как живущие поодаль соседи слышали выстрелы или крики. Гарретсон настаивал, впрочем, что не видел и не слышал вообще ничего, зато не был столь же уверен в другом: выходил ли на задний двор, выпустив собак Альтобелли; Бердику показалось, что ответы Гарретсона в этот момент стали уклончивы. Со двора, однако, основного здания не видно, хотя подозреваемый, конечно, мог что-то слышать.

Насколько могли судить офицеры ДПЛА, приближался момент истины. Бердик начал закреплять контакты детектора, одновременно перечисляя вопросы, которые собирался задать. Психологическая уловка, разумеется: зная, что конкретный вопрос будет задан, но не зная, когда именно, подозреваемый должен занервничать, и это усилит реакцию. Когда все было готово, Бердик начал допрос.

В.: “Гарретсон — твоя настоящая фамилия?”

О.: “Да”.

Реакция незначительна.

В.: “Насчет Стива: послужил ли ты причиной его смерти?”

О.: “Нет”.

Сидя спиной к аппарату, Гарретсон не видел выражения лица Бердика. Переходя к следующему вопросу, тот старался говорить

спокойно, никак не показав, что на бумажной ленте детектора остался мощный всплеск.

В.: “Ты понял мои предыдущие вопросы?”

О.: “Да”.

В.: “Ты чувствуешь себя виновным в смерти Стива?”

О.: “Что он вообще знал меня, да”.

В.: “А?”

О.: “Ну, что мы с ним были знакомы. То есть, если б он не приехал ко мне той ночью, с ним ничего бы не произошло”.

Бердик поправил датчик на руке Гарретсона, попросил расслабиться, несколько минут говорил с ним неформально. Затем давление вернулось, и вместе с ним — вопросы, лишь слегка Измененные на сей раз.

В.: “Гарретсон — твое настоящее имя?”

О.: “Да”.

В.: “Стрелял ли ты в Стива?”

О.: “Нет”.

Реакция незначительна.

За рядом тестовых вопросов последовало: “Знаешь ли ты человека, ставшего причиной смерти миссис Полански?”

О.: “Нет”.

В.: “Был ли ты причиной смерти миссис Полански?”

О.: “Нет”.

Реакция по-прежнему незначительна.

Бердик принял объяснение Гарретсона, что тот чувствовал себя ответственным за смерть Парента, но не принимал участия ни в этом конкретном убийстве, ни в остальных. Допрос продолжался еще около получаса, и в течение его Бердик отмел несколько возможных направлений следствия. Гарретсон не был гомосексуалистом; он никогда не занимался сексом с кем-либо из погибших; он никогда не продавал наркотики.

Если Гарретсон и лгал, аппарат никак на это не реагировал; тем не менее подозреваемый заметно нервничал на протяжении всей процедуры. Бердик спросил отчего. Гарретсон объяснил, что по пути в камеру один из полицейских показал на него со словами: “Вот он, тот самый парень, что убил всех этих людей”.

В.: “Могу представить твое потрясение. Но это ведь не значит, что ты солгал?”

О.: “Нет, я просто растерян”.

В.: “Почему ты растерян?”

О.: “Из-за одной вещи. Как так вышло, что меня не убили вместе со всеми?”

В.: “Не знаю”.

Хотя в качестве доказательства сведения, полученные в ходе допроса на детекторе лжи, официально к делу не приобщаются, полицейские доверяют им^[51]. Пускай Гарретсону и не сообщили о результатах, проверку он все же прошел. “В качестве основного вывода, — напишет в своем официальном заключении руководитель ОНЭ, капитан Дон Мартин, — оператор выразил мнение, что мистер Гарретсон правдиво отвечал на вопросы и криминально не был вовлечен в убийства Полански и других”.

Неофициально же, вполне веря в “чистоту” Гарретсона, Бердик посчитал, что подозреваемый был не совсем откровенен. Возможно, он все же слышал что-то и затем, испугавшись, прятался до рассвета. Впрочем, это не более чем предположение.

Каковы бы ни были намерения и упования следствия, после допроса на детекторе лжи Уильям Истон Гарретсон перестал считаться хорошим подозреваемым. И все же докучливый прежний вопрос остался без ответа: убиты все, кто находился на территории усадьбы 10050 по Сизло-драйв, не считая одного человека — почему?

Гарретсона продержали под арестом еще сутки, поскольку ответ не был найден немедленно, — и, несомненно, отчасти еще и потому, что единственный оставшийся в живых вызывал немалые подозрения.

В то же воскресенье студент Калифорнийского университета Лос-Анджелеса Джерролд Д. Фридман связался с полицией и объявил, что звонок, сделанный Стивеном Парентом около 23:45 в пятницу, предназначался ему. Парент намеревался собрать для Фридмана стереосистему и хотел обсудить сделку. Фридман пытался отговорить Стива приезжать, ссылаясь на позднее время, но в итоге поддался и объявил, что тот может заглянуть на несколько минут. Парент осведомился о времени и, получив ответ, сказал, что будет у Фридмана

около 00:30^[52]. Как выразился студент, “да только он так и не появился”.

В то воскресенье следователи ДПЛА не только потеряли лучшего на тот момент подозреваемого, но и были вынуждены признать обрыв еще одной многообещающей ниточки. Красный “феррари” Шарон Тейт, которым, по мнению полицейских, могли воспользоваться спешившие скрыться убийцы, обнаружился в одном из гаражей Беверли-Хиллз, куда на прошлой неделе Шарон отогнала машину для ремонта.

Вечером того же дня из Лондона прибыл Роман Полански. Видевшие его в аэропорту репортеры написали: “сокрушен несчастьем” и “потрясен трагедией”. Хотя сам Роман и отказался выступить перед прессой, его представитель отрицал, будто в слухах о его разрыве с Шарон есть хоть доля истины. По его словам, Полански оставался в Лондоне, продолжая незаконченную работу. Шарон же вернулась пораньше, на корабле, — из-за ограничений, накладываемых авиакомпаниями на полеты женщин на последних месяцах беременности.

Полански разместили в квартире на территории студии “Парамаунт”, где он оставался, не нарушая добровольного затворничества, под присмотром врача. Вечером полицейские имели с ним краткую беседу, но на тот момент он был не в состоянии предположить, кто из его знакомых мог иметь мотив для убийств.

Фрэнк Стратерс также вернулся в Лос-Анджелес вечером в то воскресенье. Около 20:30 семейство Саффи высадило его в конце длинной подъездной дорожки, ведущей к дому Лабианка. Пыхтя под весом чемодана и походного снаряжения, пятнадцатилетний подросток заметил, что катер по-прежнему оставался в прицепе за “тандербердом” Лено. Это показалось странным; Фрэнк знал, что отчим не любит оставлять лодку на улице на всю ночь. Разложив снаряжение в гараже, Фрэнк подошел к задней двери дома.

Лишь тогда он увидел, что все шторы в окнах опущены. Фрэнк не мог припомнить, чтобы их опускали прежде, и это испугало его, совсем чуточку. В кухне горел свет, и Фрэнк постучал в дверь. Никакого ответа. Он крикнул, и снова никто не ответил.

Действительно встревожившись, он направился к ближайшему телефону-автомату, стоявшему у прилавка с гамбургерами на

пересечении Гиперион и Ровена. Фрэнк набрал домашний номер и затем, не дождавшись ответа, попытался найти сестру в ресторане, в котором та работала. Этот день был выходным у Сьюзен, но менеджер предложил поискать ее на квартире. Фрэнк продиктовал ему номер автомата.

Сразу после девяти она перезвонила. Нет, Сьюзен не говорила ни с матерью, ни с отчимом с тех пор, как они довезли ее до квартиры вчера ночью. Попросив Фрэнка остаться на месте, она позвонила своему парню, Джо Доргану, и сказала ему, что Фрэнку кажется, будто в доме что-то не так. Примерно в 21:30 Джо и Сьюзен подобрали Фрэнка у прилавка с гамбургерами и вдвоем направились прямо к дому 3301 по Вейверли-драйв.

Розмари частенько оставляла набор ключей в машине. Найдя их, они отперли заднюю дверь^[53]. Дорган предложил, чтобы Сьюзен подождала на кухне, пока они с Фрэнком не осмотрят остальные помещения. Затем, вдвоем, они прошли в гостиную. И, войдя в нее, увидели Лено.

Он лежал на спине между софой и креслом. Голова накрыта диванной подушкой, вокруг шеи затянут какой-то провод, а верхняя часть пижамы разорвана — так, что виднеется живот. Из живота что-то торчит.

Лено лежал настолько неподвижно, что оба сразу поняли: он мертв.

Испугавшись, что Сьюзен последует за ними и увидит все это, они вернулись на кухню. Джо снял было трубку, собираясь звонить в полицию, но затем, посчитав, что этим нарушает целостность улики на месте преступления, положил ее, сказав Сьюзен: “Все в порядке; давай убираться отсюда”. Но Сьюзен уже догадалась, что все отнюдь не в порядке — на дверце холодильника что-то было написано, вроде как красной краской.

Поспешив вернуться по дорожке, они остановились у двухквартирного дома через улицу, 3308 по Вейверли-драйв, и Дорган нажал кнопку звонка. Распахнулся глазок. Дорган сказал, что произошло убийство и ему нужно позвонить в полицию. Мужчина внутри отказался открыть дверь, бросив: “Мы сами туда позвоним”.

Коммутатор ДПЛА зафиксировал этот звонок в 22:26 — звонивший жаловался на глупые выходки молодых хулиганов.

Не будучи уверен, что мужчина действительно намерен звонить, Дорган уже нажал звонок второй квартиры, 3306. Доктор Мерри Дж. Брайхем и его жена впустили в дом всех троих. Впрочем, молодые люди были настолько взволнованы, что миссис Брайхем самой пришлось позвонить. В 22:35 по указанному адресу отправилась “единица 6A39”, черно-белый полицейский автомобиль с двумя офицерами — В. С. Родригесом и Дж. С. Тонейем. Прибыли они на удивление быстро, всего через пять-семь минут.

Сьюзен и Фрэнк оставались у доктора с супругой, а Дорган тем временем проводил обоих офицеров Голливудского отделения к дому Лабианка. Тоней прикрывал заднюю дверь, пока Родригес обходил дом. Дверь главного входа оказалась закрыта, но не заперта. Заглянув внутрь, офицер бегом вернулся к автомобилю и запросил группу поддержки, старшего по званию и машину “скорой помощи”.

Родригес работал в полиции лишь четырнадцать месяцев; прежде ему ни разу не случалось находить мертвое тело.

Спустя несколько минут на место прибыла “скорая помощь” (машина G-1), и Лено Лабианка был официально признан МПП (то есть “мертвым по прибытии” врача к пострадавшему). В придачу к подушке, виденной Фрэнком и Джо, на голову убитому оказалась натянута окровавленная наволочка. Провод, обвязанный вокруг шеи, шел от массивной лампы; узел был настолько туг, что могло показаться, будто человека душили. Руки Лено оказались связанными за спиной кожаным ремешком. Предмет, торчащий из живота погибшего, был двузубой вилкой для сервировки с рукоятью слоновой кости. Кроме множества ножевых ранений брюшной полости, на животе Лено зияли вырезанные кем-то три буквы: “WAR”^[54].

Группа поддержки, “единица 6L40”, которую вел сержант Эдвард Л. Клайн, прибыла сразу вслед за “скорой помощью”. Прослуживший уже шестнадцать лет, Клайн принял на себя ответственность и получил заполненный розовый бланк МПП, прежде чем двое санитаров ушли.

Они уже двинулись прочь по подъездной дорожке, когда Родригес позвал санитаров назад. В хозяйской спальне Клайн нашел еще одно мертвое тело.

Розмари Лабианка лежала лицом вниз на полу спальни, между кроватью и туалетным столиком, в большой луже крови. На ней была

короткая розовая ночная рубашка и, поверх нее, дорогое платье — синее с белыми горизонтальными полосами, в котором Сьюзен позже признает одно из любимых платьев матери. И ночная рубашка, и платье задраны на голову лежащей, оголяя спину, ягодицы и ноги. Ножевых ран так много, что Клайн даже не пытался их сосчитать. Руки Розмари не были связаны, но, подобно мужу, голову ее покрывала наволочка, а вокруг шеи был повязан провод. Принадлежал он одной из двух настольных ламп, стоявших у кровати — до того, как обе оказались сбиты и перевернуты. Натяжение провода и вторая лужа крови в двух футах от тела указывали, что жертва, возможно, пыталась ползти и при этом опрокинула лампы.

Второй розовый бланк МПП был заполнен на миссис Розмари Лабианка. Джо Доргану предстояло сообщить об увиденном Сьюзен и Фрэнку.

В трех разных местах в доме были найдены надписи, сделанные чем-то напоминающим кровь. На северной стене гостиной, довольно высоко, над несколькими висящими там картинами, было написано: “DEATH TO PIGS”^[55]. На южной стене, слева от парадной двери, виднелось единственное слово: “RISE”^[56]. Еще два слова найдены на дверце холодильника в кухне; первое с ошибкой. Они гласили: “HEALTER SKELTER”^[57].

11 августа 1969 года, понедельник

В 12:15 дело было передано для расследования отделу грабежа и убийств. Сержант Дэнни Галиндо, предыдущей ночью охранявший усадьбу на Сизло-драйв, появился первым. Вскоре к нему присоединились полицейский инспектор К. Дж. Маккоули и несколько других следователей, тогда как вспомогательная группа опечатала территорию по приказу Клайна. Впрочем, как и в случае с “убийствами Тейт”, уже начавшие прибывать журналисты, очевидно, без особого труда получили информацию об обстановке в доме.

Галиндо тщательно осмотрел одноэтажный дом Лабианка. Не считая перевернутых ламп, никаких следов борьбы он не обнаружил. Как не увидел и признаков того, что мотивом убийств могло послужить ограбление. Среди находок, перечисленных Галиндо в отчете, составленном для душеприказчика, значились: мужское золотое кольцо

с тремя бриллиантами (один камень на один карат, два других поменьше); два дорогих женских кольца, причем оба лежали на виду, на туалетном столике в спальне; ожерелья; браслеты; фотооборудование; пистолеты и винтовки; коллекция монет (мешочек с вышедшей из обращения мелочью, найденный в багажнике принадлежавшего Лено “тандерберда”, стоил значительно больше 400 долларов общего номинала); бумажник Лено Лабанка с кредитными карточками и наличными (найден в отделении для перчаток его машины); несколько наручных часов (среди них — дорогой секундомер из тех, что используются на скачках), — равно как и многие другие предметы, без труда сбываемые с рук.

Несколько дней спустя Фрэнк Стратерс вернулся в дом в сопровождении полицейских. Насколько он мог судить, единственными похищенными предметами оказались кошелек Розмари и ее часики.

Галиндо не сумел обнаружить признаков взлома. Впрочем, проверив заднюю дверь, он счел, что ее можно было бы с легкостью отпереть, отжав язычок замка. Ему удалось проделать это с помощью полоски целлулоида.

Следователи сделали еще несколько находок. Вилка с ручкой слоновой кости, торчавшая из живота Лено, принадлежала к набору, найденному в кухонном шкафчике. В раковине обнаружили несколько дынных корок. Здесь были также и кровавые брызги: и тут, в кухне, и в дальней ванной комнате. На полу столовой найден комок пропитанной кровью бумаги; протершаяся сторона подсказывала, что именно им, возможно, были сделаны надписи.

Во многих отношениях действия полиции, предпринятые тем вечером в доме 3301 по Вейверли-драйв, были точным повтором происходившего менее 48 часов тому назад в доме 10050 по Сиэло-драйв. В ряде случаев даже производившие эти действия люди были те же: около 15 часов для взятия проб крови сюда приехал сержант Джо Гранато.

Крови в кухонной раковине оказалось недостаточно, чтобы определить, принадлежала ли она человеку или животному, но во всех остальных случаях взятые пробы дали положительный результат на тест Октерлони — кровь была человеческой. Кровь в дальней ванной комнате, так же как и кровь возле тела Розмари Лабанка, принадлежала к группе А — типу самой Розмари. Все же прочие

пробы, включая скомканную бумажку и надписи, соответствовали группе В — типу Лено Лабианка.

В тот день Гранадо *ни разу* не попытался определить подгруппу.

Специалисты по дактилоскопии из ОНЭ, сержанты Гарольд Долан и Дж. Клэборн, выявили двадцать пять отпечатков, которые (кроме шести) позднее окажутся принадлежащими Лено, Розмари или Фрэнку. Для Долана, тщательно проверившего поверхности, где обязательно должны были оставаться отпечатки, но их не обнаружившего, было очевидно, что кто-то пытался стереть, уничтожить их. Например, на ручке вилки слоновой кости не было ни мазка, как не было совершенно ничего ни на хромированной ручке холодильника, ни на полированной поверхности самой дверцы — то есть на поверхностях, идеальных для сохранения отпечатков пальцев. При тщательном осмотре на дверце холодильника обнаружили следы вытирания.

После того как свою работу закончили полицейские фотографы, заместитель coronera распорядился вынести тела и наблюдал за этой процедурой. Наволочки остались на лицах обеих жертв; шнуры ламп отрезали, чтобы оставшиеся нетронутыми узлы можно было подвергнуть детальному изучению. Представитель отдела работы с животными увез трех собак, бывших в доме на момент появления первых офицеров полиции.

Вновь следователи оказались перед разрозненными деталями головоломки. Впрочем, теперь смутно просматривалась некая система, состоявшая в ряде совпадений: Лос-Анджелес, штат Калифорния; две ночи подряд; в обоих случаях убитых несколько; в обоих случаях жертвами преступления стали преуспевающие представители европейской расы; множественные ножевые ранения; невероятная жестокость; отсутствие очевидного мотива; отсутствие признаков ограбления; веревка на шее двух жертв в “деле Тейт”, провода — на шее обоих супругов Лабианка. И, конечно, кровавые надписи.

И все же не пройдет и двадцати четырех часов, как полиция решит: между двумя этими преступлениями не существует никакой связи.

НОВЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА В ГОРОДЕ

ЗАРЕЗАНА СЕМЕЙНАЯ ПАРА ИЗ ЛОС-ФЕЛИЦА

ПРОСМАТРИВАЕТСЯ СВЯЗЬ С ПЯТЬЮ УБИЙСТВАМИ НАКАНУНЕ

— кричали заголовки первых газетных полос утром в понедельник; телеканалы прерывали передачи, чтобы сообщить последние новости; миллионам “ангеленос”, приехавшим на работу из пригородов, показалось, что приемники в их машинах только об этом и вещали^[58].

Именно тогда страх охватил город.

Когда распространилось известие об убийствах на Сизло-драйв, даже знакомые жертв испытали скорее шок, чем страх, — ибо одновременно было объявлено, что арестован подозреваемый, которому уже предъявлено обвинение. Во время новых убийств, однако, Гарретсон находился под стражей. И с его освобождением в тот понедельник — юноша выглядел таким же озадаченным и напуганным, как и в момент “поимки” — началась паника. И стала шириться, разрастаясь.

Если Гарретсон не виновен, значит, преступник до сих пор разгуливает на свободе. И если убийства произошли в столь отдаленных друг от друга местах, как Лос-Фелиц и Бель-Эйр, если пострадали настолько разные люди, как знаменитости киноиндустрии и владелец сети бакалейных магазинов с женой, стало быть, то же самое может произойти где угодно, с кем угодно.

Порой страх поддается измерению. Вот несколько относительно точных “барометров”: за два дня один из спортивных магазинов на Беверли-Хиллз продал 200 единиц огнестрельного оружия; до убийств здесь продавалось три-четыре штуки в день. Некоторые из частных охранных фирм удвоили (а затем и утроили) персонал. Сторожевые собаки, ранее стоившие 200 долларов, теперь продавались за полторы тысячи; вскоре все они были раскуплены. Производители дверных замков принимали заказы с двухнедельной отсрочкой. Случайные выстрелы, сообщения о подозрительных лицах — все это внезапно возросло в количестве.

Новость о том, что в тот уикенд в Лос-Анджелесе зарегистрировано 28 убийств (при среднем показателе одно убийство в сутки), отнюдь не разрядила обстановку.

Сообщалось, что Фрэнк Синатра отбыл в неизвестном направлении; что Миа Фэрроу не придет на похороны своей подруги Шарон, поскольку, по словам родственника, “Миа боится, что следующей будет она сама”; что Тони Беннетт^[59] выехал из своего

бунгало на территории отеля “Беверли-Хиллз” в номер внутри здания “из соображений безопасности”; что Стив Мак-Куин теперь держит оружие под передним сиденьем своей спортивной машины; что Джерри Льюис^[60] оснастил дом сигнализацией и приборами теленаблюдения. Конни Стивенс^[61] призналась позже, что превратила свой дом на Беверли-Хиллз в настоящую крепость. “В основном, из-за убийства Шарон Тейт и остальных. Тогда у всех от испуга свет в глазах померк”.

Прерывались дружеские отношения, “сомнительные” лица внезапно вычеркивались из списков приглашенных, отменялись запланированные вечеринки — ибо вместе со страхом в людей вселилась подозрительность. Убийцей или убийцами мог оказаться практически каждый.

Облако страха накрыло Южную Калифорнию — более удушливое, чем любой смог. Пройдет немало месяцев, прежде чем оно рассеется. Не ранее марта следующего года Уильям Кломан^[62] напишет в журнале “Эсквайр”: “В больших домах Бель-Эйр люди стремглав бросаются к телефону, стоит только ветке упасть со стоящего за окном дерева”.

POLITICAL PIGGY — ХИНМАН
PIG — ТЕЙТ
DEATH TO PIGS — ЛАБИАНКА

В каждом случае эти слова были написаны кровью одной из жертв. Сержант Баклз все еще не считал данное обстоятельство достаточно важным, чтобы задуматься, случайно ли это.

Вскрытиями тел Лабианка руководил Дэвид Кацуяма, заместитель медицинского эксперта. Прежде чем начать, он снял с голов обеих жертв наволочки. Лишь тогда выяснилось, что в добавление к двузубой вилке, воткнутой в живот, в горле Лено Лабианка торчал нож.

Поскольку никто из присутствовавшего на месте преступления полицейского персонала не видел ножа, находка стала одним из ключей для допросов на детекторе лжи в деле Лабианка. “Ключей” было еще два. По непонятной причине фраза “DEATH TO PIGS” стала известна прессе; но ни “RISE”, ни “HEALTER SKELTER” так и не просочились в газеты.

Лено А. Лабианка,

3301 Вейверли-драйв. Белый, мужчина, 44 года, 6 футов ровно, 220 фунтов, карие глаза, шатен...

Родившийся в Лос-Анджелесе сын основателя “Стэйт хоул-сэйл grosери компани”, Лено начал вникать в тонкости семейного бизнеса после учебы в Южно-Калифорнийском университете и в конце концов стал президентом “Гейтвэй маркетс”, сети магазинов на юге Калифорнии.

Насколько удалось выяснить полицейским, у Лено не было врагов. Но вскоре, впрочем, они обнаружили, что и у него также имелась своя темная сторона. Друзья и родственники говорили о нем как о тихом человеке консервативного склада и были поражены, узнав после его смерти, что Лено принадлежали девять чистокровных скаковых лошадей (самая известная из них — Леди Килдэйра), что он был азартнейшим игроком, не пропускавшим ни единого дня скачек и обычно ставившим по 500 долларов за заезд. Они также не подозревали, что на момент убийства у Лено было долгов примерно на 230 тысяч долларов.

В течение будущих недель следователи проделают замечательную работу, пробиваясь сквозь запутанный лабиринт сложных финансовых дел Лено Лабианка. Впрочем, вероятность того, что Лено мог стать жертвой акул-кредиторов, поблекла, когда выяснилось, что Розмари Лабианка сама была вполне богата, имея более чем необходимые средства для уплаты по векселям Лено.

Один из бывших деловых партнеров Лено, также итальянец, знавший о его пристрастии игрока, сказал полицейским, что, как ему кажется, убийства могли совершить мафиози. Он признал, что нет никаких улик, которыми он смог бы подкрепить свою версию; однако следователи установили, что короткий промежуток времени Лено пробыл в совете директоров банка “Голливуд”, который, по данным агентов ДПЛА и ОШЛА, предположительно стоял на “грязных деньгах”. Они не сумели доказать это, хотя несколько других членов того же совета директоров были уличены и осуждены за создание схемы получения денег под фиктивные векселя. Возможность участия мафии стала одной из многочисленных версий, которые полицейским придется тщательно проверить.

У Лено не было взысканий или арестов; Розмари однажды вызывалась в суд после нарушения правил дорожного движения, еще в 1957 году.

Жизнь Лено была застрахована на сумму в 100 тысяч, которая должна была быть распределена между Сьюзен, Фрэнком и тремя другими детьми от предыдущего брака Лено и потому не могла всерьез считаться мотивом.

Лено Лабианка умер в том же доме, где родился: они с Розмари перебрались в семейный особняк, который Лено выкупил у матери в ноябре 1968 года.

Причина смерти: множественные колотые ранения. Жертва получила двенадцать ударов ножом и четырнадцать ран, нанесенных двузубой вилкой, — итого двадцать шесть отдельных ран, шесть из которых сами по себе могли оказаться смертельными.

*Розмари Лабианка,
3301 Вейверли-драйв. Белая, женщина, 38 лет, 125 фунтов, карие
глаза, шатенка...*

Вполне возможно, что и сама Розмари многого не знала о собственном детстве. Считалось, что она родилась в Мексике от родителей-американцев, затем осиротела или была отдана в приют в Аризоне. Там она оставалась на положении ребенка-сироты до достижения ею двенадцати лет, когда ее удочерила семья Хармон, забравшая девочку в Калифорнию. Своего первого мужа Розмари встретила в конце сороковых, едва выйдя из подросткового возраста и работая официанткой авторесторана “Браун дерби драйв-ин” в Лос-Фелице. Они развелись в 1958 году, и вскоре после этого, работая официанткой в “Лос-Фелицинн”, Розмари познакомилась с Лено Лабианка и вышла за него замуж.

Бывший муж Розмари подвергся допросу с использованием детектора лжи, после чего его вовлеченность в преступление была отмечена. Бывшие начальники, друзья, недавние деловые знакомые не могли припомнить никого, кто питал бы к Розмари неприязнь.

По словам Рут Сивик, партнерши Розмари по “Бутик Карриаж”, она прекрасно справлялась с бизнесом; не только сам магазин процветал, но Розмари еще и с умом вкладывала деньги в акции и

предприятия. Насколько успешными были ее вложения, выяснилось только после соответствующих консультаций: Розмари Лабианка оставила после себя 2 миллиона 600 тысяч долларов. У Абигайль Фольгер, единственной наследницы семейного состояния из убитых на Сиэло-драйв, было менее пятой части этой суммы.

В последний раз миссис Сивик видела Розмари в пятницу, когда они вместе делали закупки товара для магазина. Розмари позвонила утром в субботу, чтобы сказать, что они с мужем собираются съездить на озеро Изабелла, и попросить Рут заглянуть к ним и покормить собак. У четы Лабианка жили три собаки, и все они заливались громким лаем, когда Рут подходила к дому около 18 часов в тот вечер. Покормив их (собачья еда была оставлена в холодильнике), миссис Сивик проверила двери — обе заперты — и ушла.

Показания миссис Сивик дали понять, что человек, протерший ручку холодильника, чтобы удалить оставшиеся отпечатки пальцев, сделал это уже после ее посещения.

Розмари Лабианка — официантка, миллионерша, жертва убийства.

Причина смерти: множественные ножевые ранения. Жертва получила сорок одну рану, шесть из которых сами по себе могли оказаться смертельными.

Все (кроме одной) раны Лено Лабианка пришлось на переднюю часть тела; тридцать шесть из сорока одной ран, нанесенных Розмари Лабианка, пришлось на спину и ягодицы. У Лено не было ран, полученных в попытке защититься, — видимо, руки жертвы были связаны до того, как его ударили ножом. У Розмари была одна такая рана — на левой скуле. Эта рана и нож, найденный в горле Лено, дали возможность предположить, что наволочки надели на головы жертвам уже позднее; возможно, уже после того, как те скончались.

Наволочки принадлежали самим Лабианка и были сняты с подушек на их собственной постели.

Нож, оставленный убийцей(цами) в горле Лено, также принадлежал им; хотя он и относился к другому кухонному набору, чем двузубая вилка, его форма совпала с остальными ножами в шкафчике на кухне. Размеры лезвия: длина — $4\frac{7}{8}$ дюйма; толщина — чуть менее дюйма; ширина в наиболее узкой точке — $\frac{3}{8}$ дюйма.

Следователи по “делу Лабианка” позднее отметят в отчете: “Нож, извлеченный из его горла, по-видимому, послужил орудием, использованным в обоих убийствах”.

Это, разумеется, лишь предположение, поскольку доктор Кацу-яма отчего-то не последовал примеру своего начальника, доктора Ногучи, руководившего вскрытиями жертв по “делу Тейт”, и не измерил размеров нанесенных жертвам ран. Впрочем, приписанные к делу следователи и не просили его произвести эти замеры.

Между тем число возможных версий происшедшего значительно возросло, поскольку следователи не знали точно, каким орудием нанесены раны. Единственное орудие предполагает действия убийцы-одиночки. То, что использованное им орудие находилось в самом доме, подсказывает, что убийца, по всей вероятности, явился невооруженным, и решение убить хозяев возникло уже после его прихода. Что, в свою очередь, подразумевает: 1) убийца явился в дом для ограбления или для совершения какого-либо другого преступления, но был застигнут вернувшимися Лабианка; 2) жертвы были знакомы с убийцей и достаточно доверяли ему, чтобы впустить в дом около двух часов ночи.

Одно маленькое предположение — но сколько же проблем оно вызовет потом!

Как и рассчитанное экспертом время смерти.

По просьбе следователей Кацуяма предположил, что смерть обоих наступила в 15 часов в субботу. Когда в распоряжении следствия появились свидетельства, противоречащие этому предположению, следователи вновь встретились с Кацуямой и попросили его подумать как следует. Тогда доктор Кацуяма решил, что Лено Лабианка умер где-то в промежутке между 12:30 и 20:30 в воскресенье, а Розмари умерла примерно на час ранее. Впрочем, предупредил следователей доктор Кацуяма, на время предположительной смерти могли оказать влияние многочисленные факторы — температура в доме, например.

Все это прозвучало настолько неопределенно, что следователи решили попросту игнорировать выводы медика. От Фрэнка Стратерса они уже знали, что Лено был человеком привычки. Ежевечерне он покупал газету и затем прочитывал перед сном, всегда начиная со спортивного раздела. Именно на этой странице раскрыта газета на кофейном столике, очки для чтения Лено лежали тут же. Исходя из этой

и некоторых других улик (на Лено была пижама, в постель супруги, видимо, не ложились и т. д.), они заключили, что убийства, вероятно, произошли не позднее чем через час после того, как Лабианка отъехали от газетного прилавка Фокианоса, — где-то между 2 и 3 часами ночи.

В понедельник полиция уже свела сходство обоих преступлений к минимуму. Инспектор К. Дж. Маккоули заявил репортерам: “Я лично не вижу никакой связи между этим убийством и предыдущими. Слишком уж они разнесены в пространстве. Я просто не вижу тут никакой связи”. Сержант Брис Хоучин отметил: “Некоторое сходство есть, но мы пока не знаем, сделано ли это одним человеком или же разными”.

Было и еще несколько причин для того, чтобы сбросить со счетов сходство. Одной из них послужило отсутствие очевидной связи между жертвами; другой — расстояние между домами, в которых совершены убийства. Еще одна, не менее важная причина, определяющая мотив: в доме 10050 по Сизло-драйв были найдены наркотики; в доме же 3301 по Вейверли-драйв — нет.

И еще одна — возможно, самая веская из всех. Еще до того, как Гарретсон был отпущен на свободу, следователи по “делу Тейт” напали на след даже не одного, а сразу нескольких весьма перспективных подозреваемых.

12–15 августа 1969 года

От Уильяма Теннанта, делового менеджера Романа Полански, следователи ДПЛА узнали, что в середине марта чета Полански устраивала большую вечеринку на Сизло, куда пришло более сотни гостей. Как и на всяком крупном голливудском собрании, туда попали и не приглашенные, и среди них +Херб Уилсон, +Ларри Мэдиган и +Джеффри Пикетт, известный также как Пик^[63]. Все трое, в возрасте до тридцати лет, имели репутацию торговцев наркотиками. Во время вечеринки Уилсон, очевидно, каким-то образом перешел дорогу Теннанту, и во вспыхнувшей вслед за этим ссоре Мэдиган и Пикетт приняли сторону Уилсона. Взбешенный Роман Полански приказал вышвырнуть всех троих за ворота.

Это был лишь мелкий инцидент, сам по себе едва ли способный послужить причиной пяти зверских убийств, но Теннант слышал и кое-

что еще: Пик как-то угрожал расправой Фрайковски. Этой информацией с ним поделился приятель Войтека, Витольд Касжановски — художник, известный как Витольд К.

Не забывая о сходстве между кличкой Пикетта — *Pic* — и кровавыми буквами “*PIG*” на парадной двери дома 10050 по Сиэло-драйв, следователи сняли с Витольда К. показания. От него они узнали, что после отъезда четы Полански в Европу Уилсон, Пикетт, Мэдиган и четвертый, +Джерольд Джонс, частенько наносили визиты в дом на Сиэло. Уилсон и Мэдиган, по словам Витольда, снабжали Войтека и Гибби большей частью употребляемых ими наркотиков — включая и МДА, принятым обоими незадолго до смерти. Что же до Джеффри Пикетта, то после того, как Гибби и Войтек перебрались на Сиэло-драйв, он въехал в их дом на Вудсток-роуд. Витольд тоже жил там, и однажды во время спора Пикетт пытался задушить художника. Узнав об этом, Войтек велел Пикетту убираться вон. В ярости Пик поклялся: “Я их всех поубиваю, и Войтек будет первым”.

Несколько других лиц также посчитали, что кто-то из четверых может быть вовлечен в произошедшее, и поделились своими подозрениями с полицией. Джон и Мишель Филлипсы, бывшие участники музыкальной группы “*The Mamas and the Papas*”, дружившие с четверым из жертв, заявили, что Уилсон однажды угрожал Войтеку пистолетом. Ряд других жителей Стрип добавили к этому еще кое-что: Уилсон частенько бахвалился, что он якобы наемный убийца; Джонс профессионально метал ножи и всегда имел при себе хотя бы один; Мэдиган был “кэндименом” (постоянным поставщиком кокаина) Себринга.

Более убежденные, чем прежде, что убийства в доме по Сиэло-драйв произошли в ходе спора о цене или после совместного приема наркотиков, следователи ДПЛА взялись за поиски Уилсона, Мэдигана, Пикетта и Джонса.

Долгие десять лет Шарон Тейт стремилась к настоящему успеху. И он пришел, всего три дня спустя после ее гибели. Во вторник, 12 августа, ее имя перешло с газетных заголовков на киноафиши. “Долина кукол” была вновь запущена в национальный прокат и пошла в более чем дюжине кинотеатров в одном только Лос-Анджелесе. За этой картиной вскоре последовали “Неустршимые убийцы вампиров” и

другие фильмы с участием актрисы — единственной разницей было то, что имя Шарон теперь указывали первым. Она стала наконец звездой.

В тот же день представитель полиции заявил репортерам, что отсутствие связи между убийствами Тейт и Лабианка является официальной точкой зрения. “Лос-Анджелес таймс”, кроме того, писала: “Несколько офицеров уточнили, что они лично не склонны воспринимать позднейшие два преступления как дело рук убийцы — подражателя”.

С самого начала два следствия развивались параллельно, и к каждому делу были приписаны разные следователи. Они собирались продолжать работу в том же духе: каждая группа будет разматывать свои ниточки, исследовать собственные улики, допрашивать собственных подозреваемых.

У двух следственных групп было, однако, и нечто общее, хоть оно и расширяло разделявшую их пропасть. Обе действовали, исходя из обычной предпосылки: почти в 90 % всех убийств жертва хорошо знакома с убийцей. В обоих случаях следствие фокусировалось теперь на связях и знакомствах жертв.

Проверяя слухи об участии мафии, следователи по “делу Лабианка” опросили каждого из известных деловых партнеров Лено. Все эти люди сомневались, что убийства совершены по приказу мафии. Один из опрошенных сказал следователям: если бы мафия несла за них ответственность, он “наверняка знал бы об этом”. То было тщательное расследование, и следователи даже проверили, не финансируется ли мафией та компания в Сан-Диего, где во время своего отпуска в 1968 году Лено приобрел катер; выяснилось, что нет, хотя многие другие предприятия, существующие в районе Мишн-Бэй, по слухам, содержатся на “деньги еврейской мафии”.

Они даже задали тот же вопрос матери Лено, чтобы услышать в ответ: “Он был славным мальчиком. И никогда не принадлежал ни к какому тайному обществу”.

Исключение возможной связи с мафией, впрочем, не оставило следователей по “делу Лабианка” без единого подозреваемого. Расспрашивая соседей, они выяснили, что дом к востоку, 3267 по Вейверли-драйв, стоит пустым вот уже несколько месяцев. До этого

здесь собирались хиппи. Полицейских хиппи не интересовали, но зато другой прежний съемщик, некто +Фред Гарднер, заинтересовал, да еще как.

Из личного дела Гарднера и из бесед с коллегами выяснилось, что молодой адвокат “в прошлом испытывал трудности с психическим здоровьем и, по его словам, порой временно отключается и не может нести ответственность за собственные поступки...”. Во время спора с отцом он “схватил нож с кухонного стола и погнался за отцом с угрозами убить его...”. В сентябре 1968 года, всего после двух месяцев брака, “без всякой очевидной причины [он] жестоко избил жену, затем вынул нож из кухонного шкафа и пытался убить ее. Она отбила несколько ударов, после чего сумела сбежать от мужа и позвонить в полицию”. Арестованный за попытку убийства, Гарднер подвергся осмотру назначенным судом психиатром, который счел, что тот страдает “неконтролируемыми выплесками агрессивности маниакального характера”. Вопреки этому, предъявленное Гарднеру обвинение говорило уже не о попытке убийства, а о “словесном оскорблении и угрозе физическим насилием”. Фред получил условный срок и вернулся к адвокатской практике.

С тех пор Гарднер не раз бывал арестован из-за алкогольного или наркотического опьянения. Вслед за последним арестом (после подделки рецепта) он был отпущен на свободу под выкуп в 900 долларов и немедленно исчез. 1 августа, за девять дней до убийства четы Лабианка, Гарднер был официально объявлен в розыск. И теперь, как считала полиция, находился в Нью-Йорке.

Когда офицеры говорили с бывшей женой Гарднера, та вспомнила не менее семи отдельных случаев, когда Фред наносил визиты в дом Лабианка, всякий раз возвращаясь с деньгами либо виски. Когда она спросила мужа, что это значит, тот ответил что-то вроде: “Все о’кей. Я их отлично знаю, так что лучше пусть подкармливают меня, а не то...”

Не попытался ли Гарднер, с его-то пристрастием к кухонным ножам, вновь посетить бывших соседей — и на сей раз получил отказ? Офицеры связались с нью-йоркским агентом ФБР, чтобы попытаться установить местонахождение Гарднера.

*Возлюбленная жена Романа
Шарон Тейт-Полански*

1943–1969

Пол Ричард Полански, их малыши

В среду состоялись похороны. Более 150 человек пришли отдать последний долг Шарон Тейт на кладбище Святого Креста. Среди пришедших были Кирк Дуглас^[64], Уоррен Битти^[65], Стив Мак-Куин, Джеймс Кобурн^[66], Ли Марвин^[67], Юл Бриннер^[68], Питер Селлерс^[69], Джон и Мишель Филлипсы. Сопровождаемый врачом Роман Полански не снимал солнцезащитных очков и не смог сдержать слез во время церемонии прощания — так же как родители Шарон и две ее младшие сестры, Патриция и Дебора.

Многие из бывших там, включая Полански, позже присоединились к скорбящим на похоронах Джея Себринга в Форест-Лауне. Среди пришедших знаменитостей были Пол Ньюман, Генри и Питер Фонда^[70], Алекс Корд^[71] и Джордж Гамильтон^[72] — бывшие клиенты Себринга.

Куда меньше народу и фотовспышек сопровождало шестерых одноклассников, несших гроб с телом Стивена Парента — через весь город от маленькой церкви в Эль-Монте, где проводилась поминальная служба.

Абигайль Фольгер была похоронена неподалеку от мест, где росла, — на полуострове Сан-Франциско в Южной Калифорнии, вслед за мессой в церкви Богородицы при Дороге, выстроенной ее предками.

Тело Фрайковски оставалось в Лос-Анджелесе, пока польские родственники Войтека не выполнили все формальности для его возвращения на родину.

Пока тела предавались земле, полицейские офицеры пытались воссоздать жизни погибших — и в особенности тот последний день.

Пятница, 8 августа.

Около 8:00 миссис Чепмен прибыла на Сизло. Она вымыла оставшуюся с вечера посуду и продолжала заниматься обычной работой по хозяйству.

Около 8:30 появился Фрэнк Гуэрреро, чтобы покрасить будущую детскую — комнату в северном конце основного здания. Прежде чем начать, Гуэрреро снял с окон ставни.

В 11:00 раздался звонок. Из Лондона звонил Роман Полански. Миссис Чепмен слышала, как Шарон отвечала мужу; она опасалась, что Роман не сможет вернуться вовремя, чтобы поспеть к своему дню рождения, 18 августа. Очевидно, он успокоил ее, сказав, что планы не изменились и он вернется 12 числа, как и намечалось, — Шарон рассказала об этом миссис Чепмен. Шарон сообщила Роману, что записала его на курсы будущих отцов.

Шарон звонили еще несколько раз; один из звонков касался судьбы соседского котенка, забравшегося на территорию усадьбы, — Шарон как раз кормила его из пипетки. Когда выехал Терри Мельчер, после него осталось немало кошек, и Шарон обещала присматривать за ними. С той поры их количество увеличилось, и Шарон приходилось кормить все двадцать шесть, не считая двух собак — своей и Абигайль.

Большую часть дня Шарон была одета в бикини. По словам миссис Чепмен, так она обычно и ходила по дому в жаркую погоду.

Вскоре после полудня миссис Чепмен, заметившая на передней двери следы собачьих лап и брызги, тщательно вымыла всю внешнюю сторону водой с уксусом. Небольшая деталь, которая позже приобретет чрезвычайную важность.

Стивен Парент съел ленч в своем доме в Эль-Монте. Прежде чем возвратиться на работу, в фирму, поставлявшую водопроводное оборудование, он попросил мать отложить для него комплект чистой одежды, чтобы вечером он смог быстро переодеться перед тем, как отправиться на вторую работу, в магазин стереоаппаратуры.

Примерно в 12:30 две подруги Шарон — Джоанна Петтет (жена Алекса Корда) ^[73] и Барбара Льюис — приехали в дом на Сиэло-драйв на ленч. Миссис Чепмен подавала на стол. Шедшие за ленчем разговоры не имели большого значения, вспомнят позднее женщины, в основном говорили о скором рождении ребенка.

Около 13:00 позвонила Сэнди Теннант. Как упоминалось ранее, Шарон сказала ей, что не планирует вечеринку, но тем не менее пригласила Сэнди заглянуть; это приглашение Сэнди отклонила.

(Если верить ходившим впоследствии слухам, в ту ночь едва ли не пол-Голливуда получило приглашения прибыть в дом 10050 по Сиэло-драйв, но в последнюю минуту все эти люди передумали ехать. По словам Винифред Чепмен, Сэнди Теннант, Дебби Тейт и других, близко знавших Шарон, никакой вечеринки не было и не планировалось. Но

офицеры ДПЛА, похоже, потратили сотни человеко-часов, пытаясь найти кого-либо, кто все же побывал на этом воображаемом мероприятии.)

Закончив с первым слоем покраски, Гуэрреро покинул территорию усадьбы около 13:30. Он не поставил на место ставни, поскольку намеревался вернуться в понедельник и покрыть стены комнаты еще одним, последним слоем. Позже полиция заключит, что убийца (цы) либо не заметили снятых ставен, либо побоялись влезать в только что окрашенное помещение.

Около 14:00 Абигайль приобрела велосипед в магазинчике на бульваре Санта-Моника и договорилась, чтобы покупку доставили тем же вечером. Примерно в то же время Дэвид Мартинес, один из двух садовников Альтобелли, появился на территории усадьбы и сразу же принялся за работу. Войтек и Абигайль прибыли вскоре после него, чтобы присоединиться к Шарон и ее гостям за поздним ленчем.

Второй садовник, Том Варгас, появился около 15:00. Когда он входил в ворота, Абигайль как раз выезжала на принадлежавшем ей “камаро”. Пятью минутами позднее Войтек также покинул усадьбу в своем “файерберде”.

Джоанна Петтет и Барбара Льюис удалились около 15:30.

Где-то в то же время Амос Расселл, дворецкий Себринга, подал кофе в постель Джею и его нынешней подружке^[74]. Примерно в 15:45 Джей позвонил Шарон — очевидно, чтобы сообщить о своем прибытии немного ранее намеченного. Позже он позвонил секретарю (получил оставленные для него сообщения) и Джону Маддену, с которым обговорил его визит в салон Сан-Франциско на следующий день. Себринг не упоминал о планах на вечер, но признался Маддену, что провел день, работая над логотипом новых магазинов для привилегированных клиентов.

Как раз после звонка Себринга миссис Чепмен сказала Шарон, что закончила работу на сегодня и отправится домой. Поскольку в городе было очень жарко, Шарон предложила экономке остаться и переночевать в доме. Миссис Чепмен отказалась — и это, бесспорно, стало наиболее важным решением всей ее жизни.

Дэвид Мартинес как раз собирался уезжать и подбросил миссис Чепмен до автобусной остановки. Не успевший закончить работу Варгас оставался. Подстригая кусты у дома, он заметил спящую Шарон

на кровати в ее комнате. Когда появился посыльный от “Эйр диспетч компани” с двумя синими посылками-тубусами, Варгас не захотел беспокоить миссис Полански и сам расписался в их получении. Точное время — 16:30 — помечено на квитанции. В посылках была одежда Шарон, присланная Романом из Лондона.

Как обычно, в 16:30 Абигайль побывала на приеме у доктора Фликера.

Прежде чем уйти (примерно в 16:45), Варгас сходил к гостевому домику спросить, не сможет ли Гарретсон полить газон на выходных, раз уж установилась настолько сухая и жаркая погода.

На другом конце города, в Эль-Монте, Стивен Парент вернулся домой, переоделся, помахал матери рукой и отправился на свою вторую работу.

Между 17:30 и 18:00 миссис Кэй выезжала с ведшей к ее дому (9845 по Истон-драйв) дорожки, когда встретила Себринга, спешившего мимо в “порше”. Вопреки обыкновению, Джей не помахал миссис Кэй — оттого, возможно, что ее машина перекрыла дорогу.

Где-то между 18:00 и 18:30 тринадцатилетняя сестра Шарон, Дебби, позвонила спросить, нельзя ли ей с несколькими подругами зайти вечером в гости. Шарон, быстро устававшая из-за беременности, предложила сделать это как-нибудь в другой раз.

Между 19:30 и 20:00 Деннис Харст прибыл по адресу: Сиэло-драйв, 10050, чтобы доставить велосипед, купленный Абигайль в принадлежащем его отцу магазине. Дверь отпер Себринг (которого Харст позже узнает по фотографии). Харст не видел никого больше и не заметил ничего подозрительного.

Между 21:45 и 22:00 Джон Делгаудио, менеджер ресторана “Эль Койот” на бульваре Беверли, заметил имя Себринга в списке лиц, ожидавшихся на ужин; всего четверо. Сам Делгаудио не видел Себринга или сопровождавших его — возможно, потому, что они как раз в это время вышли. Официантка Кэти Палмер, подававшая этим четверым, вспомнила, что они провели пятнад-цать-двадцать минут в баре, ожидая, пока не освободится столик, и вышли, закончив ужин, примерно в 21:45 или в 22:00. Она, к сожалению, не смогла узнать Себринга, Тейт, Фрайковски или Фольгер на показанных ей фотографиях.

Если Абигайль была с ними, то все четверо покинули ресторан до 22 часов, поскольку примерно в это время ее мать набрала номер дома на Сиэло и говорила с дочерью. Та подтвердила, что намерена лететь в Сан-Франциско десятичасовым рейсом “Юнай-тед” на следующее утро. Миссис Фольгер сказала полицейским, что во время разговора “Абигайль не опасалась за свою жизнь и совсем не нервничала”.

Многие уверяли, что той ночью видели Шарон и (или) Джея в “Кэнди стор”, “Фэктори”, “Дейзи” или в каких-то других клубах. Ни одно из их показаний не подтвердилось. Несколько человек заявили, что говорили по телефону с кем-то из жертв между 22:00 и полуночью. Отвечая на вопросы, они внезапно меняли показания или пересказывали беседу в такой манере, что полицейские заключили, что те не уверены в своих словах или же просто лгут.

Около 23:00 Стив Парент остановился у рынка “Дэйлз” в Эль-Монте и спросил у своего приятеля, Джона Лефебьюра, не хочет ли тот прокатиться. Парент ухаживал за Джин, младшей сестрой Джона. В любом случае, Джон предложил отложить поездку на будущий вечер.

Примерно 45 минут спустя Стив Парент прибыл на Сиэло-драйв, надеясь продать Уильяму Гарретсону часы со встроенным приемником. Парент покинул гостевой домик около 00:15. И дошел до своего “рамблера”, не дальше.

Полицейские также опросили многих других девиц, которые, по слухам, были с Джемом Себрингом 8 августа.

Бывшая подруга Себринга, которая предположительно была с ним 8.08.1969 (отрицает), в последний раз спала с ним 7.05.1969. Отвечает искренне; знает о том, что Себринг пользовался контрацептивами; сама ими не пользуется...

“.. часто встречалась с ним на протяжении трех месяцев... ничего не знает о его постельных странностях...”

“...должна была поехать той ночью на вечеринку, проводившуюся на Сиэло-драйв, но вместо этого пошла в кино...”

Не такая уж простая задача, если учесть количество девушек, с которыми встречался стилист причесок, — но никто из следователей ни разу не пожаловался. Не каждый день им доводилось беседовать с начинающими актрисами, моделями, натурщицей с разворота “Плейбоя”, даже с танцовщицей из отеля “Звездная пыль” в Лас-Вегасе.

То, с каким трудом полиции удавалось найти нужных людей, может послужить барометром страха. Внезапно выехать в неизвестном направлении через пару дней после убийства в обычных условиях показалось бы подозрительным. Но не в этот раз. Из типичного рапорта: “На вопрос, почему она покинула город вскоре после убийств, отвечала, что не знает точно, как и все прочие в Голливуде, она просто была испугана...”

16–30 августа 1969 года

Полиция объявила газетчикам, что “новых продвижений” в деле нет, но кое-что все же установить удалось — хотя до поры и держалось в тайне. Проверив три кусочка рукояти пистолета на следы крови, сержант Джо Гранадо передал их сержанту Уильяму Ли из отделения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ ОНЭ. Ли даже не стал сверяться со справочниками; одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы точно определить: рукоять принадлежала пистолету марки “хай-стандарт”. Уильям позвонил Эду Ломаксу, менеджеру производства компании, владевшей этой маркой, и договорился встретиться с ним в стенах Полицейской академии. Ломакс также был скор в своем суждении.

“Только у одного пистолета такая рукоять, — подтвердил он. — Это “хай-стандарт” 22-го калибра, револьвер “лонгхорн”.

Широко известное как “особый бантлайн” (по паре револьверов, описанных автором вестернов Недом Бантлайном), это оружие имеет следующие параметры: заряд на 9 выстрелов, длина ствола 9 1/2 дюймов, общая длина 15 дюймов, рукоять орехового дерева, отделка голубой сталью, вес 35 унций, стандартная цена в рознице — 69 долларов 95 центов. Этот, по выражению Ломакса, “в общем, уникальный револьвер”, был впервые выпущен в апреле 1967 года; всего револьверов с именно такой рукоятью сделано 2700 штук.

Ли получил у Ломакса список магазинов, где револьвер продавался, и фотографию образца; ДПЛА начал готовить памятку, которую следователи намеревались разослать во все полицейские участки Соединенных Штатов и Канады.

Спустя несколько дней после встречи Ли и Ломакса криминалист ОНЭ Девэйн Вольфер отправился на Сизло-драйв, чтобы попытаться подтвердить (или опровергнуть) заявление Гарретсона о том, что он не слышал ни криков, ни выстрелов.

Используя прибор для измерения уровня шума и револьвер 22-го калибра и по возможности максимально близко следуя обстоятельствам той ночи, Вольфер с ассистентом доказали, что:

1) если Гарретсон действительно находился в гостевом домике, то он никак не мог слышать выстрелов, убивших Стивена Парента;

2) при включенном проигрывателе, с ручкой громкости, установленной на делениях 4 и 5^[75], он не мог слышать ни крики, ни выстрелы, доносящиеся из главного здания или с газона перед ним. Иначе говоря, испытания подтвердили рассказ Гарретсона о том, что в ту ночь он не слышал никаких выстрелов.

И все же, в противовес научно обоснованному заключению Вольфера, некоторые в ДПЛА продолжали считать, что Гарретсон должен был слышать хоть что-то. Получалось, молодой зритель был настолько удобен в качестве подозреваемого, что полицейские не торопились признать его невиновным. В общем отчете, составленном в конце августа, следователи по делу 1еит отмечали: “По мнению офицеров следствия и научным выводам ОНЭ, представляется маловероятным, чтобы Гарретсон не подозревал о криках, выстрелах и прочем шуме, которыми сопровождалось убийства, совершенные в непосредственной близости от него. Эта точка зрения, однако, не способна безоговорочно опровергнуть заявление Гарретсона, что он якобы ничего не слышал и не видел, как и не подозревал о событиях, связанных с указанными преступлениями”.

После полудня в субботу, 16 августа, следователи ДПЛА несколько часов беседовали с Романом Полански. На следующий день он вернулся в дом 10050 по Сизло-драйв — впервые после убийств. Его сопровождали сотрудник журнала “Лайф” (фотограф и журналист в одном лице) и Питер Харкос, прославленный специалист в вопросах эзотерики, нанятый друзьями Джея Себринга, чтобы попробовать “прочитать” разыгравшуюся в доме сцену.

Когда Полански показал документы и проехал в ворота, усадьбу все еще охраняли сотрудники ДПЛА; при виде их он горько

усмехнулся, сказав Томасу Томпсону (своему давнему знакомому, репортеру “Лайф”): “Должно быть, это самое знаменитое любовное гнездышко в мире”. Томпсон спросил, давно ли здесь остановились Гибби и Войтек. “Наверное, слишком давно”, — был ответ.

Голубая простыня, ранее покрывавшая безжизненное тело Абигайль Фольгер, все еще валялась на траве. Кровавая надпись на двери поблекла, но три буквы по-прежнему ясно читались. Беспорядок внутри, кажется, заставил Романа ненадолго замереть (как и большие темные пятна у входа; у дивана в гостиной — даже больше, чем там). Затем Полански, по словам одного из присутствовавших офицеров, поднялся на антресоль по лесенке, нашел возвращенную на место сотрудниками ДПЛА видеозапись и опустил ее в карман. Спустившись, он принялся ходить из комнаты в комнату, тут и там касаясь каких-то предметов, словно бы стараясь вернуть прошлое. Подушки, как и в то утро, лежали в центре хозяйской кровати. Так они лежали всякий раз, когда ему приходилось уезжать, сказал Полански Томпсону и добавил просто: “Она обнимала их вместо меня”. Он долго простоял, глядя на колыбель, где (в ожидании, пока та не понадобится) Шарон держала детские вещи.

Фотограф “Лайфа” сделал несколько снимков “поляроидом”, проверяя освещение, углы, раскадровку. Обычно их выбрасывают после того, как фотограф приступает к съемке профессиональной камерой, но Харкос спросил, нельзя ли ему забрать несколько штук себе, поскольку они могут добавить яркости его “впечатлениям”, — и получил их. Жест доброй воли, о котором очень скоро пожалеют и сам фотограф, и журнал “Лайф”.

Глядя на когда-то знакомые предметы, вдруг приобретшие пугающее значение, Полански вновь и вновь задавал вопрос: “Почему?” Он постоял на газоне у парадной двери, столь же потерянный и смущенный с виду, как если бы забрел в декорации одного из своих фильмов, подвергшиеся странной и бесповоротной трансформации.

Позже Харкос заявил прессе: “Шарон Тейт убили трое человек, не считая еще четверых... и я знаю, кто они такие. Я назвал полицейским их имена и предупредил, что всех их следует арестовать как можно скорее. Иначе они убьют вновь”. Убийцами, добавил он, были друзья Шарон Тейт, превратившиеся в “обезумевших маньяков” после приема

огромных доз ЛСД. Цитируя Харкоса, газеты писали, что убийства произошли в ходе ритуала черной магии, известного как “гуна-гуна” и застигнутого жертвы врасплох.

Если Харкос и назвал троих убийц офицерам ДПЛА, никто не потрудились записать их имена. Вопреки основанному на беллетристике устоявшемуся мнению, слуги закона имеют обыкновение вежливо выслушивать подобную “информацию”, с тем чтобы напрочь забыть ее. Поскольку подобными сведениями нельзя воспользоваться в суде, они для полиции совершенно бесполезны.

Не меньший скептицизм к высказываниям Харкоса проявил и Роман Полански. На протяжении нескольких дней он то и дело будет возвращаться в дом, словно бы в поисках ответа, который никто другой не мог ему предоставить.

В то воскресенье блок местных новостей “Лос-Анджелес таймс” демонстрировал интересное соседство двух совершенно, казалось бы, разных материалов.

“Большие новости” об убийствах на Сиэло-драйв занимали верхнюю часть страницы, над которой доминировал заголовок: “АНАТОМИЯ УБИЙСТВ В ГОЛЛИВУДЕ”.

Под этим материалом теснилась история поменьше, на одну колонку. Заголовок гласил: “СОСТОЯЛИСЬ ПОХОРОНЫ СЕМЕЙНОЙ ЧЕТЫ ЛАБИАНКА, ЖЕРТВ НЕИЗВЕСТНОГО УБИЙЦЫ”.

Слева от материала о “деле Тейт” и как раз над схемой расположения построек усадьбы на Сиэло расположился коротенький, совершенно не связанный с остальными материал, выбранный вроде бы оттого, что он был достаточно мал для заполнения оставшегося пространства. Назывался он “ПОЛИЦЕЙСКИЙ РЕЙД НА РАНЧО. АРЕСТОВАНЫ 26 ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В УГОНЕ АВТОМОБИЛЕЙ”, за чем, собственно, шла сама заметка: “Двадцать шесть человек, жившие на ферме в Чатсворте (заброшенные декорации для съемок вестернов), арестованы в субботу на рассвете в ходе рейда, проведенного помощниками шерифа. Все они подозреваются в сговоре с целью сокрытия производимых ими краж автомобилей”.

По словам помощников шерифа, группа занималась угонами “фольксвагенов”, с тем чтобы превращать их в вездеходы-пустынники. Статья, не называвшая имен задержанных, сообщала тем не менее о

конфискации целого оружейного арсенала, заключая: “Владелец ранчо — Джордж Спан, совершенно слепой полу-инвалид восьмидесяти лет. Его ранчо расположено в холмах Сими, 12000 по Санта-Сюзанна Пассроуд. Как сообщают, Спан проживает один в своем доме на ранчо. Очевидно, он знал о том, что в декорациях поселились какие-то люди, но не подозревал о роде их занятий и не выходил из дому, опасаясь этих незваных гостей”.

То был лишь мелкий репортаж, не получивший даже продолжения, когда несколькими днями спустя все задержанные были отпущены на свободу: выяснилось, что арест произведен по просроченному ордеру.

Получив рапорт, что Уилсон, Мэдиган, Пикетт и Джонс находятся в Канаде, ДПЛА выслал официальный запрос в Королевскую конную полицию на поиск всех четверых; там его разослали по участкам — и через считанные часы все агентства новостей Соединенных Штатов уже трубили о “прорыве в деле Тейт”.

Хотя следователи ДПЛА и уверяли, что указанные четверо ни в чем не обвиняются и разыскиваются лишь для дачи показаний, оставалось впечатление, будто аресты уже близки. В полицию начали звонить; среди звонивших были Мэдиган и Джонс.

Джонс находился на Ямайке и согласился сразу же вылететь в Штаты, если полицейские захотят поговорить с ним. Те признались, что такое желание у них имеется. Мэдиган явился в Центр Паркера в сопровождении своего адвоката. Он выразил готовность помочь следствию и ответить на все вопросы, если те не будут относиться к приему им наркотиков или их продаже. Мэдиган признал, что дважды навещал Фрайковски в доме на Сиэло-драйв в течение предшествовавшей убийствам недели — так что отпечатки его пальцев могли остаться на месте преступления. В ночь, когда произошли убийства, по словам Мэдигана, он был на вечеринке, которую устроила его соседка снизу, стюардесса. Он ушел где-то между 02:00 и 03:00. Позднее это подтвердили следователи, которые также сверили отпечатки пальцев Мэдигана с найденными в доме на Сиэло — без успеха.

Мэдиган подвергся допросу с использованием детектора лжи и благополучно прошел его — как и Джонс, вернувшийся с Ямайки. Джонс заявил, что они с Уилсоном не отлучались с острова с 12 июля

по 17 августа, когда он сам вылетел в Лос-Анджелес, а Уилсон — в Торонто. Отвечая на вопрос, чем они занимались на Ямайке, он ответил: “Снимали фильм о марихуане”. Алиби Джонса, разумеется, следовало проверить, но после допроса на детекторе и безуспешного сличения его отпечатков Джонс просто перестал быть “перспективным подозреваемым”, что оставляло в списке таковых лишь Херба Уилсона и Джефффри Пикетта по кличке Пик. Следователи ДПЛА уже знали точно, где находятся оба.

В прессе всю историю раздули до неузнаваемости. Спорить не приходится. Как позже скажет Стивен Робертс, начальник лос-анджелесского бюро “Нью-Йорк таймс”, “все репортажи имели общую канву: жертвы каким-то образом навлекли на себя эти убийства. Общее настроение выражалось эпиграммой: “Дико живешь — дико помрешь”.

Из разрозненных деталей — пристрастия к ужасам Романа Полански, слухов о сексуальных играх Себринга, присутствия среди убитых мисс Тейт и ее бывшего любовника, отсутствия мужа, принципа вседозволенности, которым был пропитан имидж голливудской богемы, наркотиков и внезапного молчания полиции — можно было соорудить сценарий практически на любой вкус. И соорудили. Шарон Тейт называли как угодно, от “королевы ночных оргий Голливуда” до “ведьмы-любительницы, умудренной в сатанинских ритуалах”. Не пощадили и самого Полански. В одной и той же газете читатель мог наткнуться на колонку, описывавшую убитого горем режиссера, не способного говорить от скорби, тогда как вторая, по соседству, описывала его развлечения в ночных клубах с целым “кордебалетом” стюардесс некоей авиакомпании. Сразу несколько изданий если и не обвиняли лично Полански в случившемся, то прозрачно намекали: он должен знать людей, совершивших преступление.

Из новостного недельного обзора:

“Тело Шарон найдено обнаженным, а не в бикини, как сообщалось вначале... На Себринге лишь разорванные остатки трусов... Брюки Фрайковски были спущены до лодыжек... На телах Себринга и Тейт вырезаны кресты... Одна из грудей мисс Тейт отсечена, по-видимому, в результате случайного удара ножом... Тело Себринга имело следы

нанесенных ему сексуальных увечий...” Остальное не более правдиво: “Нигде не обнаружены отпечатки пальцев... ни в одном из пяти тел не найдены следы приема наркотических средств...” И так далее.

Хоть все это и звучит как писания бывшего журнала “Конфиденциал”, статья появилась не где-нибудь, а в “Тайм”, — и ее автору явно пришлось долго оправдываться, когда издатели узнали о порожденных его фантазией “украшательствах”.

Рассерженный “поток гнусностей”, 19 августа Роман Полански созвал пресс-конференцию, где заклеил позором репортеров, которые “в целях личного обогащения” публиковали “ужасные вещи о моей жене”. Никакого разрыва между ними не было, настаивал он; никаких наркотиков; никаких оргий. Его жена была красавицей и замечательным человеком”, и “последние несколько лет, что я провел рядом с ней, были единственным временем подлинного счастья во всей моей жизни...”

Снятие показаний с Полански с применением детектора лжи проводилось лейтенантом Эрлом Димером в Центре Паркера.

В.: “Ничего, если я буду называть вас Романом? Меня зовут Эрл”.

О.: “Конечно... Я вам совру разок-другой, и потом скажу, ладно?”

В.: “Ну... хорошо...”

Димер спросил у Романа, как тот впервые встретился с женой.

Полански вздохнул и заговорил, поначалу медленно:

“Я впервые увидел Шарон четыре года назад на какой-то из вечеринок, которые закатывал этот кошмарный голливудский продюсер, Марти Рансохофф. Тот парень, что делал “Миллиардеров с Беверли-Хиллз” и остальное дерьмо в том же духе. Но он заманил меня туда своими разговорами об искусстве, и я подписал контракт, чтобы вместе с ним снимать тот фильм, знаете, пародию про вампиров.

И на вечеринке мы познакомились с Шарон. В то время она снималась в Лондоне в другом его фильме. Жила в Лондоне совершенно одна. Рансохофф сказал мне: “Погоди, я познакомлю тебя с нашей ведущей актрисой, Шарон Тейт!”

Она показалась мне хорошенькой, но в то время я не был очень уж впечатлен. Но затем я увидел ее второй раз и пригласил пройти. Мы много говорили, знаете ли. Вот тогда-то у меня по-настоящему закружилась голова. Мне было нужно быстренько трахнуться и

продолжать жить. У меня был ужасный брак, понимаете? Еще давно. Ну, не все было так плохо, кое-что просто замечательно, но жена бросила меня, и я чувствовал себя великолепно, потому что я нравлюсь женщинам, а мне нравится трахаться. Мерзавец, правда?

Так вот, я встречался с ней еще несколько раз. И уже знал, что у нее был свой парень, Джей. Затем [Рансохофф] захотел, чтобы я снимал Шарон в том новом фильме. И я устроил пробные съемки.

Однажды, еще до того, я хотел вытащить Шарон из дому, а она сопротивлялась: то “пойду”, то “не пойду”... в общем, я сказал: “Да пошла ты...” — и повесил трубку. Наверное, это и было началом всего, понимаете?”

В.: “Заговорил ее”.

О.: “Точно. Я ее заинтриговал. Играл “крутого парня”, и мы встречались еще много раз, прежде чем... Уже потом я стал замечать, что нравлюсь ей.

Помню, однажды я провел ночь... потерял ключ... и провел ночь у нее в гостях, знаете, в той же постели. И о том, чтобы заняться любовью, не было и речи. Такая вот девушка.

Я хочу сказать, со мною такое не часто бывает!

И потом мы отправились на натуру... два или три месяца спустя. Прямо посреди декораций, посреди съемок, я ее спросил: “Не хочешь ли заняться любовью?” А она тихонько ответила: “Да”. И вот тогда я впервые был как-то тронут, знаете ли. Мы стали регулярно встречаться. И она была такая милая, такая нежная, что я просто не верил своему счастью. У меня был отвратительный опыт, и я уже не верил, что люди вроде нее где-то еще существуют; мне пришлось долго ожидать, пока она не покажет своих чувств, так ведь?

Но она была *восхитительна*, безо всяких там клише. Просто фантастика. Она любила меня. Я жил тогда в другом доме, не хотел, чтобы Шарон приходила ко мне. И она говорила: “Я не хочу душить тебя. Просто хочу быть рядом”, и так далее. Я отвечал: “Ты меня знаешь; я сплю с кем попало”. А она в ответ: “Я не хочу, чтобы ты менялся”. Она была готова на все, лишь бы оставаться со мной. Она была *гребаный ангел*! Она была совершенно уникальна, и, проживи я хоть сто лет, мне не встретить такую”.

Димер спросил о его первой встрече с Себрингом. Это произошло в лондонском ресторане, вспомнил Полански и описал, как нервничал

сам, как Джей разбил ледок, сказав: “Я врубаюсь, мужик. Я во все врубаюсь”. Что более важно, “казалось, он счастлив видеть Шарон счастливой”. Роман испытывал легкую неловкость на протяжении еще нескольких встреч с Себрингом, “но, когда я приехал в Лос-Анджелес, начал жить здесь, он приходил на наши вечеринки, все такое. И в итоге мы с ним крепко подружились. Он был прекрасным человеком. О, я слышал о его странностях. Ему нравилось связывать девиц, с которыми он спал. Шарон мне про это рассказала. Однажды он и ее привязал к кровати, она мне тоже рассказывала. И шутила над ним... Для Шарон это было забавно и немного грустно...

Он приходил в гости все чаще и чаще. Джей просто ходил да ходил кругами, и порой Шарон сердилась на него за настойчивость, потому что он всегда уходил последним, знаете ли.

Я думаю, в самом начале наших отношений Джей по-прежнему любил Шарон, но затем любовь начала сходить на нет. Я вполне в этом уверен”.

В.: “Значит, ничто не говорило о том, что Шарон возвращалась к Себрингу?”

О.: “Ничего подобного! Сам я никуда не годен. Хожу налево, ничего не могу поделать. Это даже привлекало Шарон, понимаете. Но Шарон вовсе никак не интересовалась Джейм”.

В.: “Быть может, она интересовалась другими мужчинами?”

О.: “Да нет же! Никто другой даже близко подойти к ней не мог”.

В.: “Хорошо, я знаю, что вы спешите. С тем же успехом мы могли бы и начать. Я расскажу вам, как эта штука устроена, Роман”. Димер объяснил принцип работы детектора лжи, добавив:

“Важно, чтобы вы вели себя тихо. Я знаю, что в разговоре вы много жестикулируете. Вы человек эмоциональный. У вас творческий склад характера, так что для вас это будет не совсем просто... Но, пока аппарат включен, я хочу, чтобы вы сидели смирно. Когда я его выключу, вы сможете говорить, как привыкли, и даже размахивать руками. В разумных пределах”.

Предупредив Полански, чтобы тот постарался свести ответы к простым “да” и “нет” и оставил бы объяснения на потом, Димер приступил к допросу.

В.: “Имеете ли вы действующую лицензию на вождение машины в Калифорнии?”

О.: "Да".

В.: "Вы были сегодня на ленче?"

О.: "Нет".

В.: "Знаете ли вы, кто убил Войтека и остальных?"

О.: "Нет".

В.: "Вы курите сигареты?"

О.: "Да".

После длинной паузы Роман Полански рассмеялся.

В.: "Вы должны понимать, что делаете, когда занимаетесь этой ерундой. Мне придется начать заново!"

О.: "Простите".

В.: "Посмотрите, как нарастает ваше кровяное давление, когда вы начинаете лгать мне про свои сигареты. Бум-бум-бум, просто лесенка. Ладно, с самого начала... Находитесь ли вы в Лос-Анджелесе?"

В.: "Имеете ли вы какое-либо отношение к убийству Войтека и остальных?"

О.: "Нет".

В.: "Вы были сегодня на ленче?"

О.: "Нет".

В.: "Чувствуете ли вы какую-либо ответственность за гибель Войтека и остальных?"

О.: "Да. Я ответственен за то, что меня не было с ними, и только".

В.: "Проворачивая все это в голове снова и снова, кого бы вы назвали в качестве основной жертвы? Мне не кажется, что вы могли хоть раз подумать о Шарон как о цели этого убийства, словно кто-то мог испытывать к ней подобную вражду. Но не могли бы назвать еще кого-нибудь, кто мог бы, так или иначе, послужить причиной всего произошедшего?"

О.: "Я все хорошенько обдумал. Сдается мне, целью преступника был я сам".

В.: "Почему?"

О.: "Ну, то есть это могла быть чья-то ревность, или заговор, или другое. Шарон не могла быть основной целью убийцы; если и так, все равно целью был я. Возможно, Джей. Или Войтек. Это могла быть простая случайность, кто-то просто задумал совершить преступление".

В.: "Какие действия, скажем, Себринга могли послужить причиной, сделать его мишенью?"

О.: “Что-нибудь, связанное с деньгами. Я многого наслушался про наркотики, про то, как их поставляли... Но мне сложно поверить...” Полански всегда считал Себринга “достаточно обеспеченным человеком”, но совсем недавно узнал о его больших долгах. “Из чего я заключаю, что он и впрямь мог оказаться в серьезной финансовой передрыге, вопреки всему его поведению”.

В.: “Это чертовски никудышный способ собирать деньги с должников. Обычный ростовщик не пошел бы туда, чтобы убить пятерых человек”.

О.: “Нет-нет. Я просто хотел сказать, что из-за нехватки денег Джей мог втянуться в какое-то опасное предприятие, чтобы немного заработать на нем, понимаете? В отчаянии он мог связаться с какими-то уголовниками”.

В.: “То есть, не считая Шарон и мальчишки, из оставшихся троих вы выбрали бы Себринга в качестве наиболее логичной мишени для убийства?”

О.: “Все это преступление целиком кажется таким нелогичным... Если бы я старался найти мотив, то стал бы искать чего-то, что не вписывалось бы в ваши привычные стандарты, с чем полицейские сталкиваются то и дело... здесь что-то гораздо более запредельное...”

Димер спросил, не получал ли Полански писем с угрозами после выхода “Ребенка Розмари”. Тот признался, что получал, предположив: “Это ведь могло быть какое-то ведьмовство, знаете. Маньяк или еще что-нибудь. Эта казнь, вся эта трагедия подсказывает мне, что совершивший это должен быть каким-то психом, вроде того.

Я бы не удивился, если бы выяснилось, что хотели убить меня. Вопреки всем этим разговорам о наркотиках. По-моему, полиция слишком уж напирает на эти улики. Потому что наркотики — это нечто привычное для полицейских, с ними вы сталкиваетесь постоянно. А ведь единственная связь, какую я вижу между Войтеком и наркотиками, — то, что он покуривал травку. И Джей тоже. Плюс кокаин. Я знаю, он нюхал. Сначала мне показалось, он просто случайно попробовал, и все. И потом, когда я заговорил об этом с Шарон, она сказала: “Ты шутишь? Он уже два года постоянно его нюхает”.

В.: “А сама Шарон не зависела от наркотиков, если не считать травку?”

О.: “Нет. Она, правда, принимала ЛСД, еще до нашего знакомства. Много раз. И мы обсуждали это, когда познакомились... Я сам принимал кислоту, трижды. Когда это еще было легально”, — добавил Полански, смеясь. Затем, вновь посерьезнев, он вспомнил тот единственный раз, когда они приняли ЛСД вместе. Это случилось ближе к концу 1965 года. Для Романа это был третий “улет”, для Шарон — пятнадцатый или шестнадцатый. Все началось достаточно приятно, и они проговорили всю ночь. Но затем, “утром, ей начало что-то казаться, она закричала и напугала меня до полусмерти. И потом сказала: “Говорю тебе, больше никакой кислоты. Это конец”. И это правда был последний раз, и у меня, и у нее.

Но я вам вот что еще скажу, без всяких там вопросов. Она вообще больше не принимала наркотики, разве только курила анашу — да и то совсем немного. И во время беременности об этом не могло и речи идти, ей так нравилось вынашивать дитя, что ничего больше ей не было нужно. Я мог налить ей бокал вина, и она бы к нему не притронулась”.

И вновь Димер прогнал Романа по своему вопроснику, после чего закончил допрос, убежденный, что Роман Полански никак не связан и ничего не скрывает об убийстве жены и остальных.

Прежде чем выйти, Роман сказал:

“Я так втянулся в расследование...” Он намеревался расспросить даже друзей. “Но это придется делать не сразу, постепенно, чтобы они ни о чем не догадались. Никто не знает, что я тут у вас. Не хочу, чтобы они поняли, что я сотрудничаю с полицией, понятно? Мне кажется, если я займусь этим сам, они будут отвечать действительно искренне”.

В.: “Жизнь продолжается, Роман”.

Тот поблагодарил Димера, прикурил сигарету и вышел.

В.: “Эй, мне показалось, вы не курите!”

Но Полански уже ушел.

20 августа, три дня спустя после посещения усадьбы на Сиэло Романом Полански и сопровождавшим его Питером Харкосом, в “Ситизен ньюс” была напечатана фотография Харкоса с подписью:

“ЗНАМЕНИТЫЙ ЯСНОВИДЕЦ Питер Харкос, консультирующий полицию в делах об убийствах (включая недавнюю резню в доме Шарон Тейт), начинает серию выступлений в “Хантингтон Хэтфорде”, ежедневно до 30 августа”.

Мэдиган и Джонс были вычеркнуты из списка подозреваемых. Имена Уилсона и Пикетта оставались в нем.

Принимая во внимание осведомленность лейтенанта Димера в деле, было решено отправить на восток для беседы с обоими подозреваемыми именно его.

Джеффри “Пик” Пикетт был обнаружен после консультаций с его родственником, и встреча должна была состояться в Вашингтоне, в номере гостиницы. Сын высокопоставленного служащего Государственного департамента, Пикетт (как показалось Димеру) “находился под влиянием некоего наркотического вещества, вероятно возбуждающего препарата”. Кроме того, у подозреваемого была перевязана рука. Когда Димер выразил любопытство, Пикетт уклончиво ответил, что порезался кухонным ножом. Хоть подозреваемый и согласился пройти собеседование с применением детектора лжи, Димер посчитал, что тот не способен сидеть спокойно или выполнять инструкции, и потому их беседа носила неформальный характер. Пикетт заявил, что в день совершения убийств работал в автомобильной компании в Шеффилде, штат Массачусетс. На вопрос, владеет ли он каким-либо оружием, Пик признал, что имеет складной карманный нож, купленный, по его словам, в городке Мальборо, штат Массачусетс, по принадлежащей приятелю кредитной карточке.

Позднее Пикетт отдал нож Димеру. Он во всем походил на тот, что был найден в доме на Сизло. Кроме того, Пик передал офицеру видеоленту, на которой, по его описанию, запечатлены Абигайль Фольгер и Войтек Фрайковски, принимающие наркотики в усадьбе Тейт. Пикетт не пояснил, как именно лента попала в его руки или как он намеревался использовать ее.

В сопровождении сержанта Макганна Димер побывал в Массачусетсе. Проверка табеля автомобильной компании в Шеффилде показала, что последним рабочим днем Пикетта было 1 августа: за восемь дней до убийств. Более того, в Мальборо складные карманные ножи продавались не одним, а сразу двумя магазинами, но ни один из них никогда не закупал для продажи именно эту модель.

Подозрения сгущались над головой Пика, пока следователи не пообщались с упомянутым им приятелем. При проверке списка покупок, совершенных с использованием принадлежащей ему

кредитной карточки, нашлась и строчка, относившаяся к ножу. Тот был куплен в Садбери, Массачусетс, 21 августа, по прошествии изрядного времени после убийств. Приятель с женой вспомнили еще кое-что, очевидно, забытое Пикеттом. Выходные 8—10 августа они провели вместе, на пляже. Впоследствии Пикетт дважды прошел проверку на детекторе, оба раза подтвердившую его невиновность. Вычеркиваем Пикетта.

Слетав в Торонто, Димер поговорил с Хербом Уилсоном. Поначалу не желавший иметь дело с детектором, Уилсон подчинился уговорам, когда Димер пообещал не задавать вопросов, которые сделали бы Херба ответственным перед канадским правосудием за сбыт или прием наркотиков. Проверку он прошел. Вычеркиваем Уилсона.

Отпечатки пальцев Пикетта и Уилсона сравнили с отпечатками неизвестных, найденными в доме на Сиэло-драйв. Безрезультатно.

Хотя первый отчет о ходе следствия по "делу Тейт" (охватывавший период с 9 по 31 августа) заключал, что Уилсон, Мэдиган, Пикетт и Джонс "не имеют статуса подозреваемых на момент составления данного рапорта", в начале сентября Димер и Макганн летали в Очо-Риос на острове Ямайка, чтобы проверить алиби Уилсона и Джонса. Оба объявили следователям, что находились там с 8 июля по 17 августа, "снимая кино про марихуану".

Беседы с домовладельцами, слугами и сотрудниками авиакасс наполовину подтвердили их историю: на момент преступления оба действительно были на Ямайке. И, вполне возможно, имели какое-то отношение к марихуане. Единственный их посетитель (за исключением подружек) был пилотом, который за несколько недель до того бросил высокооплачиваемую работу на оживленных линиях и занялся частными, нерегулярными рейсами между Ямайкой и Соединенными Штатами.

Что же до киносъемок, следователи отзывались о них скептически: уборщица рассказала, что единственной камерой, виденной ею в номере, был маленький фотоаппарат "Кодак".

Видеоленту, переданную Пикеттом Димеру, просмотрели в лаборатории ОНЭ. Она совсем не походила на ту, что была обнаружена на антресолях.

Снятая, очевидно, во время отсутствия супругов Полански, видеозапись запечатлела Абигайль Фольгер, Войтека Фрайковски, Витольда К. и оставшуюся неизвестной молодую женщину за обедом перед камином в доме Тейт. Видеокамеру просто включили и оставили снимать, так что по прошествии какого-то времени присутствующие, похоже, забыли о ней.

Волосы Абигайль были стянуты назад и уложены в довольно смелый шиньон. Она казалась старше и более уставшей, чем на фотоснимках; Войтек был рассеян. Хотя он курил нечто, по виду схожее с марихуаной, Войтек все же был скорее навеселе, чем под воздействием наркотиков. Поначалу Абигайль обращалась к нему раздраженно — словно к капризному, испорченному ребенку.

Но затем настроение за столом постепенно изменилось. Очевидно, пытаясь исключить из разговора Абигайль, Войтек заговорил польски. В свою очередь, та взяла на себя роль светской дамы, отвечая на грубость колкими, но остроумными замечаниями. Войтек стал называть ее “леди Фольгер”, а затем, по мере опьянения, — “леди Ф. ”. Абигайль говорила о нем в третьем лице, словно бы Фрайковски не присутствовал здесь же, с отвращением отзываясь о его привычке отпускаться после приема наркотиков, накачиваясь алкоголем.

Тем, кто видел эту запись, происходящее казалось ничем большим, кроме чрезмерно затянутой, невыносимо скучной хроники домашней ссоры. Не считая двух моментов, которые, учитывая события, которым еще предстояло произойти в этом самом доме, придали записи тот зловещий оттенок, каким проникнут фильм “Ребенок Розмари”.

подавая на стол, Абигайль вспомнила, как Войтек, будучи совсем “уколбашенным”, увидел странную галлюцинацию в огне камина. Он даже поспешил за фотоаппаратом, чтобы запечатлеть внезапно возникший там образ — пылающую свиную голову.

Второй эпизод оказался по-своему еще более ошеломляющим. Микрофон был оставлен на столе, рядом с жарким. И, когда мясо стали нарезать на ломти, он уловил — вновь, вновь и вновь — звук ножа, невыносимо громко скребущего по кости.

Харкос не был единственным “экспертом”, решившим поделиться со следствием “разгадкой” убийств на Сизло-драйв.

27 августа в “Вечернем шоу” Джонни Карсона появился Труман Капоте^[76] со своей версией преступления.

Убийства совершены человеком, действовавшим в одиночку, авторитетно заявил автор книги “Действуя хладнокровно”. И тут же поведал зрителям как и почему.

Убийца, мужчина, оказался в доме. Тогда и произошло что-то, “всколыхнувшее в нем нечто вроде мгновенной паранойи” Затем этот человек покинул усадьбу, отправился домой за ножом и пистолетом, чтобы впоследствии вернуться и методично уничтожить всех там находившихся. Следуя выводам Капоте, Стивен Парент погиб последним.

Из опыта, накопленного во время сотен бесед с приговоренными убийцами, Капоте извлек свое суждение о маньяке: “Это очень молодой, очень рассерженный человек параноидального склада ума”. Совершая убийства, он, по всей вероятности, ощутил сексуальное удовлетворение, вслед за чем отправился домой и проспал двое суток.

Хотя Капоте отстаивал теорию с только одним подозреваемым, следователи по “делу Тейт” уже расстались с ней. Единственная причина, заставившая их поверить в единственного убийцу — Гарретсона, уже не представляла собой весомый фактор. Исходя из количества жертв, расположения тел убитых, использования двух (или более) различных видов оружия, они теперь заключили, что в преступление были вовлечены “по меньшей мере, двое подозреваемых”.

Убийцы. Во множественном числе. О чьих личностях следователи не имели ни малейшего представления.

Конец августа знаменовал окончание первого периода следствия — как в “деле Тейт”, так и в “деле Лабианка”.

Документ, озаглавленный “Первый отчет о ходе следствия по делу об убийстве: Тейт”, состоял из двадцати трех страниц, ни на одной из которых не упоминались убийства четы Лабианка.

“Первый отчет о ходе следствия по делу об убийстве: Лабианка” состоял из семнадцати страниц. Вопреки ряду сходств между двумя этими преступлениями, нигде в нем не заходила речь об убийствах на Сизло-драйв.

Эти два расследования оставались совершенно не связанными.

Лейтенант Боб Хелдер привлечен к следствию по “делу Тейт” более дюжины работников, но ходом его по-прежнему руководили сержанты Майкл Макганн, Роберт Калкинс и Джефф Баклз. Все они были ветеранами полиции, не без труда пробившись на место следователей с положения обычных постовых. Они еще помнили времена, когда не существовало Полицейской академии, а опыт, приходящий с возрастом, имел больше значения, чем уровень знаний или отлично сданные экзамены. Опыт имелся, и все трое не были настроены что-либо менять в привычном для них ходе работы.

Группа следователей по “делу Лабианка”, возглавляемая лейтенантом Полом Лепажем, насчитывала, в разное время, от шести до десяти следователей, руководящую роль среди которых играли сержанты Фрэнк Патчетт, Мануэль Гутиерес, Майкл Нильсен, Филип Сартучи и Гари Брода. Все они были моложе своих коллег, расследовавших “дело Тейт”, куда лучше образованны и куда менее опытные. Выпускники (почти все) Полицейской академии, они с большей охотой применяли современные технологии следствия. Например, они сняли отпечатки пальцев практически с каждого, с кем беседовали; провели больше допросов с применением детектора лжи; получили больше заключений о *modus operandi*^[27] подозреваемых; больше времени провели за сличением отпечатков в Бюро криминальных расследований и установления личности штата Калифорния; наконец, глубже зарылись в знакомства жертв, проверив даже звонки, совершенные Лено Лабианка из мотеля во время отпуска семь лет тому назад.

Они также с большей готовностью брали к рассмотрению “запредельные” версии происшедшего. Скажем, в то время как следователи по “делу Тейт” даже не попытались найти объяснение кровавой надписи на двери, в отчете по “делу Лабианка” уже обсуждалось возможное значение надписей, найденных в доме по Вейверли-драйв. Здесь даже предполагалось наличие столь отдаленной связи, что, кроме как “взято с потолка”, и не назовешь. Отчет гласил: “Следствие установило, что последний из музыкальных альбомов, выпущенных вокально-инструментальной группой “The Beatles” (№ SWBO 101), содержит песни с названиями: *Helter Skelter*, *Piggies* и *Blackbird*. В тексте песни *Blackbird* часто повторяются слова “Восстань,

восстань”^[78], которые могут иметь отношение к надписи “RISE”, найденной рядом с парадной дверью”.

Идею просто кто-то подкинул — потом никто не вспомнит, кто именно, — и впоследствии она сама была предана столь же прочному забвению.

Впрочем, у двух команд следователей было и нечто общее. Хотя к концу месяца “команда Лабианка” опросила около 150 человек, а “команда Тейт” — в два с лишним раза больше, обе ни на шаг не продвинулись к раскрытию преступлений после обнаружения тел.

В отчете по “делу Тейт” перечислялись пятеро подозреваемых (Гарретсон, Уилсон, Мэдиган, Пикетт и Джонс), каждый из которых уже перестал быть таковым на момент составления отчета.

Отчет, подготовленный следователями по “делу Лабианка”, насчитывал пятнадцать подозреваемых — но он включал Фрэнка и Сьюзен Стратерс, Джо Доргана и множество других, никем и никогда всерьез не рассматривавшихся в качестве таковых. Из пятнадцати один лишь Гарднер мог оказаться неплохим вариантом — за неимением отпечатка его ладони для сличения (такой отпечаток остался на банковском бланке, лежавшем на столе Лено): отпечатки пальцев Гарднера уже были сличены с найденными в доме; безрезультатно.

Отчеты о ходе следствия имеют хождение лишь внутри Департамента; представители прессы никогда их не увидят.

Но некоторые репортеры уже начинали подозревать, что подлинной причиной глухой стены молчания, окружившей официальных лиц, является одно: докладывать им попросту не о чем.

Сентябрь 1969 года

Около полудня 1 сентября 1969 года десятилетний Стивен Вейс попытался починить садовый разбрызгиватель на холме за своим домом. И нашел самый настоящий револьвер.

Стивен и его родители проживали в доме 3627 по Лонгвью Вэллироуд, в Шермон-Оуксе. На вершине холма, параллельно с Лонгвью, пролегал Беверли-Глен.

Револьвер лежал рядышком с разбрызгивателем, под кустом, примерно в семидесяти пяти футах, или где-то на полпути, до вершины

крутого холма. Стивен смотрел “Невод” по телевизору и знал, как следует обращаться с найденным оружием. Поэтому он очень осторожно поднял револьвер с земли за самый кончик ствола, стараясь не повредить отпечатков пальцев, которые могли там иметься. После чего отнес домой и показал отцу, Бернарду Вейсу. Вейс-старший окинул находку одним-единственным взглядом и поспешил набрать номер ДПЛА.

На радиовывоз откликнулся офицер Майкл Уотсон, патрулировавший округ. Пройдет чуть более года, и Стивен поднимется на место свидетеля, чтобы рассказать суду о том, что произошло затем.

В.: “Вы показали ему [Уотсону] револьвер?”

О.: “Да”.

В.: “Дотрагивался ли он оружия?”

О.: “Да”.

В.: “Как именно он дотрагивался до него?”

О.: “Обеими руками, по всему пистолету”.

Вот вам и “Невод”.

Офицер Уотсон достал гильзы из барабана; всего их оказалось девять: семь стреляных и два рабочих патрона. Сам пистолет был револьвером “хай-стандарт”, модель “лонгхорн”, 22-го калибра. На пистолете были грязь и ржавчина. Гарда спускового курка сломана, погнутое дуло шатается, словно пистолетом забивали гвозди. Кроме того, не хватало правой стороны рукояти.

Офицер Уотсон отвез револьвер и патроны в один из участков ДПЛА в Ван-Нуйсе, после чего, заполнив бланк “Найденная собственность”, передал их в отдел имущества, где к ним прикрепили бирку, запечатали в конверты и убрали на склад.

Между 3 и 5 сентября ДПЛА разослал первый тираж секретных “объявлений” о револьвере, разыскиваемом по “делу Тейт”. В придачу к фото револьвера “лонгхорн” 22-го калибра и списку боеприпасов “хай-стандарт”, выпускаемых компанией “Ломакс”, заместитель начальника полиции Роберт Хоутон приложил письмо, в котором просил полицейских опросить всех, кто покупал такое оружие, и “визуально исследовать приобретенные экземпляры на предмет присутствия заводских деревянных вставок рукояти”. Во избежание утечек информации в прессу, он предлагал воспользоваться следующей

"легендой": пистолет этой марки обнаружен среди украденных вещей, и полиция надеется определить владельца.

ДПЛА разослал около трехсот таких "объявлений" в различные силы поддержания правопорядка Калифорнии, других областей США, Канады.

Но никому не пришло в голову направить "объявление" в участок ДПЛА в Ван-Нуйсе.

10 сентября — спустя месяц после убийств на Сизло-драйв — в газетах Лос-Анджелеса появилось большое объявление, гласившее:

НАГРАДА \$25 000

Роман Полански и друзья его семьи предлагают вознаграждение в 25 тысяч долларов, которые будут выплачены лицу или лицам, предоставившим информацию, необходимую для ареста и осуждения убийцы или убийц Шарон Тейт, ее нерожденного ребенка и четверых других.

Информацию следует направлять по адресу:
Почтовый ящик 60048,
Терминал Аннекс,
Лос-Анджелес, Калифорния 90069.

Желающие сохранить анонимность должны представить достаточные средства идентификации, одним из методов которой может быть эта газетная страница, разорванная пополам и направленная по указанному адресу вместе с информацией; вторую половину следует сохранить для последующего сравнения. В случае, если более чем одно лицо будет претендовать на награду, сумма распределится между соискателями равномерно.

Объявляя о награде, Питер Селлерс, вложивший часть собственных средств (равно как и Уоррен Битти, Юл Бриннер и другие), сказал: "Кто-то должен что-то знать, о чем-то догадываться, — но эти люди молчат или же боятся открыться. Кто-то мог видеть пропитанную кровью одежду, нож, пистолет, машину... Кто-нибудь сможет помочь".

Некоторые уже начали свои собственные, неофициальные поиски, пусть и не замеченные прессой. Отец Шарон, полковник Пол Тейт, покинул армейские ряды в августе. Отпустив бороду и волосы, бывший офицер разведки зачастил на Сансет-Стрип, в коммуны хиппи и на наркобазарчики в поисках какого-нибудь следа убийц(цы) своей дочери и остальных.

Полицейские опасались, что частное расследование полковника Тейта превратится в частную войну, ведь, судя по рапортам, полковник не отправлялся на свои "прогулки" без оружия.

Да и история с наградой не обрадовала полицию. Кроме намека на бездействие или неспособность ДПЛА самостоятельно распутать дело, подобное объявление обычно вызывало лишь лавину звонков от сумасшедших всех мастей, а их и без того было достаточно.

Звонить стали сразу после освобождения Гарретсона; звонившие приписывали убийства всем — от движения "Власть черных" до секретной полиции Польши, а источниками этой столь "ценной" информации служили воображение, сплетни, даже сама Шарон, вернувшаяся описать убийцу во время спиритического сеанса. Одна женщина позвонила в полицию, чтобы обвинить собственного мужа: "В ту ночь он уклончиво ответил на вопрос "Где ты был?"

Мошенники и парикмахеры, актеры и актрисы, ясновидцы и психопаты — все пришли в движение. Звонки раскрыли не Столько изнанку Голливуда, сколько темную сторону человеческой природы вообще. Жертвы убийств обвинялись в сексуальных извращениях самого необычного свойства — насколько позволяло воображение строивших подобные догадки. Что усложняло задачу ДПЛА, так это огромное количество людей (часто выступавших не анонимно, а порой очень даже известных), которым не терпелось обвинить в злодействе "друзей" — ну, если не в самом убийстве, тогда в приеме наркотиков.

Появились всевозможные теории, и у каждой были свои защитники. Это сделала мафия. Нет, мафия не могла это сделать, потому что убийства были слишком непрофессиональными. Нет, убийства *специально* были совершены непрофессионально, чтобы никто не мог заподозрить мафию.

Одним из наиболее часто звонивших был Стив Брандт, ранее ведший колонку сплетен в одной из местных газет. Поскольку он водил дружбу с четвермя из пяти жертв в "деле Тейт" (он был свидетелем на

свадьбе Шарон и Романа), полиция поначалу воспринимала его всерьез: Брандт сообщил немало любопытного об Уилсоне, Пикетте и их знакомых. Но одновременно с тем, как звонки все учащались, а Брандт упоминал все более и более громкие имена, произошедшие убийства становились для него навязчивой идеей. Уверенный, что существует “список приговоренных” и что он сам непременно станет следующим, Брандт дважды пытался покончить с собой. В первый раз, в Лос-Анджелесе, вовремя появился спасший его приятель. Второй раз, в Нью-Йорке, Брандт покинул начавшийся концерт “The Rolling Stones” и поднялся к себе в гостиничный номер. Когда актриса Ультра Виолет позвонила спросить, все ли в порядке, он сказал ей, что принял снотворное. Она немедленно позвонила дежурному по этажу, но, когда тот добежал до номера, Брандт был уже мертв.

Для такого столь широко “растиражированного”, столь подробно описанного в прессе убийства было до странного мало “чистосердечных признаний”. Словно бы убийства казались настолько чудовищны, что даже хронические “любители исповедаться” не хотели связывать с ними свои имена. Недавно осужденный преступник, мечтавший “заключить договор”, объявил, что кто-то другой похвалялся совершением этого преступления, — но, как и следовало ожидать, следствие доказало, что вся эта история была выдумкой.

Снова и снова поступившую информацию проверяли и, наткнувшись на очередную фальшивку, отбрасывали, — что ни на шаг не приблизило следствие к раскрытию дела.

Почти совсем забытые на время, к середине сентября очки, найденные рядом с картонными тубусами в гостиной усадьбы Тейт, превратились, просто методом исключения, в одну из наиболее значительных улик в руках следствия.

В начале месяца следователи показывали очки представителям различных компаний, выпускавших оптику. То, что удалось выяснить, отчасти обескураживало. Оправа оказалась весьма популярной моделью “Манхэттен” и продавалась повсюду, тогда как сами стекла также в больших количествах лежали на складах, — чтобы продать такие, не требуется дополнительно шлифовать заготовки. Но, с другой стороны, следователи узнали кое-что о носившем очки человеке.

Их владелец был, вероятно, мужчиной. У него небольшая круглая голова, чуть ли не как волейбольный мяч. Глаза широко расставлены.

Левое ухо расположено примерно на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма выше правого. И он чрезвычайно близорук; если под рукой не окажется запасной пары, ему вскоре придется приобрести новые очки.

Частичное описание одного из убийц? Возможно. Существовала также вероятность того, что очки принадлежали кому-то, совершенно не связанному с убийствами, — или же что они были оставлены на месте преступления с одной целью: замести следы.

По крайней мере, хоть что-то. Всем членам Американской ассоциации окулистов, Калифорнийской ассоциации окулистов, Окружной ассоциации окулистов Лос-Анджелеса, а также группы “Офтальмологи Южной Калифорнии” были разосланы точные спецификации рецепта — полицейские надеялись, что это “объявление” окажется более продуктивным, чем письма с описанием револьвера.

Из проданных в штате Калифорния ста тридцати одного револьвера “лонгхорн” агентствам и службам поддержания правопорядка удалось найти и исключить из списка “подозреваемых” 105 пистолетов: процент на удивление высокий, поскольку многие владельцы успели переехать в другие штаты и, значит, под чужую юрисдикцию. Поиски продолжались, но пока не принесли результата: ни единого “хорошего” подозреваемого выявлено не было. Аналогичное “объявление” было разослано в тринадцать различных оружейных магазинов в Соединенных Штатах, которые (в последние месяцы) заказывали деревянные вставки на замену рукояти для модели “лонгхорн”. Ответы на него придут лишь долгое время спустя, но окажутся отрицательными, все до единого.

Следователям по “делу Лабианка” удача тоже не спешила улыбнуться; они уже провели одиннадцать бесед с использованием детектора лжи — безрезультатно. В результате компьютерной проверки данных по *modus operandi* 140 человек попали под подозрение, но были “реабилитированы” после сличения отпечатков их пальцев; отпечаток ладони на банковском бланке сличили с 2150 отпечатками; отпечаток пальца, найденный на дверце бара, — с 41 034 отпечатками. Никаких результатов.

В конце сентября обеим следственным группам нечего было писать в отчетах о ходе следствия; да они их и не составляли.

Октябрь 1969 года

10 октября. После убийств на Сизло-драйв миновало два месяца. “Что происходит за занавесом полицейского расследования (если что-то подобное существует) дела о зверском убийстве Шарон Тейт и еще четверых?” — вопрошала голливудская “Ситизен ньюс” в редакционном обзоре на первой полосе.

Официальные лица ДПЛА хранили молчание с последней пресс-конференции по ходу следствия, проведенной 3 сентября, — но заместитель начальника полиции Хоутон, признав, что следователи до сих пор не знают, кто же совершил убийства, заявил, что они совершили “настоящий прорыв”.

“Какой именно?” — поинтересовались репортеры. Давление нарастало; страх оставался и, если это возможно, даже усилился благодаря предположению одного популярного телекомментатора, будто бы полиция покрывает человека или группу лиц, “играющих заметную роль в индустрии развлечений”.

Тём временем утечки продолжались. Пресса сообщила о том, что в усадьбе Тейт сразу в нескольких местах обнаружены наркотики; что некоторые из жертв на момент смерти находились в состоянии наркотического транса. К октябрю широко разошлась весть, что разыскиваемое оружие имеет 22-й калибр (впрочем, слово “револьвер” не упоминалось, речь шла лишь о “пистолете”), а в одном из телевизионных репортажей (который полицейские, нарушив молчание, поспешили опровергнуть) сообщалось, что на месте преступления найдены детали рукояти пистолета. Телестанция упорствовала, отстаивая свою правоту вопреки официальному протесту.

Калибр 22; сломанная рукоять. Уже не в первый раз Бернард Вейс задумывался: не то ли это оружие, что нашел на склоне его сын Стивен? Мог ли то быть револьвер, замешанный в “убийствах Тейт”?

Мысль казалась нелепой. В конце концов, револьвер давно в руках полиции, и следователи уже давно вернулись бы задать новые вопросы и прочесать холм. Между тем, передав им находку еще 1 сентября, Вейс не имел никаких вестей. Когда вслед за находкой ничего не последовало, Стивен взялся обыскать холм самостоятельно. И ничего не нашел. И все-таки, Беверли-Глен располагалась не так уж далеко от Сизло-драйв, всего в паре миль.

У Бернарда Вейса были дела и поважнее, чем игра в частного детектива. Этим следовало заниматься специалистам из ДПЛА.

17 октября лейтенант Хелдер и заместитель начальника полиции Хоутон объявили репортерам, что в их распоряжении имеются вещественные доказательства, дающие полицейским надежду выйти на *убийц* — во множественном числе! — Шарон Тейт и четверых других. Рассказать подробнее они отказались.

Пресс-конференцию собрали, чтобы хоть как-то ослабить оказываемое на ДПЛА давление. Ничего конкретного не было открыто, зато полиция опровергла некоторое количество свежих слухов.

Менее чем через неделю, 23 октября, ДПЛА спешно созвал новую пресс-конференцию, чтобы сообщить, что у него имеется ключ к установлению личности *убийцы* — в единственном числе! — пяти жертв "убийства Тейт": очки, найденные на месте преступления.

Объявили об этом только потому, что некоторые газеты уже опубликовали разосланное ранее "объявление" об очках.

Примерно 18 тысяч глазных врачей получили его, будучи членами той или иной ассоциации; в придачу, его дословно перепечатали в "Оптометрическом еженедельнике" и в ежемесячном издании "Ухо, горло, нос" — совокупным тиражом более 29 000 экземпляров. Удивляет не то, что разосланное полицией описание очков попало в руки газетчикам, а то, что это произошло далеко не сразу.

Изголодавшись по существенным новостям, пресса объявила о "значительном прорыве" в ходе следствия, опуская тот очевидный факт, что очки находились в распоряжении полиции с самого первого дня, когда мир узнал о совершенных убийствах.

Лейтенант Хелдер отказался от комментариев, когда репортер (наверняка имевший прекрасные связи внутри Департамента) спросил, правда ли, что на данный момент результатом "объявления" стали имена всего семи человек, с каждого из которых уже сняты все подозрения.

Охватившее следователей по "делу Тейт" отчаяние проявилось в их втором (и последнем) отчете о ходе следствия, составленном всего за день до пресс-конференции: "На данный момент Гарретсон не может считаться окончательно освобожденным от подозрений".

Отчет по “делу Тейт”, покрывавший временной отрезок с 1 сентября по 22 октября, состоял из двадцати шести страниц, большая часть которых посвящалась процессу снятия подозрений с Уилсона, Пикетта и прочих.

Отчет следователей по “делу Лабианка”, составленный 15 октября, был чуть короче (22 страницы), зато гораздо интереснее.

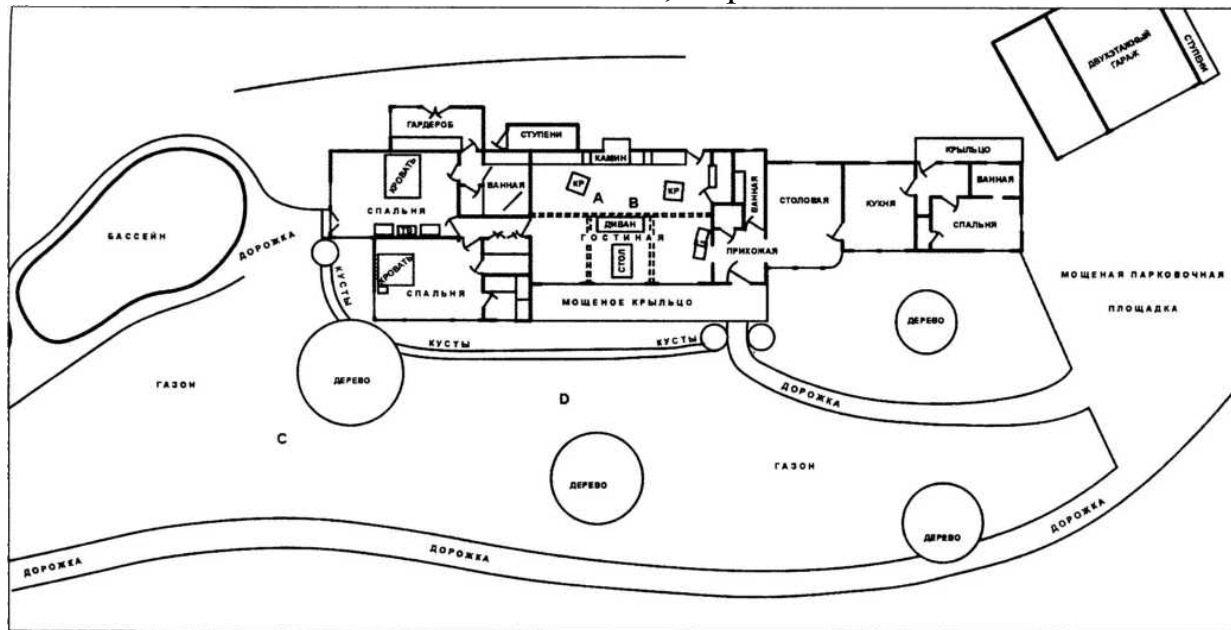
В одном из разделов этого документа следователи описывают свое использование компьютера Си-П: “В настоящее время проводится сличение выявленного *modus operandi* с действиями лиц, в прошлом совершавших убийства, предварительно связав жертву. В будущем мы намерены уделить внимание также особенностям совершенных краж: перчатки, очки, перерезанные телефонные провода”.

Краж. Во множественном числе. Перчатки, очки, перерезанные телефонные провода. Телефон в доме Лабианка продолжал работать, да и не было никаких доказательств тому, что убийца четы Лабианка носил очки. То были намеки на “дело Тейт”.

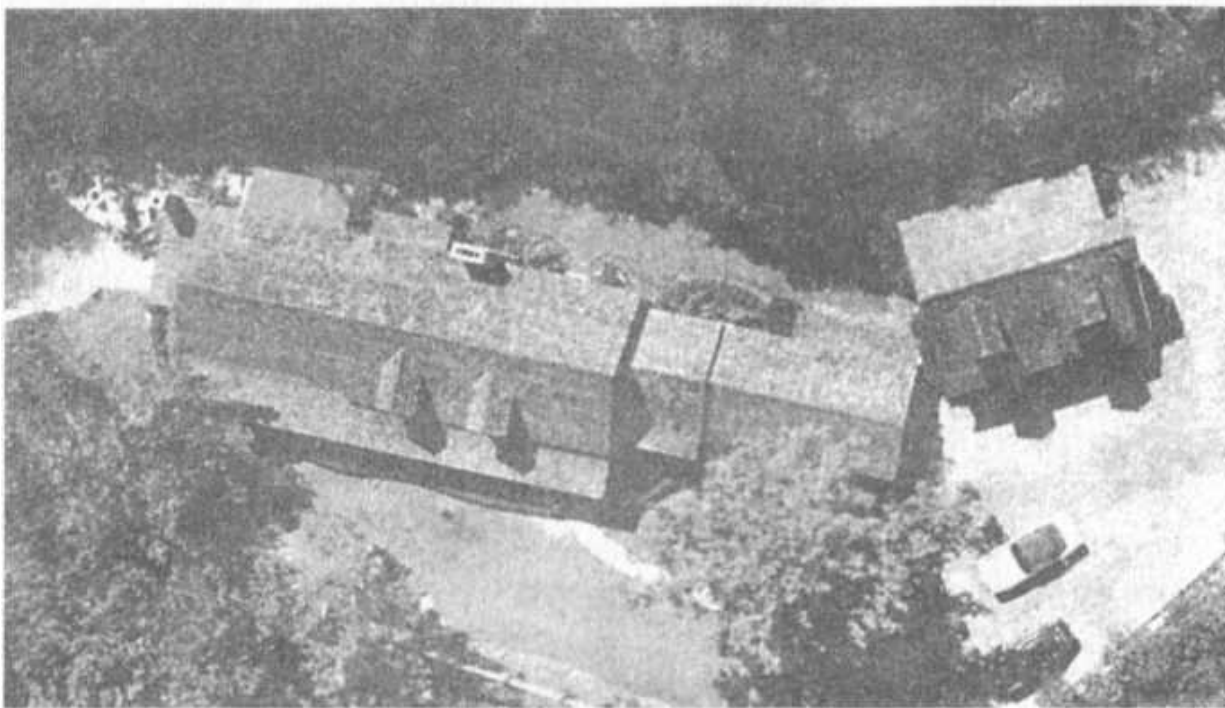
Вывод неизбежен: следователи по “делу Лабианка” решили — на свой страх и риск, не посоветовавшись с коллегами, — попробовать раскрыть оба дела сразу.

Второй отчет о ходе следствия по “делу Лабианка” интересен еще вот почему.

В списке подозреваемых в нем перечислены одиннадцать имен; последним там значится некто Мэнсон, Чарльз.

Масштабный план усадьбы Тейт. Показано положение четырех из пяти тел убитых (А — Себринг; В — Тейт; С — Фольгер; D — Фрайковски). "Рамблер" Парента находился справа, далее по мощеной парковочной площадке, ведущей к воротам. Гостевой домик расположен слева, на значительном расстоянии за бассейном.

Усадьба 10050 по Сизло-драйв, прячущаяся в уединенном тупике высоко над Городом Ангелов. Вплоть до той роковой ночи Шарон Тейт называла ее "мой дом любви".

Наследница кофейного состояния Абигаиль Фольгер, 27 лет, и ее возлюбленный, поляк Войтек Фрайковски, 32 года. Они уже собирались съехать из усадьбы, но Шарон попросила их остаться еще на неделю, до возвращения ее мужа, кинорежиссера Романа Полански.

Войтек Фрайковски — жертва убийства. Отчаянно сражавшийся за свою жизнь Фрайковски был найден распростертым на газоне неподалеку от парадной двери дома. В него дважды стреляли, тринадцать раз ударили тупым предметом по голове и нанесли пятьдесят одно ножевое ранение.

Абигаиль Фольгер — жертва убийства. Ее тело также лежало на газоне, чуть поодаль от тела Фрайковски. Ее настолько яростно били ножом, что белая ночная рубашка Абигаиль казалась красной.

Всемирно известный стилист мужских причесок Джей Себринг, 35 лет, некогда был помолвлен с Шарон Тейт.

Красавица со светлыми волосами медового оттенка, актриса Шарон Тейт, 26 лет.

Шарон Тейт-Полански — жертва убийства. Будучи на девятом месяце беременности, Шарон умоляла пощадить ее ради жизни ребенка.

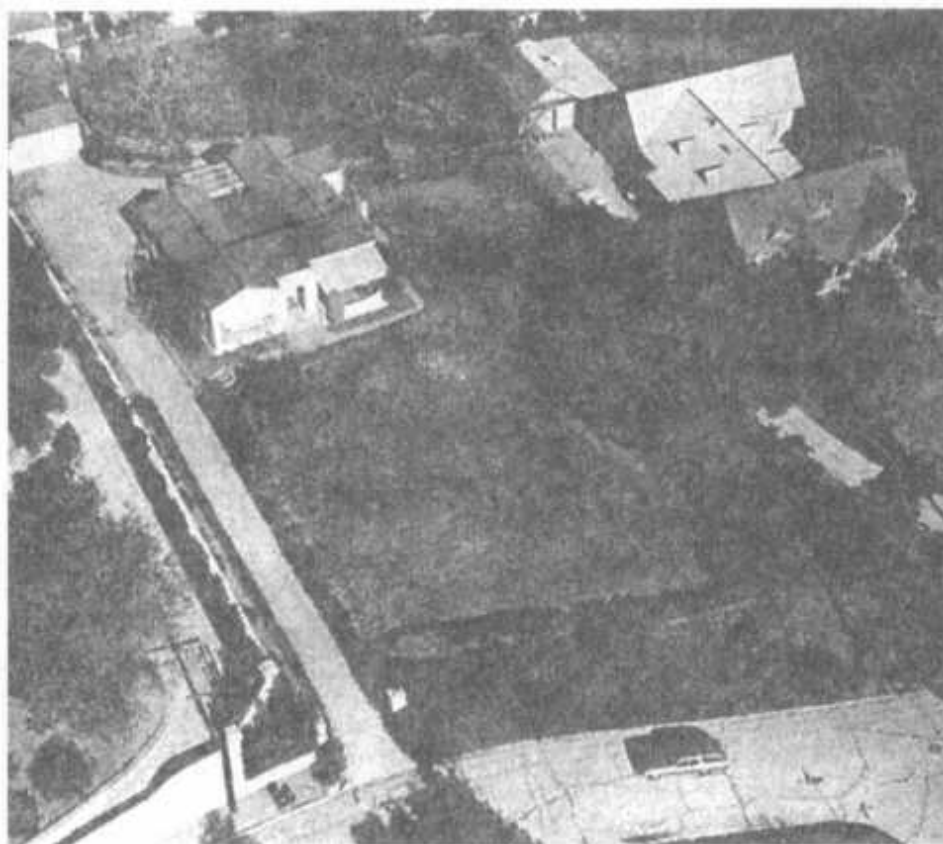
Джей Себринг — жертва убийства. Лицо его прикрывало окровавленное полотенце. Затянутая на шее веревка вела к еще одному неподвижному телу.

Стивен Эрл Парент, 18 лет, на выпускном вечере в школе. Энтузиаст бытовой электроники, он трудился сразу на двух работах, чтобы скопить достаточно денег для поступления в колледж той осенью.

Стивен Эрл Парент — жертва убийства. Оказавшись в неподходящем месте в неподходящее время, Парент направлялся в своем автомобиле по направлению к воротам усадьбы, когда на территорию проникли убийцы. Он погиб первым.

Расположенный в районе Лос-Фелица дом четы Лабианка, 3301 по Вейверли-драйв (фото сделано с воздуха). Дом 3267, ранее занимаемый Гарольдом Тру, расположен правее. Убийцы припарковали машину там, где на снимке стоит автомобиль, пешком прошли по изогнутой подъездной дорожке к дому 3267 и затем срезали угол к дому Лабианка.

Надпись "political piggy" кровью музыканта Гари Хинмана на месте его убийства в Малибу.

Надпись "death to pigs" на стене гостиной дома Лабанка, сделанная кровью одной из жертв.

Лено Лабианка — жертва убийства. В его тело были воткнуты нож и вилка, на животе вырезано слово "war".

Розмари Лабианка — жертва убийства. Ей был нанесен сорок один удар ножом.

Владелец сети супермаркетов Лено Лабианка, 44 года, не имел, казалось бы, ничего общего с жертвами предыдущей ночи, и поэтому, несмотря на множество совпадений, полиция быстро решила, что два преступления никак не связаны между собой.

Розмари Лабианка, 38 лет. За несколько дней до смерти она призналась подруге, что кто-то бывает у них в доме, когда они с Лено отсутствуют.

Преподаватель музыки Гари Хинман — жертва убийства. Он совершил роковую ошибку, подружившись с убийцами.

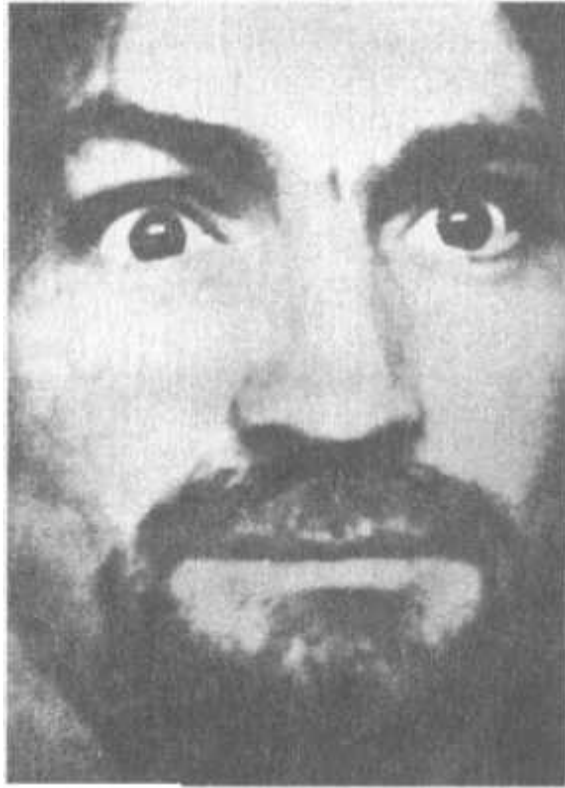
Подающий надежды актер и ковбой с ранчо Спана, Дональд "Коротышка" Шиа — жертва убийства. Как и Шарон Тейт, он надеялся на славу, но вместо нее обрел смерть. Его тело так и не было найдено.

Адвокат Рональд Хьюз — жертва убийства. Его старания защитить одного из убийц Тейт-Лабьянка стоили ему жизни. Как впервые сообщается в этой книге, гибель Хьюза стала "первым из убийств возмездия".

Джон Филип Хоут, *тик* Кристофер Джизас, *тик* Зеро. Жертва убийства или самоубийца? Присутствовавшие при инциденте уверяли, что он играл в русскую рулетку, — вот только на полностью заряженном револьвере не было найдено вообще никаких отпечатков.

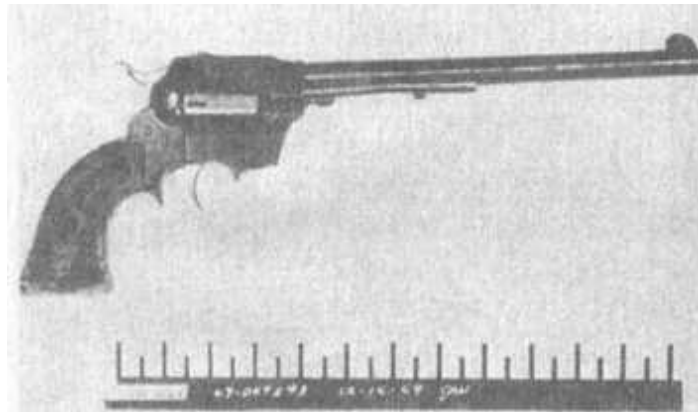
Разошедшееся наибольшим тиражом фото Чарльза Мэнсона.

Когда оно впервые появилось на журнальных стойках по всему миру, кто-то из членов "Семьи" гордо воскликнул: "Чарли попал на обложку "Лайфа"!"

Ростом всего в пять с небольшим футов, Мэнсон едва ли казался человеком, способным приказывать другим убивать.

Девятизарядный револьвер 22-го калибра "хай-стандарт лонгхорн", из которого Чарльз "Текс" Уотсон стрелял в Парента, Себринга и Фрайковски. Найден 1 сентября 1969 года десятилетним Стивеном Вейсом на склоне холма за собственным домом. Хотя расположенный в Ван-Нуйсе участок обслуживания Долины получил револьвер в тот же день, оружие было отложено в сторону в качестве "находки".

Сьюзен Дениз Аткинс, *тик* Сэди Мэй Глютц, возраст 21 год,

Чарльз Текс Уотсон, возраст 23 года, — убийца.

Лесли Ван Хоутен, *тик* Лулу, возраст 20 лет, — убийца.

Мэри Тереза Бруннер, возраст 25 лет, — убийца.

Патриция Кренвинкль, *тик* Кэти, возраст 21 год, — убийца.

Роберт "Бобби" Бьюсолейл, *тик* Купидон, возраст 22 года, — убийца.

"Мы ждем, чтобы нашего отца наконец освободили". На протяжении всего процесса участники "Семьи" Мэнсона несли свою вахту у Дворца юстиции, на углу Темпл и Бродвея. *Слева направо:* Сэнди, Уич, Кэти и Мэри.

Линда Касабьян, главный свидетель обвинения.

Обвинитель Винсент Буглиози, избранный в ноябре 1969 года из штата в 450 юристов для ведения дела против убийц Тейт-Лабианка. Он лично собрал большую часть вещественных доказательств и улик, приведших к вынесению вердикта "виновны" в отношении Чарльза Мэнсона, Сьюзен Аткинс, Патриции Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен после самого продолжительного и сенсационного суда в истории Америки.

Чарльз Мэнсон на пути к камерам смертников в тюрьме "Сан-Квентин". С отменой смертной казни приговор, вынесенный Мэнсону, был заменен пожизненным заключением.

Часть 2

УБИЙЦЫ

*Это чудесные люди, других таких не сыщешь.
Лесли Ван Хоутен,
описывая “Семью” Мэнсона сержанту Майклу
Макганну*

*Ровно в двенадцать, за круглым столом
Духов всем вместе призвать,
Чтобы во тьме услышать голоса
Детей, что хотят поиграть.
The Beatles,
“Плачь, детка, плачь” (“Белый альбом”)*

*Надо иметь в сердце настоящую любовь, чтобы
делать это ради людей.
Сьюзен Аткинс,
рассказывая Виржинии Грэхем, почему она
ударилась ножом Шарон Тейт*

15–31 октября 1969 года

На деле расстояние между Центром Паркера, штаб-квартирой Департамента полиции Лос-Анджелеса, и Дворцом юстиции, в котором размещается Офис шерифа округа Лос-Анджелес, — четыре квартала. Эту дистанцию можно покрыть за время, необходимое для набора телефонного номера.

Но не все так просто. Хотя ДПЛА и ОШЛА сотрудничают по расследованию дел, “перекрывающих” обе юрисдикции, между ними существует известное противоборство.

Один из следователей по “делу Лабианка” позднее признает, что ему и работавшим с ним офицерам еще в середине августа следовало связаться с отделом расследования убийств ОШЛА и попытаться

выяснить, не знают ли там о схожих преступлениях. Но они сделали это лишь 15 октября — уже после того, как оборвалось большинство имевшихся у них нитей.

Сделав это, они впервые узнали об убийстве Хинмана. И, не уподобляясь сержанту Баклзу из “следовательской группы Тейт”, сочли сходство обоих преступлений заслуживающим дальнейшей проверки.

А в “деле Хинмана” кое-что прояснилось совсем недавно, сообщили им сержанты Уайтли и Гуэнтер. Недели еще не прошло, как офицеры округа Инио совершили проверку изолированного ранчо Баркера, расположенного в чрезвычайно изломанной, почти непроходимой местности к югу от национального заповедника “Долина Смерти”. В ходе рейда, причиной которого послужили обвинения в правонарушениях, варьировавшихся от сообщничества в воровстве до поджога, были арестованы двадцать четыре участника хиппи-культы, известного как “Семья Мэнсона”. Многие из задержанных (включая и лидера группы — Чарльза Мэнсона, 34-летнего рецидивиста с длинным, запутанным криминальным прошлым) были арестованы и ранее, в ходе такого же рейда, проведенного ОШЛА 16 августа на “киношном” ранчо Спана в Чатсворте.

Во время рейда на ранчо Баркера, занявшего трое суток, из придорожных кустов в нескольких милях от самого ранчо выбрались две девушки, попросившие офицеров защитить их. Обе заявили, что пытались покинуть “Семью” и опасаются за свои жизни. Одну звали Стефани Шрам, другую — Китти Лютсингер.

Уайтли и Гуэнтер разыскивали Китти Лютсингер с тех пор, как выяснилось, что она была девушкой Бобби Бьюсолейла, подозреваемого в убийстве Хинмана. Узнав об ее аресте, они проехали 225 миль до городка Индепенденс в округе Инио, чтобы расспросить ее.

Китти — перепуганная веснушчатая девушка семнадцати лет — была уже на пятом месяце беременности и готовилась произвести на свет ребенка Бьюсолейла. Хотя она и жила с “Семьей”, эти люди, очевидно, не слишком ей доверяли. Когда Бьюсолейл исчез с ранчо Спана в начале августа, никто не захотел объяснить ей, куда он делся. Лишь несколько недель спустя она узнала, что Бобби арестован и (лишь гораздо позднее) что его обвиняют в убийстве Гари Хинмана.

На расспросы об убийстве Китти отвечала, что слышала, будто Мэнсон послал Бьюсолейла и девушку по имени Сьюзен Аткинс в дом Хинмана, забрать у того деньги. Произошла драка, и Хинман погиб. Китти не помнила, кто рассказал ей об этом, просто на ранчо ходили такие разговоры. Впрочем, она помнила о другом разговоре, когда Сьюзен Аткинс поведала ей и еще нескольким девицам, что ей как-то пришлось подраться с мужчиной, который тянул ее за волосы, и что она три или четыре раза ударила его ножом в ноги.

Сьюзен Аткинс была арестована в ходе рейда на ранчо Баркера и назвалась тогда “Сэди Мэй Глютц”. Она все еще содержалась под арестом. 13 октября, на следующий день после беседы с Китти, сержанты Уайтли и Гуэнтер допросили ее.

Сьюзен сказала им, что их с Бобби Бьюсолейлом послали в дом Гари Хинмана за деньгами, которые тот, предположительно, унаследовал. Когда же Хинман отказался передать деньги, Бьюсолейл вынул нож и резанул Хинмана по лицу. Двое суток подряд им двоим пришлось спать по очереди, чтобы Хинман не мог сбежать. Затем, в последний вечер, проведенный ими в доме, когда сама Сьюзен была на кухне, она услышала голос Хинмана: “Не надо, Бобби!” — после чего Хинман вбежал, шатаясь, в кухню, истекая кровью от раны в груди.

Но Хинман не умер и после этого. Протерев все в доме, чтобы избавиться от отпечатков пальцев (не слишком эффективно, поскольку полиция обнаружила отпечаток ладони и пальца Бьюсолейла), они уже выходили через парадную дверь, когда услышали стон. Бьюсолейл вернулся в дом, и Сьюзен вновь услышала голос Гари: “О нет, Бобби, пожалуйста, не надо!” Она также расслышала “звук вроде бульканья, какой бывает, когда кто-то умирает”.

После этого Бьюсолейл завел, сцепив проводки, “фольксваген” Хинмана 1965 года выпуска, и они вернулись на ранчо Спана.

Уайтли и Гуэнтер спросили Сьюзен, не повторит ли она свои показания, чтобы их можно было записать на магнитофон. Та отказалась. Ее перевели в контору шерифа в Сан-Димасе, где посадили под арест по подозрению в убийстве.

Показания Сьюзен Аткинс — в отличие от рассказа Китти Лютсингер — не вовлекали Мэнсона в убийство Хинмана. И, вопреки сказанному Китти, Сьюзен не призналась сержантам, что сама ударила

кого-то ножом. Уайтли и Гуэнтер сильно подозревали, что она открыла им лишь то, что, по ее мнению, они и так уже знали.

Нельзя сказать, что двое следователей “дела Лабианка” были сильно впечатлены. Хинман был близок к “Семье Мэнсона”; несколько ее членов — включая Бьюсолейла, Аткинс и даже самого Мэнсона — в прошлом ненадолго останавливались в его доме. Короче говоря, имелась некая связь. Но ничто не говорило о том, будто Мэнсон или кто-либо из его последователей знали чету Лабианка или людей, живших в доме 10050 по Сиэло-драйв.

Однако это была какая-никакая, а ниточка, и следователи продолжали ее распутывать. Китти была отпущена под попечительство живших рядом родителей, и они побеседовали с ней там. Из ОШЛА, от официальных лиц округа Инио, от офицера, контролировавшего поведение условно освобожденного Мэнсона, к ним стали стекаться имена, словесные портреты и отпечатки пальцев лиц, по сведениям, принадлежащих к “Семье” или ассоциируемых с нею. Китти упомянула, что, еще когда “Семья” проживала на ранчо Спана, Мэнсон пытался привлечь на свою сторону шайку мотоциклистов-байкеров “Правоверные сатанисты” и сделать их своими личными телохранителями. Выслушав это предложение, байкеры рассмеялись в лицо Мэнсону — все, кроме одного, некоего Дэнни. Тот то и дело заезжал к ним на протяжении нескольких месяцев.

Узнав, что байкеры “тусуются” в городке Венис, штат Калифорния, следователи по “делу Лабианка” послали в полицейское управление Вениса запрос, не поищут ли там “правоверного сатаниста” по имени Дэнни.

Что-то в показаниях Китти Лютсингер озадачило Уайтли и Гуэнтера. Поначалу они сочли это простым противоречием, несовпадением. Но затем задумались всерьез. Если верить Китти, Сьюзен Аткинс признала, что три или четыре раза ударила некоего мужчину ножом в ноги.

На ногах Гари Хинмана не было ножевых ран.

Но они были на ногах Войтека Фрайковски.

И, хотя однажды они уже выслушали отповедь коллег, 20 октября помощники шерифа вновь связались со следователями по “делу Тейт” в ДПЛА и рассказали о том, что узнали.

Интерес, проявленный следователями “дела Тейт” к рассказу, можно измерить с известной точностью: лишь 31 октября, одиннадцать дней спустя, они снизошли до беседы с Китти Лютсингер.

1—12 ноября 1969 года

Ноябрь стал месяцем признаний — которым поначалу никто не верил.

Оказавшись подозреваемой в убийстве Хинмана, Сьюзен Дениз Аткинс, *тик*^[79] Сэди Мэй Глютц, была переведена в “Сибил Бранд”, женскую исправительную колонию в Лос-Анджелесе. 1 ноября, по окончании адаптационного срока, она поселилась в общей спальне 8000, получив койку напротив некоей Ронни Ховард. Мисс Ховард, пышная женщина, в качестве “девушки по вызову” на протяжении тридцати с лишним лет имевшая около двадцати разных кличек, в настоящее время дожидалась суда по обвинению в подделке аптечного рецепта.

В тот же день в общей спальне 8000 оказалась не только Сьюзен, но и некая Виржиния Грэхем. Мисс Грэхем, сама бывшая проститутка с внушительной коллекцией кличек, была арестована за нарушение режима условного освобождения. И хотя они не виделись вот уже пять лет, Ронни и Виржиния в прошлом не только были подругами и сталкивались, так сказать, по работе, вместе выезжая на “вызовы”, но Ронни еще и была замужем за бывшим мужем Виржинии.

После распределения Сьюзен Аткинс и Виржиния Грэхем сделались “гонцами”: обязанности их заключались в передаче сообщений между работниками колонии. В те скучные моменты, когда работы не было, они сидели рядышком в комнате контроля, где накапливались сообщения, и болтали.

Ночью, когда тушили свет, Ронни Ховард и Сьюзен также много разговаривали.

Сьюзен любила поговорить. А Ронни и Виржиния оказались благодарными слушательницами.

2 ноября 1969 года некто Стив Забриске вошел в здание Департамента полиции Портленда, штат Орегон, и заявил тамошнему следователю, сержанту Ритчарду, что оба убийства — и Тейт, и

Лабанка — совершены одними и теми же людьми, “Чарли” и “Клемом”.

Девятнадцатилетний Забриске пояснил, что слышал об этом от Эда Бэйли и Верна Памли, двух типов хиппового вида из Калифорнии, с которыми Стив познакомился в Портленде. Забриске также объявил Ритчарду, что оба — и Клем, и Чарли — в настоящее время содержатся под стражей в Лос-Анджелесе по совершенно другому обвинению: они состояли в сообщничестве с целью угона автомобилей.

Бэйли сообщил ему еще кое-что, сказал Забриске: он лично видел, как Чарли застрелил человека в голову из автоматического пистолета 45-го калибра. Это произошло в Долине Смерти.

Сержант Ритчард поинтересовался, есть ли у Стива доказательства. Тот признал, что доказать ничего не может, зато его шурин, Майкл Ллойд Картер, тоже присутствовал при разговоре и сможет подтвердить его слова, если только сержанту Ритчарду захочется поговорить с Майклом.

Сержанту Ритчарду не захотелось. Поскольку Забриске “не назвал фамилий и не сказал ничего конкретного, что подтвердило бы его рассказ”, сержант Ритчард (по версии официального отчета) “не придавал значения состоявшейся беседе и не счел нужным уведомить о ней Департамент полиции Лос-Анджелеса”...

Девушки, ночевавшие в общей спальне 8000, звали Сэди Мэй Глютц (Сьюзен Аткинс настаивала, чтобы ее называли именно так) Безумной Сэди. И не только из-за этого смехотворного имени. Она была слишком уж счастлива, учитывая то, где находилась. В самые неподходящие минуты она взрывалась смехом или распевала песенки. Без всякого предупреждения она могла бросить все свои занятия и начать веселый танец. Утреннюю зарядку неизменно делала без трусиков. Похвалялась, будто бы занималась всеми видами секса, какие только можно вообразить, и неоднократно склоняла к этому своих товарок.

Виржиния Грэхем считала ее чем-то вроде “вконец испорченной девицы”, которая играла эту роль, чтобы никто не догадался, насколько ей страшно на самом деле.

Однажды, когда обе сидели без дела в комнате контроля, Виржиния спросила:

“А за что тебя взяли?” — “За убийство первой степени”, — как ни в чем не бывало отвечала Сьюзен.

Виржиния не могла в это поверить; Сьюзен выглядела совсем еще девочкой.

Во время именно этого разговора, очевидно, имевшего место

3 ноября, Сьюзен мало говорила о самом убийстве — только о том, что ей придется стать соответчицей: парень, которого держат в окружной тюрьме, нашептал про нее полицейским. Допрашивая Сьюзен, Уайтли с Гуэнтером не упомянули о показаниях Китти Лютсингер, — и Сьюзен, естественно, решила, что стукачом был Бобби Бьюсолейл.

На следующий день Сьюзен открыла Виржинии, что человека, в убийстве которого ее подозревают, звали Гари Хинман. Она сказала, что в этом деле замешаны она сама, Бобби и еще одна девушка. Эту “другую девушку” в убийстве не обвиняют, сказала она, хоть та не так давно побывала в “Сибил Бранд” по совершенно другому обвинению; ее выпустили под залог, и сейчас она поехала в Висконсин забрать ребенка^[80].

Виржиния спросила: “Ну, так ты это сделала или нет?”

Сьюзен поглядела на нее, улыбнулась и сказала: “Конечно, сделала”. — Вот так просто.

Только полиция все перепутала, сказала она. У них получается, будто Сьюзен держала мужчину, пока парень бил его ножом, а это глупо, потому что такого большого мужика ей было бы не удержать. Все было как раз наоборот: парень держал, а она сама втыкала нож, четыре или пять раз подряд.

Больше всего Виржинию потрясло (скажет она позднее), что Сьюзен говорила об этом как о “совершенно естественном занятии на любой день недели”.

Темы разговоров Сьюзен не ограничивались убийствами. Предметы обсуждения варьировались от психических феноменов до ее опыта полуобнаженной танцовщицы в Сан-Франциско. Еще будучи там, призналась Сьюзен Виржинии, она повстречала “этого человека, Чарли”. Он был самым сильным из всех живущих. Он бывал в тюрьме, но никому не удалось сломить его. Сьюзен сказала, что выполняла его

распоряжения без разговоров; все они так делали, все дети, жившие вместе с ним. Он был их отцом, их лидером, их возлюбленным.

Это Чарли дал ей имя Сэди Мэй Глютт.

Виржиния заметила, что не сочла бы это большой услугой с его стороны.

Чарли собирался повести их в пустыню, сказала Сьюзен. Там была пещера, большая дыра вниз, в Долине Смерти, только Чарли знал, где она, — но там, глубоко внизу, в самом центре Земли скрывалась целая цивилизация. И Чарли собирался забрать “Семью”, нескольких избранных, с собой в эту бездонную яму, чтобы они жили там потом все вместе.

Чарли, призналась Сьюзен Виржинии, был Иисус Христос.

Сьюзен, решила Виржиния, совсем свихнулась.

Ночью 5 ноября погиб молодой человек, который мог бы представить решение загадки убийств Тейт — Лабианка.

В 19:35 офицеры Департамента полиции Вениса прибыли по вызову к снимаемому Марком Россом дому 28 по Клабхаус-авеню, у самого пляжа. Они нашли тело юноши (приблизительный возраст 22 года, кличка Зеро, *н/и* неизвестно), лежавшее на матрасе, на полу спальни. На ощупь тело покойного еще было теплым. На подушке были следы крови, а на правом виске — отверстие, сходное с входящим пулевым. Рядом с телом была найдена кожаная кобура и восьмизарядный револьвер 22-го калибра производства “Айвер-энд-Джонсон”. По словам присутствующих (мужчины и трех девушек), Зеро совершил самоубийство в процессе игры в “русскую рулетку”.

Истории, рассказанные свидетелями (которые назвались Брюсом Дэвисом, Линдой Болдуин, Сью Бартелл и Кэтрин Гиллис и пояснили, что проживают в доме временно, пока Росс в отъезде), совпали до последней детали. Линда Болдуин показала, что сама она лежала на правой стороне матраса, а Зеро — на левой, когда Зеро, увидев кожаную кобуру на столике у кровати, сказал: “О, вот и пушка”. Он вынул револьвер из кобуры, и мисс Болдуин заметила: “Там только одна пуля”. Держа револьвер в правой руке, Зеро крутанул цилиндр, приставил дуло к своему правому виску и нажал на курок.

Остальные, находившиеся в других помещениях дома, слышали нечто, по их словам, напоминавшее разрыв хлопушки. Когда они вошли

в спальню, мисс Болдуин сказала им: “Зеро застрелился, прямо как в кино”. Брюс Дэвис признался, что поднял с пола револьвер. Затем они позвонили в полицию.

Офицеры не подозревали, что все присутствующие были членами “Семьи Мэнсона”, жившими в Венесе с момента своего освобождения после рейда на ранчо Баркера. Поскольку, опрошенные отдельно, они повторили одну и ту же историю, полицейские приняли объяснение с “русской рулеткой” и в графе “причина смерти” проставили: “Суицид”.

Тем не менее у полицейских было сразу несколько довольно веских причин для сомнений, которым, однако, никто из них так и не поддавался.

Когда офицер Джерром Боен позднее попытается снять с револьвера отпечатки пальцев, он их не обнаружит. Да и на самой кожаной кобуре никаких следов не окажется.

И когда полиция исследует револьвер, выяснится, что Зеро здорово переоценил свою удачу. В револьвере будут обнаружены семь боевых зарядов и лишь одна пустая гильза. Он был заряжен “под завязку”, без единой пустой камеры.

Некоторые члены “Семьи”, включая и самого Мэнсона, все еще содержались в тюрьме городка Индепенденс. 6 ноября следователи по “делу Лабианка” Патчетт и Сартучи, сопровождаемые лейтенантом Бердиком из ОНЭ, отправились туда побеседовать с ними.

Патчетт спросил у Мэнсона, не известно ли ему что-либо об убийствах Тейт или Лабианка. Мэнсон ответил: “Нет”, на чем разговор и был завершен.

Патчетт настолько разочаровался в Мэнсоне, что даже не потрудился составить рапорт об этом разговоре. Из девяти членов “Семьи”, с которыми тогда пообщались следователи, лишь один “удостоился” письменного меморандума. Примерно в 13:30 лейтенант Бердик беседовал с девушкой, арестованной под именем Лесли Санкстон. “Во время этой беседы, — написал Бердик, — я осведомился, было ли известно мисс Санкстон, что Сэди [Сьюзен Аткинс], по слухам, была замешана в убийстве Гари Хинмана. Та ответила: “Да”. Я спросил, знает ли она об убийствах Тейт и Лабианка. Она показала, что знает об убийстве Тейт, но, однако, не слыхала об убийстве четы Лабианка. Я спросил, знает ли она об участниках своей

группы, которые могли бы иметь отношение к тем или иным убийствам. Она показала, что существуют кое-какие “вещи”, которые заставляют ее полагать, что кто-то из ее группы может оказаться вовлеченным в убийство Тейт. Я попросил ее объяснить подробнее, что это за “вещи”, [но] она отказалась пояснить, что имела в виду, и заявила, что хотела бы обдумать это ночью, что она испытывает растерянность и не знает, что ей следует делать. Тем не менее она показала, что может захотеть объясниться на следующий день”.

Однако, когда Бердик вновь допросил ее на следующее утро, “она показала, что решила не распространяться более на интересующую меня тему, и наш разговор был прерван”.

Пускай беседы с арестованными не принесли успеха, следователи по “делу Лабианка” зацепили одну ниточку, которая могла привести к чему-то стоящему. Перед тем как оставить Индепенденс, Патчетт попросил показать ему пакет с личными вещами, изъятыми у Мэнсона при аресте. Просматривая одежду, бывшую на Мэнсоне в момент задержания, Патчетт заметил, что тот использовал кожаные тесемки в качестве шнурков мокасин и брючного ремня. Патчетт получил фрагменты каждой и забрал их в Лос-Анджелес для сравнения с кожаным ремешком, которым были связаны руки Лено Лабианка.

В ОНЭ ему объяснили, что кожаный ремешок есть кожаный ремешок, и только; они во всем схожи между собой, но не существует никакого способа выяснить точно, были ли они вырезаны из одного куска кожи.

ДПЛА и ОШЛА не первыми придумали ревность. До известной степени она присутствует в отношениях между практически всеми службами поддержания законности и даже внутри некоторых из них.

Отдел расследования убийств Департамента полиции Лос-Анджелеса занимает единственное помещение — комнату 318 — на третьем этаже Центра Паркера. Хоть комната и не маленькая, прямоугольная по планировке, никакого разделения на отдельные рабочие места в ней нет: здесь стоят лишь два больших стола, и все следователи работают бок о бок, за одним столом или за другим. Расстояние между следователями по “делам Тейт” и “Лабианка” выражалось считанными футами.

Но психологические дистанции порой оказываются не меньшей преградой, чем реальные расстояния: одна группа следователей

("Тейт") состояла, по большей части, из представителей старой гвардии", тогда как другая ("Лабанка") — из "молодых выскочек". Кроме того, некоторая резкость в отношениях между ними, очевидно, проистекала из того простого факта, что несколько человек именно из этой последней группы некоторое время тому назад были приписаны к расследованию последнего нашумевшего убийства, когда сенатор Роберт Ф. Кеннеди погиб от руки Сирхана Сирхана. Короче говоря, между этими двумя группами будто кошка пробежала.

В результате никто из следователей по "делу Лабанка" не пересек тех нескольких футов, чтобы рассказать следователям "дела Тейт", что они пытаются распутать нить, которая может соединять оба преступления. Никто не сообщил лейтенанту Хелдеру, ведущему следствие по "делу Тейт", что они ездили в Индепенденс и говорили там с неким Чарльзом Мэнсоном, замешанном, по-видимому, в чрезвычайно схожем убийстве. Никто не поделился с Хелдером новостью, что одна из поклонниц этого Мэнсона — девушка, назвавшаяся именем Лесли Санкстон, — признала, что кто-то из "Семьи" может оказаться замешан в убийствах на Сизло-драйв.

Следователи по "делу Лабанка" продолжали действовать самостоятельно.

Если бы Лесли Санкстон (*н/и* Лесли Ван Хоутен) поддалась внезапному желанию заговорить, она могла бы немало поведать следователям об убийствах на Сизло-драйв, но еще больше — об убийстве четы Лабанка.

Но к этому времени Сьюзен Аткинс уже достаточно наговорила об обоих этих преступлениях.

Во вторник, 6 ноября, примерно в 16:45, Сьюзен подошла к кровати Виржинии Грэхем и присела на краешек. Они уже закончили работу, и на Сьюзен/Сэди нашла охота потрепаться. Она говорила о том, как и когда принимала ЛСД, о карме, хорошей и дурной ауре, об убийстве Хинмана. Виржиния предупредила Сьюзен, чтобы та не болтала почем зря; Виржиния слыхала о человеке, осужденном только потому, что тот разговорился с сокамерником.

Сьюзен отвечала: "О, я все понимаю. Я об этом больше ни с кем не говорила. Знаешь, стоит мне на тебя посмотреть, и я вижу в тебе что-то, и знаю, что могу рассказывать все, что захочу". И потом, о полицейских

вообще не стоило беспокоиться. По-настоящему умные люди не работают в полиции. “Знаешь, прямо сейчас они расследуют кое-что, но настолько сбились с курса, что даже не представляют, что происходит”.

“О чем это ты?” — переспросила Виржиния.

“Ну, про то, что случилось в каньоне Бенедикта”.

“В каньоне Бенедикта? Ты не про Шарон Тейт, случаем?”

“Ага. — Кажется, теперь Сьюзен по-настоящему распалилась. Слова так и полились из ее рта. — Знаешь, кто это сделал, а?”

“Нет”.

“Ну, догадайся. Ты на нее сейчас смотришь”.

“Шутишь!” — ахнула Виржиния.

Сьюзен просто улыбнулась и ответила: “Не-а...”^[81]

Позже Виржиния Грэхем не сможет точно вспомнить, сколько длился разговор — по ее оценке, от тридцати пяти минут до часа; может, больше. Она также признает, что не помнит, обсуждались ли в тот вечер какие-то конкретные детали или же они всплыли потом, в ходе других разговоров, и в каком именно порядке всплывали.

Но общее содержание она запомнила точно. Сколько б ей ни жить, его она уже не забудет — так Виржиния скажет потом.

Первым делом она задала самый главный вопрос: “Зачем, Сэди, зачем?”

“Потому что, — ответила ей Сьюзен, — мы хотели совершить преступление, которое потрясет мир, после которого всему миру придется зашевелиться и задуматься”. Но почему именно этот дом, дом Тейт? Ответ Сьюзен потрясал простотой: “Он стоит поодаль от остальных”. Они выбирали наугад. Год тому назад они виделись с Терри Мельчером^[82], сыном Дорис Дэй, но не представляли себе, кто живет там теперь, да это и не имело никакого значения; один человек, десять — неважно; они были готовы перерезать всех, кто там окажется.

“Другими словами, — переспросила Виржиния, — вы не знали Джея Себринга или кого-то из остальных?”

“Нет, не знали”, — ответила Сьюзен.

“Ничего, что я задаю вопросы? Ну, то есть, мне интересно”. Сьюзен не возражала. Она сказала Виржинии, что у той добрые карие глаза, а ведь если посмотришь в глаза человеку, то увидишь его душу.

Виржиния заявила Сьюзен, что желает знать во всех подробностях, как они это сделали. “Умираю от любопытства”, — пояснила она.

Сьюзен подчинилась. Перед выездом с ранчо Чарли объяснил, кому что делать. Они надели темную одежду. Они также прихватили в машину запасные вещи, чтобы потом переодеться. Подъехали к воротам, но затем вернулись к подножию холма, припарковали машину и наверх поднялись уже пешком.

“Значит, ты была не одна?” — перебила ее Виржиния.

“О нет, — сказала Сьюзен, — нас было четверо”. И тут же пояснила: еще две девушки и парень.

Когда дошли до ворот, продолжала Сьюзен, “он” перерезал телефонные провода. Виржиния вновь перебила ее, спросив, как же “он” не побоялся, что перерубит электрический шнур, ведь тогда погас бы свет и все в доме наверняка поняли бы: что-то не так. Сьюзен ответила: “Нет, он отлично знал, что делает”. У Виржинии появилось ощущение, основанное не столько на самих словах Сьюзен, сколько на выражении, с которым они были произнесены, что этот “парень” уже бывал на Сизло ранее.

Сьюзен не пояснила, как им удалось пройти в ворота. Она сказала, что первым они убили мальчишку. Когда Виржиния поинтересовалась, почему они это сделали, Сьюзен ответила, что он их заметил. “И нам пришлось пристрелить его. Четырьмя пулями”.

В этой точке рассказа Виржиния несколько растерялась. Позже она покажет: “Я думаю, она сказала мне... я не уверена... что этот Чарльз застрелил его”. Ранее Виржиния поняла, что Чарли, хоть и объяснил, что кому делать, не поехал вместе со всеми, остался на ранчо. А теперь получалось, что он все-таки поехал.

Чего не могла знать Виржиния, так это того, что в “Семье” было двое мужчин по имени Чарльз: Чарльз Мэнсон и Чарльз “Текс” Уотсон. Это простое непонимание позднее вызовет массу осложнений.

Войдя в дом (и вновь Сьюзен не уточнила, как им это удалось), они увидели мужчину, сидящего на диване в гостиной, и девушку, которую Сьюзен назвала Энн Фольгер, — та сидела в кресле, читая книгу. Она не подняла головы.

Виржиния спросила, откуда им были известны имена этих людей. “А мы их и не знали, — ответила Сьюзен, — мы их слышали только

назавтра”.

В какой-то момент группа убийц, очевидно, разделилась; Сьюзен направилась в спальню, пока все прочие оставались в гостиной.

“Шарон сидела в постели. Джей сидел с краю и разговаривал с ней”.

“Ой, правда? — переспросила Виржиния. — А что на ней было?”

“Бикини; трусики и лифчик, больше ничего”.

“Шутишь. И она была беременна?”

“Ага. Они обернулись и здорово удивились!”

“Ух ты! И они стали сопротивляться?”

“Нет, они были слишком удивлены, а потом уж поняли, что мы настроены серьезно”.

Сьюзен пропустила большой кусок истории — словно под воздействием наркотика, заставлявшего ее резко перескакивать с одного предмета на другой. Внезапно действие вновь перенеслось в гостиную, и Шарон с Джейм оказались связаны, на их шеях было затянуто по петле — чтобы они задушили друг друга, если попытались бы бежать. Виржиния поинтересовалась, зачем было надевать колпак-капюшон на голову Себринга. “Нет, колпаков мы не надевали”, — поправила ее Сьюзен. “Так писали газеты, Сэди”. — “Ну и что, не было там никакого колпака”, — повторяла Сьюзен с растущей настойчивостью.

Затем другой мужчина [Фрайковски] вырвался и побежал к двери. “Кровищи в нем было, я тебе скажу, — заявила Сьюзен и сказала, что три или четыре раза ударила его ножом. — Истекая кровью, он выбежал в переднюю часть дома, на крыльцо и затем — на газон. Поверишь? Он бегал там с воплями “На помощь! На помощь! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!”, и никто не явился!”

Без объяснений: “Потом мы его прикончили”.

Виржиния уже не задавала вопросов. То, что начиналось, как сказочка, как выдумка маленькой девочки, успело превратиться в ночной кошмар, до отказа заполненный ужасами.

Сьюзен не упомянула, что случилось с Абигайль Фольгер или Джейм Себрингом, только сказала: “Шарон умерла последней”. Произнеся это, она рассмеялась.

Сьюзен заявила, что удерживала руки Шарон Тейт за ее спиной и что Шарон оглядывалась на нее, плача и упрашивая: “Пожалуйста, не

убивай. Пожалуйста, не убивайте меня. Я не хочу умирать. Я хочу жить. Я хочу родить ребенка. Хочу родить ребенка”.

По словам Сьюзен, она посмотрела Шарон в глаза и сказала ей: “Слушай меня, сука, мне на тебя наплевать. Мне все равно, будет у тебя ребенок или нет. Лучше готовься. Сейчас ты сдохнешь, и мне от этого ни жарко ни холодно”.

“Через пару минут она уже была мертва: я убила ее”, — прибавила Сьюзен.

Убив Шарон, Сьюзен заметила кровь на своей ладони. И попробовала на вкус. “Ух, вот это класс! — поделилась она с Виржинией. — Я еще подумала: вкусить смерти, но даровать жизнь.

Ты когда-нибудь пробовала кровь? Она тепленькая, липкая, вкусная”.

Виржиния сумела выдать еще один вопрос: что чувствовала Сьюзен, убивая Шарон Тейт, с ее беременностью?

Бросив на Виржинию лукавый взгляд, Сьюзен сказала: “Ну, а я-то решила, ты все понимаешь. Я любила ее, и, чтобы суметь убить ее, мне пришлось убить часть самой себя”.

“А, ну да, я поняла”, — ответила Виржиния.

Ей хотелось вырезать ребенка из чрева, сказала Сьюзен, но у них уже не было на это времени. Они намеревались вырезать у всех этих людей глаза, размазать по стенам, отрезать им пальцы. “Мы собирались нарезать их кусками, но ничего не вышло из-за спешки”.

Виржиния спросила, как Сьюзен чувствовала себя после убийств. Та отвечала:

“Я словно летела на крыльях; очень устала, но обрела мир. И я знала, что это — лишь начало *Helter Skelter*. Теперь-то мир захочет выслушать нас”.

Виржиния не поняла, что та разумеет под *Helter Skelter*, и Сьюзен пришлось пояснить. Впрочем, она говорила настолько быстро и с таким очевидным возбуждением, что Виржиния лишь с трудом улавливала смысл сказанного. Насколько поняла Виржиния, у них была эта группа, эти избранные, которых собрал Чарли, и они были избраны, это новое сообщество, чтобы выйти на свет, распространиться по всей стране и по всему миру, выбирать людей наугад и казнить их, чтобы спасти, удалив с этой планеты.

“Надо иметь в сердце настоящую любовь, чтобы делать это ради людей”, — пояснила Сьюзен.

Четыре или пять раз на протяжении рассказа Сьюзен Виржинии пришлось предостерегать ее и просить говорить потише: кто-нибудь мог услышать. Сьюзен, улыбнувшись, заявила, что это ее ничуть не беспокоит. У нее отлично получалось строить дурочку.

Пропажу своего ножа Сьюзен обнаружила уже после того, как они покинули усадьбу Тейт. Она посчитала, что нож утащила собака. “Ты же знаешь, какими несносными бывают порой собаки”. Подумав, не стоит ли вернуться и поискать, решили не возвращаться. Кроме того, на столе она оставила отпечаток ладони. “Лишь потом мне пришло это в голову, — сказала Сьюзен, — но мой дух был столь силен, что отпечатка даже никто и не заметил, иначе меня бы давно уже поймали”.

Насколько могла понять Виржиния, убийцы переоделись сразу, как вернулись к машине. Затем отъехали на какое-то расстояние, остановившись в месте, где на улице был фонтан или другой источник воды, — чтобы сполоснуть руки. Сьюзен рассказала, что к ним подошел какой-то мужчина, пожелавший узнать, чем это они занимаются. И принялся кричать на них. “Ну-ка, — продолжала Сьюзен, — кто это, по-твоему, был?”

“Ума не приложу”, — ответила Виржиния.

“Это был шериф Беверли-Хиллз!”

Виржиния заметила, что в Беверли-Хиллз, кажется, нет шерифа.

“Ну, — раздраженно сказала Сьюзен, — не шериф, так мэр или что-то в этом роде”.

Мужчина потянулся в машину, чтобы вытащить ключи, и “Чарли успел завести ее. Мы едва успели уехать. И хохотали всю дорогу, — продолжала Сьюзен, прибавив: — Если бы он только знал!”

Сьюзен ненадолго умолкла. Затем, с этой своей невинной улыбочкой, спросила:

“Знаешь еще про двоих на следующую ночь?”

Виржиния припомнила владельца бакалейной лавки и его жену, супругов Лабианка.

“Ну да, — сказала она. — Это тоже ты?”

Сьюзен подмигнула:

“А ты как думаешь?”

“Но это только часть плана, — продолжала она. — И есть куда больше...”

Но Виржиния уже достаточно услышала для одного раза. Извинившись, она отправилась в душ.

Позднее Виржиния вспомнит, что думала тогда: “Должно быть, она шутит! Все придумала. Это просто слишком дико, слишком невероятно!”

Но затем она вспомнила, как Сьюзен здесь оказалась, — убийство первой степени.

Виржиния решила никому ничего не рассказывать. Это попросту было чересчур. Она также решила избегать Сьюзен, если получится.

На следующий день, впрочем, Виржиния подошла к кровати Ронни Ховард, чтобы сказать ей что-то. Сьюзен, лежавшая рядом на собственной кровати, перебила ее: “Виржиния, Виржиния, помнишь того чудесного парня, о котором я рассказывала? Ты только врубись, как его зовут. Послушай, у него фамилия “Мэнсон” — *Сын Человеческий!*”^[83]. Она повторила несколько раз, чтобы убедиться, что Виржиния наверняка поняла. И детский голосок ее дрожал от восхищения.

Она просто не могла больше носить это в себе. Это было уж слишком. И в первый же раз, как ей удалось остаться с Ронни Ховард наедине, Виржиния Грэхем поведала ей о рассказах Сьюзен Аткинс. “И что бы ты стала делать? — спросила она у Ронни. — Если только она не врет... Боже мой, это же ужасно. Зачем только она поделилась со мной...”

Ронни сочла, что Сэди “все это выдумала. Должно быть, газет начиталась”.

Единственным способом узнать наверняка, решили они, будет расспросить Сьюзен поподробнее и постараться выяснить что-нибудь такое, что мог бы знать только кто-то из убийц.

Виржиния придумала, как это проделать, не вызывая у Сьюзен Аткинс подозрений. Хоть она и не говорила об этом Сьюзен, Виржиния Грэхем интересовалась убийствами на Сиэло не только из праздного любопытства. Она знала Джея Себринга. Одна из подруг Виржинии, работавшая у Себринга маникюршей, познакомила их в “Луау”

несколько лет тому назад, вскоре после того, как Себринг открыл свой магазин на Фейрфакс. Это было лишь шапочное знакомство: он не был для Виржинии ни клиентом, ни дружкой, просто кем-то, кому можно кивнуть и сказать “Привет!” на вечеринке или в кафе. Странное совпадение, что Сьюзен поделилась своей тайной именно с ней. Но было еще одно совпадение, и того похлеще. Виржиния бывала в доме 10050 по Сиэло-драйв. В 1962 году она со своим бывшим мужем и еще одной девушкой подыскивали тихое местечко, подальше от городского шума, и узнали, что дом 10050 по Сиэло сдается внаем. Там не оказалось никого, кто показал бы им территорию, так что они просто заглянули в окна основного здания. Она мало что помнила о нем: лишь то, что оно напоминало вытянутый в длину, выкрашенный красным амбар, — но на следующий день, за ленчем, она сказала Сьюзен, что бывала там, и спросила, по-прежнему ли внутренние помещения выдержаны в бело-золотой гамме. Всего лишь догадка, не более. Сьюзен ответила: “Не-а” — и не стала углубляться. Тогда Виржиния рассказала ей, что была знакома с Себрингом, но Сьюзен не выказала особого интереса. На сей раз Сьюзен не пребывала в настроении болтать, но Виржиния настаивала, впитывая разрозненные клочки, крупицы сведений.

Они познакомились с Терри Мельчером через Денниса Уилсона, игравшего в рок-группе “The Beach Boys”. Они — то есть Чарли, Сьюзен и остальные — какое-то время жили у Денниса.

Виржинии показалось, что “они” испытывали к Мельчеру неприязнь, поскольку того мало что интересовало помимо денег. Виржиния выяснила также, что убийства на Сиэло произошли между полуночью и часом ночи, что “Чарли — любовь, чистая любовь” и что, когда втыкаешь в кого-то нож, это “очень приятное ощущение”.

Она также узнала, что, кроме убийств Хинмана, Тейт и Лабианка, “есть больше... и еще больше — до того... Еще троих мы уложили в пустыне...”

Клочки, крупицы. Сьюзен не открыла ничего, что могло бы подтвердить правдивость ее рассказов.

Тем вечером Сьюзен подошла к кровати Виржинии и присела на краешек. Виржиния листала журнал о кино. Увидев это, Сьюзен заговорила. И рассказ этот, гораздо позднее скажет Биржиния, был еще

более дик, чем все ее предыдущие истории. Он был столь невероятен, что Виржиния даже не упомянула о нем Ронни Ховард. Никто в это не поверит, решила она. Ибо Сьюзен Аткинс одним залпом выдала ей весь "черный список" лиц, которым вскоре предстоит быть убитыми. Все были знаменитостями. И затем, по словам Виржинии, Сьюзен описала в отвратительных подробностях, какая именно участь ждет Элизабет Тейлор, Ричарда Бартон, Тома Джонса^[84], Стива Мак-Куина и Фрэнка Синатру.

В понедельник, 10 ноября, в "Сибил Бранд" явилась посетительница, Сью Бартелл, поведавшая Сьюзен Аткинс о смерти Зеро. Когда Сью ушла, Сьюзен рассказала об этом посещении Ронни Ховард. Приукрасила она свой рассказ или нет, остается неизвестным. По словам Сьюзен, в момент смерти Зеро одна из девушек направляла его руку. Когда револьвер выстрелил, "тот испачкался с ног до головы".

Казалось, смерть Зеро вовсе не потрясла Сьюзен. Совсем напротив, она пришла в возбуждение. "Представь, как здорово было бы оказаться там в эту секунду!" — сказала она Ронни.

В среду, 12 ноября, Сьюзен Аткинс предстала перед судом на предварительном слушании дела об убийстве Хинмана. Будучи там, она слышала показания сержанта Уайтли, который сказал суду, что Китти Лютсингер (а вовсе не Бобби Бьюсолейл) назвала Сьюзен в качестве одной из убийц. Вернувшись за решетку, Сьюзен заявила Виржинии, что обвинение указало неожиданную свидетельницу, но ее показания нисколько не волнуют саму Сьюзен: "Ее жизнь теперь не стоит и ломаного гроша".

В тот же самый день Виржиния Грэхем получила неприятное известие. Ее переводили в женскую тюрьму "Корона", и именно там ей предстояло отбыть остаток своего срока. Уже вечером ей надлежало покинуть колонию. И пока Виржиния собирала вещи, к ней подошла Ронни с вопросом: "И что ты решила?"

"Не знаю, — ответила Виржиния. — Ронни, если ты собираешься вынести отсюда этот сор..."

"Я говорила с девчонкой каждую ночь, — сказала Ронни. — Вот уж точно психопатка. Знаешь, она могла бы..."

Виржиния забыла спросить у Сьюзен о кровавой надписи “PIG” на двери дома Тейт, о которой писали газеты. Она предложила Ронни самой расспросить ее об этом и обо всем, что могло бы показать, говорит она правду или нет.

А пока подруги решили никому ничего не рассказывать.

В тот же самый день следователям по “делу Лабианка” звонили из Департамента полиции городка Венис. Они еще заинтересованы в беседе с кем-то из “правоверных сатанистов”? Если так, полиция Вениса допрашивает сейчас одного из них, парня по имени Эл Спринджер, по совершенно другому делу.

Следователи устроили перевод Спринджера в Центр Паркера, где взяли с него показания, записываемые на магнитофонную ленту. То, что он сказал им, прозвучало настолько неожиданно, что следователи верили лишь с трудом. Ибо Спринджер заявил, что

11 или 12 августа — два или три дня спустя после трагедии на Сизло-драйв — Чарли Мэнсон похвалялся перед ним совершенными убийствами и сказал напоследок: “Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад”.

12–16 ноября 1969 года

Следователи “группы Лабианка” Нильсен, Гутиэрес и Патчетт беседовали со Спринджером в одном из следственных помещений отдела убийств ДПЛА. Спринджеру было двадцать шесть, рост пять футов девять дюймов, вес сто тридцать фунтов; не считая пыльных, оборванных “цветов” (так байкеры называют свои куртки), он показался офицерам поразительно чистоплотным для участника “нелегальной” мотоциклетной банды.

Как выяснилось, Спринджер гордился своей чистоплотностью — что (по его словам) и стало одной из причин, по которым он лично не захотел иметь ничего общего с Мэнсоном и его девицами. Но Дэнни ДеКарло, казначей клуба “Правоверных сатанистов”, увязался за ними и стал пропускать общие собрания, так что около 11 или 12 августа он сам, Спринджер, отправился на ранчо Спана, чтобы постараться убедить Дэнни вернуться. “.. Там повсюду летали мухи, а они там жили все равно как животные, я просто глазам своим не верил. Знаете, я-то

действительно люблю чистоту, правда. Порой парни прямо обрастают грязью, но мне-то нравится держать себя в чистоте.

Так, значит, закатывает этот Чарли... Он хотел иметь Дэнни под рукой, поскольку на Дэнни его цвета. И если туда вдруг заявятся какие-нибудь пьяницы, ну, приедут и начнут приставать к девкам, задираются к парням, тогда Дэнни выйдет вперед, прикрыв задницу цветами “Правоверных”, — и никто не захочет ссориться с Чарли, так-то вот.

В общем, я пытался вытащить оттуда Дэнни, а Чарли стоял столбом рядом с нами, и говорит он, этот Чарли: “Потерпи-ка минуту, может, я смогу предложить кое-что получше, чем то, что у тебя уже есть”. Я говорю: “Чего это?” А он говорит: “Перебирайся к нам, и получишь всех девчонок, каких захочешь, хоть всех сразу”, и еще говорит: “Они все твои, к твоим услугам, что угодно”. А он тот еще тип, пудрить мозги умеет. Короче, я говорю: “Ну, так как же ты выживаешь, как ты управляешься с этими двадцатью-тридцатью чертовыми телками, мужик?” А Чарли говорит: “Эти телки все в моем стойле, чего захочу — все сделают”. И еще говорит: “Я свои дела по ночам обстригаю”. — “Ну, — это я ему говорю, — давай колись, мужик, чего подделываешь”. Он решил, что, раз уж я катаюсь на мотоцикле и все такое, мне море по колено, все стерплю, включая убийство.

В общем, он давай мне на уши садиться, про то, как он приходит к богатым и живет у них, полицейских зовет свиньями, а чего такого, он стучит в дверь — те открывают, а он просто врывается туда со своей саблей, и всех на кусочки, ясно вам?”

В.: “Так и сказал?”

О.: “Его собственные слова, так и говорил, в это самое ухо”.

В.: “Не врешь? Именно это и слышал?”

О.: “Ну да. А я ему говорю: “Ну, и когда ты это проделывал в последний раз?” А он мне: “Ну, мы замочили пятерых, говорит, всего несколько ночей тому назад”.

В.: “Значит, он сказал тебе... Чарли заявил, что он “замочил” пятерых человек?”

О.: “Точно. Чарли и Текс”.

Спринджер не помнил точного выражения, которое использовал Мэнсон: это не были “люди”; возможно, он сказал “свиней” или “богатых свиней”.

Следователи по “делу Лабианка” были настолько потрясены, что заставили Спринджера повторить всю историю во второй раз, а затем и в третий.

О.: “По-моему, вы разыскиваете именно этого парня, этого самого”.

В.: “Похоже, так и есть. Но в наши дни, в эпоху прав человека и прочего мы не можем засадить парня за решетку, опираясь на его собственные слова”.

Когда конкретно Мэнсон говорил это? Ну, еще в первый раз, когда Спринджер ездил к Спану, либо 11 либо 12 августа, точно он не помнил. Но впечатления от увиденного не забыл. “В жизни не видел ничего похожего. Не забредал в колонию нудистов, не видал сбежавших из дурдома психопатов...” Куда ни посмотри, везде голые девицы. Дюжины полторы были совершеннолетними, по восемнадцать лет или больше, но примерно столько же — младше. Молоденькие прятались по кустам. Чарли сказал ему, что он может выбирать. И еще предложил купить ему новый мотоцикл и вездеход-пустынник, если Спринджер только захочет остаться.

Все с ног на голову. Чарли Мэнсон, он же Иисус Христос, пытается искушать “правоверного сатаниста”.

То, что Спринджер устоял перед искушением, отчасти можно объяснить тем, что прочие члены его банды уже бывали здесь раньше: “Их до смерти замучил триппер... на том ранчо все не как у людей...”

Во время первого визита Спринджера на ранчо Мэнсон показывал ему, как ловко он управляет с ножами, и в особенности — с длинной саблей. Спринджер видел, как Чарли метал ее — футов, наверное, на пятьдесят, и та втыкалась, скажем, восемь раз из десяти. Это была та самая сабля, которой, по словам Спринджера, Чарли пользовался, “нарубая людей на куски”.

“Вам никогда не попадался труп с отрезанным ухом?” — спросил вдруг Спринджер. Очевидно, кто-то из следователей кивнул в ответ, поскольку Эл утвердительно добавил: “Ну, так вот вам и убийца”. Чарли говорил ему, что отрезал ухо какому-то парню. Если Дэнни придет в полицию, уж он-то может об этом рассказать. Единственная проблема в том, что “Дэнни боится этих придурков, они уже пытались свести с ним счеты”.

Спринджер также упоминал имена Текс и Клем. Следователи попросили описать этих людей.

Клем — дипломированный идиот, пояснил Спринджер: он сбежал из “Камарилло”, психиатрической больницы штата. Что бы ни приказал Чарли, Клем все сделает. Насколько Эл Спринджер мог судить, “Чарли и Текс — единственные, у кого есть мозги на том ранчо”. В отличие от Клема, Текс не был словоохотлив; он “держит язык за зубами, слова не выжмешь. Он действительно чистюля. Волосы у него, может, и длинноваты, но он... совсем как студент колледжа”. Казалось, большую часть времени Текс проводит, возясь с “жуками”-вездеходами.

У Чарли бзик насчет этих пустынников. Ему нужно, чтобы поворотом ручки на приборной доске можно было вырубить задние фонари. Тогда, стоит кому-то из КДП (Калифорнийского дорожного патруля) остановить их у обочины, на заднем сиденье будут ждать двое типов с дробовиками; кадэпэшник подходит сбоку, а они “р-раз, и мозги наружу”.

В.: “Он не объяснил, зачем ему это нужно?”

О.: “А, он хочет нагнать панику, чтобы потом стать хозяином мира. Сумасшедший”.

В.: “Свою группу он хоть как-нибудь называет?”

О.: “Семья”.

Вернемся к сабле; может Спринджер описать ее? Ну да, это сабля, настоящее пиратское оружие. Еще несколько месяцев тому назад, сказал Спринджер, она принадлежала экс-президенту “Правоверных сатанистов”, но потом исчезла, — так что, наверное, кто-то из участников банды отдал ее Чарли.

От Дэнни он слышал, что этой саблей они убили какого-то парня, “кажется, Хенланд его звали”. Этому-то как раз ухо и отрезали.

Что ему известно об убийстве этого “Хенланда”? — осведомились следователи. По словам Дэнни, убийство совершили парень по имени Босли и еще один или двое ребят. Дэнни сказал Спринджеру, что “он мог бы доказать, что Босли, или Басли, или как там его, в общем, что он убил этого парня, и что Чарли, наверное, тоже там был или вроде того. Ну, во всяком случае, кто-то отпилил ему ухо”. Кроме того, Клем тоже говорил ему, Спринджеру, “как они отрезали ухо какому-то гребаному идиоту, написали чего-то на стене и выложили там коготь пантеры или этот их рисунок, ну, чтобы все потом обвинили в убийстве “Черных

пантер”. Все, что они сделали, они хотели свалить на ниггеров, ясно? Они их ненавидят, это точно, потому что еще перед этим убили какого-то ниггера”.

Пять. Плюс “Хенланд” (Хинман). Плюс “ниггер”. Итого семь. Следователи вели подсчет.

Будучи на ранчо, не видел ли он еще какое-нибудь оружие? Ну, Чарли показывал ему забитую до отказа стойку с винтовками, еще в первую поездку. Там были дробовики, охотничьи ружья, пистолеты 45-го калибра “и еще, я слышал от кого-то, да и Дэнни говорил, у них там был длинноствольный “бантлайн” на девять патронов, 22-го калибра. Это я от Дэнни слышал, а уж он-то разбирается в оружии. И, кажется, именно из этой штуки они убили того парня, ну, из “Черных пантер”.

Чарли сам об этом сказал. Насколько Эл помнит, Текс нажег этого чернокожего, покупая целую охапку “травы”. Когда Чарли отказался вернуть денежки, черный пригрозил, что тогда все его братья-“пантеры” заявятся на ранчо Спана и сотрут его с лица земли. “Короче, Чарли вытащил пушку, еще кто-то собирался это сделать, но именно Чарли ее вытащил, уставил на парня и — щелк, щелк, щелк, щелк — револьвер не стреляет, раза четыре-пять, и тогда парень встает и говорит: “Ха, ты вышел против меня с незаряженной пушкой”, а Чарли жмет еще, щелк, ба-бах, куда-то рядом с сердцем, и он рассказывал это, глядя мне в глаза, и про то, что стрелял он из “бантлайна”, длинноствольного того”.

После убийства, которое они совершили где-то в Голливуде, приятели чернокожего “утащили труп в какой-то вроде парк — парк Гриффита или другой какой... Это все слухи, но они идут прямо от Чарли”.

О.: “Теперь скажите-ка, ни на чьем холодильнике надписей не находили?”

После наступившего молчания кто-то из следователей по “делу Лабианка” спросил: “А что такое, почему ты спрашиваешь?”

О.: “Потому что он говорил мне про какие-то надписи на холодильнике”.

В.: “Кто-то говорил, что написал что-то на холодильнике?”

О.: “Чарли и говорил. То есть кто-то сделал надпись кровью на каком-то затраханном холодильнике”.

В.: “И что, по его словам, там было написано?”

О.: “Что-то про свиней или ниггеров, что-то такое”.

Если Спринджер не лгал и *если* Мэнсон не просто блефовал, надеясь произвести на него впечатление, тогда это означало, что Мэнсон, возможно, также вовлечен в убийство четы Лабианка. Итого девять.

Но у следователей были причины сомневаться в этих показаниях, поскольку, вопреки сообщениям в прессе, “DEATH TO PIGS” не было написано на дверце холодильника; эта фраза на самом деле была обнаружена на стене гостиной, как и слово “RISE”. Надпись на холодильнике гласила: “HEALTER SKELTER”.

Пока Спринджер все еще отвечал на вопросы, один из следователей по “делу Лабианка” покинул комнату. И когда он вернулся через несколько минут, его сопровождал еще один человек.

В.: “Познакомься с еще одним нашим коллегой, Эл, это Майк Макганн. Дай-ка я подвину стол. Майк только что пришел, так что ты введи его, пожалуй, в курс того, о чем мы тут с тобой говорили”.

Макганн был одним из следователей по “делу Тейт”. Коллеги наконец-то решились преодолеть несколько футов и поделиться тем, на что неожиданно наткнулись. К этому времени искушение произнести “Эй, поглядите, что *мы* узнали”, должно было стать необоримым.

Спринджер вновь повторил свою историю. Макганн слушал с недоверием. Затем Спринджер начал говорить о совсем другом убийстве, о смерти ковбоя по кличке Коротышка, с которым он познакомился, впервые приехав на ранчо. Как и что именно он слышал о смерти Коротышки? — спросил один из следователей. “Я слышал об этом от Дэнни”. Дэнни, в свою очередь, слышал от девушек, будто Коротышка “слишком многое знает, слишком многое слышал и слишком уж нервничает по этому поводу”, так что “они просто отрезали ему руки и ноги, а затем и голову...” Дэнни переживал, потому что Коротышка ему нравился.

Десять. *Если*.

В. (Макганну): “Не хочешь ли уточнить чего-нибудь?”

В.: “Да, я хочу спросить, почему они убили этого цветного... того, что, предположим, был из “Черных пантер”. Когда точно это произошло, ты знаешь?”

Спринджер не был уверен, но ему казалось, что это случилось примерно за неделю до его визита на ранчо. Дэнни, наверное, помнит лучше.

В.: “Связываешь ли ты тех пятерых, которых, по словам Чарли, он убил в начале августа, с каким-то конкретным преступлением?”

О.: “Ну да, убийство Тейт”.

В.: “Ты сам об этом догадался?”

О.: “Точно”.

Вопросы стали сужать круги. Кто-либо еще присутствовал при том, как Чарли предположительно сознался в тех пяти убийствах? Нет. Упоминалось ли имя Шарон Тейт? Нет. Видел ли ты на ранчо кого-нибудь в очках? Нет. Когда-нибудь видел Мэнсона с огнестрельным оружием в руках? Нет, только с ножом: “он до них сам не свой”. Были ли сабля и прочие виденные тобой ножи заточены с обеих сторон лезвия? Похоже, да, но Спринджер не мог сказать наверняка; Дэнни говорил, что Чарли отсылал их кому-то для заточки. Видел ли на ранчо какие-нибудь веревки? Да, всякие там есть. Знаешь ли ты о награде в 25 тысяч за сведения об убийстве Тейт? Ага, и “мне бы они оченьгодились”.

Спринджер бывал на ранчо Спана три раза, и второй визит нанес сразу вслед за первым. Разъезжая там, он потерял свою шляпу и вернулся поискать ее, но потом мотоцикл сломался, и Элу пришлось остаться на ночь, чтобы его починить. И вновь Чарли, Текс и Клем упрашивали его присоединиться к ним. Его третий и последний визит имел место вечером 15 августа, в пятницу. Следователи смогли точно установить дату, поскольку то была ночь перед рейдом шерифа на ранчо Спана. Кроме того, клубные собрания “Правоверных сатанистов” проводились по пятницам, и в тот день они обсуждали способы вытащить Дэнни, похитить его у Чарли. “Множество парней в клубе намеревались отправиться туда и надрать Чарли задницу, преподать ему хороший урок за то, что он пудрил мозги кому-то из наших...” Восемь или девять человек действительно поехали, “но все вышло совсем по-другому”.

Некоторым Чарли заговорил зубы. Других девицы заманили в кусты. И когда байкеры уже начали было крушить мебель, Чарли сказал, что с соседних крыш на них наставлены стволы. Спринджер посоветовал собратям по клубу проверить оружейную стойку, которую

Чарли показывал ему во время первого приезда на ранчо. Пары винтовок не хватало. Немного спустя байкеры ушли, окутанные облаками истраченных понапрасну эмоций и угроз, оставив на ранчо одного из относительно более трезвых членов банды, Роберта Рейнхарда, — с тем чтобы тот привез Дэнни на следующий день. Но уже утром “повсюду была полиция”, арестовавшая не только Чарли и остальных, но еще и ДеКарло с Рейнхардом.

Всех их отпустили несколькими днями позже — и, если верить Дэнни, вскоре был убит Коротышка.

Испугавшись, что он станет следующим, Дэнни забрал свой фургон и свалил в Венис. Как-то ночью Клем и Брюс Дэвис, еще один из ребят Чарли, сумели пропилить замок и ворваться в фургон, но Дэнни услышал их и схватился за свой “сорок пятый”. Дэнни был уверен, что они приходили “покончить с ним”. И перепугался, не столько за себя, сколько за сынишку, который жил тут же, в фургоне. Спринджеру казалось, Дэнни достаточно напуган, чтобы захотеть встретиться с полицейскими. Поболтать со следователями из Вениса было одно, а вот приволочь его в Центр Паркера — совсем другое. Спринджер, впрочем, пообещал, что постарается убедить Дэнни прийти добровольно; если сумеет, то уже на следующий день.

Телефона у Спринджера не было. Следователи спросили, есть ли у него кто-то, кому они могли бы позвонить, — “чтобы у тебя потом не было никаких проблем? У тебя есть подружка, с которой ты более-менее часто встречаешься?”

О.: “Да нет, только жена и дети”.

Чистоплотный, трезвый, не изменяющий жене Спринджер совсем не подходил к сложившемуся у полицейских стереотипу байкера. Как заметил кто-то из следователей, “ты создашь своей мотоциклетной банде новый имидж, который прогремит на весь мир!”

Хотя, судя по всему, Эл Спринджер говорил правду, его рассказ не сильно заинтересовал следователей. Он не принадлежал к “Семье” Мэнсона, был для них аутсайдером, — и в первый же раз, когда тот прибыл на ранчо Спана, Мэнсон признается Спринджеру, что им совершены по меньшей мере девять убийств? Как-то это не вязалось вместе. Куда более вероятным выглядело то, что Спринджер мог просто пересказывать откровения Дэнни ДеКарло, близко знавшего Мэнсона.

Возможно также, что сам Мэнсон, надеясь произвести на мотоциклистов впечатление, хвастал перед ними совершением убийств, к которым вовсе не был причастен.

Макганн из следовательской группы по “делу Тейт” был настолько разочарован, что позднее не вспомнит даже имени Спринджера — не то что беседы с ним.

Хотя разговор записывался, следователи “группы Лабианка” расшифровали на бумаге лишь часть, причем не ту, где речь шла о вверенном им деле, а другую, всего менее страницы, с предположительным признанием Мэнсона: “Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад”. Затем следователи по “делу Лабианка” упрятали саму запись и эту единственную страницу в одну из своих “трубок”, как полицейские называют контейнеры с вещдоками. Очевидно, когда дело стронулось наконец с места, они позабыли о них.

И все же состоявшийся 12 ноября 1969 года разговор со Спринджером можно считать важным, даже поворотным, моментом расследования. Через три месяца после убийств Тейт — Лабианка ДПЛА впервые всерьез начал рассматривать возможность того, что эти два преступления имеют между собой некую связь. И в фокусе, по крайней мере, следствия по “делу Лабианка” оказалась единственная группа подозреваемых — Мэнсон и его “Семья”. Можно с полной уверенностью говорить, что, займись следователи распутыванием нити “Лютсингер — Спринджер — ДеКарло”, они вышли бы в конце концов (даже ничего не зная о признаниях Сьюзен Аткинс) на след убийц Стивена Парента, Абигайль Фольгер, Войтека Фрайковски, Джея Себринга, Шарон Тейт и Розмари и Лено Лабианка.

И в это самое время две женщины — одна в “Сибил Бранд”, другая в “Короне” — независимо друг от друга пытались рассказать хоть кому-нибудь все, что им было известно об этих убийствах. И обеим никак не везло.

Не совсем ясно, когда именно Сьюзен Аткинс впервые заговорила с Ронни Ховард об убийствах Тейт — Лабианка. Впрочем, когда бы это ни случилось, появление этой темы в их разговоре во всем напоминало ее прошлые признания: сначала Сьюзен созналась в соучастии в убийстве Хинмана, и затем, в свойственной ей манере “испорченной

девочки”, попыталась произвести на Ронни впечатление другими, еще более пугающими, признаниями.

По словам Ронни, однажды вечером Сьюзен просто подошла к ее кровати, уселась на край и начала трепаться о своих опытах с наркотиками. Сьюзен сказала, что уже много раз “глотала кислоту” (принимала ЛСД), да и вообще перепробовала уже все, что только можно попробовать; ничего не осталось. Она достигла той ступени, когда уже ничто не могло бы шокировать ее.

Ронни отвечала, что и сама она не из пугливых. С семнадцати лет, когда она впервые попала в федеральную тюрьму за вымогательство, Ронни много чего повидала на своем веку.

“Спорим, я могу рассказать тебе кое-что, от чего ты действительно обалдеешь”, — предложила Сьюзен.

“Это вряд ли”, — ответила Ронни.

“Помнишь историю с Тейт?”

“Да”.

“Я там была. Это мы сделали”.

“Да ну? Кто угодно может заявить то же самое”.

“Нет же! Послушай, что я тебе расскажу”, — и Сьюзен Аткинс выполнила обещание.

Сьюзен перескакивала с одной мысли на другую с такой скоростью, что Ронни часто запутывалась. Кроме того, память на детали — в особенности на имена, даты, названия улиц — у Ронни во многом уступала памяти Виржинии. Позже, например, она не сможет точно сказать, сколько же человек участвовало в преступлении, — один раз Сьюзен, кажется, сказала “пятеро” (она сама, еще две девушки, Чарли и парень, что оставался в машине), в другой раз их вроде бы было уже “четверо” (парень в машине даже не упоминался). Она знала, что девушка по имени Кэти вовлечена в убийство, но вот в какое — Хинмана, Тейт или Лабианка, — уверенно сказать не могла. Зато запомнила те детали, о которых Виржиния не слышала или о которых забыла. У Чарли был револьвер; у всех девушек были ножи. Чарли перерезал телефонные провода, застрелил парня в машине, затем разбудил мужчину на диване (Фрайковски), который, подняв лицо, увидел перед собой дуло револьвера.

Мольба Шарон Тейт и жестокий ответ Сьюзен оказались практически идентичны в обеих версиях — и у Ронни, и у Виржинии.

Впрочем, описание самой гибели Шарон имело некоторые отличия. Насколько поняла Ронни, двое держали Шарон, когда, цитируя Сьюзен, “я принялась втыкать в нее нож.

Когда я ударила ее в первый раз, это было настолько прекрасное ощущение, и, когда она закричала на меня, во мне что-то перевернулось, по телу пробежала дрожь, и тогда я ударила ее снова”.

Ронни спросила куда. Сьюзен отвечала: в грудь, не в живот.

“Сколько раз?”

“Не помню. Я просто втыкала в нее нож, пока та не перестала кричать”.

Ронни была в некотором роде экспертом в этих делах, поскольку как-то раз ударила ножом бывшего мужа. “Это совсем как втыкать нож в подушку?”

“Угу, — ответила Сьюзен, обрадовавшись, что Ронни ее поняла. — Нож словно уходил в пустоту, в воздух”. Но само по себе убийство было чем-то другим. “Это как сексуальное удовлетворение, — сказала ей Сьюзен. — Особенно когда видишь, как брызжет кровь. Получше, чем оргазм”.

Припомнив просьбу Виржинии, Ронни спросила у Сьюзен о надписи “PIG”. Сьюзен сказала, что сама написала это на двери печатными буквами, сначала смочив полотенце в крови Шарон Тейт.

В какой-то момент беседы Сьюзен спросила: “Помнишь мужика, которого нашли с вилкой в животе? Мы написали там “восстань”, “смерть свиньям” и “Helter Skelter”, тоже кровью”.

“Опять ты со своими приятелями?” — переспросила Ронни.

“Нет, на сей раз только трое”.

“Все девушки?”

“Нет, две девушки и Чарли. Линды в тот раз не было”.

Сьюзен болтала о множестве предметов: о Мэнсоне (он одновременно и Иисус, и дьявол); о *Helter Skelter* (Ронни призналась, что не совсем поняла, но ей кажется, это значит: “чтобы жить, надо убивать”); о сексе (“весь мир — одно большое совокупление, все основано на принципе “туда-обратно”; он повсюду, что ни делай: кури, ешь или втыкай нож”); о том, как она будет строить из себя дурочку, чтобы обмануть психиатров (“Это совсем просто, надо всего-навсего вести себя естественно”, — советовала Сьюзен); о детях (Чарли помог ей при рождении ребенка, которого она назвала Зезозоз Задфрак Глютц;

Сьюзен начала заниматься с ним фелляцией уже через пару месяцев после рождения); о байкерах (когда банды мотоциклистов перейдут на их сторону, “весь мир задрожит от страха”); об убийстве. Сьюзен обожала говорить об убийстве. “Чем больше этим занимаешься, тем больше это начинает нравиться”. Упоминание о насильственной смерти, казалось, возбуждает ее. Со смехом она рассказывала Ронни о каком-то человеке, которому “мы отрезали башку” — то ли в пустыне, то ли в одном из каньонов.

Она также сказала Ронни: “Есть уже одиннадцать убийств, которые им никогда не раскрыть”. И будет еще больше, гораздо больше. Хотя Чарли сидел сейчас в тюрьме в Инио, большинство членов “Семьи” все еще разгуливали на свободе.

Пока Сьюзен рассказывала, Ронни Ховард обнаружила, что еще все-таки есть вещи, которые способны потрясти ее. И одной из них было то, что эта маленькая девочка, которая в свои двадцать два года часто казалась куда более юной, возможно, *действительно* совершила все эти убийства. Другой вещью была убежденность Сьюзен, что это лишь начало, что убийств будет куда больше.

Ронни Ховард покажет позднее: “В прошлом я ни разу ни на кого не доносила, но с этим я просто не могла мириться. Я все раздумывала о том, что, если я ничего не скажу, всех их, наверное, отпустят. Они собирались навестить и другие дома, просто наугад. Я просто не могла представить, чтобы все эти невинные люди пострадали, чтобы они были убиты из-за меня. В конце концов, следующим домом мог стать мой собственный, или ваш, или чей угодно”.

Ронни решила, что она “просто обязана рассказать об этом полицейским”.

Может показаться, что, уже находясь в тюрьме, поговорить с полицейским можно в любой момент. Ронни Ховард убедилась в обратном.

Точные даты вновь недоступны, но, по рассказу Ронни, она сказала сержанту +Брум^[85], одной из заместительниц начальника “Сибил Бранд”, что ей известно, кто совершил убийства Тейт и Лабианка; что лицо, признавшееся ей в соучастии в этих преступлениях, содержится сейчас под стражей; что другие убийцы пока на свободе, и, если только

их не задержать, вскоре случатся новые убийства. Ронни просила о разрешении позвонить в ДПЛА.

Сержант Брум обещала передать эту просьбу вышестоящему начальнику, лейтенанту +Джонсу.

Выждав три дня и ничего не дождавшись, Ронни спросила у сержанта Брум, что случилось с ее просьбой. Лейтенант Джонс не счел, что в этой истории есть хоть доля правды, ответила ей сержант. Лейтенант наверняка уже забыл об этом, сказала сержант Брум, добавив: “Почему бы тебе не последовать его примеру, Ронни?”

Теперь, по словам Ронни Ховард, она уже буквально умоляла. Погибнут люди, если только она не предупредит полицию вовремя. Позвоните следователям *вместо* меня, просила Ронни. Ну *пожалуйста!*

Охранники не могут звонить куда бы то ни было по просьбе заключенных, сообщила ей сержант Брум. Это не разрешено правилами.

В четверг, 13 ноября, байкер Дэнни ДеКарло явился в Центр Паркера, где с ним беседовали следователи по “делу Лабианка”. Разговор оказался коротким и не был записан. Хотя ДеКарло, живший в “Семье” Мэнсона более пяти месяцев, обладал массой сведений о деятельности самого Мэнсона и его группы, за все это время Чарли ни разу не признался ему в том, что он был вовлечен в убийства Тейт или же Лабианка.

Это заставило следователей отнестись с еще большим скептицизмом к рассказу Спринджера, — и, наверное, именно тогда они решили сбросить его со счетов как ценного свидетеля. Когда Спринджер явился к ним на следующей неделе, его попросили опознать нескольких человек по фотографиям, но задали всего несколько вопросов.

Было решено снять с ДеКарло подробные показания и записать их на магнитофон в понедельник, 17 ноября. Его попросили явиться утром, к 08:30.

Ронни Ховард продолжала приставать с уговорами к сержанту Брум, которая наконец решилась уже вторично упомянуть о ее просьбе в разговоре с лейтенантом Джонсом. Тот предложил ей попытаться выяснить у Ронни какие-нибудь подробности.

Сержант Брум так и поступила; Ронни Ховард (все еще не называвшая имен) поделилась с ней немногими сведениями из тех, что ей удалось выяснить. Убийцы знали Терри Мельчера. Первым они застрелили мальчишку, Стивена Парента; стреляли четырежды; сделали это потому, что он видел их. Шарон Тейт погибла последней. Слово “PIG” было написано на двери ее собственной кровью. Убийцы собирались вырезать ребенка из ее чрева, но не сделали этого. Запланированы новые убийства — последние слова Ронни повторяла снова и снова.

Сержант Брум, очевидно, недопоняла Ронни, поскольку сказала лейтенанту Джонсу, что убийцы все же *вырезали* ребенка из чрева матери. И лейтенант Джонс знал, что это неправда.

“Твой источник лжет”, — сообщила сержант Брум и объяснила Ронни, почему именно.

Ронни, уже почти в истерике, сказала сержанту Брум, что та ее не поняла. Нельзя ли ей самой поговорить с лейтенантом Джонсом?

Но сержант Брум решила, что лейтенанту и без того уже слишком долго морочили голову. Этот вопрос больше не будет обсуждаться, сообщила она Ронни, и Брум сама приложит к этому все усилия.

Во всей этой путанице присутствовала еще одна забавная деталь, о которой Ронни Ховард даже не подозревала, да и едва ли могла бы оценить по достоинству, зная она о том: сержант Брум встречалась с одним из следователей по “делу Тейт”. Но то были романтические, а не деловые встречи, и обсуждались там, надо полагать, вещи куда более важные.

Виржиния Грэхем по-своему сражалась с бюрократической машиной. Хотя, в отличие от Ронни Ховард, она все еще не была абсолютно убеждена в том, что истории Сьюзен Аткинс правдивы, вероятность совершения новых убийств беспокоила и ее.

14 ноября, два дня спустя после своего перевода в “Корону”, Виржиния все же решилась поделиться с кем-нибудь услышанным. В тюрьме работал человек, которого она знала и кому доверяла, — доктор Вера Дрейзер, штатный психолог.

Чтобы организовать беседу заключенной с кем-то из штата тюрьмы “Корона”, необходимо заполнить “голубой бланк”, форму

запроса. Виржиния заполнила такой бланк, приписав: “Доктор Дрейзер, я должна обсудить с Вами один чрезвычайно важный вопрос”.

Заполненный бланк вернулся к Виржинии с пометкой, что мисс Грэхем следует заполнить еще один “голубой бланк” и попросить о встрече с доктором Оуэнс, администраторшей блока, к которому Виржиния приписана. Но Виржиния не собиралась ничего обсуждать с доктором Оуэнс. Она вновь подала запрос на личную беседу с доктором Дрейзер.

Запрос был удовлетворен. Но не ранее декабря. И к тому времени уже весь мир знал, что именно хотела сообщить доктору Дрейзер заключенная Виржиния Грэхем.

17 ноября 1969 года

Дэнни ДеКарло должен был прийти в отдел убийств ДПЛА к 08:30 этим утром. Но не пришел. Следователи позвонили ему домой, но трубку никто не взял. Тогда попробовали набрать телефон матери Дэнни. Нет, она не видела Дэнни сегодня и слегка беспокоилась. Дэнни собирался оставить на ее попечении сынишку, чтобы она присмотрела за мальчиком, пока отец не вернется из ДПЛА, но даже не позвонил.

Возможно, ДеКарло просто сбежал. Он был здорово напуган, когда следователи разговаривали с ним в прошлый четверг.

Существовала еще одна возможность, но о ней следователи даже не хотели думать.

В тот же самый день Ронни Ховард должна была предстать перед судом в Санта-Монике по обвинению в подделке рецепта. Когда заключенные “Сибил Бранд” должны появиться в суде, их сначала перевозят в мужскую тюрьму на Буше-стрит, откуда их забирает специальный автобус. Перед появлением автобуса обычно остается несколько минут свободного времени, и каждой заключенной разрешается сделать по звонку из платного телефона-автомата.

Ухватившись за эту возможность, Ронни встала в очередь. Впрочем, время бежало быстро, а перед ней стояли еще две девушки. Ронни заплатила по пятьдесят центов каждой, чтобы успеть позвонить первой.

Ховард набрала номер Департамента полиции Беверли-Хиллз и попросила связать ее с отделом расследования убийств. Когда один из

следователей взял трубку, Ронни сообщила ему свое имя и номер, выданный при аресте, и заявила, что ей известно, кто совершил убийства Тейт и Лабианка. Офицер ответил, что эти два дела расследует голливудское отделение ДПЛА, и посоветовал обратиться туда.

Ронни перезвонила в полицейский участок в Голливуде, передав второму офицеру отдела убийств ту же информацию. Тот захотел немедленно прислать кого-нибудь поговорить с ней, но Ронни объяснила, что проведет остаток дня в суде. И повесила трубку прежде, чем офицер мог спросить, в каком именно суде ее следует искать.

Весь день Ронни Ховард не оставляло ощущение, что за ней наблюдают. Она была уверена, что двое мужчин, сидевшие в самом конце зала суда, были следователями отдела убийств, и ожидала, что они в любую минуту могут подняться со своих мест и постараться устроить беседу с ней. Но они так этого и не сделали. Когда заседание окончилось, автобус привез Ронни обратно в “Сибил Бранд”, в общую спальню 8000, где ее ждала Сьюзен Аткинс.

Вскоре после 17:00 Дэнни ДеКарло появился в отделе убийств ДПЛА. Утром он уже был в центре города, когда заметил, что бензин на исходе, и завернул на заправку. Выежая с нее, Дэнни совершил запрещенный поворот и тут же был остановлен “чернобелым” патрульным. Когда же офицеры увидели его несколько необычные штрафные талончики, Дэнни отвезли в участок. И вырваться оттуда он сумел лишь к вечеру.

В отличие от Эла Спринджера Дэнни ДеКарло выглядел, говорил и действовал, как заправский байкер. Он был невысок, пять футов четыре дюйма, весил 130 фунтов, носил усы “подковой” и татуировки на обеих руках. Одну руку и обе его ноги украшали шрамы от ожогов после многочисленных мотоциклетных аварий. Говорил он осторожно и постоянно оглядывался через плечо, словно ожидая увидеть там кого-то; речь его усыпал цветистый жаргон, который беседовавшие с Дэнни офицеры — Нильсен, Гутиэрес и Макганн — бессознательно переняли. Двадцатипятилетний Дэнни родился в Торонто, но затем получил американское гражданство и прослужил четыре года в береговой охране, специализируясь там на оружии. Он и теперь не

изменил былого пристрастия: сейчас Дэнни участвовал в отцовском бизнесе, продавал огнестрельное оружие. Когда речь зашла об оружии на ранчо Спана, следователи не смогли бы найти лучшего знатока. Когда Дэнни не напивался до бесчувствия или не гонялся за девицами (чем он, признаться, занимался большую часть времени), в обязанности ему вменялось приглядывать за оружием. Дэнни не просто чистил и чинил его; он даже спал в оружейной комнате. Когда кто-то выносил из нее оружие, Дэнни знал об этом.

Он также много чего знал о “киношном” ранчо Спана, что в Чатсворте, не более чем в двадцати милях от центральной части Беверли-Хиллз, — и все же, кажется, на другом конце мира от нее. Некогда Уильям С. Харт, Том Микс, Джонни Мэк Браун и Уоллес Бири снимали тут свои фильмы; говорят, Говард Хьюз лично приезжал к Спану, чтобы наблюдать за съемками картины “Вне закона”, а покатые холмы за основными зданиями послужили естественными декорациями для “Дуэли на солнцепеке”. Ныне же, за исключением случайных роликов “Мальборо” да отдельных эпизодов сериала “Бонанца”, основным средством для заработка на ранчо была лишь сдача внаем лошадей для любителей воскресных конных прогулок. Стоявшие на Санта-Сюзанна Пасс-роуд старые декорации — салун “Лонг Бранч”, кафе “Рок-сити”, непременно мастерская гробовщика, тюрьма — давно состарились и обветшали, как и сам Джордж Спан, почти ослепший владелец всего этого великолепия, восьмидесяти одного года от роду. Вот уже многие годы конюшнями на ранчо заправляла Руби Перл, бывшая цирковая наездница, превратившаяся со временем в опытную объездчицу лошадей. Именно она закупала сено, нанимала и увольняла ковбоев, следила за тем, чтобы те ухаживали за лошадьми и конюшнями, а также держали свои лапы подальше от молоденьких девиц, приезжавших на уроки верховой езды. Почти потерявший зрение Джордж Спан во многом зависел от Руби, но в конце рабочего дня та отправлялась домой, к мужу и совсем другой жизни.

За свою долгую жизнь Джордж зачал десятерых детей, каждого из которых назвал кличкой любимой лошади. Старик до мелочей помнил историю каждой из их тезок, но о самих детях беспокоился куда как меньше. Все они жили где-то в других местах, и лишь немногие навещали старика более-менее регулярно. В августе 1968 года, когда на

ранчо появилась “Семья” Мэнсона, Джордж жил совершенно один в своем грязном трейлере — старый, одинокий и всеми забытый.

Это произошло задолго до того, как Дэнни ДеКарло попал в “Семью”, но он часто слышал всю историю от тех, кто видел происходящее своими глазами.

Мэнсон, сперва попросивший у Спана разрешение задержаться на ранчо всего на пару дней, не упомянул о том, что с ним прибыли еще двадцать пять или тридцать человек. Зато сразу назначил Пищалку присматривать за стариком.

Пищалка — *н/и* Линетта Фромм — на тот момент провела с Мэнсоном более года и была одной из первых девушек, примкнувших к нему. Она была худа, рыжеволоса, усыпана веснушками. Хотя ей и было восемнадцать, выглядела Пищалка гораздо моложе. ДеКарло сказал следователям: “Она держала старика в кулаке. Прибирала за ним, готовила, подбивала баланс в его чековой книжке, занималась с ним любовью...”

В. (*недоверчиво*): “Она что?.. Вот старый козел...”

О.: “Ну да... У Чарли был приколы: Джордж на старости лет должен был проникнуться к Пищалке таким доверием, что, когда придет время отправиться на поля счастливой охоты, он завещал бы ей свое ранчо. Такая была идея. Чарли всегда говорил ей, что Джорджу следует знать... и она пересказывала Чарли все, что остальные говорили Джорджу”.

Пищалка добилась того, что стала глазами Джорджа. По словам ДеКарло, эти глаза видели только то, что было нужно Чарли Мэнсону.

Возможно, он что-то подозревал — а может быть, и потому, что изредка навещавшие старика дети противились этой идее как могли, — но, во всяком случае, Джордж так и не завещал Пищалке собственность. Вот почему, предположили следователи, он и по сию пору пребывал, живой и невредимый, на своем ранчо.

Джордж Спан расстроил этот план Мэнсона. Дэнни ДеКарло подыгрывал Чарли до поры до времени, но в итоге расстроил еще один план Мэнсона — схему, по которой мотоциклетные банды должны были присоединиться к нему в “запугивании общества”, как выразился ДеКарло. Дэнни познакомился с Мэнсоном в марте 1969 года, сразу после развода с женой. Он приехал на ранчо починить несколько мотоциклов и остался. “Да я там чуть не тронулся”, — скажет он

позднее. Девушкам Мэнсона внушили, что иметь детей и заботиться о мужчинах — единственная цель их существования. ДеКарло нравилось, когда о нем заботились; да и сами девушки (поначалу, во всяком случае) отнеслись к Ослику Дэну с нежностью и заботой; этой кличкой они наградили Дэнни за определенные особенности его телосложения. [86]

Были между ними и расхождения. Чарли не одобрял выпивку; Дэнни же ничего так не любил, как потягивать пиво, греясь на солнышке, — позднее он покажет, что, пребывая на ранчо Спана, был пьян “примерно 90 процентов всего времени”. И, за исключением парочки “особых милашек”, в итоге устал от большинства девиц: “Они всегда лезли ко мне со своими проповедями. И всегда это было то же самое дерьмо, которое им скормливал Чарли”.

Во время посещения “Правоверными сатанистами” ранчо

15 августа Мэнсон, должно быть, осознал, что может так и не преуспеть в своем стремлении заставить байкеров присоединиться к нему. И после этого визита Дэнни стали игнорировать, не допуская на общие собрания “Семьи”; девушки отказали ему в прежних любезностях. И, хотя он вместе со всеми отправился на ранчо Баркера, Дэнни пробыл там лишь три дня. Он бросил “Семью”, сказал ДеКарло, потому что понемногу начал верить всей этой “болтовне об убийствах”, которую слышал, и начал всерьез подозревать, что станет следующим, если только не успеет спастись бегством. “И после этого, — сказал он, — я начал посматривать себе за плечо”.

Когда следователи по “делу Лабианка” беседовали с ДеКарло в прошлый четверг, он пообещал раздобыть для них саблю Мэнсона. И передал ее теперь сержанту Гугиэресу, который оформил саблю как личную собственность “Мэнсона, Чарльза М.”, подозреваемого в преступлении “187 РС”, то есть в убийстве.

Сабля имела небезынтересную историю. Через пару недель после появления на ранчо Дэнни его навел там президент “Правоверных сатанистов” Джордж Нолл (*тик* Джордж 86). Мэнсон похвалил принадлежавшее Джорджу оружие и выманил саблю себе, пообещав расплатиться по его 20-долларовому штрафному талончику. По словам Дэнни, сабля быстро стала любимицей Чарли; он заказал и укрепил рядом с рулевым колесом своего вездехода-пустынника металлические ножны для нее. Когда вечером 15 августа на ранчо приехали “Правоверные”, собиравшиеся забрать с собой Дэнни, они заметили

саблю и потребовали ее обратно. Узнав, что лезвие “грязное” (иначе говоря, использовалось в преступлении), они сломали саблю пополам, и эти две части ДеКарло как раз и отдал Гутиэресу.

Общая длина — 20 дюймов; длина лезвия — 15 дюймов. Острое как бритва лезвие, кончик которого заточен с обеих сторон, в ширину не превышало дюйма.

Этим самым оружием, если верить ДеКарло, Мэнсон отрубил ухо Гари Хинману.

От ДеКарло следователи узнали, что, кроме Бобби Бьюсолейла и Сьюзен Аткинс, в убийстве Хинмана участвовали еще трое: Мэнсон, Мэри Бруннер и Брюс Дэвис. Первым источником ДеКарло был Бьюсолейл, который, вернувшись на ранчо Спана сразу после убийства, похвалялся делом своих рук. Или, как выразился Дэнни, “на следующий день он появился, причем пыжился от гордости, словно сожрал единственную вишню с пирога”.

История Бьюсолейла в пересказе ДеКарло звучит следующим образом. Мэри Бруннер, Сьюзен Аткинс и Бобби Бьюсолейл заехали, словно бы случайно, к Хинману, “вроде как потрепаться о старых временах и прочей ерунде”. Затем Бобби потребовал у Гари отдать ему все деньги, объяснив, что они в них нуждаются. Когда Гари ответил, что денег у него сейчас нет, Бобби вытащил оружие (9-миллиметровый автоматический пистолет “полиш рэдом”) и начал бить Гари по лицу. В суматохе пистолет выстрелил; пуля ни в кого не попала, но рикошетом пролетела по кухне (сотрудники ДПЛА нашли 9-миллиметровую пулю, вонзившуюся в стену под кухонной раковиной).

Бьюсолейл затем позвонил Мэнсону на ранчо Спана и сказал ему: “Тебе лучше приехать, Чарли. Гари не желает нам помочь”^[87]. Вскоре после этого к Хинману подъехали еще два гостя — Мэнсон и Брюс Дэвис. Растерянный и обиженный, Гари стал упрашивать Чарли забрать остальных и уйти; ему не были нужны лишние проблемы; он не мог взять в толк, почему они так повели себя с ним; они же всегда были друзьями. По словам ДеКарло, “Чарли не ответил ни слова. Просто взял и ударил Гари саблей. Вжик. Отрубил кусок уха или вообще целиком. [Левое ухо Хинмана было рассечено пополам.]

Короче, Гари упал и давай ныть, каково ему теперь без уха и все такое... ”Мэнсон предоставил ему выбор: подпиши дарительную на все, что у тебя есть, или умри. Затем Мэнсон и Дэвис уехали.

Хоть Бьюсолейл и вправду получил “розовые бумажки” (калифорнийские доверенности на владение автомобилем) на обе машины Хинмана, в остальном Гари продолжал упорствовать: денег у него не было. Когда повторное избиение пистолетом не смогло переубедить его, Бобби вновь позвонил на ранчо и сказал Мэнсону: “Нам из него больше ничего не выжать. Ничего он нам не даст. И мы не можем просто взять и уехать. У него уха не хватает, он тут же метнется в полицию”. Мэнсон ответил: “Ну, ты знаешь, что делать”. И Бьюсолейл сделал это.

“Бобби сказал, что вновь подошел к Гари. Вынул нож и ударил его. Бобби говорил, что ударил три или четыре раза... [Хинман] по-настоящему истекал кровью и хватал воздух, а Бобби встал рядом с ним на колени и сказал ему: “Знаешь что, Гари? Тебе больше незачем оставаться на этой земле. Ты свинья, и общество в тебе не нуждается, так что тебе теперь лучше умереть, и ты должен благодарить меня за то, что я вытаскиваю тебя из этой юдоли скорби”. Затем [Хинман] начал хрипеть, булькать горлом, последний вздох... И нет его”.

В.: “Стало быть, Бобби сказал Хинману, что тот — “свинья”?”

О.: “Верно. Видите ли, борьба с обществом была главным элементом этой их...”

В. (*с сомнением*): “Ну да. Мы потом поговорим о философии и о прочей дребедени...”

Это “потом” так и не наступило.

ДеКарло продолжал рассказывать. Перед тем как покинуть дом, убийцы написали на стене “белая свинка”, или “бледнолицый”, или “убивайте свиней”, что-то в этом роде”. Бьюсолейл обмакнул руку в кровь Хинмана и собственной ладонью попытался изобразить на стене отпечаток лапы; они собирались “все свалить на “Черных пантер”, которые используют отпечаток кошачьей лапы в качестве своего символа. Затем, поколдовав с проводками зажигания, они завели принадлежавшие Хинману микроавтобус “фольксваген” и трейлер “фиат” и отогнали обе машины на ранчо Спана, где Бьюсолейл принялся хвастать произошедшим перед ДеКарло.

Позже, напугавшись, очевидно, что отпечаток ладони можно будет идентифицировать, Бьюсолейл вернулся в дом Хинмана и попытался (безуспешно) стереть его со стены. Это случилось спустя несколько

дней после смерти Хинмана, и позже Бьюсолейл сказал ДеКарло, что он “слышал, как личинки пожирали Гари”^[88].

Как убийцы все они, пожалуй, вели себя непрофессионально. Полицейские эксперты смогли идентифицировать не только рисунок кошачьей лапы на стене, но и отпечаток пальца, оставленный Бьюсолейлом на кухне. “Фольксваген” и “фиат” Хинмана несколько дней оставались на ранчо, и там их видело множество людей^[89]. Хинман играл на волынке, довольно необычном музыкальном инструменте. Бьюсолейл и девушки забрали его набор волынок с собой на ранчо Спана, где те оставались на виду, на полке в кухне; ДеКарло единственный пытался играть на них. Более того, Бьюсолейл не выбросил нож, но продолжал носить его с собой; нож был найден при нем, когда Бобби был арестован 6 августа за рулем “фиата” Хинмана.

ДеКарло набросал рисунок ножа, которым Бьюсолейл, по собственному признанию, убил Хинмана. Это был миниатюрный ножик не больше карандаша, с орлом на рукояти и мексиканской надписью. Рисунок прекрасно изобразил орудие, найденное в “фиате”. ДеКарло также нарисовал 9-миллиметровый “рэдом”, который на тот момент еще не был обнаружен.

Следователи попросили его описать, какие еще пистолеты ему приходилось видеть на ранчо.

О.: “Ну, там еще был “бантлайн” 22-го калибра. С тех пор, как убрали того парня из “Черных пантер”, я притрагиваться к нему не хотел. Не желал его чистить. Да и вообще близко к нему не подходил”.

ДеКарло заявил, что не знает, где теперь револьвер, но заметил: “Чарли всегда таскал его в кобуре, висевшей спереди. Более-менее постоянно”.

“Может, в июле, а может, и в июне” револьвер попросту “куда-то делся”. Когда он видел его в последний раз? “Я только знаю, что по меньшей мере за неделю до рейда он исчез”.

Рейд на ранчо Спана проводился 16 августа. Минус неделя — получается 9 августа, дата убийств на Сизло-драйв.

В.: “Ты никогда не спрашивал у Чарли, где его револьвер?”

О.: “Он ответил: “Я его подарил”. Но револьвер ему всегда нравился, так что, наверное, Чарли его просто припрятал”.

Следователи попросили ДеКарло изобразить “бантлайн” на бумаге. Рисунок был практически идентичен фотографии модели “хай-стандарт

лонгхорн", рассылавшейся во внутреннем письме ДПЛА. Позднее ДеКарло покажут эту фотографию и спросят: "Похож ли этот револьвер на тот, о котором ты говорил?"

О.: "Прямо вылитый".

В.: "Нет ли какой-либо разницы между тем револьвером и этим?"

О.: "Да никакой. Вот только прицел. У той пушки его вообще не было".

Следователи попросили ДеКарло изложить все, что ему известно об убийстве чернокожего из "Черных пантер". Спринджер упомянул об этом преступлении во время первой же беседы. В промежутке следователи проверили кое-что и столкнулись с небольшой проблемой: никто в полиции не подозревал о подобном убийстве.

Если верить ДеКарло, после того, как Текс надул парня на две с половиной тысячи долларов при покупке "травы", чернокожий звонил Чарли на ранчо с угрозами: тот должен исправить положение, или его братья приедут на ранчо и никому там не поздоровится. Тем же вечером Чарли и парень по кличке Ти-Джей отправились домой к чернокожему, в Северный Голливуд. Чарли уже придумал, как быть.

Он засунул "бантлайн" за пояс, сзади. По его сигналу Ти-Джей должен был выхватить револьвер, обойти Чарли и начинить члена "Черных пантер" свинцом. Покончить с ним прямо там. Только Ти-Джей струсил, и Мэнсону самому пришлось стрелять. Приятели чернокожего, присутствовавшие при убийстве, позже бросили тело в парке Гриффита.

Дэнни видел пачку в две с половиной тысячи долларов и своими ушами слышал, как на следующее утро Мэнсон распекал Ти-Джея за трусость. Ти-Джей, по словам ДеКарло, был "отличный парень; снаружи он из кожи вон лез, чтобы оставаться одним из подручных Чарли, но внутри в нем этого не было". Ти-Джей подчинялся Мэнсону во всем, кроме того раза, когда возразил Чарли: "Я не желаю иметь ничего общего с убийствами". И день-другой спустя "его как ветром сдуло".

В.: "Кто еще был убит на ранчо? Как насчет Коротышки? Что ты об этом знаешь?"

Последовала долгая пауза.

О.: "Это был мой туз в рукаве".

В.: "То есть?"

О.: “Я собирался оставить это на потом”.

В.: “Ну, с тем же успехом можешь выложить все сейчас. Или Чарли знает о тебе что-то нехорошее, и потом он мог бы...”

О.: “Нет, ничего такого. Совсем ничего”.

Впрочем, кое-что другое все же беспокоило ДеКарло. В 1966 году он совершил федеральное преступление, переправив марихуану через мексиканскую границу; в настоящее время он дожидался решения по обжалованию приговора. На нем также “висели” еще два дела: ему, вместе с Элом Спринджером и другими “правоверными сатанистами”, было предъявлено обвинение в попытке продажи мотора краденого мотоцикла (местное правонарушение) и в предоставлении ложных сведений о себе во время покупки огнестрельного оружия: Дэнни назвался не своим именем и скрыл от продавца, что прежде был судим (федеральное правонарушение). Мэнсон все еще отбывал условное наказание, уже вне стен федеральной тюрьмы. “И что, если меня засунут туда же? Я не хочу почувствовать заточку в спине и увидеть сзади этого мелкого сукина сына”.

В.: “Давай я объясню тебе кое-что, Дэнни, чтобы ты осознал, где находишься. Мы тут разговариваем с тобой про парня, который, и мы в этом вполне уверены, совершил примерно тринадцать убийств. О некоторых ты и сам не знаешь”.

Число “13” было взято с потолка, но ДеКарло удивил следователей, заявив: “Да знаю я про все. Я убежден, что это он уложил Тейт”.

В.: “О’кей, мы поговорили о чернокожем, мы поговорили о Гари Хинмане, мы еще поговорим о Коротышке, и, по-твоему, это он “уложил Тейт”. Всего, стало быть, восемь. Ну, а у нас на нем висят еще пятеро. Понял? Так что, похоже, у этого Чарли небольшое психическое расстройство, так сказать.

Но мы не хотим подвергать опасности тебя или кого другого по той простой причине, что нам не нужно еще одно убийство. У нас работа такая — останавливать убийц. А в этом бизнесе нет смысла раскрывать тринадцать убийств, если будет совершено еще одно. Их попросту станет четырнадцать”.

О.: “Я грязный мотоциклист”.

В.: “Мне абсолютно все равно, кто ты такой”.

О.: “Полицейские меня и за человека-то не считают”.

В.: “Лично я считаю”.

О.: “Я ничем не примечательный гражданин...”

В.: “Дэнни, я тебе еще раз повторяю, мы с тобою на равных, никакого обмана... Ты не обманываешь нас, а мы — тебя. Мы на равных с тобой, и я на все сто процентов буду стоять за тебя. Без дураков. Так что в тюрьму ты не сядешь”.

В. (*другой следователь*): “Мы и раньше сталкивались с байкерами и всякими другими людьми тоже. Мы из кожи вон лезем, чтобы помочь им, потому что они помогли нам. Мы постараемся сделать все, чтобы никого больше не убили, будь то мотоциклист или лучший гражданин на всем белом свете...”

А теперь выкладывай, что ты знаешь про Коротышку”.

В тот же день, 17 ноября 1969 года, два следователя из отдела убийств ДПЛА, сержанты Моссман и Браун, прибыли в колонию “Сибил Бранд”, чтобы поговорить с некоей Ронни Ховард.

Беседа получилась короткой. Впрочем, они услышали достаточно, чтобы понять: им повезло наткнуться на что-то действительно стоящее. И достаточно, чтобы решить: дальнейшее содержание Ронни Ховард в той же общей спальне, где находится Сьюзен Аткинс, — не очень-то разумная мысль. Перед отъездом из “Сибил Бранд” они договорились, чтобы Ронни перевели в изолятор. Затем оба направились прямо в Центр Паркера: им не терпелось сообщить остальным следователям о “раскрытии” этого запутанного дела.

Нильсен, Гутиэрес и Макганн все еще расспрашивали ДеКарло об убийстве Коротышки. Кое-что им уже было известно даже до общения со Спринджером и ДеКарло, поскольку сержанты Уайтли и Гуэнтер начали собственное расследование “предполагаемого убийства” после беседы с Китти Лютсингер.

Они знали, что настоящее имя Коротышки было Дональд Джерром Шиа, он был белым парнем средних лет, вот уже пятнадцать лет от случая к случаю подрабатывавшим на ранчо Спана в качестве загонщика лошадей. Как и большинство других ковбоев, появлявшихся на “киноранчо”, Коротышка проводил время в ожидании того дня, когда какой-нибудь продюсер обнаружит, что у Дональда имеются все задатки нового Джона Уэйна или Клинта Иствуда^[90]. И как только перед ним забрезжила бы перспектива актерской карьеры, Коротышка

тут же бросил бы работу и отправился на поиски ускользающей от него славы. Это могло объяснить, отчего, когда в августе он пропал с ранчо, никто не беспокоился о его судьбе. Поначалу.

Китти также рассказала следователям ДПЛА, что Мэнсон, Клем, Брюс и, наверное, Текс убили Коротышку, а некоторые девушки из “Семьи” затем помогли им избавиться от всех следов преступления. Лишь одного не знали офицеры и теперь поинтересовались у Дэнни ДеКарло: “Почему они это сделали?”

О.: “Потому что Коротышка ходил к старику Спану пошептать. А Чарли не любил ябедников”.

В.: “Он рассказывал ему обо всем, что творилось на ранчо?”

О.: “Вот именно. Коротышка заявил старику, что тот должен сделать его главным на ферме, и тогда он вычистит всех оттуда”. Короче говоря, погонит прочь Мэнсона и “Семью”. Коротышка, однако, совершил фатальную ошибку: он забыл, что Пищалка, заменяя глаза Спану, была также ушами Чарли.

Дэнни перечислил и другие причины. Коротышка был женат на чернокожей танцовщице из стриптиз-клуба, а у Чарли был “бзик” насчет межрасовых браков и черных. (“У Чарли было два основных врага, — заявил ДеКарло, — полиция и черномазые, именно в таком порядке”) Чарли также подозревал, что Коротышка помогал властям во время рейда 16 августа — с Коротышкой “разделались” примерно десять дней спустя^[91]. Существовала также возможность (хотя это была чистая догадка со стороны ДеКарло), что Коротышка случайно подслушал чужой разговор о каких-то других убийствах.

ДеКарло заявил, что об убийстве им сообщил Брюс Дэвис. Некоторые девушки также упоминали о нем, как и Клем с Мэйсоном. Дэнни не был уверен в деталях — каким образом им удалось застать Коротышку врасплох и где именно, — но в том, как погиб Дональд Шиа, ДеКарло не сомневался. “Они будто хотели поиграть в Цезаря и римлян”, пришли в оружейную и забрали с собой меч и четыре немецких штыка, купленных в армейском магазине по доллару штука и заточенных затем до остроты бритвы. Затем, застав Коротышку в одиночестве, они “утыкали его штыками, будто резали рождественскую индейку... Брюс сказал, они разрубили его на девять кусков. Отрезали голову. Потом и руки отрезали, чтобы нельзя было понять, кто это. Гоготали, как ненормальные”.

Убив Коротышку, они забросали тело листьями (ДеКарло считал, хотя не был в этом уверен, что убийство произошло в одном из каньонов за строениями на ранчо); некоторые из девушек помогли избавиться от окровавленной одежды Коротышки, его автомобиля и других вещей; затем “Клем отправился туда на следующий день или ночью, чтобы похоронить его получше”.

В. (*принадлежность голоса не установлена*): “Вы сможете прерваться минут на пятнадцать, может, дать Дэнни попить кофейку? Тут случилась авария, и с вами, ребята, хотят поговорить”.

В.: “Конечно”.

В.: “Тогда я отправлю Дэнни на восьмой этаж. Он мне понадобится внизу через пятнадцать минут”.

О.: “Не, я лучше здесь подожду”. Дэнни вовсе не хотел быть замеченным гуляющим по коридорам ДПЛА.

В.: “Это не займет больше четверти часа. Мы закроем дверь, так что никто не узнает, что ты здесь”.

Никакой аварии, конечно же, не было. Просто Моссман и Браун вернулись из “Сибил Бранд”. Пока они пересказывали услышанное в стенах колонии, пятнадцать минут растянулись на все сорок пять. Хотя беседы Аткинс — Ховард оставили множество неразрешенных вопросов, следователи теперь были убеждены, что дела Тейт и Лабианка наконец-то “раскрыты”^[92]. Сьюзен Аткинс поведала Ронни Ховард такие детали (неопубликованные надписи в доме Лабианка, потерянный нож в доме Тейт), какие могли быть известны лишь кому-либо из убийц. О прорыве в следствии были уведомлены лейтенанты Хелдер (“Тейт”) и Лепаж (“Лабианка”).

Когда следователи вернулись в комнату для допроса, настроение у них было куда лучше прежнего.

В.: “Итак, когда мы попрощались с Коротышкой, он был разрублен на девять кусков, ни ручек ни ножек...”

С ДеКарло никто не поделился совершенным открытием. Но он, должно быть, почувствовал разницу в ходе разговора. Обсуждение смерти Коротышки быстренько свернули. Теперь речь пошла о Тейт. Почему Дэнни считает, что в убийстве пятерых человек на Сизло-драйв замешан Мэнсон?

Ну, было два случая. Или это один и тот же, Дэнни точно не знал. Так или иначе, “они поехали на какое-то дело и вернулись с семьюдесятью пятью гринами. Там был Текс. И он повредил ногу, пока пинал кого-то, уговаривая с ними расстаться. Не знаю, кончил он этого парня или нет, но семьдесят пять гринов приволок”.

На ранчо Спана не держали календарей, об этом ДеКарло уже говорил; никто особо не интересовался, какой сегодня день. Единственной датой, которую помнили все, жившие на ранчо, было

16 августа, день рейда. Так вот, это случилось до того.

В.: “Задолго до того?”

О.: “Недели за две”.

Если выкладки ДеКарло были верны, это произошло еще до убийств на Сиэло. Что за второй случай?

О.: “Они поехали как-то ночью, все, кроме Брюса”.

В.: “Кто поехал?”

О.: “Чарли, Текс и Клем. Эти трое. Короче, на следующее утро...”

Один из следователей прервал Дэнни. Он видел своими глазами, как они уезжают? Нет, только на следующее утро... Его вновь прервали: кто-нибудь из девиц был с ними?

О.: “Нет, кажется... Нет, я почти уверен, что они ездили втроем”.

В.: “Хорошо, но ты помнишь, где в ту ночь были остальные девушки?”

О.: “Слушайте, девчонки бродили повсюду, где им вздумается, так что я никак не мог держать в голове, кто из них куда пошел и кого где не было...”

Стало быть, девушки могли поехать с остальными, а Дэнни бы об этом не узнал. Хорошо, как насчет даты?

Это Дэнни более-менее помнил, потому что перекладывал мотор на своем мотоцикле и ездил в город за подшипником. Это было “примерно девятого, десятого или одиннадцатого” августа. “И еще, той ночью они разделились, приехали порознь уже утром”.

Клем стоял у входа в кухню. Дэнни подошел и спросил: “Где вас носило всю ночь?” Клем, по словам Дэнни, улыбнулся “этой своей тупой улыбочкой”. Дэнни оглянулся и увидел за спиной Чарли. У него создалось впечатление, что Клем вроде бы собирался ответить, но Чарли дал ему знак молчать. Клем сказал что-то типа: “Не беспокойся, все нормально”. В этот момент Чарли отошел в сторону, но, прежде чем

последовать за ним, Клем положил ладонь на плечо Дэнни и сказал: “Мы убили пяток свиней”. И лицо его озарилось широкой ухмылкой.

Клем сказал ДеКарло: “Мы убили пяток свиней”. Мэнсон сказал Спринджеру: “Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад”. Аткинс призналась Ховард, что ударила ножом Шарон Тейт и Войтека Фрайковски. Бьюсолейл признался ДеКарло, что ударил ножом Хинмана. Аткинс сказала Ховард, что это *она* орудовала ножом. Внезапно у следователей появилось великое множество признаний. Так много, что они совершенно запутались, кто в каких убийствах участвовал.

Выбросив из списка убийство Хинмана, которым, в конце концов, занимался Офис шерифа, и сконцентрировавшись на убийстве Тейт, они получили две разные версии событий: 1) ДеКарло считает, что Чарли, Клем и Текс, без помощи со стороны какой-либо из девиц, убили Шарон Тейт и остальных на Сиэло-драйв; 2) Ронни Ховард поняла из высказываний Сьюзен Аткинс, что она сама и еще две девушки (упоминались имена Линда и Кэти, но оставалось неясным, участвовали ли именно они в именно этом убийстве), плюс “Чарльз”, плюс, возможно, еще один мужчина побывали на Сиэло, 10050.

По поводу убийств Лабианка следователи знали лишь, что там были “две девушки и Чарли”, что “Линды в тот раз не было” и что сама Сьюзен Аткинс имеет какое-то отношение к этому собирательному “мы”.

Следователи решили попробовать иную тактику — опросить других девушек на ранчо. Но сначала они хотели увязать воедино несколько оборванных концов. Какая одежда была на этих троих? Темная одежда, отвечал ДеКарло. На Чарли был черный свитер, джинсы “Левис”, мокасины; Текс вроде оделся так же, хотя на ногах у него, кажется, были ботинки; на Клеме тоже были “Ле-висы” и мокасины, да еще зелено-серая рабочая куртка. Заметил ли ДеКарло следы крови на их одежде, увидев наутро? Нет, но он, в общем-то, и не искал. Имеет ли Дэнни представление о том, какой именно машиной воспользовались эти трое? Еще бы, “форд” Джонни Шварца, пятьдесят девятого года выпуска; в то время лишь он один и был на ходу. Где он теперь? Его отогнали в ходе рейда 16 августа, и, насколько Дэнни мог судить, он все еще стоит на штрафной стоянке в парке Канога. Шварц

был одним из работников ранчо; хоть и не будучи членом “Семьи”, он все же позволял им одалживать тачку. Известно ли Дэнни настоящее имя Текса? Зовут его Чарльз, а вот фамилию ДеКарло приходилось видеть на “розовой бумажке”, но он ее не помнит. Случайно, не “Чарльз Монтгомери”? — осведомились следователи, пользуясь именем, упомянутым в показаниях Китти Лютсингер. Нет, вроде непохоже. А как насчет Клема? Фамилия Тафтс не кажется Дэнни знакомой? Нет, он никогда не слышал, чтобы так называли Клема, но “разве тот мальчишка, которого нашли застреленным в каньоне Топанга, тот шестнадцатилетка, разве Тафте — не его фамилия?” Один из следователей ответил: “Не знаю. Этим делом занимается шериф. У нас и своих убийств хватает”.

Хорошо, теперь о девочках. “Насколько близко ты знал девиц, что жили на ранчо?”

О.: “Довольно близко, ребята”. (Смех.)

Следователи стали перечислять имена, которыми девушки назвались в момент задержания во время рейдов на ранчо Спана и Баркера. И немедленно столкнулись с проблемой. Девушки не просто воспользовались кличками при аресте, они постоянно использовали их и на ранчо. И не одну кличку, а несколько; похоже, они меняли имена, как одежду, под настроение. Более того, они даже обменивались кличками.

Словно этого было недостаточно, Дэнни подбросил еще одну проблему. Он лишь с чрезвычайной неохотой мог признать, что кто-то из девушек мог совершить убийство.

Парни — совсем другое дело. Бобби, Текс, Брюс, Клем — каждый из них способен убить человека, стоит только Чарли приказать (как выяснилось позже, каждому из четверых действительно приходилось убивать).

С Эллы Джо Бэйли подозрения были сняты; она покинула ранчо Спана еще до убийств. Мэри Бруннер и Сандра Гуд также ни при чем; обе ночи они провели в заключении.

Как насчет Рут Энн Смэк, она же Рут Энн Хьюбельхарст? (То были имена, названные ею при задержании. Настоящее имя

— Энн Мурхаус, тогда как в “Семье” она была известна как Уич. Дэнни знал об этом, но по причинам личного свойства не просветил следователей в этом вопросе.)

В.: “Что ты знаешь о ней?”

О.: “Она была одной из моих любимиц”.

В.: “Как ты думаешь, хватило бы у нее духу влезть в хладнокровное убийство?”

Дэнни немного помешкал, прежде чем ответить. “Знаете, эта малышка такая милая. Но меня чуть наизнанку не вывернуло, когда она пришла ко мне как-то ночью, пока я сидел там, в пустыне, и говорит: “Мне не терпится убить свою первую свинью”. Это моя-то малолеточка! Я на нее смотрел, как на дочку родную, как на милейшее существо, какое только можно встретить в жизни. Такая красивая, нежная... И Чарли так перетрахал ей мозги, аж в желудке екает”.

Дата, когда Уич поделилась с ДеКарло своими чувствами, в итоге была определена как 1 сентября. Если Рут Энн еще не убивала до того, тогда она не могла участвовать в убийствах Лабианка и Тейт. Вычеркиваем Уич.

Как насчет Кэти? Да, но Дэнни не представлял, как ее зовут на самом деле. “Да я там никого не знал по имени”, — заявил ДеКарло. Кэти не сбегала из дому, она постарше. Откуда-то из-под Вениса. Описание, данное ей ДеКарло, было нечетким; разве что волос на теле у Кэти столько, что никто из парней не хотел спать с ней.

Линда? Она поменьше ростом, сказал Дэнни. Но она не оставалась с “Семьей” надолго, побыла месяц-другой, и он не особо хорошо ее знал. Она уже уехала ко времени рейда на ранчо Спана.

Когда Сэди отправлялась куда-нибудь, она брала с собой оружие? — спросил кто-то из следователей.

О.: “Разве что маленький ножик... У них была целая куча таких маленьких ножиков, складные охотничьи ножи”.

В.: “Складные ножи?”

О.: “Ну да, складные ножи...”

ДеКарло засыпали целой очередью конкретных вопросов. Не попадались ли ему на глаза кредитные карточки с итальянской фамилией на них? Не упоминал ли кто-нибудь о человеке, имевшем лодку? Не слышал ли, чтобы кто-то называл при нем фамилию Лабианка? Дэнни на все эти вопросы твердо отвечал: “Нет”.

Как насчет очков, кто-нибудь из обитателей ранчо носил очки?

Там никто не ходил в очках: Чарли не разрешал”. У Мэри Бруннер было несколько пар; Чарли разбил их все.

ДеКарло также показали кусок двухжильной нейлоновой веревки. Приходилось видеть такую на ранчо? Нет, но трехжильную видел. В июне или июле Чарли купил около 200 футов в магазине хозяйственных товаров “Джек Фрост” в Санта-Монике.

Ты в этом уверен? Еще как уверен; они вместе ее покупали. Позже он скрутил ее в кольца, чтоб не запуталась. Такая же веревка, какой пользовались на катерах береговой охраны; Дэнни тысячу раз имел с нею дело.

Хотя ДеКарло не знал этого, веревка на шее Шарон Тейт и Джея Себринга также была трехжильной.

По-видимому, договорившись заранее, следователи начали давить на ДеКарло, изменив тон разговора на более официальный.

В.: “Ты когда-нибудь ходил на дело с кем-то из парней?”

О.: “Да нет же, черт. Никуда я с ними не ходил. Спросите там у любой девчонки”.

В.: “Ты имеешь какое-либо отношение к смерти Коротышки?”

ДеКарло яростно отрицал и это. Коротышка был ему другом; кроме того, “у меня пороку не хватит вывернуть чью-то лампочку”. Но в ответах Дэнни было достаточно замешательства, чтобы стало ясно: он явно хочет что-то скрыть. Прижатый к стенке, ДеКарло поведал им историю о револьверах Коротышки. У того была пара одинаковых “кольтов” 45-го калибра. Он постоянно сдавал их в ломбард, затем выкупал обратно. В конце августа или в начале сентября — после исчезновения Коротышки, но, вероятно, до того, как ДеКарло узнал о его судьбе, — Брюс Дэвис отдал ДеКарло закладную на револьверы вместо денег, которые задолжал. Дэнни сходил и забрал револьверы. Позднее, узнав, что Коротышка убит, он продал оба револьвера оружейной лавке в Калвер-Сити за семьдесят пять долларов.

В.: “Вот тут-то ты и сел в дерьмо, приятель, ты это понимаешь?”

Дэнни понимал. И увяз окончательно, когда один из следователей поинтересовался, что тот знает об извести. В момент ареста Мэри Бруннер при ней был найден список покупок, составленный Мэнсоном. Известь значилась среди прочих товаров. Как ты полагаешь, зачем Чарли понадобилась известь?

Дэнни припомнил, что Чарли однажды спросил у него, что требуется для “уничтожения трупа”. ДеКарло ответил, что лучше всего

помогает извести, потому что однажды он сам пользовался ею, избавляясь от кошки, подошедшей под домом.

В.: “Зачем ты сказал ему это?”

О.: “Да без всякой задней мысли, просто он спросил, а я ответил”.

В.: “Как именно прозвучал вопрос?”

О.: “А, ну, лучший способ, чтобы... э-э... знаешь, избавиться от тела по-быстрому”.

В.: “А тебе не пришло в голову сказать ему: “Какого хрена ты спрашиваешь у меня подобные вещи, Чарли?”

О.: “Нет, он же псих”.

В.: “Когда он спросил это?”

О.: “Ну, где-то... примерно, когда Коротышка пропал”.

Выглядело это совсем скверно, и следователи оставили все как есть. Хотя и не подавая виду, они были склонны верить в рассказ ДеКарло, но подозревали, что он знает больше, чем говорит, даже если сам и не участвовал в убийстве. Это давало им дополнительный рычаг: они могли попробовать выяснить еще кое-что.

Им оставалось узнать еще только две вещи.

В.: “Там, на ранчо Спана, остался кто-нибудь, кто тебя знает?”

О.: “Понятия не имею. Ума не приложу, кто там теперь. И я не собираюсь ехать туда выяснять, вообще больше не хочу там показываться”.

В.: “А я вот хотел бы побродить там, поискать кое-чего. Но мне нужен проводник”.

Дэнни не проявил готовности помочь.

Вторую просьбу они высказали вслух.

В.: “Ты согласишься свидетельствовать в суде?”

О.: “*Нет, сэр!*”

Дэнни напомнили, что против него выдвинуты два обвинения. Насчет краденого мотоциклетного мотора “мы можем попробовать договориться, чтобы тебя обвинили в чем-то полегче. Может, нам удастся вообще снять обвинение. Когда в дело вмешиваются федеральные власти, уже невозможно с уверенностью говорить, что у нас может получиться. Но мы можем попытаться, в любом случае”.

О.: “Если это ради меня, спасибо. Больше и желать нечего”.

В.: “Либо дашь показания, либо сядешь — как тебе такой вариант?”

ДеКарло заколебался.

О.: “Но когда он выйдет на волю...”

В.: “Нет, он не выйдет на волю, совершив убийство первой степени с пятью жертвами. Конечно, если Мэнсон обстригал то дельце с Тейт — мы еще не знаем этого наверняка. Но у нас полно информации, которая ведет к такому выводу”.

О.: “Я еще слышал что-то про награду”.

В.: “Да, есть. Неплохая сумма. Двадцать пять штук. Награду не обязательно получит кто-то один, но даже если разделить, все равно получится полным-полно хрустящих бумажек”.

О.: “С такими деньгами я мог бы отправить сына в военное училище”.

В.: “Ну так как, захочешь ты свидетельствовать против этих людей?”

О.: “А он будет сидеть там и пялиться на меня — Мэнсон то есть?”

В.: “Если ты явишься на суд и займешь место свидетеля, то да. Ну-ка, ты что же, боишься этого Мэнсона?”

О.: “До усеру. Да я встану столбом и слова не смогу вымолвить. Он ведь ни секунды не будет сомневаться. Даже если пройдет лет десять, он все равно доберется до моего сынишки и нарежет его кусочками”.

В.: “Ты ставишь этого ублюдка выше, чем он того заслуживает. Если ты считаешь, что Мэнсон — нечто вроде бога, который разрушит тюрьму, вылезет оттуда и замочит всех, кто против него свидетельствовал...”

Но было вполне очевидно, что ДеКарло не собирается говорить в присутствии Мэнсона. Даже если тот сгниет в тюрьме, на волю выйдут остальные.

О.: “Как насчет Клема? Вы его поймали? Он сел?”

В.: “Еще как. Клем сидит теперь в Индепенденсе, вместе с Чарли”.

О.: “А что слышно о Тексе и Брюсе?”

В.: “Оба на свободе. Насколько я слышал, неделю-другую назад Брюс Дэвис был в Венисе”.

О.: “Значит, Брюс в Венисе, а? Придется быть поосторожнее... Кто-то из ребят в моем клубе говорил, что видел пару девчонок, и тоже в Венисе”.

Следователи не сказали ДеКарло, что 5 ноября, когда Брюса Дэвиса видели в последний раз, речь вновь шла о смерти — предполагаемом самоубийстве Зеро. К тому времени в ДПЛА уже знали, что Зеро (*тик* Кристофер Джизас, *н/и* Джон Филип Хоут) был арестован в ходе рейда на ранчо Баркера. Ранее, просматривая фотографии, ДеКарло опознал в Скотти и Зеро двоих мальчишек из Огайо, которые примкнули было к “Семье”, но продержались там совсем недолго, поскольку “не вписались” туда. Один из детективов заметил: “Зеро нет больше с нами”.

О.: “Что это значит — “нет больше с нами”?”

В.: “Он теперь в царстве мертвых”.

О.: “*Вот черт! Правда, что ли?*”

В.: “Ну да, он хорошенько покурил однажды и сыграл в “русскую рулетку”. Раз — и пуля в башке”.

В то время как следователи явно купились на историю, рассказанную Брюсом Дэвисом и остальными, Дэнни ни на миг не был одурачен.

Нет, Дэнни не собирался свидетельствовать против “Семьи”.

Следователям пришлось на этом отступить. У ДеКарло еще было время передумать. И, в конце концов, теперь у них была Ронни Ховард. Дэнни отпустили, чтобы тот позвонил назавтра.

Когда Дэнни вышел, а лента в магнитофоне все еще крутилась, один из следователей заметил: “По-моему, на сегодня мы свою норму выполнили”.

Беседа с ДеКарло длилась более семи часов. Было уже за полночь, наступил вторник, 18 ноября 1969 года. Я уже лег спать, не подозревая о том, что в результате совещания у окружного прокурора, которое состоится всего через несколько часов, я получу назначение общественного обвинителя и встречу в суде с убийцами Шарон Тейт и четы Лабьянка.

Часть 3

СЛЕДСТВИЕ: ВТОРАЯ ФАЗА

Нет смысла искать смысл.

Чарльз Мэнсон

18 ноября 1969 года

На данном этапе читателю уже куда больше известно об убийствах Тейт и Лабианка, чем было известно мне, когда я принимал это дело. Большая часть материалов, легших в основу предыдущего повествования, никогда прежде не становилась достоянием публики, и поэтому читатель действительно занимает позицию “внутреннего” наблюдателя, весьма необычную для дела об убийстве. В некотором смысле, я сам неожиданно возникаю в собственном рассказе, это я — новичок, вторгшийся в размеренный ход событий. Внезапное переключение с роли “голоса за кадром” на положение активно действующего лица неминуемо вызовет удивление. Подозреваю, что лучшим способом смягчить неизбежную смену тона будет представиться и немного рассказать о себе; затем, покончив с этим, мы вместе с читателем возобновим прерванный было рассказ. Отступление (увы, необходимое) будет по возможности коротким.

Обычный биографический набросок выглядит приблизительно так: Винсент Т. Буглиози, 35 лет, заместитель окружного прокурора, Лос-Анджелес, Калифорния. Родился в городке Гиббинг, штат Миннесота. Закончил среднюю школу в Голливуде. Посещал университет Майами. Бакалавр гуманитарных наук. Решив стать юристом, поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Бакалавр права, президент выпускного курса в 1964 году. Тогда же поступил на работу в Офис окружного прокурора Лос-Анджелеса. Исполнял обязанности прокурора на ряде широко известных процессов (“Флойд — Мильтон”, “Первелер — Кромвелл” и т. д.), не проиграв ни одного. Участвовал в 104 судах присяжных над лицами, совершившими особо тяжкие

преступления, и проиграл лишь один. Вдобавок к своим обязанностям заместителя окружного прокурора, Буглиози преподает уголовное право в Юридическом институте Беверли в Лос-Анджелесе. Выступал в качестве технического консультанта и редактора написанного Джеком Уэббом сценария двух первых частей телевизионного сериала “Окружной прокурор”. Приглашенный актер Роберт Конрад играл главную роль, переняв манеры у молодого обвинителя. Женат. Двое детей.

Похоже, именно так и выглядит моя краткая биография, но нигде в ней не сыскать и намек на чувства, которые я испытываю к собственной профессии. А ведь это не менее важно.

“Юрист, исполняющий обязанности общественного обвинителя, должен стремиться к тому, чтобы вынесенный приговор был не максимально суров, но справедлив...”

Эти слова взяты из старинного “Канона этики” Американской ассоциации юристов. Я часто вспоминал их на протяжении тех пяти лет, что занимал должность заместителя окружного прокурора. За это время они стали моим личным кредо, в самом прямом смысле. Если в конкретном случае справедливость диктует суровость приговора, да будет так. Но если же нет, я не захочу иметь ничего общего с неправым решением суда.

Слишком многие годы складывался стереотипный образ обвинителя, который, будучи консерватором до корней волос, воплощая закон и порядок, стремится добиться вынесения приговора любой ценой — или же выглядит заикающимся, бормочущим Гамильтоном Бургером, который вечно старается засудить невинных, но в последнюю секунду, к счастью, положение спасают лисьи ухищрения какого-нибудь Перри Мейсона^[93].

Я никогда не считал, что адвокаты обладают монополией на поддержание таких понятий, как невиновность, честность и справедливость. Поступив на работу в Офис окружного прокурора, я участвовал почти в тысяче процессов. В великом множестве из них я требовал и добивался осуждения, поскольку считал, что представленные улики гарантируют его. Во множестве других, когда мне казалось, что собранных улик недостаточно, я прямо в зале суда просил снять обвинение вообще, изменить статьи обвинения или снизить срок заключения.

Эти последние процессы редко выносятся в заголовки передовиц. Лишь изредка о них узнают люди. Потому стереотип жестокого обвинителя не исчезает. Куда важнее, впрочем, понимать, что действиями прокурора тоже руководят беспристрастность и стремление к торжеству правосудия.

Точно так же как я никогда не испытывал ни малейшего сожаления, опровергая один стереотип, я всегда восставал против другого. Роль обвинителя по традиции двойка: он оперирует правовыми аспектами дела и одновременно представляет в суде улики и свидетельские показания, собранные силами правопорядка. Я же никогда не ограничивал себя этими рамками. В прошлых делах я всегда присоединялся к следствию: я вставал из-за стола и лично опрашивал свидетелей, прослеживал отдельные нити следствия и находил новые, часто при этом обнаруживая улики, упущенные ранее. В некоторых случаях это приводило к освобождению подозреваемого. В других — к вынесению приговора, добиться которого казалось невозможным.

Для юриста прилагать меньше усилий, чем он способен, — предательство по отношению к клиенту, и я в это свято верю. Хотя в уголовном праве это, скорее, применимо к адвокату, представляющему интересы подсудимого, обвинитель тоже юрист, и у него тоже есть клиент: *Народ*. И этот *Народ* точно так же присутствует в зале суда, он так же ждет справедливого и беспристрастного решения, он так же заслуживает правосудия.

Тем вечером, 18 ноября 1969 года, дело Тейт — Лабианка совершенно не занимало мои мысли. Я только что закончил длинный и сложный процесс и как раз возвращался в свой кабинет во Дворце юстиции, когда Аарон Стовитц, возглавлявший судебный отдел в Офисе окружного прокурора, один из лучших юристов в конторе из 450 сотрудников, ухватил меня под руку и, не говоря ни слова, потащил по коридору к кабинету Дж. Миллера Ливи, начальника отдела общих юридических действий.

Ливи как раз говорил с двумя лейтенантами ДПЛА, с которыми мне приходилось работать и прежде, Бобом Хелдером и Полом Лепажем. Послушав с минуту, я выхватил словечко “Тейт” и спросил, обернувшись к Аарону: “Неужто *нам* предстоит этим заниматься?”

Тот утвердительно кивнул.

Я лишь тихонько присвистнул в ответ.

Хелдер и Лепаж вкратце ознакомили нас с показаниями Ронни Ховард. Вслед за вчерашним визитом в “Сибил Бранд” Моссмана и Брауна этим утром в колонию ездили еще два офицера, беседовавшие с Ронни не менее двух часов. Им удалось прояснить гораздо больше деталей, но в ее рассказе по-прежнему зияли большие лакуны.

Сказать, что убийства на Сиэло-драйв и Вейверли-драйв уже “раскрыты”, в этот момент было бы большим преувеличением. Разумеется, в любом деле об убийстве нахождение преступника имеет чрезвычайную важность. Но это лишь первый шаг. Ни поиск, ни арест, ни предъявление обвинения не обладают ценностью очевидных доказательств вины. После установления личности убийцы остается сложнейшая (и порой неразрешимая) задача привязать преступника к преступлению твердыми, убедительными в глазах закона уликами, а затем неопровержимо доказать его вину — как судье, так и присяжным.

На тот момент мы не сделали еще и первого шага, не говоря уже о втором. Болтая с Ронни Ховард, Сьюзен Аткинс вовлекла в преступление саму себя и некоего “Чарльза”, которым предположительно мог оказаться Чарльз Мэнсон. Но Сьюзен, кроме того, говорила об участии еще кого-то, и имена этих людей пока оставались неизвестны. Это по “делу Тейт”. По “делу Лабианка” у нас не было буквально никаких сведений.

Одним из первых шагов, которые я собирался предпринять, просмотрев показания Ховард и ДеКарло, было отправиться на ранчо Спана. Поехать туда я намеревался уже на следующее утро, в сопровождении нескольких следователей, и занялся соответствующими приготовлениями. Я спросил Аарона, не поедет ли он с нами, но он просто не мог вырваться^[94].

Вернувшись домой тем вечером, я сказал своей жене, Гейл, что мы с Аароном будем теперь заниматься “делом Тейт”, и она поделила охватившее меня возбуждение. Впрочем, с некоторыми оговорками: жена надеялась, что мы сможем устроить себе отпуск. Прошли долгие месяцы с тех пор, как я в последний раз брал отгул. Если даже я и приходил домой пораньше, то читал копии документов, копался в юридических справочниках или готовил аргументы для выступлений в суде. Каждый день я непременно уделял какое-то время своим детям —

трехлетнему Винсу-младшему и пятилетней Венди, — но всякий раз, когда мне давали по-настоящему интересное дело, я погружался в него с головой. Я обещал Гейл, что постараюсь взять несколько свободных дней, но мне пришлось честно признаться, что может пройти немало времени, прежде чем мне выпадет такой шанс.

В то время мы, к счастью, даже не подозревали, что “дела Тейт—Лабанка” будут занимать меня почти два года, в среднем отнимая по сотне часов в неделю и лишь крайне редко позволяя лечь спать до 2 часов ночи, — каждый день, не исключая выходные и праздники. И что те редкие минуты, когда мы — Гейл, дети и я сам — будем собираться вместе, исключат всякую возможность уединения: наш дом превратится в крепость, а охранники не просто поселятся у нас, но будут сопровождать меня всюду — вслед за угрозой Чарльза Мэнсона: “Я убью Буглиози”.

19–21 ноября 1969 года

Мы выбрали чертовски неудачный день для поисков. Ветер был просто невероятен. К тому времени как мы достигли Чатсворта, он едва не сдувал нас с дороги.

Поездка была недолгой, она не заняла и часа. От Дворца юстиции в центре Лос-Анджелеса до Чатсворта около тридцати миль. Свернув на север по бульвару Топанга-каньон, мы проехали мимо Девоншира, еще пара миль — и резкий поворот налево, на Санта-Сюзанна Пассроуд. Некогда оживленное двухрядное шоссе вилось вверх по холмам еще милью-другую; оно опустело лишь в последние годы — водители предпочли ему более скоростную магистраль. И затем, внезапно, за поворотом по левую руку перед нами предстала цель нашего путешествия: вот оно, “киношное” ранчо Спана.

Его ветхая главная “улица” расположилась менее чем в двадцати ярдах от шоссе, на виду. Вокруг разбросаны разбитые, изуродованные остовы автомобилей и грузовиков. Никаких признаков жизни.

Привкус нереальности усиливался ревом ветра и царившим здесь полным запустением, но еще более — знанием о том, что началось и закончилось здесь, — если, конечно, история, рассказанная Сьюзен Аткинс соседке по спальне в колонии, правдива. Зброшенныe декорации для киносъемок, прямо посреди пустыни, откуда затянутые в

черное убийцы отправляются по ночам наводить страх на округу, чтобы еще до рассвета вернуться и вновь раствориться в руинах... Все это могло бы стать прекрасным сюжетом очередного фильма ужасов, если бы не одно только “но”: Шарон Тейт и по меньшей мере еще восемь человек были мертвы по-настоящему.

Мы съехали на пыльную “улицу” ранчо и остановились у салуна “Лонг Бранч”. Кроме меня самого, на ранчо приехали лейтенант Хелдер и сержант Калкинс из следовательской группы по “делу Тейт”, сержант Ли из ОНЭ, сержанты Гуэнтер, Уайтли и Уильям Глизон из ОШЛА, а также наш проводник, Дэнни ДеКарло. В конце концов он согласился сопровождать нас, но только при одном условии: мы должны были заковать его в наручники. Таким образом, если где-то поблизости еще оставались члены “Семьи”, они не подумают, что Дэнни “сдал корешей” добровольно.

Помощники шерифа бывали здесь и прежде, но мы нуждались в ДеКарло по одной простой причине: он мог показать места, где Мэнсон и его “Семья” упражнялись в стрельбе по мишеням. Цель поисков — любые пули 22-го калибра и/или гильзы от них.

Но сначала я хотел получить у Джорджа Спана разрешение на обыск ранчо. Гуэнтер указал мне хижину старика, которая стояла справа и чуть в стороне от декораций вестернов. Мы постучали, и молодой женский голос ответил: “Заходите сразу, чего стучать”.

Создавалось впечатление, что все мухи в округе слетелись в хижину, надеясь укрыться в ней от ветра. Джордж Спан, возраст 81 год, сидел в обветшалом кресле в ковбойской шляпе и темных очках. На коленях — чихуахуа, у ног — кокер-спаниель. Девушка-хиппи лет примерно восемнадцати готовила ленч, а радиоприемник, настроенный на ковбойскую волну, гремел аккордами песенки “Малышка” Сонни Джеймса.

Казалось, обстановка в хижине специально готовилась к нашему приходу, как все вокруг — к съемкам: по словам Дэнни, своих девиц Мэнсон называл “малышками”.

Из-за того, что Спан был практически слеп, Калкинс передал ему пощупать свой значок. Когда мы назвали себя, Спан, кажется, расслабился. В ответ на просьбу об обыске ранчо он великодушно ответил: “Это мое ранчо, и можете обыскивать его, когда захотите, сколь угодно часто, днем или ночью”. Я разъяснил старику его

легальные права. Закон не требовал наличия у нас ордера; требовалось лишь разрешение владельца. Впрочем, если Спан даст нам такое разрешение, в один прекрасный день ему может понадобиться предстать перед судом и дать соответствующие показания. Спана это ничуть не смутило.

О Мэнсоне и его “Семье” речь не заходила, но Спан, должно быть, догадался, что именно они послужили причиной нашего визита. И, хотя впоследствии я подолгу буду разговаривать с Джорджем, в тот первый раз мы обменялись лишь парой слов об обыске.

Когда мы вновь оказались снаружи, почти из каждого здания на “улицу” стали выходить люди. Их было, наверное, десять-пятнадцать, большинство из них молоды и одеты в типичные для хиппи одеяния, хотя некоторые, похоже, работали на ранчо. Был ли кто-то из них членом “Семьи”, судить мы не могли. Оглядываясь по сторонам, я услышал какие-то странные звуки, исходящие из собачьей конуры. Наклонившись и заглянув в нее, я увидел двух псов и скорчившуюся в углу беззубую седую старуху лет восьмидесяти. Позже я спросил у кого-то из работников ранчо, не нуждается ли та в помощи, но мне объявили, что старуха счастлива там, где она есть.

Действительно, очень странное место.

Примерно в сотне ярдов за основной группой строений начинался склон узкого ущелья, за которым высились холмы, бывшие частью горной гряды Санта-Сюзанна. Укрытая кустарником, каменистая местность казалась более запущенной, чем была на самом деле. Интересно, сколько же раз, будучи ребенком, я видел ее во второразрядных ковбойских фильмах? Если верить Китти Лютсингер и ДеКарло, именно тут, в каньонах и оврагах позади ранчо, “Семья” укрывалась от полиции. Кроме того, по уверениям различных источников, где-то неподалеку захоронены останки Коротышки — Дональда Шиа.

Любимым тиром Чарли, по уверениям ДеКарло, было подножие оврага, хорошо спрятанное со стороны шоссе, а значит, и скрытое от глаз случайных автомобилистов. В качестве мишеней он использовал столбы ограды и мусорный бак. Под руководством сержанта Ли мы наконец приступили к поискам. Хотя в доме 10050 по Сизло-драйв и не были найдены гильзы (“бантлайн” — револьвер, он не выбрасывает стреляные гильзы автоматически), мы хотели собрать и их, поскольку

оставалась возможность того, что револьвер все же будет обнаружен и нам удастся привязать гильзы к нему или к каким-то дополнительным уликам.

Пока мы обыскивали овраг, я все думал о Джордже Спане, одином и почти беззащитном в своей слепоте. Я спросил: “Кто-нибудь захватил магнитофон?” Калкинс кивнул; аппарат остался в автомобиле. “Давай вернемся и запишем согласие Спана, — предложил я. — До суда еще полно времени, и мне не хочется, чтобы какой-то сукин сын приставил к его глотке нож и вынудил старика заявить, что он не давал нам разрешения”. Мы вернулись и записали согласие владельца ранчо. Тем самым мы оберегали и его самого; факт существования такой записи мог расстроить преступные планы.

ДеКарло показал нам еще одно место, примерно в четверти мили по одному из каньонов, где иногда практиковались в стрельбе Чарли и его подручные. Там мы нашли множество пуль и гильз. Из-за ветра, нагнавшего тучи пыли, наши поиски вышли не слишком тщательными; сержант Ли, однако, пообещал вернуться сюда через несколько дней и постараться найти еще что-нибудь.

Всего в тот день мы обнаружили приблизительно шестьдесят восемь пуль 22-го калибра (“приблизительно” оттого, что некоторые из них были, скорее, фрагментами, чем собственно пулями) и двадцать две соответствующие гильзы. Ли разложил их по конвертам, надписав на каждом место и время находки, и увез с собой в полицейскую лабораторию.

Осматривая загоны, я заметил там нейлоновые веревки, но те были двух-, а не трехжильные.

Находкой Гуэнтера и Уайтли стала договоренность с Дэнни ДеКарло. Тем вечером они беседовали с байкером об убийстве Хинмана и о признании Бьюсолейла. Единственной проблемой было лишь то, что суд над Бьюсолейлом шел полным ходом и стороны уже успели изложить свои аргументы.

Вопреки протестам адвоката Бьюсолейла, удалось добиться продления заседаний суда до следующего понедельника, когда обвинение надеялось вновь открыть слушания и огласить сделанное подсудимым признание.

Следователи заключили с ДеКарло договор: если тот даст показания на процессе Бьюсолейла, ОШЛА снимет предъявленное ему обвинение в краже мотоциклетного мотора.

По возвращении во Дворец юстиции меня ждала встреча в кабинете тогдашнего помощника окружного прокурора, Джозефа Буша. Кроме Буша, Стовитца и меня самого, представлявших Офис окружного прокурора, там присутствовали лейтенант Пол Лепаж (“Лабанка”) и сержант Майк Макганн (“Тейт”), представлявшие ДПЛА.

Полиция хотела быстренько свернуть дело, сообщил нам лейтенант Лепаж. Давление, оказываемое на ДПЛА, невероятно: и пресса, и простые обыватели требовали раскрыть убийства. Всякий раз, когда шеф полиции Эдвард М. Дэвис сталкивался с корреспондентом, тот спрашивал: “Что происходит с “делом Тейт”? Если хоть что-то происходит...”

ДПЛА собирался предложить Сьюзен Аткинс выйти сухой из воды в обмен на рассказ обо всем, что ей известно об убийствах.

Я никак не мог согласиться. “Если то, в чем она призналась Ронни Ховард, правда, значит, Аткинс лично заколола ножом Шарон Тейт, Гари Хинмана и кто знает, скольких еще! *Ничего мы этой девчонке не дадим!*”

Шеф полиции Дэвис хотел как можно быстрее передать дело на рассмотрение большого жюри^[95], пояснил Лепаж. Но еще до того он собирался обнародовать новость о поимке убийц на большой пресс-конференции.

“У нас еще даже *нет* дела, которое можно передать большому жюри! — возразил я Лепажу. — Мы даже не уверены, кто именно убивал, на свободе эти люди или в заключении. Все, что мы имеем, — это неплохая версия, с которой еще работать и работать. Посмотрим, сумеем ли мы сами, без чьей-либо помощи, раздобыть достаточно улик, чтобы засадить всех до единого. Если не сумеем, тогда у нас будет последний шанс — самый последний! — постараться договориться с Аткинс”.

Можно было посочувствовать ДПЛА; пресса бомбардировала департамент практически ежедневно. С другой стороны, это давление — ничто по сравнению с той волной возмущения, которая непременно поднимется, если мы отпустим Сьюзен Аткинс на все четыре стороны.

Я не мог выбросить из памяти слова, которыми Сьюзен описала вкус крови Шарон Тейт: “Ух, вот это класс!”

Лепаж стоял на своем; ДПЛА хотел заключить договор с Аткинс. Я посовещался с Бушем и Стовитцем; им обоим не хватало моей убежденности. Невзирая на мои отчаянные протесты, Буш объявил Лепажу, что Офис окружного прокурора согласен договориться со Сьюзен Аткинс: в случае, если она захочет сотрудничать, ей будет предъявлено обвинение в убийстве не первой, но второй степени.

Итак, Сьюзен Аткинс предстояло самой решать свою судьбу. Точные условия (равно как и то, захочет ли она их принять) так и остались до конца не проясненными.

В восемь вечера того же дня, когда жители Лос-Анджелеса все еще полагали, что убийцы Тейт и Лабианка остаются неизвестными, две машины устремились прочь из города, к последнему убежищу “Семьи” Чарльза Мэнсона — в Долину Смерти.

Была какая-то зловещая ирония в том, что вслед за совершенными убийствами Мэнсон избрал для бегства место с таким “говорящим” названием.

Сержанты Нильсен, Сартучи и Гранадо были в одной машине, сержанты Макганн, Джен Камадой и я сам — в другой. Мы несколько раз нарушали скоростные ограничения на трассе, но добрались до городка Индепенденс, штат Калифорния, только в половине второго ночи.

Индепенденс, центр округа Инио, — город совсем небольшой. В самом округе, хотя по величине он и был вторым в штате, постоянно проживало менее 16 тысяч человек, по одному на квадратную милю. Если искать надежное убежище, то лучше этого не найти.

Мы зарегистрировались в отеле “Виннедумай”, чтобы слегка вздремнуть после путешествия. Я проснулся в половине шестого утра, когда температура опустилась за отметку “ноль”^[96]. Я натянул одежду прямо на пижаму, но все никак не мог согреться.

Перед выездом из Лос-Анджелеса я позвонил Фрэнку Фоулзу, прокурору округа Инио, и мы договорились встретиться в шесть утра в кафе неподалеку от нашего отеля. Фоулз, его заместитель Бак Гиб-бенс и их следователь Джек Гардинер уже ждали нас там. Эти трое, как мне предстояло вскоре выяснить, относились к своему делу самым

добросовестным образом; помощь, которую они окажут нам на протяжении ближайших месяцев, будет неоценима. И в тот момент они сами были очень возбуждены. Как же, совершенно неожиданно они очутились в центре распутывания одного из самых знаменитых убийств в современной истории, “дела Тейт”! Но тут же они оказались за одним столиком с прокурором из большого города, из рукавов которого торчали пижамные манжеты, что совсем сбило их с толку.

Фоулз сказал мне, что после ареста, наложенного на имущество Мэнсона во время октябрьского рейда на ранчо Баркера, они не сумели вывезти оттуда все вещи, и кое-что оставалось на ранчо до сих пор, включая старый школьный автобус, забитый одеждой и другим скарбом. Я предложил, чтобы перед отъездом из Индепенденса мы получили ордер на обыск ранчо, в котором особо упоминался бы автобус, чтобы у нас не возникло проблем в суде.

Это явилось для Фоулза полной неожиданностью. Я объяснил, что если нам и удастся найти там улики, которые мы захотим представить суду, то будет не очень весело, если суд отклонит их. На суде может возникнуть человек с написанной от руки бумажкой и словами: “Я владеец автобуса. Я просто одолжил его Чарли и никому не давал разрешения в нем копаться”.

Фоулз мог это понять. Просто у них, в округе Инио, объяснил он с загадочным видом, все делается несколько иначе. Мы отправились в его кабинет, и, дождавшись появления на работе машинистки, я продиктовал официальный ордер.

В нем необходимо было указать, что конкретно мы ищем. Среди перечисленных мною предметов были: револьвер 22-го калибра; ножи и другое оружие; веревка; кусачки; бумажник, водительская лицензия и кредитные карточки, принадлежавшие Розмари Лабьянка; плашки с автомобильными номерами; любая мужская и/или женская одежда, включая обувь.

Кроме того, следовало указать код преступления (“187 РС”, убийство) и имена подозреваемых преступников, “которыми предположительно являются Чарльз Мэнсон, Клем Тафте, Чарльз Монтомгери, Сэди Глютц, а также еще одна или несколько особ женского пола”. Излагаемая информация основывалась на показаниях двух “непроверенных источников”, которых я не стал называть по имени, но которыми были Ронни Ховард и Дэнни ДеКарло.

В распечатанном виде ордер составил шестнадцать страниц. То был внушительный документ, и приведенных в нем улик было более чем достаточно для одобрения судьей. Один лишь я сознавал, насколько шатка наша позиция на самом деле.

Захватив меня и Макганна, Фоулз отнес ордер в кабинет судьи Джона П. Макмюррея. Седовласому юристу, похоже, было уже за семьдесят; он признался нам, что вскоре собирается на пенсию.

Ордер на обыск! Судья Макмюррей взирал на бумагу с недоверием. По его признанию, это был первый такой ордер, который он увидел за последние семнадцать лет. В Инио, объяснил он, мужчины ведут себя по-мужски. Если стучишь в дверь, а тебя не хотят пускать внутрь, значит, эти люди что-то скрывают, и ты просто ломаешь дверь. Подумать только, ордер на обыск! Но Макмюррей прочел его и подписал^[97].

Путешествие на ранчо Баркера заняло три часа, что оставило нам менее часа на обыск — до заката. По дороге Фоулз поведал о том, что ему удалось узнать о “Семье” Мэнсона^[98]. Первые несколько членов секты — по сути дела, разведывательная группа — появились в этой местности осенью 1968 года. Поскольку для того, чтобы жить на краю Долины Смерти, необходимо быть не совсем обычным человеком, за годы местные жители выработали своеобразную терпимость по отношению к тем, кого в иных обстоятельствах сочли бы “подозрительными субъектами”. Хиппи были ничуть не примечательнее всех остальных, оказывавшихся здесь, — золотоискателей, отшельников, охотников до тайн легендарных заброшенных шахт. Стычки с властями у них бывали редко, да и то мелкие: девушкам порекомендовали воздержаться от сбора милостыни в Шошоне, а одна из них совершила ошибку, подарив сигаретку с марихуаной пятнадцатилетней девочке, совершенно случайно оказавшейся племянницей местного шерифа. Так и продолжалось до 9 сентября 1969 года, когда лесники Национального парка обнаружили, что кто-то пытался сжечь погрузчик “Мичиган”, землеподающее приспособление, стоявшее у гоночного трека национального заповедника “Долина Смерти”. Бессмысленный акт вандализма, как посчитали вначале. Следы протекторов, ведущие прочь, мог оставить автомобиль “тойота”, а немногие очевидцы тут же вспомнили о

виденных неподалеку хиппи, разъезжавших на красной “тойоте” и вездеходе-пустыннике. 21 сентября лесник парка Дик Пауэлл наткнулся на красную “тойоту” в районе Хейл-энд-Холла. Сидевшие в ней мужчина и четверо девушек были остановлены и допрошены, но не задержаны. Только позднее Пауэлл проверил номера; выяснилось, что они сняты с совершенно другого автомобиля. 24 сентября Пауэлл вернулся поискать своих давешних собеседников, но никого не сумел найти. Тогда, уже 29 сентября, Пауэлл в сопровождении калифорнийского дорожного патрульного Джеймса Перселла отправился обследовать ранчо Баркера. Там они нашли двух девчушек, но никаких автомобилей. Девушки отвечали на их вопросы нехотя и туманно, что вскоре станет традицией в общении властей с группой. Покидая пределы ранчо, офицеры заметили грузовик, за рулем которого сидел Пол Крокетт, сорокашестилетний местный старатель. В грузовике также находился восемнадцатилетний Брукс Постон, прежде игравший в рок-группе с хиппистским уклоном, но теперь работавший на Крокетта. Узнав, что на ранчо были две девочки, Крокетт с Постоном выказали тревогу и, после дальнейших расспросов, признались, что опасаются за собственную жизнь.

Пауэлл и Перселл решили сопроводить обоих на ранчо Баркера. Две девушки исчезли, но офицеры сочли, что они все же прячутся где-то рядом, вполне вероятно, наблюдая за пришельцами. И стали задавать Крокетту и Постону новые вопросы.

Офицеры явились на ранчо, надеясь обнаружить там подозреваемых в поджоге и, возможно, украденный автомобиль. И нашли нечто совершенно непредвиденное. Из рапорта Перселла: “Нам рассказали настолько фантастическую, невероятную историю, что мы едва могли в нее поверить: рассказы о наркотиках и настоящих оргиях, о попытках вернуть времена Роммеля и его пустынных вояк гонками по округе на многочисленных вездеходах, о полевых телефонных линиях, натянутых для быстрого сообщения, о лидере группы, который называл себя Иисусом Христом и пытался основать здесь некий культ...”

Сюрпризы еще не были исчерпаны. Перед тем как покинуть ранчо, Пауэлл и Перселл решили осмотреться за его пределами. Цитирую Пауэлла: “При этом мы наткнулись на группу из семи женщин, полностью или частично обнаженных, что прятались в зарослях

полыни”. Видели также одного мужчину, но тот убежал, когда офицеры подошли ближе. Они опросили девушек, но никакой ценной информации не получили. И, осматривая местность, нашли красную "тойоту" и пустынный вездеход, аккуратно прикрытые брезентом.

Офицеры столкнулись с проблемой: из-за горной гряды Панаминт они не могли воспользоваться полицейской рацией. Поэтому было решено уехать, чтобы потом вернуться с подкреплением. Перед отъездом они вынули из мотора “тойоты” несколько *существенных* деталей и тем самым полностью ее обездвижили; на вездеход-пустынник особого внимания не обратили, поскольку мотора в нем не было вовсе.

Позднее выяснилось, что “как только мы уехали, подозреваемые извлекли из-под кучи наломанного кустарника мотор от “фольксвагена”, установили его в полуразобранный вездеход и скрылись в неизвестном направлении, управившись за полчаса”.

Проверка обоих транспортных средств выявила два заявления об угонах. "Тойоту" арендовали в агенстве "Хертц" в Энчино, городке близ Лос-Анджелеса, по выкраденной кредитной карточке. Вездеход пропал со стоянки подержанных автомобилей всего за три дня до того, как на него наткнулись Пауэлл и Перселл.

Вечером 9 октября офицеры Калифорнийского дорожного патруля, Офиса шерифа округа Инио и лесники Национального парка собрались у задворок ранчо Баркера, чтобы наутро совершить совместный рейд.

Приблизительно в 4 часа утра несколько офицеров, проходивших по низине поодаль от ранчо, заметили спавших на земле двух мужчин, между которыми лежал дробовик со спиленным стволом. Спящие, которыми оказались Клем Тафтс (*н/и* Стив Гроган) и Рэнди Моргли (*н/и* Хью Роки Тодд), были разбужены и взяты под арест. Офицеры и не подозревали, что охотились эти двое за людьми — точнее, за Стефани Шрам и Китти Лютсингер, двумя семнадцатилетними девушками, сбежавшими с ранчо днем ранее.

Еще один подозреваемый, Роберт Иван Лейн (*тик* Черпак), был арестован на возвышавшемся над ранчо холме. Лейн оставался там в качестве дозорного, но уснул. Этот сторожевой пост не был единственным: еще один, расположенный на холме к югу от ранчо, представлял собой мастерски замаскированный погреб, чью жестяную крышу покрывали ветки и земля. Офицеры прошли бы мимо, но

вовремя заметили, как из кустов появилась женщина, присела облегчиться в сторонке, вслед за чем вновь скрылась в кустах. Пока два офицера держали крышу погреба под прицелом винтовок, еще один забрался повыше и сбросил на нее увесистый булыжник. Прятавшиеся внутри поспешили выбраться наружу. Задержанными оказались: Луэлла Максвелл Александрия (*н/и* Лесли Ван Хоутен, *тик* Лесли Санкстон), Марни Кей Ривз (*н/и* Патриция Кренвинкль) и Манон Минетт (*н/и* Кэтрин Шер, *тик* Цыганка).

Находившиеся на самом ранчо были застигнуты врасплох и не оказали сопротивления. Ими были: Донна Кей Пауэлл (*н/и* Сьюзен Дениз Аткинс, *тик* Сэди Мэй Глютц), Элизабет Элейн Уильямсон (*н/и* Линетта Фромм, *тик* Пищалка) и Линда Болдуин (*н/и* Меделайн Коттедж, *тик* Маленькая Патти).

Другая часть участников рейда взяла в кольцо близлежащее ранчо Майерса (где также проживала все та же группа подозреваемых), после чего аресту подверглись: Сандра Коллинз Пью (так ее звали в девичестве; имя по мужу было Сандра Гуд, *тик* Сэнди), Рэйчел Сьюзен Морс (*н/и* Рут Энн Мурхаус, *тик* Уич), Мэри Энн Шворм (*н/и* Дайана фон Ан) и Цидетта Перелл (*н/и* Нэнси Питман, *тик* Бренда Макканн).

Во время этой первой волны задержаний в районе ранчо Баркера было арестовано десять лиц женского и трое — мужского пола. Их возраст варьировался от шестнадцати до двадцати шести лет, в среднем около девятнадцати-двадцати. Были также обнаружены двое детей: Зезозоз Задфрак Глютц (возраст: один год), сын Сьюзен Аткинс, и Санстоун Хоук (возраст: один месяц), чьей матерью была Сандра Гуд. Оба ребенка сильно обгорели на солнце. Миссис Пауэлл, супруга лесника Дика Пауэлла, принявшая на себя роль попечительницы, позаботилась об обоих.

Поиски на местности выявили ряд спрятанных неподалеку автомобилей, в основном вездеходов-внедорожников (по большей части угнанных), почтовую сумку с однозарядным пистолетом марки “рюгер” (также украденным), немало ножей, тайники с продовольствием, бензином и другими припасами. Кроме того, было найдено больше спальных мешков, чем оказалось людей на ранчо, что ясно указывало, что некоторые по-прежнему могут скрываться где-то поблизости.

Офицеры решили отвезти задержанных в Индепенденс и оформить арест, после чего неожиданно вновь нагрянуть на ранчо с повторным

рейдом — на случай возвращения остальных.

Стратегия оказалась выигрышной. Второй рейд состоялся 12 октября, два дня спустя. Патрульный офицер Перселл и двое парковых лесников появились у ранчо первыми и поджидали остальных, прячась в кустах, когда увидели четверых мужчин, подошедших к зданию ранчо со стороны одной из лощин и вошедших внутрь. Перселл увидел на некотором расстоянии приближавшееся подкрепление во главе с помощником шерифа Доном Уардом. Было уже больше шести вечера, и сумерки быстро сгущались. Не желая рисковать возможной перестрелкой в полной темноте, Перселл принял решение действовать немедленно. В то время как Пауэлл прикрывал фасад здания, Перселл вытащил пистолет и (цитата из рапорта) “подбежал к задней двери и распахнул ее, вслед за чем, стараясь максимально выгодно использовать стену слева от входа, велел всем находившимся внутри хранить спокойствие и сцепить пальцы рук на затылке”.

Группа, в основной своей массе разместившаяся вокруг стола, получила приказ выйти из здания и выстроиться в ряд, после чего все они подверглись обыску. Среди них были три девушки: Дайанна Блюстайн (*н/и* Дайанна Лейк, *тик* Змея), Бет Трейси (*н/и* Колли Синклер) и Шерри Эндрюс (*н/и* Клодия Лей Смит). Остальные четверо были мужчины: Брюс МакГреггор Дэвис (*тик* Брюс Макмиллан), Кристофер Джизас (*н/и* Джон Филип Хоут, *тик* Зеро, который менее чем через месяц будет застрелен насмерть, предположительно в ходе игры в “русскую рулетку”), Кеннет Ричард Браун (*тик* Скотт Белл Дэвис, прибывший вместе с Зеро из Огайо) и некто Лоуренс Бэйли (*тик* Ларри Джонс).

Никаких признаков присутствия лидера группы, Чарльза Мэнсона. Тем не менее Перселл решил осмотреть дом еще разок. Уже полностью стемнело. Впрочем, в стеклянной кружке на столе горела самодельная свеча, и, взяв ее, Перселл приступил к обыску помещения. В ванной ему пришлось поводить свечой по сторонам, поскольку освещение было совсем скудным. Я опустил свечу к умывальнику с маленьким шкафчиком под раковиной и увидел свисавшие из приоткрытой дверцы шкафчика длинные волосы”. Казалось невозможным, чтобы взрослый человек мог уместиться в таком крохотном пространстве, но без каких-либо распоряжений со стороны Перселла “из маленького шкафчика показался мужчина. Оправившись от естественного шока, я предложил

субъекту продолжать выбираться наружу и не делать при этом резких движений. Выпрямившись, он произнес фразу в юмористическом ключе, насчет того, что он рад выбраться из такого неудобного места.

Одежда субъекта, отличающаяся от нарядов всех прочих арестованных, была изготовлена из оленьей кожи... Я спросил у субъекта, кто он. Тот немедленно ответил: “Чарли Мэнсон”. Я провел его через заднюю дверь и сдал на руки стоявшим снаружи офицерам”.

Вновь войдя в дом, Перселл нашел там еще одного мужчину, только что появившегося из спальни. То был Дэвид Ли Хэмик (*тик* Билл Вэнс, бывший заключенный, превосходивший Мэнсона по количеству кличек). Перселл отметил время — 18:40.

Никто из подозреваемых не был вооружен, хотя на кухонном столе обнаружилось несколько ножей в ножнах.

На арестованных надели наручники, и, держа руки на затылке, все они строем направились в Сурдоф-Спрингз, где офицеры оставили оба своих грузовика. По дороге им встретились две девушки в машине, нагруженной всяческой бакалеей. Так под арест были взяты Патти Сью Джардин (*н/и* Кэтрин Гиллис) и Сью Бартелл (*тик* Деревенщина Сью). Всех подозреваемых загрузили в кузов одного из грузовиков; второй неотрывно следовал за первым, фарами освещая задержанных. При подъезде к шахте “Лотос”, примерно в трех милях от ранчо Баркера, Мэнсон объявил офицерам, что оставил здесь, у дорожной обочины, свой рюкзак. Перселл: “Он попросил нас остановиться, чтобы подобрать его вещи; мы согласились на это; впрочем, не сумев сразу же найти рюкзак по указаниям подозреваемого, мы отказали ему в просьбе освободить его от наручников и дать ему возможность поискать рюкзак самостоятельно”.

По пути в Индепенденс Мэнсон сообщил Перселлу и Уарду, что чернокожие собираются захватить власть в стране и что он сам и его группа всего лишь пытались найти тихое, укромное местечко подальше от грядущего конфликта. Но истеблишмент в лице полиции не желает оставить их в покое. Мэнсон также сказал, что они оба, будучи белыми и полицейскими, подвергаются страшной опасности; им следует укрыться в пустыне или еще где-нибудь, пока не слишком поздно.

Во время той же поездки (вновь цитируя Перселла) “произошли два инцидента, сообщившие мне о том, что лидером группы является этот Мэнсон. По меньшей мере дважды Чарли произносил что-то, на

что все остальные два-три раза повторяли в унисон: “Аминь”. Кроме того, те несколько раз, когда остальные начинали перешептываться, сопровождая беседу смешками, Чарли просто смотрел на них — и те немедленно замолкали. Самым поразительным было то, — особо отмечает Перселл, — насколько очевидных результатов достигал этот его взгляд без единого слова, произнесенного вслух”.

По прибытии в Индепенденс подозреваемым были предъявлены обвинения в многочисленных угонах автомобилей, в поджоге и в различных других правонарушениях. Лидера “Семьи” сфотографировали, сняли отпечатки его пальцев и зарегистрировали. Эта запись гласит: “Мэнсон, Чальз М., *тик* Господь Бог, Иисус Христос”.

По сведениям Фрэнка Фоулза, лишь три из захваченных полицией одиннадцати автомобилей не находились в розыске, но следователям не хватило улик, чтобы привлечь к ответственности большинство подозреваемых, и несколько дней спустя больше половины арестованных были отпущены. Большинство тут же уехало из Индепенденса, но две девушки, Пищалка и Сэнди, сняли комнату в мотеле и остались в городе, чтобы быть под рукой и выполнять поручения все еще содержавшихся под стражей Мэнсона и остальных.

Я спросил у Фоулза, известно ли ему, отчего “Семья” выбрала именно эти места. Он ответил, что одна из девушек, Кэтрин Гиллис, была внучкой женщины, владевшей ранчо Майерса. Очевидно, поначалу “Семья” остановилась там и лишь затем переехала на соседнее ранчо Баркера. Уже после рейда один из помощников шерифа беседовал с миссис Арлин Баркер, жившей теперь на Индейском ранчо в долине Панаминт. Та рассказала ему, что около года тому назад Мэнсон посетил ее, спрашивая разрешения пожить на ранчо Баркера. Как в свое время и Джордж Спан, миссис Баркер заключила, что речь идет всего о нескольких людях, которые намереваются задержаться на денек-другой. Во время этого визита Мэнсон вручил ей золотой диск, подаренный рок-группе “The Beach Boys” в ознаменование сбора одного миллиона долларов в ходе продажи их альбома *The Beach Boys Today*. Мэнсон сказал миссис Баркер, что он — то ли композитор, то ли аранжировщик этой группы. За две или три недели до октябрьского рейда Мэнсон вновь связался с ней, объявив, что хочет купить ранчо

Баркера. Она заявила, что ей нужны наличные; Мэнсон отвечал, что приедет, как только соберет необходимую сумму.

Очевидно, Мэнсону казалось, что, если он действительно станет владельцем ранчо, его проблемы с местными силами поддержания правопорядка потихоньку сойдут на нет.

Лишь гораздо позднее я узнал, что у Мэнсона, по-видимому, имелся альтернативный план захвата ранчо Майерса, подразумевавший убийство бабушки Кэти, но этот план сорвался из-за мелочи: по дороге к ее дому трое потенциальных убийц прокололи покрышку.

Я расспросил Фоулза об уликах, обнаруженных в ходе рейдов и последующих обысков. Не попадались ли складные карманные ножи? Да, несколько. Веревки? Нет. Как насчет кусачек? Да, они нашли большие кусачки с красными ручками на заднем сиденье личного вездехода Мэнсона, то есть командующего. Какое-нибудь огнестрельное оружие, кроме “рюгера” 22-го калибра и пистолета Клема? Ни единого, отвечал Фоулз. Ни один из обысков не увенчался обнаружением автоматов; винтовок, обрезов, пистолетов и больших запасов патронов к ним, которые, по рассказам Крокетта, Постопа и других, принадлежали “Семье”.

На протяжении предстоявших нам долгих процессов мы с тревогой будем сознавать, что остающиеся на свободе члены “Семьи”, по-видимому, до сих пор владеют огромным арсеналом огнестрельного оружия и обширным боезапасом к нему.

Ранчо Баркера располагалось в балке Голара, одной из семи сухих балок в горах Панаминт, примерно в двадцати двух милях к юго-востоку от Балларета. Фоулз сказал мне, что знает те места; сухие балки, о которых идет речь, — самые труднодоступные участки, которые ему приходилось видеть. Большую часть пути придется одолеть пешком, иначе наши головы пробьют крышу четырехприводного джипа, избранного Фоулзом для поездки.

“Перестань, Фрэнк, — сказал я. — Это не может быть настолько трудно”.

Но так оно и было. Чрезвычайно узкие лощины оказались загромождены скатившимися со склонов камнями. Пробираясь через них, мы продвигались вперед на фут, но затем, сопровождаемые громкими протестами резины, съезжали обратно на два фута. Явственно чувствовался запах жженных покрышек. В итоге мы с

Фоулзом вылезли из машины и пошли впереди, отбрасывая с дороги булыжники, а Макганн ехал за нами, фут за футом. Чтобы одолеть пять миль, у нас ушло два часа.

Я попросил Фоулза распорядиться сфотографировать лощины. Мне хотелось показать присяжным, насколько изолированна и уединенна местность, избранная убийцами для логова. Косвенная улика, крошечная деталь — но из подобных песчинок, собранных одна за другой, складываются неопровержимые доказательства.

Ни одна живая душа не избрала бы для жизни ранчо Баркера или Майерса, расположенные в четверти мили друг от друга, если б не одно преимущество: там была вода. На ранчо Баркера имелся даже плавательный бассейн, хотя и совсем запущенный, подобно каменному зданию и сараям поодаль. Дом невелик — гостиная, спальня, кухня, ванная. Мне также понадобились фотоснимки шкафчика под раковиной, где прятался Мэнсон. Размеры его составляли три на полтора на полтора фута. Я прекрасно понимал изумление Перселла.

Когда я увидел большой школьный автобус, то глазам своим не поверил. Как Мэнсону удалось пригнать его сюда по одной из тех балок? Ничего подобного, отвечал мне Фоулз, он приехал сюда по дороге, ведущей к ранчо со стороны Лас-Вегаса. Но даже это стало для автобуса серьезным испытанием, о чем красноречиво свидетельствовало его состояние. Автобус покрывали зеленые и белые пятна осыпавшейся краски. На боку был изображен звездно-полосатый флаг с лозунгом: “АМЕРИКА — ЛЮБИ ЕЕ ИЛИ УБИРАЙСЯ!” Пока Сартучи и остальные осматривали дом, я занялся брошенным автобусом.

Пришлось подумать о том, где оставить ордер на обыск. Его следовало разместить на виду. Однако, если положить документ на видное место, его мог увидеть любой случайный прохожий и унести с собой. Я же не хотел, чтобы представители защиты обвинили меня в том, что мы якобы не выполнили все формальности. И в конце концов положил ордер на одну из полок под самой крышей автобуса. Его *можно было* увидеть, подняв голову.

По полу автобуса разбросана одежда: завал, по крайней мере, в фут высотой. Позже я узнал, что, где бы ни остановилась “Семья”, одежду они держали в одной общей куче. Когда требовалось что-нибудь надеть, люди рылись в ней, пока не натыкались на подходящий предмет.

Опустившись на четвереньки, я последовал их примеру, надеясь найти одежду с кровавыми пятнами и обувь: на крыльце дома по Сизэло-драйв остался отпечаток окровавленного каблука. В нем была небольшая выемка, которую можно было бы сопоставить с каблуком ботинка, который я надеялся обнаружить здесь. Я нашел несколько пар, но ни один каблук не имел этой отметины. И, когда Джо Гранато провел бензидиновый тест одежды на следы крови, результаты также оказались отрицательными. Впрочем, я распорядился собрать всю кучу и отвезти в Лос-Анджелес: быть может, специалисты ОНЭ сумеют хоть что-нибудь найти в лаборатории.

В автобусе я также наткнулся на стопку из восьми или десяти журналов, половина из которых были “Нэшнл джиогрэфик”. Просматривая их, я натолкнулся на нечто любопытное: даты выхода каждого журнала лежали в промежутке с 1939 по 1945 год, и в каждом из них имелись статьи о Гитлере. В одном также были фотографии Роммеля и его африканского корпуса.

Но ничего больше мы не обнаружили. Казалось, обыск мало что дал в смысле улик, подходящих для представления в суд. Однако я не терял оптимизма: в руках полиции оставались вещи, захваченные в ходе рейдов, и мне не терпелось внимательно осмотреть их.

На обратном пути в Индепенденс мы заглянули в “Одинокую сосну”. Потягивая пиво с офицерами, я услышал замечание Сартучи, что они с Патчеттом беседовали с Мэнсоном в городе несколько недель тому назад и задавали ему вопросы об убийствах Тейт и Лабианка. На следующий день я упомянул об этом в телефонном разговоре с лейтенантом Хелдером и спросил, не сохранился ли рапорт об этой беседе. Хелдер был потрясен; он не имел представления о том, что кто-то из ДПЛА хоть раз говорил с Мэнсоном. Это впервые показало мне, что следователи по делам Тейт и Лабианка работали хоть и совместно, но далеко не рука об руку.

У Хелдера появились кое-какие новости. Впрочем, не очень хорошие. Сержант Ли провел баллистическое исследование пуль 22-го калибра, найденных нами на ранчо Спана: ни одна не совпала с пулями, обнаруженными в доме 10050 по Сизэло-драйв.

Я не собирался так легко сдаваться. Требовалось устроить более тщательный обыск на ранчо Спана.

Ту ночь мы вновь провели в “Виннедумае”. Поднявшись пораньше на следующее утро, я прошел до здания суда пешком. Я уже забыл, какой вкус у свежего воздуха. О том, что деревья и трава тоже имеют свои запахи. В Лос-Анджелесе нет запахов, сплошной смог... В паре кварталов от суда я встретил двух девушек — одна с ребенком на руках. Повинуясь мгновенному импульсу, я спросил: “Вы, случайно, не Сэнди и Пищалка?” Они признались, что так и есть. Я назвал себя и сказал, что хотел бы поговорить с ними в кабинете окружного прокурора в час дня. Девушки сказали, что придут, если я куплю им немного конфет. Я пообещал.

В своем кабинете Фоулз открыл папки с досье и передал мне все, что у него было накоплено на “Семью” Мэнсона. Сартучи занялся фотокопированием.

Просматривая документы, я наткнулся на упоминание фамилий Крокетта и Постона: “Помощник шерифа округа Инио Дон Уард говорил с двумя старателями в Шошоне и имеет запись этой беседы”. Я и сам собирался поговорить с этими двумя, но наверняка сэкономил бы время, если вначале послушал бы запись, так что я попросил Макганна связаться с Уардом и раздобыть ее.

Там был также рапорт, составленный Калифорнийским дорожным патрулем 2 октября 1969 года, в котором говорилось: “Помощник Деннис Кокс имеет карту РП Д на подозреваемого Чарльза Монтгомери, 23 года (род. 12.02.1945)”. Рапорт о полевом допросе — это карточка размером 3 на 5 дюймов, которую заполняют всякий раз, когда на улице останавливают человека и задают ему вопросы. Я хотел взглянуть на эту карточку: мы все еще очень мало знали о Тексе, который не был арестован в ходе рейдов на обоих ранчо, Спана и Баркера.

Перелистав большую стопку документов, я занялся уликами, собранными во время рейда 10–12 октября. Позже Гранадо исследовал ножи на следы крови: ответ отрицательный. Кусачки были большими и тяжелыми. Было бы не просто вскарабкаться с ними на столб; впрочем, они могли быть единственными в наличии. Я передал их офицерам ОНЭ для сравнительных срезов телефонных проводов усадьбы Тейт. Ботинки без характерной выемки на каблуке; я отложил их в сторону для ОНЭ. Проверил маркировку на всех предметах одежды; ряд женских вещей, теперь очень грязных, был некогда приобретен в весьма дорогих магазинах. Я также распорядился отправить их в Лос-

Анджелес для изучения. Еще я хотел, чтобы на них взглянули Винифред Чепмен и Сьюзен Стратерс: не принадлежала ли одежда Шарон Тейт, Абигайль Фольгер или Розмари Лабианка?

Пищалка и Сэнди пришли вовремя. Перед разговором с ними я провел небольшое исследование и, хотя информация была отрывочной, уже знал, что обе родились в Южной Калифорнии и происходят из довольно состоятельных семейств. Родители Пищалки жили в Санта-Монике; ее отец конструировал самолеты.

Родители Сэнди развелись, но затем поженились вновь; отец был биржевым брокером в Сан-Диего. По словам ДеКарло, когда Пищалка влилась в “Семью” где-то в начале 1968 года, то владела примерно 6 тысячами долларов в акциях, которые продала, чтобы отдать деньги Мэнсону. Теперь они с ребенком жили на пособие. Обе девушки в свое время поступили в колледжи, которые затем бросили. Пищалка посещала лекции в “Эль Камино джуниор колледж” в Торрансе, Сэнди — университет Орегона и Калифорнийский университет в Сан-Франциско. Как я выяснил позднее, Пищалка была одной из первых участниц “Семьи”, связав свою судьбу с Мэнсоном всего через несколько месяцев после его выхода из тюрьмы в 1967 году.

Эти две девушки были первыми членами “Семьи”, с которыми я говорил, не считая ДеКарло, который в лучшем случае лишь отчасти может считаться участником этой группы, — и я сразу же отметил выражения их лиц. Они словно бы излучали внутреннее спокойствие. Я уже видел подобных людей — истинных верующих, религиозных фанатиков, — это зрелище одновременно шокировало и внушало уважение. Казалось, уже ничто не может вывести их из себя. Они почти постоянно улыбались, что бы я ни говорил. Для них не существовало вопросов; на любой у них уже имелись ответы. Никакого смысла в дальнейших поисках; они уже нашли, что искали. Истину. И эта истина гласила: “Чарли есть любовь”.

Расскажите мне об этой любви, попросил я. Вы имеете в виду любовь между мужчиной и женщиной? Да, и это тоже, отвечали они, но лишь отчасти. Она более... всеохватывающая? Да, но “Чарли и есть любовь; этой любви невозможно дать определение”.

Вы слышали это от Чарли? Этому он учит? — поинтересовался я, действительно заинтригованный. Чарли не понадобилось учить их, был

ответ. Он просто повернул их так, чтобы они смогли посмотреть на самих себя и увидеть любовь, прячущуюся внутри. Верят ли они, что Чарли в самом деле Иисус Христос? В ответ девушки лишь загадочно улыбались, словно бы разделяя секрет, неведомый более никому.

Хотя Пищалке был двадцать один год, а Сэнди — двадцать пять лет, в них было нечто детское, словно обе не повзрослели, но так и оставались на каком-то определенном уровне, достигнутом в детстве. Маленькие девочки, играющие в свои игры. Могут ли убийства быть одной из таких игр? — задумался я.

Скажи, твоя любовь к Чарли отличается от любви к Джорджу Спану? — спросил я у Пищалки. Нет, любовь есть любовь, сказала Пищалка, она везде одинакова. Но она помедлила с секунду перед ответом; так, словно этими самыми словами полагалось ответить, но в самом отрицании уникальности Чарли было некоторое кощунство. Возможно, заглаживая промах, Пищалка рассказала мне о своих отношениях с Джорджем Спаном. Она влюблена в Джорджа, заявила Пищалка. Если бы он предложил ей выйти за него замуж, она бы с радостью согласилась. Глубоко внутри Джордж был прекрасным человеком. Кроме того, добавила Пищалка в очевидной попытке потрясти меня, он очень хорош в постели. Она была весьма откровенна.

"Я не настолько интересуюсь сексуальной стороной твоей жизни, Пищалка, — прервал я ее. — Но мне очень, очень интересно услышать, что тебе известно об убийствах Тейт, Лабианка, Хинмана и всех прочих".

Выражения лиц не изменились ни на йоту. Улыбки остались на лицах. Нет, они ничего не знают о каких-то преступлениях. Они знают лишь о любви, и этого им достаточно.

Я довольно долго беседовал с обеими, задавая теперь уже более конкретные вопросы, но все еще получал в ответ стандартные, заученные ответы. К примеру, на вопрос, где они были в такой-то день и такой-то час, они отвечали: "Времени не существует". Ответы были одновременно уклончивыми и осторожными. Я хотел преодолеть эту защиту, чтобы выяснить, что эти две девушки чувствуют на самом деле. И не мог.

Я заметил и еще кое-что. Каждая была по-своему привлекательна, но в лицах обеих сохранялось некое сходство, превалировавшее над

особенностями внешности. Я вновь обратил на это внимание вечером, беседа с другими девушками из “Семьи”.

Одинаковые выражения на лицах, те же заученные ответы, тот же ровный тон голосов, та же нехватка ярко выраженной индивидуальности. Явившееся понимание потрясло меня: все они больше напоминали кукол Барби, чем людей.

Глядя на почти блаженную улыбку Сэнди, я припомнил кое-что, рассказанное мне Фрэнком Фоулзом, — и холодок пробежал по моему позвоночнику.

Еще будучи в заключении в Индепенденсе, Сэнди разговаривала с одной из других девушек “Семьи”. Кто-то случайно услышал сказанные ею слова: “Наконец-то я достигла точки, когда уже могу убить своих родителей”.

Лесли, Уич, Змея, Бренда, Цыганка — Фрэнк Фоулз договорился, чтобы всех их доставили сюда из тюрьмы, где те по-прежнему содержались по обвинениям, тянувшимся после рейда на ранчо Баркера. Как и Пищалка с Сэнди, они приняли мою “взятку”, жвачку и конфеты, но не открыли ничего существенного. Их ответы словно были хорошо отрепетированы; часто они повторяли их слово в слово.

Я понимал: если мы собираемся попробовать разговорить девушек, нам придется содержать их отдельно. Была между ними какая-то прочная связь, которая как цементом склеивала их друг с дружкой. Отчасти она, вне сомнения, состояла из их странных (и для меня все еще загадочных) отношений с Чарльзом Мэнсоном. Отчасти же их держал вместе совместный опыт жизни в общине, известной ныне всему миру как “Семья”. Но я все же не мог не подозревать, что одним из ингредиентов этой липкой, прочной смеси был страх: все они могли опасаться говорить, потому что боялись подруг. Боялись того, что те скажут. Или сделают.

Единственный способ преодолеть связь, разбить цементную кладку — содержать их отдельно, но в Индепенденсе это невозможно было устроить из-за крайне малых размеров тюрьмы.

Из мужчин, кроме самого Мэнсона, в заключении оставался лишь один участник “Семьи” — Клем Тафтс, *н/и* Стив Гроган.

Джек Гардинер, следователь из Офиса Фоулза, предоставил мне список зарегистрированных правонарушений восемнадцатилетнего Грогана: 23.03.1966 — хранение сильнодействующих наркотических средств, 6 месяцев условного наказания; 27.04.1966 — мелкая кража в магазине, продление условного наказания; 23.06.1966 — нарушение общественного порядка, продление условного наказания; 27.09.1966 — досрочная отмена условного наказания; 05.06.1967 — хранение марихуаны, освобождение после собеседования; 12.08.1967 — мелкая кража в магазине, отмена возможности освобождения на поруки; 22.01.1968 — бродяжничество, дело закрыто после доследования; 05.04.1969 — кража в сговоре и бродяжничество, освобождение из-за отсутствия достоверных улик; 20.05.1969 — угон автомобилей в сговоре, освобождение из-за отсутствия достоверных улик; 11.06.1969 — попытка растления малолетних, непристойное поведение в общественном месте...

Свидетели подтвердили, что на их глазах Гроган демонстрировал себя детям от 4 до 5 лет. “Детки сами этого хотели”, — заявил он арестовавшим его офицерам, поймавшим его на месте. “Я нарушил закон, эта штука вывалилась у меня из штанов, а родители давай кричать”, — позднее сказал он назначенному судом психиатру. Побеседовав с Гроганом, психиатр счел помещение его в государственную лечебницу в Камарилло *невозможным*, поскольку “юноша чрезмерно агрессивен для того, чтобы оставаться в учреждении, не оборудованном средствами изоляции”.

Суд решил иначе, и Гроган отправился в Камарилло на 90-дневный срок для врачебного наблюдения. Он оставался в лечебнице всего два дня, а затем исчез — не без помощи, как я позже выяснил, одной из девушек “Семьи”.

Побег случился 19 июля 1969 года. Гроган вернулся на ранчо Спана как раз вовремя, чтобы участвовать в убийствах Хинмана, Тейт и Лабианка. И был вновь арестован в ходе рейда на ранчо Спана (16 августа) — но два дня спустя выпущен на свободу, опять же вовремя, чтобы обезглавить Коротышку Шиа.

В настоящий момент, в результате рейда на ранчо Баркера, ему было предъявлено обвинение в участии в сговоре с целью сокрытия краж автомобилей и во владении оружием, не разрешенным к

ношению, т. е. обрезом. Я осведомился у Фоулза о нынешнем состоянии следствия.

Тот сказал мне, что Грогана обследовали (по просьбе адвоката) два специалиста, решивших, что подследственный “в настоящее время психически нездоров”.

Я сказал Фоулзу, что надеюсь на его помощь: надо потребовать рассмотрения дела судом присяжных и затем сражаться против заявления о невменяемости, которое сделает защита. Если на суде в Лос-Анджелесе я выставлю против Грогана обвинение в том, что он принимал участие в убийстве Шарон Тейт и остальных, мне вовсе не хочется, чтобы защита представила заключение психиатров о невменяемости клиента, сделанное по просьбе окружного суда Инио. Фрэнк согласился со мной.

В то время улик против Грогана у нас было так мало, что можно считать, не было вовсе. Не имелось никаких доказательств тому, что Дональд “Коротышка” Шиа вообще был мертв; тело так и не нашли. Что же касается убийств на Сизло-драйв, у нас были лишь показания Дэнни ДеКарло; ведь это Клем сказал ему: “Мы убили пяток свиней”.

Мы ни под каким предлогом не могли использовать эти показания, если Клема будут судить вместе с остальными. По решению Верховного суда штата Калифорния от 1965 года (дело *Народ против Аранды*), сторона обвинения не может ссылаться в суде на устное признание, сделанное одним из подсудимых, если оно обличает другого подсудимого в том же процессе.

Поскольку правило *Аранды* справедливо для всех дальнейших процессов, включая и суд над членами “Семьи” Мэнсона, требуется объяснить, что это такое. К примеру, если в будущем процессе окажутся сразу несколько подсудимых, мы не сможем использовать признание Сьюзен Аткинс перед Ронни Ховард: “Это мы сделали”, поскольку множественное “мы” подразумевает не только ее саму, но и других подсудимых. Впрочем, мы могли бы сослаться на другое ее признание: “Я ударила ножом Шарон Тейт”. Некоторые признания нуждаются в “редакции”, чтобы они не нарушили *Аранду*. Показания Сьюзен Аткинс, данные ею Уайтли и Гуэнтеру (“Я вместе с Бобби Бьюсолейлом отправилась к дому Гари”) можно сократить до “Я отправилась к дому Гари”, хотя хороший адвокат непременно потребует и — в зависимости от того, насколько хороши прокурор и судья, —

добьется исключения и этого куска. Но, раз споткнувшись о словечко “мы”, его уже никак нельзя обойти.

Таким образом, замечание, сделанное Мэнсоном Спринджеру (“Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад”), было для нас совершенно бесполезным. Так же как и ремарка, брошенная Клемом ДеКарло: “Мы убили пяток свиней”.

Так что против Клема у нас равным счетом ничего не было.

Просматривая папку Грогана, я заметил, что один из его братьев подал заявление о приеме на работу в Калифорнийский дорожный патруль; я сделал себе соответствующую памятку, решив, что, быть может, брат сумеет убедить Клема сотрудничать с нами. ДеКарло описывал Грогана одним словом: “Псих”. И на полицейских фотографиях — широкая ухмылка, сколотый зуб спереди, застывший взгляд — он действительно выглядел идиотом. Я попросил Фоулза раздобыть мне копии недавних психиатрических отчетов.

На вопрос: “Почему вы ненавидите своего отца?” — Гроган ответил: “Я сам себе отец, и себя вовсе не ненавижу”. Он отрицал, что употребляет наркотики. “У меня свой кайф, адреналин. Это называется страх”. Гроган заявлял, что “любовь повсюду”, но, по выражению одного из психиатров, “он также признал, что не может принять философию межрасового братства. В защиту этой позиции приводит цитаты, предположительно из Библии, имеющие сексуальные корреляции”.

Вот еще отрывок из рассуждений Клема: “Я понемногу умираю каждый день. Мое эго умирает, и сознает эту свою смерть, и борется с ней. Если освободиться от эго, можно освободиться от всего остального... Все, что говоришь ты сам, правильно для тебя... Я тот, кем вы меня считаете”.

Философия Клема? Или Чарльза Мэнсона? Я уже слышал те же мысли, порой в тех же выражениях, — от девушек.

Если психиатры обследовали одного из последователей Мэнсона и сочли невменяемым на основе подобных ответов, что они скажут о его учителе?

В тот день я впервые увидел Чарльза Мэнсона. Он шел из здания тюрьмы в зал суда, чтобы выслушать обвинение в поджоге погрузчика “Мичиган”, и его сопровождали пятеро помощников шерифа.

Я и не представлял, что Мэнсон настолько мал ростом. Всего пять футов два дюйма. Он был тощ, хрупкого телосложения, чуточку сутуловат, почти до плеч отпустил темно-каштановые волосы и имел приличную щетину, отросшую (я заметил это, сравнив фото, сделанные персоналом ДПЛА и здесь, в Инио) после ареста в ходе рейда на ранчо Спана. Он носил кожаную одежду с бахромой, которая была совсем не дешева. И, несмотря на наручники, его походка была свободной, не скованной, словно Мэнсон чувствовал себя в своей тарелке.

Я поверить не мог, что этот маломерок сотворил все то, что ему приписывали. Чарли выглядел кем угодно, но не атлетом. И все же я знал, что недооценивать Мэнсона было бы самой большой ошибкой в моей жизни. Ведь, если рассказы Аткинс и ДеКарло правдивы, он не только сам был способен на убийство, но также обладал невероятной властью приказывать другим убивать вместо себя.

Девицы Мэнсона много рассуждали об индийской концепции кармы. Это все равно что бумеранг, говорили они. Что бы ты ни выбросил, это обязательно вернется к тебе, рано или поздно. Я задумался, верит ли в это сам Мэнсон и почувствовал ли он, что его собственная карма наконец возвращается, почти три с половиной месяца спустя после тех ужасных убийств? Должен был почувствовать. К подозреваемому в поджоге не приставляют пятерых помощников шерифа. Если он еще этого не знал, то довольно скоро узнает; тюремные сплетни распространяются быстро, и до него вскоре долетят отголоски вопросов, которые мы задавали.

Перед отъездом из Индепенденса я вручил Фрэнку Фоулзу номера своих телефонов — и рабочий, и домашний. Если что-то произойдет, я должен узнать об этом сразу, невзирая на время суток. Мэнсон не признал себя виновным в поджоге, и сумма залога для его освобождения составила 25 тысяч долларов. Если кто-либо попытается внести залог, я хотел знать об этом немедленно, чтобы мы смогли быстро предъявить Мэнсону обвинение в убийстве. Это могло означать, что нам придется выложить все свои карты прежде, чем мы будем готовы сделать это, но лучшей альтернативы не существовало. Зная, что его подозревают в убийстве, освобожденный из-под стражи Мэнсон наверняка исчезнет. А если он окажется на свободе, нам будет стоить огромных усилий заставить кого-либо заговорить.

22–23 ноября 1969 года

В те выходные я штудировал собранные ДПЛА материалы по убийствам Тейт и Лабианка, папки из округа Инио, отчеты ОШЛА о рейде на ранчо Спана и о других контактах властей с "Семьей", многочисленные списки преступлений, совершенных теми или иными лицами. ДПЛА опросил более 450 человек лишь по "делу Тейт"; хоть все они стоили куда меньше, чем десятицентовый звонок бывшей проститутки, мне следовало ознакомиться с тем, что было (и что не было) сделано. Было бы замечательно найти какую-либо связь между жертвами Тейт — Лабианка и кланом Мэнсона. Кроме того, я пытался увидеть хотя бы намек на причину, мотив этой резни.

Порой писатели упоминают “бессмысленные”, то есть принципиально не имеющие мотива преступления. Я никогда не сталкивался с чем-либо подобным и убежден, что такого зверя в природе нет. Мотив присутствует всегда: пусть необычный, пусть очевидный только для убийцы или убийц, пусть даже подсознательный, — но каждое преступление совершается по некоей причине. Отыскать же мотив бывает проблематично. Особенно в данном случае.

Прослушав запись семичасовой беседы с Дэниелом ДеКарло, я пододвинул к себе толстую папку с материалами на некоего Мэнсона, Чарльза М.

Я хотел поближе узнать человека, с которым мне предстояло сразиться.

Чарльз Мэнсон появился на свет как “без-имени Мэддокс”. Произошло это 12 ноября 1934 года в Цинциннати, штат Огайо; младенец был незаконнорожденным сыном шестнадцатилетней девушки по имени Кэтлин Мэддокс^[99].

Хотя сам Мэнсон позднее заявит, что его мать была подростком-проституткой, другие родственники выражаются мягче: “гулящая”. А кто-то заметил: “Кэтлин слонялась по округе, пила, вечно попадала в истории”. В любом случае, перечень мужчин, с которыми она жила, весьма длинен. Один из них, некто Уильям Мэнсон, бывший намного старше ее самой, оставался с Кэтлин как раз достаточно долго, чтобы наделить ребенка фамилией.

Личность отца Чарльза Мэнсона в чем-то загадочна. В 1936 году, в округе Бойд штата Кентукки, Кэтлин подала заявление на выплату алиментов — на имя некоего “полковника Скотта”^[100], жителя городка Эшленд, в том же штате. 19 апреля 1937 года ей присудили компенсацию в 25 долларов плюс 5 долларов в месяц на поддержание “Чарльза Майлса Мэнсона”. Хотя стороны и были “ознакомлены и согласны” с этим решением, полковник Скотт явно ни в грош его не ставил, поскольку в 1940 году Кэтлин еще обивала пороги судов, стараясь получить с него причитающиеся ей деньги. Большинство источников уверяют, что полковник Скотт скончался в 1954 году; и, хотя это никогда не было подтверждено официально, сам Мэнсон, очевидно, считал так же. Он неоднократно говорил, что никогда в жизни не встречался с отцом.

По словам родственников Кэтлин, она могла “на часок” оставить ребенка под присмотром соседей и пропасть на дни или недели. Обычно забирать его приходилось бабушке или тете по материнской линии. С ними-то он и провел большую часть своего детства — в Западной Виргинии, в Кентукки или в Огайо.

В 1939 году Кэтлин и ее брат Лютер ограбили станцию сервисного обслуживания в Чарльстоне, Западная Виргиния, избив служащего бутылками из-под лимонада. Оба были приговорены к пяти годам заключения в тюрьме штата за вооруженное ограбление. Пока мать была в тюрьме, Мэнсон жил с тетей и дядей в Макмехене, Западная Виргиния. Своему наставнику по Национальному воспитательному учреждению для мальчиков Мэнсон позже признается, что брак у дяди с тетей “был неудачным, но потом они увлеклись религией и решали все проблемы истовыми молитвами”.

Очень строгая тетка, полагавшая удовольствия греховными, но все же дарившая ему любовь. Неразборчивая в связях мать, позволявшая ему делать все, что угодно, — до тех пор, пока он не начинал докучать ей. Подрастающий Мэнсон стал канатом, который перетягивали эти две женщины.

Досрочно освобожденная в 1942 году, Кэтлин забрала восьмилетнего Чарльза к себе. Несколько следующих лет были непрерывной чередой грязных комнат во второсортных гостиницах и все новых “дядей”, большинство которых, как и мать, пили запоем. В 1947 году Кэтлин попыталась устроить сына в сиротский приют, но ни

в одном не нашла ему места — и по решению суда тот оказался в школе для мальчиков “Джиболт”, благотворительном заведении в Терре-Хоте, штат Индиана. Ему было двенадцать лет.

Как гласит школьная характеристика, там он “не сумел полностью адаптироваться к условиям содержания”, а его “интерес к обучению в лучшем случае удовлетворителен”. Упоминаются “короткие периоды, когда Чарльз доволен, испытывает радость и может показаться славным мальчиком”, но также сообщается о “тенденции к замкнутости и подавленному состоянию, проявлениях мании преследования...” Он оставался в “Джиболте” десять месяцев, а затем сбежал, чтобы вернуться к матери.

Сын ей был не нужен, и Чарли сбежал снова. Взломав продуктовый магазин, он украл достаточно денег, чтобы снять номер в гостинице. Затем он ограбил еще несколько магазинов, украв, среди прочих вещей, велосипед. Пойманный на месте кражи, он был помещен в Исправительный центр для подростков в Индианаполисе. И сумел сбежать оттуда уже на следующий день. Когда Чарльз вновь был задержан, суд (ошибочно информированный, что он — католик) через местного священника пристроил его в “Бойз-таун” отца Флэнагана.

Но фамилия Мэнсон так и не украсила цветистый список бывших учеников этой школы. Уже через четыре дня после прибытия туда Мэнсон вместе с еще одним учеником, Блэки Нильсеном, угнал машину и добрался на ней в Пеорию, штат Иллинойс, где жил дядя Блэки. По дороге они совершили два вооруженных ограбления — продуктовой лавки и казино. Среди преступников, как и в статьях закона, различается четкая разница между правонарушениями с использованием насилия и ненасильственными. Совершив свое первое вооруженное ограбление в тринадцать лет, Мэнсон преступил эту черту.

Дяде беглецы пришлось кстати. Оба мальчика были еще достаточно малы, чтобы пролезать в форточки. Через неделю после приезда в Пеорию они вдвоем взломали очередной продуктовый магазин и выкрали оттуда полторы тысячи долларов. За труды дядя отдал им 150. Две недели спустя мальчишки рискнули повторить налет, но на сей раз были пойманы. Отвечая на вопросы следователя, оба впутали в это дело дядю. Мэнсон, которому все еще не исполнилось четырнадцати, был направлен в Исправительную школу для мальчиков штата Индиана в Плэйнфилде.

Там он пробыл три года, на протяжении которых убегал восемнадцать раз. По мнению преподавателей, “он никому не оказывал доверия” и “прикладывал старание в работе лишь в том случае, если, по его расчетам, мог получить что-либо взамен”.

В феврале 1951 года Чарльз Мэнсон и двое других шестнадцатилетних подростков сбежали и направились в Калифорнию. По стране они передвигались на угнанных автомобилях. Чтобы чем-то питаться, грабили заправочные станции (позднее Мэнсон назовет общую цифру в пятнадцать-двадцать ограблений), пока на выезде из Бивера, штат Юта, их не остановил полицейский кордон, поставленный там для задержания другого преступника, вора.

Перегоняя угнанные автомобили через границу штата, юноши нарушили федеральный закон, так называемый “акт Дайера”. Это легло в основу череды совершенных Мэнсоном федеральных преступлений, наказания за которые по суровости намного превосходят накладываемые за локальные преступления, т. е. совершенные в пределах одного штата.

9 марта 1951 года Мэнсон был направлен в Национальную исправительную школу для мальчиков в Вашингтоне, округ Колумбия, — до достижения им совершеннолетия.

Все время, что Чарльз Мэнсон пробыл там, составлялись подробные отчеты о его поведении^[101]. По прибытии в школу он заполнил целую кипу тестов на склонности, способности и умственное развитие; IQ Мэнсона составил 109 пунктов. Проучившись в школе четыре года, он оставался неграмотным. Ум, абстрактное мышление, способности к физическому труду: выше среднего уровня. Увлечения испытуемого: музыка. Работник, внесший первые записи в личное дело Мэнсона, заметил с явным преуменьшением: “Чарльз — шестнадцатилетний парень, выросший в неблагоприятных семейных условиях, если эти обстоятельства вообще можно назвать жизнью в семье”. В заключение тот же работник выразил мнение, что данный ученик настроен агрессивно-антисоциально.

Спустя месяц: “Мальчик стремится создать впечатление, что он изо всех сил старается приспособиться к жизни в школе, но на самом деле не прикладывает к этому ни малейших усилий... Я чувствую, что со временем он постарается стать заводилой”.

Три месяца спустя: “Мэнсон превратился в некое подобие “стратега”. Он выполняет лишь необходимый минимум работы... Большую часть времени мальчик беспокоен, подвержен резким перепадам настроения и, видимо, предпочел бы общение с друзьями занятиям в классе”. В конце отчета — вывод: “Представляется очевидным, что данный юноша эмоционально неуравновешен и, несомненно, нуждается в психиатрической координации”.

Мэнсон мечтал о переводе в “Нэйчерал бридж онор кэмп”, учебно-исправительное учреждение с минимальными требованиями к охране. Учитывая список его побегов, руководство школы склонялось к противоположному решению, т. е. переводу в заведение полностью закрытого типа, но они решили воздержаться от действий до обследования ученика психиатром.

29 июня 1951 года Чарльз Мэнсон был освидетельствован доктором Блоком. Психиатр отметил “заметный уровень отторжения, нестабильности и перенесенной ранее психической травмы”. Комплекс неполноценности в отношениях с матерью был выражен настолько явно, писал Блок, что Мэнсон считал необходимым постоянно “подавлять любые мысли о ней”. Из-за своего небольшого роста, внебрачного рождения и отсутствия родительской любви “он постоянно стремится к приобретению высокого статуса среди других учеников”. Чтобы добиться этого, Мэнсон “развил определенную технику общения с людьми. Состоит она, по большей части, из хорошего чувства юмора и умения снискать расположение окружающих... Таким образом, создается поверхностное впечатление, что юноша “хитер” и хорошо социализирован, но это не умаляет того факта, что за всеми этими средствами приспособления прячется крайне чувствительный мальчик, который еще не оставил попытки добиться определенной любви и признания от внешнего мира”.

Хоть доктор и счел, что Мэнсон “однозначно не способен воспринимать любые указания авторитарного характера”, он все же подчеркнул, что юноша “с готовностью воспринял перспективу психиатрических бесед”.

Если подобная готовность и показалась доктору Блоку подозрительной, он никак не отразил этого в своем отчете. Еще целых три месяца он проводил с Мэнсоном индивидуальный курс психотерапии. Можно предположить, что Мэнсон также поработал над

доктором Блоком, поскольку в отчете, составленном 1 октября, тот выразил убежденность, что Мэнсон более всего нуждается в опыте, который помог бы ему обрести уверенность в себе. Короче говоря, в доверии. Доктор рекомендовал перевод.

Кажется, Чарльз Мэнсон перехитрил своего первого психиатра. Тогда как руководство школы в лучшем случае сочло это “более-менее оправданным риском”, рекомендации доктора Блока были приняты к сведению, и 24 октября 1951 года Чарльз Мэнсон был переведен в “Нэйчерал бридж кэмп”.

В том ноябре ему исполнилось семнадцать. Вскоре после дня рождения его навестила тетя, уверявшая персонал школы, что она предоставит племяннику кров и работу, если того отпустят на поруки. Слушание об освобождении должно было состояться в феврале 1952 года, и шансы Мэнсона казались неплохими, учитывая ее предложение. Вместо этого, менее чем за месяц до слушания, Чарльз взял бритвенное лезвие и держал его у горла другого мальчика, одновременно насилуя его.

В результате этого нарушения он девяносто семь дней провел в изоляции и 18 января 1952 года был переведен в федеральное исправительное учреждение в Питерсберге, штат Виргиния. Там его сочли “опасным субъектом”, и кто-то из руководства заметил: “Ему не стоит доверять перейти через улицу и вернуться”. К августу Мэнсон восемь раз серьезно нарушал дисциплину, причем трижды это подразумевало гомосексуальные действия. “Рапорт об исправлении”, если этот документ действительно можно так называть, говорит: Мэнсон определенно имеет гомосексуальные тенденции и склонность к насилию”. Он “безопасен лишь под надзором”. Для защиты его самого, равно как и окружающих, руководство исправительного учреждения сочло необходимым перевести его в более тщательно охраняемое федеральное исправительное заведение в Чилликоте, штат Огайо. Туда его и отправили 22 сентября 1952 года.

Из отчетов, сделанных в Чилликоте: “Водит дружбу с другими нарушителями дисциплины... относится к тому типу воспитанников, чьи непредсказуемые действия требуют надзора и во время работы, и в часы досуга... Вопреки возрасту, имеет обширный криминальный опыт и знания... по мнению сотрудников, не может содержаться в

исправительном учреждении открытого типа вроде чилликотского... ” Это написано менее месяца спустя после перевода туда Мэнсона.

Затем, совершенно внезапно, Мэнсон меняется. За остаток года — ни одного серьезного нарушения дисциплины. Не считая мелких нарушений распорядка и стойко “негативного отношения к работникам”, Мэнсон хорошо ведет себя и в 1953 году. Составленный в октябре рапорт гласит: “Мэнсон демонстрирует значительный прогресс в общем отношении к офицерам, сотрудничает с ними, выражает активный интерес к образовательной программе... Предметом его особой гордости является тот факт, что он поднял свой [образовательный уровень с четвертого класса до седьмого] и теперь может самостоятельно изучать большинство учебного материала, равно как и пользоваться простейшей арифметикой”.

Продвижение в образовании и положительные рабочие навыки в транспортном блоке, где Мэнсон ремонтировал и поддерживал в рабочем состоянии принадлежащие учреждению автомобили, привели к получению Мэнсоном (1 января 1954 года) официальной похвальной грамоты. Гораздо важнее для него самого, впрочем, стало освобождение, дарованное Мэнсону 8 мая 1954 года. Ему было девятнадцать лет.

Одним из условий освобождения было то, что Чарльз поселится у дяди и тети в Макмехене. Какое-то время он действительно жил там, но затем, когда его мать переехала в Вилинг, по соседству, он переехал к ней. Казалось, что-то притягивает их друг к другу, но они оба не способны выносить друг дружку сколько-нибудь продолжительное время.

С четырнадцати лет Чарльз Мэнсон имел лишь гомосексуальный опыт половых контактов. Вскоре после освобождения он повстречал семнадцатилетнюю девушку из Макмехена, Розали Джин Уиллис, работавшую медсестрой в местной больнице. Они поженились в январе 1955 года. Чтобы прокормить семью, Мэнсон работал кондуктором автобуса, помощником на станции техобслуживания, служащим автостоянки. Еще он угонял автомобили. Позже он признается в угоне шести транспортных средств. Казалось, жизнь ничему его не научила: по меньшей мере два автомобиля он перегнал за границу штата. Один, угнанный в Вилинге, Западная Виргиния, был брошен Мэнсоном в

Форт-Лодердейле, Флорида. Другой — “меркури” 1951 года выпуска — он привел из Бриджпорта, Огайо, в Лос-Анджелес в июле 1955 года, в компании с забеременевшей женой. Так Мэнсон все-таки оказался в “Золотом штате”. Его арестовали менее трех месяцев спустя, и Чарльз сознался в обоих нарушениях “акта Дайера”.

На слушании дела в федеральном суде Мэнсон признал себя виновным в уgone "меркури" и попросил психиатрической помощи, сказав: “Меня отпустили из Чилликота в 1954-м, и, пробыв в заключении девять лет, я крайне нуждался в лечении у психиатра. Я испытывал сильные умственные затруднения и угнал автомобиль, чтобы постараться освободиться от того сложного состояния рассудка, в котором пребывал”.

Судья постановил провести психиатрическую экспертизу. 26 октября 1955 года Мэнсон был обследован доктором Эдвином МакНилом. Чарльз выдал врачу сильно сокращенную версию своего прошлого, заявив, что впервые попал в исправительное учреждение из-за того, что “был груб с матерью”. О своей жене Мэнсон сказал: “Она — лучшая жена, о которой можно мечтать. Я не понимал, насколько она хороша, пока не попал сюда. Колотил ее иногда. Она постоянно пишет мне письма. У нее скоро будет ребенок”.

Мэнсон также сказал МакНилу, что “провел в исправительных учреждениях столько времени, что так и не успел выяснить подлинного смысла “настоящей жизни на свободе, безо всяких решеток”. Он говорит, что теперь, когда у него появилась жена и он сам вскоре станет отцом, для него стало крайне важно оставаться на свободе, с женой. Он говорит, жена — единственный человек в его жизни, который ему небезразличен”.

Далее доктор МакНил заключает: “Очевидно, что личность его крайне нестабильна и что влияние окружающей среды на обследуемого было отрицательным на протяжении всей его жизни... По моему мнению, юноша лишь с небольшой долей риска может быть освобожден условно; с другой стороны, девять лет в местах заключения, очевидно, принесли ему мало пользы, кроме изъятия из привычного окружения. С женой и вероятным отцовством в качестве стимула он, возможно, сумеет выправиться. Таким образом, в данном случае я рекомендовал бы, со всем уважением к суду, рассмотреть возможность условного освобождения подсудимого — при

обязательном и тщательном наблюдении”. Приняв рекомендацию, 7 ноября 1955 года суд приговорил Мэнсона к пяти годам условно.

Оставалось лишь обвинение в угоне автомобиля, найденного во Флориде. Шансы Мэнсона на условный срок были весьма высоки, но он исчез, не дожидаясь слушания, и был объявлен в розыск. 14 марта 1956 года Чарльз был арестован в Индианаполисе и возвращен в Лос-Анджелес. Условное наказание превратилось в реальное, и Мэнсона приговорили к трем годам лишения свободы — в тюрьме “Терминал Айленд”, в Сан-Педро, Калифорния. К моменту рождения Чарльза Мэнсона-младшего Мэн-сон-старший вновь оказался за решеткой.

“Этот заключенный, вне всякого сомнения, вскоре окажется вовлечен в серьезные неприятности, — написал офицер, курировавший Мэнсона. — Он молод, невысок ростом, имеет схожие с детскими черты лица и совершенно не способен контролировать себя...”

Пройдя новую серию всевозможных тестов, Мэнсон показал средние результаты во всех категориях за исключением “значения слов”, где добился высшей оценки. Его IQ составил уже 121 пункт. Когда дело дошло до приписки к рабочему месту, Мэнсон проявил изрядную долю трезвой самооценки, попросив “дать ему работу в небольшом помещении с не слишком большим количеством других работников. Он заявил, что, находясь в толпе, имеет склонность к нервным срывам и нарушениям дисциплины...”

Розали переехала к его матери, уже жившей в Лос-Анджелесе, и на протяжении первого года заключения Мэнсона в “Терминал Айленд” навещала его каждую неделю; мать делала это немногим реже. “Рабочие навыки и отношение к персоналу тюрьмы варьируются у Мэнсона от хороших до удовлетворительных,

— отмечает “рапорт об исправлении”, составленный в марте 1957 года. — Тем не менее по мере приближения даты слушания о досрочном освобождении, оценка его работы подпрыгнула с отметки “хорошо” до отметки “отлично”, что говорит о его способности при желании добиваться успеха в отношении приспособления к режиму”.

Слушание было назначено на 22 апреля. В марте визиты жены прекратились. От матери Мэнсон узнал, что Розали живет теперь с другим мужчиной. В начале апреля Чарльза перевели в блок береговой охраны, с минимальными средствами изоляции.

10 апреля одетого в гражданское Мэнсона застали на парковочной площадке блока при попытке соединить провода зажигания одной из машин. Обвиненный в попытке побега, Мэнсон признал себя виновным и получил пять лишних лет условного заключения в конце нынешнего срока. 22 апреля его просьба об освобождении была отклонена.

Вскоре после этого Розали подала на развод и в 1958 году перестала быть женой Чарльза Мэнсона. Она получила право на опеку над Чарльзом Мэнсоном-младшим, вновь вышла замуж и с тех пор не имела никаких контактов ни с самим Мэнсоном, ни с его матерью.

Ежегодный рапорт (апрель 1958 года): результаты работы “разнятся от случая к случаю”, поведение продолжает оставаться “неустойчивым”. Рапорт отмечает, что всякий, кто подходит к Мэнсону “потрепаться”, вскоре отворачивается, получив отпор. “Так, он был избран из числа других претендентов для посещения текущих семинаров по методике Дейла Карнеги, поскольку работники тюрьмы посчитали, что данный курс может оказаться эффективен в его случае, а Мэнсон выказывал страстное желание посещать его. Посетив несколько занятий и, очевидно, весьма преуспев в них, он тем не менее бросил курсы в порыве раздражения и с тех пор не принимает участие в образовательных программах”.

Рапорт говорит о Мэнсоне как о “почти классическом примере заключенного, прошедшего немало времени в местах лишения свободы... Его случай крайне сложен, и с какой-либо долей уверенности определить будущий уровень его адаптации попросту невозможно”.

Он вышел на свободу 30 сентября 1958 года с еще пятью годами условного заключения.

К ноябрю Мэнсон нашел себе новое занятие: сутенерство. Его наставником стал некто +Фрэнк Питерс, бармен из Малибу, у которого Чарльз остановился.

Мэнсон и не подозревал, что находится под пристальным вниманием ФБР с того самого момента, как он вышел из тюремных ворот. Федеральные агенты, разыскивавшие некогда жившую у Питерса девушку-беглянку, поведали наблюдавшему за Мэнсоном офицеру о том, что “лучший товар” Чарльза представляла собой шестнадцатилетняя Джуди, которую тот самолично “втянул в бизнес”; дополнительные средства ему доставались от Толстушки Фло,

непривлекательной девицы из Пасадены, жившей с хорошо обеспеченными родителями.

Офицер пригласил Мэнсона на собеседование. Тот отрицал, что занимается сутенерством; сказал, что больше не живет у Питерса; обещал больше не встречаться с Джуди, но заявил, что желал бы продолжить свои отношения с Фло, “ради денег и секса”. В конце концов, заявил Мэнсон, “я слишком долго не бывал на воле”. После беседы с ним офицер написал в рапорте: “Условное освобождение крайне мало повлияло на Мэнсона, и мне представляется, что уже в скором будущем его ждут дальнейшие неприятности”.

1 мая 1959 года Мэнсон был арестован при попытке расплатиться поддельным чеком Государственной казны США (на сумму в 37 долларов 50 центов) в “Ральфзе”, лос-анджелесском супермаркете. По словам задержавших его офицеров, Мэнсон заявил им, что выкрал чек из чужого почтового ящика. Еще два федеральных правонарушения.

ДПЛА препоручил Мэнсона агентам секретной службы для допроса, вслед за чем произошел досадный инцидент. “К несчастью, — гласит рапорт, — чек был утрачен агентами; они считают, что подозреваемый поднял его со стола и проглотил, едва они на мгновение повернулись к нему спиной”. Впрочем, обвинения были уже предъявлены.

В середине июня к присматривавшему за Мэнсоном офицеру явилась девятнадцатилетняя красавица по имени Леона, сказавшая ему, что она беременна от Чарли. Офицер проявил здоровый скептицизм и пожелал увидеть медицинскую справку. Кроме того, он занялся окружением Леоны.

С помощью адвоката Мэнсон добился заключения договора: если в суде он признает себя виновным в подделке чека, обвинение в краже почты будет с него снято. Судья потребовал психиатрического освидетельствования, и доктор МакНил вторично встретился с Мэнсоном.

Когда Чарльз Мэнсон предстал перед судом (28 сентября 1959 года), доктор МакНил, адвокатский офис и Департамент условного заключения *единогласно* рекомендовали отправить Мэнсона в тюрьму. Им возражала Леона, со слезами на глазах отстаивавшая свободу Мэнсона. Они любят друг друга, услышал судья, и непременно поженятся, если Чарли будет освобожден. Уже было доказано, что

Леона лгала о своей беременности, к тому же она сама (под именем Кэнди Стивенс) имела длинный список арестов за проституцию, но, тронутый ее мольбой и обещанием Мэнсона исправиться, судья приговорил подсудимого к десяти годам лишения свободы, назначил отсрочку исполнения приговора и отпустил Мэнсона на поруки.

Мэнсон же вернулся к сутенерству и к нарушению федеральных законов.

К декабрю он уже дважды был арестован сотрудниками ДПЛА за участие в сообщничестве с целью угона автомобилей и за использование краденых кредитных карт. Оба обвинения были отклонены из-за отсутствия достаточных улик. В том же месяце он отвез Леону / Кэнди и еще одну девушку по имени Элизабет из Нидлза, Калифорния, в Лордсбург, Нью-Мехико, тем самым нарушив еще один федеральный закон, “акт Манна”.

Мэнсона задержали, допросили и освободили, оставив у него впечатление, то он легко отделался. Тем не менее он скорее всего подозревал, что следствие продолжается. Он действительно женился на Леоне — вероятно, чтобы на суде она не дала показаний против него, — но не считал нужным сообщить об этом надзирававшему за ним офицеру. И оставался на свободе весь январь 1960 года, пока ФБР собирало против него улики.

В конце февраля офицера, следившего за условным освобождением Мэнсона, посетил прибывший из Детройта +Ральф Сэмюэлс, взбешенный отец. Его дочь, некая +Джоанна девятнадцати лет, прибыла в Калифорнию по объявлению о наборе девушек в школу стюардесс — для того лишь, чтобы выяснить (после уплаты за обучение), что никакой школы не существует. Впрочем, у нее оставались 700 долларов сбережений, и вместе с еще одной разочарованной ученицей, +Бет Белдон, они сняли жилье в Голливуде. Где-то в ноябре 1959 года Джоанна имела несчастье познакомиться с Чарльзом Мэнсоном, представившимся (вкуче с отпечатанной визиткой) “президентом “ТриСтар энтерпрайзес”: ночные клубы, производство радио- и телевизионных программ”. Мэнсон уговорил ее вложить сбережения в его несуществующую компанию; напичкал наркотиками и изнасиловал ее соседку; сама Джоанна была беременна

от него. Беременность оказалась внематочной; зародыш развился в одной из фаллопиевых труб, и девушка едва не погибла.

Однако офицер мог предложить рассерженному не на шутку Сэмюэлсу немногим больше простого сочувствия: Чарльз Мэнсон скрылся в неизвестном направлении. Его объявили в розыск, и 28 апреля большое федеральное жюри обвинило его в нарушении “акта Манна”. Арестовали Мэнсона 1 июня в Ларедо, штат Техас, когда полицейские задержали одну из его девиц за проституцию, — и вслед за этим, 23 июня 1960 года, переправили обратно в Лос-Анджелес, где суд признал, что Мэнсон нарушил условия условного заключения, и вернул его в тюрьму еще на десять лет. Судья отметил: “Если когда-либо существовал человек, совершенно не способный исполнять требования условного освобождения, то вот он, перед нами”. Это был тот же судья, что даровал Мэнсону условный срок в сентябре прошлого года.

Обвинение в нарушении “акта Манна” позднее было снято. Целый год Мэнсон оставался в окружной тюрьме Лос-Анджелеса, подавая прошения об отмене приговора. Однако наказание осталось в силе, и в июле 1961 года Чарли перевели в Государственное исправительное учреждение на острове МакНейл, в штате Вашингтон. Мэнсону было двадцать шесть.

По оценке персонала тюрьмы, Мэнсон проявил склонность к лицедейству: “Он прячет свое одиночество, обиду и враждебность за фасадом напускного дружелюбия... Это энергичный человек с юношеским лицом, чья речь течет вполне плавно, жесты выразительны; он способен достаточно эффектно подать себя, чтобы удерживать внимание слушателей”. Затем идет утверждение, которое, в той или иной форме, будет часто повторяться в тюремных отчетах и, гораздо позднее, в его собственных признаниях: “По его мнению, места лишения свободы стали для него привычным образом жизни, и здесь им овладевает то чувство безопасности, которого он не может достичь во внешнем мире”.

Мэнсон определил свои религиозные убеждения как “сайентологию”, заметив, что он “никогда не придерживался конкретной религиозной формулы в своих убеждениях и в настоящее время ищет ответы на свои вопросы в рамках нового культа психического здоровья, известного как сайентология”.

Сайентология — продолжение дианетики, изобретенной автором научно-фантастических произведений Л. Роном Хаббардом, — как раз входила в моду. Учителем Мэнсона, так называемым одитором”, был другой заключенный, Ланье Рейнер. Позднее Мэнсон заявит, что достиг в тюрьме наивысшего уровня сайентологического знания — “тетан-чистоты”^[102].

Хотя Мэнсон куда дольше интересовался сайентологией, чем любым другим предметом (за исключением музыки), очевидно, что, как и в случае с курсом Дейла Карнеги, он испытывал интерес лишь пока его не покидал энтузиазм, — а затем все бросил, извлекая и оставив при себе определенное количество терминов и фраз (“одитинг”, “выживание”, “приближение к Теперь”), а также некоторые концепции (карма, реинкарнация и т. д.), в свою очередь заимствованные из других источников и самой сайентологией.

Когда в сентябре на Мэнсона был составлен ежегодный “рапорт об исправлении”, он все еще интересовался сайентологией. Более того, этот интерес “привел его к полупрофессиональной оценке собственной личности, которая, как это ни странно, во многом сходна с оценками, сделанными во время предыдущих социальных исследований. Похоже, во время занятий этой дисциплиной он развил определенную способность к углублению в собственные проблемы. Впервые в жизни Мэнсон действительно начал исправляться”.

В том же рапорте говорится также, что Мэнсон активно занимается “софтболом, баскетболом и крокетом”, является “членом драматического клуба и группы самосовершенствования”. Он также “стал чуть ли не фанатиком, без усталости практикуясь в игре на гитаре”^[103].

Мэнсон был занят довольно ответственной работой одиннадцать месяцев подряд — дольше, чем задерживался на любом другом рабочем месте в тюрьмах, — когда в его камере нашли контрабанду и приписали Мэнсона к штату уборщиков.

В том сентябре ежегодный рапорт обратил более пристальный и строгий взгляд на двадцативосьмилетнего заключенного:

“Чарльз Мэнсон имеет сильнейшее стремление к обращению на себя внимания. В целом он не способен добиться желаемого результата в положительных поступках и для удовлетворения этой потребности часто оказывается вынужден прибегать к отрицательным действиям.

Стремясь “найти” себя, Мэнсон внимательно изучает различные религиозно-философские учения, в т. ч. сайентологию и буддизм; впрочем, он слишком быстро теряет к ним интерес, чтобы получить конкретную выгоду от их изучения. Даже эти его попытки, равно как и просьбы о помощи, представляют собой то же стремление к обращению на себя внимания и имеют лишь поверхностный, неглубокий смысл. В течение описываемого периода Мэнсон пользовался большим вниманием сотрудников тюрьмы, чем прежде, но в поведении выказал лишь незначительное улучшение. Ввиду его глубоко укорененных личностных проблем... рекомендуется и далее вести исправительную работу с ним в условиях изоляции”.

1 октября 1963 года руководство тюрьмы известили, “в соответствии с полученным постановлением суда, что Мэнсон был женат на Леоне Мэнсон, и этот его брак, заключенный в 1959 году в штате Калифорния, ныне расторгнут ввиду развода 10 апреля 1963 года в Денвере, штат Колорадо, на почве психического насилия над супругой и обвинения в уголовном преступлении. Данный союз предположительно привел к рождению единственного ребенка, Чарльза Лютера Мэнсона”.

В папке с личным делом Мэнсона это — единственное упоминание о втором браке и о втором сыне.

Ежегодный рапорт за 1964 год констатировал отсутствие нарушений со стороны Мэнсона, но не содержал практически никакого иного повода для оптимизма. “Его нестабильное отношение к работе остается прежним... кажется, он имеет ярко выраженное стремление привлекать к себе внимание... остается эмоционально неуравновешенным и постоянно проявляет фанатичный интерес к различным областям”.

Эти “фанатичные интересы” никак не расшифровываются в тюремных отчетах, но о нескольких из них мы можем говорить вполне уверенно. В придачу к сайентологии и гитаре, у Мэнсона появилось новое, уже третье, увлечение. В январе 1964 года песенка “Я хочу держать тебя за руку” заняла 1-е место в национальном хит-параде США. С появлением в Нью-Йорке “четверки ливерпульских парней” в следующем месяце Соединенные Штаты пережили (позднее, чем Великобритания, но с не меньшей интенсивностью) феномен, известный как “битломания”. По мнению бывших заключенных с

острова МакНейл, интерес Мэнсона к “The Beatles” был почти что навязчивой идеей. Из этого вовсе не обязательно следует, что Чарльз стал фанатом ливерпульской четверки. В его реакции на всемирную славу “The Beatles” было заметное количество ревности. Мэнсон многим говорил, что, будь у него хоть один шанс, он смог бы прославиться ничуть не хуже, чем “The Beatles”. Одним из тех, кто слышал это, был Элвин Каприс, единственный выживший после уничтожения банды “мамаши Баркер”. Мэнсон крепко подружился со стареющим гангстером, когда узнал, что тот умеет играть на гавайской гитаре. Каприс показал Мэнсону, как это делается. И вновь та же система: Мэнсон умудрялся приобрести что-нибудь у каждого, с кем только ни сталкивался.

Май 1966 года: “Мэнсон по-прежнему не допускает нарушений... В последнее время весь свой досуг он посвящает сочинению песен, которых за прошедший год уже набралось 80 или 90 и которые надеется продать сразу после освобождения... Он также играет на гитаре и на ударных инструментах, собирается найти постоянную работу в качестве гитариста, барабанщика или певца...”

В момент перехода из исправительного учреждения в открытый мир он, вне сомнения, будет сильно нуждаться в помощи извне”.

В июне Чарльз Мэнсон вернулся в “Терминал Айленд”, чтобы получить освобождение.

Август 1966 года: “Десятилетний срок заключения Мэнсона завершается. Имеющаяся у Чарльза модель криминального поведения сложилась еще в бытность его подростком. Данная модель отличается нестабильностью — как в условиях свободного общества, так и при ограниченной свободе содержания в исправительных учреждениях. Не приходится ждать большого прогресса в его позиции, поведении или образе действий...” Этот последний рапорт отмечал, что Мэнсон не имеет более интереса к академическому или профессиональному образованию; что он более не склонен пропагандировать сайентологию; что “он стал фанатичным поклонником своей гитары и своей музыки”, и наконец, “он не имеет никаких дальнейших планов, поскольку, по его собственным словам, ему некуда идти”.

В то утро, когда Чарльз Мэнсон должен был выйти на свободу, он обратился к тюремному начальству с просьбой позволить ему остаться

в заключении. Тюрьма стала ему домом, заявил он. Мэнсон опасался, что не сумеет приспособиться к миру, ждущему его за стенами тюрьмы.

В удовлетворении просьбы было отказано. В 8:15 утра 21 марта 1967 года Мэнсон был отпущен на свободу и получил билет до Лос-Анджелеса. В тот же день он попросил и получил разрешение отправиться в Сан-Франциско. Там, в районе Хейт-Эшбери, весной 1967 года родилась “Семья”.

Чарльзу Мэнсону было тридцать два года. Более семнадцати из них — более половины своей жизни! — он провел в местах лишения свободы. За все семнадцать лет он лишь трижды обследовался психиатром, да и то весьма поверхностно.

Изучая папки Чарльза Мэнсона, я был удивлен, не обнаружив там непрерывной истории насилия; вооруженное ограбление в тринадцать, гомосексуальное изнасилование в семнадцать, избиение жены в двадцать, — и все. Кроме того, я был просто потрясен количеством совершенных им федеральных преступлений. Вполне возможно, девяносто девять из каждой сотни преступников в жизни своей не видели изнутри зала федерального суда. И все же Мэнсон, которого описывали как преступника с богатым криминальным опытом, нарушает “акт Дайера”, “акт Манна”, крадет почту, подделывает правительственный чек и т. д. Будь Мэнсон осужден за подобные преступления судом штата, он, вероятно, провел бы в заключении *менее пяти лет* — вместо семнадцати с лишком!

Почему? Мне оставалось лишь строить предположения. Возможно, как Мэнсон и уверял перед освобождением из “Терминал Айленд”, тюрьма заменила ему дом и семью. Возможно также, что — сознательно или подсознательно — он совершал лишь те преступления, которые влекли за собой наиболее суровые наказания. Третий вариант (и я не пренебрегал возможностью, что место имела комбинация всех трех) заключался в одолевавшем Мэнсона стремлении, почти необходимости, снова и снова бросать вызов своему наиболее могущественному противнику — государству как таковому.

Я по-прежнему был далек от того, чтобы понять Чарльза Мэнсона. Во всех этих бумагах я видел повторяющиеся схемы, которые могли бы объяснить будущие действия Мэнсона, — но мне многого не хватало.

Грабитель, угонщик, изготовитель фальшивок, сутенер — неужели это портрет маньяка-убийцы?

У меня появилось еще больше вопросов, чем ответов. И пока что — ни единой зацепки, которая привела бы меня к мотиву случившегося.

24–26 ноября 1969 года

Лейтенанты Хелдер и Лепаж, как и прежде, вели следствие по делам Тейт и Лабианка, но их назначение носило скорее юридический, нежели оперативный характер. Изначально к этим двум делам было приписано девятнадцать следователей; теперь же их число урезали до шести. Более того, по некоей загадочной причине убийство четы Лабианка (двое погибших) расследовали четверо сержантов полиции: Филип Сартучи, Майк Нильсен, Мануэль “Чик” Гутиэрес и Фрэнк Патчетт, тогда как убийствами на Сизло-драйв (пятеро погибших) занимались всего двое: сержанты Роберт Калкинс и Майк Макганн.

Я вызвал обоих на совещание и продиктовал список неотложных, на мой взгляд, дел:

Поговорить с Терри Мельчером.

Сравнить отпечатки пальцев всех известных членов Семьи с теми двадцатью двумя неидентифицированными оттисками, что были сняты на Сизло-драйв, 10050.

Объявить в федеральный розыск Чарльза “Текса” Монтгомери, воспользовавшись при этом описанием его внешности, составленным помощником шерифа округа Инио 21 августа 1969 года: “Мужчина / белый / 6 футов / 145 фунтов / стройное телосложение / здоровый цвет лица / род. 2 декабря 1945 г.”. Если нам не удастся арестовать его прежде, чем мы обнаружим все улики, сказал я сержантам, возможно, мы так никогда и не найдем его.

Показать фотографии всех и каждого участника “Семьи” Чепмен, Гарретсону, садовникам Тейт, семьям, друзьям, деловым партнерам погибших. Если между жертвами и убийцами существовала какая-то связь, я хотел знать о ней.

Проверить всю “Семью” на ношение очков и выяснить, не принадлежит ли пара, найденная на месте убийства Тейт, кому-либо из участников “Семьи”.

“Как, интересно, мы это сделаем? — спросил Калкинс. — Они ни за что не признаются”.

“Думаю, можно поговорить с их знакомыми, родителями, родственниками, с любыми членами “Семьи” вроде Китти Лютсингер и Стефани Шрам, кто согласится сотрудничать, — сказал я ему. — Если вы сумели опросить каждого глазного врача в Соединенных Штатах и Канаде, вы наверняка справитесь еще с тридцатью пятью свидетелями”.

Таким было наше первичное представление о численности “Семьи”. Позже мы выяснили, что временами в группу входило по сотне человек, а то и более. Ее “костяк” — то есть те, кто находился в “Семье” постоянно и был осведомлен о текущих делах, — составлял приблизительно двадцать пять или тридцать человек.

Тут меня осенила еще одна мысль.

“Вы ведь *проверяли*, принадлежат ли очки Гарретсону?”

Сержанты не были уверены. Они посмотрят и сообщат мне потом.

Позднее обнаружится: даже хотя Гарретсон был первым (и на какое-то время *единственным*) подозреваемым в убийствах на Сиэло-драйв, никому и в голову не пришло, что очки — *единственная* важная улика, найденная в доме! — могут принадлежать ему. Гарретсона даже не спросили, носит ли он очки. Как выяснилось теперь, иногда носил. Я узнал об этом, поговорив с его адвокатом, Барри Тарлоу. В итоге мне удалось заставить ДПЛА связаться с полицейским участком в городке Ланкастер, штат Огайо, откуда Гарретсон был родом и куда вернулся вслед за освобождением, и те выяснили у его окулиста, какие именно очки мог носить юноша. Ничего похожего.

Лично я не считал, что Гарретсон замешан в преступлении; все собранные материалы говорили об обратном, — но я также не хотел, чтобы в разгаре процесса адвокат защиты пальцем (или, скорее, парой очков) указал суду на улику, подразумевающую возможное присутствие на месте преступления какого-то другого подозреваемого.

Мне также очень хотелось выяснить, кому же все-таки принадлежали очки.

После того как Калкинс с Макганном вышли, я связался со следователями по “делу Лабиапка” и дал им сходные инструкции насчет фотографий и отпечатков на Вейверли-драйв.

Пятеро из девушек Мэнсона все еще находились в тюрьме Индепенденса. ДПЛА решил доставить их в Лос-Анджелес для индивидуального допроса. Все они попадут в “Сибил Бранд”, но с указанием “содержать отдельно” для каждой. То есть они не смогут контактировать друг с дружкой или с другими заключенными, находящимися под особым “присмотром” ДПЛА, — например, со Сьюзен Аткинс.

Это был удачный ход со стороны ДПЛА. Еще оставался шанс, что в одиночестве кто-то из девушек разговорится.

Тем вечером телевизионный комментатор Джордж Путнем удивил зрителей объявлением, что в среду он откроет тайну, кто все-таки убил Тейт. Наш офис попросил ДПЛА, имевший своего пресс-секретаря — лейтенанта Хагена, связаться с Путнемом и другими репортерами и попросить их “придержаться” новости, поскольку сейчас они могли бы повредить следствию. Все газеты, новостные агентства, радио- и телевизионные станции любезно согласились не предавать огласке сенсационные факты

— но продержались лишь до понедельника, 1 декабря. Сенсация была слишком велика, и каждый опасался, что конкуренты сорвут весь куш.

В прессу вновь просочились “закрытые” сведения. Впрочем, далеко не в последний раз.

Во вторник, 25 числа, мне позвонил окружной прокурор Инио, Фрэнк Фоулз, и мы обменялись с ним кое-какими сведениями.

Фоулз сказал мне, что Сандра Гуд вновь оплошала, заговорив при “посторонних”. Она заявила другой участнице “Семьи”, что Чарли намерен представить полицейским алиби. Если они вздумают судить его за убийства Тейт — Лабианка, “Семья” предъявит доказательства того, что Мэнсона даже не было в Лос-Анджелесе во время убийств.

Я поведал Фоулзу о дошедших до меня слухах. Как доложил мне Макганн, полицейский осведомитель в Лас-Вегасе сообщил ему, что там видели Чарльза “Текса” Монтгомери и Брюса Дэвиса, разъезжавших по городу в зеленом “фольксвагене”. Вроде бы они сказали кому-то, что пытались собрать деньги, необходимые для освобождения Мэнсона под залог; не сумев найти нужной суммы, они намеревались убить кого-то.

Фоулз слышал о похожих разговорах между девицами Мэнсона. И воспринял их достаточно серьезно, чтобы отослать собственную семью из округа Инио на праздники по случаю Дня благодарения. Сам он, однако, остался на посту, готовый к пресечению любых попыток “выкупить” Мэнсона.

Повесив трубку, я тут же вызвал к себе Патчетта и Гутиэреса из следовательской группы по “делу Лабианка” и попросил их составить детальный отчет о действиях Мэнсона в неделю убийств. В отличие от следователей по делу “Тейт” они не стали уточнять, как им это сделать. Они просто пошли и сделали это, предоставив мне факты, которые, вкупе с уже известной нам информацией, были способны разнести вдребезги любые разговоры об алиби.

Тем вечером Макганн и Патчетт вновь беседовали с Ронни Ховард, на сей раз записывая разговор на магнитофон. Она вспомнила некоторые детали, прежде не упоминавшиеся во время бесед с сотрудниками ДПЛА, но в текущем расследовании эти сведения ничем не могли помочь. Мы по-прежнему не знали точно, кто убийцы и сколько их было.

26 ноября, среда. “Натрави присяжных на Бьюсолейла! — прокричал один из заместителей окружного прокурора у двери моего кабинета. — Ставлю восемь против четырех за осуждение”.

Дело было настолько слабым, что наш обвинитель не требовал смертного приговора. Кроме того, присяжные не поверили словам Дэнни ДеКарло. Давший показания в последнюю минуту, без необходимой подготовки, наш свидетель выглядел неубедительно.

Позднее в тот же день ОШЛА поинтересовался, не приму ли я на себя обязанности прокурора в новом процессе над Бьюсолейлом, — и я принял это дело, прибавив его к тем двум, которыми уже занимался.

Утром того же дня Виржиния Грэхем решила, что должна рассказать кому-то о том, что знает. Несколькими днями прежде в “Короне” ее навестил муж. Шепча сквозь проводочный экран в комнате для посетителей, она сказала ему, что слыхала кое-что об убийствах в каньоне Бенедикта и не знает, что предпринять.

“Не суйся не в свое дело”, — посоветовал муж.

Позже Виржиния скажет: “Я много чего вижу и еще ни на кого не доносила, но это уж слишком. Это такой кошмар, что я не представляю, как можно не соваться в чужое дело в такой ситуации” [\[104\]](#).

Так и не сумев добиться встречи с доктором Дрейзер, Виржиния обратилась к своему адвокату. Руководство “Короны” позвонило в ДПЛА, и уже в 15:30 сержант Нильсен появился в тюрьме и приступил к записи ее показаний.

В отличие от Ронни, не помнившей точно, сколько человек — четверо или пятеро — вовлечены в убийства на Сиэло-драйв, Виржиния вспомнила слова Сэди о том, что там были три девушки и один мужчина. Впрочем, как и Ронни, она решила, что мужчиной, “Чарльзом”, был сам Мэнсон.

Индивидуальные допросы девушек в “Сибил Бранд” заняли всю вторую половину дня.

Сержант Мануэль “Чик” Гутиэрес беседовал с Дайанной Блюстайн, она же Змея, *н/и* Дайанна Лейк, 21 год (настоящий возраст — 16 лет). Разговор записывался, и, прокручивая эту запись впоследствии, я не верил собственным ушам.

В.: “Меня зовут сержант Гутиэрес, я работаю в отделе убийств Департамента полиции Лос-Анджелеса... Я уже говорил с несколькими девушками. Они отличные собеседницы, и мы с ними долго-долго болтали о том о сем. Мы уже знаем о многом, что творилось у Спана. И в других местах тоже. Мы знаем, кто принимал, а кто не принимал в этом участие. Нам также известны такие вещи, которых ты, возможно, не знаешь и сама, но о которых мы тебе не скажем, пока не придет время; нам надо пообщаться со всеми, кто участвовал... сама знаешь, в чем. Я говорю про Чарли, про “Семью”, про всех вас. Не знаю, насколько тесно ты сама связана с “Семьей”. Может, очень даже тесно, но кому-то придется дойти до самого конца, кто-то обязательно получит горькую пилюлю в газовой камере за целую кучу убийств, в которых участвовала и ты сама; мне об этом уже нашептал кое-кто”.

У нас не было ни малейших улик, привязывавших Дайанну к каким-либо убийствам, но Чика это ничуть не смущало.

“Короче, я явился сюда с конкретной целью — послушать тебя, чтобы потом пойти к окружному прокурору и сказать ему: “Знаешь, мне об этом говорила Дайанна, и она хочет принять нашу сторону на суде,

если мы ее потом отпустим”. Мы ведь не жаждем твоей крови. Нас интересует тот большой парень, и ты знаешь, о ком это я говорю, верно, милая? ”

О. *(неразборчиво)*.

В.: “Ну, кто-то же должен отправиться в газовую камеру, сама понимаешь. Это попросту слишком круто. Это убийство века; ты это знаешь, и я это знаю. В общем, чтобы защитить себя от приговора, чтобы не провести остаток жизни за решеткой, тебе придется отвечать на мои вопросы... Пока что мы знаем о четырнадцати убийствах, ты меня понимаешь?”

О. *(неразборчиво)*.

Гутиэрес обвинил Дайанну во всех четырнадцати сразу. Затем сказал: “Я готов предоставить тебе полную неприкосновенность; если ты поведешь со мной честную игру, я тоже буду честен, и обещаю, что ты выйдешь отсюда свободной женщиной, готовой начать все сначала, и тебе не придется возвращаться в Индепенденс и коротать время за решеткой. Я бы не говорил такого, если б не был с тобой откровенен, верно?”

На самом же деле сержант Гутиэрес не имел полномочий делать подследственным подобные предложения. Гарантия неприкосновенности — достаточно сложная процедура, требующая согласия не только Департамента полиции, но и Офиса окружного прокурора, тогда как окончательное решение будет принято судом. Гутиэрес же предлагал неприкосновенность с такой легкостью, словно это была пластинка жевательной резинки, не более.

Молчание, бывшее ему ответом, Гутиэрес прервал первым: “Ну, и что ты хочешь этим доказать, а? Единственное, что ты мне сейчас доказываешь, моя милая, — это то, что сидишь тут и, черт возьми, будешь сидеть и дальше, высунув наружу один только нос. Стараешься ради Чарли. А кто он такой, этот Чарли? Из-за него одного у вас, ребята, большие проблемы. Ты могла бы выйти на свободу и спокойно заниматься своими делами — а вместо этого сидишь тут и молчишь. Ради Чарли? Да он в жизни не выйдет из тюрьмы! Ты это прекрасно понимаешь, разве нет? Неужто я предложил тебе плохие условия? А?”

О.: “Нет”.

В.: “Отлично. И я не собираюсь колотить тебя по башке молотком и все такое прочее. Я всего-то хочу по-дружески с тобой

побеседовать... ”

Гутиэрес говорил с Дайанной почти два часа, мало что выпытав у шестнадцатилетней подследственной — не считая признания в том, что она действительно любит шоколадные батончики.

Позднее Дайанна Лейк станет одним из наиболее значительных свидетелей обвинения. Но это — заслуга властей округа Инио, в особенности заместителей прокурора Гиббенса и Гардинера, вместо угроз прибегнувших к терпеливому, сочувственному пониманию. Вот и вся разница.

Ничего не добившись от Дайанны, Гутиэрес побеседовал затем с Рэйчел Морс, *н/и* Рут Энн Мурхаус, *тик* Уич, восемнадцати лет. Рут Энн — та девушка, которую Дэнни ДеКарло называл “одной из своих любимых”. Та самая Рут, что сказала ему на ранчо Баркера: “Мне не терпится убить свою первую свинью”.

В отличие от Дайанны Рут Энн все же отвечала на вопросы Гутиэреса, хотя большей частью ее ответы были неправдой. Она заявила, что никогда не слышала о Коротышке, Гари Хинмане или какой-то там “Кэти”. Объяснялось это тем, что Уич, по ее словам, провела с “Семьей” совсем немного времени, около месяца, до рейда на ранчо Спана (так говорили все пятеро девушек, явно договорившись заранее).

В.: “Мне нужно знать все, что тебе известно, потому что тебе предстоит давать показания перед большим жюри”.

О.: “Я ничего не знаю”.

В.: “Тогда будешь болтаться на виселице вместе с остальными. Посидишь в тюрьме. Не будешь с нами сотрудничать — попадешь в тюрьму. И давай-ка я расскажу, что тебя ждет. Горькая пилюля может достаться тебе. Горькая пилюля с цианидом может достаться именно тебе”.

О. (*истерический крик*): “Я ничего не сделала! Я ничего об этом не знаю!”

Чуть позже:

В.: “Сколько тебе лет?”

О.: “Восемнадцать”.

В.: “Для газовой камеры ты уже вполне взрослая”.

Ни малейших улик, связывавших Уич с каким-либо из преступлений, не существовало; тем не менее Гутиэрес объявил девушке: “Четырнадцать убийств, и ты виновна в каждом!” Он также пообещал ей полную неприкосновенность (“Либо ты умрешь в тюрьме, либо выйдешь отсюда свободным человеком”) и добавил: “Кроме того, существует награда в 25 тысяч”.

Манон Минетт (*тик* Цыганка, *н/и* Кэтрин Шер), в свои двадцать семь старейшая участница “Семьи”, не дала следствию ничего ценного; молчала и восемнадцатилетняя Бренда Макканн (*н/и* Нэнси Питман).

А вот Лесли Санкстон, двадцати одного года, все же проговорила.

С Лесли, чью настоящую фамилию (Ван Хоутен) мы в то время еще не знали, беседовал Майк Макганн. Он пробовал напирать на ее сознательность, взывал к дочерним чувствам, описывал отвратительные подробности убийств, намекал на то, что остальные заговорили и свалили все на нее, — ничто не работало. Лесли выдала ее собственная хитрость, каприз маленькой девочки, игра “Я-знаю-то-что-не-знаете-вы”. Снова и снова она загоняла себя в собственные ловушки.

В.: “Что ты слышала об убийствах в доме Тейт там, на ранчо?”

О.: “Я глухая. Я вообще ничего не слышу”. (*Смех.*)

В.: “Там, на склоне холма, погибли пятеро. И мне точно известно, что там были трое из вас. Я догадываюсь, что знаю о четвертом. И ничего не знаю о пятом. Но подозреваю, что тебе это известно. Почему же ты не желаешь говорить? Ты ведь знаешь, что произошло”.

О.: “Догадываюсь”.

В.: “Я хочу знать, кто был вовлечен. Как все случилось. Мелкие детали”.

О.: “Я говорила мистеру Патчетту [в Индепенденсе], что расскажу обо всем, если передумаю. Пока не передумала”.

В.: “Когда-нибудь ты обо всем расскажешь”.

О.: “Не сегодня... Как вам вообще удалось выйти на наше ранчо?”

В.: “Кто уезжал с ранчо в ночь на восьмое августа? Ты кого-нибудь видела?”

О. (*смех*): “О, в ту ночь я рано уснула. Правда, я не хочу об этом говорить”.

В.: “Кто лег спать вместе с тобой?”

О.: “Вот как раз об этом я и не хочу говорить”.

Все это были маленькие признания; Лесли не собиралась сотрудничать со следствием, но признала, что ей что-то известно.

Хотя девушка не желала говорить об убийствах, она с удовольствием рассказывала о “Семье”. “Это чудесные люди, других таких не сыщешь, — сказала Лесли Макганну. — Из всех ребят на ранчо больше остальных мне нравился Клем; с ним всегда весело”. Клем, с его идиотском ухмылкой. Сэди была “действительно чудесным человеком. Но она порой ведет себя жестко...” — как пришлось убедиться Шарон Тейт, Гари Хинману и прочим. Лесли продолжала: Брюс Дэвис просто болтун, он постоянно треплется о том, что вот-вот подложит под кого-нибудь динамит, но это все “только разговоры”. Она описала еще нескольких участников группы, но не Чарли. Как и остальные четыре девушки, привезенные из Индепенденса, Лесли избегала упоминать о Мэн-соне.

В.: “Вашей “Семьи” больше нет, Лесли. Чарли в тюрьме; Клем тоже в тюрьме; Зеро совершил самоубийство, играя в “русскую рулетку”...”

О.: “Зеро?!”

Очевидно, шокированная известием, Лесли бросила разыгрывать маленькую девочку и потребовала у Макганна подробностей. Он сказал ей, что при самоубийстве Зеро присутствовал Брюс Дэвис.

О.: “Что, Брюс тоже играл в рулетку?”

В.: “Нет”.

О. (*с сарказмом*): “Зеро играл в “русскую рулетку” сам с собой?”

В.: “Немного странно, правда?”

О.: “Еще как странно!”

Чувствуя смену настроения, Макганн поднажал еще немного. Полиции точно известно, что в доме Шарон Тейт побывали пятеро — трое девушек и двое мужчин, одним из которых был Чарльз Мэнсон собственной персоной.

О.: “Не думаю, что Чарли хоть раз ездил сам”.

Лесли сказала, что слышала, будто на Сизло-драйв ездили лишь четверо. “Я бы сказала, что тремя из них были девушки. Их там было больше, чем парней”. Немного погодя: “Я слыхала об одной девушке, которая никого не убивала, пока они... пока они там были”.

В.: “И кто же она?”

О.: “Ее зовут Линда”.

Рассказывая об убийствах, совершенных во вторую ночь, Сьюзен Аткинс заметила Ронни Ховард: “Линды в тот раз не было”, что, по всей видимости, означало, что Линда была с ними в первую ночь, — но до сих пор мы не были в этом уверены.

В ходе дальнейшего допроса Лесли призналась, что не знает фамилии Линды; что та жила на ранчо Спана недолго и не была арестована со всеми; что Линда невысокая, — может быть, пять футов два дюйма, не более, — худощавая, со светло-русыми волосами.

Макганн спросил, *кто именно* рассказал ей, что Линда ездила с остальными на Сизло-драйв. Лесли раздраженно отвечала: “Да не помню я. Не помню, кто рассказывал мне об этих мелочах!”

Почему она так встревожилась? — спросил девушку Макганн. “Потому что многие мои друзья сыграли в ящик, а я даже не знаю, из-за чего!”

Макганн показал ей снимки, сделанные после рейда на ранчо Баркера. Лесли и сама была запечатлена на некоторых из них, но заявила, что не узнает почти никого. Когда ей показали фото девушки, назвавшейся именем Марии Ривз, Лесли сказала: “Это Кэти”.

В.: “То есть, Кэти — это Марни Ривз?”

Лесли пожала плечами. Нет, она не уверена. Она не настолько близко знакома со всеми этими людьми. Да, они жили все вместе, с остальной “Семьей”, на ранчо у Спана и Баркера, но почти всех она считала мотоциклистами. Отличные ребята.

Макганн вернул беседу в прежнее русло, вновь заговорив об убийствах. Лесли снова принялась играть в свои игры, в процессе делая небольшие признания. Получалось, она знает об одиннадцати убийствах: Хинмана (1), Тейт (5), Лабианка (2) и Шиа (1); всего 9 жертв. Еще двоих Лесли отказалась назвать. Она словно бы вела счет какого-то бейсбольного матча.

В допросе был предусмотрен перерыв. Это обычный полицейский ход — ненадолго оставить подследственного наедине с самим собой, дать ему подумать над своими ответами, предоставить повод для смены “мягкой” формы допроса на более “жесткую”. Кроме того, у офицеров появляется возможность посетить уборную.

Когда Макганн вернулся, он уже принял решение еще немного удивить Лесли.

В.: “Сэди рассказала уже пятнадцати заключенным в тюрьме, что была там, что она принимала в этом участие”.

О.: “Невероятно. — Затем, после глубокомысленной паузы: — Она говорила еще о ком-нибудь?”

В.: “Нет. Кроме Чарли. И Кэти”.

О.: “Сэди назвала их обоих?”

В.: “Точно”.

О.: “Ничего не понимаю”.

В.: “Она сказала, что с ними была Кэти, и я уже знаю, что это Марни Ривз, и ты тоже это знаешь”.

В этот момент, как позднее сказал мне Макганн, Лесли утвердительно кивнула.

В.: “Сэди еще сказала: “Я поехала на следующую ночь и убила еще двоих, там, в холмах””.

О.: “*Так и сказала?*”

Лесли была потрясена. И у нее была веская причина. Мы еще даже не догадывались, в то время как Лесли знала точно: Сьюзен Аткинс ни разу не пересекала порога дома Лабианка. Потому что там побывала сама Лесли.

После этого Лесли отказалась отвечать на любые дальнейшие вопросы. Макганн спросил почему.

О.: “Если Зеро играл в “русскую рулетку”, я не хочу сама в нее сыграть!”

В.: “Мы предоставим тебе круглосуточную охрану с этого самого момента”.

О. (*саркастический смех*): “Просто замечательно! Нет уж, я лучше посижу в тюрьме”.

От Лесли мы узнали, что в доме Шарон Тейт побывали три девушки: Сэди, Кэти и Линда. Мы узнали также, что Линда была “девушкой, которая никого не убивала”, из чего следовал простой вывод: две другие — убийцы. Впрочем, кроме весьма беглого описания внешности, мы ничего о Линде не знали.

Еще мы выяснили, что девушка, назвавшаяся Марни Ривз, была Кэти. Из заполненных в момент ареста бланков следовало, что рост ее

составлял пять футов шесть дюймов, вес — 120 фунтов, волосы были коричневыми, а глаза — голубыми. На фотографиях — не слишком привлекательная девушка с очень длинными волосами и чуточку мужеподобным лицом. Кэти выглядела старше двадцати двух лет — названного ею возраста. После сравнения фотографий, сделанных на ранчо Баркера и Спана, выяснилось, что она арестовывалась и прежде, только тогда назвалась Мэри Энн Скотт. Вполне возможно, что все три имени — Кэти, Марни Ривз и Мэри Энн Скотт — представляли собою клички. Кэти освободили через несколько дней после ее ареста на ранчо Баркера, и ее нынешнее местонахождение было неизвестно.

В свою очередь, Лесли тоже кое-что узнала от Макганна: Текс, Кэти и Линда все еще на свободе; и главное — стукачкой была Сьюзен Аткинс, она же Сэди Мэй Глютц.

Даже изоляционные меры, примененные к девушкам, не помешали этим сведениям уже очень скоро достичь ушей Мэнсона.

27–30 ноября 1969 года

Мы могли бы наладить собственную телефонную линию между Индепенденсом и Лос-Анджелесом: в среднем мы с Фоулзом созванивались по дюжине раз в день. Пока что никаких попыток заплатить залог для освобождения Мэнсона; никаких признаков Текса или Брюса. Однако репортеры уже запрудили весь Индепенденс, и телеканал “Кей-Эн-Экс-Ти” на завтра высылал группу для съемок в окрестностях балки Голара. Лейтенант Хаген связался с ними по моей просьбе. Ему ответили, что не планируют демонстрировать этот материал до понедельника, 1 декабря, но не смогли пообещать подождать до среды, чего я и опасался.

В печать еще ничего не попало, но кое-какие утечки уже произошли. Шеф полиции Дэвис был взбешен; он собирался поведать о новостях самолично. Кто-то не держал язык за зубами, и Дэвис собирался выяснить кто. Вознамерившись поймать виновника, он предложил каждому, кто работал над делом в ДПЛА и в Офисе окружного прокурора, пройти через детектор лжи.

Даже его собственные подчиненные никак не прореагировали на это предложение — я же едва удержался от встречного: дать всем этим людям сосредоточиться на поимке убийц.

В субботу сержант Патчетт говорил с Греггом Джекобсоном. Находящийся в непрерывном поиске молодых дарований, женатый на дочери полузабытого ныне комика Лу Костелло, Джекобсон познакомился с Чарльзом Мэнсоном где-то в мае 1968 года, в расположенном на бульваре Сансет доме Денниса Уилсона, музыканта из рок-группы “The Beach Boys”.

Это Джекобсон представил Мэнсона Терри Мельчеру, сыну Дорис Дэй, все еще жившему тогда в доме 10050 по Сизло-драйв. Кроме продюсирования телешоу матери, Мельчер занимался множеством других предприятий, включая студию грамзаписи, — и Джекобсон пытался убедить его записать Мэнсона. Послушав, как тот играет и поет, Мельчер сказал твердое “нет”.

Хотя Мельчер отнюдь не впечатлился Мэнсоном, Джекобсон был заморожен “всею антуражем Чарли” — его песнями, философией, жизненным стилем. На протяжении примерно полутора лет они много раз встречались и разговаривали. Чарли любил поболтать о своих взглядах на жизнь, сказал Грегг, но Патчетт этим не особенно интересовался и перевел разговор на другие предметы.

Знает ли он некоего Чарльза “Текса” Монтгомери? — спросил Патчетт. Да, отлично знаю, отвечал Джекобсон; вот только настоящая фамилия этого парня не Монтгомери, а Уотсон.

Воскресенье, 30 ноября. Я оставался в штаб-квартире ДПЛА с 8:30 до полуночи.

Чарльз Дентон Уотсон был арестован в Ван-Нуйсе, Калифорния, 23 апреля 1969 года, пребывая в состоянии наркотического опьянения. Он был отпущен на следующий же день, но сразу после ареста полиция сняла отпечатки его пальцев.

10:30 утра. Лейтенанту Хелдеру позвонили из отдела дактилоскопии. Отпечаток безымянного пальца правой руки Уотсона совпал с отпечатком, найденным на парадной двери усадьбы Тейт.

От радости мы с Хелдером прыгали до потолка, как дети малые. Это было первое из вещественных доказательств, привязавшее подозреваемых к месту преступления.

Хелдер выслал пятнадцать следователей по старым адресам Уотсона — на тот случай, если тот вдруг решил “залечь на дно” где-то

поблизости, — но никому из них не повезло. Они выяснили, однако, что Уотсон был родом из маленького тexasского городка Маккинни.

Разложив карту страны, мы обнаружили, что Маккинни относится к округу Коллин. Патчетт позвонил тамошнему шерифу и сообщил ему, что уроженец и бывший житель округа по имени Чарльз Дентон Уотсон разыскивается по подозрению в совершении “187 РС”, убийства, здесь, в Калифорнии.

Звали шерифа Том Монтгомери. Простое совпадение или, изобретая вымышленное имя, Уотсон воспользовался фамилией местного шерифа? Того не легче: шериф Монтгомери приходился Тексу троюродным братом.

“Чарльз живет сейчас здесь, — сказал шериф Монтгомери. — У него квартира в Дентоне. Я сейчас же посажу его под замок”.

Как мы узнали позже, шериф позвонил дяде Уотсона, Морису Монтгомери, и спросил: “Ты не мог бы подбросить Чарльза до тюрьмы? У нас кое-какие неприятности”.

Морис посадил племянника в грузовичок-пикап и привез его в Маккинни. “По дороге он все больше молчал, — скажет позднее дядя, — я понятия не имел, в чем дело, но он, наверное, сразу обо всем догадался”.

Уотсон, надо полагать, воздержался от комментариев и был водворен в местную тюрьму.

Техасцы — ребята крепкие, сказали мне в ДПАА. Они поддержат его у себя до тех пор, пока мы не соберемся прислать ордер на арест.

Не желая рисковать понапрасну, я предложил сразу же выслать кого-нибудь в Маккинни с ордером, и было решено, что Сартучи и Нильсен отправятся в Техас следующим утром.

Мэнсон, Аткинс и Уотсон находились теперь под стражей, чего нельзя было с уверенностью сказать о двоих других подозреваемых. От одного из работников с ранчо Спана сотрудники ДПЛА узнали, что фамилия Линды была Касабьян и что теперь она, по всей видимости, пребывает в монастыре в Нью-Мехико^[105]. Ходили слухи, что Марни Ривз поселилась на ферме близ города Мобайл, штат Алабама.

В тот же день Патчетт беседовал с Терри Мельчером относительно его контактов с Мэнсоном. Тот подтвердил уже рассказанное Джекобсоном: Мельчер дважды ездил на ранчо Спана послушать

выступления Мэнсона и девиц, но “не испытал энтузиазма”; кроме того, они с Мэнсоном дважды встречались и ранее, в гостях у Денниса Уилсона. Мельчер, впрочем, упомянул об одной важной детали, опущенной Джекобсоном.

В одну из этих последних встреч, закончившуюся уже глубокой ночью, Уилсон подвез его домой на Сиэло-драйв. Мэнсон ездил за компанию, пел и играл на гитаре, сидя на заднем сиденье. Высадив Мельчера у самых ворот усадьбы, Уилсон и Мэнсон отъехали прочь.

Теперь мы знали, что Чарльз Мэнсон бывал на Сиэло-драйв, 10050, по меньшей мере, однажды — до убийств. Тем не менее ничто не подтверждало, что он хотя бы раз вошел в ворота.

В 17:30 тем воскресным вечером, все еще сидя в штаб-квартире ДПЛА, я говорил с Ричардом Кабаллеро. Бывший заместитель окружного прокурора, занятый ныне частной практикой, Кабаллеро представлял интересы Сьюзен Аткинс в разбирательстве дела об убийстве Хинмана. Ранее Кабаллеро связывался с Аароном Стовитцем, рассчитывая выяснить, что Офис окружного прокурора имеет на его клиентку. Аарон выложил ему все: находясь в “Сибил Бранд”, Сьюзен Аткинс призналась двум другим заключенным в участии не только в убийстве Гари Хинмана, но также и в убийствах Тейт и Лабианка. Аарон вручил Кабаллеро копии записанных на пленку показаний, данных Ронни Ховард и Виржинией Грэхем сотрудникам ДПЛА.

По закону об обнаружении улики, обвинение обязано предоставлять адвокату защиты всю и любую информацию о вещественных и прочих доказательствах, уличающих его клиента. Это игра в одни ворота. Иначе говоря, защита заранее знает обо всех имеющихся у обвинения уликах — но при этом вовсе не обязана сообщать что бы то ни было обвинению. Обычно все подобные сведения передаются позднее, после официального запроса через суд, но Аарон хотел произвести на Кабаллеро впечатление нашей твердой позицией, надеясь, что клиентка бывалого адвоката все же захочет сотрудничать.

Кабаллеро прибыл в Центр Паркера повидать меня и следователей, узнать, какую сделку мы можем предложить его подзащитной. В соответствии с ранее достигнутой между нашим Офисом и ДПЛА договоренностью, мы заявили, что, если Сьюзен станет сотрудничать, мы, возможно, могли бы позволить ей признать себя виновной в

убийстве второй степени. Иными словами, на суде мы не станем требовать вынесения смертного приговора и вместо этого ограничимся просьбой назначить подсудимой наказание в виде пожизненного заключения.

Кабаллеро поехал в “Сибил Бранд” и поговорил со своей клиенткой. Он позднее покажет: “Я описал ей проблему в общих чертах и те улики, которыми располагало обвинение, — в том виде, в каком мне были переданы эти сведения. Это включало дело об убийстве Хинмана (в котором она уже созналась представителям ОШЛА) и дело Тейт — Лабианка. В результате я обратил внимание подзащитной на то, что лично у меня нет ни малейших сомнений, что обвинение потребует для нее высшей меры наказания и что суд, вероятно, удовлетворит это требование. Я сказал ей: “У них достаточно улик, чтобы тебя осудили. И тебя осудят”.

Примерно в 21:30 Кабаллеро вернулся в ДПЛА. Сьюзен так и не решила, что ей делать. Похоже, она захочет дать показания перед большим жюри, но адвокат выразил личную уверенность, что на самом суде Аткинс наотрез откажется давать показания против остальных. Она все еще не освободилась от влияния Мэнсона и в любую минуту может передумать. Кабаллеро сказал, что даст мне знать сразу, как только Сьюзен Аткинс примет решение.

Так тому и быть. Хотя у нас и были обличавшие Аткинс показания Ховард — Грэхем, равно как и вещественное доказательство в виде отпечатка пальца Уотсона на месте убийства Шарон Тейт, все наше дело против Мэнсона и прочих висело на волоске. И только один человек решал теперь, оборваться ли волоску, — Сэди Мэй Глутц.

1 декабря 1969 года

Раздавшийся в семь часов утра звонок Аарона застал меня дома. Только что звонил шериф Монтгомери. Если мы не получим ордера на арест в ближайшие два часа, он намерен освободить Уотсона.

Я поспешил в офис и отпечатал заявку. Мы с Макганном отнесли ее затем судье Антонио Чавезу, подписавшему ордер, и ДПЛА телетайпом отправил его шерифу Монтгомери — всего за несколько минут до истечения назначенного им срока.

Я также отпечатал и две другие заявки; одна касалась Линды Касабьян, другая — Патриции Кренвинкль. Как ДПЛА стало известно от ОШЛА, это последнее имя было настоящим именем Марни Ривз, *тик* Кэти. Вслед за рейдом на ранчо Спана, отец Линды Джозеф Кренвинкль, страховой агент из Инглвуда, Калифорния, договорился о ее освобождении. Узнав об этом, сержант Нильсен позвонил Кренвинклю и спросил, где он мог бы разыскать его дочь. Мистер Кренвинкль объяснил, что Линда живет сейчас у родственников в городке Мобайл, штат Алабама, и дал Нильсену их адрес. Затем ДПЛА связался с шефом полиции Мобайла, Джеймсом Робинсоном, и попросил немедленно отправить людей на ее розыски. Судья Чавез подписал оба ордера.

Бак Комптон, первый заместитель окружного прокурора, позвонил мне, чтобы сообщить, что шефом полиции Дэвисом назначена пресс-конференция ровно на два часа дня. Мы с Аароном должны были прибыть в его офис в 13:30. “Бак, еще слишком рано! — сказал я ему. — У нас недостаточно улик, чтобы передать дело Мэнсона в суд, не говоря уже о вынесении окончательного приговора. Что до Кренвинкль и Касабьян, то мы ни за что не поймаем их, если сегодня газетчики раструбят всю историю. Может, нам удастся убедить Дэвиса подождать?” Бак обещал попробовать.

По меньшей мере частично моя озабоченность была напрасна. Патрицию Кренвинкль арестовали в Мобайле за несколько минут до нашего появления в офисе Комптона. Полиция Мобайла направила группу в дом ее тети, миссис Гарнетт Ривз, но Патриции там не оказалось. Сержант Уильям Маккеллар и его напарник уже возвращались по дороге, огибавшей дом, когда им навстречу попался спортивный автомобиль с парнем и девушкой. В тот момент, когда машины разминулись, Маккеллар “заметил, что пассажирка надвинула головной убор на глаза”. Убежденные, что она сделала это “с целью остаться не узнанной”, офицеры быстро развернулись и, включив сирену, заставили подозрительную машину остановиться на обочине. Девушка вполне подходила под переданное по телетайпу описание, но заявила, что ее фамилия Монтомгери (тот же псевдоним, которым пользовался Уотсон). Однако, доставленная в дом своей тети, она призналась, что ее зовут иначе. Молодого человека, проживавшего

неподалеку, допросили и отпустили. Патриции же Кренвинкль зачитали ее права и поместили под стражу в 15:20 по местному времени.

Ровно в назначенный час Бак, Аарон и я встретились в кабинете шефа полиции. Я сказал Дэвису, что еле-еле сумел собрать достаточно улик против Кренвинкль и Касабьян, чтобы получить ордера на арест обеих, — но все мои улики, по сути, были устными показаниями, которые никак нельзя представить в суде: показания Лесли Санкстон, данные Макганну; признания Сьюзен Аткинс в пересказе Виржинии Грэхем и Ронни Ховард. Большое жюри не примет нужное нам решение на базе таких скудных доказательств, заявил я ему, добавив напоследок: “Если Сьюзен Аткинс не захочет с нами сотрудничать, все рухнет”.

В полицейском конференц-зале собрались более двухсот репортеров и телеоператоров, с нетерпением ожидающих начала, отвечал Дэвис. Они представляют не только системы вещания и агентства, но и газеты со всего света. Уже ничто не может задержать грядущую сенсацию.

Перед самым началом пресс-конференции лейтенант Хелдер позвонил Роману Полански и полковнику Полу Тейту, сообщил им новости. Для полковника это известие означало конец его многомесячного частного расследования; вопреки его усердию, ему так и не удалось выяснить ничего, что могло бы оказаться полезным для нас. Но, по крайней мере, все его сомнения и подозрения были наконец разрешены.

14:00. Перед пятнадцатью микрофонами и несколькими дюжинами прожекторов шеф полиции Эдвард М. Дэвис объявил, что после 8750 человеко-часов напряженной работы сотрудникам ДПЛА удалось “раскрыть” дело об убийстве Шарон Тейт. Подписаны ордера на арест трех человек: Чарльза Д. Уотсона, двадцати четырех лет, ныне находящегося под стражей в Маккинни, Техас; Патриции Кренвинкль, двадцати одного года, ныне находящейся под стражей в Мобайле, Алабама; и Линды Касабьян, возраст и настоящее местонахождение неизвестны. Предполагается, что в обвинительном акте, который представят на рассмотрение большому жюри округа Лос-Анджелес, дополнительно будут названы имена четверых или пяти человек (ни

Чарльз Мэнсон, ни Сьюзен Аткинс на пресс-конференции не упоминались).

Эти лица, продолжал Дэвис, также замешаны в преступлении, повлекшем за собой смерть Розмари и Лено Лабианка.

Это заявление немало удивило большинство присутствующих, поскольку ДПЛА почти с самого начала решительно отрицал связь между двумя преступлениями. Несколько репортеров, хотя и подозревали о наличии такой связи, так и не сумели продать свои теории официальным представителям ДПЛА.

Дэвис продолжал: “Департамент полиции Лос-Анджелеса желает выразить глубокую благодарность за неоценимую помощь в получении необходимых сведений в ходе обоих расследований другим силам правопорядка, и в особенности — Офису шерифа Лос-Анджелеса”.

Дэвис ни словом не обмолвился о том, что ДПЛА лишь по прошествии двух месяцев решился потянуть за ниточку, которую офицеры ОШЛА предложили ему уже на следующий день после убийства Шарон Тейт и остальных.

Отвечая на вопросы репортеров, Дэвис объявил, что прорыв в следствии был обеспечен “кропотливым трудом следователей отдела убийств”. По его мнению, именно пытливость его подчиненных послужила основой для “выработки подозрения, приведшего их в район так называемого ранчо Спана, где им пришлось свернуть горы работы, осматривая местность и разговаривая с людьми, что в итоге и привело следствие туда, где мы находимся сейчас”.

Он не упомянул и о том памятном звонке, обошедшемся Ронни Ховард в десять центов.

Репортеры помчались к телефонам.

Кабаллеро позвонил Аарону. Он намеревался записать на магнитофон свою беседу со Сьюзен Аткинс, но не хотел делать этого в “Сибил Бранд”, где оставалась возможность, что о разговоре прознает еще кто-нибудь из девиц Мэнсона. Кроме того, он полагал, что Сьюзен окажется склонна к более свободной беседе в новых для нее условиях. Кабаллеро предлагал свой собственный кабинет в качестве подобной “смены обстановки”.

Хоть и необычная, просьба адвоката отнюдь не была беспрецедентной. Аарон изготовил разрешение на перемещение

заклученной, которое подписал судья Уильям Кини, и тем же вечером Сьюзен Аткинс в сопровождении двоих помощников шерифа была доставлена в кабинет Кабаллеро, где тот побеседовал с ней в присутствии своего партнера, Пола Карузо. Беседа записывалась.

Цель записи была двоякой, заявил Аарону Кабаллеро. Адвокат хотел, чтобы пленка оказалась под рукой у психиатров на тот случай, если он в итоге сочтет необходимым настаивать на невменяемости клиентки. А если мы решим договориться, то Кабаллеро даст нам ее послушать прежде, чем мы представим дело на рассмотрение большого жюри.

2 декабря 1969 года

Я едва успел войти в свой кабинет, когда мне позвонили из ДПЛА. Все пятеро подозреваемых уже задержаны; Линда Касабьян только что добровольно явилась в полицейский участок в Конкорде, Нью-Хэмпшир. По словам ее матери, Линда призналась в том, что побывала в доме Тейт, но заявила, что никого не убивала. Похоже, она не собиралась противиться экстрадиции (передаче властям другого штата).

В Техасе приняли несколько иное решение.

Маккинни находился менее чем в тридцати милях к северу от Далласа и лишь в нескольких милях от Фармерсвилля, где Чарльз Уотсон провел детство и посещал школу. “Тем самым парнем из Фармерсвилля” прежде считался Оди Мерфи^[106]. Теперь там появилась другая местная знаменитость.

Новости уже разнеслись по стране, когда Сартучи и Нильсен прибыли в Маккинни. Передовицы техасских газет описывали Уотсона как отличника в средней школе, прекрасного футболиста, баскетболиста и бегуна, до сих пор державшего рекорд штата в беге с препятствиями. Большинство местных жителей были потрясены и встретили новость с недоверием. “Чарльз просто парень, что живет по соседству”, — сказал один из них. “Во всем виноваты наркотики, — заявил дядя Чарльза репортерам. — Он начал принимать их в колледже, и там-то начались неприятности”. Директор средней школы Фармерсвилля вроде бы сказал следующее: “Уже почти страшно отправлять детей в колледж”.

Адвокат Уотсона, Билл Бойд, запретил и близко подпускать лос-анджелесских следователей к своему клиенту. Шериф Монтгомери даже не позволил им снять с подозреваемого отпечатки пальцев. Сартучи и Нильсен, впрочем, все-таки повидали Уотсона, совершенно случайно. Пока они разговаривали с шерифом, Уотсон разминулся с ними на лестнице, направляясь в комнату для посетителей. Если верить их докладу, он был хорошо одет, гладко выбрит и носил короткие, а не длинные, волосы. Казалось, он в прекрасной форме и выглядит как “образцовый учащийся колледжа”.

Будучи в Маккинни, следователи выяснили, что Уотсон отправился в Калифорнию в 1967 году и не возвращался до ноября 1969 года, — немало времени спустя после убийств.

Сартучи и Нильсен вернулись в Лос-Анджелес, убедившись, что надеяться на взаимопонимание с местными властями нам не придется. И дело было не просто в родственных связях: каким-то образом сюда оказалась замешана политика штата!

Речь могла идти лишь о *полном* “взаимонепонимании”.

Репортеры были заняты выслеживанием маршрутов кочевков “Семьи” и беседами с теми из ее членов, кто не был арестован. Я попросил Гейл сохранять газеты, зная, что записи этих бесед позднее могут оказаться полезны. Чарльз Мэнсон понемногу отвоевывал себе центральное место, хотя ему до сих пор так и не было предъявлено обвинение в убийствах. Сэнди: “Когда я впервые услышала, как он поет, это было, словно ангел...” Пищалка: “Он раздавал людям волшебство. И сам был, как оборотень из сказки. Всякий раз, когда я видела его, он был словно другой человек. Похоже, у него вовсе нет возраста...”

Кроме того, газеты размещали интервью со знакомыми и родственниками подозреваемых. Джозеф Кренвинкль вспоминал, как в сентябре 1967 года его дочь Патриция бросила квартиру на Манхэттен-бич, работу и автомобиль, чтобы последовать за Мэнсоном, не забрав даже чека с причитающимися ей деньгами. “Я убежден, что этот парень — нечто вроде гипнотизера”.

Кренвинкль не был единственным, кто высказывал ту же точку зрения. Адвокат Кабаллеро разговаривал с репортерами перед залом суда в Санта-Монике, где его клиентка только что объявила себя

невиновной в убийстве Хинмана. Сьюзен Аткинс, по выражению Кабаллеро, пребывала под “гипнотическим внушением” Мэнсона и не имеет “ничего общего с убийствами”, хоть и находилась в домах Хинмана и Тейт.

Кабаллеро заявил прессе, что его подзащитная намерена предстать перед большим жюри и рассказать обо всем, что случилось. То было первое полученное нами подтверждение тому, что Сьюзен Аткинс согласна сотрудничать.

В тот же день офицеры ДПЛА беседовали с Барбарой Хойт, чьи родители убедили ее связаться с полицией. Барбара жила с “Семьей” с апреля 1969 года и, несмотря на то что не сопровождала “Семью” постоянно, побывала на ранчо Спана, Майерса и Баркера.

Рассказ миловидной семнадцатилетней девушки был скомкан и бессвязен; следователям пришлось еще неоднократно встречаться с ней. Из этих бесед мы почерпнули немало интересного.

Однажды вечером на ранчо Спана, примерно неделю спустя после рейда 16 августа, она услышала крики, доносившиеся, казалось, со дна ущелья. Они продолжались долго, минут пять-десять, и Барбара была вполне уверена, что слышала голос Коротышки.

На следующий день она слыхала, как Мэнсон говорил Дэнни ДеКарло, что Коротышка покончил с собой, “мы ему только чуть-чуть помогли”. Кроме того, Мэнсон осведомился у ДеКарло, можно ли с помощью извести избавиться от тела.

На ранчо Майерса, в начале сентября 1969 года, Барбара слышала, как Мэнсон жаловался кому-то (она не знала точно кому), что убить Коротышку оказалось по-настоящему трудно, едва тот “оказался во власти Теперь”. По словам Мэнсона, они огрели его по затылку обрезком трубы, затем каждый нанес по удару ножом, и, наконец, Клем отрубил Коротышке голову. После чего тело было разрублено на девять кусков.

Все еще оставаясь на ранчо, Барбара слышала, как Сэди рассказывала Уич об убийствах Абилай Фольгер и Шарон Тейт. Позднее Уич призналась Барбаре, что ей известно еще о десяти убийствах, совершенных членами “Семьи”.

Немного времени спустя после этого разговора Барбара вместе с еще одной девушкой (Шерри Энн Купер, *тик* Шерри из долины Сими)

бежали из укрытия, обретенного “Семьей” в Долине Смерти. Мэнсон догнал их в Балларете, но, из-за присутствия посторонних, был вынужден отпустить восвояси, даже дал им двадцать долларов на автобус до Лос-Анджелеса^[107].

Сильно напуганная, Барбара все же согласилась помочь нам. Эта помощь едва не стоила ей жизни.

Приблизительно тогда же еще одна из девушек Мэнсона согласилась помочь полиции. Надо сказать, она была последним человеком, от которого я мог ожидать сотрудничества, — то была Мэри Бруннер, самая первая участница “Семьи” Мэнсона.

После освобождения из тюрьмы в марте 1967 года Чарльз Мэнсон направился в Сан-Франциско. Бывший сокамерник подыскал ему комнату за заливом, в Беркли. Мэнсон не спешил найти работу и, существуя на милостыню, либо прогуливался по Телеграф-авеню, либо посиживал на ступеньках у ворот Калифорнийского университета, играя на гитаре. И однажды появилась эта библиотекарьша. Сам Чарли так вспоминал об этом, рассказывая Дэнни ДеКарло о первых месяцах существования Семьи”: “Она просто выгуливала собаку. Наглухо застегнутая блузка. Нос задран к небу, у ног семенит пудель. И тут к ней подходит старина Чарли, только-только из тюрьмы, и давай вешать ей лапшу”.

Мэри Бруннер, которой тогда было двадцать три года, закончила университет Висконсина в степени бакалавра исторических наук и теперь работала ассистентом библиотекаря в Калифорнийском университете. Она была малосимпатична, и, очевидно, Мэнсон стал одним из первых, кто счел ее стоящей внимания. Вспомнив, возможно, о своей былой жизни за счет Толстушки Фло.

“В общем, дело у них пошло на лад, — подытожил ДеКарло, — и он переехал к Мэри. Потом повстречал эту, вторую свою девицу. “Нет уж, ноги ее здесь не будет!” — говорит ему Мэри. Даже и думать об этом не хотела. А после того, как та поселилась у нее, Чарли привел еще двоих. Мэри говорит: “С одной девицей я еще могу мириться, но с тремя — никогда!” А где три — там и четыре, и пять, и так до восемнадцати. Во Фриско это было, и Мэри была первой”.

Так на свет появилась “Семья”.

К тому времени Мэнсон успел обнаружить Хейт. Если верить рассказу, которым Мэнсон частенько делился со своими последователями, однажды на улице незнакомый мальчик подарил ему цветок. “Я совсем обалдел”, — вспоминал Чарли. Расспросив подростка, он узнал, что в Сан-Франциско есть местечко, где бесплатно можно получить еду, послушать музыку, покурить травку, заняться любовью, — только руки подставляй. Мальчик отвел его в Хейт-Эшбери, рассказывал потом Мэнсон Стиву Александру, репортеру андерграундной газеты “Дитя вторника”: “И мы спали в парке, и мы жили на улицах, и у меня отросли волосы, и я начал играть свою музыку, и людям она нравилась, и они улыбались мне, и подходили ближе, и обнимали меня, — а я просто не знал, как реагировать. Просто крыша ехала. Я только тогда допер, что в мире есть люди, которые живут по-настоящему”.

Они также были молоды, наивны, им хотелось во что-то верить и (пожалуй, это самое главное) кому-то принадлежать. Там было более чем достаточно поклонников для любого гуру-самоучки. И потребовалось совсем немного времени, чтобы Мэнсон понял это. В мире андерграунда, на который он столь неожиданно наткнулся, даже тот факт, что Чарли побывал в тюрьме, придавал ему определенный статус. Выплескивая на своих слушателей длинные монологи давно заученной метафизической жвачки с примерами из жизни сутенеров, тюремными байками и сайентологическими рассуждениями, Мэнсон начал привлекать “учеников” — поначалу сплошь молоденьких девушек, но затем и нескольких ребят тоже.

“Типов вроде этого Чарли здесь бродит полным-полно”, — заметил Роджер Смит, офицер, наблюдавший за Мэнсоном после его условного освобождения, пока тот еще оставался в Сан-Франциско.

Но одна большая разница здесь все же имелась: где-то в процессе — я еще не был уверен *как, где* или *когда* — Мэнсон обрел над своими сторонниками столь всеохватный контроль, что теперь он мог просить их нарушить последнее, окончательное табу. Теперь он мог сказать им: “Убей”, — и те подчинились бы.

Многие могут посчитать, что здесь все дело только в наркотиках. Но доктор Дэвид Смит, неплохо узнавший “Семью” за время работы в Бесплатной медицинской клинике Хейт-Эшбери, считал, что “секс, а вовсе не наркотики, был общим знаменателем” внутри группы. “Каждая

новая девушка, которая появлялась в “Семье” у Чарли, несла с собой определенную мораль среднего класса. И Чарли первым делом следил, чтобы эта скорлупа лопнула, развалилась. Таким образом, он получал возможность захватить в свои руки те рычаги, которые ранее управляли жизнями и поведением этих людей”.

Секс, наркотики... Разумеется, они были частью ответа, и уже вскоре я знал куда больше о том, как Мэнсон пользовался обоими, — но все-таки только частью. Здесь было что-то еще, что-то гораздо более важное.

Сам Мэнсон принижал значение наркотиков; по крайней мере, в отношении себя самого. Во время этого периода он сам впервые принял ЛСД. Позднее обмолвился, что это “просветило мой рассудок”, но тут же прибавил: “Я провел в тюрьме столько времени, что мой рассудок и так уже был вполне просвещен”. Рассудительный он был, этот Чарли.

Мэнсон заявил, что предвидел падение Хейт еще прежде, чем тот расцвел по-настоящему. Он предвидел проблемы с полицией, неудачные наркотические “приходы”, тяжелые “вибрации”, людей, отбирающих друг у друга последнее, погибающих от передозы прямо на улице. В течение знаменитого Лета Любви^[108] (с его бесплатными рок-концертами, с раздаваемой Оусли^[109] “кислотой” и с сотней новых молодых людей, каждый день прибывавших в город) Мэнсон раздобыл старый школьный автобус, погрузил в него своих последователей и отправился неведомо куда “разыскивать тихое местечко, где можно было бы спастись от человечества”.

В итоге Мэри Бруннер бросила работу и присоединилась к странствующему каравану Мэнсона. По дороге у нее родился ребенок, Майкл Мэнсон, причем “Семья” в полном составе принимала роды, а Мэйсон лично перекусил пуповину.

Полиция нашла Бруннер в О-Клэре, штат Висконсин, куда Мэри уехала сразу после освобождения из-под ареста; она согласилась сотрудничать с полицейскими в обмен на гарантии неприкосновенности по делу об убийстве Хинмана. Она представила следствию многочисленные детали, касающиеся этого преступления. Она сказала также, что где-то в конце сентября 1969 года Текс Уотсон рассказал ей об убийстве Коротышки. Его тело они зарыли у железнодорожных рельсов на ранчо Спана, а машину Цыганка бросила в парке Канога у дома на Грэшем-стрит, где “Семья” останавливалась

ранее. Руководствуясь этой информацией, полиция начала разыскивать тело и автомобиль.

Ясно, Мэри Бруннер могла бы стать крайне важным свидетелем на процессах по обоим делам, об убийствах и Хинмана, и Коротышки. Во время убийств Тейт и Лабианка она оставалась в заключении, но какое-то время я даже рассчитывал использовать ее как свидетельницу и на этом процессе, ведь она могла бы описать присяжным первые дни и месяцы существования “Семьи”. Но я так и не поборол своей опаски. По словам тех остальных участников “Семьи”, с которыми мне пришлось беседовать, ее преданность Мэнсону оставалась поистине фанатичной. Я просто не мог вообразить себе, как Мэри будет выступать в суде против отца собственного ребенка.

Произошедшие убийства имели огромный резонанс за рубежом; там гибель Шарон Тейт вызвала целую сенсацию, “перевесившую” даже инцидент в Чаппаквиддике^[110]. Произведенные нами аресты привлекли к себе никак не меньшее внимание.

Из-за разницы во времени новости о “культе хиппи-убийц” достигли Лондона не ранее полуночи 1 декабря. На следующий день, как и в Соединенных Штатах, сенсационные репортажи забили своими заголовками первые страницы газет, опередив радио — и телевизионные выпуски новостей.

В одиннадцать часов утра горничная отеля “Талгарт” на Талгарт-роуд в Лондоне попыталась открыть дверь номера, снятого американским юношей по имени Джоэль Пью. Та была заперта изнутри. Менеджер отеля ждал до 18 часов, прежде чем отпереть ее с помощью универсального ключа. “Дверь приоткрылась примерно на фут, — рассказал он. — Казалось, ее подпирает какой-то тяжелый предмет”. Встав на колени и пошарив за дверью, “я нащупал нечто, похожее на руку человека”. И спешно вызвал полицию. Констебль участка Хаммерсмит прибыл через несколько минут и распахнул дверь сильным толчком. За нею лежало тело Джоэля Пью. Распростертый на спине, он был обнажен, не считая простыни, прикрывавшей нижнюю половину тела. Глотка Джоэля перерезана, дважды. На лбу — синяк, на обоих запястьях — резаные раны; в номере были обнаружены сразу две опасные бритвы, одна из которых лежала менее чем в двух футах от погибшего. Предсмертной записки так и не нашли, хотя на зеркале

обнаружили какие-то “надписи” в зеркальном же отражении, заодно с “рисунками наподобие комиксов”.

По словам менеджера, Пью снял комнату 27 октября; его сопровождала юная леди, съехавшая три недели спустя. “Хиппи, судя по внешности”, Пью вел себя тихо, редко покидал отель и, казалось, не имел друзей.

Поскольку на теле не было обнаружено “ран, нанести которые самостоятельно погибший был бы не в состоянии”, ведущееся коронером расследование сделало вывод, что Пью “наложил на себя руки в момент временного помрачения рассудка”.

Хотя обстоятельства этой смерти, включая и характер самих ранений, равно или даже в большей степени согласовывались с версией убийства, полиция сочла случившееся обычной попыткой суицида. Никто не считал картинки или надписи на зеркале достаточно важными, чтобы сохранить, записать или сфотографировать их (позднее менеджер вспомнит лишь слова “Джек и Джилл”). Время наступления смерти установить также не пытались. Более того, никто не пробовал поискать в номере Пью отпечатки чужих пальцев — несмотря даже на то, что тот располагался на первом этаже, и проникнуть в него с улицы через окно не составило бы труда для любого более-менее ловкого злоумышленника.

В то время еще никто не связывал эту смерть с большой американской сенсацией из выпусков новостей. Если б не короткое упоминание о гибели Пью в частном письме более чем через месяц после того, мы, по всей вероятности, так и пребывали бы в неведении о том, что двадцатидевятилетний “Джоэль Дин Пью”, бывшим член “Семьи” и муж еще одной участницы этой группы по имени Сандра Гуд, пополнил собой быстро растущий список загадочных смертей, связанных с нашим делом.

Когда они с Пищалкой покинули свой номер в мотеле Индепенденса, Сэнди оставила кое-какие бумаги. Среди них — письмо от неизвестного бывшего участника “Семьи”, содержащее строчку: “Я бы не хотел, чтобы со мной произошло то же, что случилось с Джоэлем”.

3 декабря 1969 года

Около восьми вечера в тот день Ричард Кабаллеро принес в ДПЛА запись своего разговора со Сьюзен Аткинс. Он попросил не копировать ее; впрочем, мне было разрешено делать заметки. Кроме меня самого, ее прослушали лейтенанты Хелдер с Лепажем, а также еще четверо или пятеро следователей. Мы все хранили почти полное молчание, пока — с непринужденностью ребенка, описывающего день, проведенный в школе, — Сьюзен Аткинс не заговорила о зверских убийствах семи человек.

Голос принадлежал маленькой девочке. Но, кроме нескольких смешков (“И тогда Шарон испытала реальное потрясение [смех], самое реальное в ее жизни...”), голос был холоден, мертв, бесстрастен. *Что же это за существо такое?* — думал я.

Вскоре я все узнаю. Кабаллеро согласился, чтобы, прежде чем представить дело большому жюри, я самолично побеседовал со Сьюзен Аткинс.

Запись длилась около двух часов. Нам еще предстоял монументальный труд доказательства вины подсудимых, но, когда лента оборвалась (обращенными к Сьюзен словами Кабаллеро “О’кей, теперь мы принесем тебе чего-нибудь поесть и немного мороженого”), мы наконец-то впервые точно знали, кто же все-таки участвовал в убийствах Тейт и Лабианка.

Хоть Мэнсон и подослал убийц в дом 10050 по Сизло-драйв, сам он никуда не ездил. Вместо него это сделали Чарльз “Текс” Уотсон, Сьюзен Аткинс, Патриция Кренвинкль и Линда Касабьян. Один мужчина и три девушки, которые безжалостно застрелят и изрежут ножами пятерых ни в чем не повинных людей.

Впрочем, Мэнсон вошел в дом на Вейверли-драйв на следующий день, чтобы связать Розмари и Лено Лабианка. Затем он отправил туда Уотсона, Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен, *тик* Санкстон, дав им исчерпывающие инструкции: “Убейте обоих”.

Сама Сьюзен Аткинс не была в доме четы Лабианка. Она ждала снаружи, в машине, с Клемом и Линдой. Но она слышала — от Мэнсона, Кренвинкль и Ван Хоутен, — что именно происходило в доме.

Прослушанная нами запись прояснила кое-какие загадки, но многие из них так и не рассеялись. По-прежнему оставались отличия в версиях произошедшего. Так, например, Сьюзен признала, что пять или

шесть раз ударила ножом высокого мужчину (Фрайковски), разумеется, “для самозащиты”, но ничего не сказала о том, как она убивала Шарон Тейт. Резко расходясь с признаниями, сделанными Виржинии Грэхем и Ронни Ховард, Сьюзен теперь заявила, что держала Шарон, пока Текс бил ее ножом.

По возвращении в свой кабинет я сделал то, чем обычно занимаюсь после каждого разговора с подсудимыми: я превратил свои записки в список вопросов для дальнейших бесед. Мне было о чем поговорить с Сэди Мэй Глютц.

Линда Касабьян отказалась от формальностей экстрадиции и в тот же день прилетела обратно в Лос-Анджелес. Ее поместили в “Сибил Бранд” в 23:15. При этом присутствовали Аарон и адвокат Линды, Гари Флейшман. Хотя Флейшман разрешил ей попробовать опознать различных членов “Семьи” по принесенным Аароном фотографиям, он все же не позволил моему коллеге допросить Линду. Впрочем, Аарон осведомился, что она испытывает, и Линда ответила: “Облегчение и усталость”. У Аарона сложилось впечатление, что сама Линда была бы вовсе не прочь рассказать обо всем, что знает, но Флейшман придерживал эту информацию, надеясь заключить с нами соглашение.

4 декабря 1969 года

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

КОМУ: ЭВЕЛЛУ ДЖ. ЯНГЕРУ, окружному прокурору

ОТ КОГО: ААРОНА Г. СТОВИТЦА,

начальника судебного отдела

ТЕМА: СЬЮЗЕН АТКИНС

Сегодня в офисе мистера Янгера состоялось служебное совещание, начавшееся в 10:20 и завершившееся в 11 часов утра. На совещании присутствовали: мистер Янгер, Пол Карузо, Ричард Кабаллеро, Аарон Стовитц и Винсент Буглиози.

Обсуждение касалось Сьюзен Аткинс и того, следует ли предоставить ей неприкосновенность в обмен на ее показания на слушании большого жюри и на последующем процессе. Было решено, что неприкосновенность не *будет* ей предоставлена.

Мистер Кабаллеро поставил собравшихся в известность о том, что в настоящее время его подзащитная может не согласиться выступить на суде ввиду своей боязни физического присутствия Чарльза Мэнсона и других лиц, принимавших участие в убийствах Шарон Тейт и др.

Состоялась дискуссия, предметом которой послужила ценность показаний Сьюзен Аткинс. В результате достигнуто согласие по следующим пунктам:

1. Информация, переданная суду Сьюзен Аткинс, имеет жизненную важность для совершения правосудия.

2. Ввиду сотрудничества Сьюзен Аткинс в прошлом и при условии ее чистосердечных и правдивых показаний перед большим жюри обвинение не станет просить назначить ей наказание в виде смертной казни по любому из трех эпизодов, известных полиции в настоящее время, подразумевая убийство Хинмана, убийства Шарон Тейт и других, убийство четы Лабианка.

3. Мера, до которой Офис окружного прокурора будет содействовать стороне защиты в попытке добиться наказания в виде пожизненного заключения (за убийство не первой степени), будет зависеть от предела, до которого Сьюзен Аткинс будет продолжать сотрудничать со стороной обвинения.

4. В случае, если Сьюзен Аткинс не даст показаний на процессе или если сторона обвинения не воспользуется ею в качестве свидетеля, обвинение не станет использовать показания, данные ею перед большим жюри, против нее самой.

Кабаллеро добился для своей подзащитной замечательных условий. Если Сьюзен правдиво ответит на вопросы большого жюри, мы не станем требовать для нее высшей меры наказания на процессах убийц Хинмана, Тейт и Лабианка; более того, мы не воспользуемся ее показаниями против нее самой или против других подсудимых, когда дело дойдет до суда. Как позже выразится сам Кабаллеро, “она ничего не дала, а взамен получила все”.

Мне, в свою очередь, показалось, что нас здорово надули. Сьюзен Аткинс расскажет свою историю перед большим жюри. Мы получим решение о направлении дела в суд. И это будет все, что мы получим, — простой бумажный листок. Ибо Кабаллеро был убежден, что Сьюзен ни

за что не согласится выступить на суде. Он уже сейчас беспокоился, как бы она не передумала.

Наша позиция потихоньку укреплялась. Днем ранее сержант Сэм Макларти из Департамента полиции Мобила снял отпечатки пальцев Патриции Кренвинкль. Получив копию этих отпечатков из Мобайла, сержант Фрэнк Марц из ДПЛА “опознал” один из отпечатков. Рисунок линий на мизинце левой руки Кренвинкль совпал с отпечатком, снятым офицером Боуэном с левой створки раздвижных дверей *изнутри* спальни Шарон Тейт: с той забрызганной кровью двери, что вела наружу, к бассейну.

Теперь у нас появилась вторая вещественная улика, привязавшая еще одного подозреваемого к месту преступления.

Но самих подозреваемых у нас по-прежнему не было. Как и Уотсон, Кренвинкль намеревалась бороться против экстрадиции. Ее продержат взаперти, без наручников, четырнадцать дней — и ни днем больше. Если бумаги об экстрадиции не появятся в Мо-байле до истечения двух недель с момента задержания Патриции, ее отпустят на свободу.

Кабаллеро подвез меня к своему офису в Беверли-Хиллз. К нашему появлению там, примерно в половине шестого вечера, Сьюзен Аткинс уже была доставлена из “Сибил Бранд” на основании еще одного запроса, направленного Аароном. Это Кабаллеро предложил, чтобы Сьюзен поговорила со мной в спокойной обстановке его кабинета вместо официально-строгого специального помещения в “Сибил Бранд”; мы с Аароном и Миллер Ливи согласились с этим его доводом.

Успев открыться Виржинии Грэхем и Ронни Ховард, Сьюзен Аткинс впервые согласилась на разговор об убийствах Тейт — Лабанка с работником правоохранительных органов. Эта первая наша беседа станет и последней.

Двадцать один год, пять футов пять дюймов, 120 фунтов, длинные коричневые волосы, привлекательные черты лица... И при этом — отстраненное, пустое выражение на нем, схожее с тем, что я уже видал на лицах Сэнди и Пищалки, только еще более заметное.

Тогда я впервые встретился со Сьюзен Аткинс, но уже знал о ней кое-что. Родилась в Сан-Габриэле, Калифорния, выросла в Сан-Хосе. Мать Сьюзен умерла от рака, когда ее дочь была еще подростком, и после многочисленных ссор с отцом та бросила школу и перебралась в Сан-Франциско. Проститутка, танцовщица-стриптизерша, любовница гангстера — она перепробовала все еще до встречи с Чарльзом Мэнсоном. Мне определенно было жаль эту девушку. Я изо всех сил старался понять ее — но слишком много сочувствия она во мне не могла вызвать: я уже видел фотографии убитых на Сиэло-драйв, видел состояние их тел.

Когда Кабаллеро представил нас друг другу, я разъяснил Сьюзен ее конституционные права и получил разрешение на беседу.

Два заместителя шерифа — мужчина и женщина — сидели у дверей в кабинет Кабаллеро, внимательно следя за каждым движением Аткинс. Кабаллеро оставался в кабинете на протяжении почти всего интервью и выходил лишь для того, чтобы ответить на несколько телефонных звонков. Я попросил Сьюзен рассказать мне всю историю, с момента ее знакомства с Мэнсоном в Хейт-Эшбери в 1967 году до настоящего времени. Лишь изредка я прерывал ее монолог, чтобы задать вопрос-другой.

“В ночь убийства Шарон Тейт и остальных... не находились ли вы — ты, Текс или кто-то из остальных — под воздействием какого-нибудь наркотика, скажем ЛСД?”

“Нет”.

“А на следующую ночь, когда были убиты Лабианка?”

“Нет. Ни тогда, ни раньше”.

Что-то в Сьюзен меня озадачивало. Она могла очень быстро говорить несколько минут подряд, затем замолчать, слегка склонив голову набок — словно прислушиваясь к голосам, которые никто, кроме нее самой, не мог услышать.

“Знаете, — призналась наконец Сьюзен, — Чарли смотрит на нас прямо сейчас, он слышит все, о чем мы говорим”.

“Чарли сейчас сидит в Индепенденсе, Сэди”.

Она улыбнулась, уверенная в своей правоте: ведь я, посторонний, неверующий, никак не мог оказаться прав.

Глядя на нее, я думал: “Неужели это и есть наш основной свидетель? Неужели я буду строить доводы обвинения на показаниях

этой очень, очень странной девушки?”

Она была сумасшедшей. В этом я не сомневался. Возможно, с точки зрения закона она вполне нормальна, но все равно сумасшедшая.

Как и на прослушанной мною записи, Сьюзен призналась в том, что била Фрайковски ножом, но отрицала свою прямую причастность к смерти Шарон Тейт. Я провел сотни допросов и бесед; имея такой опыт, начинаешь нутром чують, лгут ли тебе. Я чувствовал, что *именно Сьюзен* своими руками убила Шарон, но не хотела мне в этом признаться.

В тот же вечер мне пришлось расспросить еще полтора десятка других свидетелей — Винифред Чепмен, первых офицеров полиции, прибывших на Сизло и Вейверли, Гранадо и людей из отделения дактилоскопии, Ломакса из “Хай-стандарт”, коронера Ногучи и заместителя медицинского эксперта Кацуяму, ДеКарло, Мельчера, Якобсона... И с каждым — свои особые трудности. Винифред Чепмен была постоянно чем-то раздражена, недовольна; она не станет свидетельствовать о том, что видела какие-то тела, или кровь, или... Коронер Ногучи был известный болтун; его требовалось аккуратно направлять, чтобы он не “сворачивал в сторону” от конкретного предмета. Рассказ Дэнни ДеКарло не убедил присяжных на процессе против Бьюсолейла; мне нужно было сделать все, чтобы члены большого жюри поверили ему. Все это было необходимо не просто для того, чтобы услышать от совершенно разных свидетелей (многие из которых были специалистами в своей узкой области) именно те факты, которые имели отношение к делу, но и для того, чтобы в итоге из этих разрозненных кусочков получилась цельная картина.

Семь жертв, множество подсудимых: это дело не просто не имело (вероятно) прецедента, но и требовало многих недель подготовки. Из-за поспешности шефа полиции Дэвиса, стремившегося поскорее разнести весть о поимке подозреваемых, вместо недель у нас было лишь несколько дней.

Я смог закончить лишь в два часа ночи, но мне еще предстояло привести в порядок заметки, подготовить четкие и ясные вопросы. Эта работа была завершена в половине четвертого утра, но в шесть я уже был на ногах. Через три часа нам предстояло представить дела об

убийствах Тейт и Лабианка перед большим жюри округа Лос-Анджелес.

5 декабря 1969 года

“Простите. Никаких комментариев”. По закону, все процессуальные действия большого жюри содержатся в тайне, и ни Офис окружного прокурора, ни приглашенные свидетели, ни сами судьи не могут обсуждать факты, представленные на слушании, — но это не удержало журналистов от попыток что-то разузнать. В узкий коридор, куда выходят двери залов заседаний большого жюри, набилось не меньше сотни репортеров; некоторые вскарабкались на столы, и от этого казалось, что они упакованы штабелями до самого потолка.

В Лос-Анджелесе большое жюри состоит из двадцати трех человек, избранных жребием из списков имен, переданных каждым из судей Верховного суда. В тот день присутствовал двадцать один из них, причем согласия двух третей было бы достаточно для получения обвинительного акта. Обычно сами процессуальные действия много времени не занимают. Обвинение представляет лишь столько доказательств своей правоты, сколько необходимо для получения обвинительного акта, и не более. Хотя в данном случае слушание затянется на два дня, “главный свидетель обвинения” расскажет свою историю “за один заход”.

Адвокат Ричард Кабаллеро был первым свидетелем и показал под присягой, что он разъяснил своей подзащитной ее права. Вслед за этим Кабаллеро покинул зал: свидетелям не только не позволено говорить в присутствии адвокатов, но и каждый свидетель выступает отдельно, не слыша других показаний.

Пристав: “Сьюзен Аткинс”.

Члены большого жюри, семеро мужчин и четырнадцать женщин, смотрели на нее с нескрываемым любопытством.

Аарон сообщил Сьюзен об имеющихся у нее правах, включая и право не оговаривать себя саму, но та отказалась от всех прав. Затем я перешел к опросу; продемонстрировав, что Сьюзен была знакома с Чарльзом Мэнсоном, я попросил ее вспомнить тот день, когда они встретились впервые. Это произошло более двух лет тому назад. Она

жила в доме на Лион-стрит в Сан-Франциско, район Хейт-Эшбери, вместе со множеством других молодых людей, большинство из которых вовсю употребляли наркотики.

О.: "...Я сидела в гостинной, когда вошел мужчина с гитарой, и сразу же его окружили девушки". Мужчина уселся, стал играть и петь, "и песня, которая больше других привлекла мое внимание, называлась "Тень твоей улыбки", и певец был будто ангел".

В.: "Вы говорите о Чарльзе Мэнсоне?"

О.: "Да. И когда он закончил петь, мне захотелось привлечь его внимание, и я спросила, могу ли я сыграть на его гитаре... и он передал мне инструмент, а я подумала: "Я не умею на этом играть", а он посмотрел на меня и сказал: "Ты сможешь сыграть, если захочешь".

Ведь он же не слышал, как я говорю: "Я не умею на этом играть", я только подумала. И когда он сказал мне, что я смогу, я остолбенела, потому что он побывал в моей голове, и я тут же поняла, что этот человек — тот, кого я искала... и я опустила на колени и поцеловала его ноги".

Днем или несколькими спустя Мэнсон вернулся в дом Сьюзен и предложил ей прогуляться. "Мы прошли пару кварталов до другого дома, и там он сказал, что хочет заняться со мною любовью.

Ну, я призналась, что тоже не прочь заняться любовью с ним, и он сказал мне снять одежду, и я сделала это, а в той комнате еще было большое зеркало, и он сказал мне подойти к нему и посмотреть на свое отражение.

Я не хотела, но он взял меня за руку и поставил перед зеркалом, но я отвернулась, и он сказал: "Повернись и посмотри на себя. В тебе нет ничего дурного. Ты прекрасна, и всегда была такой".

В.: "Что произошло затем?"

О.: "Он спросил меня, занималась ли я когда-нибудь любовью с собственным отцом. Я поглядела, вроде как хихикнула и говорю: "Нет". А он спрашивает: "А ты когда-нибудь думала о том, чтобы сделать это?" Я говорю: "Да". А он говорит: "Хорошо, в таком случае, когда будешь заниматься любовью... вообрази, что я — твой отец". Я так и сделала, и это было просто замечательное переживание".

Сьюзен сказала, что до встречи с Мэнсоном ей "чего-то не хватало". Но затем "я отдала ему себя, а взамен он отдал мне меня. Он подарил мне веру в себя, способность признать в себе женщину".

Неделей (или около того) позже она сама, Мэнсон, Мэри Бруннер, Элла Джо Бэйли, Линетта Фромм и Патриция Кренвинкль, вместе с тремя-четырьмя парнями, имен которых Сьюзен не помнила, покинули Сан-Франциско в старом школьном автобусе, из салона которого они вынесли почти все сиденья, заменив их яркими цветными коврами и подушками. Следующие полтора года они странствовали — к северу до Мендосино, в Орегон, в Вашингтон; на юг до Биг-Сура, Лос-Анджелеса, Мехико, в Неваду, Аризону, Нью-Мексико; наконец, снова в Лос-Анджелес, где останавливались в разных домах в каньоне Топанга, в Малибу, в Венеise и в конце концов — на ранчо Спана. По дороге к ним присоединялись другие — некоторые оставались надолго, большинство лишь на время. Если верить Сьюзен, в пути они изменили свое отношение к жизни и научились любить. Девушки занимались любовью с каждым из парней и друг с другом. Но Чарли

— тот был абсолютной любовью. Хотя он не часто занимался с ней сексом — только шесть раз более чем за два года совместных странствий, — “он отдавал мне всего себя, без остатка”.

В.: “Ты очень любила его, Сьюзен?”

О.: “Я была влюблена в ореол света, и этот свет, о котором я говорю, исходил от Чарли Мэнсона”.

В.: “Существовала ли грань, за которой ты не подчинилась бы ему?”

О.: “Нет”.

Я закладывал фундамент для самой сути обвинений против Мэнсона: Сьюзен и все другие были готовы ради него на все, вплоть до убийства. Ему стоило лишь приказать.

В.: “Что же такое было в Чарли, что заставляло вас, девушек, любить его и делать все, чего бы он ни пожелал?”

О.: “Чарли — единственный мужчина, которого я когда-либо встречала... на этой планете... который был настоящим мужчиной. Он не позволил бы женщине возразить ему. Он не позволил бы женщине уговорить его сделать что-то. Он — мужчина”.

Чарли дал ей имя Сэди Мэй Глютц, чтобы “я полностью освободила сознание и тогда сумела бы забыть все, что было со мною в прошлом. Если требуется изменить личность, самый простой способ добиться этого — сменить имя”.

По словам Сьюзен, сам Чарли имел множество имен, называл себя Дьяволом, Сатаной, Душой...

В.: “Случалось ли, чтобы мистер Мэнсон называл себя Иисусом?”

О.: “Он сам никогда не называл себя Иисусом”.

В.: “Называли ли вы его Иисусом?” После вчерашней беседы я ожидал, что Сьюзен уклонится от прямого ответа. Так она и сделала.

О.: “Лично мне он казался человеком, напоминавшим Иисуса Христа”.

В.: “Считаете ли вы Чарли злым человеком?”

О.: “Если мы говорим о вашем стандарте зла, глядим на Чарли вашими глазами, то, пожалуй, да. Если же посмотреть на него с моей точки зрения, он столь же добр, как и зол, столь же плох, как и хорош. Такого человека нельзя судить”.

Сэди не сказала прямо, что считала Мэнсона Христом, но выводы можно было делать самостоятельно. В то время я сам толком не понимал этого, но уже тогда было крайне важно дать заседателям какое-то объяснение, сколь угодно неполное, абсолютного контроля Мэнсона над собственными последователями. Каким бы невероятным ни казалось услышанное заседателям, входившим в большинстве своем в верхний слой среднего класса и бывшим уже в возрасте, это не пойдет ни в какое сравнение с тем, что им еще предстоит узнать о тех двух кровавых ночах.

Я постепенно подводил к этому, попросив Сьюзен описать ранчо Спана и жизнь “Семьи” на этом ранчо; спросил, как они находили пропитание. Люди дарили им всякие вещи, отвечала Сьюзен. Кроме того, они побирались. И “супермаркеты по всему Лос-Анджелесу каждый день выбрасывают прекрасную пищу, свежие овощи, иногда картонки с яйцами, упаковки с сыром, на которых стоит штамп со сроком годности, но и после срока эти продукты остаются свежими, и мы, девушки, совершали такие “мусорные рейсы”.

ДеКарло рассказал мне об одном таком рейсе, когда, к изумлению служащих супермаркета, девушки подъехали к мусорным бакам на “роллс-ройсе”, принадлежащем Деннису Уилсону.

Они также занимались мелкими кражами — кредитных карточек, других вещей.

В.: “Это Чарли подсказал вам красть?”

О.: “Нет, я сама так решила. Я... мы были запрограммированы на подобные вещи”.

В.: “Программировал сам Чарли?”

О.: “Да, Чарли, но мне сложно это объяснить так, чтобы вы поняли... так, как я сама это понимаю. Слова, которые выходят из рта Чарли, не идут изнутри него самого; [они] появляются из того, что я назвала бы Бесконечностью”.

И порой, по ночам, они выбирались “тайком-ползком”.

В.: “Объясните заседателям жюри, что вы подразумеваете под этим”.

О.: “Потихоньку красться, чтобы никто не увидел и не услышал... В темной одежде...”

В.: “То есть забираться по ночам в чужие дома?”

О.: “Да”.

Они выбирали дом наугад, где-либо в Лос-Анджелесе, и проникали внутрь, пока хозяева спали; где на цыпочках, где — ползком, они тихонько обходили все комнаты, порой передвигая какие-то предметы, чтобы после пробуждения люди не нашли бы их на привычных местах — там, где оставили, ложась спать. У каждого был при себе нож. Сьюзен сказала, что занималась этим “потому, что в “Семье” этим занимался каждый”, и ей был необходим опыт этих ночных вылазок.

Я был уверен, что члены жюри обязательно сочтут их экспедиции генеральными репетициями убийств.

В.: “У вашей группы есть какое-то название, Сьюзен?”

О.: “Между собой мы называем себя “Семья”. — Как сказала Сьюзен, “эта наша семья не похожа на любую другую”.

Кажется, я расслышал вздох кого-то из заседателей: “Слава тебе господи!”

В.: “Сьюзен, 8 августа 1969 года вы жили на ранчо Спана?” О.: “Да”.

В.: “Сьюзен, отдавал ли Чарли Мэнсон вам лично и любым другим членам “Семьи” какие-либо распоряжения в указанный мною день?”

О.: “Не припомню, чтобы я получала от Чарли какие-то другие распоряжения, кроме одного. Я должна была подыскать себе смену одежды и нож, а потом точно выполнять все, что мне скажет Текс”.

В.: “Не указал ли Чарли, какую именно одежду вам следовало взять?”

О.: “Он сказал... надеть что-нибудь темное”.

Сьюзен опознала Уотсона, Кренвинкль и Касабьян по их фотографиям, а затем, глядя на фото старого “форда”, в котором все четверо покинули ранчо, подтвердила, что они поехали именно в этой машине. Чарли помахал им вслед, когда они выезжали с ранчо. Сьюзен не заметила точное время, но было уже темно. На заднем сиденье лежали кусачки для проволоки и веревка. У самой Сьюзен, а также у Кэти и Линды было по ножу; при Тексе был пистолет и, как показалось Сьюзен, еще один нож. Они уже выехали, когда, по словам Сьюзен, Текс сказал им, что они направляются “в дом на холме, принадлежавший Терри Мельчеру, и единственной причиной, по которой мы выбрали именно этот дом, было то, что Текс знал, в общих чертах, тамошнее расположение”.

В.: “Не сообщил ли Текс, зачем вы вчетвером едете в бывший дом Терри Мельчера?”

Ответ Сьюзен прозвучал деловито, без каких-либо эмоций: “Чтобы убить всех, кто там есть, и забрать все их деньги”.

В.: “Итак, кто именно находится в доме, не имело для вас никакой разницы; вы получили инструкции убить всех, кого увидите. Я прав?”

О.: “Да”.

Они заблудились по дороге, но в итоге Текс все-таки нашел нужный поворот и вырулил на вершину холма. Текс вышел, залез на телефонный столб и, пользуясь кусачками, перерезал провода (ДПЛА еще не поставил меня в известность о результатах тестовых надрезов, сделанных парой кусачек, найденных на ранчо Баркера). Когда Текс вернулся к машине, они съехали вниз, к подножию, и затем, прихватив с собою свертки с одеждой, поднялись вновь уже пешком. Они не сунулись на территорию усадьбы через ворота, “потому что подумали, они ведь могут быть под напряжением или сигнализация сработает”. Справа от ворот вниз уходил заросший кустарником пологий склон, и забор здесь был ниже. Сьюзен перекинула через него сверток, а затем перелезла сама, сжимая нож в зубах. Остальные последовали ее примеру.

Они складывали одежду в кустах, когда Сьюзен заметила огни подъезжавшего автомобиля. Он двигался по асфальтовой дорожке по направлению к воротам. “Текс сказал нам, девушкам, пригнуться и молчать как рыбы. А сам пошел на свет, и мы потеряли его из виду... Я

слышала, как он сказал: “Стой!” Сьюзен слышала еще один, мужской, голос: “Пожалуйста, не надо этого делать, я ничего не скажу”. “А затем я услышала выстрел, и еще один выстрел, и еще, и еще”... Четыре выстрела, а потом Текс вернулся и приказал следовать за ним. Когда они дошли до машины, Текс засунул руку в окно и выключил фары; потом они откатали машину подальше от ворот, по той же подъездной дорожке.

Я показал Сьюзен фотографию “рамблера”. “Да, очень похожа”. Затем я показал ей сделанную полицейскими фотографию сидящего за рулем Стивена Парента.

О.: “Эту самую штуку я и видела в машине”.

Члены большого жюри в голос ахнули.

В.: “Когда вы произнесли “штуку”, вы имели в виду человека”?

О.: “Да, человека”.

Жюри заглянуло в самое сердце Сьюзен Аткинс — и увидело там лед.

Они прошли по дорожке к дому, миновав гараж. Используя подготовленную мною схему, Сьюзен отметила, как именно они приблизились к окну столовой. “Текс открыл окно, забрался внутрь, и вскоре я уже увидела его стоящим на крыльце”.

В.: “Все три девушки вошли в дом одновременно?”

О.: “Вошли только две из нас, одна осталась снаружи”.

В.: “Кто же остался?”

О.: “Линда Касабьян”.

Сьюзен и Кэти присоединились к Тексу. На диване лежал мужчина (Сьюзен опознала в нем изображенного на фотографии Войтека Фрайковски). “Он проснулся и вытянул руки, потягиваясь. Мне кажется, он решил, что откуда-то в доме оказались его друзья. Он спросил: “Который час?”... Текс подпрыгнул к нему и ткнул в лицо пистолетом со словами: “А ну, тихо. Не двигайся, или ты — покойник”. Фрайковски сказал что-то вроде: “Кто вы такие и что вы тут делаете?”

В.: “Что на это ответил Текс, если вообще ответил?”

О.: “Текс сказал ему: “Я Дьявол, и у меня здесь свои дьявольские дела...”

После чего Текс приказал Сьюзен посмотреть, нет ли в доме еще кого-нибудь. В первой спальне она увидела женщину, читавшую книгу

(по фотографии Сьюзен узнала в ней Абигайль Фольгер). “Она посмотрела на меня и улыбнулась, и я тоже поглядела на нее и улыбнулась ей”. И продолжала обход: В следующей спальне она увидела двоих — мужчину и женщину. Мужчина сидел спиной к заглянувшей в комнату Сьюзен, на краешке постели. Беременная женщина лежала в кровати (Сьюзен опознала Джея Себринга и Шарон Тейт по фотографиям). Оба были поглощены разговором и не заметили ее. Вернувшись в гостиную, Сьюзен доложила Тексу, что в доме находятся еще трое.

Текс передал Сьюзен веревку и приказал связать мужчину на диване. Когда она сделала это, Текс приказал привести остальных. Сьюзен вошла в спальню Абигайль Фольгер, “приставила к ее горлу лезвие ножа и сказала: “Вставай и иди в гостиную. Не задавай вопросов. Просто делай что сказано”. Вооруженная ножом Кэти взяла на себя Фольгер, в то время как сама Сьюзен присматривала за двумя остальными.

Никто не оказал сопротивления. У всех было одинаковое выражение на лице: “Шок”.

Войдя в гостиную, Себринг спросил у Текса: “Что вы здесь делаете?” Текс посоветовал ему заткнуться и приказал всем троим улечься на пол перед камином лицами вниз. “Ты что, не видишь, она беременна? — спросил Себринг. — Позволь ей сесть”.

Когда Себринг отказался “выполнять распоряжения Текса... Текс застрелил его”.

В.: “Вы своими глазами видели, как Текс стрелял в Джея Себринга?”

О.: “Да”.

В.: “Он стрелял из оружия, привезенного с ранчо Спана?”

О.: “Да”.

В.: “Что произошло потом?”

О.: “Джей Себринг упал у камина, а Шарон с Абигайль вскрикнули”.

Текс приказал им молчать. Когда он спросил, есть ли у них деньги, Абигайль сказала, что в ее спальне лежит сумочка, в которой есть немного. Сьюзен сходила вместе с ней забрать наличные. Абигайль отдала ей семьдесят два доллара и спросила, не нужны ли ей кредитные карточки. Сьюзен отвечала, что не нужны. По их возвращении в

гостиную Текс приказал Сьюзен раздобыть полотенце и заново связать руки Фрайковски; она так и сделала, сказала Сьюзен, но не сумела завязать узел по-настоящему крепко. Затем Текс взял веревку и затянул на шее Абигайль и Шарон.

Он перекинул свободный конец веревки через потолочную балку и потянул за него, “отчего Шарон и Абигайль пришлось подняться на ноги, чтобы не задохнуться...” После чего “я забыла, чей это был вопрос, но это спросила кто-то из жертв: “Что вы хотите сделать с нами?” — и Текс ответил: “Вы все умрете”. И тогда они стали молить нас о пощаде”.

В.: “Что случилось затем?”

О.: “Текс приказал мне подойти к Фрайковски и убить его”.

Когда Сьюзен занесла над ним нож, Фрайковски, сумевший высвободить руки, вскочил и “сбил меня с ног, а я вцепилась в него как могла крепко, и тогда мы оба начали сражаться за собственную жизнь.

Ему как-то удалось схватить меня за волосы, он с силой рванул их, и я крикнула Тексу, чтобы он помог мне, или хоть кто-нибудь, а Фрайковски — он тоже что-то кричал.

Он как-то сумел оказаться у меня за спиной, а у меня в правой руке был нож, и я... я... я не знаю, во что я попадала, но я размахивала ножом и, помню, ткнула во что-то, может, раза четыре или пять подряд, куда-то за спину. Я не видела, во что попадаю”.

В.: “Но вам показалось, что это был человек?”

О.: “Я прежде никогда не била ножом человека, просто нож втыкался во что-то — и все”.

В.: “Это “что-то” могло быть Фрайковски?”

О.: “Может, это был Фрайковски, или кресло, или еще что-то, — я не знаю, во что попадала”.

Сьюзен внесла в свой прежний рассказ заметные изменения. Во время моей беседы с ней и на сделанной адвокатом записи она признавала, что ударила Фрайковски “четыре-пять раз в ногу”. Кроме того, если она не лгала Виржинии, то ей было прекрасно знакомо чувство, возникающее, когда ударяешь человека (то бишь Гари Хинмана) ножом.

Фрайковски бежал к парадной двери, “вопя во всю глотку, чтобы кто-нибудь помог ему”. Текс догнал его и несколько раз ударил по голове “по-моему, рукоятью револьвера”. Позже Текс сказал Сьюзен,

что разбил револьвер о голову Фрайковски, и теперь им уже невозможно пользоваться^[111]. Очевидно, Текс держал наготове и нож, поскольку он начал бить им Фрайковски “изо всех сил, потому что тот продолжал сопротивляться”. В то же самое время “Абигайль Фольгер высвободилась из веревочной петли и боролась с Кэти, Патрицией Кренвинкль...”

Старшина жюри: “Одному из заседателей необходимо выйти на несколько минут”.

Был объявлен короткий перерыв. На скамье заседателей я видел не одно бледное лицо.

Сьюзен возобновила рассказ там, где он оборвался. По ее словам, она слышала чьи-то стоны. Текс подбежал к Себрингу, “наклонился над ним и с яростью принялся тыкать ножом ему в спину...”

Я помню, как Шарон Тейт сражалась с веревкой”. Текс приказал Сьюзен утихомирить ее. Сьюзен рукой обхватила Шарон за шею и силой принудила ее опуститься на диван. Та умоляла о пощаде. “Я посмотрела на нее и говорю: “Мне не жаль тебя, женщина”. И я знала, что, произнося это, имела в виду себя саму, а вовсе не ее...”

В.: “Говорила ли Шарон о ребенке?”

О.: “Она сказала: “Отпусти меня, пожалуйста. Я только хочу родить ребенка”.

Там был такой переполох... Текс подскочил, чтобы помочь Кэти... Я видела, как Текс ударил ножом Абигайль Фольгер, и как раз перед ударом — наверное, за миг до того, как он ее ударил, — она посмотрела на него, опустила руки, обвела нас всех взглядом и сказала: “Сдаюсь. Делайте что хотите”.

Я спросил у Сьюзен, сколько раз Текс ударил ножом Абигайль. “Только однажды, — ответила Сьюзен. — Она прижала руки к груди и упала на пол”.

Затем Текс выбежал наружу. Сьюзен отпустила шею Шарон, но продолжала сторожить ее. Вернувшись, Текс бросил Сьюзен: “Убей ее”. Но, как рассказывала теперь Сьюзен, “я не могла”. Вместо этого, “чтобы Текс видел, что я не могу ее убить, я схватила ее за руку и держала за плечи, и тогда Текс ударил ее ножом в область сердца, в грудь”. Шарон упала с дивана на пол (Сьюзен сказала, что Текс лишь однажды ударил Шарон Тейт, между тем заключение патологоанатомов

насчитывает шестнадцать ножевых ран. По словам Ронни Ховард, Сьюзен сказала ей: “Я просто втыкала в нее нож, пока та не перестала кричать”).

Сьюзен Аткинс показала, что следующая сцена, сохранившаяся в ее памяти, развернулась на газоне перед домом; она, Текс и Кэти были уже снаружи, и “я увидела Абигайль Фольгер, она согнулась пополам и повалилась на траву... Я не видела, как она вышла из дома... Текс подошел к ней и ударил ножом раза три или четыре — я не помню, сколько раз...” (У Абигайль Фольгер было двадцать восемь колотых ножевых ран.) “Пока Текс занимался этим, мы с Кэти искали Линду, которой нигде не было видно... и затем Текс подошел к Фрайковски и пнул его в голову”. Фрайковски лежал на газоне, чуть дальше от двери. Когда Текс пнул его, “тело не шевельнулось, и мне кажется, в то время он был уже мертв” (неудивительно: в Войтека Фрайковски дважды стреляли, тринадцать раз ударили тупым предметом по голове и нанесли ему пятьдесят одну колотую рану).

Затем “Текс приказал мне вернуться в дом и написать что-нибудь на двери кровью жертв... Он сказал: “Напиши что-нибудь такое, что потрясет мир”... Я и ранее участвовала кое в чем подобном [Хинман], видела там надпись “политическая свинка” на стене, и эта фраза запала мне в память...” Вновь войдя в дом, Сьюзен подняла то же самое полотенце, которым связывала руки Фрайковски, подошла к телу Шарон Тейт. И услышала звуки.

В.: “Что это были за звуки?”

О.: “Такие... булькающие, когда кровь выливается из сердца в тело”.

В.: “Что вы сделали тогда?”

О.: “Я подобрала полотенце, повернула голову и коснулась ее груди, и увидела тогда, что она была беременна, и поняла, что внутри этого тела есть живое существо, и я хотела, но мне не хватило духу сделать это, достать его... И я намочила полотенце в крови Шарон Тейт, подошла к двери и этим полотенцем написала на ней слово "PIG".

Затем Сьюзен бросила полотенце в гостиную; она не видела, куда оно упало (полотенце оказалось на лице Себринга, породив слух о “колпаках”, еще долго обсуждавшихся прессой).

Вслед за этим Сэди, Текс и Кэти подобрали свертки с одеждой, спрятанные в кустах. Они вышли через ворота (Текс нажал кнопку) и

поспешили вниз с холма. “Когда мы подошли к машине, Линда Касабьян включила зажигание, и Текс, подбежав к ней, рывкнул: “Чем это ты занимаешься? Лезь на пассажирское сиденье. Ничего не делай, пока я тебе не прикажу”. Затем мы уехали”.

Они переоделись в машине — все, кроме Линды, которая не входила в дом и поэтому не запачкалась в крови. Когда они уже отъезжали, Сьюзен обнаружила пропажу своего ножа, но Текс решил не возвращаться.

Их путь лежал вдоль “Каньона Бенедикта, Малхолланд-драйв, я не знаю [что это была за улица]... пока не подъехали к огороженному участку, где с одной стороны — гора, а с другой — обрыв”. Они свернули на обочину и остановились, и “Линда сбросила всю грязную одежду с обрыва...” Оружие — ножи и револьвер — разбросали “в трех или четырех других местах, я точно не помню, в скольких”.

После чего Сьюзен описала ту часть поездки, о которой полицейским рассказывали Виржиния Грэхем и Ронни Ховард, — как они свернули на какую-то боковую улочку и воспользовались чьим-то садовым шлангом, чтобы смыть кровь. Из дома выскочили мужчина и женщина, угрожавшие вызвать полицию. “А Текс поглядел на них и говорит: “Ну, я извиняюсь. Я не думал, что дома кто-то есть. Мы просто гуляем тут и захотели попить водички. Мы не хотели разбудить вас или помешать”. Мужчина оглядел улицу и спросил: “Это ваша машина?” А Текс ему в ответ: “Нет. Я же сказал, что мы тут гуляем”. Мужчина возразил: “Я знаю, что это ваша машина. Забирайтесь-ка в нее и проваливайте отсюда”.

Они сели в машину, и мужчина, очевидно все-таки решивший задержать их, потянулся к ключам. Текс быстро включил зажигание, и они уехали.

Остановившись у станции техобслуживания на бульваре Сансет, они по очереди посетили уборную, проверяя, не осталось ли где “каких-то кровавых пятен”, а затем поехали прямо на ранчо Спана и прибыли туда, как показалось Сьюзен, около двух часов ночи.

Когда машина подъехала к тротуару декораций старого ковбойского городка, Чарльз Мэнсон уже ждал их там. Он подошел к машине, сунул голову внутрь и спросил: “Что это вы заявились домой так рано?”

По версии Сьюзен, Текс пересказал Мэнсону “в общем, все, что мы только что сделали. Что все получилось идеально. Было много... ну, все случилось очень быстро... много паники, и он описал ее: “Ну, парень, настоящий *Helter Skelter!*”

Еще на станции техобслуживания Сьюзен заметила следы крови на дверных ручках и на рулевом колесе. Сходяв теперь на кухню ранчо, она принесла губку с тряпкой и стерла ими кровь.

В.: “Как реагировал Чарльз Мэнсон, когда вы вернулись на ранчо Спана?”

О.: “Чарльз Мэнсон меняется каждую секунду. Он может стать кем только захочет. В любой момент он может надеть любую маску”.

Патриция “вела себя очень тихо”. Текс “нервничал, словно только что перенес душевную травму”.

В.: “Что чувствовали вы, Сьюзен, после случившегося?”

О.: “Я почти потеряла сознание. Я чувствовала себя так, словно совершила самоубийство, чувствовала себя мертвой. Я и сейчас как мертвая”.

Почистив автомобиль, Сьюзен и остальные отправились спать. Ей кажется, она занималась с кем-то любовью, может, с Клемом, но это могло ей присниться.

В заседании жюри был объявлен полуденный перерыв.

На протяжении всех своих показаний Сьюзен называла жертвы по именам. После перерыва я довел до сведения жюри, что в то время Аткинс еще не знала имен и никогда прежде не встречалась ни с кем из этих людей. “...Когда я увидела их впервые, моей первой мыслью было: “Ого, должно быть, все они — прекрасные люди”.

Сьюзен впервые услышала имена погибших на следующий после убийств день, когда смотрела новости по телевизору, в трейлере у дома Джорджа Спана. Там были также Текс, Кэти и Клем; может быть, Линда тоже, но Сьюзен не была в этом уверена.

В.: “Пока вы слушали рассказ репортера, кто-нибудь из вас что-то говорил?”

Кто-то — Сьюзен показалось, что слова вышли из ее собственных уст, но она не была уверена, — сказал либо “Душа оттянулся по полной!”, либо “Душа постарался на славу”. Она вспомнила еще чьи-то слова: случившееся послужило нужной цели. Какой цели? — спросил я.

О.: “Вселить страх в истеблишмент”.

Я спросил у Сьюзен: знали ли какие-либо еще члены “Семьи” о том, что именно эти четверо совершили убийства Тейт и остальных?

О.: “Семья” была настолько едина, что ни о чем не говорили вслух. Мы все просто знали, что должен сделать или что уже сделал каждый”.

Теперь мы перешли ко второй ночи, с 9 на 10 августа.

В тот вечер Мэнсон вновь приказал Сьюзен взять лишний комплект одежды. “Я посмотрела на него и сразу же поняла, что ему нужно; я вроде как вздохнула, пошла и сделала все, что он велел”.

В.: “Он не говорил, что вам придется поехать куда-то и кое-что сделать?”

О.: “Он сказал, мы поедем и сделаем то же, что и прошлой ночью... только на сей раз сразу в двух разных домах...”

Та же машина, те же исполнители (Сьюзен, Кэти, Линда и Текс) плюс еще трое: Чарли, Клем и Лесли. Сьюзен не заметила никаких ножей, только пистолет, который был при Чарли.

Они остановились перед домом, “где-то в Пасадене, по-моему”; Чарли вышел из машины, а остальные объехали квартал и, вернувшись на прежнее место, подобрали его. “Он сказал, что сквозь окно видел фотографии детей на стене, и не захотел заняться этим домом”. В будущем, как пояснил Мэнсон, детей, наверное, тоже придется убивать.

Они остановились перед еще одним домом, но увидели поблизости людей и поэтому оставались в машине, а еще несколько минут спустя отъехали. Где-то во время этой поездки Сьюзен, по ее словам, задремала. Когда она проснулась, они были в знакомом районе, рядом с домом, где примерно год тому назад они вместе с Чарли побывали на большой вечеринке с приемом ЛСД. Дом тогда занимал некто “Гарольд”. Сьюзен не смогла вспомнить фамилию.

Чарли вышел, но прошел по дорожке не к этому самому дому, а к соседнему. Сьюзен вновь задремала — и проснулась, когда Чарли уже вернулся. “Он сказал: “Текс, Кэти, Лесли — быстро в дом. Я связал хозяев. Они очень спокойно себя ведут”.

Он еще сказал что-то в том смысле, что прошлой ночью Текс дал людям понять, что они будут убиты, и это вызвало ненужную панику; поэтому, сказал Чарли, он успокоил хозяев улыбками и очень вежливо объяснил, что с ними не сделают ничего плохого... И тогда Текс, Лесли и Кэти выбрались из машины”.

Сьюзен опознала Текса, Лесли и Кэти на предъявленных ей фотографиях. Равно как и дом четы Лабианка, длинную подъездную дорожку и дом по соседству.

Я спросил у Сьюзен, чем еще напутствовал Чарли троицу? Она ответила: как ей “кажется” (но “может, это просто мое воображение”), “Чарли приказал им войти в дом и убить этих людей”. Она точно запомнила, однако, что он попросил “изобразить мрачную, жуткую картину, какую еще никому не приходилось видеть”. Он также сказал им, что после того, как они с этим покончат, домой на ранчо придется возвращаться автостопом.

Когда Чарли вернулся к машине, у него был с собой женский кошелек. Затем они просто “ездили кругами по району, где живут цветные”.

В.: “Что произошло затем?”

Сьюзен сказала, что затем они остановились заправить машину. Тогда “Чарли дал Линде Касабьян кошелек той женщины и попросил оставить в уборной; он надеялся, что кто-нибудь найдет его там вместе с кредитками, и, когда этот человек попыбует купить что-нибудь, его арестуют и обвинят в убийствах...”

Интересно, куда подевался кошелек? Ни одной из кредитных карточек Розмари Лабианка пока никто так и не воспользовался.

Когда они выехали с заправочной станции, сказала Сьюзен, она снова заснула: “Словно накачалась чем-нибудь”, хотя “в это время я не была на наркотиках”. Проснулась уже на ранчо.

(В то время мы не подозревали, что Сьюзен Аткинс сделала значительные купюры в показаниях перед большим жюри — включая еще три попытки совершить убийства той ночью. Если бы мы знали о них, то, вероятно, затребовали бы обвинительный акт и против Клема. Так или иначе, мы имели против него лишь показания Сьюзен: да, он был в той машине. И у нас еще брезжила слабая надежда на то, что брат Клема, с которым мы успели встретиться в Дорожно-патрульной академии, сумеет склонить его к сотрудничеству с нами.)

Сьюзен не входила в дом Лабианка. Впрочем, на следующее утро Кэти подробно рассказала подруге обо всем, что произошло внутри.

О.: “Она сказала, что, войдя, они сразу отвели женщину в спальню, положили на кровать, а Текса оставили в гостиной с мужчиной... Потом женщина услышала, как убивают ее мужа, и начала кричать: “Что

вы делаете с моим мужем?” А Кэти сказала, что тогда она начала втыкать в женщину свой нож...

В.: “Она не говорила, чем занималась Лесли, пока...”

О.: “Лесли помогала Кэти удерживать женщину, потому что та сопротивлялась до самой смерти...” Позже Кэти передаст Сьюзен последние слова, сказанные Розмари Лабианка, и заметит, что слова “Что вы делаете с моим мужем?” были последним, что заботило эту женщину на пороге вечности.

А потом, рассказывала Кэти, они написали “Смерть всем свиньям” на дверце холодильника или на входной двери и, по-моему, еще где-то — “Helter Skelter” и “Восстань”.

Потом Кэти вошла в гостиную из кухни, неся в руке большую вилку, “поглядела на живот лежащего мужчины, ткнула в него вилкой и смотрела, как ручка болтается из стороны в сторону. Она сказала, что была заморожена этой картиной”.

Сьюзен еще заявила, что это “Кэти, кажется” вырезала слово “война” на животе мужчины.

Затем все трое приняли душ и, поскольку были голодны, направились в кухню и приготовили себе что-то поесть.

Если верить Сьюзен, Кэти также рассказала, что, кажется, у только что убитой ими пары были дети, и они, наверное, найдут тела, когда придут в субботу, то есть в тот же день, пообедать с родителями.

Выйдя из дома, “они засунули всю старую одежду в мусорный бак в нескольких кварталах, может с милую, от того дома”. Потом автостопом добрались до ранчо Спана и появились там к рассвету.

У меня оставалось всего несколько вопросов к Сьюзен Аткинс.

В.: “Сьюзен, Чарли часто пользовался словом “свинья” или “свиньи”?”

О.: “Да”.

В.: “А как насчет *Helter Skelter*?”

О.: “Да”.

В.: “Надо полагать, он очень, очень часто использовал в речи эти слова — “свиньи” и *Helter Skelter*?”

О.: “Ну, Чарли много о чем говорил... *Helter Skelter* упоминался в нескольких написанных им песнях, и он часто рассуждал о *Helter Skelter*. Мы все говорили о *Helter Skelter*”.

В.: “Когда вы говорите “мы”, вы подразумеваете “Семью”?”

О.: “Да”.

В.: “Что означает слово “свинья” или “свиньи” для вас и для остальных членов “Семьи”?”

О.: “Слово “свинья” означало истеблишмент. Но вы должны понять, что для нас никакие слова не имели значения и что *Helter Skelter* мне тоже объяснили”.

В.: “Кто объяснил?”

О.: “Чарли. Мне даже не хотелось бы утверждать, что именно он... скорее, эти слова исходили из его рта... в общем, *Helter Skelter* станет последней войной на этой планете. Это будет такая война... словно все прошедшие когда-либо войны составлены друг на дружку, что-то такое, чего человек не в состоянии себе представить. Невозможно вообразить, как это будет, если каждый из живущих вынесет себе приговор и затем перенесет его на каждого человека, по всей земле”.

После еще нескольких вопросов я объявил, что Сьюзен Аткинс прекращает давать показания. Видя, с каким спокойствием девушка отходит от свидетельского места, члены жюри провожали ее недоверчивыми взглядами: Сьюзен ни разу не выказала даже намека на испытываемую вину, печаль или раскаяние.

В тот день выступили еще лишь четверо свидетелей. После того как Сьюзен Аткинс покинула зал заседаний, перед большим жюри появился Уилфред Парент, опознавший своего сына на фотографии выпускного класса школы. Опознав по фотографиям других убитых на Сизло-драйв, Винифред Чепмен под присягой показала, что лично вымыла парадную дверь дома незадолго до полудня в пятницу, 8 августа. Это было важно, поскольку означало: чтобы оставить на двери отпечаток пальца, Чарльзу “Тексу” Уотсону необходимо было оказаться на территории усадьбы уже после того, как ее покинула (около четырех часов вечера) миссис Чепмен.

Аарон опросил Терри Мельчера. Тот описал свою первую встречу с Мэнсоном; рассказал, что Мэнсон был в машине той ночью, когда Деннис Уилсон подвозил Терри к дому 10050 по Сизло-драйв. Мельчер описал также, очень кратко, оба своих визита на ранчо Спана: первый с целью прослушивания Мэнсона; второй — для того, чтобы познакомиться с ним Майкла Дизи, имевшего передвижную студию

звукозаписи и, как думал Мельчер, способного проявить больший интерес к записи песен Мэнсона, чем он сам^[112].

По мнению многочисленных членов “Семьи”, Мельчер неоднократно давал Мэнсону обещания — но так ни одно и не выполнил. Мельчер отрицал это; в первый свой визит на ранчо Спа-на он отдал Мэнсону пятьдесят долларов — все деньги, какие были при себе, потому что “мне было жаль всех этих людей”. Деньги, однако, предназначались для покупки пищи, а не были выплачены в виде аванса по контракту на запись музыки; никаких обещаний Терри также не давал. Что же касается песенных талантов Мэнсона, он “не был настолько заинтересован, чтобы потратить время, необходимое” для подготовки и проведения записи.

Я хотел бы расспросить Мельчера подробнее (мне казалось, он о чем-то умалчивает) — но, как и большинство других свидетелей, он предстал перед большим жури, чтобы исполнить свою небольшую роль, и с дальнейшими расспросами пришлось подождать.

Коронер Лос-Анджелеса Томас Ногучи дал показания касательно выводов, сделанных им после вскрытия пяти тел погибших в доме 10050 по Сиэло-драйв. По завершении его показаний заседание было прервано до понедельника.

То, что все происходящее на заседании должно было держаться в секрете, подготовило почву для многочисленных спекуляций, которые в ряде случаев представляли перед общественностью не в качестве таковых, а выдавались за реальные факты. Так, заголовок первой полосы лос-анджелесской “Геральд экзаминар” в тот вечер гласил:

УБИЙЦЫ ШАРОН ТЕЙТ ОЗВЕРЕЛИ ОТ ЛСД. —
УСЛЫШАЛИ СЕГОДНЯ ЧЛЕНЫ БОЛЬШОГО ЖЮРИ

Это не было правдой; Сьюзен Аткинс говорила как раз обратное: никто из убийц не принимал наркотиков той ночью. Но миф уже был рожден и широко разошелся — возможно, оттого, что предлагал простейшее объяснение случившемуся.

Хотя, как мне предстояло вскоре выяснить, Мэнсон пользовался наркотиками в качестве одного из методов обретения контроля над своими последователями, в обе ночи кровавой резни наркотики даже не обсуждались — по весьма простой причине: Чарльз Мэнсон хотел, чтобы киллеры не теряли связи с реальностью и не повредили доверенный им транспорт.

Реальность — как и все, о чем она столь выразительно говорила, — оказалась куда страшнее, чем самые красочные мифы.

6–8 декабря 1969 года

В субботу Джо Гранадо ездил в штрафной гараж в парке Канога, чтобы обследовать принадлежащий Джону Шварцу “форд” 1959 года выпуска, который стоял там с момента конфискации в ходе рейда на ранчо Спана, проведенного 16 августа. По словам Сьюзен Аткинс, именно этим автомобилем пользовались убийцы в обе ночи.

Гранадо получил положительную реакцию на бензидин в правом верхнем углу отделения для перчаток — это говорило о присутствии там крови, но ее оказалось недостаточно, чтобы определить, принадлежала ли эта кровь человеку или животному.

Когда я наконец получил от Джо письменный отчет, то не нашел там ни единого слова о крови. На мой недоуменный вопрос Джо ответил, что количество было столь незначительно, что он решил вовсе не упоминать о пятнышке. Я заставил Джо приготовить новый отчет, с упоминанием о найденных в машине следах крови. До сих пор собранные нами улики были по большей части косвенными, и в подобном случае даже ничтожные крупницы фактов идут в ход.

“Винс, я только что разговаривал с Гари Флейшманом, — сказал мне Аарон. — Он хочет, чтобы мы заключили договор с его подзащитной, Линдой Касабьян. Полная неприкосновенность в обмен на показания. Я сказал, мы подыграем, если Линда признает себя виновной в намеренном убийстве, но не сможем предоставить ей..

“Боже ты мой, Аарон, — прервал я его рассказ, — мне и без того тошно! Мы и так уже наобещали Сьюзен Аткинс больше, чем хотели! Посмотри на это иначе: Кренвинкль в Алабаме, Уотсон — в Техасе; насколько нам известно, мы можем не добиться экстрадиции прежде, чем начнется суд над остальными; а Ван Хоутен, к тому же, не ездила на Сиэло-драйв. Если мы “договоримся” с Аткинс и Касабьян, кого же мы станем обвинять в пяти убийствах? Одного Чарли? Обыватели не станут с этим мириться. Они шокированы и разозлены смертями. Поезди-ка по Бель-Эйру, посмотри сам: страх еще висит в воздухе, его сразу чувствуешь”.

По словам Флейшмана, Линда сама хотела дать показания. Он убеждал ее сопротивляться экстрадиции; она же наплевала на советы и вернулась в Калифорнию, потому что хотела поведать присяжным свою историю.

“Ладно, тогда о чем она расскажет? По словам Сьюзен, Линда даже не входила в дома Тейт и Лабианка. Насколько мы знаем, она не видела своими глазами ни одного из убийств — за возможным исключением убийства Стивена Парента. Более того, пока у нас есть Сьюзен, показания Линды даже не нужны, ведь обе проходят как подельницы. Ты и сам прекрасно знаешь — закон в этом отношении ясно гласит: показания подсудимого не могут быть использованы для подтверждения показаний другого подсудимого по тому же делу. А нам больше всего на свете нужно как раз подтверждение”.

То была серьезная проблема, даже посерьезнее прочих. В некотором смысле даже не играло роли, кто станет нашим свидетелем; без подтверждения устных показаний уликами наша сторона проиграет дело — в глазах закона. Нам не просто требовалось найти подтверждение обвинения против *каждого* из подсудимых, эти улики должны были предстать в суде как полностью независимые от показаний нашего свидетеля.

Аарон мельком видел Линду, когда ту регистрировали в “Сибил Бранд”. Я же никогда с нею не встречался. Насколько я мог судить, она, вероятно, была столь же безумна, как и Сэди Мэй Глютц.

“Короче, если Сьюзен вдруг переметнется на сторону Чарли, — сказал я Аарону, — и на суде мы останемся без основного свидетеля обвинения... а это вполне возможно... тогда мы сможем поговорить о договоре с Линдой. Честно говоря, Линда станет тогда нашей последней надеждой”.

Когда большое жюри вновь собралось в понедельник, мы быстро покончили с выступлениями остальных свидетелей. Сержант Майкл Макганн описал увиденное им на территории усадьбы 10050 по Сиэло-драйв утром 9 августа 1969 года. Сержант Фрэнк Эскаланте показал, что снял отпечатки пальцев Чарльза Уотсона 23 апреля 1969 года, когда тот был арестован за употребление наркотиков; Джерром Боен из ОНЭ описал, как им был снят отпечаток пальца с парадной двери дома Тейт; Гарольд Долан из того же ОНЭ показал, что им было проведено

сличение этого оттиска с экземпляром отпечатков Уотсона, и что при этом он нашел восемнадцать совпавших точек (для идентификации ДПЛА требует лишь десять). Сержант Уильям Ли дал показания относительно деталей рукояти револьвера и пуля 22-го калибра. Эдвард Ломакс из “Хай-стандарт” сравнил эти фрагменты с рукоятью выпускавшегося его фирмой револьвера 22-го калибра “лонгхорн” и привел статистические данные: ввиду небольшого количества выпущенных револьверов, данная модель может считаться “практически уникальной”. Грегг Джекобсон рассказал о том, как он представил Мэнсона Мельчеру. Гранадо дал показания относительно веревки, крови на деталях револьверной рукояти и найденного складного карманного ножа.

Большей частью все эти показания носили технический характер, и появление Дэниэла ДеКарло предложило заседателям долгожданную передышку, равно как и внесло в процесс слушаний своеобразный местный колорит.

Аарон спросил у Дэнни: “Имелись ли у вас особые причины для того, чтобы оставаться на ранчо?”

О.: “Там было полно красивых девиц”.

И как же протекало его общение с конкретными девицами — например, с Кэти?

О.: “Мы разговаривали и все такое, но я никогда ничего не делал. Знаете, я ведь не насиловал ее, ничего подобного”.

В.: “Клуб мотоциклистов, в котором вы состоите, из тех, чьи участники врываются в город на мотоциклах и распугивают всех?”

О.: “Да нет же, такое только в кино бывает”.

Внешний вид ДеКарло, впрочем, не просто должен был принести нотку комизма в ход достаточно напряженного заседания. Дэнни показал, что Мэнсон, Уотсон и другие, включая его самого, практиковались на ранчо в стрельбе по мишеням из револьвера “бантлайн” 22-го калибра. Он сказал, что видел это оружие в последний раз “ну, может, за неделю-полторы” до 16 августа — и никогда после того. Заседателям был представлен рисунок револьвера, выполненный ДеКарло для ДПЛА прежде, чем он узнал, что это — разыскиваемое ими орудие убийства. ДеКарло вспомнил также, как в июне 1969 года они с Чарли покупали трехжильную нейлоновую веревку (которую, поработав в береговой охране, он называл “концом”) в магазине “Джек

Фрост” в Санта-Монике; увидев веревку, найденную на Сиэло-драйв, он счел ее "такой же".

После Сьюзен Аткинс наш “хулиган-мотоциклист” выглядел прямо-таки примерным гражданином.

Заместитель медицинского эксперта Дэвид Кацуяма, проводший вскрытие тел супругов Лабианка, занял свидетельское место вслед за ДеКарло. С этим свидетелем у меня и раньше возникало много проблем. Заседание большого жюри не стало исключением: Аарон собирался показать Кацуяме фотографию рук Лено Лабианка, связанных кожаным ремешком. Затем перед заседателями вновь должен был появиться ДеКарло, который рассказал бы им, что Чарли носил подобные ремешки повязанными вокруг шеи. Сержант Патчетт должен был выйти следом за ним, чтобы указать на ремешки, обнаруженные им в тюрьме Индепенденса среди вещей, принадлежащих Мэнсону. Он также был готов подтвердить, что эти ремешки “идентичны”.

Аарон показал Кацуяме фотографию и спросил, какой, по его мнению, материал был использован для того, чтобы связать руки Лено Лабианка? “Электрический шнур”, — отвечал тот не задумываясь. Я еле сдержал стон: электрический шнур был найден затянутым на шее четы Лабианка, а не на руках Лено. Не посмотрит ли свидетель на фотографию более пристально? Кацуяме вторично показалось, что это — электрический шнур. В конце концов мне пришлось предъявить ему его собственное заключение о вскрытии, где его собственным почерком было выведено: “Руки связаны вместе довольно узким ремешком из кожи”.

Рокси Лукарелли, офицер ДПЛА и близкий друг Лено, идентифицировал обоих Лабианка по фотографиям, поскольку и Сьюзен, и Фрэнк Стратерсы все еще были слишком потрясены случившимся, чтобы давать показания. Сержант Дэнни Галиндо рассказал об увиденном им в ночь с 10 на 11 августа 1969 года в доме 3301 по Вейверли-драйв и показал, что при тщательном осмотре дома полицейским обнаружить кошелек Розмари Лабианка не удалось.

Из пяти девушек, перевезенных в Лос-Анджелес из Индепенденса, лишь Кэтрин Шер (*тик* Цыганка) отказалась давать показания, а Лесли Ван Хоутен мы не вызывали, поскольку не подозревали о том, что она была в числе убийц четы Лабианка. Три оставшиеся — Дайанна Лейк,

тик Змея; Нэнси Питман, *тик* Бренда; Рут Энн Мурхаус, *тик* Уич — как одна, отрицали, что им было известно о каких-либо убийствах.

Я это предвидел. Впрочем, у меня имелась еще одна причина для того, чтобы вызвать их в качестве свидетелей на слушание дела большим жюри. Если они появятся на суде в качестве свидетелей защиты, любые расхождения между их дальнейшими показаниями и тем, что они расскажут сегодня большому жюри, дадут мне возможность указать на “неискренность предыдущих показаний” и поставить под сомнение последующие.

В 16:17 большое жюри округа Лос-Анджелес удалилось на совещание. Ровно двадцать минут спустя эти люди вернулись со следующими обвинительными актами: Лесли Ван Хоутен — два убийства и сообщничество в убийстве; Чарльз Мэнсон, Чарльз Уотсон, Патриция Кренвинкль, Сьюзен Аткинс и Линда Касабьян — семь убийств и сообщничество в убийстве.

Мы получили обвинительные акты. Вот только кроме них у нас почти ничего не было.

9—12 декабря 1969 года

Ни Аарон, ни я сам не регистрировали входящие звонки, но, как мне кажется, их ежедневно поступало около сотни — на большинство нам приходилось отвечать лишь: “Без комментариев”. Пресса словно взбесилась. Официальный текст обвинительных актов стал достоянием общественности, но стенограммы обоих заседаний большого жюри остались “запечатаны”; их будут держать в тайне, пока не пройдет семь — десять дней после того, как последнему подозреваемому по делу будет предъявлено обвинение. Ходил слухок, будто некий журнал предлагал 10 тысяч долларов тому, кто позволит корреспонденту хотя бы посмотреть на копию.

Один из звонков был из Орегона, от офицера Томаса Драйнена. В 1966 году он арестовывал Сьюзен Аткинс, состоявшую в то время в банде налетчиков-грабителей. При ней был найден пистолет 25-го калибра; Сьюзен заявила тогда Драйнену, что, если б тот не вытащил оружие первым, она выстрелила бы и убила бы его. На данном этапе следствия подобная информация никак не могла мне помочь; Впрочем,

всегда оставался шанс, что она пригодится впоследствии, — так что я записал себе имя офицера и номер его телефона.

Мой кабинет во Дворце юстиции имеет размер 20 на 10 футов, а обстановка в нем состоит из разбитого письменного стола, продавленной раскладушки, принесенной сюда для короткого сна в час ленча, шкафа с папками, пары стульев и большого стола, обычно заваленного бумагами и вещдоками. Однажды репортер написал, что обстановка в моем кабинете напомнила ему о Чикаго тридцатых годов. И что мне еще повезло, поскольку остальным заместителям окружного прокурора приходится делить кабинеты друг с другом. Работай я в таких условиях, мне пришлось бы выгонять прочь всех присутствующих (и не всегда вполне дипломатично) всякий раз, как для собеседования ко мне приходил бы свидетель. Да, и не стоит забывать о телефонах, на звонки которых тоже приходилось отвечать самим: секретарей ни у кого из нас не было.

Каждый новый день приносил какое-то развитие. Пока что, хотя помощники шерифа перекопали заметный кусок ранчо Спана, ими не было замечено никаких следов останков Дональда “Коротышки” Шиа. Впрочем, проверяя информацию, предоставленную нам Мэри Бруннер, сотрудники ОШЛА обыскали район вокруг дома 20910 по Грэшем-стрит, парк Каноба, где и нашли, за углом от бывшей резиденции “Семьи”, принадлежавший Шиа “меркури” 1962 года. Он был покрыт уличной пылью и испещрен подсохшими дождевыми потеками, — очевидно, простояв там, где его бросили, не менее нескольких месяцев. Внутри автомобиля обнаружилась коробка с личными вещами Шиа; проверив ее на отпечатки пальцев, специалисты ОШЛА обнаружили несколько оттисков ладони, позднее совпавших с отпечатками участника “Семьи” по имени Брюс Дэвис. Еще в машине были найдены ковбойские ботинки Шиа, покрытые коркой засохшей крови.

16:00, 9 декабря, Индепенденс, штат Калифорния. Чарльзу Мэнсону (*тик* Иисус Христос; 32 года; без определенного места проживания; занятие — музыкант) предъявлено обвинение в убийствах Тейт — Лабанка. Сартучи и Гутиэрес сопровождали его в Лос-Анджелес.

Мы устроили так, чтобы обвинение Мэнсону было предъявлено отдельно от остальных подсудимых, опасаясь, что при встрече со

Сьюзен Аткинс в зале суда Мэнсон мог бы убедить ее отказаться от собственных показаний.

Кто-то из газетчиков разыскал отца Сьюзен Аткинс в Сан-Хосе. Тот сказал, что не верит, будто Сьюзен была “загипнотизирована” Мэнсоном. “Сдается мне, она просто пытается отбрехаться. Она больна, ей помог бы кто”. Как показалось репортеру, мистер Аткинс объяснял участие Сьюзен в столь кровавом деле наркотиками и терпимостью судов. По его словам, он три долгих года пытался убедить судей запрятать его отбившуюся от рук дочь в тюрьму и держать ее там, подальше от улицы, — сделай эти люди так, как им советовали, заявил отец Сьюзен, ничего бы и не случилось.

Как я понял, для самой Сьюзен “Семья” была единственной настоящей семьей. И осознал наконец, почему Кабаллеро считает, что ее переход на сторону Мэнсона и остальных подсудимых — лишь дело времени.

10 декабря Сьюзен Аткинс, Линда Касабьян и Лесли Ван Хоутен предстали перед судьей Уильямом Кини. Все три девушки запросили тут же предоставленную им отсрочку слушания до тех пор, пока подсудимые не представят свои ответы на обвинительные акты.

В тот день я впервые увидел Линду Касабьян. Она была невысокой, даже низкорослой (около пяти футов одного дюйма), с длинными темно-золотистыми волосами и зелеными глазами; кроме того, она явно была беременна. Казалось, ей больше двадцати лет. По контрасту со Сьюзен и Лесли, которые улыбались и хихикали на протяжении большинства процессуальных действий, Линда вроде едва сдерживала слезы.

Кини пригласил меня и Аарона в свой кабинет сразу после заседания большого жюри. Тогда он сказал нам, что, поскольку Офис окружного прокурора и так не обсуждает с прессой это дело, он не видит необходимости вводить “ограничение гласности” на процессе (или, как чаще выражаются, “вставлять делу кляп”). Тем не менее, учтя невероятное количество досудебного освещения дела в прессе (репортер из “Нью-Йорк таймс” сказал мне, что число публикаций уже превысило статьи, посвященные первому суду Сэма Шеппарда^[113]), судья Кини изменил решение и, не связываясь с нашим офисом, издал детальный судебный приказ об ограничении гласности. Впоследствии

подвергнутый ряду изменений, этот приказ в итоге растянется на двенадцать страниц. По сути своей, он запрещал всем, связанным с делом, — обвинению, защите, офицерам полиции, свидетелям и т. д. — обсуждать представленные в суде доказательства и улики с кем бы то ни было из представителей прессы.

В то время я еще об этом не знал, но приказ судьи уже не успел предотвратить попадание монолога от лица убийцы в передовицы всего мира. Вечером предыдущего дня адвокат Ричард Кабаллеро, действуя на основании соглашения со Сьюзен Аткинс, договорился о продаже прав на публикацию ее истории.

Звонок из ДПЛА. Чарльз Кёниг, служащий станции техобслуживания “Стандард” на бульваре Энсенада, 12881, занимался уборкой в женском туалете, когда заметил, что один из бачков непрерывно течет. Подняв крышку бачка, он обнаружил на верхушке сливного механизма женский кошелек — влажный, но все же находящийся над поверхностью воды. Кёниг просмотрел водительские права и кредитные карточки, увидел имя “Розмари Лабианка” — и немедленно позвонил в ДПЛА.

ОНЭ уже занимался проверкой кошелька на отпечатки пальцев, но специалисты сомневались, что им удастся обнаружить хоть что-нибудь — из-за материала и влаги.

Мне было достаточно и простой находки кошелька, поскольку она предложила еще одно независимое звено, еще одно вещественное доказательство в поддержку истории, рассказанной Сьюзен Аткинс. Очевидно, кошелек так и лежал в бачке, никем не замеченный, с тех самых пор, как Линда Касабьян сунула его туда в ночь убийства четы Лабианка, ровно четыре месяца тому назад.

Ровно в 11 часов утра 11 декабря затянутый в оленью кожу Чарльз Мэнсон предстал перед судьей Уильямом Кини. Зал суда был настолько забит зеваками и репортерами, что еще одного человека сюда ну никак нельзя было бы впихнуть, даже при помощи обувного рожка. Поскольку у Мэнсона недоставало денег для того, чтобы нанять адвоката, Кини назначил Пола Фитцджеральда из Офиса общественного защитника представлять его в суде. Я уже выступал против Пола на нескольких процессах и знал, что в своей конторе он

завоевал хорошую репутацию. Мэнсону было предъявлено обвинение и предоставлено время до 22 декабря для внесения ответа на обвинительный акт — им самим или его защитой.

В Индепенденсе Сандра Гуд рассказала мне, что как-то раз, в пустыне, Чарли поднял с земли мертвую птицу, подышал на нее — и та улетела прочь. “Ну конечно, Сэнди, конечно”, — был мой ответ. С тех пор я выслушал немало историй о предположительных “умениях” Мэнсона; например, Сьюзен Аткинс считала, что он способен видеть и слышать все, что она говорит или делает.

Где-то на середине процедуры предъявления обвинения я взглянул на свои наручные часы. Они стояли. Странно, прежде с ними такого не случалось. Затем я заметил устремленный на меня пристальный взгляд Мэнсона и блуждающую на его губах слабую улыбку.

Это, сказал я себе, простое совпадение.

Сразу вслед за предъявлением обвинения Пол Фитцджеральд сказал Рону Эйнстоссу, опытному журналисту, ведущему колонку криминальных новостей в “Лос-Анджелес таймс”: “Дела против Мэнсона и остальных подсудимых не существует. У обвинения нет на руках козырей — кроме двух отпечатков пальцев да еще Винса Буглиози”.

Фитцджеральд был абсолютно прав: наши улики были смехотворны, но я вовсе не собирался с этим мириться. Почти три недели тому назад я выдал следователям по делу “Тейт” — Калкинсу и Макганну — первый набросок списка их дальнейших действий, среди которых значилась и беседа с Терри Мельчером; кроме того, они должны были проверить отпечатки пальцев всех известных нам членов “Семьи” на соответствие неустановленным отпечаткам, найденным на месте преступления; показать фотографии членов “Семьи” друзьям и родственникам жертв; выяснить, не принадлежала ли найденная на Сиэло-драйв пара очков кому-либо из “Семьи”.

Я пригласил к себе Калкинса с Макганном и попросил представить рапорт о проделанной работе. Оказалось, что выполнена лишь одна-единственная задача из перечисленных: полиция побеседовала с Мельчером. И сделали это следователи по “делу Лабианка”.

До 11 декабря ДПЛА еще даже не начинал поиски оружия и одежды подозреваемых в убийстве Тейт, хотя показания Сьюзен Аткинс

дали полицейским неплохие шансы, описав хоть и порядочный, но все же ограниченный участок шоссе, где улики были выкинута из автомобиля. Наш офис отдал все необходимые распоряжения для того, чтобы Сьюзен была доставлена сюда в воскресенье и попробовала бы показать те места, где Линда Касабьян выбросила те или иные вещи.

Фитцджеральд не был единственным, кто заранее считал наше дело проигранным. Общее мнение сотрудников Офиса окружного прокурора и всего юридического сообщества Лос-Анджелеса (дошедшее до меня из множества разных источников, обычно с ремаркой вроде: “Жаль, что тебе пришлось ввязаться в такую безнадегу”) сходилась на том, что наше дело против Мэнсона и других обвиняемых будет прекращено после внесения “ходатайства 1118”.

Статья 1118, часть 1 УК Калифорнии гласит: если в конце изложения аргументов *Народа* суд сочтет, что обвинение не сумело представить достаточно доказательств для вынесения приговора по существу дела, судья обладает правом оправдать обвиняемых. От них даже не требуется представить ответы по пунктам обвинения.

Некоторые считали, что не дойдет даже до этого. “Ньюсуик” цитировал неуказанного заместителя окружного прокурора округа Лос-Анджелес, назвавшего наши доказательства настолько жалкими, что суд, скорее всего, не состоится вообще.

Подобные разговоры, равно как и всенародная слава, которую непременно должен был снискать всякий адвокат, занимающийся этим делом, я подозреваю, и стали причиной нашествия посетителей к Мэнсону в окружную тюрьму Лос-Анджелеса. Как выразился один из помощников шерифа, “там словно кулуары съезда адвокатов” (между 11 декабря 1969 года и 21 января 1970 года у Мэнсона было 237 отдельных встреч, причем в 139 случаях он встречался с адвокатом или адвокатами). Среди первых юристов, явившихся к нему, были Айра Рейнер, Дэйи Шинь и Рональд Хьюз, ни одного из которых я еще не знал в то время, но со всеми тремя мне предстояло достаточно тесно познакомиться еще до окончания процесса.

Слухи размножаются не хуже бактерий. Поговаривали, что, перед тем как судья “вставил делу кляп”, Кабаллеро продал рассказ Аткинс одному из европейских пресс-синдикатов с тем условием, что история не появится в печати на территории Соединенных Штатов, пока не

будет обнародована стенограмма заседаний большого жюри. Даже если и так, я сильно сомневался, что подобный запрет остановит американских газетчиков. Утечка информации была неизбежна.

14 декабря 1969 года

Мне даже не пришлось искать киоск, в котором продавались бы зарубежные газеты. В то воскресенье мне стоило лишь проснуться, подойти к входной двери, наклониться и подобрать с пола Лос-Анджелес таймс”.

СЬЮЗЕН АТКИНС РАССКАЗЫВАЕТ

О ДВУХ НОЧАХ УБИЙСТВ

Публикация заняла целых три полосы. И, вчитавшись, я сразу понял, что передо мной та же история, что записывалась на магнитофон в кабинете Кабаллеро, — только тщательно отредактированная и переписанная набело, со вставками о детских годах Сьюзен.

До начала самого процесса так и останется неясным, как же просочилась на страницы "Таймс" эта история. Следующее изложение событий реконструировано мною из показаний, данных на суде. Я никак не могу ручаться за достоверность того, о чем здесь пишу, и напоминаю лишь, что именно это рассказали под присягой участники описываемых событий.

Прежде чем судья подписал указание об “ограничении гласности” в ходе процесса, самозванный голливудский журналист и работник прессы” по имени Лоуренс Шиллер явился к Ричарду Кабаллеро и его партнеру Полу Карузо с вопросом, не захотят ли они продать ему рассказ об убийствах “от первого лица” (т. е. из уст Сьюзен Аткинс). Посоветовавшись со Сьюзен, юристы согласились; стороны пришли к согласию, и, для того чтобы привести рассказ Сьюзен “в порядок”, Шиллером был нанят “автор-призрак” (репортер “Лос-Анджелес таймс” Джерри Коэн, уволенный из газеты за прогулы)^[114]. Используя в качестве основного источника сделанную 1 декабря запись, Коэн закончил статью всего за двое суток, будучи заперт в одной из комнат в доме Шиллера. Чтобы убедиться в “эксклюзивности” материала, Шиллер проследил за тем, чтобы в процессе работы Коэн не имел под

рукой копировальной бумаги и телефона, а по ее окончании уничтожил бы все, кроме готовой рукописи.

Показания, данные в зале суда Кабаллеро и Карузо, свидетельствуют о том, что, как они предполагали, история поначалу должна была появиться лишь в Европе, в воскресенье, 14 декабря.

По словам Шиллера, 12 декабря он сделал три ксерокопии рукописи: одну он передал Кабаллеро; вторую — германскому издателю, приобретшему право на публикацию для своего журнала и переведшему ее на немецкий язык прямо на борту самолета, летящего в Германию; третья была переправлена особым курьером в редакцию лондонской “Ньюс оф зе уорлд”, заплатившей 40 тысяч долларов за эксклюзивные права, ограниченные территорией Великобритании. Оригинал Шиллер положил в собственный сейф.

На следующий день, в субботу, 13 декабря, Шиллер узнал, что 1) “Лос-Анджелес таймс” тоже завладела ксерокопией рукописи и что 2) “Таймс” намерена опубликовать ее полностью уже в воскресенье. Вопия о нарушении авторских прав, Шиллер безуспешно пытался остановить публикацию.

Как именно рукопись попала в редакцию “Лос-Анджелес таймс”, остается загадкой. На суде Кабаллеро более чем прозрачно намекал, что в этом повинен Шиллер; в свою очередь, тот пытался возложить вину на Кабаллеро.

Какой бы ни была этическая сторона всего этого дела, публикация рассказа об убийствах “от первого лица” создала многочисленные проблемы, с которыми столкнется как защита, так и обвинение. Этот рассказ не просто был перепечатан всеми газетами на свете; еще до начала процесса он вышел в свет в виде книги в мягкой обложке с названием “Убийство Шарон Тейт”^[115]. Некоторые посчитали, что откровения Аткинс сделают невозможным добиться беспристрастного суда для обвиняемых. Хотя ни я сам, ни Аарон, ни (как выяснилось потом) судья не разделяли этого мнения, все мы с самого момента той первой публикации прекрасно сознавали, что нам непросто будет найти двенадцать присяжных, не читавших и не слышавших о “рассказе убийцы”, а затем еще и исключить из зала суда любые упоминания о нем на протяжении всего процесса.

Лишь немногие из “ангеленос”, читавших в том воскресном выпуске “Таймс” признания Сьюзен Аткинс, подозревали, что в это самое время автор кошмарного монолога разъезжает по городу и его окрестностям в самом обычном, хоть и тщательно охраняемом, автомобиле. Мы надеялись, что Сьюзен сумеет показать места, где вскоре после убийств на Сизло-драйв были выброшены одежда и оружие.

Вернувшись в “Сибил Бранд” тем вечером, Сьюзен написала письмо бывшей сокамернице по имени Китт Флетчер, в котором так описала экскурсию: “Мой адвокат — отличный мужик. Он уже дважды вытаскивал меня в свой офис, а сегодня я целых семь часов колесила по городу. Мы ездили к дому Тейт и катались по каньонам. Люди из ДПЛА хотели, чтобы я пыталась вспомнить, где именно случились всякие события. Но денек был настолько хорош, что моя память просто отказала”.

Как и в большинстве тюрем, в “Сибил Бранд” почта подвергается перлюстрации; и входящие, и исходящие письма прочитываются служащими. Те из писем, что, по-видимому, содержат заявления, имеющие отношение к следствию, фотокопируются и передаются в наш офис. Существующее законодательство позволяет делать это, не нарушая конституционных прав заключенных.

Сьюзен / Сэди пребывала в настроении писать. Сразу несколько ее писем содержали опасные признания, которые (в отличие от ее показаний перед большим жюри) мы могли бы использовать против нее в суде, если бы захотели. Джо Стивенсону, своему приятелю из Мичигана, она написала, датировав послание 13-м числом: “Ты помнишь про убийство Шарон Тейт и Лабианка? Короче из-за моего языка без костей и болтливой подружки полицейские только что обвинили меня и еще пятерых людей...”^[116]

Еще более полезна для обвинения и по-своему более откровенна была “маява”, которую Сьюзен передала Ронни Ховард. На тюремном жаргоне “маява” — весточка, посылаемая нелегально, в обход официально допустимых средств сообщения. Письмо, дошедшее до Ронни по подпольным каналам, звучит так:

“Я четко вижу все это твоими глазами. И не злюсь на тебя. Я пострадала лишь в том смысле, который одна только я могу понять. Никого не виню, только себя за то что кому-то что-то рас-казывала...”

Да, я хотела прославить М на весь мир. Теперь о нем похоже знают. За всем этим был так называемый мотив. Это было для того чтоб вселить страх в свиней и приблизить судный день, который наступил для всех нас.

В слове убийство единственно что умирает, так это эго. Все равно все эго умрут, ибо так написано. Да, это мог быть твой дом, это еще мог быть дом моего отца. Когда убиваешь кого-то физически, ты только отпускаешь на свободу душу. Жизнь не имеет границ и смерть это только иллюзия. Если ты можешь верить во второе пришествие Христа, М тот кто явился спасать... Может это поможет тебе понять... Я не признавалась что была в 2 м доме, потому что меня не было в 2 м доме.

Я пошла на большое жури потому что мой адвокат сказал что твои показания этого достаточно, чтобы засудить меня и всех остальных. Он еще сказал, это мой единственный шанс спастись. Тогда я пошла спастись. А потом я поменялась внутри... Теперь я знаю что все вышло замечательно. Все эти люди умерли не из-за ненависти или чего-то грязного. Я не собираюсь защищать нашу веру. Я просто все говорю тебе как оно есть... Пока я это пишу, я чувствую спокойствие. Когда я впервые раз услышала что ты настучала я хотела перерезать тебе горло. Потом я врубилась что настучала я сама и хочу перерезать свое собственное горло. Ну, все уже прошло и теперь я позволила прошлому умереть в своем сознании. Ты знаешь, в конце все равно получится ОК, будь то М или не М, Сэди или не Сэди, любовь все равно навечно. Я отдаю себя этой любви и понемногу становлюсь ею каждый день..."

Сьюзен заканчивает письмо, цитируя одну из песен Мэнсона: "Откажись существовать, просто приди и скажи что ты любишь меня. Когда я говорю, я люблю тебя, я мог бы сказать, я люблю себя (мою любовь) в тебе.

Надеюсь, теперь ты понимаешь немного больше, чем раньше. Если нет, спроси".

Ронни, жившая теперь в смертельном страхе, отдала письмо своему адвокату, Уэсли Расселу, который передал его в наш офис. В дальнейшем эти листки принесут Сьюзен Аткинс куда больше вреда, чем ее собственный рассказ об убийствах, появившийся в "Лос-Анджелес таймс".

15–25 декабря 1969 года

Когда я веду какое-нибудь дело, то имею привычку периодически просматривать “ящики” или коробки с собранными ДПЛА вещественными доказательствами. Там я частенько нахожу что-то полезное для обвинения, чью ценность полицейские в свое время не сочли достаточной.

Разбирая предметы, хранившиеся в коробках, помеченных “Лабианка”, я сделал два открытия. Первым была запись беседы с Элом Спринджером. Расшифрована была лишь одна страница, где Спринджер рассказал о похвальбе Мэнсона: “Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад”.

Как сильно бы мы ни нуждались в уликах, никто из следователей даже не упомянул мне о показаниях Спринджера; более того, когда я расспросил лейтенантов Хелдера и Лепажа, те даже вспомнили, что в их коробках все это время хранилось признание в убийствах, сделанное самим Мэнсоном. Я забрал запись и отправил на расшифровку, добавив пункт “Поговорить с Элом Спринджером” к своему и без того уже очень длинному списку, озаглавленному “Надо сделать”. Хотя мы не могли использовать признание Мэнсона в суде из-за *Аранды*, возможно, он делал и иные признания, которые могли бы нам помочь.

Моей второй находкой была фотокопия письма, полученного Мэнсоном в тюрьме Индепенденса. Его содержание было совершенно безобидным; впрочем, под письмом стояла подпись: “Гарольд”. Сьюзен Аткинс рассказывала большому жюри, что парень по имени Гарольд проживал в доме по соседству с четой Лабианка, где примерно год тому назад она сама, Чарли и кто-то еще принимали ЛСД на большой вечеринке. У меня появилось ощущение, что именно этот человек и написал письмо. Поэтому я сделал еще одну пометку, предназначенную для следователей по “делу Лабианка”: “Найти Гарольда”. Эта задача не могла быть слишком сложной, поскольку в письме Гарольд оставил адрес в Шерман-Оуксе и два телефонных номера.

Зачем? Я не мог найти ответа на этот самый важный и самый обескураживающий вопрос из всех: каков был мотив Мэнсона? Узнав, что Мэнсон часто подчеркивал своим последователям, что его астрологический знак — Скорпион, и решив, что, быть может,

недостающим звеном могла служить его вера в астрологию, я раздобыл старые номера “Лос-Анджелес таймс” и просмотрел колонки “Астрологического прогноза от Кэрролл Райтер”, относящиеся к этому знаку Зодиака.

8 августа. Делайте все, что, как Вы считаете, поможет Вам расширить сферу Вашего влияния. Позаботьтесь об исполнении планов, приложив к этому весь свой ум и терпение. Найдите необходимые Вам сведения в верном источнике. Затем разумно воспользуйтесь ими.

9 августа. Если Вы будете действовать со всем тактом, то Вам обязательно удастся преодолеть сопротивление партнера и заставить его принять Вашу точку зрения. При возникновении каких-либо проблем этот человек начнет с Вами сотрудничать.

10 августа. Вас окружают самые благоприятные перспективы. Не раздумывая, делайте то, что считаете нужным. Распространяйте сферу Вашего влияния...

Как я понял, в общие фразы астрологических предсказаний любой волен вкладывать какой угодно смысл. Включая планирование убийства?..

Вы можете судить о нашем отчаянии уже хотя бы по тому, что я предпринял столь, казалось бы, нелогичный шаг в попытке найти хоть какую-нибудь зацепку, хоть какой-то намек на то, *зачем* Мэнсон приказал убить всех этих людей.

Я даже не представлял себе, читает ли Мэнсон газеты.

С момента первого появления в прессе сообщения о раскрытии “дела Тейт” ДПЛА постоянно получал запросы из различных полицейских департаментов по поводу находящихся в их юрисдикции нераскрытых убийств, которые, по мнению следователей, вполне могли быть совершены кем-либо из членов “Семьи” Мэнсона. Я лично просматривал эти бумаги, великое множество случаев отбросив в сторону, другие же отложив как “вероятные”^[117]. Предметом моего личного внимания оставались убийства Тейт— Лабьянка, но в то же время мне хотелось найти узнаваемую схему действий, которая объяснила бы резню на Сизло и на Вейверли-драйв. Если такая схема и существовала, отыскать ее мне пока не удавалось.

В своем перепечатанном в прессе “признании” Сьюзен Аткинс описала, как, сменив одежду в машине, убийцы Тейт выехали на шоссе, шедшее вдоль “крутого склона”, со скалами с одной стороны и с обрывом — с другой. “Мы остановились, Линда вышла из машины и выбросила в пропасть всю одежду, испачканную кровью... прямо через перила”.

Команда телевизионщиков с 7-го канала, KACB-TV, попыталась воссоздать события той ночи, сев в автомобиль и разложив на сиденье выпуск “Таймс” с откровениями Аткинс. Выехав от ворот усадьбы на Сизло-драйв, они свернули вниз по каньону Бенедикта и начали переодеваться — все, кроме водителя. Переодевание отняло у съемочной группы шесть минут двадцать секунд (в течение которых, как экспериментаторы признались позднее, все они чувствовали себя круглыми идиотами), и при первой же возможности свернуть на обочину — на широком уступе напротив дома 2901 по Бенедикт Каньон-роуд — они остановили машину и выбрались наружу.

Горный склон с одной стороны, лощина — с другой. Корреспондент Эл Ваймен поглядел вниз, вдоль крутого склона, и рассмеялся, указывая на какие-то темневшие там, внизу, предметы: “Гляди-ка, вроде там одежда раскидана”. Оператор Кинг Баггот и звукооператор Эдди Бейкер тоже уставились вниз и согласились с ним.

Это было чересчур уж просто; если одежда валялась на виду, ничем не прикрытая с дороги, то ребята из ДПЛА наверняка уже давно нашли бы ее. С другой стороны, слазить вниз да проверить тоже было бы неплохо. Съемочная группа уже начала спуск по склону, когда запищал зуммер радиотелефона: какие-то срочные события требовали присутствия телевизионной группы в другом месте.

Снимая посторонний сюжет, они не могли выбросить из головы те темные предметы на склоне. Примерно в 15 часов съемочная группа KACB-TV вернулась на прежнее место. Первым спустился Бейкер; Баггот — за ним. Они нашли три комплекта верхней одежды: пару черных брюк, две пары синих парусиновых джинсов, две черные футболки, одну темную велюровую водолазку и одну белую футболку с грязноватыми пятнами, похожими на подсохшую кровь. Некоторые предметы одежды частично уже скрылись под слоями обрушившихся вниз пластов грязи и камней; тем не менее все они находились в

пределах двенадцатифутового квадрата, словно бы сброшенные вниз одним комом.

Отважные скалолазы прокричали весть о находке наверх, ждущему их Ваймену, который тут же связался с ДПЛА. Ко времени появления на месте Макганна и еще троих следователей начали сгущаться сумерки, так что телевизионщики осветили склон своей аппаратурой. Пока следователи раскладывали находки по пластиковым мешкам, Баггот вел съемку.

Узнав об обнаруженной одежде, я попросил следователей по “делу Тейт” устроить тщательный осмотр местности и постараться найти там хоть какое-нибудь оружие. Эту просьбу мне пришлось затем повторять много-много раз. В промежутке же между появлениями полиции на склоне, спустя неделю после первого инцидента, Баггот и Бейкер вернулись туда и, устроив собственные поиски, обнаружили нож. То был старый, сильно заржавленный кухонный нож, который из-за своих размеров и тупого лезвия был отмечен как возможное орудие убийства, — но он лежал на виду менее чем в сотне футов от места, где была найдена разбросанная одежда!

То, что одежду нашли какие-то телевизионщики, легло пятном позора на репутацию ДПЛА. Впрочем, к концу следующего дня лицам в Центре Паркера предстояло зардеться куда как ярче.

Во вторник, 16 декабря, Сьюзен Аткинс предстала перед судьей Кини и объявила себя невиновной по всем восьми пунктам обвинительного акта. Кини назначил дату начала процесса на 9 февраля 1970 года. Поскольку в тот же день должен был начаться и повторный суд над Бобби Бьюсолейлом, я сложил с себя обязанности прокурора по “делу Бьюсолейл — Хинман”, и к нему был приписан заместитель окружного прокурора Бартон Катц. Я не сильно расстраивался по этому поводу; с “делом Тейт — Лабиан-ка” у меня оставался более чем обширный фронт работы.

На тот вторник пришлось самое большое испытание в жизни Бернарда Вейса.

Вейс не читал изложение истории Сьюзен Аткинс, появившееся в “Лос-Анджелес тайме”, но его коллеги по работе читали, и один из них заметил Вейсу, что в убийстве Тейт определенно был использован

револьвер 22-го калибра. Странное совпадение, что твой пацан нашел такую же пушку, правда ведь?

Вейс посчитал, что это может оказаться чем-то большим, нежели простым совпадением. В конце концов, его сын нашел револьвер 1 сентября, чуть более двух недель спустя после убийств на Сизло-драйв; семья Вейсов живет не то чтобы очень далеко оттуда; да и дорога, идущая через вершину холма, на склоне которого Стивен нашел револьвер, расположена в районе Беверли-Глен. В то утро Вейс позвонил в участок ДПЛА в Ван-Нуйсе и сказал его сотрудникам, что у них, возможно, уже есть разыскиваемое орудие убийства Тейт. Абонент в Ван-Нуйсе предложил ему связаться с отделом убийств ДПЛА в Центре Паркера.

Вейс позвонил туда около полудня и повторил рассказ. Он своими глазами видел, что у револьвера, найденного его сыном, не хватало половинки деревянной рукояти, да и гарда спускового крючка была сломана. “Совсем как у нашего пистолета, — сказал Вейсу следователь. — Успокойтесь, мы все проверим”.

Вейс попросил следователя перезвонить ему, когда все выяснится. Время шло, а тот все не звонил. Придя домой вечером, Вейс прочел признание Аткинс и окончательно убедился в своей правоте. Примерно в 6 часов вечера он вновь позвонил в отдел убийств ДПЛА. Офицера, с которым он беседовал днем, не было на месте, так что Вейсу пришлось в третий раз повторить историю — чтобы услышать в ответ: “Мы не храним оружие так долго. Подождав, не объявится ли хозяин, мы выбрасываем все находки в океан”. Вейс настаивал: “Не могу поверить, что вы могли выкинуть самую важную улику в деле об убийстве Шарон Тейт”. “Послушайте, мистер, — отвечал офицер, — мы не можем проверять все рассказы о найденном оружии, которые выслушиваем. Мы находим тысячи пистолетов ежегодно”. Разговор перешел в спор на повышенных тонах, и оба собеседника бросили трубки.

После этого Вейс позвонил соседке, Клет Робертс, ведущей программы новостей 2-го канала, и вновь повторил рассказ. В свою очередь, Робертс позвонила кому-то в ДПЛА.

Какой именно из пяти звонков достиг цели, так и остается неясным; в любом случае, один из них был услышан. В 22:00 — через три с половиной месяца после того, как Вейс отдал револьвер офицеру

Уотсону! — сержанты Калкинс и Макганн съездили в Ван-Нуйс и забрали оттуда револьвер “лонгхорн” 22-го калибра.

ПОЛИЦИЯ НАХОДИТ РЕВОЛЬВЕР, ВОЗМОЖНО,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В УБИЙСТВАХ 3 ЧЕЛОВЕК В ДОМЕ ТЕЙТ

Новости о находке “просочились” в выпуск “Лос-Анджелес таймс” четыре дня спустя. Причем утечка была какая-то до странности выборочная. В газете не приводилось никаких деталей относительно того, где или когда был найден револьвер, кто его нашел; читателю предлагалось сделать вывод, что оружие нашли сотрудники ДПЛА — где-то неподалеку от места обнаружения одежды и примерно в том же районе.

В барабане револьвера оказалось семь пустых гильз и два целых, нерасстрелянных, заряда. Это прекрасно совпадало с первыми отчетами о вскрытиях жертв, которые свидетельствовали, что в Себринга и Фрайковски стреляли по разу, в Парента же — пять раз. У меня была лишь одна проблема: я уже выяснил, что отчеты о вскрытиях содержат ошибки.

После показаний Сьюзен Аткинс о том, что Текс Уотсон четырежды выстрелил в Парента (а вовсе не пять раз), я попросил коронера Ногучи заново взглянуть в снимки, сделанные во время вскрытия. Сделав это, он обнаружил, что две из огнестрельных ран нанесены Паренту одной и той же пулей — что уменьшило число сделанных выстрелов до четырех, но также оставило нам загадку о неизвестно куда девшейся пуле.

На сей раз я поручил Ногучи заново просмотреть *все* фотографии, сделанные во время вскрытий. Тогда-то он и установил, что во Фрайковски стреляли не один, а два раза: проводившие вскрытие медэксперты проглядели огнестрельную рану на его левой ноге. Значит, счет вновь уравнился, несмотря даже на неточности в отчетах.

Билл Ли из ОНЭ приложил три найденных ранее фрагмента рукояти револьвера к самому оружию: идеальное совпадение. Джо Гранато протестировал несколько бурых пятен на дуле: человеческая кровь, той же группы и подгруппы, какая имелаась у Джея Себринга. После пробных выстрелов, сделанных из револьвера, Ли сопоставил под микроскопом тестовые пули с пулями, найденными на месте преступления. Три из четырех пуль, найденных после убийств на

Сиэло-драйв, слишком повреждены или вообще раздроблены, поэтому непригодны для сравнительного анализа бороздок. С четвертой пулей, обнаруженной в теле Себринга, Ли повезло больше: да, уверил меня Билл, никаких сомнений быть не может, пуля выпущена из этого самого “лонгхорна” 22-го калибра.

Оставался лишь один весьма важный шаг: привязка оружия к Чарльзу Мэнсону. Я попросил следователей показать револьвер ДеКарло и попробовать выяснить, не с этим ли пистолетом Мэн-сон и другие мужчины, включая самого Дэнни, практиковались в стрельбе на ранчо у Спана. Я также затребовал историю револьвера — настолько полную, насколько это удастся, — со дня изготовления на заводе “Хай-стандарт” до дня его обнаружения мальчиком по имени Стивен Вейс.

Было решено, что улики для привлечения к ответственности Цыганки и Бренды недостаточно, и обе старожилки “Семьи” Мэнсона оказались на свободе. Хотя Бренда ненадолго вернулась к родителям, уже очень скоро обе примкнули к Пищалке, Сэнди и другим членам “Семьи”, так и “гостившим” у Джорджа Спана: одинокий старик-хозяин совсем ослаб и позволил им оставаться на ранчо.

Частые появления самого Мэнсона в здании суда предоставили мне массу возможностей изучить его. Формальное обучение Чарли было коротким, но, несмотря на это, говорил он хорошо и, несомненно, был весьма умен. Он на лету схватывал мельчайшие нюансы и, кажется, прежде чем ответить, тщательно обдумывал заданный ему вопрос, взвешивая все неявные, скрытые его стороны. Настроение у него неизменно было бодрое, выражение на лице неуловимо менялось, словно цвет кожи хамелеона. Под этой маской, однако, можно было заметить странную напряженность. Она ощущалась постоянно — даже когда Чарли шутил, что случалось частенько, несмотря на всю тяжесть предъявленных обвинений. Он часто “работал” на забитый до отказа зал судебных заседаний — причем не только на верных членов “Семьи” и ее приближенных, но и на журналистов, и на простых зрителей. Заметив среди них привлекательную девушку, он часто улыбался ей или игриво подмигивал, и обычно эти улыбки скорее нравились тем, кому предназначались, чем смущали их.

Подобная реакция со стороны прекрасного пола удивляла меня, хотя напрасно. Я уже слышал, что среди широкого потока получаемой Мэнсоном корреспонденции многие послания были любовными письмами от юных девиц, желавших вступить в “Семью”.

17 декабря Мэнсон появился перед судьей Кини и попросил, чтобы его общественный защитник был отстранен от ведения дела. Чарльз Мэнсон заявил, что намерен сам представлять в суде свои интересы.

Судья Кини довел до сведения Мэнсона, что он не убежден, что тот достаточно компетентен, чтобы представлять себя в суде или, на юридическом жаргоне, действовать *in pro per* (т. е. “от первого лица”).

Мэнсон: “Ваша честь, не существует никаких аргументов, которые убедили бы меня в собственной неправоте. Если я не смогу говорить, тогда наше дело проиграно. Если я не смогу говорить в собственную защиту и свободно общаться со сторонами, участвующими в разбирательстве дела в этом самом зале, это значит, что мои руки связаны у меня за спиной; если же я не имею права открывать рот, то для меня нет никакого смысла иметь защитника”.

Кини согласился повторно рассмотреть просьбу Мэнсона 22 декабря.

Мэнсон настаивал лишь на том, чтобы ему одному было дозволено говорить в свою защиту; это, да еще и явное удовольствие, с которым он “купался в лучах славы”, привело меня к выводу: когда придет время, Чарли наверняка не сможет удержаться от искушения самолично занять место адвоката.

Я завел себе тетрадку, куда стал записывать вопросы, которые собирался задать Мэнсону во время перекрестного допроса. Прошло не слишком много времени, и мне пришлось завести вторую тетрадь, а затем и третью.

Девятнадцатого декабря Лесли Ван Хоутен также попросила отстранить от ведения дела ее нынешнего адвоката, Дональда Барнетта. Кини удовлетворил просьбу и назначил Марвина Парта адвокатом мисс Ван Хоутен, с занесением его имени в судебные протоколы.

Лишь позже мы выяснили, что же крылось за этими перестановками. Мэнсон наладил собственную сеть коммуникации. Всякий раз, когда до него доходил слух, что адвокат какой-то из

девушек, действуя от лица клиента, предпринимал некий шаг, способный пробить брешь в его собственной, Мэнсона, защите, уже через пару дней адвокат отстранялся от ведения дела. Барнетт пожелал устроить психиатрическое обследование Лесли. Узнав об этом, Мэнсон наложил вето на эту идею, и, когда психиатр появился в “Сибил Бранд”, Лесли отказалась с ним встретиться. Ее просьба об отстранении Барнетта последовала сразу же вслед за этим.

Цель Мэнсона: сосредоточить в своих руках всю линию защиты. В зале суда, как и за его пределами, Чарли намеревался держать “Семью” под полным единоличным контролем.

Мэнсон сказал суду, что хотел бы представлять собственные интересы, потому что “юристы играют людьми, а я — личность и не хочу, чтобы мною помыкали в такой важный для меня момент”. Большинство юристов заинтересованы лишь в одном: в собственной славе, заявил Мэнсон. В последнее время он повидал их достаточно и (как ему кажется) знает о чем говорит. Любой адвокат, ранее работавший в Офисе окружного прокурора, для него неприемлем, добавил он. Он выяснил, что еще двум подсудимым суд назначил адвокатов, прежде служивших заместителями окружного прокурора (Кабаллеро и Парт).

Судья Кини объяснил, что многие адвокаты, занимающиеся уголовными делами, вначале набирались опыта в кабинетах окружного, городского или государственного прокурора. Знание о том, как работает сторона обвинения, часто идет на пользу их клиентам.

Мэнсон: “Это неплохо звучит в ваших устах, но скверно — в моих ушах”.

“Ваша честь, — продолжал Мэнсон, — я нахожусь в сложной ситуации. Средства массовой информации уже казнили и похоронили меня... Если кто-то и загипнотизирован, так это — простые люди, которым скармливают одну ложь за другой... В мире не существует такого адвоката, который мог бы представлять в суде меня как личность. Мне придется делать это самому”.

У судьи Кини возникло предложение. Он договорится с опытным адвокатом, чтобы тот посоветовался с Мэнсоном. В отличие от всех прочих адвокатов, с которыми Мэнсону приходилось общаться, у этого не будет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы представлять

его в суде. Его роль будет заключаться лишь в обсуждении с клиентом вопросов процессуального характера, в том числе и возможных опасностей самостоятельной защиты. Мэнсон принял предложение, и уже после роспуска суда Кини договорился с Джозефом Боллом, бывшим президентом Государственной ассоциации адвокатов и бывшим главным советником комиссии Уоррена по расследованию убийства Кеннеди, о его встрече с Мэнсоном.

Мэнсон говорил с Боллом и считал его “весьма достойным джентльменом”, о чем и заявил судье Кини 24 декабря. “Мистер Болл, вероятно, разбирается во всем, что касается сферы закона, но он не понимает нынешний разрыв поколений; он не понимает общества, исповедующего свободную любовь; он не понимает людей, стремящихся выбраться из-под всего этого...”

В свою очередь, Болл считал Мэнсона “способным, интеллигентным молодым человеком, рассудительным и спокойным...” Хотя Болл и пытался (безуспешно) убедить Мэнсона в том, что в его собственных интересах было бы воспользоваться услугами опытного юриста, Мэнсон, вне всякого сомнения, произвел на него положительное впечатление. “Мы обсудили различные вопросы права, и, на мой взгляд, он обладает восприимчивым умом... Чрезвычайно восприимчивым. Кстати говоря, ум у него ясен и тонок, с чем я и поздравил его в конце нашей беседы. Мне кажется, я уже говорил вам, что у него высокий коэффициент умственного развития. Иначе он не мог бы общаться со мной на подобном уровне”. Мэнсон “не настроен враждебно по отношению к обществу, — сказал Болл. — И он считает, что если на суде ему будет предоставлена возможность защищаться самостоятельно, если присяжные и Суд смогут видеть его и выслушать его, то все эти люди обязательно поймут, что Чарльз Мэнсон — не из тех, кто совершает кошмарные преступления”.

Когда Болл закончил, судья Кини более часа опрашивал Мэнсона о его познаниях в вопросах судебной процедуры и о возможной ответственности по пунктам предъявленного ему обвинения, все это время разве что не умоляя его пересмотреть свою позицию и отозвать собственную просьбу о самостоятельной защите.

Мэнсон: “Всю мою жизнь, сколько я себя помню, я пользовался вашими советами. Ваши лица сменялись одно другим, но это все тот же

зал суда, все та же структура... Всю свою жизнь я провел в маленьких закрытых помещениях, Ваша честь. И я научился мириться с этим... У меня нет иной альтернативы, кроме как сражаться с вами всеми доступными мне средствами, потому что вы сами, и окружной прокурор, и все юристы, с которыми я когда-либо сталкивался, вы все защищаете одни и те же ворота, играете в единой команде. Полиция занимает вашу сторону, и газеты тоже занимают ее, и вся эта машина борется со мною лично... Нет. Я не изменил своего решения”.

Судья: “Мистер Мэнсон, я заклинаю вас не предпринимать этого шага; я заклинаю вас либо назвать своего адвоката, либо, если вы не можете этого сделать, разрешить Суду назначить его”.

Тем не менее Мэнсон хорошо все обдумал, и в итоге судья Кини заключил: “В глазах Суда вы совершаете прискорбную и даже трагическую ошибку, заняв эту позицию, но мне не удалось убедить вас в этом... Мистер Мэнсон, отныне вы — собственный адвокат”.

Канун Рождества. Я работал до 2 часов ночи, после чего отправился домой, взяв выходной на следующие сутки.

26–31 декабря 1969 года

Звонок из ДПЛА. Повар из “Брентвуд кантри клуб” говорит, что тем человеком, перед домом которого около часа ночи 9 августа остановились умыться убийцы Тейт, был Рудольф Вебер, старший стюард клуба.

Захватив с собой полицейского фотографа, который должен был сделать снимки участка перед домом, мы с Калкинсом отправились повидать Вебера в его доме по адресу: Портола-драйв, 9870 — это улица, отходящая от Бенедикт Каньон-драйв менее чем в двух милях от усадьбы Тейт. И, уже слушая рассказ Вебера, я не переставал поражаться, какой он идеальный свидетель. У него была прекрасная память, он рассказывал лишь то, о чем помнил, и не старался восполнить пробелы в рассказе выдумками. Он не сумел уверенно опознать людей, запечатленных на снимках, которых я вручил ему целую кипу, зато его основное описание полностью совпало: все четверо были молоды (Уотсон, Аткинс, Кренвинкль и Касабьян едва перешагнули через двадцатилетний рубеж), мужчина был высок (рост

Уотсона — шесть футов один дюйм), а одна из девушек — наоборот (рост Касабьян — пять футов один дюйм). Описание автомобиля — которое так и не появлялось в прессе — совпало с точностью до выцветшего пятна вокруг планок с номерами. Отчего же он в таких деталях описывает машину, но мало что может сказать о внешности приехавших на ней? Очень просто: когда он последовал за четверыми неизвестными к автомобилю, то посветил фонариком на номера; когда же он встретил этих людей на улице, у поливального шланга, все они находились в тени.

У Вебера был заготовлен для нас сюрприз, и немалый. Вслед за происшествием, подумав, что эти четверо могли ограбить кого-то поблизости, Рудольф записал номер автомобиля на бумажку. Ну, ее он давно уже выкинул (у меня екнуло сердце), но номер все еще помнит. GYY 435.

Как ему удалось это запомнить? — спросил я. Такая уж у него работа, отвечал мне Вебер. Стюарду в клубе постоянно приходится запоминать всякие цифры.

Предвидя, что этот вопрос может быть задан Веберу в суде кем-то из защитников, я спросил у него, читал ли он откровения Аткинс. Нет, не читал, был ответ.

Вернувшись в свой кабинет, я достал бланк, заполненный при конфискации машины Джона Шварца: “1959, 4-х дв. “форд”. Лиц. # GYY 435”.

Когда я говорил со Шварцем, бывший работник с ранчо Спана уверял меня, что Мэнсон и девушки частенько одалживали у него машину; фактически, он специально ради них снял с нее заднее сиденье — чтобы было куда девать коробки с продуктами после “мусорных рейсов”. За исключением одной конкретной ночи они всегда спрашивали у него разрешения, прежде чем взять машину.

Что это была за ночь? Ну, он не совсем уверен в точной дате, но где-то за неделю-две перед рейдом. Что произошло в эту ночь? Ну, он уже улегся спать в своем трейлере, когда услышал, как заводят его тачку. Вскочил, выглянул в окно — как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющиеся огни. Который тогда был час? Ну, обычно он отправлялся в постель часов в десять или около того, значит, где-то так. Когда же он проснулся на следующее утро, сказал Шварц, машина уже стояла на

месте. Он спросил, чего это Чарли взял машину без разрешения, а тот ответил, что просто не хотел его будить.

Были ли еще случаи на той же неделе, когда Мэнсон тоже одалживал машину? — поинтересовался я. А как же, как-то ночью Чарли, девицы и еще несколько парней (Шварц не мог вспомнить, что это были за “парни” с “девицами”) говорили, что собираются в город поиграть музыку.

Числа, когда состоялся этот концерт, Шварц не припомнил — разве что добавил, что это было примерно тогда же, когда они брали “форд” без спросу. До или после? Не помнит. Это могли быть две ночи подряд? Этого тоже не помнит.

Я спросил Шварца, не принадлежал ли он сам к “Семье”? “*Никогда!*” — последовал твердый ответ. Однажды, уже после рейда, после того как исчез Коротышка, они с Мэнсоном крепко повздорили, сказал Шварц. Чарли заявил ему: “Я могу убить тебя, когда захочу. Хоть сейчас. Могу зайти в твою спальню в любое время дня и ночи”. Услышав такое, Шварц бросил работу у Спана, где трудился без перерыва с 1963 года, и устроился на другое ранчо.

Что он может сказать об исчезновении Коротышки? Ну, через неделю-две после рейда Коротышка просто перестал болтаться на ранчо. Шварц спросил у Чарли, не слыхал ли тот, куда он дел-ся, а Чарли в ответ: “Он поехал в Сан-Франциско насчет работы. Я посоветовал ему одно местечко”. Честно говоря, Шварц не то чтобы поверил в такое объяснение, особенно после того, как увидал у Билла Вэнса и Дэнни ДеКарло — у каждого — по пистолету 45-го калибра, совсем как у Коротышки.

Да Коротышка в жизни бы не расстался с этими хорошо пристрелянными “пушками”, как бы худо ни шли дела, уверенно сказал мне Шварц.

Конституция Соединенных Штатов прямо говорит, что экстрадиция — действие обязательное, и власти не могут ему препятствовать^[118]. Когда штат имеет действительный, полученный законным путем обвинительный акт (какой мы и имели в случае с Чарльзом “Тексом” Уотсоном), не существует никакой обоснованной законом причины, по которой обвиняемый не может быть передан этому штату без всяких дальнейших проволочек.

Определенные лица в округе Коллин, штат Техас, считали иначе. Билл Бойд, адвокат Уотсона, заявил прессе, что намерен оставить своего клиента в Техасе, даже если для этого ему придется пройти весь путь до Верховного суда Соединенных Штатов.

Отец Билла, Роланд Бойд, считался на Юге влиятельным политиком школы Сэма Рейберна. Он также возглавлял предвыборный штаб одного из кандидатов на пост генерального прокурора Техаса. Именно этот кандидат, судья Дэвид Браун, услышавший о запросе на экстрадицию Уотсона, одну за другой предоставлял бесконечные отсрочки клиенту Бойда-младшего.

Сам Билл Бойд был молодым политиком. Том Райан, местный окружной прокурор, сказал репортеру “Лос-Анджелес таймс”: “Я слышал, что Билл хочет стать Президентом Соединенных Штатов. А после этого — самим Господом Богом”.

Журнал “Тайм” рассказывал: “Когда толпы репортеров выпрашивали разрешение взять тюремное интервью у его подзащитного, Бойд подбросил им весьма прозрачный намек: дескать, семейство Уотсонов может пойти навстречу, “если ваше предложение сможет их заинтересовать”. Кто-то из журналистов предложил ему 1800 долларов. “Нам нужны большие деньги”, — возразил Бойд. Сколько? “Примерно 50 тысяч”, — сказал юрист. Хотя представители прессы встретили подобное требование смехом, Бойд по-прежнему не снижает цены откровений своего клиента и вполне уверен, что в итоге получит требуемую сумму”.

Тем временем Текс явно не испытывал жестоких мук, находясь в заключении. Из самых разных источников нам приходилось слышать, что одиночная камера Уотсона была с удобством обставлена, включая собственный проигрыватель и пластинки к нему. Вегетарианские трапезы готовила Тексу мать; Уотсон продолжал носить одежду по своему вкусу, которую мать же и стирала. И он не слишком страдал от отсутствия общения: камеру по соседству занимали заключенные женского пола.

Экстрадиция Уотсона оказалась нелегкой задачей, но нас не оставляла надежда, что Кэти (Патриция Кренвинкль) может пожелать вернуться в Калифорнию добровольно, выполняя приказы Мэнсона. Пищалка, действуя как связная Чарли, засыпала Кэти потоком писем и

телеграмм, фотокопии которых мы получали от властей Мобайла, штат Алабама: “Мы должны держаться вместе... Если ты тоже приедешь, это хорошо...”

Я заключил, что чувство локтя, о котором во всех этих посланиях шла речь, намекало на намерение Мэнсона устроить общую, так называемую “зонтичную” защиту.

Поскольку “Семья” активно переписывалась с Кренвинкль, но (насколько мы могли судить) даже не пыталась связаться с Уотсоном, я зашел в своих предположениях еще дальше, решив, что на суде Мэнсон с девушками попытаются свалить все на Уотсона.

Предполагая, что они намерены доказать, что именно Текс, а вовсе не Чарли, был заказчиком убийств Тейт — Лабианка, я понемногу начал собирать все клочки сведений, относящиеся к взаимодействию Мэнсона с Уотсоном и к ролям, которые каждый из них играл в “Семье”.

На допросе в Лос-Анджелесе шестнадцатилетней Дайанне Лейк угрожали газовой камерой. И она молчала. Заместитель прокурора округа Инио Бак Гиббенс и следователь Джек Гардинер попытались воздействовать на нее добротой — чем-то, о чем Дайанна на протяжении всей своей жизни имела самое смутное представление.

Родители Дайанны “заделались хиппи”, когда та была еще ребенком. В тринадцать лет она уже жила в коммуне “Хог Фарм” и на себе испытала “прелести” группового секса и ЛСД. Когда, незадолго до четырнадцатилетия, она присоединилась к Мэнсону, родители благословили дочь на этот шаг.

Очевидно, не сочтя Дайанну достаточно покладистой, Мэнсон в разное время бил ее кулаком в челюсть, ножкой от стула по голове, гонял пинками через всю комнату и стегал электрическим шнуром. Вопреки подобному обращению, Дайанна все же оставалась с “Семьей” — что предполагает наличие некоего трагизма в остававшихся у нее альтернативах.

После ее возвращения в Индепенденс Гиббенс и Гардинер подолгу разговаривали с Дайанной. Они убедили ее, что другие тоже могут беспокоиться и заботиться о ней. Жена и дети Гардинера постоянно навещали ее. Поначалу с неохотой, Дайанна понемногу начала рассказывать офицерам о том, что ей было известно. И этого оказалось

не так уж мало, несмотря на то, что перед большим жюри она отрицала все. Так, например, Текс признался ей однажды, что ударил Шарон Тейт ножом. Он сделал это, пояснил Текс, только потому, что убить приказал ему сам Чарли.

30 декабря Сартучи и Нильсен беседовали с Дайанной в Индепенденсе. Она сказала им, что однажды утром, примерно за неделю-другую до рейда 16 августа, Лесли явилась в дом на заднем дворе ранчо Спана с женской сумочкой, мотком веревки и мешочком монет. Войдя, она спрятала все это под покрывало. Когда вскоре в дверь постучал какой-то мужчина, Лесли спряталась и сама. Дайанне она объяснила, что мужчина подвозил ее от парка Гриффита, и что она не желает с ним больше встречаться.

Два следователя по “делу Лабианка” молча переглянулись. Парк Гриффита расположен совсем рядом с Вейверли-драйв.

Когда мужчина ушел ни с чем, Лесли выбралась из-под покрывала и вместе с Дайанной пересчитала деньги. Там было долларов примерно восемь, мелкими монетами, в пластиковом пакете.

Вспомнив о коллекции монет, принадлежавшей Лено Лабианка, следователи весьма заинтересовались этим мешочком с мелочью.

В.: “О’кей, говоришь, помогала Лесли пересчитывать монеты. Ты не видела, среди них попадались монеты других стран?”

О.: “Канадские”.

Затем Лесли раздула огонь и сожгла сумочку (коричневую кожаную сумочку, насколько помнила Дайанна), какие-то кредитные карточки (одна была выдана нефтяной компанией) и веревку (примерно четыре фута длиной и от одного до полутора дюймов в диаметре). Затем она сняла с себя всю одежду и сожгла ее тоже. Дайанна случайно не заметила каких-нибудь следов крови на этой одежде? Нет.

Позднее, в конце августа или в начале сентября, когда они были в Уиллоу-Спрингсе, милях в десяти от ранчо Баркера, Лесли сказала Дайанне, что втыкала в кого-то нож, но этот человек был уже мертв. Мужчина или женщина? Лесли не уточняла.

Лесли также сказала Дайанне, что где-то поблизости от парка Гриффита, рядом с Лос-Фелицем, произошло убийство, что кто-то написал что-то кровью на дверце холодильника, и что она, Лесли, затем все вокруг вытерла — так, чтобы нигде не осталось никаких отпечатков; она протерла даже те вещи, до которых никто из них не

дотрагивался. Когда они уходили, то прихватили с собою немного еды. Какой еды? Упаковку шоколадного молока.

Может, Лесли говорила что-нибудь об убийстве Тейт и других? Нет, сказала только, что не была там.

Сартучи попытался получить еще какие-нибудь подробности. Единственное, о чем еще вспомнила Дайанна, было то, что рядом с домом стояла большая лодка. Но она не помнила, то ли Лесли рассказывала про лодку, то ли она сама прочитала о ней в газете. Впрочем, она помнит, как Лесли описывала ее.

До того единственной уликой, связывавшей Лесли Ван Хоутен с убийствами Лабианка, у нас были лишь показания Сьюзен Аткинс — и ничего более. Поскольку Сьюзен сама обвинялась по делу вместе с остальными, эти показания не могли быть представлены в суде без дополнительного подтверждения их правоты.

Это подтверждение нам предоставила Дайанна Лейк.

Оставался, однако, немаловажный вопрос: сможет ли Дайанна давать показания на суде? Ее душевное равновесие явно было нарушено. Порой у нее случались “флэшбэки”^[119] от принятого ранее ЛСД. Она боялась Мэнсона, и она любила его. Временами ей казалось, что он проникает в ее сознание, в ее мысли. Вскоре после Нового года суд округа Инио оформил ее перевод в находящуюся в ведении штата клинику Паттона — отчасти для решения эмоциональных проблем Дайанны, отчасти же просто потому, что суд не знал, что еще с нею делать.

Новые прибавления в мой личный список “Надо сделать”. Проверить, все ли кредитные карточки Розмари Лабианка найдены в кошельке или каких-то не хватает. Когда врачи разрешат, поговорить с Дайанной; выяснить, не присутствовал ли кто-либо еще во время инцидента в доме на заднем дворе или разговора в Уиллоу-Спрингсе. Узнать у Кацуямы, не были ли какие-то из ран на телах Лабианка причинены *post mortem*, т. е. уже после смерти. Спросить у Сьюзен Стратерс, не было ли у ее матери коричневой кожаной сумочки и не потеряна ли она. Спросить у Сьюзен и/или у Фрэнка Стратерсов, любили ли Розмари или Лено шоколадное молоко.

Ничтожно малые детали, но и они могли иметь значение.

“Гарольд”, чье письмо я нашел в коробках с вещдоками по “делу Тейт”, действительно был тем самым “Гарольдом”, которого Сьюзен Аткинс упомянула в своих показаниях перед большим жури. Его полное имя было Гарольд Тру, и он был студентом. Когда его разыскивали люди из ДПЛА, я был занят другим разговором, так что Аарон вызвался поговорить с Гарольдом самостоятельно.

От Тру, который продолжал относиться к Мэнсону дружески и несколько раз навещал того в окружной тюрьме, Аарон узнал, что они с Чарли познакомились в марте 1968 года, еще когда “Семья” жила в каньоне Топанга. На следующий день Чарли и еще с десятков человек (включая Сэди, Кэти, Пищалку и Бренду, но без Текса и Лесли) явились в гости по адресу Вейверли-драйв, 3267 — этот дом Тру делил еще с тремя юношами, — да так и остались ночевать. Мэнсон приезжал к нему туда раза четыре или, быть может, пять, но потом, в сентябре 1968 года, Тру и остальные его приятели покинули здание. Пока они еще жили на Вейверли-драйв, соседи слишком уж часто жаловались на их шумные вечеринки.

Аарон не спросил у Гарольда, не относились ли Лабианка к тем соседям, что постоянно жаловались, и я пометил себе проверить это. Отвечая на мой вопрос, Тру даже не припомнил, чтобы хоть раз видел кого-то из Лабианка; насколько он может судить, дом 3301 по Вейверли-драйв стоял пустым все то время, что они жили там.

Вернувшись к записям, сделанным во время следствия по делу, я увидел, что Лено и Розмари Лабианка въехали в дом 3301 по Вейверли-драйв лишь в ноябре 1968 года, уже после того, как Гарольд Тру и его товарищи покинули этот район.

Я искал упоминание о каком-то инциденте, который мог бы увязать воедино чету Лабианка и “Семью”. И не мог найти. Так или иначе, у нас на руках оставались два факта: Мэнсон пять или шесть раз бывал в доме по соседству с домом Лабианка и по меньшей мере однажды оказывался у ворот усадьбы Тейт.

Совпадение? Предвидя, что именно на это станет напирать защита Мэнсона, я набросал себе памятку с аргументами, которые мог противопоставить доводам адвокатов.

Чарльз Мэнсон отнюдь не был начисто лишен чувства юмора. Еще оставаясь в окружной тюрьме, он как-то умудрился раздобыть бланк

заявления на выдачу ему кредитной карточки “Юнион ойл компани”. Он заполнил его, указав свое настоящее имя и адрес тюрьмы. В графе “Предыдущее место проживания” проставил: “Киноранчо Спана” и в качестве поручителя указал самого Джорджа. Что до рода занятий, то здесь стояло “миссионер”; сфера деятельности — “религия”; продолжительность работы — “20 лет”. Он также написал в месте, оставленном для первого имени жены, слово “Нет”, а в графе “число состоящих на иждивении” указал число “16”.

Бланк был контрабандой передан на свободу и отправлен в Пасадену. Кто-то в “Юнион ойл” (очевидно, не компьютер) узнал имя — и Чарльз Мэнсон все же не получил тех двух кредитных карточек, на которые подавал запрос.

Еще одной характерной чертой, замеченной мною при наблюдении за Мэнсоном в зале суда, была его самонадеянность, доходящая до дерзости. Возможно, одной из причин ее была его нынешняя дурная слава. В начале декабря 1969 года мало кто вообще слышал о Чарли Мэнсоне. К концу того же месяца убийца уже обогнал по рейтингу популярности свои знаменитые жертвы. Кто-то из “Семьи” с радостью воскликнул: “Чарли попал на обложку “Лайфа”!

Но здесь крылось еще кое-что. У меня создалось впечатление, что Мэнсон, вопреки его высказываниям, убежден, что сумеет выпутаться.

И он был не единственным. Лесли Ван Хоутен написала родителям, что, даже если ее приговорят, она выйдет на свободу уже через семь лет (в Калифорнии человек, приговоренный к пожизненному заключению, получает право подавать прошение о помиловании через семь лет), тогда как Бобби Бьюсолейл написал нескольким подружкам, что ожидает оправдания на повторном процессе, после чего намерен основать собственную “Семью”.

“Что, если Мэнсон потребует немедленного начала процесса?”

Мы с Аароном подолгу обсуждали такую возможность. Подсудимый имеет конституционное право на скорый суд и законное право предстать перед судом уже через шестьдесят дней после получения обвинительного акта. Если Мэнсон намерен настаивать на скорейшем рассмотрении дела, у нас возникают серьезные неприятности.

Нам требовалось время — по двум причинам. Нам все еще отчаянно недоставало улик, подтверждающих показания Сьюзен Аткинс, — и это при том условии (самом по себе маловероятном), что она согласится повторить их в суде. К тому же двое из подсудимых — Уотсон и Кренвинкль — все еще находятся за пределами штата. По досадному совпадению, именно против этих двоих у нас имелись вещественные доказательства вины — иначе говоря, отпечатки пальцев в доме Тейт. Если нам предстоит общий суд над всеми подельниками, чего бы нам хотелось, то потребуется хотя бы кто-то из этих двух на скамье подсудимых.

Я предложил блефовать. Всякий раз, как мы окажемся в суде, нам следует показывать, что мы рассчитываем начать процесс по возможности скорее. Единственная наша надежда — в том, что Мэнсон может счесть, что это ему не на руку, и начать затягивать рассмотрение дела.

То была чистая игра. Оставалась вполне реальная возможность того, что Чарли раскусит наш блеф и скажет, с этой его странной улыбочкой: “О’кей, давайте судиться немедленно”.

Часть 4

В ПОИСКАХ МОТИВА

Святое Писание, “The Beatles” и Helter Skelter

Если бы я старался найти мотив, то стал бы искать что-то, что не вписывалось бы в ваши привычные стандарты, с которыми полицейские сталкиваются то и дело... здесь что-то гораздо более запредельное.

Роман Полански — лейтенанту Эрлу Димеру

Январь 1970 года

Служебная записка. От кого: зам. ОП Винсента Буглиози. Кому: окружному прокурору Эвеллу Янгеру. Тема: состояние дел Тейт и Лабианка.

Докладная занимала тринадцать страниц, но всю суть документа выражал один-единственный абзац:

“Без показаний Сьюзен Аткинс по делу Тейт доказательства вины двух из пяти подсудимых [Мэнсона и Касабьян] довольно спорны. Без ее показаний по “делу Лабианка” доказательства вины пяти из шести подсудимых [всех, за исключением Ван Хоутен] отсутствуют”.

В прямом смысле. Без помощи Сэди мы ничего не могли доказать.

На 2 января я назначил встречу со следователями по обоим делам и передал им список необходимых действий, насчитывавший сорок два пункта.

Многие уже повторно легли на бумагу: надо осмотреть местность, где найдены одежда и револьвер, поискать там ножи. Надо выяснить, сумел ли Гранадо “совместить” обувь, привезенную нами в ноябре, с кровавым отпечатком каблука, оставленным на дорожке у дома Тейт. В ОНЭ уже должны были прийти к каким-то выводам относительно

кусачек и найденных телевизионщиками предметов одежды. Где хранится аудиозапись показаний двух старателей, Крокетта и Постона, сделанная помощником шерифа округа Инио Уордом? Где отчет об оплате междугородных переговоров по домам Тейт и Лабианка, а также по ранчо Спана? Телефонные компании уничтожают данные через полгода; надо бы поспешить.

Многие из этих действий представляли собой элементарные следственные шаги, логично вытекающие из предыдущих и, по-моему, вполне доступные смекалке самих следователей, которым стоило бы предпринять их и без наших подсказок... Получить у Аткинса образец письма печатными буквами и сравнить его с надписью "PIG" на парадной двери дома Тейт. То же — касательно подсудимых Ван Хоутен, Кренвинкль и Уотсона; необходимо сравнить образцы их письма с надписями в доме Лабианка. Где, наконец, подробный отчет об украденных из того же дома кредитных картах (мы надеялись найти чеки на продажу веревок или складных карманных ножей)? ДеКарло говорил, в июне 1969 года они с Мэнсоном покупали трехжильную нейлоновую веревку в магазине "Джек Фрост" в Санта-Монике; надо спросить у тамошних служащих, продавалась ли у них такая веревка, и не узнают ли они кого-то в "Семейном фотоальбоме" — в частности, Мэнсона и/или ДеКарло. Кроме того, надо бы показать фотографии Мэнсона, Аткинса, Касабьян и прочих служащим станции "Стандарт" в Сильмаре, где найден кошелек Розмари Лабианка.

Передав следователям список, я спросил: "Полагаю, что, помимо всех тех заданий, которые вам выдаются, вы, ребята, ведете собственное расследование?" Долгая тишина, которой были встречены мои слова, сама по себе послужила ответом. Потом Калкинс возгласил: "Как можно требовать от нас всех этих вещей? Мы полисмены, а не юристы".

"Погоди-ка минутку, — сказал я. — Эти сорок два пункта не имеют ничего общего с юриспруденцией. Каждый направлен на то, чтобы собрать как можно больше доказательств в нашу пользу и укрепить сторону обвинения против этих людей".

"Все равно, это не наше дело", — продолжал сопротивляться Калкинс.

Его замечание настолько меня возмутило, что я едва не утратил хладнокровия. *"Вести следствие, собирать улики, привязывать*

подсудимых к *corpus delicti*^[120] — не дело полиции? Да неужто, Боб! Вы же следователи. А вот мы с Аароном — юристы. У каждого своя работа. И если кто-то с ней не справится, Мэнсон выйдет на свободу. Подумайте об этом”.

Я еще мог бы понять, если б у следователей было по горло других забот, — но они были приписаны исключительно к нашему делу.

В отличие от Калкинса Майк Макганн редко протестовал, но вместе с тем он и редко справлялся с порученными ему заданиями. На сторонний взгляд, следователи по “делу Лабианка” были куда более сознательны. За те недели, что мы работали рука об руку, я все чаще давал им задания, имевшие прямое отношение к убийствам, совершенным на Сизло-драйв, зная, что они сделают все возможное. При этом сначала я, разумеется, проконсультировался у лейтенанта Хелдера, который с готовностью признал, что Калкинс с Макганном попросту не справляются с обязанностями.

Если это хоть чуть-чуть могло утешить полицейских (а я уверен, что не могло), мой собственный список получился гораздо длиннее. Там были и простые заметки (например: “Раздобыть альбом “The Beatles”, содержащий песню “Helter Skelter”), и более пятидесяти имен потенциальных свидетелей, с которыми мне хотелось переговорить. Там также были и специфические задачи, вроде: “Получить точные размеры всех ран, нанесенных супругам Лабианка, — офицеры полиции не просили об этом заместителя медицинского эксперта Кацуяму, — с тем чтобы установить точные размеры использованных убийцами ножей”.

Размеры были крайне важны. Если характер ранений указывал, что те могли быть сделаны кухонными ножами, принадлежащими Лабианка, из этого следовал бы логичный вывод, что подсудимые вошли в дом без оружия, а затем убили обоих Лабианка их собственными ножами. И защита обязательно спросит: если Мэнсон намеревался убить этих двоих, неужели же он послал бы на дело невооруженных людей?

Еще большее значение имел другой пункт, присутствовавший во всех списках: “Найти упоминания об инцидентах (и свидетелей, которые могли бы подтвердить их), когда Мэнсон приказывал или давал кому-либо инструкции сделать хоть что-то”.

Поставьте (вернее, посадите) себя на место присяжных. Поверили бы вы прокурору, который объявил бы, что гном с ранчо Спана мог послать полдюжины человек (в большинстве своем — юных девушек) совершить ради него убийства людей, которых они лично не знали и вражды к которым не испытывали, — а те повиновались, не произнеся ни слова протеста?

Чтобы убедить в этом присяжных, мне сначала придется доказать безоговорочную власть Мэнсона над “Семьей” и — в особенности — над поделщиками. Власть столь непререкаемую, столь полную, что те подчинились бы ему во всем, скажи он хоть слово. Во всем, включая убийство.

Всякий раз, когда я беседовал с кем-нибудь, имевшим отношение к “Семье”, я обязательно спрашивал, не приведет ли мой собеседник пример контроля Мэнсона. Часто свидетель не мог самостоятельно припомнить такого яркого случая, и мне приходилось “копать”, выуживая их на поверхность. Почему Мэнсон колотил Дайанну Лейк? Не потому ли, что та не выполнила какой-то его приказ? Кто распоряжался на ранчо? Кто указывал, кому мыть посуду, а кому — стирать? Кто расставлял телохранителей и дозорных? Не вспомните ли вы хоть одного случая, чтобы Текс возразил Чарли?

Сбор показаний особенно затруднялся тем, что Мэнсон редко отдавал прямые приказы. Обычно он не командовал, кому и что делать, а излагал свои распоряжения в форме предложений и предположений, — вот только предложения, исходившие от Мэнсона, имели силу приказа.

Абсолютная власть. Если мы не сумеем доказать ее наличие вне разумных сомнений, то ни за что не добьемся приговора в отношении Мэнсона.

Когда адвокаты-защитники требуют представить материалы по делу, я приглашаю их в свой кабинет и позволяю просматривать собранные нами папки с бумагами и коробки с вещественными доказательствами. Поскольку Мэнсон теперь выступал в роли собственного защитника, эти папки оказались в его распоряжении; единственное отличие состояло в том, что все эти материалы переправлялись в окружную тюрьму, и он просматривал их там. По

распоряжению суда секретари нашего офиса сделали фотокопии всего, что у нас было, — по экземпляру для каждого из адвокатов.

Исключений было всего только два. Выступая в суде, я заявил: “Мы твердо выступаем против того, чтобы снабдить мистера Мэнсона адресами, равно как и номерами телефонов будущих свидетелей обвинения, Ваша честь”. Я также отчаянно сопротивлялся тому, чтобы предоставить защите копии фотографий с телами жертв. Мы слышали, что некий немецкий журнал предложил за них круглую сумму в 100 тысяч долларов. Я же не хотел, чтобы семьи убитых открыли журнал и увидели эту ужасную бойню.

С двумя исключениями — в обоих случаях суд принял решение в нашу пользу — обвинение, следуя букве закона, передало защите все, что той было необходимо; в ответ же мы не получили ровным счетом *ничего* — закон в данном случае являет собой улицу с односторонним движением. Мы даже не могли получить список свидетелей, которых защитники намеревались вызвать в суд. Разыскивая ниточки, которые могли бы привести меня к этим людям, я по-прежнему читал газеты и журналы.

Но даже и это не было столь просто, как звучит. Многие из тех, кто ранее имел отношение к “Семье”, опасались за собственную жизнь. Некоторые, включая и Денниса Уилсона из “The Beach

Boys”, получали анонимные письма с угрозами. В самих же статьях часто использовались псевдонимы: мало кто хотел, чтобы его цитировали. В нескольких случаях мне удавалось вычислить кого-то только для того, чтобы обнаружить: с этим человеком я уже беседовал. И слишком часто мне попадались выдумки, преподнесенные как непреложный факт.

В одной статье говорилось, что Мэнсон и различные другие члены “Семьи” посетили вечеринку, которую Роман и Шарон устраивали в доме 10050 по Сиэло-драйв в начале 1969 года. Отысканный мною журналист сказал, что источником этой информации был Алан Ворнеке, близкий друг Терри Мельчера. Когда я связался с Ворнеке, тот заявил, что ничего подобного не говорил. В конце концов я собрал список лиц, присутствовавших на вечеринке, и поговорил с теми, кого удалось найти. Никто не видел Мэнсона или других на Сиэло-драйв: ни в ту самую ночь, ни когда-либо еще.

Питер Маас, автор “Бумаг Валачи”^[121], написал статью под названием “Убийство Шарон Тейт”, появившуюся в “Лэдис хоум джорнал”. Там имелся следующий абзац:

“Как еще можно достучаться до истеблишмента? Этим людям не нужны песни. Я пробовал им петь. Я пытался спасти их, но они не хотели слушать. Теперь мы должны уничтожить их”. Чарли Мэнсон — *другу*, лето 1969”.

Это была серьезная улика, и я захотел выяснить, с чьих же слов Маас процитировал Мэнсона. Сделав полтора десятка звонков, я наконец нашел Мааса в Нью-Йорке. Когда я спросил, где он раздобыл некоторые другие заявления, Маас быстро назвал мне имена. Но когда речь зашла о приведенной выше ключевой цитате, которую “Джорнал” разместил курсивом на первой странице статьи, Маас признался, что не помнит, кто именно рассказал ему это.

Вычеркиваем еще одну, казалось бы, такую многообещающую улику.

9 августа 1968 года (ровно за год до убийств на Сизло-драйв) Грегг Джекобсон договорился о профессиональной сессии аудиозаписи для Мэнсона в частной студии в Ван-Нуйсе^[122]. Я поехал туда послушать записи, которыми теперь владел Херб Вейзер, голливудский адвокат, представляющий интересы студии.

На мой собственный непрофессиональный слух, опусы Мэнсона показались ничем не хуже песен множества других современных исполнителей^[123]. Впрочем, музыкальные способности Чарли интересовали меня лишь постольку поскольку. И Аткинс, и ДеКарло говорили мне, что выражение *Helter Skelter* встречается, по меньшей мере, в одной из собственных песен Мэнсона. У обоих я переспрашивал: “Вы уверены, что он не просто пел песню “The Beatles”?” Да, отвечали мне оба; то была собственная композиция Чарли. И если бы мне удалось найти где-нибудь в его текстах *Helter Skelter*, *свинья*, *смерть свиньям* или *восстань*, это стало бы большим козырем обвинения, сильной косвенной уликой.

Но увы.

Какое-то время казалось, что с экстрадией Уотсона нам может повезти несколько больше. 5 января, вслед за слушанием в Остине,

секретарь штата Техас Мартин Диес-младший постановил, что Уотсона необходимо вернуть в Калифорнию. Бойд вернулся в Маккинни и написал судебный приказ о защите неприкосновенности личности от произвольного ареста, завершив его просьбой об отмене постановления Диеса. Приказ попал на стол судьи Брауна, и 16 января Браун подписал тридцатидневное перенесение слушания дела по запросу Бойда. Текс остался в Техасе.

Шестого числа, в Лос-Анджелесе, Линда Касабьян выслушала предъявленное ей обвинение и заявила о своей невинности. В тот же день адвокат Марвин Парт попросил о назначении судом психиатрической экспертизы в отношении своей подзащитной, Лесли Ван Хоутен. Судья Кини назначил экспертизу с участием доктора Блейка Скрдлы, который должен был представить конфиденциальное заключение Парту. Еще ранее Парт запросил и получил разрешение записать показания Лесли на магнитофон. И, хотя сторона обвинения не услышит записи и не увидит заключения психиатра, мы вполне могли предполагать, что Парт, как и его предшественник Барнетт, намерен доказывать невменяемость Лесли.

Реакция Мэнсона не заставила себя ждать.

19 января Лесли попросила сложить с Парта полномочия ее защитника и назначить вместо него Айру Рейнера.

Из-за возможной скандальности показаний Ван Хоутен судья Джордж М. Делл решил прояснить этот вопрос в собственном кабинете, подальше от публики и прессы^[124].

Парт противился замене, доказывая, что Лесли Ван Хоутен не способна принимать рациональные решения ввиду психического расстройства. “Эта девушка сделает все, что подскажут ей Чарльз Мэнсон или любые другие члены т. н. “Семьи”... У нее уже не осталось собственной воли... Из-за власти над нею Чарльза Мэнсона и “Семьи” она не видит разницы, будет ли она судима отдельно от остальных или же вместе со всеми, что грозит ей газовой камерой; она просто хочет оставаться в этой своей “Семье”.

Назначение Рейнера на его место, заявил Парт, проистекает из создавшегося конфликта интересов, и этот конфликт, при таком раскладе, принесет непоправимый вред мисс Ван Хоутен.

Парт рассказал суду, как именно его клиентка вознамерилась отказаться от его услуг. Около недели тому назад Лесли посетила

Пищалка. В присутствии Парта, нимало им не смущенная, Пищалка объявила Лесли: “Мы считаем, что тебе пора сменить адвоката” — и показала ей визитку Рейнера. Лесли ответила: “Я сделаю все, что захочет от меня Чарли”. Несколько дней спустя она: 1) отказалась встретиться с психиатром и 2) сообщила Парту, что он более не ее адвокат, а на его месте оказался Рейнер.

Парт хотел, чтобы судья Делл прослушал сделанную им магнитофонную запись показаний Лесли. Защитник был уверен, что, услышав ее, судья осознает: Лесли Ван Хоутен не способна действовать в своих собственных интересах.

Стало очевидным, что, по мнению Парта, общий для всех подсудимых процесс и зонтичная защита вредят его подопечной. Остальные подсудимые обвинялись в семи убийствах, Лесли же — только в двух. И доказательства ее вины отнюдь не были неопровержимы. “Насколько я могу судить, — сказал Парт, ссылаясь на показания Дайанны Лейк, полученные им с остальными материалами следствия, — все, что она сделала, — это ткнула ножом в чье-то уже мертвое тело”.

Затем судья Делл задал несколько вопросов Айре Рейнеру, который признался, что говорил с Мэнсоном “раз, наверное, с дюжину”. Он признал также, что Мэнсон был одним из тех, кто предлагал ему стать адвокатом Лесли. Сам Рейнер, однако, не представлял интересы Мэнсона и лишь однажды встречался с мисс Ван Хоутен, получив от нее письменное приглашение.

С самой Лесли судья Делл говорил в отсутствии обоих адвокатов. Она была неколебима в своем решении: ей нужен Рейнер.

Парт буквально умолял судью Делла послушать магнитофонную запись показаний Лесли, сказав при этом: “Девушка настолько безумна, что все это смахивает на научную фантастику”.

Судья Делл возражал; он предпочел бы не слышать записи. Его интересовал лишь один вопрос: находится ли мисс Ван Хоутен в достаточно трезвом уме, чтобы, действуя адекватно, произвести замену защиты. Чтобы определить это, он предписал трем психиатрам выслушать сделанную Партом запись, обследовать Лесли и представить ему лично конфиденциальный документ, в котором содержался бы ясный и четкий ответ на этот единственный вопрос.

Мэнсон предстал перед судьей Деллом 17 января.

Мэнсон: “У меня тут заявление... Это странное заявление... Возможно, никогда прежде такие заявления не подавались”.

Судья: “Доверьтесь мне”.

После изучения бумаги судье пришлось согласиться: “Вне всяких сомнений, это любопытный документ”.

“Чарльз Мэнсон, также известный как Иисус Христос и Заключенный”, в сопровождении еще шестерых подсудимых, называющих себя “Семейство Божественного Духа”, составили судебный запрос от имени Мэнсона-Христа, изобличающий шерифа в том, что тот ограничивал его духовную, умственную и физическую свободу, действуя неконституционно и не в соответствии с божескими и человеческими законами. В конце заявления перечисленные лица требовали, чтобы вышеупомянутый Мэнсон тотчас же был освобожден.

Судья Делл отказал в удовлетворении этого требования.

Мэнсон: “Ваша честь, за громкими словами, за судебной путаницей и под своей мантией вы скрываете от людей истину”.

Судья: “Это я не нарочно”.

Мэнсон: “Порой я сомневаюсь, в курсе ли вы происходящего”.

Судья: “Порой я и сам в этом сомневаюсь, мистер Мэнсон. Признаю, что и меня иногда гложут сомнения... Однако и мы, в своих черных мантиях, тоже делаем свое дело”.

Мэнсон потребовал, чтобы ему предоставили магнитофон, свободный доступ к телефону и другие привилегии, в которых и Офис шерифа, и Офис окружного прокурора ему необоснованно отказывали. Делл поправил его.

Судья: “Между прочим, обвинитель готов зайти в этом куда дальше шерифа”.

Мэнсон: “Да, я как раз собирался просить его отказаться от своих претензий. Это сохранило бы всем нам огромное количество времени и сил”.

Судья: “Как, и разочаровать всех этих людей? Ни за что, мистер Мэнсон”.

Когда 28 января Мэнсон вновь предстал перед судьей Деллом, он все еще жаловался на ограничение естественных привилегий. Например, он хотел поговорить с Робертом Бьюсолейлом, Линдой

Касабьян и Сэди Мэй Глютц, но их адвокаты неизменно отказывали ему в этом. Судья Делл проинформировал Мэнсона, что у них есть на это полное право.

Мэнсон: “Я получил письмо от Сэди. Она пишет, что окружной прокурор вынудил ее сказать все то, что она здесь наговорила”.

Мэнсон играл на прессу, уверенный, что та тут же раструбит об этом выпаде в наш адрес, — и не ошибся. Лучшим ходом мог быть лишь прямой звонок Сьюзен и четкие инструкции к действию.

Аарон выступил с нашим блефом, заявив, что *Народ* готов отстаивать в суде свои интересы в этом деле.

Мэнсон, к нашему облегчению, решил, что еще не готов к этому.

Судья Делл назначил судьей в нашем процессе Уильяма Кини и отложил назначение даты начала судебных заседаний на 9 февраля.

Охватившее нас облегчение было неописуемым. У нас не просто были слабые улики против подсудимых, мы с Аароном все еще не могли сойтись во взглядах на мотив преступлений.

Сторона обвинения не обязана представить в суде мотив преступных действий. Но мотив — крайне важная улика. Присяжные хотят знать, *почему* произошло то, что произошло. И если четкий мотив преступления является косвенным подтверждением вины подсудимого, то отсутствие мотива косвенно подтверждает его невиновность.

В нашем случае представить мотив было даже важнее, чем в большинстве других, поскольку все эти убийства выглядели совершенно бессмысленными. Вдвойне важно было доказать, что мотив имелся у Мэнсона — поскольку сам он не присутствовал в момент совершения преступлений. Если бы мы смогли доказать присяжным, что Мэнсон (и только он!) имел мотив для совершения убийств, это стало бы крайне важной косвенной уликой того, что он же и приказал их совершить.

Мы с Аароном уже довольно давно были друзьями. Мы выработали обоюдное уважение, и это помогало нам говорить вслух все, о чем мы думали, так что наши дискуссии нередко бывали весьма жаркими. И эта не стала исключением. Аарон считал, что мы могли бы назвать в качестве мотива кражу. Я вполне откровенно заявил ему, что это просто смехотворно. Что такого они украли? Семьдесят с чем-то долларов у Абилай Фольгер, кошелек Розмари Лабианка (который

выбросили, не тронув денег), возможно, мешочек монет и упаковку шоколадного молока. Вот и вся кража. Насколько мы знали, из обоих домов ничего более не пропало. В полицейских отчетах прямо говорится: признаков ограбления или поиска ценных вещей не обнаружено. Находившиеся на виду предметы ценой в тысячи долларов остались там, где стояли.

В качестве альтернативного мотива Аарон предположил, что Мэнсон мог стараться собрать достаточную сумму, чтобы выплатить залог, необходимый для освобождения из-под стражи Мэри Бруннер, матери собственного ребенка, арестованной вечером 8 августа за использование краденой кредитной карточки. И вновь я исполнил роль “адвоката Дьявола”. Семь убийств, пять — одной и еще два — второй ночью; 169 отдельных ножевых ран; слова, написанные кровью жертв; нож, воткнутый в горло одного из убитых, вилка в его животе, вырезанное прямо на теле слово “WAR”, — и все это только для того, чтобы собрать 625 долларов?

Не то чтобы у нас совсем не было мотива. Хотя Аарон и работники ДПЛА отказывались согласиться, мне казалось, что мотив найден. Вот только уж очень он был причудливый.

Когда, еще 4 декабря, я говорил со Сьюзен Аткинс, она сказала мне буквально следующее: “Все это было сделано, чтобы вселить страх в истеблишмент, начать паранойю. И еще — для того, чтобы показать черным, что они в силах одолеть белых”. Это, по ее словам, станет лишь началом *Helter Skelter*, что она сама определила (когда я задавал ей вопросы перед большим жюри днем ранее) как “последнюю войну на этой планете... Словно все прошедшие когда-либо войны составлены друг на дружку...”

“За всем этим был так называемый мотив, — писала она Ронни Ховард. — Это было [сделано] для того, чтоб вселить страх в свиней и приблизить судный день, который наступил для всех нас”.

Судный День, Армагеддон, *Helter Skelter* — для Мэнсона эти слова значили одно и то же: расистскую резню, победу в которой предстояло одержать чернокожей части человечества. Карма совершает обороты, и теперь настала очередь черных оказаться наверху”. Дэнни ДеКарло говорил, что Мэнсон проповедовал это без передышки. Даже совсем случайный для “Семьи” человек, каким был байкер Эл Спринджер, посетивший ранчо Спана всего несколько раз, рассказывал мне, что,

сдается ему, *Helter Skelter* — любимое выражение Чарли, раз уж он так часто им пользуется.

То, что Мэнсон предвидел войну между черно- и белокожими, не было слишком уж фантастично. Многие верят, что такое вполне вероятно. Действительно фантастична была его убежденность, что начать войну может он сам, лично: представив убийства семерых представителей белой расы как совершенные черными, он сумеет обратить гнев “белой” части общества против “черных”.

Мы знали, что для убийств на Сизло-драйв имелся, по крайней мере, один второстепенный мотив. Как выразилась на сделанной Кабальеро записи Сьюзен Аткинс, “Чарли выбрал именно этот дом, чтобы напугать Терри Мельчера, потому что Терри обещал нам кое-что, но так и не выполнил обещания”. Но это, очевидно, не могло послужить основным мотивом для преступления, поскольку, по словам Грегга Джекобсона, Мэнсон знал, что Терри Мельчер уже не живет в доме 10050 по Сизло.

Все уже собранные нами улики, как мне казалось, указывали на один-единственный первичный мотив — *Helter Skelter*. Этот мотив необычен, но таковы и сами убийства. Они невероятны, и с первых же мгновений моего участия в деле я чувствовал, что и мотив неизбежно окажется почти столь же нелеп; такого не сыщешь в учебнике криминологии.

“Присяжные ни за что не примут всерьез твою теорию о *Helter Skelter*, — сказал мне Аарон. — Надо предложить им что-то такое, что они в состоянии будут понять”. Я заявил в ответ, что и двух секунд не пройдет, как я отброшу эту свою теорию, если только Аарон сможет найти в уликах хотя бы намек на какой-то другой мотив.

Тем не менее Аарон был прав. Присяжные не воспримут *Helter Skelter*, каков он есть. Нам не хватало слишком многих обрывков и клочков, — равно как и единственной, но столь важной привязки.

Предположим, Мэнсон действительно верил, будто своими действиями сумеет развязать расовую войну; в таком случае, что же он сам, Чарли Мэнсон, собирался выиграть от этого?

Ответа я не находил. А без него весь мотив не имел смысла.

“Всегда думай о Теперь... Нет времени оглядываться... Нет времени объяснять, как...” Все тот же рефрен вновь и вновь возникал

почти в каждом письме, посылаемом Сэнди, Пищалкой, Цыганкой или Брендой подсудимым. Скрытый смысл был тем не менее очевиден: “Не говорите им ничего”.

Девушки Мэнсона пытались пробиться к Бьюсолейлу, Аткинс и Касабьян, атакуя их письмами, телеграммами и попытками устроить свидания, с одной целью — заставить их отказаться от услуг нынешних адвокатов, объявить ложными все показания, которые они могли уже дать, и прикрыться на процессе единой общей защитой.

Хотя Бьюсолейл и соглашался, что “исход всей затеи зависит от того, сможет ли “Семья” остаться вместе в своих мыслях, не разобьется ли на группы, не начнет ли давать показания против себя самой”, он все же решил: “Я намерен оставить прежнего адвоката”.

Бобби Бьюсолейл всегда сохранял известную долю независимости. Не столько красивый, сколько “хорошенький” (девушки придумали ему кличку Купидон), Бьюсолейл сыграл несколько второстепенных ролей в паре-тройке фильмов, писал музыку, организовал рок-группу, содержал собственный гарем — и все это еще до знакомства с Мэнсоном. Лесли, Цыганка и Китти жили с Бобби прежде, чем все вместе присоединились к Чарли.

Бьюсолейл попросил, чтобы Пищалка и все прочие не навещали его так уж часто. Они перетягивают на себя все время, отпущенное ему на свидания, тогда как человеком, с которым он действительно хотел бы встретиться, была Китти, готовившаяся родить ему ребенка менее чем через месяц.

Бьюсолейл не был единственным, на кого оказывалось давление. Без Сьюзен Аткинс обвинения, выдвинутые против Мэнсона, теряли силу — и тот знал это. Члены “Семьи” звонили Ричарду Кабаллеро в любое время дня и ночи. Когда приставания не возымели результата, они перешли к угрозам. В итоге, уступив скорее под напором собственной подзащитной, чем под потоком брани, Кабаллеро сдался и разрешил нескольким из девушек Мэнсона — хоть и не самому Мэнсону — встретиться со Сьюзен.

В лучшем случае то была политика сдерживания. В любой момент Сьюзен могла вознамериться увидеть Чарли, и тогда Кабаллеро ничего не сумел бы сделать, чтобы предотвратить встречу. После появления рассказа Сьюзен в “Лос-Анджелес таймс” на стенах “Сибил Бранд” все чаще стали попадаться маленькие буквы: “Сэди Глутц — стукачка”,

что весьма смущало Сьюзен. И всякий раз, как происходило что-либо подобное, весы еще чуть-чуть склонялись в пользу Мэнсона.

Мэнсон понимал также, что, в случае отказа Сьюзен Аткинс выступить в суде, нашей единственной надеждой останется Линла Касабьян. Спустя какое-то время адвокат Линды, Гари Флейшман, отказался встретиться с Цыганкой — до такой степени его стали раздражать ее чрезмерно частые посещения. Цыганка множество раз повторяла ему: если Линда не даст показаний, всех отпустят по домам. Флейшман однажды взял Цыганку с собой, отправляясь на очередную встречу с подзащитной. Цыганка объявила Линде — в присутствии нескольких свидетелей, — что та должна солгать, сказав, будто бы в ночи убийств Тейт — Лабианка она не покидала ранчо Спана, а вместе с нею осталась у водопада. Цыганка обещала поддержать этот ее рассказ.

Будь мне дано выбирать основного свидетеля обвинения между Сьюзен и Линдой, я с огромным облегчением выбрал бы Линду: она никого не убивала. Но, спеша передать дело большому жюри, мы заключили с Аткинс договор, условия которого должны были теперь выполнять, хотели того или нет. Если только Сьюзен не передумает.

Но и такой вариант имел острые углы. Если Сьюзен не даст показаний, нам потребуется помощь Линды — но без показаний Сьюзен мы не могли доказать вину Касабьян, так что же мы тогда смогли бы предложить ей взамен? Флейшман хотел добиться для нее полной неприкосновенности, но (с точки зрения Линды) куда лучше предстать перед судом и быть оправданной, чем получить неприкосновенность, дать показания против Мэнсона и затем рисковать, подвергаясь угрозам мести со стороны “Семьи”.

Этот момент нас весьма беспокоил. До какой именно степени нас снедало это беспокойство, показывает сделанный мною телефонный звонок. После того как Мэнсону было предъявлено обвинение в убийствах Тейт — Лабианка, власти округа Инио отозвали назад ранее предъявленное ему обвинение в поджоге — хоть и имели достаточно доказательств. Я позвонил Фрэнку Фоулзу и попросил его вновь подать заявку на предъявление обвинения — что он и сделал 6 февраля. Вот до какой степени мы опасались, что Мэнсон вскоре окажется на свободе.

Февраль 1970 года

Может показаться немыслимым, чтобы человек, обвиненный в серийных убийствах, мог сделаться героем контркультуры. Но для кого-то Чарльз Мэнсон стал именно таким символом.

Незадолго перед тем, как самой уйти в глухую оппозицию, Бернадин Доурн сказала собравшимся на слете организации “Студенты за демократическое общество”^[125]: “Прикончить этих богатых свиней их собственными вилками и ножами, а потом ужинать в той же комнате — потрясно! “Метеорологи” понимают Чарльза Мэнсона”.

Андерграундная газета “Дитя вторника”, называвшая себя “голосом йиппи”, обвиняла конкурирующее издание “Лос-Анджелес фри пресс” в том, что те уделяют Мэнсону слишком много внимания, — но затем опубликовала его фото во всю обложку, сопроводив надписью: “ЧЕЛОВЕК ГОДА”.

На обложке следующего номера Мэнсон изображен распятым на кресте.

На прилавках психоделических лавочек появились плакаты с Мэнсоном и майки с его фотографиями, вместе со значками “Свободу Мэнсону!”

Цыганку и других участников “Семьи” приглашали на вечерние радиоэфир, чтобы послушать, как те поют песни Чарли и во всеуслышание проклинаят прокуратуру за “издевательство над невинным человеком”.

Растянув привилегии собственного защитника до невероятных пределов, сам Мэнсон дал огромное количество интервью независимой прессе. Несколько радиостанций также взяли у него телефонные интервью из здания окружной тюрьмы. А в списке его посетителей, среди “свидетелей по материалам следствия”, теперь попадались и кое-какие известные имена.

“Я влюбился в Чарли Мэнсона в первый же раз, как увидел по “ящику” его ангельское лицо и сверкающие глаза! — восклицал Джерри Рубин^[126]. Воспользовавшись перерывом в слушании дела “чикагской семерки”, Рубин отправился по стране с лекциями и навестил Мэнсона в тюрьме, после чего вероятность использования Мэнсоном разрушительной, подрывной тактики на собственном процессе резко выросла. По словам Рубина, Чарли болтал без умолку три часа подряд,

сказав ему, помимо всего прочего, следующее: “Рубин, я не принадлежу к твоему миру. Всю свою жизнь я провел в тюрьме. Я был ребенком-сиротой, слишком уродливым, чтобы кто-то захотел меня усыновить. Теперь я чересчур прекрасен, чтобы оказаться на свободе”.

“Его слова и мужество вдохновили нас, — позднее написал Рубин. — Души Мэнсона легко коснуться, поскольку она лежит прямо на поверхности”^[127].

И все же Чарльз Мэнсон — революционный мученик — обладал имиджем, открыто поддержать который не каждый бы решился. Тот же Рубин признал, что его просто бесил “невероятный мужской шовинизм” Мэнсона. Репортер из “Фри пресс” был поражен, обнаружив в Мэнсоне законченного ненавистника и евреев, и чернокожих. А когда кто-то из бравших у него интервью предположил, что Мэнсон — такой же политический заключенный, как и Хьюи Ньютон^[128], Чарли с очевидной досадой переспросил: “Это еще кто такой?”

Таким образом, группа, выступавшая в поддержку Мэнсона, на проверку оказалась хоть и горласта, да невелика. Если верить репортажам газет и телевидения, большинство молодых людей, которых средства массовой информации свалили в одну кучу под вывеской “хиппи”, поспешили отмежеваться от Мэнсона. Многие говорили, что воплощаемые им идеи — скажем, насилие — прямо противоречат их собственным убеждениям. И большинство ругали его, страдая от “виновности по внешнему сходству”. Некий юноша пожаловался репортеру “Нью-Йорк таймс”, что путешествовать автостопом стало практически невозможно. “Если ты молод, носишь бороду или просто длинные волосы, водители смотрят на тебя как на “маньяка-убийцу из того калифорнийского культа” и жмут на газ”.

Ирония происходящего заключалась в том, что Мэнсон никогда не воспринимал себя как хиппи, приравнивая пацифизм к слабости. Если членам “Семьи” непременно нужен ярлык, — говорил он своим последователям, — тогда куда лучше называть их “слиппи”^[129], причем, ввиду практикуемых ими тайных миссии тай-ком-ползком”, этот вариант был весьма подходящим.

Более всего настораживало то, что “Семья” продолжала расти. Группа, жившая у Спана, заметно увеличилась. Всякий раз, когда

Мэнсон появлялся в зале суда, я замечал все новые лица наряду с уже известными мне членами “Семьи”.

Можно предположить, что многих из “новообращенных” привлекала сенсация; их тянуло к ней, словно мотыльков на пламя чужой славы.

Чего мы, однако, не знали, так это того, насколько далеко они готовы зайти, чтобы обрести желанное внимание или хороший прием в своей группе.

6 февраля судья Делл постановил, что Лесли Ван Хоутен официально признана вменяемой; решение основывалось на конфиденциальных заключениях, представленных ему тремя психиатрами. Просьба Лесли о замене адвоката была немедленно удовлетворена.

В тот же день в суде Мэнсон неожиданно подыграл нашему блефу: “Давайте устроим суд пораньше. Завтра или в понедельник. Это хороший день, чтобы начать судилище”. Кини назначил начало процесса на 30 марта — дату, уже названную Сьюзен Аткинс. Это дало нам еще немного времени, но отнюдь не достаточно.

16 февраля Кини выслушал заявление, в котором Мэнсон предлагал перенести слушание дела в какой-нибудь другой город или штат. “Знаете, обо всем этом уже столько написано... Про меня писали больше, чем про того парня, что убил президента Соединенных Штатов, — сказал Мэнсон. — Понимаете, это выходит за все рамки; это даже забавно, но в итоге забавы могут стоить мне жизни”.

Хотя другие адвокаты позднее выступят с похожими заявлениями, настаивая на том, что добиться для их клиентов беспристрастного суда в Лос-Анджелесе невозможно из-за огромного количества публикаций, Мэнсон не слишком упорствовал. Его просьба в некотором роде “бессмысленна”, сказал он, поскольку “я не думаю, что добьюсь справедливости в любом другом месте”.

Кини, в отличие от Мэнсона, не сомневался, что суд вынесет беспристрастное решение, но, отказывая в удовлетворении его просьбы, заметил: “Перенос слушаний в другое место, даже если б это произошло, ничего бы не дал”.

Обвинение придерживалось того же мнения. Сомнительно, чтобы где-то в Калифорнии или в любой другой части Соединенных Штатов

еще оставался уголок, куда не дотянулась пресса.

Всякий раз, когда защита выступала с протестом или заявлением — а таких случаев до окончания процесса наберется несколько сотен, — у стороны обвинения должен был быть заготовлен ответ. Мы с Аароном вместе готовили обвинительные речи, но я вел еще и письменные заметки, в которых перечислялись прецеденты и которые требовали солидной юридической подготовки. И все это — в придачу к достаточно жестким следовательским обязанностям, которые я на себя взвалил.

Впрочем, эти обязанности приносили и свое особое удовлетворение. В начале февраля в материалах обвинения еще имелись гигантские лакуны — области, информация по которым у нас попросту отсутствовала. Так, например, я еще очень слабо представлял себе, что именно заставляло Мэнсона “тикать”, что звало его к действиям. К концу месяца это уже было мне известно. Ибо к тому времени я впервые уяснил себе мотив Мэнсона — причину, по которой он приказывал убивать.

Я редко ограничиваюсь лишь одной беседой со свидетелем. Часто во время четвертого или пятого разговора возникают факты, прежде забытые или казавшиеся несущественными, но которые в верном контексте могут оказаться жизненно важными.

Когда я впервые беседовал с Греггом Джекобсоном накануне заседания большого жюри, важнее всего мне казалось установить связь, имевшуюся между Мэнсоном и Мельчером.

Вторично общаясь с “искателем дарований”, я, к собственному изумлению, обнаружил, что с момента знакомства с Мэнсоном в доме Денниса Уилсона ранним летом 1968 года Джекобсон более сотни раз подолгу говорил с Чарли, в основном о его философии. Как интеллигентный молодой человек, то и дело сталкивавшийся с хиппи и примерявший на себя их жизненный стиль, Грегг никогда не вступал в “Семью”, хоть и многократно навещал Мэнсона на ранчо у Спана. Разглядев в Мэнсоне определенный коммерческий потенциал, Джекобсон считал его “интеллектуально стимулирующей” личностью. Эта сторона Мэнсона настолько привлекала Грегга, что он часто знакомил его с другими своими друзьями — такими как, скажем, Руди

Альтобелли, владелец дома 10050 по Сизло-драйв, сдававший жилье и Терри Мельчеру, и Шарон Тейт.

Я был поражен широте круга знакомых Мэнсона. “Чарли настоящий хамелеон, — объяснял Грегг. — Он часто заявлял, будто у него “тысяча лиц, и каждым он пользуется; у Чарли для каждого найдется отдельная маска”.

Включая присяжных? — задумался я и решил, что, если на процессе Мэнсон наденет маску миролюбивого хиппи, с помощью Грегга мне удастся сорвать ее.

О.: “Он мог общаться с каждым на их собственном уровне: от работников на ранчо и девиц с Сансет-стрип до меня самого”.

Меня же не оставляли сомнения, скрывалось ли под слоями масок “истинное” лицо Мэнсона. Грегг считал, что такое лицо у него имелось. Под всеми масками Мэнсон прятал свои очень ясные, очень жесткие убеждения. “Я редко встречал людей, которые так сильно верили в свои принципы, как Чарли, — его невозможно было даже поколебать”.

Каковы же источники убеждений Мэнсона? — спросил я.

“Чарли крайне редко ссылался на какие-то авторитеты, расписывая свою философию, — отвечал Грегг. — В любом случае, он не гнушался позаимствовать у кого-то приглянувшуюся мысль”.

Упоминал ли когда-нибудь Мэнсон сайентологию или “Процесс”?

“Процесс”, известный также как церковь Страшного суда, был очень необычным культом. Возглавляемые неким Робертом ДеГримстоном (и/или Роберт Мур; как и сам Мэнсон, бывший сайентолог), его приверженцы поклонялись одновременно и Сатане, и Христу^[130].

Тогда я только начинал интересоваться этой группой, отталкиваясь от какой-то статьи, в которой утверждалось, что Мэнсон испытывал неоспоримое влияние “Процесса”.

Так или иначе, Джекобсон сказал, что Мэнсон ни разу не упоминал при нем ни сайентологию, ни “Процесс”. Сам же Грегг в жизни своей не слышал об этой последней группе.

Чарли когда-нибудь приводил прямые цитаты? — спросил я.

Да, отвечал он, “из песен “The Beatles” и из Библии”. Мэнсон безошибочно цитировал целые тексты песен ливерпульской четверки, находя в них множество скрытых оттенков смысла, потаенных откровений. Что же касается Библии, чаще всего он цитировал девятую

главу “Откровения”. Впрочем, в обоих случаях цитаты были призваны поддержать его собственную точку зрения.

Я всерьез заинтересовался этим странным сочетанием и позднее долго расспрашивал Грегга, но сейчас мне больше хотелось узнать о личном мнении самого Мэнсона, о его собственной позиции.

В.: “Рассуждал ли Мэнсон когда-нибудь о понятиях добра и зла?”

О.: “Он верил, что человек не способен совершить дурного поступка, потому что зла не существует. Все хорошо и правильно. Все, что человек делает, он и должен был сделать; против своей кармы не попрешь”.

Философская мозаика начала понемногу складываться. У человека, которому я стремился вынести приговор, отсутствовали какие-либо моральные ограничения. Не то чтобы у него вовсе не было морали — он был попросту совершенно аморален. И подобные люди всегда крайне опасны.

В.: “Говорил ли он, что убить другого человека — плохое деяние?”

О.: “Напротив, он утверждал, что это хорошо”.

В.: “Какую роль в своей философии Мэнсон отводил смерти?”

О.: “В системе понятий Чарли смерть вообще отсутствовала. Смерть — только изменение. Душа или дух не способны умереть... Он говорил об этом постоянно, дух и материя, их взаимосвязь.

Он верил, что все это — лишь в голове, что все субъективно. Он говорил, смерть — это лишь страх, рожденный в голове у человека, и что этот страх можно оттуда изъять, и тогда его больше не будет...

Смерть для Чарли, — добавил Грегг, — действие не более важное, чем поедание трубочки мороженого”.

И все же, когда в пустыне Джекобсон наступил как-то на тарантула, Мэнсон, вспыхнув, отругал его за это. Он бранил окружающих за убийства гремучих змей, за срывание цветов, даже за то, что они походя мятли стебельки травы. Для Мэнсона убить человека не было чем-то неправильным, но причинить вред животному или растению считалось грешно. При этом он повторял, что никакого зла не существует, что все происходящее хорошо.

То, что философия Мэнсона изобиловала подобными противоречиями, кажется, мало беспокоило его последователей, если даже вообще приходило им на ум. Мэнсон утверждал, что каждый человек должен быть независим, — но при этом вся “Семья” зависела

от него одного. Он говорил, что не может никому советовать или приказывать, что все они “должны поступать так, как диктует вам ваша любовь”, но он также утверждал: “Я и есть ваша любовь”, так что его желания автоматически становились их желаниями.

Я спросил Грегга об отношении Мэнсона к женщинам. Этот вопрос особенно интересовал меня из-за женской части подсудимых.

У женщин лишь две цели в жизни, говорил Чарли: служить мужчинам и рожать детей. Но он не разрешал девушкам из “Семьи” воспитывать собственное потомство. Если они будут заниматься воспитанием, объявлял Чарли, то передадут детям собственные комплексы. Чарли верил: если ему удастся уничтожить барьеры, созданные родителями, школой, церковью, обществом,

— тогда он создаст “сильную белую расу”. Как и Ницше, которого Мэнсон, по его словам, прочел, Чарли верил в “расу сверхчеловеков”.

“По словам Чарли, — продолжал Грегг, — женщина может быть хороша лишь настолько, насколько хорош ее мужчина. Они лишь отражения своих мужчин, вплоть до собственных отцов. Женщина — образ собирательный, она аккумулирует в себе мужчин, с которыми когда-либо была близка”.

Тогда почему же в “Семье” столько женщин? — спросил я. На каждого из мужчин их приходилось, по меньшей мере, пятеро.

Лишь с помощью женщин, сказал Грегг, Чарли мог привлекать мужчин на свою сторону. Мужчины представляли собою власть, силу. Но женщины были нужны ему, чтобы заманивать мужчин в “Семью”.

Как и всех прочих, с кем я говорил, я попросил Грегга привести мне пример власти Мэнсона над остальными. Грегг дал мне один из лучших на тот момент примеров: он сказал, что обедал в “Семье” трижды; всякий раз Мэнсон в одиночестве восседал на большом камне, а остальные члены “Семьи” устраивались кольцом вокруг камня, прямо на земле.

В.: “А Текс — он ни разу не поднимался на камень?”

О.: “Нет, конечно же, нет”.

В.: “А кто-нибудь еще из “Семьи” поднимался туда?”

О.: “Только Чарли”.

Я нуждался во множестве, великом множестве подобных примеров, чтобы высыпать их на суде перед присяжными. Лишь тогда эти люди пришли бы к окончательному выводу, что Мэнсон обладал

такой властью над своими последователями, и в особенности — над подельниками, что они ни за что не совершили бы эти убийства без его руководства, его указаний, его приказов.

Я спросил Грегга об устремлениях Чарли, о его целях. “Чарли хотел добиться успеха, записывая пластинки, — ответил Грегг. — Не столько для того, чтоб заработать кучу денег, сколько ради возможности донести свои слова массам, сделать их общим достоянием. Ему нужны были люди: чтобы они жили с ним, занимались с ним любовью, — так он хотел сделать белую расу по-настоящему свободной”.

Что же чувствовал Мэнсон по отношению к чернокожим?

Грегг отвечал, что Чарли “считал, будто они, как раса, находятся на другом уровне, и белые занимают более высокую ступень, чем черные”. Вот почему Чарли столь яро осуждал секс между черными и белыми; “тем самым люди нарушают ход эволюции, смешивают разные нервные системы, менее развитые с более развитыми.

По словам Джекобсона, “Чарли верил, что единственной задачей, стоящей перед чернокожим, было служить белому человеку. Черные должны удовлетворять нужды белых”. Но черные слишком долго оставались в самом низу, говорил Чарли. Теперь настала их очередь перехватить бразды правления. В этом-то и заключался *Helter Skelter*, вся эта черно-белая революция.

Мы с Греггом обсуждали это более десятка раз. То, что ранее представляло собой только фрагменты, обрывки и куски, теперь начинало складываться в единое целое.

Картина, которая вырисовывалась в итоге, впрочем, была столь невероятной, столь невозможной, что сознание практически отказывалось принять ее.

За долгие годы предметных бесед с людьми вырабатываешь особое чувство. Когда кто-то лжет или не рассказывает всей правды, часто это сразу бросается в глаза.

Заново беседуя с Терри Мельчером, я не мог отделаться от ощущения, что он чего-то недоговаривает. Разводить с ним сантименты у меня просто не было времени. Я сказал Терри, что хочу встретиться с ним еще разок, только на сей раз он должен привести своего адвоката, Чета Лаппена. Когда, 17 февраля, мы вновь встретились в кабинете Лаппена, я заявил напрямик: “Вы не говорите мне всей правды, Терри.

Вы что-то скрываете. Что бы это ни было, в конце концов оно выплывет наружу. Гораздо лучше поделиться со мною прямо сейчас, чем дожидаться, пока защита не удивит этим нас обоих на перекрестном допросе”.

Терри несколько минут колебался, но затем решил рассказать мне все.

В тот день, когда новость об участии Мэнсона в “убийствах Тейт” впервые разнеслась журналистами, Терри позвонили из Лондона. Это был Руди Альтобелли, владелец дома 10050 по Сизло-драйв, который сказал ему по секрету, что однажды, в марте 1969 года, когда он принимал душ в гостевом домике усадьбы, Мэнсон постучал в его дверь. Мэнсон заявил, что разыскивает Терри, съехавшего из усадьбы несколько месяцев тому назад, но у Альтобелли, успешно занимавшегося менеджментом множества театральных знаменитостей, появилось подозрение, что на самом деле Мэнсон явился к нему самому: больно уж быстро тот перевел разговор на свою музыку и песни. В довольно завуалированной манере Альтобелли дал ему понять, что не заинтересован в сотрудничестве, — и Мэнсон ушел.

Гостевой домик! “Терри, — вскричал я, — почему же вы раньше этого не рассказали?”

“Я не думал, что это так уж важно”.

“Господи, Терри, это помещает Мэнсона внутрь забора усадьбы Тейт. Как вы прекрасно знаете, чтобы дойти до гостевого домика, ему нужно было пройти мимо основного здания. Стало быть, Мэнсон был знаком с расположением построек и вообще с территорией. Я уж и не представляю, *что* может быть для нас более важным. Где сейчас Альтобелли?”

“В Кейптауне, в Южной Африке”, — с неохотой признался Мельчер. Заглянув в записную книжку, он продиктовал мне телефонный номер отеля, в котором тот остановился.

Я позвонил в Кейптаун. Мистер Альтобелли только что выехал, не оставив никакого иного адреса. Впрочем, Терри говорил мне, что Руди намеревался вскорости вернуться в Лос-Анджелес на несколько дней.

“Я должен узнать об этом в ту же минуту, как он попадет в Лос-Анджелес”, — сказал я Терри. Для подстраховки я привлек собственных наблюдателей, попросив других лиц, знавших

Альтобелли, сразу же связаться со мной, если они встретятся или созвонятся с ним.

В тот же день, когда я беседовал с Мельчером, половина наших проблем с экстрадицией оставшихся подсудимых благополучно разрешилась: Патриция “Кэти” Кренвинкль отказалась от дальнейших отговорок и потребовала немедленного возвращения в Калифорнию. 24 февраля она впервые вошла в зал судебных заседаний и попросила назначить себе адвокатом Пола Фитцджеральда из Офиса общественного защитника. Фитцджеральд сказал судье, что, во избежание конфликта интересов, представляемый им офис готов согласиться защищать ее.

На самом деле существовало даже два повода для возможных конфликтов: Офис общественного защитника уже представлял Бьюсолейла на процессе по убийству Хинмана, и ранее Фитцджеральд, хоть и очень недолго, был защитником Мэнсона — пока тот не принял на себя роль собственного адвоката.

Месяц спустя Пол Фитцджеральд уволился из Офиса общественного защитника, когда там решили, что конфликт интересов действительно имеет место. Был ли мотив, движущий Фитцджеральдом, чисто идеалистическим, или же он надеялся прославиться в качестве частного адвоката, выиграв дело клиентки (или имело место сочетание обоих этих мотивов), факт остается фактом: Пол отказался от 25 тысяч долларов ежегодного заработка и от многообещающей карьеры общественного защитника, чтобы представлять в суде Патрицию Кренвинкль, которой в буквальном смысле нечем было оплатить его труды.

Терри Мельчер так и не позвонил. Зато позвонил другой мой знакомый, доложивший, что Руди Альтобелли вернулся в Лос-Анджелес днем ранее. Я связался с адвокатом Руди, Барри Хиршем, и назначил встречу. Прежде чем покинуть кабинет, я заполнил повестку в суд и сунул ее в карман.

Я не стал задавать Альтобелли вопрос, действительно ли имел место инцидент в гостевом домике, потому что в ответ мог услышать твердое “Нет”, и наш разговор бы на этом и кончился. Вместо этого я просто выложил ему свои карты: “Руди, я устроил эту нашу встречу только потому, что хотел расспросить вас о том случае, когда Мэнсон

приходил к гостевому домику. Терри рассказал мне об этом”. *Fait accompli*^[131].

Да, Мэнсон появлялся там, сказал Руди. Но значит ли это, что ему самому придется давать показания в суде?

Руди Альтобелли был яркой, динамичной личностью и, как я вскоре обнаружил, временами проявлял поистине изощренное хитроумие. Список знаменитостей сферы развлечений, которых он представлял, включал в себя таких звезд, как Катарина Хепберн^[132], Генри Фонда (какое-то время он снимал гостевой домик на Сиэло-драйв), Саманта Эггар^[133], Баффи Санте-Мари^[134], Кристофер Джонс^[135] и Салли Келлерман^[136], — и этот список еще далеко не полон. Тем не менее Руди был напуган — как и едва ли не все прочие свидетели по делу.

Вернувшись из Европы после убийств, он обнаружил, что полиция опечатала строения на Сиэло-драйв. Нуждаясь в месте для ночлега и подозревая, что он сам был целью убийц (и мог оставаться ею), Руди выбрал самое безопасное место, которое пришло ему в голову. Он поселился у Терри Мельчера и Кэндис Берген, живших в пляжном домике в Малибу, принадлежавшем матери Терри, Дорис Дэй. Хотя оба провели немало часов, обсуждая преступление и возможных подозреваемых, насколько помнил Руди, имя Мэнсона в их беседах не упоминалось ни разу. Когда разнеслась весть, что в убийствах повинен Мэнсон и что возможным мотивом была его обида на Мельчера, Альтобелли решил, что выбрал для жизни, похоже, наименее безопасное место во всей Южной Калифорнии. Он и теперь содрогался, вспоминая об этом моменте.

У Руди, впрочем, была еще одна причина опасаться за свою жизнь. В известном смысле он тоже обманул Мэнсона.

“Расскажите мне об этом, Руди, — попросил я. — Тогда мы сможем обсудить, придется ли вам выступать на суде или нет. Но сначала скажите, откуда вы знаете, что это был именно Мэнсон?” Потому что они встречались и раньше, пояснил Альтобелли, летом 1968 года, в доме Денниса Уилсона. В то время Мэнсон жил там, и Руди заглянул как раз, когда Деннис поставил записи его песен. Альтобелли вежливо послушал, покивал, сказал: “Неплохо” (минимум необходимой вежливости) — и ушел.

Временами и Деннис, и Грегг пытались заинтересовать Руди Мэнсоном и его философией. Как сказал Альтобелли, нажитые деньги ему пришлось зарабатывать каторжным трудом, а потому он не мог в одночасье проникнуться идеями бездельника Мэнсона, и обоим повторил эти самые слова.

Инцидент произошел около восьми или девяти часов вечера в субботу, 23 марта 1969 года: Руди запомнил дату, потому что на следующий день они вместе с Шарон вылетели в Рим; Руди по делам, а Шарон — чтобы встретиться с мужем и сниматься в каком-то фильме. Альтобелли находился в гостевом домике; он был там один и принимал душ, когда залаял Кристофер. Схватив халат, он подошел к двери и увидел Мэнсона, стоящего на крыльце. Возможно, Мэнсон и постучал, а шум воды заглушил стук, — но Руди все равно рассердился, потому что тот отпер внешнюю дверь и поднялся на крыльцо без приглашения.

Мэнсон начал было представляться, но Руди довольно резко, не открывая внутреннюю дверь с сеткой, которая отгораживала крыльцо от гостиной, прервал его излияния: “Я знаю, кто ты такой, Чарли; чего тебе надо?”

Мэнсон сказал, что разыскивает Терри Мельчера. Альтобелли ответил, что Терри переехал жить в Малибу. Когда Мэнсон поинтересовался новым адресом Мельчера, Альтобелли ответил, что не знает его. И это не было правдой.

Затягивая разговор, Мэнсон осведомился, чем Руди занимается. Альтобелли был уверен, что Мэнсон уже знает ответ, но все же ответил: “Работаю в сфере развлечений”. И добавил: “Я бы хотел пообщаться с тобою подольше, Чарли, но завтра улетаю из страны, и мне еще нужно собрать вещи”.

Мэнсон сказал, что разговор можно отложить до возвращения Руди. Тот поспешил возразить, что вернется не ранее, чем через год. Еще одна ложь, — но у Альтобелли не было ни малейшего желания в дальнейшем встречаться и разговаривать с Чарли Мэнсоном.

Перед тем как тот ушел, Руди спросил, как он попал к гостевому домику. Мэнсон ответил, что сюда его направили люди в большом здании. Альтобелли заявил, что ему не по вкусу, когда кто-то беспокоит его жильцов, и что он был бы весьма благодарен Чарли, если тот не станет делать этого в будущем. С чем Мэнсон и удалился.

На языке у меня уже вертелся самый главный вопрос, но перед тем, как задать его, я попросил Альтобелли описать Мэнсона, освещение на крыльце, кто где стоял в течение беседы. Поскольку он и ранее встречался с Чарли, никто не поставит под сомнение личность незваного гостя, но мне нужно было удостовериться в точности.

Только тогда я задал наконец свой вопрос и затаил дыхание, дожидаясь ответа. “Руди, а кто был в основном здании тем вечером?”

“Шарон, Гибби, Войтек и Джей”.

Четверо из пятерых погибших! Это значило, Мэнсон мог видеть кого-то из них — или всех сразу. До этого разговора с Альтобелли мы считали, что Мэнсон никогда не встречался с людьми, убить которых приказал.

“Руди, они все мертвы. Был ли там кто-то еще, кто мог бы подтвердить это?”

Руди немного подумал. Днем он и сам заходил в основное здание, чтобы вернуться в гостевой домик буквально за несколько минут до прихода Мэнсона. “Я не уверен, — протянул он, — но, по-моему, Хатами там тоже был”.

Иранец Шахрок Хатами был личным фотографом Шарон и другом обоих Полански. Руди знал, что Хатами находился в доме тем вечером — он фотографировал Шарон, собиравшую вещи накануне перелета в Италию.

“Я не хотел бы появляться в суде, мистер Буглиози”, — внезапно сказал Руди.

“Могу это понять. Если я как-нибудь сумею избежать этого, то не вызову вас. Но, если смотреть на вещи реалистически, учитывая важность того, что вы мне сообщили, мне, наверное, все-таки придется привлечь вас как свидетеля”. Мы довольно долго обсуждали с ним эту перспективу, прежде чем я передал Альтобелли повестку.

Затем я попросил его: “Расскажите мне о Шарон”.

За то короткое время, что они были знакомы, отвечал Руди, она вызвала в нем большую симпатию. Шарон была красивым человеком. Разумеется, она обладала великолепной внешностью, но под этим словом он подразумевал и нечто другое. В ней были какая-то теплота, открытость, которые Руди почувствовал сразу после их знакомства, — но эти качества Шарон за всю ее карьеру в кино ни одному режиссеру

не удалось перенести на экран. Они часто и подолгу разговаривали. Она называла усадьбу 10050 по Сизэло-драйв “мой дом любви”.

Затем Руди рассказал мне кое-что, по его словам, не известное более никому. Я знал, что никак не смогу использовать эти сведения на процессе: то был пересказ чужой реплики, и, хоть из этого правила и прежде бывали исключения, на суде нельзя давать показания “чужими словами”. Тем более, такие показания.

Во время полета в Рим Шарон спросила у Руди: “А тот пронырливый малый возвращался вчера?”

Значит, Шарон все же видела Мэнсона, пронырливого маломерка, который четыре с половиной месяца спустя срежиссирует ее убийство!

Должно быть, между ними произошло что-то, спровоцировавшее подобную реакцию. Какая-то мелкая стычка, конфронтация. Может ли быть, что Войтек, обладавший непредсказуемым характером, вступил с Мэнсоном в спор? Или, возможно, Мэнсон бросил Шарон какое-то оскорбление — а Джей поспешил защитить ее?

Я позвонил в ДПЛА и попросил найти Шахрока Хатами.

Лейтенант Хелдер связался с другом полковника Тейта, который, в свою очередь, отыскал Хатами. Я беседовал с ним в собственном офисе. Иранский фотограф очень эмоционально описал мне, насколько ему нравилась Шарон. “Не романтично, но... — он извинился за свой ломаный английский, — когда один человек бывает любить качества, которые есть у другой человек”.

Я сказал ему, что, по-моему, лучше эту мысль и не выразишь.

Да, однажды он послал кого-то в задний домик. Один раз. Шахрок не помнил даты, но это случилось за день до того, как Шарон улетела в Европу. Дело было днем. Он посмотрел в окно и увидел шедшего по двору мужчину; тот озибался, словно не знал, куда идет, но вел себя нагло, словно ему принадлежало все кругом. Манеры этого человека рассердили Хатами, и, выйдя на крыльцо, тот поинтересовался, что ему тут надо.

Я попросил Хатами описать мужчину. Невысок, как Роман Полански (рост Поланского — пять футов пять дюймов; Мэнсона — пять футов два дюйма), лет под тридцать, тощий, с длинными волосами. Какого цвета волосы? Темно-русые. Бороды не было, но, похоже, ему уже следовало бы побриться. Как Хатами разглядел все

это? Он спустился с крыльца, чтобы загородить мужчине дорогу; они стояли, самое большее, футах в трех-четырех друг от друга.

За исключением возраста — Мэнсону было тридцать четыре, но его легко можно было принять за человека помоложе — описание совпало.

Мужчина сказал, что он ищет кого-то, и упомянул имя, которое Хатами услышал впервые.

Не Терри ли Мельчера он упомянул? — спросил я. Возможно, ответил Хатами, но, правду сказать, он не помнит. В то время имя Мельчера ни о чем ему не говорило.

“Это резиденция Полански, — сказал ему Хатами. — Это не то место. Может, люди, которые вам нужны, живут там, — показывая в сторону. — Ступайте на задний двор”.

Под “задним двором” Хатами подразумевал пыльную тропинку, ведущую к гостевому домику в обход основного здания. Но, как позднее я объясню присяжным, для американца “задний двор” означает место, куда складывают выброшенные вещи, где стоят мусорные баки. Мэнсон должен был почувствовать, что с ним разговаривают как с бродячим котом.

Я спросил у Хатами: “Каким голосом вы сказали это?” — и тот продемонстрировал, сердито и громко. Романа не было дома, сказал Хатами, и он хотел защитить Шарон. “Я не был счастлив, что он ходит по собственности и смотрит на людей, которых не знает”.

Как реагировал мужчина? Он огорчился, сказал Хатами. Повернулся и пошел прочь, не сказав ни “Извините”, ни чего-либо еще.

Впрочем, как раз перед этим из двери вышла Шарон и спросила: “Кто это, Хатами?” Шахрок отвечал ей, что этот человек кого-то разыскивает.

Показав Хатами схему дома и прилегающей территории, я попросил указать места, где стоял каждый. Шарон была на крыльце, мужчина — на дорожке, не более чем в шести-восьми футах, и ничто не загораживало их друг от друга. Сомнений нет: Чарльз Мэнсон видел Шарон Тейт, а она видела его. Шарон, вне сомнений, смотрела прямо в глаза человеку, который прикажет ее убить. Впервые у нас появилось свидетельство тому, что Мэнсон видел кого-то из жертв еще до убийств.

Хатами оставался на дорожке, а Шарон — на крыльце, тогда как мужчина отправился дальше, к гостевому домику. По словам Хатами,

он вернулся тем же путем уже через “минуту или две, не больше” и покинул усадьбу, не промолвив ни слова.

То был не настолько яркий инцидент, на какой я мог надеяться, но, заодно с отказом Мельчера и уклончивым ответом Альтобелли, совета “Ступайте на задний двор” было более чем достаточно, чтобы создать у Мэнсона глубокую неприязнь по отношению к дому 10050 по Сиэло-драйв. Кроме того, все эти люди представляли не просто истеблишмент, но истеблишмент как раз того рода — сферы развлечений, кинопроизводства, звукозаписи, — в котором Мэнсон, испытав собственные силы, потерпел неудачу.

Расхождение было лишь одно: Хатами уверял меня, что инцидент произошел среди белого дня. Альтобелли, однако, с той же уверенностью говорил, будто Мэнсон появился на его крыльце где-то между восемью и девятью часами вечера. Возможно, кто-то из них запутался, но, скорее всего, днем, подойдя к гостевому домику, Мэнсон никого там не нашел (Альтобелли отсутствовал весь день, устраивая поездку в Европу) и вернулся уже вечером. Что подтверждалось показаниями Хатами: Мэнсон вернулся той же дорогой уже через “минуту или две, не больше”, что не оставляло ему времени для разговора с Альтобелли.

Я показал Хатами фотографии полутора десятков мужчин. Он выбрал одну и сказал, что “этот похож”, хотя он не может быть уверен на все сто процентов. На фото был изображен Чарльз Мэнсон.

Беседуя с Хатами, я не упоминал имени Мэнсона, и лишь в самом конце разговора Хатами осознал, что мужчина, с которым он говорил в тот день, может оказаться человеком, обвиняемым в подготовке убийства Шарон.

Мельчер — Альтобелли — Хатами. Если бы мне не показалось, что Мельчер о чем-то умалчивает, нам могло так и не удастся привязать Мэнсона к территории усадьбы 10050 по Сиэло-драйв.

Сходная цепочка, начавшаяся с обнаруженного мною в папках округа Инио упоминания мельком, привела к недостающему фрагменту мотива убийств и Тейт, и Лабианка.

В итоге, почти через три месяца после подачи мною первого запроса, я все-таки получил сделанную помощником шерифа округа Инио Доном Уардом запись его разговора с двумя старателями, Полом Крокеттом и Бруксом Постоном.

Уард говорил с обоими в Индепенденсе, 3 октября 1969 года, — то есть за неделю до рейда на ранчо Баркера и почти за полтора месяца до того, как в ДПЛА стало известно о возможной вовлеченности “Семьи” Мэнсона в убийства Тейт — Лабианка. Уард не задал им ни одного вопроса об убийствах, лишь расспрашивал о деятельности “этих хиппи”, живущих теперь в балке Голара.

Крокетт, шахтер сорока с чем-то лет с выдубленным ветром лицом, разрабатывал участок в Долине Смерти весной 1969 года, когда наткнулся на посланных Мэнсоном на ранчо Баркера разведчиков. В то время их там было только двое — сбежавшая от родителей девушка по имени Хуанита Вильдебуш и Брукс Постон, subtilный, почти безвольный восемнадцатилетний юноша, остававшийся в “Семье” с июня 1968 года. Вечерами Крокетт навещал их, и разговоры неизбежно утыкались в один и тот же предмет — в Чарли. “Да я ушам своим не верил, — восклицал Крокетт. — То есть это же полная чепуха”. Так или иначе, мало-помалу Крокетт уяснил себе, что эти двое свято верят, будто Чарли — вернувшийся на землю Христос. Столь же очевидным казалось и то, что они боятся его. Поэтому Крокетт, и сам не новичок в вопросах мистики, сделал нечто, возможно, странное, но зато эффективное в психологическом смысле. Он заявил им, что и сам, совсем как Чарли, обладает особыми силами. “Я подбросил им идею, дескать, у меня хватит чар, чтобы удержать Чарли от приезда сюда”.

Остальные члены “Семьи”, включая Пола Уоткинса, Текса Уотсона, Бренду Макканн и Брюса Дэвиса, изредка появлялись на ранчо с посланиями и припасами, так что вскоре Мэнсон прослышал о чародее-старателе.

Поначалу он высмеял соперника. Но всякий раз, когда он сам отправлялся на ранчо Баркера, что-нибудь да происходило: ломался грузовичок, шериф переходил рейд на ранчо и т. д. В это самое время Хуанита сбежала с Бобом Берри, партнером Крокетта, а сам он успешно провел переобращение нескольких наиболее важных для Мэнсона последователей: Постона, Пола Уоткинса, часто замещавшего Мэнсона на посту командующего, и, какое-то время спустя, — Хуана Флинна, высокого тощего ковбоя родом из Панамы, работавшего у Спана.

Когда Крокетт познакомился с юным Постоном, тот был “зомби”, по его собственному выражению. Постон говорил, что собирался покинуть “Семью” уже множество раз, но “Мэнсон держал мое

сознание мертвой хваткой, и я не мог вырваться. Я просто не знал, как мне уйти... ”

Крокетт обнаружил, что Мэнсон “запрограммировал всех своих людей до такой степени, что все они стали в точности как он сам. Он набивал им головы всем, что попадалось под руку. Раньше я не верил, что такое возможно, но ему это удалось, и я собственными глазами видел, как это работает”. Крокетт взялся за “депрограммирование” Посто́на. Он дал ему работу на принадлежащих ему старательских участках, заставил подкачать мускулы, подкидывал другие темы для размышлений.

Впервые Крокетт повстречался с Мэнсоном в сентябре 1969 года, когда тот наконец добрался до ранчо Баркера, — и счел его “очень умным мужиком; практически, гением”. Тогда же Мэнсон поведал ему “пару самых жутких историй. Я решил тогда, что все это выдумки, чтобы усилить первое впечатление”. Но уже очень скоро Крокетт не только убедился в безумии Мэнсона, он уверился также и в том, что “перед тем, как убить кого-нибудь из нас, он будет раздумывать не дольше, чем перед тем, как наступить на цветок; фактически, он предпочтет убийство”.

Решив, что продолжительность собственной жизни напрямую зависит от количества пользы, которую он может принести Мэнсону, Крокетт сделался крайне полезным: одалживал грузовик для подвоза продуктов и т. д. Он сам и бывшие “мэнсониты” жили теперь в маленькой хижине близ ранчо, принимая все возможные меры предосторожности.

Среди “жутких историй”, рассказанных Мэнсоном Крокетту, были следующие: чернокожие “собираются разнести к чертям всю страну... Чарли все уже подготовил, прямо как в детской сказке... Он говорил, *Helter Skelter* неминуемо приближается”.

“*Helter Skelter* — так он называет негритянскую революцию, — объяснял Посто́н. — Он говорит, негры скоро устроят революцию и поубивают всех белых, кроме тех, что успеют укрыться в пустыне...” Задолго до этого Мэнсон сказал Посто́ну: “Когда настанет *Helter Skelter*, в городах начнется хаос, массовая паника, и копы — он называл их свинки — не будут знать, что им делать, и Зверь начнет свою жатву, и чернокожие возьмут верх... так начнется последняя битва, Армагеддон”.

Постон рассказывал помощнику шерифа Уарду: “Одним из основных постулатов Чарли было то, что девушки нужны лишь для того, чтобы с ними трахаться. Больше они ни на что не пригодны. И еще — нет преступлений, нет грехов, все отлично, это всего лишь игра, только это взрослая игра, и Господь собирается объявить конец первого раунда и начать все сызнова, с верными ему избранными...”

Эти избранные — “Семья”, говорил Чарли. Он поведет их в пустыню, где они станут плодиться, пока их не сделается 144 тысячи человек. Он вытащил эту цифру, по словам Постона, “из Библии, которую постоянно зачитывал, из “Откровения”^[137].

В том же “Откровении”, равно как и в легендах индейцев племени Хопи, говорится о “кладезе бездны”, рассказывал Постон. Вход в этот кладезь, если верить Чарли, это “пещера, которая находится, как он говорит, под Долиной Смерти. Она ведет к золотому морю, о котором знают одни только индейцы”. Чарли объявил, что “всякое понятливое людское племя, которое когда-либо существовало, избегло полного уничтожения, уйдя в подполье в самом прямом смысле, и теперь все они живут припеваючи в золотом городе, сквозь который текут молочные и медовые реки, а еще там растет дерево, на котором созревают двенадцать разных видов фруктов, по одному в месяц или вроде того, и еще там не нужно таскать с собою факелы или фонари. Он говорит, там будет светло, потому что... стены сами будут светиться; там не холодно и не слишком жарко; там есть и горячие источники, и питьевая вода... а все эти народы уже там, внизу, только и ждут их”.

И Аткинс, и Джекобсон уже говорили мне про “кладезь бездны” Чарли. “Семья” любила послушать, как Чарли проповедует об этой потайной “стране молока и меда”. Они не просто верили в ее существование, но были настолько убеждены в словах Мэнсона, что целыми днями искали дыру в земле, которая привела бы их в этот зачарованный подземный рай.

Поиски проводились в некоторой спешке, поскольку именно там, под землей, спрятавшись в кладезе бездны, они намеревались пересидеть *Helter Skelter*.

Обоим — и Крокетту, и Постону — было очевидно, что, по мнению Мэнсона, неминуемый *Helter Skelter* случится вот-вот. Уже шла подготовка. Мэнсон лично прибыл на ранчо Баркера в сентябре 1969 года примерно с восемью другими, все вооружены до зубов. На

следующей неделе там появились и другие члены “Семьи” — на угнанных вездеходах и других автомобилях. И сразу же принялись подготавливать оборонные укрепления, выставлять наблюдательные посты, прятать сумки с оружием, канистры с бензином и провизию. При этом ни Крокетт, ни Постон (поскольку оба не были в курсе участия “Семьи” в убийствах Тейт — Лабианка) не подумали, что Мэнсон может опасаться чего-то еще, кроме восстания чернокожих.

Мэнсон не сдал свои позиции в “обработке” Постона, но начатое Крокеттом “депрограммирование” уже работало вовсю. Еще больше Мэнсон встревожился из-за ухода от него Пола Уоткинса, поскольку тот, весьма привлекательный юноша, имевший свой подход к женскому полу, был при Мэнсоне главным поставщиком девочек.

Крокетт, Постон и Уоткинс стали ложиться спать, оставляя обрезы под рукой: по меньшей мере трижды Чарли, Клем и/или девицы пробовали “тайком-ползком” проникнуть в хижину. Всякий раз троим старателям везло, и они вскакивали, заслышав какой-то шум, тем самым срывая планы незваных гостей. Затем, как-то вечером, к ним приехал (“бизонов пострелять”) Хуан Флинн, признавшийся, что Мэнсон подговаривал его убить Крокетта. В свою очередь, Крокетт убедил Флинна (слишком независимого, чтобы накрепко увязнуть в “Семье”) уехать куда-нибудь подальше.

Крокетт, привыкший к свободной и ничем не обремененной жизни горного козла, был чуточку упрям. Ему казалось, что у него самого ровно столько же прав находиться в Долине Смерти, как и у Мэнсона. Но при этом Крокетт был реалистом. Поскольку Флинн уехал, а Уоткинс отправлялся в город закупать продукты, они с Постоном оказались перед лицом врага, многократно превосходящего их числом. Сделав вывод, что “моя польза для Чарли уже исчерпалась, так что он, если б счел нужным, мог отделаться от меня немедленно, если не раньше”, Крокетт приказал Постону наполнить ящик столовыми принадлежностями и упаковать провиант. Под покровом ночи они бежали пешком и прошли более двадцати сильно пересеченных миль до Вормспрингза, где поймали машину, шедшую в Индепенденс. Там-то они и поведали заместителю шерифа Уорду о Мэнсоне и его “Семье”.

Послушав эту запись, я договорился через Фрэнка Фоулза о прибытии Крокетта и Постона в Лос-Анджелес.

Именно Крокетт ослабил влияние Мэнсона на Постона, и все же этот последний выражал свои мысли куда яснее. Конкретные случаи, точные даты, места событий — щелк, щелк, щелк. Крокетт же, напротив, изъяснялся весьма туманно. “Я чувствую вибрацию их ауры. Я не могу говорить с вами свободно, потому что они могут слышать мои слова”.

Крокетт сомневался, чтобы нам удалось осудить Мэнсона, поскольку “он ничего не делает сам. Эти его люди, они все делают за него”. Он добавил, что “все женщины Мэнсона запрограммированы в точности исполнять все, что он скажет, и у каждой есть нож. Он запрограммировал своих девиц до такой степени, что они больше не существуют. Каждая из них превратилась в точное подобие его самого”.

Меня, конечно, интересовали контакты Крокетта с Мэнсоном и “Семьей”, но я был исполнен надежды услышать нечто более важное.

Крокетт помог Постону, Уоткинсу и Флинну избавиться от зависимости, порвать с Мэнсоном. Чтобы проделать это, он должен был разобраться, как именно Мэнсону удалось обрести над ними столь полный контроль. Другие тоже утверждали, что Мэнсон “программировал” своих последователей. Понимает ли Крокетт, каким образом он этого добивался?

Крокетт уверял меня, что понимает, но когда постарался облечь словами суть этого процесса, то накрепко увяз в трясине формулировок и определений, так что в итоге признал: “Я не могу этого объяснить. Это все сплошной оккультизм”.

Я же, в свою очередь, решил, что не смогу использовать Крокетта в качестве свидетеля.

С Бруксом Постоном все вышло иначе. Высокий, нескладный молодой человек с налетом провинциальности был кладезем ценных сведений о Мэнсоне и “Семье”.

Чрезвычайно впечатлительный юноша семнадцати лет, Брукс Постон познакомился с Мэнсоном в доме Денниса Уилсона, и с этого самого момента (вплоть до окончательного разрыва с Мэнсоном более года спустя) “я верил, что Чарли был Джей-Си^[138]”.

В.: “Джей-Си?”

О.: “Ну да, так Чарли всегда называет Иисуса”.

В.: “Говорил ли вам Мэнсон когда-нибудь, что он и есть Джей-Си или Иисус Христос?”

Брукс отвечал, что об этом не говорилось вслух, скорее, подразумевалось. Чарли заявлял, что он уже жил раньше, почти две тысячи лет тому назад, и что однажды ему пришлось умереть на кресте (Греггу Джекобсону Мэнсон говорил то же самое, добавив: “Смерть прекрасна”).

У Чарли была любимая история, которую он обожал рассказывать “Семье”, сопровождая драматическими жестами и вздохами. Бруксу частенько приходилось ее слышать. По словам Чарли, однажды, еще живя в Хейт-Эшбери, он принял “волшебный гриб” (псилоцибин). Мэнсон лежал на кровати, но та превратилась в крест, и он ощутил гвозди в ступнях и ладонях, а также копье в ребрах, — а когда опустил голову, то увидел плачущую у подножия креста Марию Магдалину (Мэри Бруннер) и сказал ей: “Со мною все в порядке, Мария”. Он сражался со смертью, но когда в итоге поддался ей, то внезапно смог увидеть мир глазами всего сущего, и в тот же миг сам слился со всем миром, стал им.

По подобным намекам последователи Мэнсона могли без труда угадать, кем же Чарли является на самом деле.

Меня интересовало еще кое-что. Вплоть до своего ареста в округе Мендочино, произошедшего 28 июля 1967 года, Чарли всегда пользовался настоящим именем — Чарльз Майлз Мэнсон. Арестовавшему его офицеру он назвался, однако, Чарльзом *Уиллисом* Мэнсоном. Говорил ли он что-нибудь о значении этого имени? — спросил я. Крокетт и Постон слово в слово объяснили мне, что слышали, как Мэнсон, очень медленно, повторял: его имя — “Чарльз Уилл-Ис Мэнс-Сон”, подразумевая, что воля его является волей Сына Человеческого^[139].

Сьюзен Аткинс, в разговоре с Виржинией Грэхем, подчеркивала “второе значение” фамилии Чарли, но до сего времени я и не подозревал, насколько сильно было это имя. Сын Человеческий. Словно нарочно скроено для той роли Божественного Воплощения, которую Мэнсон столь страстно мечтал исполнить.

Но Чарли шагнул еще дальше, заверил меня Постон. Мэнсон объявил, что члены “Семьи” были возродившимися вновь первыми

христианами, тогда как угнетавшие этих христиан римляне вернулись в образе истеблишмента.

Пришла пора, говорил Мэнсон ближайшим сподвижникам, римлянам самим взойти на собственные кресты.

Как именно Мэнсон “программировал” людей? — спросил я у Брукса.

Он использовал разные техники, отвечал Постон. С девушкой это обычно начиналось с секса. Чарли мог убедить дурнушку в том, что она сказочно прекрасна. Или же, если у нее обнаруживалась фиксация на отце, Мэнсон предлагал ей вообразить его своим отцом (со Сьюзен Аткинс были применены обе техники). Или же, если Мэнсону казалось, что девушка ищет лидера, человека, за которым она могла бы пойти, он намекал ей на свое Божественное происхождение. У Мэнсона был талант распознавать и извлекать выгоду из чужих комплексов и/или желаний. Мужчинам при первом появлении их в группе Чарли обычно предлагал ЛСД под предлогом “открытия сознания”. Затем, когда те погружались в чрезвычайно податливое состояние и оказывались легко подвержены внушению, Чарли заговаривал с ними о любви; о том, как важно посвятить себя ей; о том, как единственно с помощью отказа от существования в качестве слуги собственного эго человек может стать всеми вещами, всеми существами одновременно.

Как и в разговоре с Джекобсоном, я поинтересовался у Постона, имелись ли у философии Мэнсона какие-либо источники. Сайентология, Библия и “The Beatles”. Лишь эти три — других Брукс не знал.

Любопытный триумвират. Но теперь я уже начинал подозревать о присутствии, по крайней мере, четвертого источника. Найденные мною на ранчо Баркера старые журналы, рассказ Грегга о том, что Чарли читал Ницше и уверял, что верит в расу сверхчеловеков, появление беспокоящих параллелей между Мэнсоном и лидером Третьего рейха заставили меня спросить у Постона: “Не упоминал ли Мэнсон о Гитлере?”

Ответ Постона был короток и действительно страшен: “Он говорил, что Гитлер был продвинутым парнем, который подрывал евреям карму”.

Почти целых два дня я говорил с Крокеттом и Постоном, получив массу новых данных, причем кое-какие сведения были напрямую изобличающими. Например, Мэнсон некогда предложил Постону взять нож, отправиться в Шошон и убить тамошнего шерифа. Пройдя первую настоящую проверку своей вновь обретенной независимости, Постон отказался даже думать об этом.

Прежде чем Крокетт и Постон вернулись в Шошон, я сказал им, что хотел бы побеседовать с Хуаном Флинном и Полом Уоткинсом. Они не были уверены, что Хуан захочет со мною встретиться; этот панамский ковбой относился к властям наплевательски”, — но Пол может и захотеть. Поскольку теперь Уоткинс не рекрутировал для Чарли все новых и новых девиц, у него появилось достаточно свободного времени.

Уоткинс согласился поговорить, и я договорился о номерах в мотеле в центре Лос-Анджелеса для Уоткинса, Постона и Крокетта.

“Пол, мне нужна новая любовь”.

Пол Уоткинс описывал мне, как именно Мэнсон посылал его на поиски новых девушек. Уоткинс признался, что его особая роль в “Семье” была ему по душе. Единственной проблемой было лишь то, что после обнаружения подходящей кандидатки Чарли настаивал, что спать с ней будет первым.

Отчего же Мэнсон не подбирал себе девушек самостоятельно? — спросил я.

“Для большинства из них он был слишком стар, — ответил мне девятнадцатилетний Уоткинс. — Они пугались Чарли. Кроме того, у меня был свой подход”. Более того, очевидно, что Уоткинс выглядел куда привлекательнее внешне.

Я поинтересовался, где именно Уоткинс “цеплял” девиц. Он мог спуститься к Сансет-стрип, где тусуются подростки. Или раскатывать по шоссе, высматривая девушек, путешествующих автостопом. Один раз Чарли, с помощью женщины постарше, выступавшей в роли матери Уоткинса, даже записал его в одну из школ Лос-Анджелеса, чтобы тот оказался поближе к местам их массового скопления.

Уоткинс также описал оргии, происходившие в доме по Грэшем-стрит и на ранчо Спана. Какое-то время они случались не чаще раза в неделю. И всегда начинались с приема наркотиков — “травки”, пейота,

ЛСД, всего, что удавалось найти. Мэнсон собственноручно распределял дозы, решая, кому сколько наркотика необходимо принять. “Все происходило под руководством Чарли”, — сказал Пол. Затем Чарли мог начать танцевать, а остальные пристраивались к нему “паровозиком”. Когда он снимал одежду, все остальные тоже сбрасывали с себя все. И когда уже все были обнажены, они ложились на пол “и играли в двенадцать глубоких вдохов-выдохов, терлись друг о дружку с закрытыми глазами”, пока “в итоге все не сплетались друг с другом”. Чарли управлял ходом оргии, распределяя тела, комбинации, позиции. “Он создавал очень красивые сцены, будто ваял скульптурный шедевр, — рассказывал Уоткинс, — но при этом пользовался не глиной, но разгоряченными телами”. Пол сказал, что обычно целью каждой оргии было достижение всеми членами “Семьи” одновременного оргазма, но эта цель так ни разу и не была достигнута.

Мэнсон часто осуществлял показательные оргии, чтобы произвести впечатление на посторонних. Если в доме оказывались гости, которые, по его разумению, могли бы принести ему какую-то пользу, Чарли говорил “Семье”: “Давайте соберемся все вместе и покажем этим людям, как надо заниматься любовью”. Какова бы ни оказывалась реакция гостей на происходящее, впечатление наверняка надолго врезалось в их память. “Это было, словно сам Дьявол покупал твою душу”, — сказал Уоткинс.

Мэнсон пользовался подобными сценами для “снятия комплексов”. Если человек выражал неохоту выполнять то или иное действие, Мэнсон принуждал совершать его снова и снова. Мужчина-женщина, женщина — женщина, мужчина — мужчина, совокупление, куннилингус, фелляция, содомия — никаких запретов, ни малейшего сдерживания. Инициация одной тринадцатилетней девочки в “Семье” заключалась в том, что Мэнсон содомировал ее на глазах остальных. Позднее Мэнсон повторил то же и с мальчиком, чтобы продемонстрировать прочим, что сам он избавился от всех возможных внутренних запретов.

Чарли пользовался сексом, сказал Пол. Скажем, когда стало очевидным, что ДеКарло не предпринимает никаких попыток завлечь в лоно “Семьи” свою мотоциклетную шайку, Мэнсон приказал девушкам не отвечать Дэнни благосклонностью.

Тот факт, что Мэнсон управлял даже сексуальной стороной жизни своих последователей, красноречиво говорил о его доминирующей роли в группе. Я спросил у Уотсона, сможет ли он привести дополнительно какие-то примеры с участием других подсудимых. Он припомнил, что однажды, на ранчо Спана, Чарли сказал Сэди: “Я хочу половинку кокоса, даже если тебе придется съездить за ним в Рио-де-Жанейро”. Сэди сразу же встала и направилась к двери; тогда Чарли бросил ей вслед: “Ладно, ничего не надо”.

Это был тест, проверка. И еще — это было доказательство (хоть и косвенное) тому, что Сьюзен Аткинс была готова сделать все, о чем бы ее ни попросил Чарльз Мэнсон.

Как и с остальными, я расспросил Уоткинса о технике программирования, применявшейся Мэнсоном. В ответ он поведал мне нечто в высшей степени интересное, о чем прочие члены “Семьи”, по-видимому, не имели представления. Он сказал, что, раздавая остальным порции ЛСД, сам Мэнсон всегда принимал меньше прочих. Хотя он никогда не объяснял, зачем это делает, Пол предположил, что во время “прихода” Мэнсон хотел сохранять контроль над собственным рассудком. Говорят, будто ЛСД — “расширяющий сознание” наркотик, имеющий тенденцию ослаблять самоконтроль принявшего “кислоту” человека, делать его более податливым, восприимчивым к стороннему влиянию. Мэнсон пользовался ЛСД, рассказывал мне Пол, чтобы преподать свою философию, использовать слабости и страхи собственных последователей, добиться от них определенных обещаний и согласия на определенные действия.

В качестве подручного, едва ли не “заместителя” Мэнсона, Уоткинс мог рассчитывать на большую откровенность со стороны Чарли, чем большинство остальных. Я спросил его, не упоминал ли Мэнсон о сайентологии или о “Процессе”. Уоткинс даже не слышал ни о каком “Процессе”, зато Мэнсон говорил ему, что изучал сайентологию в тюрьме, где достиг уровень “тета”, что сам Мэнсон определял как “чистоту”. Уоткинс рассказал, что летом 1968 года они с Чарли заглянули в Церковь сайентологии в центре Лос-Анджелеса, и Мэнсон спросил у секретарши в приемной: “Что делают люди, достигнув “очищения”?” Когда та не смогла рассказать ему о чем-то, чего бы он уже не делал сам, Мэнсон вышел.

Один аспект философии Мэнсона особенно интересовал меня: его странное отношение к страху. Он не только проповедовал, что страх прекрасен, он также часто заверял “Семью”, будто всем им следует пребывать в постоянном страхе. Что имелось в виду? — спросил я у Пола.

Для Чарли страх — то же, что и настороженность, высшая степень внимания, ответил Уоткинс. Чем больше в тебе страха, тем большее внимание ты оказываешь окружающим, тем больше любви к ним испытываешь. Когда человек по-настоящему испуган, он подступает к состоянию “Теперь”. А когда ты достигаешь “Теперь”, твое сознание начинает работать на полную катушку.

Мэнсон заявлял, что дети более внимательны, чем взрослые, потому что страх для них — естественное состояние. Но животные еще более внимательны, чем люди, говорил он, потому что вечно пребывают внутри “Теперь”. Койот — самое внимательное из всех живых существ, утверждал Мэнсон, потому что этот зверек законченный параноик. Пугаясь всего вокруг, он ничего не выпускает из виду.

Чарли всегда “продавал страх”, пояснил Уотсон. Он *хотел*, чтобы люди боялись, и чем сильнее боятся, тем лучше. Пользуясь той же логикой, “Чарли говорил, что смерть прекрасна, потому что люди боятся смерти”.

Из бесед с другими членами “Семьи” мне еще предстояло узнать, что Мэнсон докапывался до самых затаенных, самых сильных страхов каждого — не для того, чтобы помочь человеку совладать с этим страхом и превозмочь его, но лишь для того, чтобы постараться еще более его усилить. Тогда страх станет “волшебной кнопкой”, и, нажимая ее, Мэнсон сможет контролировать человека.

“Что бы вы ни делали, — советовал мне Уоткинс, как ранее Крокетту и Постону, — не давайте Чарли понять, что вы его боитесь”. Однажды на ранчо Спана, без предупреждения или причины, Мэнсон набросился на Уоткинса и начал его душить. Сначала Пол сопротивлялся, но затем, хватая ртом воздух, внезапно сдался, прекратил сопротивление. “Это было действительно дико, — рассказывал Уоткинс. — В то же мгновение, как я перестал его бояться, Чарли отдернул руки от моей шеи и отпрыгнул, словно на него напала какая-то невидимая сила”.

“Значит, это все равно как лающий пес, — заметил я. — Если показываешь ему страх, он набросится; если нет — то нет?”

“Точно. *Чужой страх заводит Чарли*”.

Полу Уоткинсу была присуща врожденная независимость; в отличие от Брукса Постона он вовсе не олицетворял собою архетип ведомого человека. Однако и он довольно долгое время провел в “Семье”. Кроме девушек, что за причины удерживали его от ухода?

“Я думал, что Чарли был Иисусом”, — ответил Пол не моргнув глазом.

Оба — и Уоткинс, и Постон — смогли разрубить пуповины, связывавшие их с Мэнсоном. Но оба признались мне, что так и не сумели полностью высвободиться от его влияния. Даже теперь их порой охватывало чувство, что вездесущий Мэнсон наблюдает за ними. Даже теперь они еще ощущали исходящую от него вибрацию.

Именно Пол Уоткинс и дал мне то самое недостающее звено в имевшемся у Мэнсона мотиве для убийств. Тем не менее, если б не Джекобсон с Постоном, я отмел бы это звено как малозначимое; поэтому можно сказать, все трое — Грегг, Брукс и Пол — вручили мне ключ к пониманию: 1) оригинальной трактовки Мэнсоном “Книги Откровения” и 2) его странному и сложному отношению к творчеству английской музыкальной группы “The Beatles”.

Уже несколько человек говорили мне, что Мэнсон любил цитировать Библию, особенно девятую главу “Откровения”. Некогда Чарли протянул Джекобсону уже открытое на этой главе Святое Писание и, декламируя по памяти, дал собственный комментарий каждому стиху. Лишь за единственным исключением, которое будет оговорено особо, рассказ Грегга полностью совпал с тем, что позднее я услышал от Постона с Уоткинсом.

“Четыре Ангелами” были “The Beatles”, которых, по словам Грегга, Мэнсон считал “лидерами, ораторами, прорицателями”. Строки “И отворил он кладезь бездны... И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть...” — еще одно указание на ту же английскую группу, “The Beatles”, сказал Грегг. Саранча и “The Beatles” — одно и то же. “Лица же саранчи были как лица человеческие”, и все же “волосы у ней — как волосы у женщины”. Ясное дело, речь идет о длинноволосых музыкантах. Из ртов всех четырех Ангелов выходили

“огонь, дым и сера”. Грегг: “Это упоминания о произнесенных словах, о текстах песен “The Beatles”, о мощи, которая выходила из их уст”.

Их “доспехи огненные”, добавил Постон, не что иное, как электрогитары. Очертания саранчи, “подобные коням, приготовленным на войну”, — автомобили, вездеходы-пустынники. “Число конного войска”, равное “двумстам тысячам тысяч”, говорило о количестве мотоциклистов, которым предстояло сеять хаос и разрушения.

“И сказано было им, чтобы не делали вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих”. Интересно, что случилось с этими печатями? Как Мэнсон объяснял это? — спросил я у Джекобсона.

“Это все субъективно, — ответил Грегг. — Он говорил, что на людях появятся особые знаки, отметины”. Чарли ни разу не пояснил, что это будут за знаки, — лишь то, что он сам, Чарли, “сможет распознать их” и что “знак будет означать, настроены ли люди против него или заодно с ним”. С Чарли могло быть либо так, либо этак, сказал Грегг; “третьего было не дано”.

Один из стихов повествовал о поклонении демонам и идолам — золотым, серебряным и бронзовым. Мэнсон уверял, что здесь речь шла об идолах, которым поклоняется ныне истеблишмент: автомобили, дома, деньги...

В.: “Обращаю ваше внимание на 15-й стих, гласящий: “И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей”. Говорил ли он, что это может значить?”

О.: “Он говорил, что речь тут идет о всех тех людях, что погибнут в процессе *Helter Skelter*... треть человечества... вся белая раса”.

Теперь я был уверен, что попал на верный след.

Лишь в одном воспоминания Джекобсона об интерпретации Мэнсоном Библии отличались от рассказов остальных. Первый стих девятой главы “Откровения” говорит о пятом Ангеле; тем не менее заканчивается глава лишь упоминанием четырех. Изначально в “The Beatles” играли пятеро, объяснил Грегг. Один из них, Стюарт Сатклифф, скончался в Германии в 1962 году^[140].

Постон и Уоткинс — бывшие, в отличие от Джекобсона, участниками “Семьи” — объясняли это “несовпадение” совсем иначе.

Стих 1 гласит: “Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны”.

Для членов “Семьи” личность этого пятого Ангела, заправлявшего кладезем бездны, не вызывала разногласий. То был их Чарли.

Стих 11 гласит: “Царем над собою имела [саранча] Ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески — Аполлион”.

У царя было еще одно имя, латинское, которое, присутствуя в католической “Версии Доуэй”, было нечаянно пропущено переводчиками “Версии короля Джеймса”. Это имя — Экстерминанс^[141].

Экстерминанс, *н/и* Чарльз Мэнсон.

Насколько могли судить Джекобсон, Уоткинс и Постон, особого значения последнему стиху девятой главы “Откровения” Мэнсон не придавал. Но на протяжении последующих месяцев я то и дело повторял ее про себя: “И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем”.

“Самое главное в девятой главе “Откровения”, — сообщил мне Грегг, — это то, что, как считал Чарли, все описанное в ней происходит прямо сейчас, а не в будущем. Это уже началось, и пришло время принять ту или иную сторону... либо предначертанное, либо бегство в пустыню, заодно с ним”.

По утверждению Джекобсона, Мэнсон считал участников “The Beatles” “вестниками. Они говорили с Чарли при помощи своих песен, прямо через океан давая ему знать, что должно произойти. Он твердо верил в это... Он считал их песни пророчеством, особенно песни из так называемого “Белого альбома”... Он повторял мне это много, много раз”.

Уоткинс и Постон также уверяли, что Мэнсон и “Семья” пребывали в убеждении, будто “The Beatles” говорят с Чарли при помощи музыки. Например, в песне “Я сделаю это” есть строки: “И когда наконец я найду тебя, / Твоя песня наполнит эфир. / Пой ее громче, чтобы я смог услышать — / Так мне будет проще достичь тебя...” Чарли объяснял: “The Beatles” хотят, чтобы он записал альбом. И Постону, и Уоткинсу Чарли говорил, что “The Beatles” ищут “Джей-Си”, и что он и есть тот самый “Джей-Си”, которого они ищут. Чарли

говорил также, что “The Beatles” знают о втором пришествии Христа, который живет где-то в Лос-Анджелесе.

“Как это могло прийти ему в голову?” — спросил я обоих.

В “Белом альбоме” есть песня с названием “Медовый пирог”, в которой имеется такой текст: “О медовый пирог, я ужасно страдаю, / Приди и покажи мне волшебство / Твоей голливудской песни”. И немного далее: “О медовый пирог, мне безумно / Хочется переплыть Атлантический океан / И оказаться рядом с тобой”.

Чарли, разумеется, хотел, чтобы *они* пересекли Атлантику и присоединились к нему в Долине Смерти. Еще проживая на Грэшем-стрит (в январе-феврале 1969 года, сразу после выхода в свет “Белого альбома”), Мэнсон и девушки отправили несколько телеграмм, написали несколько писем и по крайней мере трижды звонили в Англию, пытаясь пробиться к “The Beatles”. Но им не везло.

Строчка “Я влюблен, но я ленив” из “Медового пирога” означала для Чарли лишь одно: “The Beatles” любят “Джей-Си”, но слишком ленивы, чтобы отправиться на поиски; и потом, они уже добрались до самой Индии, следуя за человеком, которого в итоге сочли ложным мудрецом, — за Махариши^[142]. Они также обращались к “Джей-Си”/ Чарли в первых четырех строчках песни “Не отвергай меня”, в “Твоем блюзе” и в “Дороге синей сойки” из выпущенного ранее альбома “Волшебное таинственное путешествие”.

Многое из этих показаний я ни за что не мог использовать на процессе; это попросту был сплошной абсурд.

“Белый альбом” “The Beatles”, как сообщил Мэнсон Уоткинсу, Постону и остальным, “завершает приготовления к революции”. *Ego* альбом, который должен стать ответом, в понимании Чарли “должен сорвать пробку с бутылки. Тогда-то все и начнется”.

По словам Постона, Уоткинса и прочих, большую часть времени, проведенного “Семьей” на Грэшем-стрит, заняло сочинение песен для собственного альбома Чарли. Каждая должна была стать законченным посланием, предназначенным конкретной группе — байкерам, например. В послании должна была подчеркиваться роль, которую тем предстояло сыграть в *Helter Skelter*. Чарли старался изо всех сил; эти песни должны получиться неявными, говорил он; как в песнях “The Beatles”, истинный смысл должен ускользать от общего внимания, — но достигать тех, кому предназначен.

В выпуске альбома Мэнсон полагался на Терри Мельчера, которому отводил роль продюсера. По словам многочисленных участников “Семьи” (сам Мельчер и Джекобсон это отрицают), Терри пообещал явиться как-то вечером и послушать песни. Девушки прибрали в доме, испекли печенье, скрутили косячки. Мельчер не появился. Мэнсон же, по словам Постона и Уоткинса, так и не простил его за это. “Мельчер — просто трепло, ему нельзя верить”, — часто фыркал он.

“The Beatles” выпустили немало пластинок, но именно двойной “Белый альбом”, изданный компанией “Кэпитол” в декабре 1968 года, Мэнсон считал наиболее значительным их творением. Даже тому факту, что обложка абсолютно белая (вообще никаких рисунков, кроме выдавленного в картоне названия группы), он придавал особое значение.

Да, это был (и остается) поразительный альбом; он содержит некоторые из лучших мелодий “The Beatles”, равно как и некоторые из наиболее странных. Три десятка песен варьируются от нежных любовных баллад и поп-пародий до шумовой какофонии, исполненной в жанре звукового коллажа: звукооператором нарезаны куски самых разных записей, случайным образом подобранные и склеенные вместе.

Впрочем, для Чарльза Мэнсона все они были пророчеством. По крайней мере, он сумел убедить в этом остальных членов “Семьи”.

То, что Чарли “переименовал” Сьюзен Аткинс в Сэди Мэй Глютц задолго до появления в продаже “Белого альбома” с песней “Сексуальная Сэди”, стало для “Семьи” еще одним доказательством глубокой духовной связи между Мэнсоном и “The Beatles”.

Почти каждая песня в альбоме несла скрытый смысл, которым Мэнсон делился со своими последователями. Для Чарли “Роки Ракун” означал “куна”^[143], то есть негра. В то время как всем, кроме Мэнсона и “Семьи”, было ясно, что текст песни “Счастье — это теплое оружие” имеет сексуальный подтекст, Чарли полагал, что этой песней “The Beatles” убеждают черных раздобыть по пистолету и сразиться с белыми.

По словам Постона и Уоткинса, пять песен “Белого альбома” проигрывались в “Семье” чаще остальных. То были: “Черный дрозд”, “Свинки”, “Революция 1”, “Революция 9” и “Helter Skelter”.

“Черный дрозд поет в ночной тиши. / Возьми эти сломанные крылья и научись летать. / Всю свою жизнь / Ты ждал лишь этого момента, чтобы встать” — так начинается песня “Черный дрозд”. Если верить Джекобсону, “Чарли считал, что момент уже наступил и что черные собираются восстать, сбросить ярмо белого человека и занять его место”. Уоткинс добавил, что в этой песне Чарли “усматривал призыв “The Beatles”, обращенный к чернокожим: вставайте, начинайте, время пришло”.

Прослушав эту песню впервые, я посчитал, что убийцы четы Лабианка сделали ошибку, написав “rise” вместо “arise” ^[144] (как в тексте песни). Джекобсон, однако, поправил меня, объяснив, что Чарли говорил, будто чернокожие собираются “восстать” против белых. “Восстание” было одним из любимых словечек Чарли”, — сказал Грегг, предоставив мне историю появления в словаре Мэнсона еще одного из ключевых слов.

Убийства и Тейт, и Лабианка произошли “в ночной тиши”. Впрочем, если подобная параллель имела какое-то значение для Мэнсона, он ни разу не признал этого в присутствии тех, с кем мне довелось беседовать, — как не упоминал и словарного значения выражения *Helter Skelter* (если вообще был с ним знаком). Песня “Helter Skelter” начинается так: “Когда я съезжаю до самого низа, я возвращаюсь на вершину, / Там я замираю, оборачиваюсь и готовлюсь отправиться вскачь...” Мэнсон говорил, что так описано возвращение “Семьи” из ее тайного убежища — то бишь из кладезя бездны, по словам Постопа.

Существует и более простое объяснение. В Англии, откуда родом “The Beatles”, *Helter Skelter* — одно из обозначений детской горки в парке развлечений.

Если слушать внимательно, то на заднем плане звукового полотна песни “Свинки” ^[145] можно расслышать хрюканье и повизгивание. Как говорили мне Грегг и остальные, под “свинками” Мэнсон понимал всех, кто мог принадлежать к истеблишменту.

Как и сам Мэнсон, песня относится к свинкам с большой долей критицизма, замечая, что по-настоящему они нуждаются лишь в чертовски хорошей взбучке.

“Он имел в виду, что чернокожие зададут свинкам, истеблишменту, чертовски хорошую взбучку”, — пояснил мне Джекобсон. Чарли

действительно любил эту строчку, замечали и Уоткинс с Постоном; он постоянно ее цитировал.

Я был не в состоянии дослушать до последней строфы, не представляя себе то, что произошло в доме 3301 по Вейверли-драйв. Там речь идет о свинках, утонченно пирующих в накрахмаленных костюмах; они поглощают бекон, отправляя его в рот вилками и ножами.

Розмари Лабианка: сорок одна ножевая рана. Лено Лабианка: двенадцать ножевых ран, семь ударов вилкой, *нож* в горле, *вилка* в животе, а на стене, его собственной кровью, — “DEATH TO PIGS”.

“Там, в самом конце песни “Свинки”, есть один аккорд, — сказал мне Уоткинс. — Он затихает, и это действительно жутко. Уже после хрюканья. И в песне “Революция 9” он появляется снова, тот же аккорд, после него идет короткая пауза и потом — “хрю-хрю-хрю”. Но перед этим, в паузе, слышна автоматная очередь.

То же самое — в песне “Helter Skelter”, — продолжал Пол. — Опять этот жуткий аккорд. И в “Революции 9” — снова, вместе с автоматным огнем, криками, умирающими людьми и всем прочим”.

“Белый альбом” содержит сразу две песни со словом “революция” в названиях.

Текст песни “Революция I”, отпечатанный на внутреннем конверте пластинки, читается так: “Ты говоришь, что тебе нужна революция... / Ну, знаешь ли, / Все мы хотим изменить мир... / Но если ты говоришь о разрушении, / Разве ты сам не понимаешь, / Что можешь на меня не рассчитывать?”

Однако, если слушаешь саму пластинку, “не рассчитывать” превращается в “рассчитывать”.

Мэнсон понимал это как признак того, что “The Beatles”, ранее колебавшиеся, теперь все же выступают в поддержку революции.

Мэнсон многое извлекал из подобных “спрятанных текстов”, которые можно найти во многих песнях четверки, но которые особенно часты именно в “Белом альбоме”. Это, как объяснял Чарли последователям, прямая беседа “The Beatles” с ним, с Чарли / “Джеи-Си”.

Далее в тексте следует: “Ты говоришь, что нашел отличное решение... / Ну, знаешь ли, / Мы все хотели бы взглянуть на твой

план”.

Смысл этого пассажа был для Мэнсона более чем очевиден: “Спой, Чарли, и расскажи, как нам избежать погромов”.

Из всех песен “The Beatles” композиция “Революция 9” явно самая странная. Критики не могли решить, то ли это оригинальное новое направление в рок-музыке, то ли вычурная насмешка. Один критик написал, что композиция напомнила ему “неудачный кислотный приход”.

В ней нет текста как такового, да это и не музыка в сколь-нибудь широком смысле слова; скорее, это шумовой монтаж — шепот, крики, куски диалогов из трансляций Би-би-си, отрывки классических произведений, разрывы мин, детский плач, церковные гимны, автомобильные гудки, крики футбольных болельщиков, — элементы которого, вместе с часто повторяющимся рефреном “номер 9, номер 9, номер 9”, нарастают, доходя до кульминации в треске пулемета и криках, чтобы смениться мягкой и, очевидно, символичной колыбельной “Спокойной ночи”.

Из всех песен “Белого альбома”, по словам Джекобсона, Чарли “чаще всего говорил о “Революции 9”. Он говорил, таков “способ, которым “The Beatles” сообщали людям о том, что им грозит; то был их способ изречь пророчество; песня имела прямую параллель с девятой главой библейского “Откровения”.

Кроме того, там запечатлена в звуке битва добра со злом, Армагеддон, приближающаяся “черно-белая” революция, заявлял Мэнсон. Прослушав композицию, я с легкостью мог поверить, что именно так и звучал бы подобный конфликт, если бы он когда-нибудь имел место.

Постон рассказывал: “Когда Чарли слушал эту вещь, он слышал в общем хаосе, во время пулеметных очередей и хрюканья, мужской голос, произносящий: “Восстань”. Снова прослушав запись, я тоже услышал это слово, повторенное дважды, — сначала почти шепот, затем — растянутый, искаженный крик^[146]. То была серьезная улика. С помощью Джекобсона и Постона я наконец сумел увязать вместе Мэнсона и слово “rise”, нанесенное кровавыми печатными буквами на стену в доме Лабанка.

В “Революции I” “The Beatles” приняли решение посвятить себя кровавому перевороту. В “Революции 9” они сообщали чернокожим,

что время для восстания уже настало. Если верить Чарли.

В этой песне Мэнсон нашел множество иных посланий (включая слова “обезвредить Никсона”), но в русле философии *Helter Skelter* эти другие обращения имели куда меньшую ценность.

Когда Грегг Джекобсон впервые повстречал Мэнсона летом 1968 года, тот уже всюду рассуждал о неизбежности межрасовой войны. В то время в среде оппозиционно настроенной молодежи бытовало расхожее выражение: “Дерьмо падает вниз”. Интерпретировалось оно по-разному, но означало примерно одно: день Страшного суда уже близок, адские силы готовы вырваться на свободу и т. д. Чарли тоже часто пользовался им, рассуждая о грядущем расовом конфликте. Грегг уверял, что в то время Чарли не был еще фанатиком, просто “черно-белая” революция часто всплывала среди множества обсуждавшихся тогда тем.

“Когда я в первый раз увидел Чарли [в июне 1968 года], он по-настоящему еще не успел съехать с катушек по поводу этого своего *Helter Skelter*, — сообщил мне Пол Уоткинс. — Он повторял, конечно, что “дерьмо падает вниз”, но вскользь... Он говорил, что, когда дерьмо наконец упадет, черные и белые окажутся по разные стороны баррикады, — но и только”.

Затем, в декабре того же года, “Кэпитол” издает новую пластинку ливерпульской четверки — “Белый альбом”, одна из песен которой носит название “*Helter Skelter*”. Текст последнего куплета песни гласит: “Оглянись! helter-skelter helter-skelter helter-skelter / Оглянись! [крик на заднем плане] / Она падает вниз стремглав. / Да, она падает, / Да, она падает”.

Судя по всему, Мэнсон в первый раз прослушал “Белый альбом” в Лос-Анджелесе, приехав туда с ранчо Баркера, где оставалась большая часть “Семьи”. Когда 31 декабря 1968 года Мэнсон вернулся в Долину Смерти, то (по словам Постона) сказал группе: “Вы просекаете, о чем говорят “The Beatles”? *Helter Skelter* падает вниз. “The Beatles” говорят все как есть”.

То же самое выражение, вот только вместо слова, обозначавшего фекалии, Мэнсон теперь использовал *Helter Skelter*.

Так возникла еще одна крепкая связь, ведущая на сей раз к кровавым буквам на дверце холодильника в доме Лабиаанка.

В тот новогодний вечер Мэнсон впервые употребил выражение *Helter Skelter*. Но далеко не в последний.

Уоткинс: “А он начал трепаться про этот альбом, про *Helter Skelter* да про все те оттенки смысла, которых я там не нашел... и он рисует нам целую картину, называет ее *Helter Skelter*, и это должно значить, что негры вот-вот сойдут с ума и разнесут все города на мелкие кусочки”.

После чего, как сказал Уоткинс, “мы постоянно стали слушать этот альбом “The Beatles”...”

Зимой в Долине Смерти бывает очень холодно, поэтому Мэнсон подыскал двухэтажный дом по адресу: Грэшем-стрит, 20910, в парке Каноба, в долине Сан-Фернандо, недалеко от ранчо Спана. В январе 1969 года, по словам Уоткинса, “мы все переехали в дом на Грэшем-стрит, чтобы готовиться к *Helter Skelter*. Так что мы могли наблюдать за падением дерьма и за всем, что вообще происходит в городе. Он [Чарли] называл этот наш дом “Желтая подводная лодка”, как в фильме у тех же “The Beatles”. Там было совсем как в субмарине — раз уж туда забрался, вылезти наружу невозможно. Смотри себе в окна. Мы занялись сборкой вездеходов и мотоциклов, готовились купить двадцать пять спортивных “харлеев”... Нарисовали на карте пути отхода по пустыне... Мы сразу же занялись всеми этими вещами.

Я наблюдал за тем, как Чарли устраивает всю эту штуку, — рассказывал Пол. — Он занимался этим не спеша, очень осторожно. Я и сам проглотил все сразу — и наживку, и крючок, и грузило в придачу.

А ведь перед тем, как началась чехарда с *Helter Skelter*, — печально вздохнул с заметной ностальгией Уоткинс, — Чарли занимали одни только оргии”.

Еще до того, как мы с Джекобсоном обсуждали творчество “The Beatles”, я спросил его: “А Чарли когда-нибудь говорил с тобой о “черно-белой” революции?”

О.: “Ну да, то есть про *Helter Skelter*, и он верил, что она случится в ближайшем будущем, практически сразу”.

В.: “Что именно он говорил об этой революции? Как она должна будет начаться и какие задачи решит?”

О.: “Все начнется, когда черные станут заваливать в дома к белым, станут резать их ножами, уничтожать физически, пока прямо на улицах не вспыхнет самая настоящая революция, и в этой заварухе черные

победят и возьмут власть. Тогда, стало быть, чернокожие завершат карму белого человека. Тогда у черных будет свой истеблишмент”.

Уоткинс: “Он объяснял, бывало, насколько просто будет все начать. Пара чернокожих — какие-нибудь бездельники из Уоттса — явятся в богатые кварталы, в Бель-Эйр или в Беверли-Хиллз... туда, где живут богатые свиньи... и зарежут нескольких человек, просто возьмут и освежают их, измажутся кровью, напишут что-нибудь на стене... сотворят нечто жестокое, какие-нибудь отвратительные преступления, от которых белые посходят с ума...”

Постон описывал это едва ли не теми же словами еще до того, как я впервые встретился с Уоткинсом, но добавил при этом одну крайне важную деталь: “Он [Мэнсон] сказал, что банда настоящих черных выберется из гетто и совершит какие-нибудь злодеяния в богатых кварталах Лос-Анджелеса и других городов. Они сделают что-то ужасное, с поножовщиной, убийствами, напишут “свиньи” на стенах... кровью жертв”.

Довольно весомое свидетельство, привязавшее Мэнсона не просто к “убийствам Тейт”, где на парадной двери кровью Шарон было написано слово “PIG”, но и к убийству четы Лабианка, где кровью Лено на стене гостиной было выведено “DEATH TO PIGS”, — и я подробно расспросил Постона о точных выражениях Мэнсона, где и когда происходил разговор, кто еще присутствовал. После чего побеседовал с каждым из названных Постоном лиц — с теми из них, кто захотел сотрудничать.

В обычном деле я стараюсь избегать повторяющихся показаний на суде, зная, насколько они раздражают присяжных. Однако мотив Мэнсона — *Helter Skelter* — был настолько причудливым, что у меня имелись все причины опасаться: никакой присяжный не поверил бы одному-единственному свидетелю.

Разговор имел место в феврале 1969 года, в доме на Грэшем-стрит, сказал Постон.

Теперь у нас имелось свидетельство тому, что еще за полгода до убийств Тейт — Лабианка Чарльз Мэнсон в подробностях описал “Семье”, как именно произойдут убийства, вплоть до надписи “PIGS” собственной кровью жертв.

Кроме того, теперь мы могли привязать Мэнсона к каждой из кровавых надписей, найденных в домах Тейт и Лабианка.

“Но это будет лишь начало”, — заявил Мэнсон Уоткинсу. Среди белых убийства вызовут сильнейший приступ массовой паранойи: “Их охватит такой страх, что они отправятся в гетто и примутся стрелять в чернокожих, словно сумасшедшие”. Но убьют лишь тех, кто “изначально был заодно с белыми”.

“Настоящая черная раса” — которую Мэнсон попеременно обозначал как “Черных мусульман” и “Черных пантер” — “никак не будет затронута”. Они спрячутся, выжидая.

После кровопролития “Черные мусульмане” “выйдут на улицы и воззовут к белым, говоря: “Посмотрите, что вы сделали с нашим народом”. И это расколется белых ровно пополам, — рассказывал Уоткинс. — Либералы-хиппи останутся по одну сторону, а все твердолобые консерваторы — по другую...” И это будет похоже на войну штатов, брат пойдет на брата, белые станут убивать белых. А потом, когда белые наполовину перебьют друг дружку, “Черные мусульмане” выйдут из укрытия и уничтожат *их всех*”.

Всех, кроме Чарли и его “Семьи”, которые найдут убежище в кладезе бездны, спрятанном где-то в Долине Смерти.

Затем колесо кармы повернется: “черные окажутся наверху”. И “примутся за уборку, совсем как обычно... Черные выметут прочь весь сор, они подчистят все, что белый человек успел превратить в мусорную кучу, заново отстроят города. Но черные не будут знать, что им делать со всем этим. Самим им не справиться”.

По словам Мэнсона в пересказе Уоткинса, чернокожие столкнутся тогда с одной проблемой. Ведь они умеют делать лишь то, чему их научили белые. Черные не смогут управлять этим миром без подсказки со стороны белых.

Уоткинс: “Черный придет тогда к Чарли и скажет, знаете ли: “Я выполнил работу. Я поубивал их всех и, понимаешь, я устал убивать. Все кончено”.

И тогда Чарли погладит его по курчавой голове, пнет его в зад и прикажет ему идти собирать хлопок, быть хорошим ниггером, и с тех пор все мы проживем счастливо...” Выросшая до 144 тысяч человек, как предсказано в Библии, “Семья” — чистая раса белых хозяев — выберется на поверхность планеты из своей бездонной дыры. И “тогда мир будет принадлежать нам. Не останется больше никого, только мы и наши черные слуги”.

И тогда, в соответствии с евангелием от Чарли — как он рассказывал своему апостолу Полу Уокинсу, — он сам (Чарли Мэнсон, пятый Ангел, “Джей-Си”) будет править миром.

Пол Уоткинс, Брукс Постон и Грегг Джекобсон не просто сделали понятным сам мотив Мэнсона, *Helter Skelter*; Уоткинс дал мне недостающее звено. В больном, искаженном, беспорядочно загроможденном сознании Чарльза Мэнсона не оставалось места для сомнений: *именно он и никто другой* пожнет плоды “чернобелой” войны и убийств, которые развяжут ее.

Однажды, во время приема кислоты в доме по Грэшем-стрит, Мэнсон уверял Уотсона и остальных, будто чернокожие лишены смекалки: “Все, что знает черный, ему показал или рассказал белый”, так что Некому-то придется показать ему, как это сделать”.

“Что сделать?” — переспросил я у Уоткинса.

О.: “Как начать *Helter Skelter*. Как исполнить предначертанное”.

Уоткинс: “Чарли сказал, что единственная причина, по которой это еще не произошло, — то, что белые скормливают черным своих дочурок в Хейт-Эшбери. Чарли сказал, если его музыка будет издана и все хиппи (он называл их “люди любви”) покинут Хейт-Эшбери, тогда черные отправятся прямоком в Бель-Эйр и не оставят там камня на камне”.

Чернокожих временно “отвлекли” белокожие девочки, объявил Мэнсон. Но когда он удалит сам отвлекающий фактор — когда выйдет его альбом и все “люди любви” последуют за Чарли, словно за гаммельнским крысоловом, в пустыню, — тогда черные найдут другой способ вымещать разочарование и обратят свой праведный гнев на истеблишмент.

Но уломать Терри Мельчера так и не удалось. Альбом не вышел в свет. Где-то в конце февраля 1969 года Мэнсон послал Брукса и Хуаниту на ранчо Баркера. Остаток “Семьи” вернулся на ранчо Спана и принялся готовить *Helter Skelter*. “Начались реальные приготовления, реальные попытки собрать все воедино, чтобы перебраться в пустыню”, — сказал Грегг. Джекобсон, посетивший ранчо в этот период, был поражен наступившей переменой. Ранее Мэнсон проповедовал уникальность “Семьи”, ее самодостаточность; теперь же он заискивал перед аутсайдерами, бандами мотоциклистов. Прежде Мэнсон презирал

материальную сторону жизни; теперь он накапливал автомобили, оружие, деньги. “Меня это поразило, поскольку прямо противоречило всему, что Чарли делал раньше, всему, о чем мы с ним говорили”, — признался Грегг; именно тогда Джекобсон начал разочаровываться в Мэнсоне, чтобы в итоге окончательно порвать с ним.

Новый Мэнсон, Мэнсон-материалист, изобрел несколько поразительных схем зарабатывания денег. Например, кто-то заметил в его присутствии, что девушки “Семьи” могли бы зарабатывать по 300–500 долларов в неделю каждая, работая танцовщицами в стриптиз-клубах. Идея приглянулась Мэнсону: если десяток его подопечных притаскивал бы ему по три тысячи долларов в неделю и больше, то он мог бы покупать джипы, вездеходы, даже пулеметы! Не откладывая, он послал Бобби Бью-солейла и Билла Вэнса обсудить условия сделки на бульвар Сан-сет, в Агентство Жерара.

Правда, тут была одна проблема. При всем своем могуществе Мэнсон никак не мог превратить равнину в горы. За исключением Сэди и еще нескольких, девушки Чарли попросту не обладали внушительными бюстами. Отчего-то Мэнсон привлекал по большей части плоскогрудых девиц.

Еще в доме на Грэшем-стрит Мэнсон сказал Уоткинсу, что этим летом произойдут кошмарные убийства. Теперь лето почти наступило, но чернокожие не подавали никаких признаков готовности исполнить собственное предназначение. Однажды, в конце мая или в начале июня 1969 года, Мэнсон отвел Уоткинса в сторонку, к старому трейлеру Спана, чтобы сообщить: “Все, что знает и умеет черный, — это то, чему его научил белый. — И добавил: — *Мне самому* придется показать ему, как это делается”.

Цитируя Уоткинса: “Услыхав это, я навоображал себе нечто ужасное”. Несколькими днями позднее Уоткинс смылся на ранчо Баркера, опасаясь, что, останься он еще ненадолго, те ужасные картины, которые ему рисовало воображение, превратятся в не менее ужасную реальность.

Уже настал сентябрь 1969 года, когда Мэнсон сам вернулся на ранчо Баркера и обнаружил измену Уоткинса и Постона: те уже успели заметно высвободиться из-под его влияния. Рассказав Уоткинсу о том, как они “разрубили Коротышку на девять кусков”, Мэнсон ни словом

не упомянул об убийствах Тейт — Лабианка. Впрочем, обсуждая с Уоткинсом *Helter Skelter*, Мэнсон обронил: “Мне пришлось показать черным, что надо делать”, — но не стал уточнять, как ему это удалось.

Сотрудники ДПЛА беседовали с Греггом Джекобсоном в конце ноября 1969 года. Когда он попытался рассказать им о “запредельной” философии Мэнсона, кто-то из следователей ответил Греггу: “Да ну, Чарли сумасшедший; его болтовня нас не интересует”. В течение следующего месяца двое следователей ездили в Шошон и говорили там с Крокеттом и Постоном; ДПЛА также связывался и с Уоткинсом. Всех троих спрашивали, не известно ли им чего-либо об убийствах Тейт — Лабианка. Все трое заявили, что ничего не знают — и это в их понимании была чистая правда, поскольку прежде ни один из троих не догадался связать воедино Мэнсона и эти убийства. После беседы с Постоном и Крокеттом один из следователей обронил: “Похоже, мы съездили напрасно”.

Поначалу мне казалось невероятным, что никто из четверых бывших соратников даже не заподозрил Мэнсона в причастности к убийствам Тейт — Лабианка. Но тому, как я вскоре обнаружил, имелись свои причины. Рассказывая Джекобсону о неизбежном начале *Helter Skelter*, Мэнсон не упомянул о кровавых надписях. Про надписи слышали Уоткинс и Постон (последний даже знал о значении слова “свиньи”) — но на ранчо Баркера не было газет, а окружавшие его горные цепи не позволяли принимать радиопередачи. Оба слышали об убийствах во время довольно частых поездок за продуктами в Индепенденс и Шошон, но ни того ни другого не интересовали детали случившегося.

Основной причиной, однако, был случай: хотя репортеры раструбили о присутствии кровавых надписей в доме четы Лабианка, ДПЛА удалось сохранить в тайне содержание одной из них. Широкая публика так и не узнала о написанных кровью на дверце холодильника словах “HEALTER SKELTER”.

Если бы об этом стало известно, то Джекобсон, Уоткинс, Постон и многие другие сразу же связали бы убийство четы Лабианка (и возможно, Тейт — из-за того, что те произошли чуть ли не одновременно) с безумным планом Мэнсона. И, что кажется вполне

вероятным, кто-то из них поделился бы своими подозрениями с полицией.

Как раз одно из тех странных совпадений, в которых никто не виноват, результата которых никто не способен предвидеть, — но, возможно, после публикации надписи “HEALTER SKELTER” в прессе убийцы могли быть задержаны спустя считанные дни (а не месяцы), а Дональд “Коротышка” Шиа и, вполне вероятно, другие оставались бы живы и поныне.

Теперь я убедился, что мотив наконец найден, — но другие улики нас подвели.

Никто из служащих станции “Стандард” в Сильмаре или магазина “Джек Фрост” в Санта-Монике не смог опознать кого-либо в нашем “Семейном альбоме”. Что же до кредитных карточек Лабианка, то все они без исключения нашлись, а Сьюзен Стратерс так и не сумела определить, потеряна ли принадлежавшая ее матери коричневая кожаная сумочка, поскольку у Розмари было несколько таких сумочек.

К тому времени как ДПЛА удосужился запросить сведения о телефонных переговорах, ведшихся с ранчо Спана, большинство материалов за май и июль 1969 года уже были “уничтожены или утрачены”. Номера, набиравшиеся за остальные месяцы (с апреля по октябрь), оказались в нашем распоряжении; но, хоть мы и получили определенную информацию о деятельности “Семьи”, никаких данных о связи между убийцами и жертвами найдено не было. Как не оказалось их и среди звонков, сделанных с аппаратов, установленных в домах Тейт и Лабианка.

Продолжительное воздействие дождя и солнца разрушает компоненты человеческой крови. Многие из пятен на одежде, обнаруженной телевизионщиками на склоне холма, дали положительную реакцию на бензидин, что указывало на кровь, — но Гранадо даже не сумел определить, принадлежала ли кровь человеку или животному. Впрочем, Гранадо нашел человеческую кровь группы В на белой футболке (кровь этой группы была у Парента, Фольгер и Фрайковски) и человеческую кровь “возможно, группы О” на темной велюровой водолазке (та же группа крови была у Тейт и Себринга). Выявить подгруппу Гранадо даже не пытался.

Он также снял с одежды несколько волосков, принадлежавших, как ему удалось установить, женщине и не совпавших с волосами обеих жертв женского пола.

Я позвонил капитану Карпентеру в “Сибил Бранд” и затребовал образец волос Сьюзен Аткинс. 17 февраля помощница шерифа Элен Таббе отвела Сьюзен в тюремную парикмахерскую, чтобы помыть и уложить ей волосы. После чего сняла несколько волосинок с расчески и щетки Сьюзен. Позднее, сходным образом, нами были получены образцы волос Патриции Кренвинкль. Гранадо “снял подозрения” с образца волос Кренвинкль, но счел волосы Аткинс “весьма, весьма сходными” с найденными на одежде, после чего сделал вывод: “вполне возможно”, эти волоски принадлежали Сьюзен Аткинс^[147].

На одежде были найдены также и белые волоски. Винифред Чепмен заявила, что они очень похожи на шерсть собаки, принадлежавшей Шарон Тейт. Но, поскольку собака умерла вскоре после смерти самой Шарон, сравнить образцы не представлялось возможным. Тем не менее я намеревался включить в вещественные доказательства и эту находку, так что миссис Чепмен повторила уже сказанное, теперь в качестве официальных показаний.

11 февраля Китти Лютсингер родила ребенка Бобби Бьюсолейлу. Она и до этого давала показания безо всякой охоты — то немногое, что мне удалось из нее выудить, досталось большими усилиями. Позднее она вернется в “Семью”, покинет ее, вернется вновь. Не будучи уверен в том, что Китти может сказать, заняв свидетельское место, я в итоге решил, что не стану приглашать ее выступить на процессе.

То же решение я принял и в отношении байкера Эла Спринджера, хотя и совсем по другой причине. Большая часть его показаний повторяла бы уже сказанное ДеКарло. Кроме того, наиболее важная часть свидетельства Эла — признание Мэнсона: “Мы замочили пятерых всего несколько ночей тому назад” — теряла силу из-за *Аранды*. Я беседовал со Спринджером несколько раз, и одно из пересказанных Элом замечаний Мэнсона дало мне возможность догадаться о вероятной стратегии его защиты. Описывая совершенные “Семьей” многочисленные преступления, Мэнсон сказал Спринджеру: “Не важно, что может случиться, девочки все возьмут на себя”.

С Дэнни я беседовал часто и подолгу; одна из наших бесед затянулась аж на девять часов. Так мне удалось узнать многое, прежде

не всплывавшее в наших разговорах. И всякий раз я получал еще несколько примеров власти Мэнсона над остальными: именно Мэнсон решал, настало ли время перекусить; он не разрешал никому взять ни кусочка, пока сам не усядется за стол; во время трапезы он читал лекции по своей философии.

Я поинтересовался у Дэнни, не прерывал ли кто-нибудь Мэнсона хоть однажды во время этих рассуждений? И услышал в ответ: однажды “пара девчонок” о чем-то заговорили между собой.

В.: “И что произошло?”

О.: “Он метнул в них горшок с рисом”.

Хотя ДеКарло всячески сопротивлялся перспективе выступить на суде, в конце концов нам с сержантом Гутиэресом удалось убедить Дэнни в том, что это в его собственных интересах.

С Деннисом Уилсоном, барабанщиком и вокалистом “The Beach Boys”, получилось далеко не столь гладко. Поначалу Уилсон повторял, будто не знает ничего существенного, но в итоге и он разоткровенничался, хотя наотрез отказался давать показания в суде.

Мне было ясно, что Уилсон боится, и не без оснований. 4 декабря 1969 года, через три дня после того, как ДПЛА объявил о раскрытии дела, Уилсон получил анонимное письмо, угрожавшее ему смертью. Как мне удалось выяснить, он получал и другие письма подобного же содержания, причем далеко не все анонимные.

Отрицая свою осведомленность о преступных действиях “Семьи”, Уилсон все же предоставил нам кое-какие весьма любопытные сведения. В конце весны 1968 года, проезжая по Ма-либу, Уилсон дважды подбирал одну и ту же парочку “голосовавших” на улице девушек и на второй раз отвез их к себе домой. Для Денниса “домом” служило здание 14400 на бульваре Сансет — роскошный особняк, ранее принадлежавший юмористу Уиллу Роджерсу. Девушки — Элла Джо Бэйли и Патриция Кренвинкль — просидели у него пару часов, рассказывал Деннис; в основном они без умолку тараторили про этого типа по имени Чарли.

В тот вечер у Денниса была назначена студийная сессия, так что домой он вернулся лишь к трем часам ночи. Подъехав, он увидел странного мужчину, вышедшего навстречу из его собственного дома. Перепугавшись, Уилсон спросил: “Вы собираетесь избить меня?”

Мужчина ответил: “Неужели я похож на человека, который способен бить тебя, братишка?” — после чего опустился на колени и поцеловал ноги Уилсону; очевидно, то был один из излюбленных ритуалов Чарли. Когда Мэнсон, приобняв Уилсона за плечи, провел музыканта в его собственное жилище, Деннис обнаружил там полтора десятка незваных гостей, в подавляющем большинстве — женского пола.

Они прожили там несколько месяцев, и за это время группа увеличилась, по меньшей мере, вдвое (как раз во время этого периода существования “Семьи” Мэнсоном были завербованы Чарльз “Текс” Уотсон, Брукс Постон и Пол Уоткинс). Обретенный опыт, как позднее подсчитал Деннис, обошелся ему в кругленькую сумму — около сотни тысяч долларов. Мэнсон постоянно кланчил у него деньги, а Клем разбил незастрахованный “Мерседес-Бенц” Уилсона (21 тысяча долларов), врезавшись в скалу при подъезде к ранчо Спана; “Семья” всюю пользовалась гардеробом Уилсона и практически всем, что было в доме; несколько раз Уилсон посчитал необходимым отвезти всю компанию к своему врачу на Беверли-Хиллз, чтобы тот вколол им пенициллин. “Это, наверное, был самый крупный счет за лечение гонореи за всю историю человечества”, — признался Деннис. Уилсон даже подарил Мэнсону девять из десяти золотых дисков “The Beach Boys” и заплатил за пломбирование зубов Сэди.

Недавно разведенный Уилсон, очевидно, счел жизненный стиль Мэнсона отчасти привлекательным. “Если не вспоминать громадные суммы, вылетающие на ветер, — сказал мне Деннис, — мы с Чарли и девушками неплохо ладили”. Они с Чарли сидели и болтали, пока девушки прибирали в доме, готовили и всячески ублажали мужчин. Уилсон сказал, что ему нравилась “спонтанность” музыки Чарли, но тут же прибавил: “У Чарли никогда не было музыкальной жилки”. Несмотря на это, Уилсон изо всех сил старался “продать” Мэнсона другим. Более того, он арендовал студию в Санта-Монике специально для записи песен Мэнсона (я весьма заинтересовался этой записью и попросил разрешения послушать ее, но Уилсон заявил, что уничтожил все бобины, потому что, дескать, “их аура не принадлежит этому миру”). Кроме того, Уилсон познакомил Мэнсона с множеством людей, имевших какое-то отношение к шоу-бизнесу, — включая Мельчера, Джекобсона и Альтобелли. На одной вечеринке Чарли подарил кольцо дочери Дина Мартина, Диане, и пригласил ее присоединиться к

“Семье”. Диана рассказала мне, что сохранила кольцо, которое позднее отдала мужу, но от приглашения вежливо отказалась. Как поступили и остальные участники “The Beach Boys”, никто из которых не разделял дружеских чувств Уилсона по отношению к “грязному маленькому гуру”, по определению одного из них.

Уилсон отрицал возникновение каких бы то ни было конфликтов между ним и Мэнсоном на протяжении всего этого времени. Впрочем, в августе 1968 года, за три недели до истечения срока аренды, Деннис переехал жить к Греггу, предоставив своему менеджеру выпроваживать из дома Чарли и девиц.

С бульвара Сансет “Семья” переехала на ранчо Спана. Очевидно, поначалу Уилсон старался избегать встреч с группой, но время от времени все же сталкивался с Мэнсоном. Деннис уверял меня, что у него с Чарли не возникало никаких проблем или размолвок вплоть до августа 1969 года (Деннис не мог вспомнить число, но был уверен, что инцидент имел место уже после убийств на Сизэло-драйв), когда Мэнсон явился к нему и потребовал полторы тысячи долларов на переезд в пустыню. В деньгах Уилсон ему отказал, и тогда Чарли заявил музыканту напрямую: “Не удивляйся, если больше никогда не увидишь своего пацана”. У Денниса рос семилетний сын, и это, вероятно, послужило основной причиной его отказа выступить на суде.

Мэнсон угрожал и самому Уилсону, но Деннис узнал об этом только во время своей встречи с Джекобсоном, которую я устроил в своем кабинете. По словам Джекобсона, вскоре после того, как Деннис отказался пожертвовать Мэнсону полторы тысячи, Чарли передал Греггу пулю 44-го калибра со словами: “Передай Деннису, у меня еще много таких”. Зная, как расстроила Денниса предыдущая угроза, Грегг решил ничего не говорить другу.

Это произошло где-то в конце августа или в начале сентября 1969 года. Джекобсон был поражен тем, до какой степени изменился Мэнсон. “Он просто излучал электричество, оно брызгало во все стороны. Волосы Чарли стояли дыбом. У него появился тот дикий взгляд. Это можно сравнить только... он был как животное, запертое в клетку”.

Вполне возможно, были и еще угрозы, но это мое личное впечатление. Просматривая телефонные счета с ранчо Спана, я обнаружил, что 22 сентября 1969 года кто-то звонил с платного

телефона на ранчо по домашнему номеру Денниса Уилсона и что на следующий день музыкант сменил номер.

Оглядываясь назад, на свои “тусовки” с “Семьей”, Деннис признался мне: “Я самый большой везунчик на всем белом свете, потому что я отделался одними только деньгами”.

Свидетелей по этому делу — от рок-звезды до байкера и бывшей “девушки по вызову” — объединяло лишь одно: все они всерьез опасались за собственную жизнь. Всем им было достаточно взять в руки газету или включить телевизор, чтобы убедиться: многие члены “Семьи” разгуливают на свободе. Стив Гроган, *тик* Клем, был выпущен под залог; обвинение в сговоре с целью совершения краж, предъявленное Брюсу Дэвису в округе Инио, было отозвано за недостаточностью улик. Ни Гроган, ни Дэвис, ни кто-либо другой из подозреваемых в обезглавливании Коротышки не обвинялись в этом убийстве по причине отсутствия физического доказательства смерти Ши.

Возможно, сидя в своей камере в “Сибил Бранд”, Сьюзен Аткинс частенько вспоминала текст песни “Сексуальная Сэди” с “Белого альбома” “The Beatles”:

Сексуальная Сэди, что же ты натворила?
Ты выставила всех дураками...
Сексуальная Сэди, ты нарушила правила,
Ты выставила это всем напоказ...
Сексуальная Сэди, ты еще получишь свое,
Какой бы хитрой не считала себя...

Или, вполне вероятно, до нее просто доходили многочисленные послания от Мэнсона и других членов “Семьи”.

Сьюзен вызвала к себе Кабаллеро и заявила ему, что ни при каких обстоятельствах не намерена давать показания на процессе. И потребовала немедленной встречи с Чарли.

Кабаллеро предупредил нас с Аароном: похоже, мы потеряли основного свидетеля. В свою очередь, мы связались с Гари

Флейшманом, адвокатом Линды Касабьян, и сказали, что готовы к переговорам.

С самого начала Флейшман, озабоченный благополучием своей подзащитной, требовал для Линды Касабьян полного освобождения от судебного преследования. Только после беседы с самой Линдой я выяснил, что она готова рассказать все, дадут ей неприкосновенность или нет, и что только Флейшман удерживал ее от этого. Тогда же я узнал, что решение вернуться в Калифорнию она приняла самостоятельно и добровольно, вопреки советам Флейшмана, который уговаривал ее противиться экстрадиции.

В результате множества встреч и обсуждений наш офис согласился направить в Верховный суд просьбу о предоставлении Линде неприкосновенности — но лишь *после того*, как она даст показания. В ответ мы получали гарантии того, что: 1) Линда Касабьян даст нам полные и обстоятельные показания о своем участии в убийствах Тейт—Лабанка; 2) Линда Касабьян даст правдивые показания против каждого из подсудимых на всех стадиях слушания дела; 3) в случае, если Линда Касабьян не даст правдивых показаний или откажется давать их по какой бы то ни было причине, обвинение выступит против нее безо всяких поблажек, тогда как любое сделанное ею заявление не может быть использовано обвинением против нее самой.

Ходатайство было подписано Янгером, Ливи, Бушем, Стовитцем и мною 26 февраля 1970 года.

Два дня спустя я беседовал с Линдой Касабьян. Она впервые обсуждала убийства Тейт — Лабанка с кем-либо из правоохранительных служб.

Как уже говорилось, имея выбор между Сьюзен и Линдой, я предпочел бы иметь дело с Касабьян, которую ни разу не видел: она никого не убивала, и поэтому ее показания были бы восприняты присяжными гораздо лучше, чем откровения кровожадной Сьюзен. Теперь же, разговаривая с ней в кабинете капитана Карпентера в “Сибил Бранд”, я мог только радоваться тому, что события приняли такой оборот.

Небольшого роста, с длинными светло-русыми волосами, Линда заметно походила на актрису Миа Фэрроу. При более близком знакомстве Линда показалась мне тихой, послушной и легко управляемой, хотя в общении она излучала внутреннюю уверенность,

почти фатализм, заставлявший ее выглядеть намного старше своих двадцати лет. Жертва семейных неурядиц, Линда сама дважды, и оба раза неудачно, была замужем — последний ее брак с молодым хиппи по имени Роберт Касабьян распался как раз перед появлением Линды на ранчо Спана. У нее был ребенок, двухлетняя девочка Таня, и теперь Линда была уже на восьмом месяце беременности; второй ребенок, как ей казалось, зачат в последнюю ее встречу с мужем. В “Семье” она провела меньше полутора месяцев: “Я была словно маленькая слепая девочка в глухом лесу и пошла по первой же тропке, которая мне подвернулась”. Лишь теперь, рассказывая о случившемся, она чувствовала, что наконец выбирается к свету из той чащобы.

Предоставленная самой себе с шестнадцати лет, Линда скиталась от восточного побережья к западному “в поисках Бога”. Эти поиски нередко приводили ее в коммуны и палаточные лагеря, где она принимала наркотики и занималась сексом с любым, кто выказывал интерес. Линда описывала все это с прямоотой, которая порой шокировала меня, но эта ее искренность, как я понимал, должна сыграть Линде на пользу, когда та появится в суде.

С первого нашего разговора я поверил всему, что рассказывала Линда, и чувствовал, что присяжные также поверят ей. Она не задумывалась, давая ответы, не старалась обойти неудобную тему, не пыталась представить себя в качестве кого-то, кем не являлась. Она говорила откровенно, хоть эта правда и была временами жестока. Когда, заняв свое место, свидетель говорит правду, даже если та выставляет его отнюдь не в выгодном свете, можно быть уверенным: его показания “дойдут” до присяжных. Я знал, что, если Линда расскажет всю правду о тех двух кровавых ночах, уже не покажется существенным, была ли она неразборчива в связях, принимала ли наркотики, занималась ли мелкими кражами. Под вопросом было лишь одно: сможет ли защита поставить под сомнение ее правдивость? И ответ стал мне ясен уже **после** первой нашей беседы: нет, не сможет. По той простой **причине**, что Линда совершенно очевидно говорила правду.

Мы беседовали с ней 28 числа, с часу дня до 14:30. То была первая из множества наших долгих бесед, полднюины из них продолжались от шести до девяти часов; все они проходили в “Сибил Бранд”, и зачастую адвокат Линды был единственным, кто присутствовал кроме нас. В

конце каждой беседы я повторял Линде: если уже в камере она вспомнит о чем-то, не всплывшем при разговоре, пусть непременно изложит на бумаге. Некоторые из этих заметок стали письмами Линды ко мне, тянувшимися порой по десять-пятнадцать страниц. Все они, вместе с моими собственными заметками, тут же становились достоянием защиты.

Чем чаще свидетель повторяет свой рассказ, тем больше в нем возникает вариаций и противоречий, которые противная сторона может использовать для подрыва доверия к показаниям. В то время как некоторые юристы стремятся свести беседы со свидетелем и досудебные заявления к минимуму, чтобы избежать этой проблемы, я поступаю как раз наоборот. Если свидетель лжет, я хочу знать об этом еще до его появления в суде. За более чем пятьдесят часов наших бесед с Линдой Касабьян я видел, что она, как и любой свидетель, не уверена в каких-то деталях и путается в других, — но ни разу я не поймал ее на попытке солгать. Более того, если Линда бывала в чем-то не уверена, то признавалась в этом сразу.

Рассказ Линды Касабьян о тех двух ночах, хоть и добавил множество деталей, в основном повторял историю Сьюзен Аткинс. Сюрпризов было всего несколько. Зато каких!

До моих бесед с Линдой мы считали, что она, по всей вероятности, видела лишь одно убийство — когда Текс стрелял в Стива Парента. Теперь же мы узнали, что Линда своими глазами видела Кэти, бегущую по лужайке за Абигаиль Фольгер с занесенным ножом в руке, и то, как Текс вновь и вновь бил ножом Войтека Фрайковски.

Кроме того, Линда рассказала мне, что в ночь гибели четы Лабианка Мэнсон пытался совершить еще три убийства.

Часть 5

“ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, КОГО РАСПИНАЕТЕ?”

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных... Итак, если скажут вам: “Он в пустыне” — не выходите...

Евангелие от Матфея, глава 24, ст. 24, 26

Как раз перед тем, как всех нас повязали в пустыне, нас было ровно двенадцать апостолов и Чарли.

Рут Энн Мурхаус, участница “Семьи”

Может статься, я действительно намекал несколько раз, нескольким разным людям, что я могу быть Иисусом Христом, но я сам еще не решил для себя, кто я такой или что такое.

Чарльз Мэнсон

Март 1970 года

3 марта, сопровождаемый адвокатом Гари Флейшманом и примерно дюжиной офицеров ДПЛА и ОШЛА, я забрал Линду Касабьян из “Сибил Бранд”. Для Линды это стало путешествием назад во времени, в ту почти невероятную ночь, что промелькнула как дурной сон почти семь месяцев тому назад.

Наша первая остановка была у дома 10050 по Сизэло-драйв.

В конце июня 1969 года Боб Касабьян позвонил Линде в Нью-Хемпшир, где та гостила у матери, и предложил помириться. Касабьян

жил в трейлере в каньоне Топанга, вместе с приятелем по имени Чарльз Мелтон. Мелтон, недавно унаследовавший 20 тысяч долларов и уже успевший раздать более половины этих денег, хотел добраться на автомобиле до самой южной оконечности материка, купить там лодку и отправиться в кругосветное плавание. Он пригласил отправиться вместе с ним Линду с Бобом и еще одну пару.

Линда, вместе с дочерью Таней, прилетела в Лос-Анджелес, но воссоединения семьи так и не получилось.

4 июля 1969 года Кэтрин Шер, *тик* Цыганка, зашла в гости к Мелтону, с которым познакомилась через Пола Уоткинса. Цыганка рассказала Линде про “этого чудесного человека, Чарли”, о “Семье” и о том, что жизнь на ранчо у Спана — сплошные любовь, красота и миролюбие. Для Линды эта сказочная картина была “словно ответ на невысказанные молитвы”^[148]. В тот же день она вместе с дочерью перебралась к Спану. Правда, Линда не увидела Мэнсона тогда же, зато перезнакомилась почти со всею “Семьей”, а они мало о ком еще говорили. Для Линды с самого начала было очевидно, что “все они поклонялись ему”.

Той ночью Текс отвел Линду в маленькую комнатку и поведал ей “невероятные вещи... что не существует ничего неправильного или дурного, что все хорошо... вещи, которые я не могла переварить”. Затем “мы с ним занялись любовью, и произошло нечто странное... я была как одержимая, в меня будто бес вселился”. Когда все кончилось, пальцы Линды оказались настолько крепко сжаты, что их ломило. Позже Цыганка сказала ей, что так люди переживают гибель собственного эго.

После занятия любовью Линда с Тексом разговорились, и Линда упомянула о наследстве Мелтона. Текс сказал, что она должна украсть эти деньги. По словам Линды, она отвечала, что не может сделать этого: Мелтон был ей другом, почти братом. Текс возразил, что Линда не может сделать ничего дурного, и подчеркнул, что люди должны делиться друг с другом всем, что у них есть. На следующий день Линда вернулась в трейлер и стянула оттуда 5 тысяч долларов, которые отдала кому-то — не то Лесли, не то Тексу. Она уже передала “Семье” все свои вещи, когда девушки заявили ей: “Все, что твое, — это наше, и все, что наше, — твое”.

Тём вечером Линда впервые встретила Чарльза Мэнсона. После всего, что она слышала о нем, Линда чувствовала себя как на смотринах. Чарли спросил, зачем она явилась на ранчо. Линда отвечала, что ее бросил муж. Протянув руку, Мэнсон пощупал ее лодыжки. “Они ему, кажется, понравились”, — вспоминала Линда. Затем он объявил ей, что она может остаться. Перед тем как заняться с нею любовью, он сказал Линде, что у той заметная фиксация на отце. Линда была потрясена пронизательностью Чарли, поскольку отчим ей действительно не нравился. Ей казалось, что Мэнсон способен заглянуть внутрь нее, просветить насквозь одним только взглядом.

Линда Касабьян стала частицей “Семьи” — вместе с остальными участвовала в “мусорных рейсах”, занималась сексом с мужчинами, однажды обошла “тайком-ползком” чей-то дом и слушала рассуждения Мэнсона — о “The Beatles”, о *Helter Skelter* и о кладезе бездны. Чарли сказал ей, что черные держатся друг за дружку, они всегда вместе, в отличие от белых. Впрочем, ему был известен один способ воссоединить всех белых людей, заявил он. Единственный способ. Но Чарли не захотел пояснить Линде, в чем же он заключается.

А она и не спрашивала. С момента их первой встречи Мэнсон не уставал повторять: “Никогда не спрашивай почему”. И всякий раз, когда Линду озадачивало то, что он говорил или делал, ей напоминали об этом простом правиле. А также еще одну из излюбленных аксиом Чарли: “Нет смысла искать смысл”.

По словам Линды, вся “Семья” без исключения панически боялась чернокожих. По выходным Джордж Спан сдавал желающим своих лошадей, чем, собственно, и кормился. Порой среди этих воскресных наездников встречались и цветные. Мэнсон объявил всех их “пантерами”, явившимися на ранчо с единственной целью — шпионить за “Семьей”. Он всегда распоряжался спрятать девушек помладше, когда черные разгуливали где-то поблизости. По вечерам все должны были носить темную одежду, чтобы не бросаться в глаза, — и в конце концов Мэнсон стал выставлять вооруженных часовых, патрулировавших ранчо до самого утра.

Постепенно Линда пришла к убеждению, что Чарльз Мэнсон — вернувшийся на землю Иисус. Он ни разу не заявлял об этом прямо, но однажды спросил у нее: “Разве ты не знаешь, кто я такой?”

Она ответила: “Нет, а разве я вообще что-то знаю?”

Чарли не ответил, только улыбнулся и шутливо закружил Линду.

И все же у нее оставались свои сомнения. Матерям не разрешалось заботиться о собственных детях. Они разлучили ее с Таней, объяснила Линда, потому что хотели “вытравить эго, которое я вложила в нее... Поначалу я согласилась, подумала: это же здорово, если мой ребенок сможет стать человеком самостоятельно”. Кроме того, она видела несколько раз, как Мэнсон бил Дайэнну Лейк. Линда бывала во множестве коммун — от “Американского психоделического цирка” в Бостоне до “Сыновей матушки Земли” близ Таоса, — но нигде не встречалась ни с чем подобным и, забыв о предостережении Чарли, задала Цыганке тот самый запретный вопрос: “Почему?” Цыганка отвечала, что на самом деле Дайанне хотелось, чтобы ее поколотили, и Чарли всего-навсего оказал ей такую услугу.

Все сомнения, впрочем, отметал простой факт: Линда влюбилась в Чарльза Мэнсона.

Линда провела на ранчо Спана чуть больше месяца, когда вечером в пятницу 8 августа 1969 года Мэнсон объявил “Семье”:

“Время для *Helter Skelter* наконец настало!”

Если бы Линда замолчала, открыв нам лишь этот единственный фрагмент и ничего больше, она все равно осталась бы ценным свидетелем. Но рассказ Линды только начинался.

Вечером в ту пятницу, примерно через час после обеда, семь или восемь участников “Семьи” выстроились на дощатом тротуаре перед салуном, когда оттуда вышел Мэнсон и, позвав к себе Текса, Сэди, Кэти и Линду, приказал каждому раздобыть смену одежды и нож. Линду он также попросил захватить водительскую лицензию. Как я узнал позднее, Линда была единственной участницей “Семьи”, обладавшей действительной лицензией на вождение, — не считая арестованной тем вечером Мэри Бруннер. Именно это, решил я, и послужило одной из причин, по которым Мэнсон избрал именно Линду сопровождать остальных убийц, каждый из которых, в отличие от нее, провел рядом с Чарли уже год или более.

Линда не смогла найти свой нож (он был у Сэди), но получила взамен другой, взяв его у Ларри Джонса. Ручка ножа была разбита и заклеена изолентой. Бренда нашла водительскую лицензию Линды и

вручила ее хозяйке приблизительно в то же время, когда Мэнсон сказал Линде: “Ступай с Тексом и слушайся его во всем”.

Как рассказала нам Линда, кроме нее самой, Текса и Кэти при этом присутствовали Бренда Макканн и Ларри Джонс. Они тоже слышали этот приказ, исходящий от Мэнсона.

Бренда оставалась тверда как камень и наотрез отказывалась сотрудничать с властями. Ларри Джонс, *н/и* Лоуренс Бэйли, был костлявым, невысоким работником ранчо, вечно старавшимся снискать расположение “Семьи” и стать одним из них. Впрочем, Джонс обладал тем, что Мэнсон считал “негроидными чертами”; по словам Линды, Чарли называл его “каплей, криво упавшей с белого конца”. Поскольку Джонс присутствовал при том, как Мэнсон давал инструкции убийцам Тейт, он мог бы стать весьма ценным свидетелем — и представить независимое подтверждение показаниям Линды Касабьян, — поэтому я попросил сотрудников ДПЛА разыскать его и доставить ко мне. Найти Ларри им не удалось. Тогда схожее поручение получило Бюро расследований при окружном прокуроре; они нашли Джонса, но тот не захотел сообщить ровным счетом ничего. Он не сказал бы, который сейчас час, если бы мы спросили.

После того как Мэнсон препоручил Линду командованию Текса, убийцы расселись в старом “форде”, принадлежавшем Джонни Шварцу.

Я спросил у Линды, во что был одет каждый. Она не была абсолютно уверена, но ей кажется, на Сэди была темно-синяя футболка и рабочие брюки, у Кэти был сходный наряд, а на Тексе черная велюровая водолазка и темные брюки.

Когда Линде показали одежду, найденную телевизионной группой, она узнала шесть из семи предметов — все, кроме белой футболки. Логично предположить, что Линда не видела ее просто потому, что футболка была надета под другую одежду.

Как насчет обуви? — спросил я. Насколько помнила Линда, все девушки были босы; ей кажется, но она не уверена, что на Тексе были ковбойские сапоги.

В доме 10050 по Сизло-драйв и вокруг него было обнаружено немало кровавых следов. Исключив все те, что принадлежали

работавшему на месте преступления персоналу ДПЛА, следователи остались лишь с двумя отпечатками: каблука ботинка и босой ступни; это прекрасно совпадало с воспоминаниями Линды. И вновь, как и в случае со Сьюзен Аткинс, я отчаянно нуждался в независимом подтверждении ее показаний.

Вслед за этим я задал Линде тот же вопрос, что прежде задавал Сьюзен, — употреблял ли кто-то из них в ту ночь наркотики? — и получил прежний ответ: нет.

Когда Текс уже начал отъезжать, Мэнсон крикнул: “Погоди!” или “Стой!” Затем он просунул голову в окно со стороны пассажира и сказал: “Оставьте там знак. Девочки, вы сами знаете, что написать. Что-нибудь дикое”.

Текс передал Линде три ножа и револьвер, приказав завернуть их в тряпку и положить на пол. “Если нас остановит полиция, — сказал Текс, — ты должна их выбросить”.

Линда уверенно опознала револьвер “лонгхорн” 22-го калибра. Только в тот раз, отметила она, рукоять не была сломана, да и Дуло торчало прямо, а не вбок.

По словам Линды, Текс не сказал им, куда они направляются или что собираются предпринять; тем не менее сама она решила, что их ждет еще одна миссия “тайком-ползком”. Текс обронил, что уже бывал в доме прежде и знает расположение помещений.

Когда мы в фургоне шерифа доехали до самого конца Сизло-драйв, Линда показала мне, где развернулся Текс — прямо перед воротами дома 10050 — и где он припарковался, рядышком со столбом с телефонными линиями. Затем он взял с заднего сиденья пару больших кусачек для проволоки, с красными ручками, и вскарабкался на столб. С места, где сидела Линда, не было видно, как именно Текс перекусывал провода, но она видела и слышала, как те упали.

Когда Линде показали кусачки, найденные на ранчо Баркера, она сказала: “Вроде те же самые”, что и использованные Тексом той ночью. Поскольку инструмент был найден в “командирском” вездеходе Мэнсона, положительная идентификация привязала их не просто к “Семье” вообще, но и к Мэнсону лично. Я радовался этому больше всех, не подозревая, что цепочка “Сизло — кусачки — Мэнсон” вскоре будет перерезана, в самом буквальном смысле.

Когда Текс вернулся к машине, они отъехали к подножию холма и припарковались. Затем вся четверка разобрала оружие и запасную одежду, после чего все вместе украдкой вернулись к воротам. У Текса была с собой и белая веревка, заброшенная на плечо.

Когда мы с Линдой выбрались из фургона и подошли к воротам усадьбы, два больших пса, принадлежащих Руди Альтобелли, набросились на проволочную сетку, яростно нас облаивая. Внезапно Линда всхлипнула. “Что такое, Линда? Почему ты плачешь?” — спросил я.

Указывая на собак, Линда ответила вопросом на вопрос: “Отчего они не оказались здесь в ту ночь?”

Линда показала нам то место, справа от ворот, где они забрались на насыпь и вскарабкались по ограде. Когда они уже спускались по ту сторону, на подъездной дорожке показалась пара ярких фар. “Лежите и молчите”, — приказал Текс. Затем он вскочил на ноги и побежал к автомобилю, который остановился рядом с механизмом, открывавшим ворота. Линда слышала мужской голос, произнесший: “Пожалуйста, не делайте этого! Я ничего не скажу!” Затем увидела, как Текс засунул револьвер в открытое окно со стороны водителя, и слышала четыре выстрела. Она также видела, как повалился сидевший в машине.

(Кое-что в этом месте рассказа до сих пор смущает меня. Кроме огнестрельных ран, у Стивена Парента обнаружился порез левой руки, шедший от ладони к запястью. Он рассек не только сухожилия, но и ремешок наручных часов. Очевидно, Парент поднял левую руку, ближайшую к открытому окну, в попытке защитить себя, — и силы нанесенного удара оказалось достаточно, чтобы отбросить часы на заднее сиденье. Таким образом, выходило, будто Текс приблизился к машине с ножом в одной руке и револьвером в другой и что сначала он рубанул Парента ножом, а уж затем стрелял в него. И все же ни Сьюзен, ни Линда не видели у Текса ножа, никто из них не помнил, чтобы Текс взмахнул рукой перед тем, как открыть огонь.)

Линда увидела, что Текс засунул руку в окно и выключил фары и зажигание. Затем, откатив автомобиль подальше от ворот, приказал остальным следовать за ним.

Выстрелы погрузили ее в состояние шока, рассказывала Линда. “Мой рассудок померк. Идя к дому, я особенно остро чувствовала, как

двигается мое тело”.

Выйдя с Линдой на подъездную дорожку, я спросил у нее, какие огни горели здесь в ту ночь. Линда показала на фонарь сбоку от гаража и на рождественскую гирлянду на рейках ограды. Мелкие детали, но и они имеют значение: если на суде защита обвинит Линду в том, что вся ее история — выдумка от начала и до конца, что она просто читалась газет, мы сможем доказать обратное, ибо ни эти конкретные детали, ни множество собранных мною других не появлялись в прессе.

Подходя к дому, я заметил, что Линда дрожит, а руки ее покрыты гусиной кожей. В тот день вовсе не было холодно, но Линда была уже на девятом месяце, и я, сняв плащ, накинул его на плечи девушке. Однако она не переставала дрожать все то время, что мы провели на территории усадьбы, и часто, указав на что-нибудь рукой, срывалась на плач. У меня не возникало и сомнений в том, что слезы — самые настоящие и что Линда до глубины души потрясена тем, что произошло на этом самом месте. Поневоле я сравнивал Линду со Сьюзен.

Когда мы подошли к основному зданию, Линда сказала, что Текс послал ее обежать вокруг дома и посмотреть, нет ли там незапертого окна или двери. Вернувшись, она заявила, что все закрыто, хотя на самом деле не проверяла (что объясняет, почему убийцы проигнорировали распахнутое окно детской). После этого Текс надрезал ножом ставень на одном из окон; ставень с тех пор успели заменить, но Линда верно указала окно. Кроме того, она сказала, что разрез прошел горизонтально — как оно и было в действительности. Потом Текс приказал ей вернуться и ждать у машины на подъездной дорожке.

Линда сделала, как было велено. Возможно, минуту или две спустя к ней вернулась Кэти и попросила нож (тот, рукоять которого была замотана изолентой) со словами: “Слушай, что сейчас будет”.

Спустя еще несколько минут Линда услышала идущие со стороны дома “кошмарные звуки”. Мужские стоны: “Нет, нет, нет!” — затем крик — очень громкий. Этот крик, который, казалось, никогда не оборвется, заглушал другие голоса — мужской и женский, — молившие о пощаде.

Намереваясь “остановить происходящее”, Линда “побежала к дому”. Когда она достигла крыльца, “там был мужчина, высокий мужчина, только что вышедший из двери; он покачивался, и по его

лицу текла кровь. Он стоял у столба, и мы, наверное, целую минуту смотрели друг другу в глаза. Я не знаю, сколько это продолжалось, но потом я сказала: “О боже, мне так жаль!” И тогда он просто упал в кусты.

А потом из дома выбежала Сэди, и я крикнула ей: “Сэди, *пожалуйста*, прекрати это! Сюда идут люди!” Это была неправда, но я хотела, чтобы все кончилось. А она ответила мне: “Уже поздно”.

Обнаружив потерю ножа, Сьюзен чертыхнулась и снова вбежала в дом. Линда осталась снаружи (ранее Сьюзен рассказала мне и большому жюри, что Линда не заходила внутрь особняка). Обернувшись, Линда увидела темноволосую женщину, бежавшую по газону; за ней с высоко поднятым ножом неслась Кэти. Тем временем высокий мужчина сумел как-то выбраться из кустов рядом с крыльцом на лужайку перед домом, где упал снова. Линда видела, как Текс ударил его по голове чем-то — возможно, рукоятью револьвера, она не уверена — и затем принялся бить лежащего ножом.

(На предъявленных ей фотоснимках Линда опознала высокого мужчину как Войтека Фрайковски, а темноволосую женщину как Абигайль Фольгер. Сверившись с заключением медэксперта по телу Фрайковски, я обнаружил, что пять из пятидесяти одной ножевой раны пришлись ему в спину.)

Линда повернулась и побежала прочь от дома по подъездной дорожке. Какое-то время, которое она сама определила как минут пять, не более, пряталась в кустах рядом с воротами, затем вновь взобралась на забор и побежала по Сиэло к оставленному внизу “форду”.

“Почему же ты не подбежала к одному из домов, не вызвала полицию?” — спросил я у Линды.

О: “Моей первой мыслью было: “Надо позвать на помощь!” — но затем мне пришло в голову, что моя девочка... она все еще там, [на ранчо] с Чарли. Я понятия не имела, где я и как отсюда выбраться”.

Она села в машину и повернула ключ зажигания, когда “внезапно все они оказались рядом. Залитые кровью. Словно какие-то зомби. Текс заорал, чтобы я выключила двигатель и пересела. У него в глазах было что-то ужасное, такой безумный взгляд...” Линда скользнула на пассажирское сиденье. “Потом он повернулся к Сэди и обругал за потерю ножа”.

Текс положил револьвер на сиденье между ними. Линда заметила сломанную рукоять, и Текс пояснил: та сломалась, когда он ударил “того мужика” по голове. Сэди и Кэти жаловались на головную боль: сражаясь с ними, люди тянули их за волосы. Сэди сказала, что “тот высокий тип” ударил ее по голове и что “девушка” — не ясно, имелась ли в виду Шарон или Абигайль, — плача, звала маму, Кэти также посетовала на боль в руке: оказывается, когда она втыкала нож, то постоянно попадала в кости, и от ножа, не имевшего удобной рукояти, на ладони образовались синяки и кровоподтеки.

В.: “Что же чувствовала *ты сама*, Линда?”

О.: “Я была в шоке”.

В.: “А как остальные, как они вели себя?”

О.: “Так, словно все это — ерунда, игрушки”.

Текс, Сэди и Кэти переоделись прямо во время езды; Линда придерживала руль для Текса. Сама Линда не стала переодеваться, поскольку на ее одежде вовсе не было крови. Текс сказал, что намерен найти какое-нибудь укромное местечко, чтобы смыть кровь, и свернул с Бенедикт Каньон-роуд на короткую улочку не особенно далеко от усадьбы Тейт.

Рассказ Линды об инциденте у поливального шланга во всем совпадал с версиями Сьюзен Аткинс и Рудольфа Вебера. Дом Вебера располагался в 1,8 милях от дома 10050 по Сизло-драйв.

Отсюда Текс вновь вырулил на Бенедикт Каньон-роуд и какое-то время вел машину по темной, холмистой местности за городом. У пыльной обочины он остановился, и Текс, Сэди и Кэти вручили Линде окровавленную одежду, которую, подчиняясь инструкциям Текса, она скатала в один сверток и швырнула вниз. Было темно, и Линда не видела, куда именно упала одежда.

Отъехав от этого места, Текс приказал Линде начисто протереть ножи и выбросить их из окна, один за другим. Так она и сделала; первый нож попал в придорожный куст, а второй, выброшенный несколькими секундами позже, ударился о бордюр тротуара и отскочил обратно на дорогу. Оглянувшись, Линда увидела, как он лежит там. Линде казалось, что револьвер она выкинула еще через несколько минут, но уверенности у нее не было; возможно даже, что это сделал Текс.

Проехав еще достаточно долгое время, они остановили машину у заправочной станции — Линда не помнила, на какой улице это было, — где Кэти и Сэди по очереди сходили в уборную, чтобы смыть с себя последние следы крови. Затем отправились на ранчо Спана. У Линды не было часов, но она посчитала, что вернулись они примерно в два часа ночи. Чарльз Мэнсон стоял на тротуаре, на том же самом месте, где они с ним расстались, уезжая.

Сэди сказала, что видела немного крови на автомобиле, и Мэнсон приказал девушкам раздобыть тряпки с губками и вымыть машину внутри и снаружи.

Затем он велел всем идти в дом, где остановилась “Семья”, в их общую спальню. Бренда и Клем уже ждали там. Мэнсон спросил у Текса, как все прошло. Тот отвечал, что было полно паники, очень грязно и что теперь там повсюду валяются тела, короче, все мертвы.

Мэнсон спросил четверку: “Ну как, совесть не мучает?” Все покачали головами и ответили: “Нет”.

Линда все же чувствовала раскаяние, сказала она мне, но не захотела признаться в этом перед Чарли, потому что “я опасалась за собственную жизнь. Я по его глазам видела: он знал, что я чувствую. И это было словно наперекор ему”.

Мэнсон сказал им: “Отправляйтесь спать и ничего не говорите остальным”.

Линда проспала большую часть следующего дня. Солнце уже клонилось к закату, когда Сэди позвала ее в трейлер — начинался телевизионный выпуск новостей. Хотя Линда не помнит, чтобы там присутствовал Текс, в трейлере ей запомнились Сэди, Кэти, Барбара Хойт и Клем.

Убийство на Сизло-драйв было новостью дня. Линда впервые услышала имена погибших. И узнала также, что одна из них, Шарон Тейт, была беременна. Всего за несколько дней до этого Линда узнала о собственной беременности.

“Пока мы смотрели новости, — рассказывала Линда, — у меня в голове снова и снова прокручивались слова: “Почему они это сделали?”

После того, как мы с Линдой покинули усадьбу Тейт, я попросил ее показать дорогу, выбранную четверкой в ту ночь. Линда сумела найти то место, где они останавливались, чтобы избавиться от одежды, но так

и не сумела найти улицу, на которую Текс свернул с Бенедикт Каньон-роуд, — поэтому я попросил помощ. ника шерифа, ведшего машину, ехать прямо на Портола. Едва оказавшись на этой улице, Линда немедленно указала на дом 9870 со шлангом перед ним. Номер 9870 был домом Рудольфа Вебера. Она показала также и место, где они парковались, — то же, на которое указывал и сам Вебер. А ведь ни адрес этого человека, ни сам факт, что мы нашли его, не появлялись в прессе.

Мы вновь выехали на шоссе, надеясь найти участок, где Линда выбросила ножи, когда один из помощников заметил: “За нами хвост”.

Выглянув из окна, мы убедились, что он прав: за нами неотрывно следовала машина съемочной группы телестудии “2-й канал”. Присутствие ее именно в это время и именно в этом месте могло, конечно, оказаться простым совпадением, но я в этом сильно сомневался. Скорее всего, кто-то из работников тюрьмы или суда дал журналистам знать, что мы вывезли Линду “на натуру”. Все это время лишь считанные единицы знали, что именно Линда Касабьян станет свидетелем обвинения, и я надеялся сохранять это в секрете по возможности дольше. Я надеялся также отвезти Линду к дому Лабианка и в несколько других мест, но в такой ситуации оставалось ждать лучшего случая. Попросив Линду отвернуть лицо от окна, чтобы ее нельзя было узнать, я распорядился спешить обратно в “Сибил Бранд”.

Оказавшись на шоссе, мы попытались оторваться от телевизионщиков, но безуспешно. Они снимали нас всю дорогу до тюрьмы. Словно в комедии Мэка Сеннетта^[149] — только на сей раз это пресса гналась за сенсацией.

Вернув Линду в тюрьму, я попросил сержанта Макганна прихватить нескольких слушателей Полицейской академии или отряд бойскаутов и устроить тщательные поиски ножей. Из показаний Линды мы знали, что они, вероятно, выброшены из машины где-то между тем местом, где убийцы избавились от свертка с одеждой, и холмом, на склоне которого юный Стивен Вейс нашел револьвер, — кусок шоссе протяженностью менее двух миль. Мы знали также, что, поскольку Линда оглянулась и увидела один из ножей на дорожном полотне, где-то неподалеку должен находиться источник света: еще одна зацепка.

На следующий день, 4 марта, Цыганка нанесла новый визит в офис Флейшмана. Она сказала ему, ничуть не смутившись присутствием партнера Гари, Рональда Голдмана, буквально следующее: “Если Линда захочет дать показания, тридцать человек захотят помешать ей”.

Я уже проверял безопасность Линды в “Сибил Бранд”. Вплоть до рождения ребенка Линду содержали в изолированной камере за пределами лазарета. Она не контактировала с другими заключенными; даже пищу ей приносили помощники шерифа. После родов, однако, ее собирались прикрепить к одной из общих спален, где ей вполне могли угрожать (и даже убить ее) Сэди, Кэти и Лесли. Я сделал себе пометку поговорить с капитаном Карпентером и убедить его устроить это как-то иначе.

Адвокат Ричард Кабаллеро мог лишь отдалить неизбежное, но был бессилён помешать этому произойти. 5 марта в окружной тюрьме Лос-Анджелеса состоялась встреча Сьюзен Аткинс и Чарльза Мэнсона. Присутствовавший на ней Кабаллеро позднее скажет: “Одним из первых вопросов, который они задали Друг другу, было: “Ты уже виделся с Линдой Касабьян?” Поскольку обоим это пока не удалось, было решено не прекращать попыток.

Мэнсон спросил у Сьюзен: “Ты боишься газовой камеры?”

Сьюзен, расплывшись в улыбке, ответила, что не боится.

Должно быть, именно в этот момент Кабаллеро сообразил, что потерял ее.

Сьюзен говорила с Чарли около часу или того поболее, но Кабаллеро не имел ни малейшего представления о содержании их беседы: “В какой-то момент они оба перешли на какую-то разновидность шифрованного языка, что-то вроде “пороссячьей латыни”, и я совсем перестал понимать их”.

Впрочем, взгляды, которыми обменивались оба, были достаточно красноречивы. Это было словно “радостное возвращение в отчий дом”. Сэди Мэй Глютт наконец-то вернулась в объятия неотразимого Чарльза Мэнсона.

И отказалась от услуг Кабаллеро на следующий же день.

6 марта Мэнсон появился в суде и представил некоторое количество неслыханных доселе ходатайств. Одно из них требовало,

чтобы “занимающиеся этим делом заместители окружного прокурора были на какое-то время помещены в тюрьму и содержались бы там в тех же условиях, какие приходится терпеть мне...” Другое заявляло о необходимости предоставления Чарли “определенной свободы, чтобы я мог посетить любое место, которое покажется мне необходимым для должной подготовки к защите...”

И это лишь цветочки, так что в итоге судья Кини признал, что “поражен нелепыми требованиями” Мэнсона. Кини заявил затем, что пересмотрел все бумаги по делу, от “бессмысленных” ходатайств самого Мэнсона до допущенных им же многочисленных нарушений приказа об ограничении гласности. Он обсудил также образ поведения Мэнсона с судьями Лукасом и Деллом, перед которыми Мэнсон предстал в прошлом, после чего сделал следующий вывод: “Мне стало абсолютно ясно, что вы не способны действовать в качестве собственного защитника”.

В ярости Мэнсон возопил: “Это не меня тут судят, здесь идет процесс над всем этим вашим судилищем!” После чего посоветовал судье: “Идите и вымойте руки. Они грязные”.

Судья: “Мистер Мэнсон, вы лишаетесь имевшегося у вас статуса собственного адвоката”.

Вопреки бурным протестам Мэнсона, Кини назначил Чарльза Холлопитера, бывшего президента Ассоциации адвокатов по уголовным делам Лос-Анджелеса, адвокатом подсудимого Мэнсона, с занесением этого решения в судебные протоколы.

“Вы можете убить меня, — сказал Мэнсон, — но вы не можете дать мне адвоката. Я не возьму его”.

Кини довел до сведения Чарли, что, если тот выберет себе адвоката, суд рассмотрит ходатайство о замене Холлопитера на любого другого юриста. Холлопитера я знал по его репутации. Поскольку тот в жизни не стал бы лизать Чарли ботинки, я решил, что он продержится не более месяца; надо сказать, я был слишком великодушен в этой своей оценке.

Ближе к концу заседания Мэнсон крикнул: *“В этом зале нет Бога!”* Словно по команде, некоторые из членов “Семьи” вскочили со своих мест и принялись орать на Кини: “Ты издеваешься над правосудием! Ты просто смешон!” Судья счел трех из них — Цыганку,

Сэнди и Марка Росса — виновными в неуважении к суду и приговорил каждого к пяти суткам заключения в окружной тюрьме.

Когда Сэнди обыскали перед тем, как поместить в камеру, среди других предметов в ее сумочке был обнаружен складной нож.

После этого заместители шерифа, в обязанности которых входит поддержание порядка и безопасности в уголовных судах Лос-Анджелеса, начали обыскивать всех зрителей прежде, чем те могли войти в зал суда.

7 марта Линду Касабьян препроводили в больницу. Два дня спустя она родила мальчика, которого назвала Энджелом. Тринадцатого она вернулась в тюрьму уже без ребенка: мать Линды забрала его к себе, в Нью-Хемпшир.

Тем временем я поговорил с капитаном Карпентером, и тот согласился, чтобы Линда оставалась в своей прежней камере, отдельно от других заключенных. Я сам осмотрел эту комнату. Она была невелика, и вся обстановка состояла лишь из кровати, унитаза, рукомойника и маленького стола со стулом. Там было чисто, но уныло. И, что гораздо важнее, безопасно.

Я звонил Макганну каждые несколько дней. Нет, до поиска ножей у него еще не дошли руки.

11 марта Сьюзен Аткинс, официально обратившаяся к суду с просьбой отстранить от ведения ее дела Ричарда Кабаллеро, попросила заменить его Дэйи Шинем.

Ввиду того, что Шинь, одним из первых адвокатов посетивший Мэнсона после его прибытия из Индепенденса, уже представлял интересы Мэнсона в нескольких эпизодах и виделся с ним более сорока раз, судья Кини счел вероятным присутствие в данном случае определенного конфликта интересов.

Шинь отрицал это. Тогда Кини предупредил Сьюзен о возможных опасностях защиты ее интересов адвокатом, столь близко общавшимся с одним из других подсудимых по этому же делу. Сьюзен сказала, что ей на это начхать; она хочет Шиня, и все тут. Кини удовлетворил ее ходатайство о замене защитника.

Прежде мне ни разу не доводилось выступать против Шиня. Кореец по рождению, он отнюдь не был еще стар, лет примерно сорока;

если верить газетчикам, основу его практики прежде, до знакомства с Мэнсоном, составляли дела по легализации пребывания в стране слуг-мексиканцев, работавших в богатых семьях Южной Калифорнии.

За дверьми зала суда Шинь объявил ожидавшим его репортерам, что Сьюзен Аткинс “непременно откажется от всего, сказанного перед большим жури”.

15 марта мы вновь вывели Линду Касабьян из ее камеры. Только на сей раз воспользовались не подозрительным фургоном шерифа, а полицейской машиной без какой бы то ни было маркировки.

Мне хотелось, чтобы Линда постаралась восстановить маршрут передвижений убийц в ночь смерти четы Лабианка.

После обеда тем вечером — в субботу, 9 августа 1969 года — Линда и еще несколько участников “Семьи” стояли возле кухни на ранчо Спана. Мэнсон отозвал Линду, Кэти и Лесли в сторонку и приказал каждой раздобыть смену одежды и встретиться с ним у общей спальни.

На сей раз он ничего не сказал Линде о ножах, но вновь попросил захватить водительскую лицензию.

“Я только посмотрела ему в глаза и, знаете, вроде как попросила взглядом: не заставляй меня делать это снова, потому что, — рассказывала Линда, — я сразу поняла, что мы снова поедem куда-то и будет то же самое, что и вчера, но я боялась сказать ему хоть слово”.

“В прошлый раз было слишком много суеты, — объявил Мэнсон группе, когда те собрались в спальне. — Теперь я сам покажу, как это делается”.

Текс пожаловался: использованное ими оружие не было достаточно эффективным!

Линда видела в комнате два меча, один из которых прежде принадлежал “Правоверным сатанистам”. Она не заметила, чтобы кто-то брал их в руки, но позднее обнаружила “сатанинскую” саблю и два ножа поменьше под передним сиденьем машины. Расспрашивая ДеКарло, я узнал: примерно в те же дни он заметил, что саблю забирали из оружейной на всю ночь.

И вновь все вместе набились в старый “форд” Шварца. На этот раз на водительское место уселся сам Мэнсон, Линда — рядом с ним, Клем

— у пассажирской дверцы, а Текс, Сэди, Кэти и Лесли примостились сзади. На каждом была темная одежда, сказала Линда, на всех, кроме Клема, который был одет в грязнооливковую рабочую куртку. В тот раз, как это нередко случалось, вокруг шеи Мэнсона был повязан кожаный ремешок, два конца которого, скрученные вместе, болтались на груди. Я спросил у Линды, был ли на ком-то еще такой ремешок? Она ответила: “Нет”.

Перед тем, как покинуть ранчо, Мэнсон взял у Брюса Дэвиса немного денег. Так же как ДеКарло следил за принадлежащим Семье” оружием, Дэвис исполнял обязанности казначея группы, заботясь об украденных кредитных карточках, фальшивых Удостоверениях личности и т. д.

Едва успев отъехать от ранчо, Мэнсон объявил спутникам, что сегодня им предстоитделиться на две самостоятельные группы: каждой предстоит “взять” отдельный дом. Он сказал, что высадит одну группу по дороге, а вторую возьмет с собой.

Когда они остановились заправить автомобиль (используя наличные, а не кредитку), Мэнсон приказал Линде пересестъ за руль. Расспрашивая Линду, я выяснил, что Мэнсон — и только он! — давал инструкции относительно того, куда ехать и что делать. Она сказала, что Текс Уотсон ни разу не приказывал кому-либо сделать то-то и то-то. За главного был Чарли.

Следуя указаниям Мэнсона, Линда выехала на шоссе, ведущее в Пасадену. Когда они съехали с шоссе, Чарли столько раз просил свернуть, что в итоге она уже не понимала, где они оказались. В конце концов Чарли приказал остановить машину перед домом, который Линда описала как современный, одноэтажный; того типа, в которых живут люди, относящиеся к среднему классу. В этом месте, как выходило и по рассказу Сьюзен Аткинс, Мэнсон вышел из машины, приказал Линде заехать за угол, а затем вернулся и сел на прежнее место, пояснив, что, заглянув в окно и увидев детские фотографии, решил “не брать” именно этот дом, хотя, добавил он, в будущем, возможно, окажется необходимым убивать и детей. В этом эпизоде рассказ Линды точно совпадал с воспоминаниями Сьюзен.

Покружив какое-то время по Пасадене, Мэнсон вновь сел за руль. Линда: “Помню, мы стали подниматься на холм со множеством домов, красивых, дорогих домов и деревьев. Оказавшись на вершине холма,

мы развернулись и встали рядом с каким-то конкретным домом”. Линда не помнила, сколько этажей в нем было; лишь то, что дом был большой. Мэнсон, однако, сказал, что здесь дома стоят слишком близко друг к другу, и они поехали дальше.

Вскоре после этого Мэнсон заметил церковь, стоящую поодаль. Вырулив на парковочную площадку рядом с церковью, он снова покинул машину. Линде показалось, но она не вполне уверена, что Чарли заявил им, будто собирается “сделать” священника или епископа.

Впрочем, уже через пару минут он вернулся: двери церкви оказались закрыты.

Описывая события той ночи, Сьюзен Аткинс не упомянула о церкви. Я впервые услышал об этом эпизоде от Линды Касабьян.

Мэнсон вновь попросил Линду вести, но указываемый им маршрут был настолько запутан, что уже скоро она вновь потерялась. Позднее, при подъеме по бульвару Сансет со стороны океана, произошел еще один инцидент, не упомянутый в рассказе Сьюзен Аткинс.

Заметив впереди белую спортивную машину, Мэнсон приказал Линде: “На следующем светофоре остановись рядом с ней. Я хочу убить водителя”.

Линда послушно притормозила, но, как раз когда Мэнсон выскочил на дорогу, свет сменился на зеленый и спортивная машина умчалась прочь.

Еще одна потенциальная жертва; еще один человек, до сей поры не подозревающий, насколько близок к собственной смерти оказался в ту ночь.

До сих пор поездка, казалось, не имела конкретной цели — Мэнсон ехал наугад, не имея на примете никого, кого ему хотелось бы убить. Как я позднее скажу присяжным, до этого момента никто в огромном, тянущемся в стороны мегаполисе с семью миллионами человек населения, находишь он дома, в церкви или даже в автомобиле, не был в безопасности от охватившей Мэнсона неутолимой жажды — стремления к смерти, крови и убийству.

Но после инцидента со спортивной машиной указания Мэнсона обрели уверенность. Он приказал Линде направить автомобиль в определенный район Лос-Анджелеса — Лос-Фелиц, неподалеку от парка Гриффита — и остановиться напротив одного из домов жилой застройки.

Линда узнала место. В июне 1968 года они с мужем направлялись из Сиэтла в Таос, когда решили задержаться в Лос-Анджелесе. Приятель отвел их в этот дом (3267 по Вейверли-драйв) на вечеринку с приемом пейота. Одного из тех, кто жил в доме, вспомнила она, звали Гарольдом. Снова невероятное совпадение, с которыми мы то и дело сталкивались, расследуя это дело: Линда тоже бывала в гостях у Гарольда Тру, хотя никого из “Семьи” в тот раз там не было.

Линда спросила: “Чарли, ты же не собираешься заняться этим домом, правда?”

Мэнсон отвечал: “Нет, меня интересует вон тот, рядом”.

Приказав остальным оставаться в машине, Мэнсон вышел. Линда заметила, что он засунул что-то за пояс, но не видела, что именно. Она наблюдала, как Чарли удалялся по подъездной дорожке, пока он не скрылся из виду за поворотом.

Я предполагаю, хоть и не могу быть в этом уверен, что у Мэнсона имелся при себе пистолет.

Так для Розмари и Лено Лабианка начался кошмар, который завершится их смертью.

По подсчетам Линды выходит, что было уже два часа ночи. Примерно десять минут спустя Мэнсон вернулся к машине.

Я спросил у Линды, был ли вокруг его шеи по-прежнему повязан кожаный ремешок. В тот момент она этого не заметила, хотя в ту ночь больше не видела тесемки. Когда я показал ей ремешок, стягивавший запястья Лено Лабианка, Линда подтвердила: он относится к “такому же типу”, что и шнурок на шее Мэнсона.

Мэнсон распорядился, чтобы Текс, Кэти и Лесли вышли из машины, захватив свертки с одеждой. Очевидно, эти трое должны были стать первой командой. Линда слышала обрывки разговора. Мэнсон объявил троице, что в доме находятся два человека, что он уже связал их, сказав, что все скоро кончится, все будет в порядке и им не стоит бояться. Он также дал Тексу, Кэти и Лесли простые инструкции — не сеять страх и панику в людях, как это произошло вчера.

Чета Лабианка подверглась вторжению “тайком-ползком”, затем Мэнсон успокоил их елейными уверениями и подготовил обоих к роли жертвенных животных.

Остаток разговора Линды слышала лишь обрывками. Она не слыхала, чтобы Мэнсон прямо приказывал трем подручным пойти и убить этих двоих в доме. Как не видела и оружия в руках кого-либо из них. Одну фразу Мэнсона она, однако, запомнила: “Не давайте им сообразить, что вы намерены убить их”. И совершенно точно слышала, как Мэнсон инструктировал убийц: когда закончите, вернетесь на ранчо на попутках.

Когда трое направились к дому, Мэнсон сел в машину и передал Линде дамский кошелек с приказом стереть опечатки пальцев и выгрести мелочь. Открыв кошелек, Линда увидела водительскую лицензию с фотографией темноволосой женщины. Она помнит имя женщины — “Розмари”, а фамилия — “то ли мексиканская, то ли итальянская”. Она также помнит, что нашла в кошельке какое-то количество кредитных карточек и часики.

Когда я спросил у Линды, какого цвета был кошелек, она ответила: “Красный”. На самом же деле он был коричневым. Линда также была уверена, что достала из него все монеты, но в найденном кошельке оставалось немного мелочи в одном из внутренних отделений. Как мне кажется, обе эти ошибки можно понять, — особенно не слишком тщательный осмотр содержимого.

Мэнсон вновь сел за руль. Линда теперь сидела на пассажирском месте, Сьюзен и Клем — сзади. Мэнсон сказал Линде, что, когда они въедут в район проживания цветных, ей придется бросить кошелек на тротуар, чтобы какой-нибудь черномазый нашел его, воспользовался кредитными карточками и был арестован. Это заставит людей решить, что убийства совершены “Пантерами”, пояснил он.

Мэнсон вырулил на шоссе неподалеку от того места, где они высадили Текса, Кэти и Лесли. Ехали довольно долго, и тогда Чарли свернул с шоссе к станции техобслуживания. Вероятно, планы изменились: теперь Мэнсон приказал Линде отнести кошелек в женскую уборную. Линда так и сделала, вот только спрятала его слишком хорошо, приподняв крышку сливного бачка и положив кошелек на поплавок, где тот и пролежал, никем не найденный, еще целых четыре месяца.

Я спросил у Линды, не помнит ли она что-нибудь характерное о той станции техобслуживания. Она отвечала, что по соседству

располагался ресторанчик, распространявший “вокруг себя яркий оранжевый свет”.

Рядом со станцией “Стандард” в Сильмаре находится закусочная “У Дэнни” с большой оранжевой вывеской над входом.

Пока Линда была в уборной, Мэнсон сходил в закусочную и вернулся с четырьмя молочными коктейлями.

Возможно, в то самое время, когда трое его подручных убивали чету Лабианка, человек, приговоривший этих людей к смерти, безмятежно потягивал молочный коктейль.

И вновь за рулем оказалась Линда. Через приличный промежуток времени, возможно около часа спустя, они подъехали к пляжу где-то к югу от Вениса. Линда помнит, что видела рядом цистерны какого-то нефтехранилища. Все четверо вышли из машины; Сэди и Клем, подчиняясь Мэнсону, держались позади, тогда как Чарли с Линдой прошли по песку далеко вперед.

Внезапно Мэнсон вновь превратился в самую любовь — так, словно кровавые события последних двадцати четырех часов были каким-то сном, наваждением. Линда призналась Чарли, что беременна. Мэнсон взял Линду за руку и, как она сама это описывает, “все снова сделалось хорошо, мы просто разговаривали, я угостила его арахисом, а он вроде как заставил меня забыть обо всем, что было, вернул мне хорошее настроение”.

Смогут ли присяжные понять это? Я думал, что смогут, поскольку харизматичная натура Мэнсона и любовь к нему Линды уже станут для них очевидны.

Едва они успели свернуть на боковую улочку, подъехал полицейский автомобиль и из него вышли два офицера. Они спросили у парочки, чем те занимаются.

“Мы просто вышли прогуляться”, — отвечал Чарли. Затем, словно полицейские должны были узнать его, спросил: “Разве вы не знаете, кто я?” или “Неужели вы не помните, как меня зовут?” Те отвечали: “Нет”, но вернулись к патрульной машине и уехали, так и не попросив показать документы. Это, по выражению Линды, был “дружеский диалог”, продолжавшийся не более минуты.

Найти двух офицеров, патрулировавших пляж той ночью, будет совсем несложно, решил я, не подозревая, до какой степени ошибаюсь.

Когда они вернулись к машине, Клем и Сэди уже сидели внутри. Мэнсон приказал Линде ехать в Венис. По дороге он спросил у троицы, нет ли у них знакомых в этом городе. Таких знакомств ни у кого не оказалось. Тогда Мэнсон спросил Линду: “Как насчет того парня, с которым ты и Сэнди познакомились в Венисе? Разве он не был свиньей?” Линда ответила: “Да, он актер”. Мэнсон распорядился ехать прямо к его квартире.

Я попросил Линду рассказать об актере.

Как-то вечером в начале августа, сказала Линда, они с Сэнди “голосовали” на дороге у дамбы, когда их подобрал этот мужчина. Сказал, что по национальности он араб или израильтянин (Линда не помнила точно) и что снимался в фильме о Калиле Гибране^[150]. Девушки были голодны, поэтому он привел их в свою квартиру и приготовил им ленч. После чего Сэнди прилегла вздремнуть, а Линда с мужчиной занялись любовью. Прежде чем девушки ушли, он дал им немного еды и одежду. Линда не помнила, как зовут мужчину, — только то, что его имя показалось ей иностранным. Впрочем, она была уверена, что сумеет найти многоквартирный дом, поскольку легко нашла его, когда Мэнсон приказал отвезти его туда той ночью.

Когда они остановились у нужного подъезда, Мэнсон спросил Линду, впустит ли ее мужчина в квартиру. “Думаю, впустит”, — отвечала она. А как насчет Сэди и Клема? Линда пожала плечами: наверное, да. Тогда Мэнсон отдал ей карманный нож и показал, как ей следует перерезать горло актеру.

Линда возразила, что не сможет этого сделать: “Я же не ты, Чарли. Я никого не могу убить”.

Мэнсон попросил Линду отвести его к двери квартиры актера. Линда поднялась с Чарли по лестнице, но указала на совершенно другую дверь.

Вернувшись к машине, Мэнсон дал троим четкие инструкции. Они должны подойти к квартире актера. Линда постучит. Когда мужчина впустит ее внутрь, Сэди и Клем тоже должны зайти. Едва оказавшись в квартире, Линда должна перерезать мужчине горло, а Клем — выстрелить в него. После того как закончат, домой на ранчо доберутся автостопом.

Линда видела, как Мэнсон передал Клему пистолет, но не смогла описать оружие. Как не смогла сказать, имелся ли нож также и у Сэди.

“Если что-то выйдет не так, — сказал Мэнсон, — просто бросьте это дело, ничего не предпринимайте”. Затем он уселся на водительское место, и машина отъехала.

Как и в случаях с церковью и спортивной машиной, Сьюзен Аткинс не рассказала мне историю с актером из Вениса — как умолчала обо всем этом и перед большим жюри. Мне казалось, Сьюзен могла проспать или просто забыть о двух первых инцидентах, но этот третий она явно намеренно "выбросила" из своих показаний: он выставил бы ее соучастницей в попытке еще одного убийства. Возможно, однако, что эта история всплыла бы, если б у меня было больше времени на беседу со Сьюзен.

Квартира актера располагалась на верхнем, пятом этаже, но Линда не говорила об этом ни Клему, ни Сэди. Вместо этого она остановилась, поднявшись на четвертый этаж, и постучала в первую попавшуюся дверь. Спустя какое-то время мужской голос спросил: “Кто там?” Она ответила: “Линда”. Когда мужчина приоткрыл дверь, Линда сказала: “О, простите, я ошиблась квартирой”.

Дверь приоткрылась всего на секунду-другую, и Линда видела мужчину лишь мельком. Так или иначе, у нее создалось впечатление, хоть и не прочное, что тот был средних лет.

Вслед за чем все трое покинули здание — дождавшись сначала, пока Сэди, пакостный зверек, не опорожнила кишечник на лестничной клетке.

Было совершенно ясно, что Линде Касабьян удалось предотвратить еще одно задуманное Мэнсоном убийство. Нам требовалось найти независимые источники, которые могли бы подтвердить правдивость ее рассказа, — таким образом, было крайне важно разыскать не только самого актера, но и мужчину, подходившего к двери. Возможно, он вспомнит, как где-то между четырьмя и пятью часами ночи его разбудила, постучав в дверь, красивая юная девушка.

От многоквартирного дома Клем, Сэди и Линда дошли до пляжа неподалеку. Клем хотел спрятать пистолет и скрылся из виду за большой кучей песка, у забора, — Линда решила, что Клем либо закопал оружие, либо перебросил через ограду.

Вернувшись к шоссе, шедшему вдоль побережья, они остановили попутную машину и доехали на ней до въезда в каньон Топанга. Там

рядом, по соседству с кафе “Малибу Фидбин”, находился дом, занятый хиппи, и Сэди сказала, что там живет ее знакомая. Линда помнит, что, кроме девушки, видела там мужчину в летах и большого пса. Все трое провели в гостях около часа, выкурили немного “травки” и ушли восвояси.

Еще две попутные машины доставили их к повороту на Санта-Сюзанна Пасс-роуд, где Клем с Линдой вышли. Сэди же, как назавтра узнала Линда, доехала на той же машине до самого водопада.

Когда Линда с Клемом достигли ранчо, Текс с Лесли уже были дома, спали в одной из комнат. Только на следующий день Линда узнала, что Кэти, как и Сьюзен, отправилась в лагерь у водопада. Сама Линда заночевала в салуне.

Два дня спустя Линда Касабьян бежала с ранчо Спана. Впрочем, обстоятельства побега впоследствии доставят стороне обвинения немало беспокойств.

Вместо того чтобы сразу везти Линду к дому Лабианка, я попросил ведущего наш автомобиль помощника шерифа поколесить сначала в районе Лос-Фелица — дать Линде возможность найти нужный дом самостоятельно. Она сделала это, показав оба: и дом Лабианка, и дом Тру, а также указала место парковки, подъездную дорожку, по которой шел Мэнсон, и т. д.

Я хотел найти также и те два дома в Пасадене, где Мэнсон останавливался ранее той ночью, но — несмотря на то, что мы потратили на это несколько часов, — на сей раз удача отвернулась от нас. Впрочем, Линда легко нашла многоквартирный дом, где проживал актер, — 1101 по Оушн Фронт-уолк — и показала дверь его квартиры (501), а также дверь, в которую постучала тогда (403). Я попросил Патчетта и Гутиэреса найти и расспросить актера, так же как и мужчину, жившего в 403-й квартире.

Линда также указала нам кучу песка, где, по ее мнению, Клем избавился от пистолета, — но, несмотря на то что мы вынули лопаты и вскопали порядочный участок, найти оружие нам так и не удалось. Возможно, кто-то уже нашел его, или же Клем (или какой-то другой член “Семьи”) успел заехать и забрать его до нас. Мы так никогда и не узнали, какой модели был пистолет.

Колеса по городу с раннего утра, мы остановились перекусить у китайского ресторанчика. Вечером же вернулись в Пасадену и проехали, должно быть, мимо сорока разных церквей, прежде чем Линда нашла ту, где останавливался Мэнсон. Я попросил сотрудников ДПЛА сфотографировать ее и примыкавшую к зданию парковочную площадку для папки с вещдоками.

Линда показала также станцию техобслуживания “Стандард” в Сильмаре, где она оставила кошелек, не забыв и о находящемся рядом ресторане “У Дэнни”.

Вопреки предпринятым нами предосторожностям, нас все-таки выследили. На следующий день “Геральд экзаминаер” объявил на своих страницах: “В придачу к полной неприкосновенности миссис Касабьян получила “подарок” в виде обеда в китайском стиле в ресторане “Мадам Ву’з Гарден” в Санта-Монике. Служащие ресторана подтвердили, что миссис Касабьян обедала там в прошедшее воскресенье в компании адвоката Флейшмана и прокурора Буглиози”.

Газета, наверное, решила не сообщать о нашем эскорте — полудюжине офицеров ДПЛА и двоих помощниках шерифа из ОШЛА.

Мы еще дважды вывозили Линду “на местность”, стараясь найти те два дома в Пасадене. В обоих случаях нас сопровождали офицеры полицейского участка Южной Пасадены, указывавшие дорогу к кварталам, подходившим к описанию Линды. В конце концов мы нашли тот большой дом на вершине холма. Я распорядился сфотографировать его и примыкавшие здания (они действительно стояли близко, как заметил Мэнсон), но решил не говорить с их владельцами, зная, что те будут спать куда лучше, если так и не узнают, на каком тонком волоске висели их жизни в ту ночь. Нам так и не удалось найти первый дом (который описывали Сьюзен и Линда), где Мэнсон, заглянув в окно, увидел на стене детские фотографии.

Линда все же получила особую привилегию, которую с небольшой натяжкой можно было назвать “подарком”. Во всех трех случаях, когда она покидала вместе с нами стены “Сибил Бранд”, мы давали ей возможность позвонить матери в Нью-Хэмпшир и поговорить с двумя своими детьми. За звонки платил ее адвокат. Хотя Энджелу был всего только месяц и он явно был чересчур мал, чтобы что-то понять, разговор с обоими детьми, очевидно, весьма многое значил для самой Линды.

Тем не менее она ни разу не просила об этом. Она вообще ни о чем не просила. Линда несколько раз повторяла мне, что защита от судебного преследования придется ей кстати — ведь это значит, что рано или поздно она воссоединится с детьми, — но для нее лично неприкосновенность не имеет такого уж большого значения. В отношении Линды ко всему происходящему я ясно видел какой-то исполненный грусти фатализм. Она говорила мне, что знала — именно ей предстоит рассказать все о случившемся; она понимала это с самого начала, с той ночи убийств. В отличие от остальных подсудимых ее, кажется, весьма тяготило чувство вины, хотя (вновь в отличие от остальных) она никому не причинила физических страданий. Линда была очень странной девушкой; время, проведенное у Чарли, наложило на нее заметный отпечаток, но ее личность все же не была сломлена и размыта Мэнсоном, как это произошло с остальными. Очевидно, из-за присущей Линде внутренней покорности Мэнсон без труда мог контролировать ее — но до известного предела. Пройдя с ним достаточно далеко, Линда отказалась перейти последнюю черту: “Я же не ты, Чарли. Я никого не могу убить”.

Вскоре после того как широко разнеслось известие, что Линда Касабьян будет давать показания для стороны обвинения, в моем офисе появился Эл Ваймен, телерепортер, работавший со съемочной группой 7-го канала и нашедший одежду убийц. Если Касабьян сотрудничает с нами, тогда она уже должна была указать место, где выбросила ножи, предположил Ваймен. Он упрашивал меня намекнуть, где это произошло; его телеканал, обещал Эл, организует поиски, вкупе с металлодетекторами и всем прочим.

“Слушай, Эл, — сказал я ему, — твои ребята уже нашли одежду. И как, по-твоему, будет выглядеть на суде, если окажется, что и ножи тоже найдены вами? Вот что я тебе скажу. Я тут пытаюсь заставить кое-кого этим заняться. Если эти люди не захотят подчиниться, я все тебе расскажу”.

Когда Ваймен вышел, я позвонил Макганну. Прошло уже *две недели* с тех пор, как я попросил его заняться поиском ножей; у него так и не дошли руки. Мое терпение было на исходе. Я позвонил лейтенанту Хелдеру и на повышенных тонах рассказал ему о визите Ваймена. “Подумай, как будет выглядеть ДПЛА на процессе, если выяснится, что

револьвер найден десятилетним ребенком, а ножи и одежда — съемочной группой телевидения!"

Боб вывел подчиненных на поиски уже на следующий день. Им не повезло. Но, по крайней мере, на суде мы были готовы доказать, что *пытались* найти ножи. В противном случае защита могла объявить, что ДПЛА якобы отнесся к рассказу Линды Касабьян с таким недоверием, что даже не потрудился организовать проверку.

То, что полицейские не сумели найти ножей, явилось для нас разочарованием, но отнюдь не сюрпризом. Семь месяцев успели пролететь после той ночи, как Линда выбросила ножи из движущейся машины. По ее показаниям выходило, что один из ножей отскочил на полотно шоссе, тогда как второй оказался в придорожных кустах. Шоссе же, хоть и располагалось за городом, было весьма оживленным; вполне возможно, ножи подобрал кто-то из проезжавших мимо — автомобилист или велосипедист.

Я и не представлял себе, сколько раз полицейские допрашивали Винифред Чепмен, экономку Полански. Я и сам говорил с ней достаточно много, прежде чем догадался о том, что самый очевидный вопрос ей так никто и не задал.

Миссис Чепмен показала, что вымыла парадную дверь усадьбы Тейт вскоре после полудня в пятницу, 8 августа. Это означало, что Чарльз Уотсон должен был оставить на ней свой отпечаток где-то после этого момента.

Тем не менее в доме Тейт был найден и *второй* отпечаток, принадлежавший Патриции Кренвинкль, — его нашли на внутренней створке двери, ведущей из спальни Шарон Тейт к бассейну.

Я спросил у миссис Чепмен: “Вы часто моете эту дверь?” Да. “Насколько часто?” Пару раз в неделю. Ее приходится мыть, знаете ли, потому что ею обычно пользуются гости, чтобы пройти к бассейну.

И наконец, тот “большой вопрос”: “Мыли ли вы эту дверь в неделю убийств, и если мыли, то когда именно?”

О.: “В последний раз — во вторник. Я вымыла ее внутри и снаружи, водой с уксусом”.

Условия предоставления информации защите требовали, чтобы я просто записал: наш разговор с миссис Чепмен состоялся тогда-то и там-то. Эта бумажка оказалась бы в одной из наших папок и в итоге

попала бы в руки защитникам. Впрочем, желая оставаться предельно честным в отношениях с Фитцджеральдом и его подзащитной, я позвонил Полу и сказал ему: “Если ты собираешься заставить Кренвинкль дать показания, что она зашла к Полански поплавать за пару недель до убийств и оставила отпечаток еще тогда, теперь можешь забыть об этом. Миссис Чепмен покажет, что она вымыла дверь во вторник, 5 августа”.

Пол был благодарен мне за сведения. Построй он всю защиту на этом предположении, показания миссис Чепмен стали бы для него настоящим ударом.

В подобных беседах всегда присутствует нечто подразумевающееся, но не высказываемое вслух. Что бы ни говорил Фитцджеральд, я был уверен: он знает, что его клиент виновен, как знает и то, что я это знаю. Лишь в редчайших случаях защитник позволяет себе встать в зале суда и признать вину своего клиента во всеуслышание, но в переговорах в кабинете судьи и личных беседах это случается.

В собранных нами материалах присутствовали лишь два вещественных доказательства, о которых я старался не упоминать, разговаривая с представителями защиты. Я был вполне уверен, что они видели оба (защита получала фотокопии всего, что попадало в наши папки), но надеялся, что адвокаты не придадут им особого значения. А ведь эти два вещдока могли иметь огромную важность.

Одним был штрафной талон, другим — рапорт о задержании. Порознь они казались несущественными, но вместе представляли собой бомбу, способную развалить всю защиту Мэнсона.

Впервые услышав от Фоулза, что Мэнсон может заявить, будто он вообще не находился в Лос-Анджелесе в момент совершения убийств, я попросил следователей из “группы Лабианка”, Патчетта и Гутиэреса, поискать доказательства, которые могли бы выявить действительное местонахождение Мэнсона в конкретные даты. Оба проделали замечательную работу. Обработав данные по использованию кредитных карточек и многочисленные беседы со свидетелями, они сумели собрать воедино временной график действий Мэнсона на неделю, предшествовавшую началу *Helter Skelter*.

Примерно 1 августа 1969 года Мэнсон объявил нескольким участникам “Семьи”, что собирается прокатиться в Биг-Сур, поискать новых “рекрутов”.

Судя по всему, он выехал утром в воскресенье, 3 августа, поскольку где-то между семью и восемью часами покупал бензин на станции в парке Канога по украденной кредитной карточке. От парка он направился на север, к Биг-Суру. Приблизительно в четыре часа утра на следующий день он подобрал молоденькую девушку, Стефани Шрам, у станции техобслуживания немного к югу от Биг-Сура, вероятно, в Горде. Привлекательная семнадцатилетняя девушка, Стефани добиралась на попутных машинах от Сан-Франциско в Сан-Диего, где жила в доме замужней сестры. В ту ночь Мэнсон и Стефани разбили лагерь в ближайшем каньоне (вероятнее всего, в каньоне Салмона или в лощине Лаймкилн, где постоянно останавливались приезжавшие “дикарями” хиппи), и Чарли поведал ей о своих взглядах на жизнь, любовь и смерть. Мэнсон много рассуждал о смерти. Они приняли ЛСД и занялись сексом; очевидно, Стефани произвела на Мэнсона на редкость сильное впечатление — обычно он занимался любовью с каждой новой девушкой лишь несколько раз, чтобы перейти к другой “юной возлюбленной”, но со Стефани вышло иначе. Позднее Чарли пояснит Полу Уоткинсу, что имевшая германских предков Стефани была продуктом двух тысяч лет тщательной селекции.

4 августа Мэнсон приобрел бензин в Лусии, по-прежнему используя все ту же украденную кредитку. Должно быть, обман заправочной станции, где на видном месте красовался большой плакат “Хиппи не обслуживаются”, принес Чарли особое удовлетворение, ибо он повторил это и на следующий день.

В ночь на пятое число Мэнсон со Стефани отправились на север к месту, названия которого Стефани не смогла припомнить, но которое Мэнсон описал ей как “лагерь развития чувств”. Это такое место, объяснял он, где богатеи собираются по выходным, чтобы поиграть в просветление. Так он, очевидно, описывал Иса-ленский институт.

Исален в то время еще только входил в моду в качестве “центра духовного роста”, и семинары в нем проводили столь разные личности, как йоги и психиатры, призывавшие к спасению души проповедники и откровенные сатанисты. Вероятно, Мэнсон считал Исален местом, специально созданным для распространения его философии. Остается

неясным, бывал ли он там прежде, поскольку сотрудники института отказываются признать даже этот единственный визит туда Мэнсона^[151].

Мэнсон взял гитару и ушел, оставив Стефани в машине. Не дождавшись его, она уснула — а на следующее утро, когда Стефани проснулась, Мэнсон сидел рядом. Настроение у него было не ахти, поскольку чуть позже он совершенно неожиданно закатил ей пощечину. А еще позже, уже на ранчо Баркера, Мэнсон рассказал Полу Уоткинсу, что в Биг-Суре он ходил “в Исален и играл на гитаре перед сборищем людей, которые прямо сливки общества, не меньше, и что его музыка им не понравилась. Некоторые делали вид, что спят, а другие говорили: “Слишком мрачно”, “К такому я еще не готов”, “Ну, этого мне не понять”, а кто-то просто встал и ушел”.

Вновь люди, которых Мэнсон воспринимал как истеблишмент, бесцеремонно отвергли его — и это произошло всего за три дня до убийств на Сизло-драйв.

Вместе с единственной завербованной — Стефани Шрам — Мэнсон уехал из Биг-Сура 6 августа, в тот же день заправился в Сан-Луис Обиспо и в Чатсворте, в нескольких милях от ранчо Спана; вечером они обедали на ранчо, и тогда же Стефани впервые увидела “Семью”. Выяснив, что Мэнсон одарял своим вниманием и других девиц, она почувствовала себя неуютно и прямо заявила Чарли: она останется жить на ранчо, только если Мэнсон пообещает довольствоваться ею (и только ею!) две недели подряд. Как ни странно, Мэнсон согласился. Ту ночь они провели в фургоне, припаркованном невдалеке от ранчо, а на следующий день выехали в Сан-Диего, чтобы забрать одежду Стефани.

По пути туда, примерно в десяти милях к югу от Оушнсайда, на 5-м шоссе, их остановил офицер Калифорнийского дорожного патруля Ричард К. Уиллис. “Прижатый” к обочине за мелкое нарушение, Мэнсон был оштрафован лишь за отсутствие у него действительной водительской лицензии; при этом Чарли верно указал свое имя и адрес ранчо, а также подписал талончик. Офицер Уиллис отметил на нем, что Мэнсон вел “хлебный фургон “форд” кремового цвета 1952 года выпуска, номер K70683”. Был четверг, 7 августа 1969 года, 18:15.

Штрафной талончик, найденный Патчеттом и Гутиэресом, подтверждал присутствие Мэнсона в Южной Калифорнии всего за день

до убийств на Сизло-драйв.

Пока Стефани упаковывала вещи, Мэнсон говорил с ее сестрой, тоже заядлой фанаткой “The Beatles”. У нее имелся “Белый альбом”, и Мэнсон объявил ей, что “The Beatles” отразили в нем “всю картину”. Он также предупредил ее, что чернокожие собираются сбросить гнет белых и что спасутся лишь те, кто успеет укрыться в пустыне и спрятаться в кладезе бездны. О судьбе тех из белых, что останутся в городах, Мэнсон выразился так: “Людей будут резать как скот, они все будут валяться мертвыми на собственных газонах”.

Немногим более чем через двадцать четыре часа это предсказание Мэнсона до последней отвратительной детали сбудется на территории усадьбы 10050 по Сизло-драйв. С небольшой помощью его друзей^[152].

Той ночью, по словам Стефани, они с Чарли припарковались где-то в Сан-Диего и спали рядом с фургоном, а на завтра вернулись на ранчо Спана, прибыв на место около двух часов дня.

Называя даты, Стефани ни в чем не была уверена. Ей “казалось”, что они вернулись на ранчо Спана в пятницу, 8 августа, — но она могла, наверное, ошибаться. Предвидя, что защитники выжмут из этой “неуверенности” все, что только смогут, я не слишком беспокоился: в руках у меня был штрафной талончик, возвращавший Мэнсона на ранчо именно в пятницу.

Линда Касабьян рассказала, что днем 8 августа Мэнсон вручил Мэри Бруннер и Сандре Гуд кредитную карточку и отправил обеих за покупками. В четыре часа дня обе были задержаны на пути от магазина “Сиерс” в Сан-Фернандо — после того, как служащие магазина, проверив номер карточки, выяснили, что та украдена. Полицейский рапорт о задержании утверждает, что Мэри и Сандра сидели в “фургоне “форд” 1952 года, лиц. K70683”.

Прекрасная работа следователей “команды Лабианка” предоставила в наше распоряжение неопровержимое доказательство пребывания Мэнсона на ранчо Спана 8 августа 1969 года, в пятницу.

И штрафной талончик, и рапорт о задержании находились в наших материалах, как и сотни других документов. Я лишь надеялся, что защита пропустит огромное значение этих двух вещдоков, вкупе с единственной общей чертой обоих: описанием автомобиля с “говорящим” номером лицензии.

Если Мэнсон изберет алиби в качестве защитной тактики, я смогу доказать, что оно сфабриковано, — и это станет серьезной, хоть и косвенной, уликой его вины.

Разумеется, существовали и другие улики, подтверждавшие нахождение Мэнсона на ранчо Спана в тот день. В придачу к показаниям Шрам, ДеКарло и других, Линда Касабьян рассказала, что на общем сборе “Семьи” тем вечером Мэнсон описал поездку в Биг-Сур и сказал, что публика там “вовсе не была заодно, каждый просто лелеял свои маленький кайф” и что “эти люди ни за что не хотели понять его”.

Как раз после этого Мэнсон объявил: “Время для *Helter Skelter* наконец настало!”

Обрывки и клочки, зачастую лишь вскользь затрагивающие суть дела. Однако они, с великим тщанием найденные и подобранные вместе, превратились в доказательства правоты *Народа* в этом деле. И почти с каждой новой беседой со свидетелями эти доказательства крепили.

Я много часов провел за беседами со Стефани Шрам, которая вместе с Китти Лютсингер бежала с ранчо Баркера всего за несколько часов до октябрьского рейда; Клем шел по следам обеих с дробовиком под мышкой. Я часто задумывался: что произошло бы с двумя девушками, будь рейд устроен хотя бы днем позже или будь Клем чуть расторопней?

В отличие от Китти Стефани оборвала все контакты с “Семьей”. Нам удалось скрыть ее нынешний адрес от защиты, но Пицалка и Цыганка отыскиали Стефани на рабочем месте — в местной школе собаководства. “Чарли хочет, чтобы ты вернулась”, — заявили они. Стефани отвечала: “Нет уж, дудки”. Учитывая известные ей вещи, прямой отказ явился со стороны Стефани проявлением недюжинного мужества.

От Стефани я узнал, что, будучи на ранчо Баркера, Мэнсон учредил нечто вроде “школы убийц”. Каждой из девушек он выдал складной нож и лично продемонстрировал, как именно следует “резать глотки свиньям” — схватить за волосы, заломить голову назад и провести ножом от уха до уха (демонстрация шла на модели, которой

Мэнсону служила перепуганная Стефани). Он также сказал, что им следует “воткнуть нож в глаз или в ухо, а потом покрутить лезвием, чтобы по возможности нанести больший урон жизненно важным органам”. Детали становились все кошмарнее: Мэнсон объявил, что, если в пустыню явятся полицейские, всех их надо будет убить, разрубить на мелкие кусочки, сварить головы и вывесить черепа вместе с униформой на шесты — чтобы остальные, испугавшись, больше не совались на ранчо ^[153].

Стефани рассказала офицерам ДПЛА, что обе ночи — в пятницу и в субботу, 8 и 9 августа — Мэнсон провел с ней. Расспросив ее подробнее, я выяснил, что после вечерней трапезы 8 августа Мэнсон отвел ее в трейлер и велел спать; сам он, дескать, присоединится позже. Впрочем, она не видела его вплоть до рассвета на следующее утро, когда Чарли разбудил ее и отвез в каньон Дьявола, в палаточный лагерь через дорогу от ранчо.

О следующей ночи (9 августа) Стефани рассказала следующее: “Как стемнело, он ушел и вернулся уже глухой ночью либо ранним утром”.

Если Мэнсон планировал воспользоваться показаниями Стефани Шрам как подтверждением своего алиби, мы уже вполне были к этому готовы.

19 марта Холлопитер, назначенный судом адвокат Мэнсона, подал сразу два ходатайства: чтобы Чарльзу Мэнсону устроили психиатрическую экспертизу и чтобы разбирательство его дела шло отдельно от общего процесса.

Взбешенный Мэнсон тут же попытался “уволить” Холлопитера.

В ответ на вопрос, кого же он желает видеть в качестве собственного адвоката, Мэнсон отвечал: “Себя самого”. Когда же судья Кини отклонил его просьбу, Мэнсон взял копию Конституции и со словами “Эта книжка ничего не значит для Суда” бросил ее в корзину для бумаг.

В итоге Мэнсон попросил о замене адвоката; на месте Холлопитера он пожелал видеть Рональда Хьюза. Как Рейнер и Шинь, Хьюз был одним из первых юристов, явившихся в камеру к Мэнсону. С тех пор Хьюз оставался на самой периферии разбирательства дела; его основной функцией было исполнение роли “мальчика на побегушках”,

что следует из подписанного Мэнсоном 17 февраля документа, официально назначавшего Хьюза его курьером.

Кини удовлетворил просьбу о замене. Холлопитер, которого пресса называла “одним из лучших адвокатов Лос-Анджелеса”, был уволен через тринадцать дней после назначения; его место занял Хьюз, прежде ни разу не выступавший в суде.

Слывший интеллектуалом Хьюз был здоровенным лысеющим мужчиной с длинной тощей бородой. Брюки и пиджак Хьюза редко совпадали по цвету и обычно бывали покрыты многочисленными пятнами. Как подметил один репортер, “часто можно точно сказать, что у Рона было на завтрак... в течение последних недель”. Хьюз, которого мне предстояло хорошо узнать в ближайшие месяцы и к которому у меня возникло растущее уважение, однажды признался мне, что купил свои костюмы по доллару штука на распродаже в киностудии “Эм-Джи-Эм”; все они ранее принадлежали к гардеробу Уолтера Слезака^[154]. Пресса поспешила прозвать Хьюза “хиппи-адвокатом Мэнсона”.

Первыми двумя действиями Хьюза на этом новом посту были два ходатайства — об отмене психиатрической экспертизы и отдельного рассмотрения дела его клиента. Оба были удовлетворены. Третьим и четвертым действиями — просьбы вернуть Мэнсо-ну статус *in pro per* и предоставить ему возможность произнести речь в суде. В обеих просьбах отказано.

Мэнсон был явно раздосадован двумя последними постановлениями Кини, но жаловаться на сложившийся состав защиты он никак не мог: теперь интересы подсудимых представляли четыре адвоката — Рейнер (Ван Хоутен), Шинь (Аткинс), Фитцджеральд (Кренвинкль) и Хьюз (Мэнсон), — каждый из которых тесно соприкасался с Мэнсоном на ранних стадиях рассмотрения дела.

Мы не догадывались, что впереди нас ждут новые перемены. Среди потерь в стане адвокатов окажутся и Айра Рейнер, и Рональд Хьюз — оба посмеют принять самостоятельные решения вопреки пожеланиям Мэнсона. Рейнер потеряет немало времени и денег, связав свою карьеру с защитой Мэнсона. Этот ущерб, однако, окажется ничтожен по сравнению с ущербом, нанесенным Хьюзу: восемь месяцев спустя самостоятельность будет стоить ему жизни.

21 марта мы с Аароном шли по коридору Дворца юстиции, когда нам навстречу из лифта вышел Ирвинг Канарек, собственной персоной.

Мало где еще известный, Канарек был личностью воистину легендарной в судебных залах Лос-Анджелеса. Обструкционистская тактика этого адвоката не раз заставляла судей открыто лишать его слова. Истории, рассказываемые в суде Канарekom, бывали настолько банальны и зачастую невероятны, что казались выдумкой даже в тех случаях, когда описывали совершившийся факт. Обвинитель Бартон Катц, например, вспоминал, как Канарек однажды выразил протест после того, как свидетель обвинения назвал себя, — на том основании, что этот человек впервые услышал собственное имя из уст матери и поэтому не должен пересказывать в суде неподтвержденные слухи. Подобные забавные протесты казались мелкими недоразумениями в сравнении с обычной для Канарека методикой “растягивания” слушания. Вот примеры.

В деле *Народ против Гудмана* Канарек растянул простое дело о краже, которое отняло бы несколько часов или, в худшем случае, день, на три месяца. Сумма похищенного: 100 долларов. Затраты налогоплательщиков: 130 тысяч 212 долларов.

В деле *Народ против Смита и Пауэлла* Канарек провел двенадцать с половиной месяцев, ожидая рассмотрения своих многочисленных досудебных прошений. По истечении еще двух месяцев, проведенных за попытками найти судью, который согласился бы рассмотреть дело, собственный клиент Канарека с отвращением отказался от его услуг. *Через полтора года* после появления в суде Ирвинга Канарека присяжные еще не были избраны, и ни один из свидетелей не успел сказать ни слова.

Рассматривая дело *Народ против Бронсона*, судья Верховного суда Рэймонд Робертс заявил Канареку: “Я из сил выбиваюсь, стараясь, чтобы мистер Бронсон был судим справедливо и беспристрастно, вопреки вашему вмешательству. В жизни своей не слыхивал, чтобы свидетелям задавали столь очевидно глупые, вредные вопросы. Скажите, как вам платят — за каждое слово или за каждый час, отнятый у Суда? Вы — самый крупный обструкционист, которого мне доводилось встречать!”

В отсутствие присяжных судья Робертс определил стратегию поведения Канарека следующим образом: “Вы отнимаете бесконечно

долгое время на перекрестном допросе по самым мелким, незначительным деталям; вы постоянно перескакиваете взад-вперед, наплевав на хронологию событий, — просто чтобы запутать всех и каждого в зале суда, к полному неудовольствию присяжных, свидетелей и самого судьи”.

Изучив стенограмму заседаний, апелляционный суд счел замечания судьи Робертса не предвзятыми, но оправданными ходом разбирательства.

“Нам только не хватало, Винс, — в шутку заметил мне Аарон, — чтобы в наше дело вмешался Ирвинг Канарек. Тогда ближайшие десять лет мы с тобой проведем в суде”.

На следующий день Рональд Хьюз сказал репортеру, что “он собирается просить адвоката из Ван-Нуйса И.-А. Канарека вступить в дело в качестве защитника Мэнсона. Он упомянул также, что вечером в понедельник в окружной тюрьме состоялась встреча Мэнсона с Канарексом, проходившая в его присутствии”.

Чудеса здесь ни при чем, но активист “Черных пантер”, в которого стрелял и которого убил наповал Чарльз Мэнсон, восстал из мертвых. Только он вовсе не был активистом “Пантер” (просто “бывший торговец марихуаной”) и, вопреки убежденности Мэнсона и остальных членов “Семьи”, отнюдь не умер после того рокового выстрела, хоть его друзья и сообщили Мэнсону эту скорбную весть. Звали “живого мертвеца” Бернард Кроуи, но более он был известен под “говорящей” кличкой Толстозад. Наши долгие поиски Кроуи увенчались неожиданным успехом, когда мне позвонил мой старый знакомый и адвокат Толстозада, Эд Толмас. Услыхав, что мы ищем его клиента, Эд договорился со мной о беседе с Кроуи.

История Бернарда Кроуи об инциденте со стрельбой во всем совпадала с версией, рассказанной ДеКарло офицерам ДПЛА, — хотя даже сам Чарли не подозревал о ее счастливом конце.

После того как Мэнсон и Ти-Джей покинули квартиру в Голливуде, где раздался выстрел, притворившийся мертвым Кроуи попросил друзей вызвать “скорую”. Перед тем как разбежаться, они так и сделали. В больнице полицейские приставали к нему с расспросами, но Кроуи заявил, что не знает, кто в него стрелял и почему. Он едва не отдал богу душу, продержавшись в списке больных в критическом

состоянии целых восемнадцать дней. Пуля до сих пор сидит у него в позвоночнике.

Судьба Кроуи интересовала меня по двум причинам. Одна из них — сам инцидент, наглядно доказывающий, что Чарльз Мэнсон вполне способен убивать самостоятельно. Я понимал, что не смогу представить эти факты на этапе разбирательства вины Мэнсона, но надеялся обратиться к ним на этапе определения наказания, когда могут приниматься в расчет и другие преступления подсудимого. Вторая причина — по описанию получалось, что Мэнсон стрелял в Кроуи из того самого револьвера “лонгхорн” 22-го калибра, которым чуть более месяца спустя воспользуется Текс Уотсон для совершения убийств в усадьбе Тейт. Если мы смогли бы извлечь пулю из тела Кроуи и сравнить ее с пулями наших экспертов, полученными после тестовых стрельб из револьвера 22-го калибра, то оружие убийств на Сизло-драйв оказалось бы точнехонько в руках самого Чарли Мэнсона.

Сержант Билл Ли из ОНЭ не проявлял особенного оптимизма по поводу этой пули. Он объяснил мне, что, поскольку пуля находится в человеческом организме уже более девяти месяцев, скорее всего, кислоты успели сгладить на ней все бороздки, и сравнение с образцами представляется делом весьма затруднительным. Тем не менее Билл не исключал возможности получения положительного результата. Я говорил с несколькими хирургами; пулю извлечь можно, заявили они мне, но операция довольно рискованна.

Я выложил перед Кроуи все факты. Нам хотелось бы получить эту пулю, и мы могли бы договориться о проведении соответствующей операции в окружной больнице Лос-Анджелеса. Но имеется и определенный риск, который я не стал занижать.

Кроуи отказался от операции. Он вроде как гордится этой пулей, заявил он. Такая отличная тема для разговора!

В конце концов Мэнсон обязательно узнал бы (из наших материалов) о восстании из мертвых Бернарда Кроуи. Но еще до этого, однако, Кроуи препроводили в тюрьму по обвинению в хранении марихуаны. Когда его вели по коридору, он прошел мимо Мэнсона, направлявшегося, в сопровождении охранников, в свою камеру из комнаты для переговоров с адвокатом. Чарли быстро оправился от потрясения и, по свидетельству присутствовавших там офицеров,

сказал Кроуи: “Извини, что мне пришлось сделать это, но ты и сам понимаешь, каково мне было”.

Ответ Кроуи, если и последовал, то не сохранился в памяти полицейских.

Ближе к концу марта сторона обвинения едва не лишилась одного из ключевых свидетелей по делу.

Пол Уоткинс, некогда бывший помощником при Мэнсоне, был извлечен из горящего трейлера “фольксваген” и доставлен в Центральную окружную больницу Лос-Анджелеса с ожогами второй степени на 25 процентах кожи лица, рук и спины. Достаточно оправившись от боли, чтобы говорить с полицейскими, Уоткинс заявил, что уснул, читая при свете свечи, — и либо она, либо сигаретка с марихуаной, которую он при этом курил, вызвали пожар.

Это лишь догадка с его стороны, пояснил Уоткинс полицейским, поскольку сам он “не уверен в причине воспламенения”.

За три дня *до пожара* до властей округа Инио дошел слухок, что “Семья” намерена устранить Уоткинса.

Еще в ноябре 1969 года я просил ДПЛА внедрить кого-нибудь в “Семью”. Меня не просто интересовали планы этих людей в отношении стратегии защиты на процессе; я сказал полицейским буквально следующее: “Будет поистине трагичной ошибкой, если произойдет убийство, которое мы еще можем предотвратить”.

Я обращался с подобной просьбой как минимум десять раз. В итоге ДПЛА выразил свою озабоченность: если они действительно внедрят в “Семью” агента под прикрытием, ему тогда придется совершать, вместе с остальными, различные преступления — к примеру, курить марихуану. Чтобы преступление было признано таковым, настаивал я, обязательно должен присутствовать преступный умысел; если агент будет заниматься этим, стараясь выполнить свою работу — обезвредить других преступников, то никакое курение марихуаны не может считаться преступлением. Это заставило ДПЛА колебаться, и тогда я заявил, что агентом не обязательно должен быть офицер полиции. У них ведь хватает информаторов в делах о продаже наркотиков, о подпольных тотализаторах, даже о проституции — так что, разумеется, они могли бы завербовать такого информатора с целью раскрытия самых нашумевших убийств нашего времени. Как бы не так.

В итоге я обратился в Бюро расследований окружного прокурора, и те быстро отыскали молодого человека, готового принять задание. Я похвалил его за отвагу, но убедился, что тот слишком уж гладко выбрит, коротко стрижен и с виду более всего напоминает банковского клерка, в лучшем случае. Как бы мы ни мечтали иметь информатора внутри “Семьи”, я не мог послать юношу в логово убийц; когда они перестали бы, наконец, смеяться, то изрубили бы беднягу в капусту. Так мне пришлось отказаться от своей идеи. В отношении ближайших планов “Семьи” мы по-прежнему оставались в полном неведении.

Апрель 1970 года

Слова “PIG”, “DEATH TO PIGS”, “RISE” и “HEALTER SKELTER” содержат всего тринадцать различных букв. Эксперты-графологи объяснили мне, что будет чрезвычайно трудно — если возможно вообще — сличить кровавые надписи в домах Тейт и Лабианка с экземплярами “печатного” почерка, полученными у подсудимых.

Речь при этом шла не только о небольшом количестве использованных букв. Слова были печатными, а не написанными обычным почерком; буквы чрезмерно велики; в обоих случаях применялись непривычные средства письма — полотенце в доме Тейт и, по всей видимости, кусочек скомканной бумаги в доме Лабианка, где все надписи (кроме двух слов на дверце холодильника) расположены на стенах вверху: чтобы сделать их, писавшему человеку приходилось тянуться непривычно высоко.

В качестве вещественного доказательства кровавые надписи казались абсолютно бесполезными.

Впрочем, поразмыслив над этим, я изобрел способ, который (если все получится правильно) мог бы обратить их на пользу стороне обвинения. То был чистый блеф — но игра стоила свеч.

Мы знали, кто писал эти слова. Сьюзен Аткинс показала перед большим жюри, что это она написала слово “PIG” на парадной двери дома Тейт, тогда как во время нашей беседы Сьюзен рассказывала, что Патриция Кренвинкль, по ее собственным словам, делала надписи в доме Лабианка. Показания, сделанные Сьюзен на заседании большого жюри (равно как и ее откровения в разговоре со мной), мы не могли использовать на процессе из-за заключенного с нею соглашения — но о

происхождении надписи в доме Тейт она рассказывала также и Ронни Ховард, так что свидетельство об этом у нас имелось. По поводу надписей, сделанных Кренвинкль, никаких пригодных для суда свидетельств у нас не было.

Пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов объявляет, что никто “не может быть принужден давать показания против себя самого в ходе любого уголовного следствия”. Верховный суд США постановил, что данное ограничение касается лишь устных показаний и что подсудимый не может отказаться представить следствию физические данные о себе: скажем, преступник не может отказаться присутствовать на опознании, пьяный водитель — отказаться подвергнуться анализу дыхания во время тестов на присутствие алкоголя в организме; подозреваемый не может уклониться от снятия отпечатков пальцев, от представления следствию образца письменного почерка, волос и т. д. Изучив соответствующее законодательство, я представил капитану Карпентеру в “Сибил Бранд” четкие инструкции — как именно ему следует объявить подсудимым о взятии у Сьюзен Аткинс, Патриции Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен образцов почерка.

Каждую следовало уведомить: “1) У Вас нет конституционного права отказаться; 2) у Вас нет конституционного права проходить данный тест в присутствии адвоката; 3) Ваше конституционное право хранить молчание не включает право отказаться представить образец письменного текста и 4) в *случае* Вашего согласия на эту процедуру полученные экземпляры письма могут быть использованы как вещественные доказательства стороной обвинения по Вашему делу”.

Капитан Карпентер поручил проведение письменного теста своему старшему заместителю, Х. -Л. Маусс. Руководствуясь моими инструкциями, она уведомила Сьюзен Аткинс о сказанном выше и добавила: “В усадьбе Тейт было найдено печатное слово “PIG”, написанное кровью. Нам нужно, чтобы вы написали слово “PIG” печатными буквами”. Безо всяких жалоб Сьюзен тут же написала требуемый текст.

Лесли Ван Хоутен и Патриция Кренвинкль по очереди подверглись той же процедуре с разъяснением имеющихся у них прав.

Тем не менее каждой сообщили *в устной форме*: “Слова “HELTHER SKELTER”, “DEATH TO PIGS” и “RISE” найдены написанными

кровью в доме Лабанка. Мы хотим, чтобы вы написали эти слова печатными буквами”.

В моей памятке капитану Карпентеру присутствовала еще одна инструкция, предназначенная для офицера, которому предстояло непосредственно работать с подсудимыми: “Ни в коем случае не предъявляйте испытуемым письменные образцы текста”. Я хотел посмотреть, напишет ли Патриция Кренвинкль слово “HELTER” с ошибкой — так же, как оно было написано на дверце холодильника: “HEALTER”.

Лесли Ван Хоутен беспрекословно написала требуемое.

Патриция Кренвинкль отказалась сделать это.

Наш блеф удался. Теперь мы могли использовать этот ее отказ на суде как косвенное свидетельство виновности Патриции.

В качестве улики это было вдвойне важно, поскольку прежде у меня не было абсолютно *никакого* независимого подтверждения показаний Линды Касабьян относительно вовлеченности Патриции Кренвинкль в убийство четы Лабанка. А ведь без единой улики, подтверждавшей правдивость показаний Линды, в глазах закона Патриция Кренвинкль осталась бы невиновной и была бы автоматически освобождена от ответственности по всем статьям предъявленного ей обвинения.

Да, наш блеф удался, но Кренвинкль с тем же успехом могла выйти победительницей. Лесли ведь тоже могла отказаться представить экземпляр своего письма, что свело бы на нет все значение отказа Кэти. Или же Кэти могла тоже написать требуемые слова — и тогда эксперты-графологи не сумели бы связать ее почерк со словами, найденными в доме Лабанка.

Нам повезло куда меньше, когда дело дошло до того, чтобы доказать принадлежность веревки Тейт — Себринга и кусачек для проволоки имуществу Чарльза Мэнсона еще до убийств — на эти улики я полагался, собираясь подкрепить ими показания Линды Касабьян относительно самого Мэнсона.

От присутствовавшего при этом ДеКарло мы знали, что в июне 1969 года Мэнсон купил примерно 200 футов белой трехжильной нейлоновой веревки в хозяйственном магазине “Джек Фрост” в Санта-Монике. Впрочем, когда следователи “группы Тейт” удосужились

поговорить с хозяином магазина, мистером Фростом, — три с половиной месяца спустя после моей просьбы! — он не сумел найти отметку об этой покупке. И даже не смог уверенно заявить, что подобная веревка у него действительно продавалась^[155]. Все предпринятые нами старания сначала найти производителя, а уж затем проследить путь веревки до прилавка в “Джеке Фросте” также оказались тщетны. Свой товар Фрост обычно закупал в странных местах — на аукционах, у бродячих торговцев и т. д., предпочитая иметь дело с перепродавцами, чем непосредственно с производителем.

Мы вели поиски буквально вслепую — да и другой наш свидетель тоже был подслеповат. По словам ДеКарло, Мэнсон отдал часть купленной веревки Джорджу Спану для использования на ранчо. Так или иначе, почти полная слепота Спана делала его никудышным свидетелем.

Именно тогда я и вспомнил о Руби Перл.

По какой-то причине, хотя полиция и посещала ранчо Спана бесчисленное множество раз, никто из офицеров не говорил с Руби, руководившей на ранчо работой конюшен. А ведь она оказалась источником ценнейшей информации. Оглядев веревку Тейт — Себринга, Руби не только подтвердила, что та ничем не отличается от веревки, бывшей у Мэнсона, но и предоставила нам множество примеров власти Мэнсона над остальной “Семьей”; она вспомнила, что множество раз видела “лонгхорн” 22-го калибра на ранчо; объявила кожаный ремешок, найденный в доме Лабанка, похожим на те полоски кожи, которые Мэнсон часто носил на шее; и, наконец, рассказала мне, что до появления “Семьи” у Спана никогда прежде не видела там складных ножей, но летом 1969 года “внезапно такие ножи появились, кажется, у всех”.

Мое разочарование от отсутствия документального подтверждения покупки Мэнсоном веревки было велико, но Руби удалось смягчить этот удар. Будучи опытной наездницей — равно как и твердой, решительной дамой, не выказывавшей ни малейшей боязни “Семьи”^[156], — она говорила с уверенностью, которая обретает в суде особенный вес. Во всем ее облике просматривалась какое-то упрямое спокойствие.

Другой нашей находкой стал Рэнди Старр, с которым я беседовал в тот же день, что и с Руби. Постановщик кинотрюков, порою

подрабатывавший на съемках эпизодов с повешением, Старр заявил, что веревка Тейт — Себринга является “идентичной” той веревке, с помощью которой как-то раз они с Мэнсоном вытаскивали автомобиль со дна лощины. “Мэнсон всегда держал такую веревку за сиденьем своего вездехода”, — сказал Старр.

Еще большее значение имело положительное опознание Рэнди Старром револьвера “лонгхорн” 22-го калибра, поскольку некогда оружие принадлежало самому Рэнди и было передано им Мэнсону^[157].

Один вопрос оставался без ответа. Зачем в ночь убийств на Сиэло-драйв убийцы прихватили с собой 43 фута 8 дюймов веревки? Чтобы связать свои жертвы? Мэнсон проделал это сутки спустя при помощи единственного кожаного ремешка. Проблеск возможного ответа забрезжил во время одной из моих бесед с Дэнни ДеКарло. Если верить Дэнни, в конце июля 1969 года Мэнсон сказал ему, что “свиньям-истеблишменту предстоит висеть вверх ногами с перерезанным горлом”. Вот это действительно вселило бы в людей настоящий страх, добавил Мэнсон.

Насколько я могу судить, предположение, что убийцы принесли с собой веревку, намереваясь повесить свои жертвы, звучит вполне логично. Всего лишь догадка — но я подозревал, что не сильно отклоняюсь от истины.

Кусачки для проволоки тоже представляли собой проблему. Линда Касабьян заявила, что пара, найденная в вездеходе Мэнсона, выглядит так же, как и та, что оказалась в машине той ночью. Отлично. Джо Гранато из ОНЭ сделал тестовые разрезы на куске телефонного провода из усадьбы Тейт и объявил, что оба разреза совершенно одинаковы. Замечательно. Но затем офицер Девэйн Вольфер, признанный ведущим экспертом по вещественным доказательствам ДПЛА, провел несколько собственных тестов и заключил, что эти кусачки никак не могли быть использованы для “нарушения целостности телефонного провода” на Сиэло-драйв.

Не собираясь так легко сдаваться, я спросил у Вольфера, не могло ли натяжение провода послужить значимым фактором? Возможно, отвечал он. Тогда я попросил Вольфера сопровождать представителей телефонной компании на Сиэло-драйв, 10050 и сделать еще один разрез, только на сей раз — туго натянутой проволоки, как это и было в

ночь убийств. Вольфер сделал такой тест, но его точка зрения не поколебалась: разрез, произведенный в ночь на 8 августа 1969 года, не совпадает с разрезом, сделанным в ходе теста.

Возможно, режущая кромка кусачек была повреждена уже после убийства Тейт и остальных, но проведенные Вольфером тесты буквально разрезали эту такую важную для нас связь между Мэнсоном и вещественными уликами.

Когда 19 ноября 1969 года я сопровождал офицеров ДПЛА в их поездке на ранчо Спана, мы нашли немало пуль и гильз 22-го калибра. Впрочем, из-за ужасного ветра и необходимости вести поиски других улик мы ограничились лишь поверхностным осмотром, и я просил сержанта Ли вернуться туда впоследствии и поискать тщательнее. Эта просьба, многократно повторенная с тех пор, обрела особое значение после получения экспертами ДПЛА револьвера “лонгхорн” 22-го калибра. Тем не менее Ли вернулся на ранчо Спана только 15 апреля 1970 года и, вновь сконцентрировав внимание на овраге, находящемся примерно в двухстах футах позади обиталища Джорджа Спана, нашел еще 23 стреляные гильзы от пуль 22-го калибра. Поскольку ранее мы нашли 22 такие гильзы, общее их количество достигло 45 штук^[158].

Лишь по завершении этого второго раунда поисков Ли провел сравнительный анализ стреляных гильз с ранчо Спана. Когда же он закончил работу, выяснилось, что 15 из 45 гильз были выстрелены из оружия убийства Тейт и остальных^[159].

С запозданием, но, к счастью, еще до начала суда мы наконец получили научное подтверждение привязки револьвера к ранчо Спана.

Лишь одно могло сделать меня более счастливым: если бы только Ли вернулся на ранчо и нашел остальные гильзы до момента обнаружения револьвера! Теперь же защита была вправе заявить, что за четыре с половиной месяца, прошедших между двумя раундами поисков вещественных доказательств, полиция и/или обвинение могли “подбросить” эти самые доказательства на ранчо.

Многие месяцы кряду меня особенно беспокоил один из предметов, проходящих по делу как вещественное доказательство, — пара очков, найденных рядом с почтовыми тубусами в гостиной усадьбы Тейт, в непосредственной близости от места преступления. Естественный вывод один: если очки не принадлежали никому из

потерпевших, тогда они должны принадлежать кому-то из убийц. Тем не менее Уотсон, Аткинс, Кренвинкль и Касабьян не носили очков.

Я уже предвидел, как на это обстоятельство будет напирать защита: поскольку очки не принадлежат никому из подсудимых, кто-то из убийц может все еще находиться на свободе. И отсюда — лишь шаг до нового предположения: быть может, на скамье подсудимых вообще не те люди?

Эти очки грозили стороне обвинения чрезвычайно серьезными осложнениями. Но проблема (хоть и не сама загадка) разрешилась, когда я поговорил с Розанной Уолкер.

Раз уж Сьюзен Аткинс созналась в убийствах и перед Виржинией Грэхем, и перед Ронни Ховард, мне пришло в голову, что она могла делать не менее обличающие признания и перед другими; поэтому я попросил ДПЛА найти других женщин, с которыми Аткинс водила дружбу в “Сибил Бранд”.

Розанна Уолкер была одной из бывших заключенных этой тюрьмы, которая, хоть и без особенной радости, согласилась встретиться и говорить со мной. Самоуверенная и крепкая в кости темнокожая девушка оказалась в “Сибил Бранд” после предъявления ей обвинения сразу по пяти разным пунктам, каждый из которых был связан с торговлей наркотиками. В тюрьме она вновь стала чем-то вроде торговли вразнос: продавала сладости, сигареты и парфюмерию другим заключенным. И лишь в пятую или шестую нашу встречу Розанна вспомнила об одном разговоре, который ей показался совсем незначительным, но мною был воспринят иначе.

Однажды Сьюзен и Розанна вместе слушали радиоприемник, когда диктор программы новостей упомянул о паре очков, найденной ДПЛА на месте убийства Тейт и остальных. Озадаченная, Сьюзен проговорила: “Не слишком ли это будет, если они арестуют владельца очков? Ведь он виновен лишь в том, что потерял их!”

Розанна ответила, что очки могли действительно принадлежать убийце.

“Да нет, все было по-другому”, — обронила в ответ Сьюзен.

Эта ее ремарка ясно показывала, что очки *не принадлежали* убийцам.

Оставались и другие проблемы. Одна из самых серьезных касалась бегства Линды Касабьян с ранчо Спана.

Линда рассказала мне, что решилась на побег после ночи убийства четы Лабианка; впрочем, на следующий день Мэнсон отослал ее к водопаду (11 августа), и она боялась уйти той ночью из-за расставленных им вооруженных часовых.

Ранним утром 12 августа Мэнсон разыскал ее вновь. Линде следовало надеть “приличное” платье и отнести весточку Мэри Бруннер и Сандре Гуд в “Сибил Бранд”, так же как и Бобби Бьюсолейлу в окружную тюрьму. Сообщение было простым: “Ничего не говорите; все путем”. Одолжив машину у Дэйва Ханнума, нового работника на ранчо, Линда поехала в “Сибил Бранд”, но выяснила, что Бруннер и Гуд находятся в суде; в окружной тюрьме удостоверение личности Линды вызвало какие-то подозрения, и увидеть Бьюсолейла ей не позволили. Когда она вернулась на ранчо и рассказала Мэнсону о неудаче, тот приказал попробовать вновь на следующий же день.

Линда увидела в этом свой шанс. Той ночью она упаковала немного одежды и пеленки Тани (заодно с булавками) в дорожную сумку на ремне и спрятала ее в общей гардеробной. Ранним утром Линда вновь попросила машину у Ханнума — но, явившись за сумкой, увидела спящих в комнате Мэнсона и Стефани Шрам. Решив плюнуть на сумку, Линда отправилась за Таней, но обнаружила, что всех детей успели перевезти к водопаду. Попастъ туда и забрать Таню, не объясняя причин своих действий, она никак не могла, рассказывала Линда. Поэтому ей пришлось уехать с ранчо, так и не забрав девочку.

Вместо того чтобы, как и было условлено, ехать в Лос-Анджелес, Линда направилась в Таос, штат Нью-Мехико, где теперь жил ее муж. Но при подъезде к Альбукерку машина Ханнума сломалась. Когда Линда попыталась оплатить починку кредитной карточкой, врученной ей для покупки бензина Брюсом Дэвисом, владелец автозаправочной станции навел справки и выяснил, что карточка уже не действительна. Тогда Линда написала письмо Ханнуму с извинениями и объяснением, где он сможет найти пропавшую машину, вложила в конверт ключ зажигания и сунула письмо в почтовый ящик^[160]. Остаток пути она проехала автостопом.

Линда нашла мужа (в обществе другой девушки) в коммуне Лориен, неподалеку от Таоса. Она рассказала ему об убийствах в доме

Тейт, о событиях следующей ночи и о том, что Таня осталась у Спана. Боб Касабьян предложил вдвоем вернуться на ранчо и забрать ребенка, но Линда опасалась, что тогда Мэнсон убьет их всех. Боб попросил несколько дней на обдумывание. Не собираясь ждать у моря погоды, Линда добралась автостопом до Таоса и отправилась повидать Джо Сэйджа. Сам Сэйдж, имевший репутацию человека, с радостью помогавшего другим, был довольно занятым персонажем. Когда этот ведший монашескую жизнь убежденный дзен-буддист пятидесяти с чем-то лет не был занят делами своей Макробиотистской церкви, то участвовал в предвыборной кампании на пост президента от партии противников загрязнения окружающей среды. Линда попросила у Сэйджа сумму, необходимую для того, чтобы вернуться в Лос-Анджелес и забрать девочку. Сэйдж, однако, принялся расспрашивать Линду, и в итоге та рассказала ему (и юноше по имени Джефффри Джейкобс) об убийствах.

Не поверив рассказу Линды, Сэйдж заказал разговор с ранчо Спана и сначала поговорил с неизвестной девушкой, а затем — и с самим Мэнсоном. У Мэнсона, чью реакцию можно вообразить, Сэйдж напрямую спросил, насколько правдив рассказ Линды.

Мэнсон отвечал, что у Линды, видать, совсем крыша поехала; ее эго попросту еще не готово умереть, и поэтому-то она сбежала.

Линда не разговаривала с Чарли, но поговорила с кем-то из девушек (Линде показалось, что это была Пищалка), которая рассказала ей о полицейском рейде 16 августа. Таня осталась в руках у властей, услышала Линда; теперь девочка находится в сиротском приюте. Линда говорила также с Патрицией Кренвинкль; та сказала ей что-то вроде: “Не терпится пасть разинуть, а?”

После чего Линда позвонила в отделение полиции в Малибу, где ей назвали имя социального работника, на чьем попечении оказалась Таня. Сэйдж дал Линде денег на авиабилеты туда-обратно и назвал имя Гари Флейшмана — адвоката, который, на его взгляд, мог помочь Линде забрать Таню из сиротского приюта. Когда Линда встретилась с Флейшманом, она ничего не сказала ему об убийствах — лишь то, что уехала с ранчо для встречи с мужем. В конце концов, уже после судебного слушания, мать с дочерью вместе улетели в Таос. Боб все еще был занят ухаживанием за другой девушкой, и Линда с Таней добрались автостопом сначала до Майами, штат Флорида, где жил отец

Линды, а затем — и до Конкорда, штат Нью-Хэмпшир, где стоял дом ее матери. Именно в Конкорде, 2 декабря 1969 года, когда разнеслась весть, что Линду разыскивают в связи с убийствами на Сизэло-драйв, она сама явилась в местный участок полиции и сдалась властям. Уже на следующий день Линда, отказавшись от процедуры экстрадиции, самолетом была доставлена в Лос-Анджелес.

Я спросил у Линды: “Почему между днем, когда ты забрала Таню, и датой твоего ареста в декабре ты не связалась с полицией и не рассказала все, что знаешь об убийствах?”

Она боялась Мэнсона, сказала Линда, боялась, что он найдет и убьет ее вместе с Таней. Кроме того, она была беременна, и ей не хотелось брать на себя такую ответственность перед рождением ребенка.

Были, разумеется, и иные причины — в качестве основной можно назвать недоверие, которое Линда испытывала к полиции. В ориентированном на наркотики мире, к которому принадлежала

Линда Касабьян, полицейские не рассматриваются ни как друзья, ни как союзники. Я чувствовал, что это простое объяснение, если правильно подать его, вполне удовлетворит присяжных.

Оставался еще один, даже более важный вопрос: “Как же ты могла оставить дочь в этом логове убийц?”

Меня беспокоила не только возможная реакция присяжных, но и та польза, которую могла извлечь из этих фактов сторона защиты. То, что Линда оставила Таню на ранчо Спана, вместе с Мэнсоном и остальными, могло рассматриваться как косвенное доказательство тому, что на самом деле она не считала этих людей убийцами — и это напрямую противоречило основной части ее показаний. Таким образом, и самый вопрос, и ответ на него имели громадное значение.

Линда считала, что Таня будет там в безопасности *до тех пор, пока она сама не обратится в полицию*. “Что-то внутри подсказало мне, что Тане никто не причинит вреда, — сказала мне Линда, — что с нею ничего плохого не случится и что настало время мне самой уехать оттуда. Я знала, что потом приеду и заберу ее. Я просто была уверена: все кончится хорошо”.

Как воспримут это присяжные? Я не имел ни малейшего представления. День начала судебных заседаний приближался, а этот

вопрос так и повис в воздухе, внося неопределенность в остальные мои заботы.

Когда лейтенант Хелдер и сержант Гутиэрес связались с Сэйджем и Джейкобсом, те подтвердили рассказ Линды. Впрочем, я не мог использовать обоих в качестве свидетелей, поскольку большая часть их показаний представляла собой пересказ чужих реплик, не подходящий для суда. Работник ранчо Дэвид Ханнум сказал, что начал работать у Спана с 12 августа и что Линда брала у него машину и в этот день, и на следующий. Проверка тюремной книги учета показала, что Бруннер и Гуд *действительно* побывали в суде 12 августа.

Проведенные офицерами беседы оказались неожиданно плодотворны и в другом смысле. Ханнум рассказал, что, когда он однажды убил гремучую змею, Мэнсон с гневом отчитал его, вопя: “Как тебе понравится, если тебе самому отсекут башку?” Затем Чарли добавил: “Лично я предпочитаю убивать людей, а не животных”. В то же самое время, когда состоялась моя беседа с мужем Линды, Робертом Касабьяном, я говорил также и с Чарльзом Мелтоном, хиппи-филантропом, у которого Линда похитила 5 тысяч долларов. Мелтон рассказал, что в апреле 1969 года (еще до первой встречи Линды с “Семьей”) он ездил на ранчо Спана повидаться с Полом Уоткинсом. Будучи там, Мелтон познакомился с Тексом, который, похвалив бороду Мелтона, мечтательно протянул: “Может, когда-нибудь Чарли и мне разрешит отпустить бороду...”

Найти лучшее доказательство власти Мэнсона над Уотсоном было бы непросто.

Да, существовали плюсы, но и минусов тоже хватало, и немалых.

Чтобы доказать присяжным, что рассказ Линды о событиях двух кровавых ночей не взят с потолка от начала и до конца, я отчаянно нуждался в показаниях какого-нибудь третьего лица, способного подтвердить правдивость любой части ее истории. Рудольф Вебер представил свое подтверждение касательно первой ночи. Но по второй ночи такого свидетеля у меня не было. Я передал ДПЛА следующее задание первейшей важности: найти двух офицеров, говоривших с Мэнсоном и Линдой на пляже, человека, в чью дверь Линда постучала в ту ночь, мужчину и женщину в доме рядом с “Малибу Фидбин” или

любого из водителей, подвозивших убийц после. Мне хотелось бы иметь под рукой всех этих людей, но, если полицейские разыщут хоть кого-то, я уже буду счастлив.

Линда указала нам место, где их останавливали и опрашивали двое патрульных. Это было неподалеку от Манхэттен-Бич. Но Лос-Анджелес представляет собой мегаполис, так что мы быстро выяснили, что указанный Линдой район находится сразу под тремя перекрывающимися друг друга юрисдикциями: не одна, а сразу три различные службы поддержания порядка патрулируют эту зону. И проверка по всем трем не выявила никого, кто вспомнил бы о подобном инциденте.

Нам повезло больше с упомянутым Линдой актером. Следователи “группы Лабианка” Сартучи и Нильсен нашли его: он по-прежнему жил в Венеise, в 501-й квартире дома 1101 по Оушн Фронт-уолк. Приехавший не из Израиля, а из Ливана, тридцатидевятилетний Саладин Надер (безработный после главной роли в “Сломанных крыльях”, фильме о поэте Калиле Гибране) вспомнил двух юных путешественниц, подобранных им на шоссе в начале августа 1969 года. Надер верно описал внешность Сэнди и Линды, не забыв упомянуть и то, что Сэнди была заметно беременна; он выбрал их фотографии из большой стопки снимков и рассказал мне практически ту же историю, что и Линда, “забыв” упомянуть лишь о сексуальной связи между ними.

Опросив Надера, следователи пометили в отчете: “Свидетель поставлен в известность о цели проведенной беседы и выразил удивление по поводу того, что столь милые и общительные молодые леди могли попытаться нанести ему какой бы то ни было вред после того, как он предложил им всю помощь, на которую был способен”.

Хотя рассказы обоих совпали, Надер мог лишь отчасти подтвердить показания Линды, поскольку (к счастью для него самого и благодаря той же Линде) не повстречался с группой убийц в ночь на 11 августа.

Этажом ниже располагалась квартира, в дверь которой стучала Линда. Она указала нам на дверь квартиры 403, и я попросил Гутиэреса с Патчеттом постараться найти мужчину, надеясь, что тот вспомнит об инциденте. Однако полученный мною отчет подробно излагал показания жильца 404-й квартиры, так что обоим офицерам пришлось вернуться; тогда-то они и выяснили у хозяйки, что 403-я квартира

стояла пустой весь август 1969 года. Вполне возможно, сказала она, что кто-то мог остановиться там временно, на ночь-другую, — такое бывало и раньше. Чем нам и пришлось довольствоваться.

По уверениям агента по продаже недвижимости, занимавшегося домом 3921 по бульвару Топанга-Каньон (дом, стоявший рядом с “Малибу Фидбин”, где, по словам Линды, они с Сэди и Клемом останавливались незадолго до рассвета), группа хиппи въехала в незанятое здание около девяти месяцев тому назад. Порой там проживало, по его подсчетам, до пятидесяти человек, но никого из них он не знал и не видел лично. Сартучи и Нильсен, однако, сумели найти двух девушек, живших там с февраля по октябрь 1969 года. Обе были подругами Сьюзен Аткинс, и обе помнили встречу с Линдой Касабьян. Одна припомнила, что Сьюзен как-то заходила в гости в компании девушки и парня. Она помнила, что это действительно произошло, но не могла уточнить ни даты, ни времени суток, ни имен других присутствовавших в доме гостей — по той простой причине, что она была тогда “на кислоте” и трио гостей “показалось недобрым”. Обе девушки признались, что на протяжении всего периода бывали “в улете” столько времени, что четких воспоминаний о происходящем у них и не оставалось. Как свидетели они были практически бесполезны.

Офицеры ДПЛА, как ни старались, не смогли найти каких-либо водителей, подбиравших пассажиров в ту ночь.

Всеми этими нитями следствия занимались офицеры “группы Лабанка”. Просматривая их отчеты, я убедился, что они сделали все, что было в их силах. Но факт остался фактом: из шестивосьми человек, которые могли бы поддержать своими показаниями рассказ Линды Касабьян о событиях второй ночи, мы не смогли найти ни единого. Я предвидел, что защита постарается выжать из этого все, что только сможет.

Любой подсудимый имеет право по крайней мере однажды подать заявление о личной заинтересованности судьи в исходе разбирательства — и тем самым попытаться отстранить его от дела. Подсудимый даже не обязан обосновывать свою точку зрения. 13 апреля 1970 года Мэнсон подал такое заявление против судьи Уильяма Кини. Судья Кини подчинился желанию Мэнсона, и к Делу был приписан новый судья, Чарльз Х. Олдер. Мы ждали новых заявлений (подать его мог каждый

из подсудимых), но адвокаты защиты, после коротких дебатов, согласились на Олдера.

Прежде я еще ни разу не встречался с Олдером в зале суда. Пятидесятидвухлетний юрист имел репутацию “трезвого” судьи. Пилот-истребитель, сражавшийся во Вторую мировую в бригаде “Летучих тигров”, он получил пост от тогдашнего губернатора Рональда Рейгана в 1967 году. Этот процесс должен был стать самым крупным делом во всей его практике.

Дату первого заседания назначили на 15 июня. Из-за этого переноса мы вновь исполнились надежды успеть заполучить Уотсона и судить его вместе с остальными, но эти надежды быстро рассеялись, когда адвокат Уотсона добился новой проволоочки в запуске процедуры экстрадиции.

Новый суд над Бьюсолейлом, обвиняемым в убийстве Хинма-на, начался в конце марта. Основным свидетелем обвинения была Мэри Бруннер, первая участница “Семьи” Мэнсона, давшая показания о том, что своими глазами видела, как Бьюсолейл заколол Хинмана. В обмен на свои показания Бруннер получила полную неприкосновенность. Заявив, что он сам был лишь вынужденным свидетелем произошедшего, Бьюсолейл занял кафедру и объявил убийцей Хинмана самого Мэнсона. Присяжные предпочли версию Бруннер. Во время первого суда над Бьюсолейлом улики против него были настолько ничтожны, что наш офис даже не требовал смертной казни. На сей же раз обвинитель Бартон Катц требовал для подсудимого высшей меры — и добился своего.

Две вещи особенно обеспокоили меня по ходу суда. Одной было то, что Мэри Бруннер сделала все возможное, чтобы выгородить Мэнсона, — и я засомневался, насколько же далеко смогут зайти Сэди, Кэти и Лесли, чтобы спасти Чарли. Второй вещью было нежелание Дэнни ДеКарло повторить под присягой многие из своих прежних заявлений, сделанных в кабинетах ДПЛА. Я опасался, что Дэнни готовится покинуть город, понимая, что ему нет особого резона болтаться по Лос-Анджелесу. Обвинение в краже мотоциклетного мотора с него сняли в обмен на показания по делу об убийстве Хинмана, но по поводу процесса Тейт — Лабианка мы ни о чем с ним не договаривались. Более того, у Дэнни имелись неплохие шансы

поучаствовать в дележе награды в 25 тысяч долларов, но, чтобы получить свою долю, он вовсе не был обязан давать свидетельские показания в зале суда.

ДеКарло и Бруннер дали свои показания перед большим жюри, что позволило предъявить дополнительные пункты обвинения Чарльзу Мэнсону, Сьюзен Аткинс и Брюсу Дэвису по поводу убийства Хинмана. Но давать показания перед большим жюри и свидетельствовать в самом суде, глядя Чарли глаза в глаза, — совсем разные вещи.

Я никак не мог винить Дэнни за осторожность. Едва подтвержденное большим жюри обвинение сделалось достоянием прессы, живший вместе с остальной “Семьей” у Спана Дэвис исчез в неизвестном направлении.

Май 1970 года

В первых числах мая Крокетт, Постон и Уоткинс повстречали в Шошоне Клема, Цыганку и юношу по имени Кевин — одного из новичков быстро растущей “Семьи”. Клем заявил Уоткинсу: “Чарли говорит, когда он выйдет из тюрьмы, вам всем лучше оказаться где-нибудь подальше от пустыни”.

От нашего источника на ранчо Спана мы узнали, что участники “Семьи” явно “готовятся что-то предпринять”.

У девушек Мэнсона так часто брали интервью, что теперь они уже были на короткой ноге со многими репортерами, называли их по именам и т. д. Несколько раз в завуалированной, не прямой манере эти девушки намекали своим друзьям из прессы, что Чарли вот-вот окажется на свободе. Возможно, это и не имело значения, но при этом ничего не говорилось об “освобождении” или об оправдании”.

Нам было ясно, что “Семья” имеет некий план действий.

11 мая Сьюзен Аткинс подала заявление, опровергавшее ее показания перед большим жюри. Позднее и Мэнсон, и сама Аткинс воспользовались этим документом как основой для заявлений о неправомерности передачи дела в суд; оба заявления остались без удовлетворения.

Мы с Аароном устроили совещание в кабинете окружного прокурора Янгера. Сэди не могла воевать на два фронта сразу. Либо она рассказывала всю правду без утайки перед большим жюри и, в

соответствии с нашим соглашением, мы не могли предъявить ей обвинение в убийстве первой степени, либо, как выходило по ее заявлению, большое жюри не услышало всей правды, и в этом случае наше соглашение расторглось.

Мое личное мнение состояло в том, что Сьюзен Аткинс дала “по большей части правдивые” показания перед большим жюри — все так и было, как она рассказывала, за несколькими исключениями: во-первых, три “забытые” ею попытки убийства на вторую ночь; во-вторых, колебания Сюзен в отношении того, ударила она ножом Войтека Фрайковски (в чем призналась в нашей беседе) или нет; в-третьих, мое инстинктивное, но весьма сильное ощущение (подтвержденное признаниями Сюзен перед Вир-жинией Грэхем и Ронни Ховард), что Аткинс солгала, показав, что не она ударила ножом Шарон Тейт. По соглашению, заключенному между Сьюзен Аткинс и нашим офисом, правдивость “по большей части” не могла считаться достаточной: Сьюзен должна была рассказать всю правду.

С подачей заявления, впрочем, вопрос мог считаться закрытым. На основании ее собственноручного отречения от показаний мы с Аароном просили у Янгера разрешения требовать высшей меры наказания для Сьюзен Аткинс — так же как и для других подсудимых. Янгер согласился с нашими доводами и дал такое разрешение.

Такой поворот событий не был совсем непредвиденным. Другой оборот “вокруг своей оси” стал, однако, полной неожиданностью для всех. Появившись в суде с прошением направить его дело на новое рассмотрение, Бобби Бьюсолейл вынул из кармана заявление Мэри Бруннер о том, что все ее показания на суде “не являются правдивыми” и что она, в частности, лгала, рассказывая, как Бьюсолейл убил Хинмана ножом.

Совершенно сбитый с толку прокурор Барт Катц заявил, что и других представленных в суде доказательств вины Бьюсолейла достаточно для вынесения ему приговора.

Расследуя обстоятельства составления этого документа, Барт выяснил, что за несколько дней до дачи показаний в суде в дом родителей Мэри Бруннер в Висконсине явились с визитом Пищалка и Бренда. Пищалка навестила ее еще раз, теперь уже в компании Сэнди, за два дня до подписания заявления. Барт обвинил девушек в том, что

они, представляя Чарли, принудили Мэри отказаться от собственных показаний.

Вызванная в суд Мэри Бруннер отрицала это, но затем, посоветовавшись с адвокатом, вновь изменила решение и подала заявление о недействительности предыдущего заявления. Ее показания на суде были правдивы, сказала она. Но потом, впрочем, *снова* передумала.

В конце концов притязания Бьюсолейла на пересмотр его дела были отклонены, и он оказался в камере смертников тюрьмы “Сан-Квентин”, ожидая результатов рассмотрения апелляции. Районный Офис окружного прокурора тем не менее столкнулся с дилеммой, приводящей в смятение даже опытных юристов.

Не считая возможного предъявления ей обвинения в лжесвидетельстве, Мэри Бруннер, похоже, сумела обвести их вокруг пальца.

После официального предъявления ему обвинения в убийстве Хинмана Мэнсон появился перед судьей Деллом и запросил разрешения представлять свои интересы самостоятельно. Когда Делл оставил запрос без удовлетворения, Мэнсон попросил назначить его защитниками Ирвинга Канарека и Дэйи Шиня. Судья Делл постановил, что в таком случае будет иметь место “явный конфликт интересов” и Шинь не сможет защищать одновременно и Мэнсона, и Сьюзен Аткинс. Так что у Чарли остался только Канарек.

Заметив: “Мне кажется, все мы здесь в курсе послужного списка мистера Канарека”, Мэнсон сказал судье Деллу: “Я не хочу получить этого человека в качестве своего адвоката, но вы не оставляете мне выбора. Я отлично знаю что делаю. Поверьте мне, знаю. *Это худший адвокат, которого я могу выбрать*, и вы вешаете на меня именно этого человека”. Если Делл разрешит ему быть собственным адвокатом, сказал Мэнсон, тогда он с радостью забудет о кандидатуре Канарека.

“Я не позволю себя шантажировать”, — ответил Делл Мэнсону.

Мэнсон: “И на тебя управа найдется”.

Судья Делл заявил, что Мэнсон, разумеется, вправе оспорить это его решение, подав апелляцию. Впрочем, поскольку Мэнсон уже подал апелляцию, требовавшую вернуть ему статус собственного адвоката на слушании по делу об убийствах Тейт — Лабианка, Делл решил

подождать с окончательным решением до того момента, когда предыдущая апелляция будет либо отклонена, либо принята.

Мы с Аароном обсудили возможность появления в деле Канарека с окружным прокурором Янгером. Ввиду послужного списка адвоката перспектива встречи с ним в суде подразумевала затягивание процесса на пару лет и даже дольше. Янгер спросил, существует ли какой-нибудь легальный способ отстранить адвоката от ведения дела. Мы отвечали, что о таком способе нам ничего не известно; тем не менее я согласился изучить соответствующие прецеденты. Янгер попросил меня подготовить аргументы для заседания суда и предложил поставить под сомнение компетентность Канарека. Но, узнав о Канареке побольше, я пришел к выводу, что тот еще как компетентен. Его обструкционизм, как мне показалось, был свойственной этому адвокату тактикой, не более того. И этот обструкционизм можно было критиковать.

Собрать доказательства мне не составило труда. От судей, заместителей окружного прокурора, даже присяжных я услышал множество примеров тактики затягивания процесса, бывшей основным козырем Канарека. Один из заместителей окружного прокурора, узнав о том, что ему вторично предстоит встретиться с Канарексом в суде, уволился с работы в нашем офисе. “Жизнь слишком коротка для этого”, — заявил он.

Предвидя, что Мэнсон может предложить себя в качестве замены Канарека в деле Тейт — Лабианка, как и в деле об убийстве Хинмана, я начал готовить аргументы. В то же самое время мне пришла в голову мысль, которая, при наилучшем исходе, могла сделать их ненужными.

Может быть, если правильно прицепить наживку на крючок, мне удастся убедить Мэнсона расстаться с Канарексом по доброй воле.

25 мая я в очередной раз просматривал собранные офицерами ДПЛА коробки с вещественными доказательствами по “делу Лабианка”, когда заметил прислоненную к стене хранилища деревянную дверь. На ней пестрели разноцветные надписи, и в том числе — слова из детской считалочки: “1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 — все хорошие детишки попадают в рай”^[161]. По соседству виднелись крупные буквы: “HELTHER SKELTER IS COMING DOWN FAST”^[162].

Пораженный, я спросил у Гутиэреса: “Где, черт возьми, вы это выкопали?”

“На ранчо Спана”.

"Когда?"

Гутиэрес сверился с прикрепленной к двери желтой этикеткой. “25 ноября 1969 года”.

“Ты хочешь сказать, что я из сил выбиваюсь, привязывая убийц к выражению *Helter Skelter*, а у вас тут уже пять месяцев стоит дверь с этой самой надписью — с теми же кровавыми словами, что были найдены в доме Лабианка?”

Гутиэрес признался: да, стоит, куда она денется. Как оказалось, дверь оторвали от шкафа в трейлере Хуана Флинна. Причем всем, связанным с расследованием, дверь казалась настолько незначительным вещдоком, что ее даже не потрудились занести в протокол изъятия!

Гутиэрес сделал это на следующий день.

И вновь, как и бесчисленное множество раз прежде, я объявил следователям, что хочу побеседовать с Хуаном Флинном.

Я не мог представить себе, как много известно Флинну. Вместе с Бруксом Постоном и Полом Уоткинсом панамский ковбой разговаривал с авторами наскоро изданной еще до начала процесса брошюрки, но явно о многом умолчал, поскольку в книжку не вошли многие инциденты, известные мне со слов Брукса и Пола.

1—14 июня 1970 года

За две недели до начала процесса по делу убийц Тейт — Лабианка Мэнсон просил заменить Рональда Хьюза, своего адвоката, на Ирвинга Канарека; просьба была удовлетворена.

Я предложил провести совещание сторон в кулуарах. Там я подчеркнул, что правовые вопросы в данном случае чрезвычайно запутаны и усложнены. Даже с участием юристов, решающих подобные проблемы, так сказать, “на лету”, процесс может затянуться месяца на четыре или больше. “Но, — добавил я, — хочу откровенно выразить собственное мнение: если мистеру Канареку будет разрешено представлять в суде интересы мистера Мэнсона, этот суд может длиться несколько лет. Среди профессиональных юристов, — заметил я, — бытует мнение, что мистер Канарек — виртуоз

обструкционизма. И мне кажется, он делает это нарочно. Я верю, что он действует так, искренне считая данную тактику наилучшей. Впрочем, — продолжал я, — остановить мистера Канарека нам не удастся. Даже расценивая его действия как оскорбление Суда, мы ничего не выиграем, поскольку он с радостью проведет ночь в камере, но не изменит себе”.

Вместо того чтобы превращать процесс “в пародию на акт правосудия”, я готов предложить выход получше, заявил я Суду. Это решение я обдумывал достаточно долго и знал, что, не считая Аарона, с которым я советовался по этому поводу, все будут застигнуты им врасплох.

“В качестве возможного выхода из сложившейся ситуации, хочу объявить, что сторона обвинения не выступает против предоставления мистеру Мэнсону права защищать себя самостоятельно, с помощью любого адвоката, которого он сам сочтет нужным назвать...”

Мэнсон воззрился на меня в полнейшем недоумении. Похоже, ничего подобного он не ожидал услышать от обвинителя.

Я надеялся, конечно, что, получив такую возможность, Мэнсон выбросит из головы Канарека, но был совершенно искренен, выдвигая свое предложение. С самого начала Мэнсон повторял, что только он сам, и никто другой, может говорить за себя. И весьма прозрачно намекал при этом: в противном случае он намерен доставить Суду немало неприятностей. Никакой другой причины того, что Чарли остановил выбор на Канареке, я не видел.

Верно и другое: несмотря на отсутствие у него формального образования, Мэнсон был умен. Подавляя в прошлом личности таких свидетелей обвинения, как Линда Касабьян, Брукс Постон и другие бывшие члены “Семьи”, он, вероятно, был способен с большей эффективностью провести их перекрестный допрос, чем большинство “обычных” адвокатов. Кроме того, за столом защиты вместе с ним могли оказаться не только его собственный адвокат, но и еще трое опытных юристов. И, если заглядывать далеко в будущее, отказ удовлетворить просьбу Мэнсона дать ему статус собственного защитника мог стать одним из сильных аргументов при обжаловании приговора.

Затем Аарон зачитал заявление самого Мэнсона, сделанное перед судьей Деллом, — Канарек был худшим адвокатом, которого Чарли мог

выбрать.

Канарек выразил протест столь решительно, что судья Олдер возразил ему: “Мистер Канарек, те вещи, которые рассказывают о вас мистер Стовитц и мистер Буглиози, могут кому-то показаться несправедливыми измышлениями. Тем не менее судьям данного Суда прекрасно известно, что во всем сказанном содержится и немалая доля истины. Я не ставлю под сомнение мотивы ваших личных действий, но у вас действительно имеется определенная репутация; вещи, которые кто-то еще способен сделать сравнительно быстро, отнимают у вас, а значит и у Суда, непомерно много времени...”

Впрочем, добавил Олдер, он выслушал все это лишь потому, что хотел убедиться: Мэнсон действительно желает иметь своим адвокатом Ирвинга Канарека. Между тем реплики мистера Мэнсона, сделанные в присутствии судьи Делла, дают возможность усомниться в этом.

Лишь в одном отношении, отвечал ему Мэнсон, Канарек мог бы называться лучшим адвокатом в городе; “во многих же других отношениях он — худший адвокат из всех, какие только могут у меня быть. Но, — продолжал Мэнсон, — “я не думаю, что существует адвокат, способный защитить меня так же хорошо, как это могу сделать я сам. Я достаточно умен, чтобы понимать: я — не адвокат, так что я сидел бы за спинами этих людей и не устраивал бы сцен. Я здесь не для того, чтобы чинить препятствия Суду...”

В этом деле замешано множество подспудных, невидимых факторов. Человек появляется на свет, он ходит в школу, он учится всему, что написано в учебнике, и в итоге он живет свою жизнь так, как его научили. Все, что ему известно, — это вещи, которые ему рассказал кто-то другой. Он образован; его поступки — это дела образованного человека.

Но едва мы выйдем из этого заколдованного царства, то наткнемся на пропасть между поколениями, на общество свободной любви, на доводящие до безумия наркотики и на курение марихуаны”. Реальность в этом другом мире отличается от первой, подчеркнул Мэнсон. Здесь можно научиться чему-то лишь через личный опыт; здесь обнаруживаешь, что “не существует иного способа узнать вкус воды, кроме как сделать глоток, дожидаться дождя или прыгнуть в реку”.

Судья: “Все, что мне нужно, мистер Мэнсон, это убедиться в том, что вы счастливы видеть мистера Канарека своим адвокатом, — или же

в том, что у вас имеются какие-то иные соображения”.

Мэнсон: “Кажется, я выразился достаточно ясно. Я буду счастлив, только если сам стану собственным адвокатом. Никто другой меня не защитит”.

Я попросил у Суда разрешения задать вопрос Мэнсону. Канарек тут же выразил протест, но Чарли не был против. Я спросил, консультировался ли он с другими юристами, прежде чем решить, что в суде его будет представлять именно Канарек. До меня дошли слухи, что двое из них — Фитцджеральд и Рейнер — были весьма огорчены, узнав о появлении в деле Канарека.

Мэнсон: “Я не спрашивал чужого мнения. У меня есть свое собственное”.

Буглиози: “Как вы считаете, мистер Канарек способен обеспечить вам справедливый суд?”

Мэнсон: “Да. Я считаю, *вы сами* могли бы обеспечить мне справедливый суд. Вы уже доказали мне свою честность”.

Буглиози: “Мой суд будет справедлив, Чарли, но я собираюсь осудить вас”.

Мэнсон: “Тогда что это такое — справедливый суд?”

Буглиози: “Это когда вся истина выходит наружу”.

Объявив: “Было бы судебной ошибкой разрешить вам выступать в качестве собственного адвоката в деле подобной сложности”, Олдер вновь спросил Мэнсона: “Вы подтверждаете назначение мистера Канарека вашим адвокатом?”

“Я вынужден сделать это, — ответил Мэнсон. — Единственное, что мне остается, — это постараться доставить вам как можно больше проблем”.

Уже через неделю с небольшим мы увидим первый образчик того, что задумал Мэнсон.

Оказавшись в психиатрической клинике Паттона, шестнадцатилетняя Дайанна Лейк получила у штатного психолога диагноз “шизофрения”. Я понимал, что защита, скорее всего, попытается воспользоваться этим, чтобы бросить тень недоверия на показания

Дайанны, но не слишком беспокоился: психологи — не врачи и не могут ставить официальные медицинские диагнозы. Штатные психиатры, которые были врачами, утверждали, что проблемы Дайанны

эмоциональные, а не умственные: подростковые нарушения поведения плюс вероятная наркотическая зависимость. Им казалось также, что Дайанна явно идет на поправку, и теперь они выражали уверенность в том, что она сможет выступить в суде.

Я ездил в клинику в начале июня вместе с сержантом Патчет-том. Маленькая оборванка, которую я впервые увидел в тюрьме Индепенденса, ничем теперь не отличалась от любой другой девушки-подростка. В школе она получала только отличные отметки, гордо объявила мне Дайанна Лейк; лишь порвав с “Семьей”, по словам Дайанны, она сумела осознать, как прекрасна жизнь. Теперь же, оглядываясь назад, она чувствовала, что чудом вырвалась из “смертельной западни”.

Разговаривая с Дайанной, я узнал множество подробностей, ранее не всплывавших в беседах с ней. Когда, все вместе, они были в пустыне рядом с Уиллоу-Спрингсом, Патриция Кренвинкль рассказала Дайанне, что вытащила Абигайль Фольгер из спальни в гостиную дома Тейт. И Лесли Ван Хоутен, признавшись, что пырнула кого-то ножом, заметила Дайанне: поначалу ей не хотелось этого делать, но затем она обнаружила: с каждым новым ударом ножа это занятие становится все более приятным.

Дайанна сказала также, что в нескольких случаях в июне, июле и августе 1969 года Мэнсон объявлял “Семье”: “Нам нужно захотеть убивать свиней, чтобы помочь черным начать *Helter Skelter*”.

Еще несколько раз — Дайанне казалось, что это было в июле, примерно за месяц до убийств Тейт — Лабианка, — Мэнсон говорил им: “Я сам собираюсь начать революцию”.

Наш разговор продолжался несколько часов. Одна вещь, которую сказала мне Дайанна, особенно меня расстроила. Пищалка, Сэнди и остальные девушки в “Семье” никогда уже не смогут полюбить кого бы то ни было, даже собственных родителей. “Почему?” — переспросил я. “Потому что, — отвечала Дайанна, — всю свою любовь они уже отдали Чарли”.

Я оставил клинику Паттона с ощущением, что Дайанне Лейк в конце концов удалось избежать подобной участи.

9 июня в суде Мэнсон внезапно развернулся на стуле так, что оказался сидящим спиной к судье. “Этот Суд не выказал мне

уважения, — заявил Мэнсон, — так что я собираюсь ответить ему тем же”. Когда Мэнсон отказался повернуться к Суду, судья Олдер, после нескольких предупреждений, приказал приставам удалить его из зала. Мэнсона отвели в примыкавшую к залу судебных заседаний запирающуюся комнату, оборудованную системой громкоговорителей — чтобы он мог, по крайней мере, следить за ходом разбирательства.

Олдер несколько раз предоставлял Мэнсону возможность вернуться в зал суда с тем условием, чтобы тот вел себя достойно, но Мэнсон отклонил все его предложения.

Мы не собирались сдаваться и продолжали пытаться отстранить от ведения дела Ирвинга Канарека. 10 июня я подал заявление на проведение слушания по факту замены Хьюза. Основная мысль: Мэнсон не имеет конституционного права на защиту при посредстве Канарека.

Право подсудимого пользоваться услугами юриста по собственному выбору не является, указывал я, неограниченным, неоспоримым, абсолютным правом. Это право предоставляется тем подсудимым, что надеются получить желательный для себя вердикт, смягчить приговор и т. п. Между тем из заявлений Мэнсона со всей очевидностью следует, что он выбрал своим адвокатом Канарека, стремясь вовсе не к этому — но для того лишь, чтобы исказить, расстроить и парализовать должное и уместное отправление правосудия. “Как нам кажется, он не может осуществлять свое право на услуги юриста по собственному выбору в подобной бесчестной манере”.

Канарек ответил, что был бы рад представить Суду стенограммы дел, в которых ему довелось участвовать, — чтобы Суд мог самостоятельно решить, использует ли он тактику затягивания процесса. Мне показалось, я видел, как при этих словах судья Олдер поморщился, — но я вовсе не уверен. Твердое спокойствие в лице Олдера редко менялось на какое-либо другое выражение; угадать, что именно он сейчас думает, всегда было крайне затруднительно.

Исследовав послужной список Канарека, я пришел к выводу, о котором не упомянул в своей продолжавшейся около часа речи. Невзирая на все попытки заморозить ход разбирательства, несвязные заявления, бессмысленные протесты и дикие, безответственные

выходки, Ирвинг Канарек частенько зарабатывал очки. Он заметил, например, что наш офис не пытался сместить никогда прежде не выступавшего в суде Рональда Хьюза под тем предлогом, что остановивший на нем свой выбор Мэнсон, фактически, стремится проиграть дело. И в заключение своего ответа Канарек весьма уместно предложил отклонить просьбу обвинения “на том основании, что в законе не имеется оснований для подобных просьб”.

В своем обращении к Суду я признал правоту Канарека, но заметил, что “сама сложившаяся ситуация буквально вопиет, призывая Суд занять новаторскую позицию”.

Судья Олдер не согласился со мной. Мое заявление на проведение слушания по вопросу о состоявшейся смене адвокатов осталось без удовлетворения.

Окружной прокурор Янгер опротестовал решение Олдера в Верховном суде штата, но оно осталось неизменным. Мы, как могли, старались сохранить казне несколько миллионов долларов, а всем участвующим в процессе — огромное количество времени и сил, но Суд решил иначе: Ирвинг Канарек останется адвокатом Мэнсона на процессе по делу об убийствах Тейт — Лабанка ровно столько, сколько это будет нужно Чарльзу Мэнсону.

“Если Ваша честь не уважает прав мистера Мэнсона, не следует уважать и мои права тоже”, — сказала Сьюзен Аткинс, поднимаясь с места и поворачиваясь спиной к Суду. Лесли Ван Хоутен и Патриция Кренвинкль последовали ее примеру. Когда Олдер предложил адвокатам защиты еще разок посоветоваться с подопечными, Фитцджеральд признал, что ничего путного у них не получится, “поскольку в данном деле контроль над действиями клиентов сведен к минимуму”. После нескольких предупреждений Олдер удалил девушек в одну из пустых комнат отдыха присяжных, где также были размещены громкоговорители.

По поводу всего этого у меня возникали самые смешанные чувства. Если девушки намерены и дальше “попугайничать” за Мэнсоном, повторяя все его выходки, у меня появятся дополнительные доказательства полноты его контроля над остальными подсудимыми. Их удаление из зала суда, впрочем, могло быть сочтено за судебную

ошибку во время рассмотрения апелляции; начинать весь процесс сызнова нам вовсе не хотелось.

В современной судебной практике (*Аллен против штата Иллинойс*) подсудимые могут быть удалены из зала суда в том случае, если их поведение мешает ходу процесса. Другой прецедент, однако, предполагал более тонкий момент. В деле с двадцатью двумя подсудимыми (*Народ против Замора*) столы для совещания были расставлены таким образом, что для адвокатов было крайне затруднительно общаться со своими клиентами на всем протяжении судебных заседаний, что привело к удовлетворению апелляции Верховным судом, который постановил: право на юридическую помощь подразумевает право на проведение консультаций между подсудимым и его адвокатом на протяжении всего процесса.

Я указал на это Олдеру, предложив наладить некое подобие телефонной связи между адвокатами и их удаленными из зала клиентами. Олдер счел это необязательным.

После полудня девушки выказали желание вернуться в зал суда. Говоря за всех трех, Патриция Кренвинкль объявила Олдеру: “Мы вполне можем присутствовать на этой потехе”.

Для Кренвинкль это и была сплошная потеха. Оставшись стоять, она повернулась к судье спиной. Аткинс и Ван Хоутен немедленно повторили ее действия. Олдер вновь удалил всех трех.

Сопровождая подсудимых к залу суда на следующий день, судья Олдер предупредил их, что неудачно избранное поведение в присутствии присяжных может сильно — и не в лучшую сторону

— повлиять на существо вердикта. “Поэтому я просил бы всех вас серьезно обдумывать свои поступки, поскольку, по моему личному мнению, вы наносите ими вред самим себе”. Вновь совершив попытку обрести статус собственного защитника, Мэнсон объявил: “О’кей, вы не оставляете мне ничего другого. Можете убить меня прямо сейчас”.

Все еще стоя, Мэнсон склонил голову и развел руки, принимая позу распятого на кресте, которую быстренько скопировали и девушки. Когда помощники шерифа попытались усадить их силой, все подсудимые оказали сопротивление, и в пылу схватки Мэнсон оказался на полу. Двум помощникам шерифа пришлось на руках вынести его в отдельное помещение, тогда как офицеры-женщины увели девушек.

Канарек: “Я просил бы оказать медицинскую помощь мистеру Мэнсону, Ваша честь”.

Судья: “Я попрошу пристава проверить, нуждается ли мистер Мэнсон в такой помощи. Если да, он ее получит”.

Чарли не нуждался в помощи. Едва оказавшись в закрытом помещении, подальше от глаз публики и репортеров, Мэнсон превращался в совершенно иного человека. Он надевал новую личину — маску смиренного заключенного. Проведя более половины жизни в колониях и тюрьмах, он отлично выучил эту роль. Прекрасно “адаптируясь”, он играл по правилам, лишь крайне редко вызывая нарекания собственно в тюрьме.

После полудня мы получили пару прекрасных примеров тому, каков Ирвинг Канарек в действии. Опротестовывая “обыск-и-арест”, он заявил, что арест Мэнсона произведен нелегально, поскольку “мистер Кабаллеро и мистер Буглиози состояли в заговоре, понуждая мисс Аткинс сделать определенные заявления”, так что “Офис окружного прокурора, фактически, склонил ее к лжесвидетельству”.

Каким забавным ни могло это показаться, склонение к лжесвидетельству — чрезвычайно серьезное обвинение, и мне пришлось отвечать Канареку, учитывая присутствие в зале суда представителей прессы.

Буглиози: “Ваша честь, если с мистером Канарekom случился приступ словесного поноса, нам следует выслушать его доводы, вкупе с доказательствами, в кулуарах. Этот человек совершенно безответственен. Я настоятельно призываю Суд перейти в кулуары. Один бог знает, что именно этот человек собирается сказать дальше”.

Судья: “Переходите к существу вашего протеста, мистер Канарек”.

Существо протеста, когда наконец Канарек смог к нему вернуться, заставило вытаращить глаза даже других адвокатов защиты. Канарек заявил, что, поскольку “ордер на арест подсудимого Мэнсона был основан на ложных и полученных сомнительным путем показаниях, задержание индивидуума, являющегося мистером Мэнсоном, произведено незаконно. Мистер Мэнсон как индивидуум, таким образом, должен быть незамедлительно исключен из вещественных доказательств по делу”.

Я все еще пытался понять, как вообще возможно исключить индивидуума из вещественных доказательств, когда Канарек внес необходимые разъяснения: он просил, чтобы “вещественное доказательство, о котором идет речь, составляющее физическое тело мистера Мэнсона” перестало “находиться в распоряжении Суда и использоваться как таковое”. Надо полагать, по завернутой логике Канарека получалось, что свидетелям не следовало даже позволять смотреть на Мэнсона. Значит, они не могли бы опознать его как такового!

Олдер отклонил протест.

В тот же день Канарек показал нам еще одну свою черту — исполненное подозрительности недоверие, временами граничащее с настоящей паранойей. Обвинение заявило Суду, что в ходе процесса мы не станем пользоваться показаниями, данными Сьюзен Аткинс перед большим жюри. Любой счел бы, что адвокат Мэн-сона не должен испытать от такого известия ничего, кроме радости, — в своих показаниях Сьюзен объявила Чарльза Мэнсона человеком, по чьему приказу были совершены убийства. Но Канарек, с внезапно обретенной осторожностью, заявил, что, если мы не намерены использовать эти показания, это может значить лишь одно: “В показаниях Аткинс должен крыться какой-то подвох”.

Олдер завершил заседание, объявив перерыв на выходные. Предварительные слушания завершились. Суд начнется в следующий понедельник, 15 июня 1970 года.

Часть 6

ПРОЦЕСС

Если б повесть, что разворачивается перед вами, не была столь ужасна, отдельные моменты ее показались бы трогательными.

Джин Стаффорд

15 июня — 23 июля 1970 года

Зал судебных заседаний судьи (Элдера, комната 104, расположен на восьмом этаже Дворца юстиции. Когда первая группа из шестидесяти кандидатов в присяжные была препровождена в запруженный народом зал, скука на их лицах сменилась любопытством. Лишь тогда, когда взгляды кандидатов обратились к местам подсудимых, челюсти их отвисли во внезапном осознании.

Один мужчина ахнул, достаточно громко, чтобы его услышали все кругом: “Боже мой, это же суд над Мэнсоном!”

Главной темой для обсуждения в кулуарах была изоляция присяжных от постороннего влияния — секвестр. Судья Олдер постановил, что сразу после окончания отбора присяжных им придется провести взаперти весь период до окончания суда — “чтобы уберечь их от дополнительных тревог и снять возможность влияния на них публикаций о процессе в печати”. Уже были улажены все организационные вопросы по поводу выделения присяжным целого этажа в гостинице “Амбассадор”. По выходным присяжных смогут навещать их супруги (за собственный счет), но приставы предпримут все необходимые меры предосторожности, чтобы оградить присяжных от проникновения в гостиницу посторонних и от любых новостей, имеющих касательство к делу. Никто не знал точно, сколько времени может занять процесс — назывались периоды три — шесть месяцев и

больше, — но, очевидно, для отобранных присяжных он должен был стать серьезным испытанием.

Стовитц: “Ваша честь приговаривали некоторых преступников менее чем к трем месяцам тюрьмы — не сочтите мои слова за шутку”.

Судья: “Вне всяких сомнений”.

Фитцджеральд: “Тюрьмы, а не “Амбассадора”.

Хотя у всех адвокатов имелись свои сомнения по поводу секвестрации, лишь один прямо выступил против: Ирвинг Канарек. Поскольку Канарек кричал больше всех по поводу враждебных публикаций и высказываний в прессе о своем клиенте, я сделал вывод, что за этим его протестом стоит скорее не сам Канарек, а Мэнсон. И у меня имелось собственное мнение насчет того, почему Чарли не желает ограничения свободы присяжных.

Ходили слухи, что сам судья Олдер уже получал письма с угрозами. Секретная записка, посланная им шерифу и касавшаяся мер безопасности в зале суда, заканчивалась следующим параграфом:

“Шериф должен предоставить судье по данному процессу шофера-телохранителя, а по месту жительства судьи необходимо выставить охрану на 24-часовой основе вплоть до окончания самого процесса и всех официальных действий по его окончании”.

Двенадцать имен указал жребий. Когда кандидаты в присяжные уселись на свои места, Олдер объявил им, что секвестр может продлиться “до шести месяцев”. После вопроса, не считает ли кто-нибудь из них подобное неудобство чрезмерным, восемь человек из двенадцати подняли руки^[163].

Вообразив себе массовый исход кандидатов из зала суда, Олдер повел себя весьма жестко, когда дело дошло до рассмотрения причин отказа. Так или иначе, всякий, кто заявил, что ни при каких обстоятельствах не сможет подать свой голос за вынесение подсудимому смертного приговора, был автоматически исключен из списков, так же как и всякий, кто читал опубликованное признание Сьюзен Аткинс. Подход к этой теме обычно бывал осторожен, и у кандидата в присяжные спрашивали что-то вроде: “Приходилось ли вам читать материалы, в которых кто-либо из подсудимых делал любые изобличающие заявления или признания?”, на что зачастую следовал ответ типа: “Ну да, ту штуку в “Таймс”. Опрос кандидатов в связи с этим и другими моментами, касавшимися досудебных публикаций в

прессе, проходил индивидуально и в кулуарах — во избежание вынесения “вотума недоверия” всей группе.

После того как Олдер закончил первичный опрос кандидатов, к индивидуальным *voir dire* (собеседованиям) приступили адвокаты. В первом из них, Фитцджеральде, я разочаровался. Его *voir dire* изобиловал отступлениями от сути и часто выдавал явную необдуманность. Так, вопрос: “Не становились ли вы сами или члены вашей семьи жертвами убийства?” — задавался Фитцджеральдом не один раз, но дважды, — лишь тогда кто-то из юристов защиты, подозвав его, заметил, что, будь кандидат жертвой убийства, от него не было бы толку в составе присяжных.

Рейнер подготовился куда лучше. Было очевидно, что он по мере сил старается отделить свою клиентку, Лесли Ван Хоутен, от других подсудимых. Было не менее очевидно, что, делая это, он вызывает на себя нешуточный гнев Мэнсона: Канарек опротестовывал задаваемые Рейнером вопросы едва ли не чаще стороны обвинения.

Шинь задал первому кандидату в присяжные всего одиннадцать вопросов, семь из которых Олдер счел неуместными. Весь его *voir dire*, включая протесты и споры, занял всего-навсего тринадцать страниц стенограммы.

Канарек начал с того, что зачитал ряд вопросов, очевидно, сочиненных Мэнсоном. Очевидно, это не удовлетворило Чарли, который спросил у Олдера, может ли он задать будущим присяжным “несколько простых, крошечных, детских вопросиков, которые я считаю единственно реальными для той реальности, в которой нахожусь”. Не получив такого разрешения, Мэнсон дал Канареку следующую инструкцию: “Больше ты не скажешь ни слова”.

Мэнсон утверждает, позднее сообщил Канарек суду, что его уже сочли виновным; таким образом, он не видит смысла опрашивать присяжных — для исхода дела не важно, кто именно будет избран.

К моему изумлению, обычно столь независимый Канарек в итоге последовал распоряжению Мэнсона и отказался от дальнейшего собеседования с кандидатами.

Во время *voir dire* юристы не могут “давать советы” присяжным, но всякий юрист, который не даром ест свой хлеб, попытается перетянуть присяжного на свою сторону. Например, Рейнер спрашивал:

“Читали ли вы в прессе, слышали ли по телевидению что-нибудь, что описывало бы “гипнотическую власть”, которой обладает Чарльз Мэнсон над остальными подсудимыми?” Очевидно, Рейнер был не столько заинтересован в ответе, сколько надеялся заронить в сознание присяжных эту мысль. Тем же манером проходя по тонкой линии между вопросом и советом, я сам спрашивал у каждого кандидата: “Понимаете ли вы, что *Народ* имеет задачу доказать вину подсудимого за рамками *разумного* сомнения? Мы не обязаны приводить *абсолютные* доказательства виновности — лишь те, что не оставят *разумных* сомнений, вы понимаете это?”

В начале Олдер не разрешал адвокатам разъяснять кандидатам в присяжные те или иные положения права. Я провел с ним немало горячих дискуссий на этот предмет, прежде чем он позволил нам обсуждать с кандидатами подобные вопросы в самых общих терминах. То была, как я это расценил, важная победа. Например, мне не хотелось довести процесс до самого конца, чтобы потом кто-то из присяжных решил: “Нельзя же осудить Мэнсона за пять убийств на Сиэло, потому что его там не было. Он сидел дома, на ранчо Спана”.

Самой сутью наших доводов в пользу виновности Мэнсона была концепция “ответственности без вины за действия другого”, применяемая в делах о сообщничестве: каждый из подсудимых несет ответственность за все преступления, совершенные его сообщниками ради достижения цели преступного сговора. Это правило применяется даже в том случае, если тот или иной сообщник отсутствовал на месте преступления. Вот простейший пример: лица А, В и С решают ограбить банк. А планирует ограбление, В и С исполняют задуманное. По закону А несет ту же ответственность, что и В с С, пусть он даже не входил в банк, объяснял я присяжным.

С точки зрения обвинения особенно важно, чтобы каждый присяжный разбирался в таких ключевых понятиях права, как разумное сомнение, сообщничество, мотив, прямые и косвенные улики, доли ответственности соучастников преступления.

Мы надеялись, что судья Олдер не объявит Линду Касабьян соучастницей подсудимых. Но, надо сказать, мы почти были уверены, что это произойдет^[164] — и в таком случае защита могла многое выиграть на том факте, что подсудимые не могут быть признаны виновными ни в каком преступлении на основании ничем не

подкрепленных показаний собственного сообщника. Изучив прецеденты, я нашел дело *Народ против Уэйна*, слушавшееся в Верховном суде Калифорнии, в котором Суд постановил: лишь “незначительное” подтверждение требуется, чтобы подкрепить показания свидетеля. Когда я представил Олдеру эти материалы, он разрешил мне пользоваться словом “незначительное” в опросе кандидатов. Это я также считал большим достижением.

Хотя Олдер успел увериться, что каждый из кандидатов в присяжные может, в случае представления необходимых доказательств вины, голосовать за вердикт, предусматривающий применение смертной казни, я зашел еще дальше, спросив каждого, может ли этот человек представить себе обстоятельства, при которых он сочтет нужным голосовать за подобный вердикт в отношении: 1) молодого человека, 2) женщины или 3) обвиняемого, который никого не убивал своими руками? Ясно, что мне хотелось убрать из числа присяжных всех, кто отвечал на любой из этих вопросов негативно.

В ходе отбора присяжных ни сам Мэнсон, ни девушки не чинили Суду никаких препятствий. Впрочем, в кулуарах, во время индивидуального *voir dire*, Мэнсон часто не сводил пристального взгляда с судьи Олдера буквально часами кряду. Я мог лишь предполагать, что свою невероятную концентрацию Чарли выработал еще в тюрьме. Олдер же полностью игнорировал его.

Однажды Мэнсон решил попробовать то же и на мне самом. Я отвечал таким же упорным взглядом, пока у Чарли не задрожали пальцы. Во время перерыва я подкатил поближе к нему свое кресло и спросил: “Что же ты так трясешься, Чарли? Неужели испугался меня?”

“Буглиози, — отвечал он, — ты считаешь меня скверным парнем, а я не так уж и плох”.

“Я вовсе не считаю тебя насквозь испорченным, Чарли. Например, как я понимаю, ты любишь животных”.

“Значит, ты должен понимать, что я никому не причинил бы вреда”, — сказал он.

“Гитлер тоже любил животных, Чарли. У него был пес по имени Снежок, и, судя по прочитанным мною книгам, Адольф души в Снежке не чаял”.

Как правило, обвинитель не обмолвится с подсудимым и парой слов на протяжении всего суда. Но Мэнсон не был обыкновенным подсудимым и в придачу любил поболтать. В тот первый из множества странных, часто весьма откровенных разговоров со мной Мэнсон поинтересовался, с чего я взял, будто именно он стоит за всеми этими убийствами? “Потому что и Линда, и Сэди назвали тебя зачинщиком, — отвечал я. — Видишь ли, Чарли, я не очень-то нравлюсь Сэди, а тебя она считает Иисусом во плоти. Так с чего она рассказывала бы мне, если б это не было правдой?”

“Сэди просто глупенькая сучка, — сказал Мэнсон. — Знаешь, я занимался с ней сексом всего два или три раза. После того как Сэди родила ребенка и потеряла былую форму, я и смотреть-то на нее не хотел. Вот почему она наврала с три короба — чтобы привлечь мое внимание. Лично я никому не причинил бы зла”.

“Не вешай мне лапшу на уши, Чарли, я не настолько глуп! Как насчет Толстозада? Ты всадил пулю ему в брюхо”.

“Ну да, я пристрелил подонка, — признал Мэнсон. — Он собирался явиться на ранчо Спана и перебить всех нас. Это была вроде как самозащита”.

Мэнсон достаточно поднатаскался в юриспруденции, пока сидел на казенных харчах, чтобы понимать: я не смогу использовать ничего из того, что он мне скажет, если сначала не сообщу ему о его конституционных правах. И все же это признание, как и многие другие позднее, застало меня врасплох. У Мэнсона имелось своеобразное представление о честности. Оно допускало неискренность и увертки, Мэнсон никогда не говорил всей правды напрямую — но он все же был честен, хоть и очень по-своему. Всякий раз, когда мне удавалось припереть его к стенке, он мог уклониться или замолчать, но ни разу (ни в том первом разговоре, ни в последующих) не отрицал прямо, что именно он приказал совершить те убийства.

Невиновный человек вопиет о своей невинности. Вместо этого Мэнсон предпочитал играть словами. Если он встанет в суде и попробует этот свой трюк на присяжных, те увидят его насквозь — так мне казалось.

Захочет ли Мэнсон говорить? Общее мнение гласило, что его чудовищное эго заодно с возможностью превратить свидетельскую кафедру в трибуну для распространения своей философии обязательно

подтолкнут Мэнсона дать показания. Но — хоть я и провел множество часов, готовясь к перекрестному допросу Чарли, — никто кроме самого Мэнсона не знал наверняка, что именно он предпримет.

Ближе к концу перерыва я сказал ему: “Мне понравилась наша беседа, Чарли, но она вышла бы куда занимательней, если бы ты занял свидетельское место. Существует множество вещей, о которых мне хотелось бы узнать”.

“Например?”

“Например, — отвечал я, — откуда именно — из “Терминал Айленда”, из Хейт-Эшбери, с ранчо Спана — ты мог вынести эту безумную мысль, что другие не хотят жить?”

Чарли не ответил. Но затем на его лице появилась улыбка. Ему бросили вызов, и он понимал это. Решится ли он принять вызов, покажет лишь время.

Храня молчание в зале суда, Мэнсон вовсе не бездействовал за кулисами наших заседаний.

24 июня Патриция Кренвинкль прервала ведшего *voir dire* Фитцджеральда, чтобы заявить: она более не желает видеть его в качестве своего адвоката. “Я говорила с ним о том, как именно мне хотелось бы проводить этот опрос, а он не делает того, что ему говорят, — заявила Кренвинкль Суду. — Он должен говорить за меня, а не за себя...” Олдер отклонил просьбу.

Позднее адвокаты защиты провели совещание со своими клиентами. Фитцджеральд, оставивший ради Патриции пост общественного защитника, вышел к нам чуть ли не со слезами на глазах. Я сильно расстроился по этому поводу и, обняв его за плечи, сказал ему: “Пол, тебя это не должно волновать. Она наверняка оставит тебя своим адвокатом. А если и нет — что с того? Ведь это всего лишь кучка убийц”.

“Они настоящие дикари, неблагодарные дикари, — с горечью сказал мне Фитцджеральд. — Хранят верность одному только Мэнсону”.

Фитцджеральд не рассказывал мне о произошедшем во время конфиденциальной встречи защитников с подсудимыми — но догадаться было не сложно. Либо напрямую, либо через кого-то из девиц Мэнсон, вероятно, объявил адвокатам: “Делайте, как вам сказано,

или убирайтесь”. Фитцджеральд и Рейнер признались репортеру “Лос-Анджелес таймс” Джону Кенделлу, что все защитники получили инструкции “помалкивать” и не задавать вопросов кандидатам в присяжные.

Когда на следующий день Рейнер не подчинился приказу и продолжил свой *voir dire*, Лесли Ван Хоутен попробовала отказаться от его услуг, почти слово в слово повторив все, сказанное Кренвинкль. Олдер отклонил и ее просьбу.

Намек на то, через что пришлось пройти Рейнеру, можно уловить в некоторых из его вопросов. Например, у одного из кандидатов в присяжные он спросил: “Даже если вам покажется, что Лесли Ван Хоутен желает в любом случае разделить судьбу остальных подсудимых, сможете ли вы и тогда оправдать ее — в случае, если вина Лесли не будет неопровержимо доказана?”

14 июля защита и обвинение пришли к единому мнению относительно присяжных. Двенадцать человек принесли присягу. Избранными оказались семеро мужчин и пятеро женщин, в возрасте от двадцати пяти до семидесяти трех лет. Род занятий этих двенадцати варьировался от специалиста по электронике до владельца похоронного бюро^[165].

Состав присяжных оказался крайне смешанным, и ни одна из сторон не получила желаемого в точности.

Обыкновенно защита почти автоматически выражает недоверие всем кандидатам, хоть как-то связанным с поддержанием законности и порядка. И все же Алва Доусон, старейший член присяжных, шестнадцать лет проработал помощником шерифа в ОШЛА, тогда как Уолтер Витцелио двадцать лет охранял завод и имел брата, до сих пор работающего помощником шерифа.

С другой стороны, у Хермана Тубика, владельца похоронного бюро, и у миссис Джин Роузленд, секретаря в TWA^[166], имелись дочери в той же возрастной группе, что и три подсудимых девушки.

Изучая лица этих людей во время присяги, я решил, что большинство были довольны тем, что оказались в числе отобранных. В конце концов, им предстояло участвовать в одном из наиболее громких процессов в истории.

Олдер быстро вернул их с небес на землю. Наш судья объявил присяжным, что те должны явиться в суд на следующее утро, имея при себе чемоданы с одеждой и личными вещами, поскольку, начиная с этого момента, им предстоит подвергнуться секвестру.

Оставалось лишь выбрать альтернативных, то есть “запасных” присяжных. Приняв во внимание предполагаемую продолжительность процесса, Олдер решил выбрать шестерых — необычайно много. И вновь мы прошли через всю процедуру *voir dire*. Но уже без участия Айры Рейнера. 17 июля Лесли Ван Хоутен направила Суду официальную просьбу сложить с Рейнера полномочия ее защитника и назначить вместо него Рональда Хьюза.

Опросив Хьюза, Мэнсона и Ван Хоутен о возможном возникновении конфликта интересов, судья Олдер согласился на замену. Рейнер был выставлен, не услышав даже “спасибо” после тех восьми месяцев, что он посвятил делу. Адвокатом Лесли Ван Хоутен был назначен бывший защитник Мэнсона, “адвокат-хиппи” Рональд Хьюз с его бородищей в стиле Санта-Клауса и костюмами от Уолтера Слезака.

Айра Рейнер получил отставку по одной лишь причине: он старался по возможности лучше представлять интересы своего клиента. И при этом верно рассудил, что клиент его — не Чарльз Мэнсон, а Лесли Ван Хоутен.

По губам Мэнсона блуждала слабая, но ясно различимая улыбка. Повод был неплох: ему удалось собрать сплоченную команду защиты. Хотя номинально руководство адвокатами осталось за Фитцджеральдом, каждому было ясно, кто на самом деле расставляет фигуры на доске.

21 июля шестеро альтернативных присяжных принесли присягу и также подверглись секвестру^[167]. Отбор присяжных занял пять недель, на протяжении которых были опрошены 205 человек и заполнены почти четыре с половиной тысячи страниц стенограммы.

Те пять недель были изматывающими. Я несколько раз схватывался с Олдером, Рейнер — и того чаще. Четверым адвокатам Олдер выносил предупреждения, одного оштрафовал.

Трое были уличены в нарушении приказа об ограничении гласности: Аарон Стовитц получил свое предупреждение за интервью,

данное им журналу “Роллинг стоун”; Пол Фитцджеральд и Айра Рейнер — за их замечания, цитировавшиеся в публикации “Лос-Анджелес тайме” под заголовком “ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ В УБИЙСТВАХ ТЕЙТ И ОСТАЛЬНЫХ ПЫТАЮТСЯ ЗАСТАВИТЬ ЗАМОЛЧАТЬ АДВОКАТОВ”. В итоге Олдер снял предупреждения со всех троих, но Ирвингу Канареку не повезло. 8 июля он опоздал на заседание суда на семь минут. У него была на то веская причина — найти место для парковки во время открытия судебных сессий не так-то просто, — но Олдер, ранее предупреждавший Канарека за опоздание всего на три минуты, не выказал сочувствия. Он заключил, что Канарек проявил неуважение к Суду, и оштрафовал беднягу на семьдесят пять долларов.

Пока мы занимались отбором присяжных, двое из подчинявшихся Мэнсону убийц оказались на свободе.

Мэри Бруннер было заново предъявлено обвинение в убийстве Хинмана, но ее адвокаты тут же опротестовали решение о передаче дела в суд. Посчитав, что Мэри выполнила условия заключенного ранее соглашения, судья Кэтлин Паркер удовлетворила протест, и Бруннер была отпущена.

В то же время Клем (н/и Стив Гроган) признал себя виновным в пособничестве угонам автомобилей; это обвинение тянулось за ним еще с рейда на ранчо Баркера. Судья Стерри Фэган слушал дело Клема в Ван-Нуйсе. Ему был известен длинный список прошлых преступлений Клема. Более того, отдел условных наказаний, обычно настроенный весьма мягко, рекомендовал в данном случае приговорить Грогана к годичному заключению в окружной тюрьме. Аарон также сообщил судье, что Клем чрезвычайно опасен и что он не только присутствовал в машине в ночь убийства четы Лабианка, но и, по имеющимся у нас сведениям, собственноручно обезглавил Коротышку Шиа. Невероятно, но судья Фэган назначил Клему условный срок!

Узнав о том, что Клем вернулся в “Семью”, обитавшую на ранчо Спана, я связался с офицером, наблюдавшим за исполнением Клемом условий освобождения, и попросил подать рапорт о нарушении этих условий. Поводов было более чем достаточно. Условное освобождение подразумевало, что Клем поселится в доме родителей; найдет себе работу и будет выполнять ее; не будет принимать наркотики или

приобретать их; не будет встречаться с известными властям наркоманами. Тем не менее в нескольких случаях его видели (и даже запечатлели на фото) с ножом и пистолетом в руках.

Офицер-надзиратель воздержался от действий. Позднее он признается в ДПЛА, что попросту боялся Клема.

Хотя Брюс Дэвис “лег на дно”, большинство других участников “Семьи”, ее бывшего ядра, искать не приходилось. Где-то с десяток-полтора человек, включая Клема и Мэри, постоянно шатались по коридорам Дворца юстиции и сидели на ступеньках у входа, откуда бросали холодные, осуждающие взгляды на прибывавших в суд свидетелей обвинения.

Проблему их присутствия в зале суда (заботившую нас с того момента, как при Сэнди был найден нож) решил Аарон. Вероятные свидетели не могут присутствовать при даче показаний другими свидетелями, так что Аарон просто внес имена всех известных нам членов “Семьи” в список свидетелей обвинения — действие, вызвавшее настоящий фурор протестов у защиты, но позволившее всем нам вздохнуть чуточку свободнее.

24–26 июля 1970 года

СЕГОДНЯ СУД ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ШАРОН ТЕЙТ
ПРОВОДИТ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ОБВИНЕНИЕ НАМЕРЕНО ПРЕДСТАВИТЬ "НЕОБЫЧНЫЙ МОТИВ"
В КАЧЕСТВЕ ПЕРВОГО СВИДЕТЕЛЯ МОЖЕТ ВЫСТУПИТЬ ОТЕЦ ШАРОН

Многие из желавших получить место в суде и увидеть Мэнсона хоть краем глаза ожидали этой возможности с шести часов утра. Когда Чарли ввели в зал суда, некоторые в голос ахнули: на его лице красовался кровавый крест — “Х”. Прошедшей ночью Чарли, раздобыв острый предмет, вырезал на своем лбу этот знак.

Объяснение не заставило себя ждать. Собравшиеся снаружи последователи Мэнсона раздавали отпечатанное на машинке заявление, подписанное его именем:

“Я Х-ключил себя из вашего мира... Вы создали монстра. Я не принадлежу вам, я явился не из вашей среды и не разделяю вашего неправого отношения к вещам, животным и людям, которых вы даже не

стараетесь понять... Я отрекаюсь от всего, что вы делаете и делали в прошлом... Вы сделали из Господа забаву и уничтожили весь мир во имя Иисуса Христа... Моя вера в себя сильнее всех ваших армий, правительств, газовых камер и всего, что вы можете захотеть сделать со мной. Я знаю, что содеял. Этот ваш суд — лишь людские игры. Да будет Любовь мне судьей...

Судья: *“Народ против Чарльза Мэнсона, Сьюзен Аткинс, Патриции Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен.* Присутствуют все стороны, их адвокаты и присяжные... Желает ли *Народ* произнести вступительное слово?”

Буглиози: “Да, Ваша несть”.

Я начал вступительное слово *Народа* — в нем обвинение представляет улики, которые намерено использовать на суде, — собрав воедино предъявленные обвинения, поименовав подсудимых и (после описания случившегося в ночь на 9 августа 1969 года в доме 10050 по Сизло-драйв и следующей ночью — в доме 3301 по Вейверли-драйв) назвав жертвы.

“Вопросы, которые вы, дамы и господа, вероятно, зададите себе в определенный момент этого суда и на которые, как мы ожидаем, вам ответят собранные нами улики, гласят: “Что за дьявольское сознание надо иметь, чтобы замыслить эти семь убийств? Кто может захотеть жестокой смерти семерых людей?”

Как мы ожидаем, улики, представленные на этом суде, ответят на этот вопрос и покажут, что упомянутое дьявольское сознание принадлежит подсудимому Чарльзу Мэнсону. Тому самому, кто, как покажут улики, временами выказывал безграничное смирение, называя себя Иисусом Христом.

Улики, которые будут приведены в ходе этого суда, покажут подсудимого Мэнсона праздношатающимся бродягой, разочаровавшимся исполнителем песен собственного сочинения, псевдофилософом — но прежде всего прочего улики подведут вас к выводу, что Чарльз Мэнсон — не кто иной, как убийца, хитроумно скрывавший свою личину под ставшей общим стереотипом маской мирлобивого хиппи...

Улики покажут, что Чарльз Мэнсон страдает манией величия, и неутолимая жажда власти сплелась в нем в один клубок с ярко

выраженной одержимостью насильственной смертью”.

Улики покажут, продолжал я, что Мэнсон был непререкаемым лидером и повелителем кочевой группы бродяг, назвавших себя “Семьей”. Кратко проследив историю и образование группы, я заметил: “Мы предвидим, что мистер Мэнсон заявит в свою защиту, будто у “Семьи” вообще не было никакого лидера и что он сам никогда и никому не приказывал делать что бы то ни было, не говоря уже о совершении ради него этих убийств”.

Канарек: “Ваша честь, он произносит наше вступительное слово!”

Судья: “Отклонено. Можете продолжать, мистер Буглиози”.

Буглиози: “Таким образом, мы намерены представить на суде улики, которые покажут, что Чарльз Мэнсон фактически был диктатором “Семьи”; что каждый, попавший в “Семью”, одновременно попадал к нему в рабство; что члены “Семьи” беспрекословно выполняли все его приказы и распоряжения; что семь убийств Тейт — Лабианка были совершены ими по его указанию.

Доказательства полной власти мистера Мэнсона над “Семьей” будут приведены в качестве улик, косвенно подтверждающих, что именно он стоял за убийствами, совершенными в те две ночи”.

Основным свидетелем обвинения, объявил я присяжным, будет Линда Касабьян. Затем я вкратце описал общую суть ее показаний, перемежая ее рассказ собранными нами физическими доказательствами, которые мы надеялись привести: револьвер, веревка, одежда, бывшая на убийцах в ночь гибели Шарон Тейт, и и т. д.

Теперь мы подошли к вопросу, который после убийств задавал себе каждый: “Зачем?”

Обвинение не обязано предъявить имевшийся у преступников мотив и доказать его, заявил я присяжным. Нам не нужно давать даже и намек на мотив, не нужно представлять улики, говорящие о его существовании. Впрочем, когда у обвинения появляются такие улики, мы непременно представляем их в суде — поскольку наличие мотива для совершения убийства у конкретного лица косвенно подтверждает, что убийство совершено именно этим человеком. “В этом зале мы *представим* свидетельства о мотивах Чарльза Мэнсона, приказавшего убить семерых человек”.

Если Мэнсон и защита в целом ожидали услышать слово “кража”, они ждали напрасно. Вместо этого на них обрушились собственные

верования Мэнсона.

“Мы считаем, что мотивов было несколько, — сказал я присяжным. — Кроме страсти Мэнсона к насильственной смерти и экстремистской направленности его взглядов как проповедника философии антиистеблишмента, свидетельства, которые прозвучат в этом зале, укажут на еще один мотив убийств — возможно, столь же чудовищный или даже более чудовищный, чем сами убийства.

Если кратко, то мы представим свидетельства фанатичной одержимости Мэнсона *Helter Skelter*; термин этот он почерпнул из творчества английской музыкальной группы “The Beatles”.

Мэнсон был ярым поклонником “The Beatles” и верил, что эти четверо музыкантов говорят с ним из-за океана при помощи текстов своих песен. Фактически, Мэнсон заявил своим последователям, что в этих текстах он нашел полную поддержку собственной философии...

Для Чарльза Мэнсона *Helter Skelter* — название одной из песен группы — означало восстание чернокожих людей и уничтожение всей белой расы; разумеется, за исключением самого Чарльза Мэнсона и избранных последователей, надеявшихся спастись от разгула *Helter Skelter*, спрятавшись в пустыне и живя в кладезе бездны — в месте, сведения о котором Мэнсон почерпнул в девятой главе “Откровения” последней книги Нового Завета...

Несколько свидетелей представят улики, которые покажут: Чарльз Мэнсон ненавидел чернокожих, но не менее сильно он ненавидел и белый истеблишмент — людей, которых он называл “свиньями”.

Слово “pig” было найдено написанным кровью с внешней стороны парадной двери дома Шарон Тейт. Слова “death to pigs”, “helter skelter” и “rise” были найдены написанными кровью в доме Лабианка.

Одним из имевшихся у Мэнсона принципиальных мотивов для этих семи жестоких убийств, как покажут улики, было начать *Helter Skelter*; другими словами, развязать войну черных с белыми — семь убийств преуспевающих белых должны были выглядеть как дело рук чернокожих революционеров. Извращенное сознание Мэнсона подсказывало ему, что эти преступления заставят белое сообщество восстать против черного, и это непременно приведет к гражданской войне по расовому признаку, войне черных и белых — войне, в ходе которой, как предсказывал Мэнсон своим последователям, улицы

каждого американского города превратятся в кровавую бойню; в этой войне, считал Мэнсон, чернокожие выйдут победителями.

Мэнсон воображал, что чернокожие, уничтожив белую расу, не сумеют справиться с рычагами власти из-за отсутствия необходимого опыта, и поэтому им придется передать бразды управления миром тем из белых, кто сумеет спастись от *Helter Skelter* — самому Чарльзу Мэнсону и его “Семье”.

В представлении Мэнсона, его “Семья” и он сам в первую очередь пожнут все плоды развязанной ими “черно-белой” гражданской войны.

Мы намерены представить здесь показания не одного, но множества свидетелей, которые расскажут об основных принципах философии Мэнсона, поскольку улики обрисуют ее настолько необычной и странной, что вы, вероятно, не поверили бы, услышав о ней из одних только уст”.

До сей поры я выделял фигуру одного лишь Мэнсона. Самым главным для нас было добиться осуждения Мэнсона: если бы были осуждены все остальные, но не он, это выглядело бы словно суд над нацистскими преступниками, в котором виновны оказались бы верные лакеи Гитлера, тогда как сам Адольф вышел бы на свободу. Таким образом, я подчеркнул, что именно Мэнсон отдал приказ убивать — хотя на самом деле убийства совершили подельники, готовые выполнить любую его прихоть.

В этом, конечно, скрывалась опасность. Я предоставлял адвокатам трех девушек готовую схему защиты. В той фазе суда, когда дело дойдет до назначения наказаний, они смогут заявить, что Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен находились под полным контролем со стороны Мэнсона, так что их вина отнюдь не настолько велика, и поэтому пожизненное заключение для них будет более справедливым наказанием, чем смертная казнь.

Предвидя задолго до этого этапа, что мне придется отстаивать противоположный взгляд на вину девушек, я заложил фундамент для этого в своем вступительном слове:

“Что же можно сказать о последователях Мэнсона, других подсудимых в данном деле — о Сьюзен Аткинс, Патриции Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен? Улики покажут, что они, действуя заодно с Тексом Уотсоном, своими руками убили семь человек.

Улики покажут также, что они с *готовностью* приняли участие в этих убийствах, что нам подтвердит их чрезмерная жестокость. Так, например, Розмари Лабианка получила сорок одну ножевую рану; Войтек Фрайковски — пятьдесят одну ножевую рану, два пулевых ранения и тринадцать сильнейших ударов по голове рукоятью револьвера. Улики расскажут о том, что убийство течет по самым жилам подсудимых, готовых действовать *даже на расстоянии* от Чарльза Мэнсона”.

Упомянув о признании, сделанном Сьюзен Аткинс перед Виржинией Грэхем и Ронни Ховард, об отпечатке пальца, привязавшем Патрицию Кренвинкль к месту преступления в доме Тейт, и об уликах, определяющих участие Лесли Ван Хоутен в убийстве четы Лабианка, я заметил: “Мы приведем в этом зале свидетельства тому, что Чарльз Мэнсон основал “Семью” в Сан-Франциско, в районе Хейт-Эшбери, в марте 1967 года. Распущена же она, фактически, была в октябре 1969 года на ранчо Баркера — в месте заброшенном и уединенном, в каменистом уголке вдали от цивилизации, прячущемся в тени окраин Долины Смерти. Между двумя этими датами семеро человек и восьмимесячный зародыш мужского пола в лоне Шарон Тейт приняли смерть от рук сидящих здесь членов “Семьи”.

Свидетельства и улики, которые мы представим на суде, покажут, что эти семь невероятных убийств стали, возможно, наиболее дикими, жестокими, кошмарными преступлениями в анналах современного права.

Мы с мистером Стовитцем намереваемся доказать не просто за пределами разумных сомнений (что и является нашей задачей), но за пределами *всяких* сомнений то, что подсудимые действительно совершили вменяемые им преступления, что именно эти люди несут вину за эти убийства; и в конце представления улик, в своем последнем слове, мы намерены просить вас вынести вердикт о виновности каждого из подсудимых в убийстве первой степени”.

Заметив, что процесс будет долгим и присяжным предстоит выслушать множество свидетелей по делу, я напомнил им старую китайскую поговорку: “Самые бледные чернила лучше, чем самая крепкая память”, посоветовав присяжным делать детальные заметки, которые помогут им в ходе прений.

Я закончил, заявив присяжным, что, по нашему убеждению, они, как и должно, сумеют дать и подсудимым, и *Народу* штата Калифорния суд справедливый и беспристрастный.

Канарек девять раз прерывал мое вступительное слово протестами, каждый из которых был отклонен Судом. Когда я закончил, он потребовал аннулировать все выступление целиком или объявить суд несостоявшимся. Олдер оставил без удовлетворения оба требования защиты. Представителям прессы Фитцджеральд назвал мои доводы “оскорбительными и клеветническими”, а выдвинутый мною мотив *Helter Skelter* — “воистину нелепой теорией”.

У меня же появилось сильное ощущение, что ко времени произнесения перед жюри своего заключительного слова Пол даже не станет ее оспаривать.

Защита выступает со своим вступительным словом уже после того, как обвинение закончит излагать свои доводы; поэтому *Народ* вызвал первого своего свидетеля, полковника Пола Тейта.

По-военному прямой и деловитый, отец Шарон занял свидетельское место и принес присягу. Ему было сорок шесть, но он выглядел моложе и носил хорошо ухоженную бородку. Прежде чем впустить в зал суда, его тщательно обыскиали: ходили слухи, что Пол Тейт поклялся убить Мэнсона. Даже после того как он окинул подсудимых быстрым взглядом и не выказал видимой реакции, приставы ни на минуту не спускали с него глаз все то время, что полковник оставался в зале.

Прямой допрос свидетеля не затянулся. Полковник Тейт описал их последнюю встречу с Шарон и опознал по фотографиям свою дочь, мисс Фольгер, Фрайковски, Себринга и дом 10050 по Сиэло-драйв.

Уилфред Парент, занявший место свидетеля вслед за полковником, не выдержал и разрыдался, когда ему показали фото его сына Стивена.

Винифред Чепмен, экономка Тейт, выступала следующей. Я детально опросил ее об обеих вымытых ею дверях; затем, желая обрисовать для присяжных хронологию событий, я довел ее рассказ до вечера 8 августа 1969 года, когда она покинула дом: позднее я рассчитывал вновь вызвать ее, чтобы она могла дать показания относительно того, что обнаружила на территории усадьбы на следующее утро.

На перекрестном допросе Фитцджеральд выявил, что она не упоминала о вымытой двери в спальне Шарон долгие месяцы спустя после убийств и что затем она поведала об этом не офицерам ДПЛА, а мне лично.

То было началом общей схемы. Опрашивая свидетелей не единственный раз, но многократно, я обнаружил много полезных сведений, ранее не дошедших до сведения полиции. Во множестве случаев я был единственным, кто вообще говорил со свидетелем. Идею первым заронил Фитцджеральд, но Канарек лелеял ее до того, пока (по крайней мере, в его собственном представлении) она не расцвела окончательно, обрисовав махровый заговор, которым заправлял Буглиози.

Канарек задал миссис Чепмен всего один вопрос, зато хороший. Видела ли она подсудимого Чарльза Мэнсона прежде, до появления в суде? Миссис Чепмен заявила, что видит его впервые.

Недавно женившийся и с большой неохотой расставшийся с молодой женой, Уильям Гарретсон прилетел в Лос-Анджелес из своего дома в Ланкастере, штат Огайо, куда вернулся сразу после освобождения из-под стражи. Отвечая на мои вопросы, бывший сторож усадьбы Тейт выглядел вполне искренним, хотя заметно нервничал. Позднее я намеревался вызвать офицеров Вайзенхан-та и Вольфера: первый подтвердил бы, что ручка громкости на стереоустановке Гарретсона была установлена на промежуток между отметками 4 и 5; второй описал бы проведенные им тесты на слышимость. Тем не менее я детально опросил Гарретсона касательно событий той ночи, и мне показалось, присяжные поверили ему, когда он заявил, что не слышал никаких выстрелов или криков.

Я спросил Гарретсона: “Громко ли вы слушали музыку?”

О.: “Примерно на половине громкости... Да нет, не очень громко”.

Это, как мне показалось, стало лучшим подтверждением правдивости показаний Гарретсона. Если бы он лгал о том, что ничего не слышал, тогда он наверняка бы солгал вновь, объявив, что музыка была громкой.

Большая часть вопросов, заданных ему Фитцджеральдом, касалась обстоятельств ареста Гарретсона и, по-видимому, жесткого обращения с ним полицейских. На другом этапе суда Фитцджеральд выскажет мнение, что Гарретсон вовлечен, по крайней мере, в некоторые из

убийств на Сизло-драйв. Поскольку ни намек на это не прозвучало во время проведенного им перекрестного допроса, я посчитал, что Пол просто отчаянно нуждается хоть в каком-нибудь козле отпущения.

Канарек вновь задал тот же вопрос. Нет, ранее он никогда не встречался с Мэнсоном, ответил ему Гарретсон.

Когда я говорил с Гарретсоном — прежде, чем он занял место свидетеля, — молодой человек рассказал мне, что ему до сих пор снятся кошмары о произошедшем. В те выходные, перед возвращением Гарретсона домой, Руди Альтобелли договорился о его новом визите в усадьбу, где тот застал тихую и спокойную обстановку. После этого, как позднее рассказал мне Гарретсон, кошмары прекратились.

К концу дня присяжные успели заслушать еще троих свидетелей: Фрэнка Гуэрреро, покрасившего детскую в ту пятницу, Тома Варгаса, садовника, рассказавшего о часах посещения усадьбы в тот день различными гостями и объяснившего, почему он сам расписался за доставку двух посылок, а также Денниса Харста, узнавшего по фотографии Себринга — то бишь мужчину, что вышел на стук, когда около восьми вечера в тот день Деннис доставил в усадьбу купленный Абигайль велосипед.

Таким образом, мы подготовили сцену для появления основного свидетеля обвинения — Линды Касабьян, которую я собирался вызвать первым делом утром в понедельник.

Выслушав мое вступительное слово, Мэнсон, должно быть, почуял запах жареного.

По окончании заседания тем вечером помощник шерифа, сержант Уильям Маупин, сопровождал Мэнсона из камеры на девятый этаж тюремного здания, когда (если цитировать составленный Маупином рапорт) “заключенный Мэнсон заметил нижеподписавшемуся, что оценивает собственную свободу в 100 тысяч долларов. Заключенный Мэнсон также говорил о том, как ему хотелось бы вернуться в пустыню, к той жизни, которую он вел до ареста. Заключенный Мэнсон заметил затем, что деньги не имеют для него значения, а также что некоторые люди связывались с ним, предлагая крупные денежные суммы. При этом заключенный Мэнсон упомянул, что офицер полиции, который отпустит заключенного, не имея на то полномочий, в случае поимки будет приговорен лишь к шести месяцам заключения”.

Рапорт о попытке предложить ему взятку Маупин подал своему начальнику, капитану Эллею, который, в свою очередь, проинформировал судью Олдера. Не предавая описанный в рапорте Маупина инцидент гласности, Олдер вручил копии рапорта сторонам защиты и обвинения уже на следующий день. Ознакомившись с ним, я призадумался: что же Мэнсон предпримет теперь?

За выходные Сьюзен Аткинс, Патриция Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен докрасна раскалили на горящих спичках английские булавки и выжгли на своих лбах “Х”-образные знаки, вслед за чем иглами расковыряли обожженную кожу, надеясь получить тем самым более заметные шрамы.

Эти “иксы” были первым, что увидели, входя в зал суда, присяжные утром в понедельник, — наглядное подтверждение тому, что, когда Мэнсон указывал путь, девушки следовали за ним.

Днем позднее Сэнди, Пищалка, Цыганка и большинство других членов “Семьи” сделали то же самое. Позднее это станет одним из принятых в “Семье” ритуалов — церемонией вступления в группу новых участников, дополненной слизыванием струек стекающей по лицу крови.

21 июля—3 августа 1970 года

Восемь помощников шерифа сопровождали Линду Касабьян из “Сибил Бранд” во Дворец юстиции через другой вход, перехитрив патрулировавшую подступы к зданию “Семью”. Впрочем, когда они достигли девятого этажа, в коридоре внезапно появилась Сандра Гуд, крикнувшая: *“Ты убьешь всех нас, ты убьешь всех нас!”* По словам присутствовавших при инциденте, Линда скорее огорчилась, чем была потрясена.

Я увидел Линду сразу после ее появления в суде. Адвокат Гари Флейшман купил для нее новое платье, но оно затерялось в тюремных коридорах, и теперь на Линде был тот же балахон, который она носила во время беременности. Мешковатый сарафан придавал ей даже более хиппистский облик, чем у подсудимых. После того как я объяснил судье Олдеру проблему, он занимался разбором других вопросов, пока новое платье не было найдено и привезено. Позднее тот же жест

вежливости был совершен и в отношении защиты, когда Сьюзен Аткинс потеряла бюстгальтер.

Буглиози: “*Народ* вызывает Линду Касабьян”.

Печальный, смиренный взгляд, которым она окинула Мэнсона и девушек, резко контрастировал с их открыто неприятельскими, враждебными взорами.

Секретарь: “Поднимите вашу правую ладонь, пожалуйста”.

Канарек: “Протестую, Ваша честь, на том основании, что свидетель безумен и не может выступать!”

Буглиози: “Минуточку! Ваша честь, я заявляю, что предыдущая реплика юридически бессмысленна, и прошу обвинить моего оппонента в неуважении к Суду за грубое нарушение процессуальных норм. То, что делает этот человек, просто неслыханно!”

К несчастью, слышать о подобном нам все же доводилось; именно этого мы и опасались с того самого момента, как Канарек был привлечен к делу. Приказав присяжным не учитывать замечание Канарека, Олдер подозвал к себе стороны. “Никаких сомнений быть не может, — сказал Олдер Канареку, — ваше поведение возмутительно...”

Буглиози: “Я знаю, что Суд не вправе заставить его молчать, но один Бог знает, что он способен выкинуть через минуту. Если б я сказал в суде что-нибудь подобное, то мой офис, наверное, отстранил бы меня от ведения дела и лишил бы права заниматься практикой...”

Выгораживая Канарека, Фитцджеральд объявил Суду, что защита намерена вызвать свидетеля, который покажет, что Линда Касабьян принимала ЛСД по крайней мере триста раз. Защита представит Суду, сказал он, доказательства того, что подобное употребление наркотика делает Касабьян невменяемой и не способной давать показания в суде.

Чем бы ни была подкреплена их позиция, сказал Олдер, юридические аспекты следует обсуждать либо у стола судьи, либо в кулуарах, но *никак не перед* присяжными. Что же до выкриков Канарека, то Олдер предупредил его: в случае повторения подобной выходки “я буду вынужден принять меры”.

Линда принесла присягу. Я спросил ее: “Линда, понимаете ли вы, что в настоящее время обвиняетесь по семи эпизодам убийства и по одному эпизоду участия в сговоре с целью убийства? О.: “Да”.

Канарек заявил протест и просил признать суд несостоявшимся. Отклонено. Прошло десять минут, прежде чем я смог перейти ко второму вопросу.

В.: “Линда, известно ли вам о соглашении, заключенном между Офисом окружного прокурора и вашими адвокатами о том, что в случае, если вы расскажете все, что вам известно об убийствах Тейт — Лабланка, Офис окружного прокурора обратится к Суду с просьбой предоставить вам полную неприкосновенность от судебного преследования и снять с вас все обвинения?”

О.: “Да, мне это известно”.

Канарек заявил протест сразу на четырех разных основаниях. Отклонено. Самостоятельно доведя до сведения присяжных факт наличия соглашения, мы вывели из строя одно из наиболее серьезных орудий защиты.

В.: “Не считая выгод, которые вы можете получить по условиям этого соглашения, существуют ли какие-то другие причины, по которым вы решили рассказать все, что знаете об этих семи убийствах?”

Новый поток протестов от Канарека, и Линда далеко не сразу смогла ответить: “Я верю в силу истины, и, как мне кажется, истина заслуживает того, чтобы быть услышанной”.

Канарек даже опротестовал мой обращенный к Линде вопрос о количестве имеющихся у нее детей. Чаще всего он пользовался “дробовиком”: “Вопрос наводящий и подсказывающий; нет оснований; подведение свидетеля к выводу и показания на основе слухов”, — надеясь, должно быть, что хотя бы одна из “дробин” достигнет цели. Часто основания его протестов были совершенно неуместны. Например, он опротестовывал мой вопрос как “подводящий к выводу”, когда речь совершенно не шла об оценках, или кричал: “Слухи!”, когда я просто спрашивал у Линды, что она делала дальше.

Поскольку я ожидал чего-то подобного, протесты Канарека не сильно меня беспокоили. Впрочем, прошло более часа, прежде чем Линда смогла описать свою первую встречу с Мэнсоном, вкратце рассказать о жизни на ранчо Спана и дать определение (под яростные протесты Канарека) тому, что она подразумевает под термином “Семья”.

О.: “Ну, мы жили все вместе, как одна семья, как обычные семьи живут вместе — мать, отец и дети, — но все мы были единое целое, а Чарли стоял во главе”.

Я приступил к опросу Линды по поводу различных приказаний, которые Мэнсон отдавал девушкам, когда судья Олдер, совершенно для меня неожиданно, начал удовлетворять протесты Канарека на основании того, что свидетель пересказывает услышанное от кого-то еще. Я попросил разрешения подойти к судейскому столу.

Как правило, люди считают, что давать показания с чужих слов нельзя. На самом же деле существует так много исключений из этого правила, что многие юристы говорят — закон должен гласить: “Показания с чужих слов приемлемы всегда, за этими несколькими исключениями”^[168]. Я обратился к Олдеру: “Я предвидел возникновение множества юридических проблем в этом деле и провел соответствующие исследования права — поскольку я вроде как исполняю роль адвоката дьявола, — но я в жизни не думал, что мне не удастся представить в суде примеры исполнения членами “Семьи” приказов Мэнсона”.

Олдер заявил, что удовлетворяет протесты защиты лишь потому, что не может припомнить исключения из правила о недопустимости дачи показаний с чужих слов, которое разрешило бы свидетелю приводить подобные высказывания.

То был критический момент. Если бы Олдер посчитал пересказ Линдой своих разговоров с членами “Семьи” недопустимым, рухнула бы вся структура распределения власти в группе — а вместе с ней и наше дело против Мэнсона.

Вскоре после этого продолжение слушаний было перенесено на завтра. Мы с Аароном и Джем Миллером Ливи сидели на работе за полночь, отыскивая значащие прецеденты. К счастью, нам удалось найти два дела (*Народ против Фратиано* и *Народ против Стивенса*), в которых Суд постановил, что существование сговора можно показать путем выявления отношений между отдельными лицами, включая и заявления, сделанные ими друг другу. Когда на следующее утро я представил Олдеру эти дела, он изменил решение и отклонил вчерашние протесты Канарека.

Соппротивление теперь явилось с абсолютно неожиданной стороны: от Аарона.

Линда уже успела показать, что Мэнсон приказывал девушкам заниматься любовью с гостями-мужчинами с целью их вовлечения в “Семью”, когда я спросил ее: “Линда, вам известно, что такое сексуальная оргия?”

Канарек немедленно выразил протест, как и Хьюз, выбравший для этого весьма оригинальные слова: “Мы здесь не для того, чтобы судить сексуальную сторону жизни этих людей. Мы разбираем ее убийственную сторону”.

Но громогласные протесты защиты, многие из которых Олдер удовлетворил, не были единственным препятствием; Аарон, наклонившись ко мне, сказал: “Может, пропустим эту часть? Ведь просто теряем время. Давай сразу перейдем к двум ночам убийств”.

“Послушай, Аарон, — шепотом ответил я, — я воюю с судьей, я воюю с Канарekom, но я не собираюсь еще и с тобой воевать. У меня хватает других проблем. Это важно, и я собираюсь услышать эти показания”.

Как в итоге рассказала Линда — между протестами Канарека, — именно Мэнсон решал, когда произойдет очередная оргия; Мэнсон решал, кто будет, а кто не будет участвовать; и Мэнсон распределял заготовленные для каждого роли. С начала и до конца он был дирижером, управлявшим всей сценой.

То, что Мэнсон контролировал даже этот, самый интимный и личный аспект жизни своих последователей, стало чрезвычайно сильным свидетельством безграничности его власти в “Семье”.

Более того, среди двадцати с чем-то человек, принявших участие в какой-то определенной оргии, Линда вспомнила Чарльза “Текса” Уотсона, Сьюзен Аткинс, Лесли Ван Хоутен и Патрицию Кренвинкль.

Описание сексуальных актов не было детальным, а я воздержался от опроса Линды по поводу других подобных “групповых действий”. Как только суть власти Мэнсона над остальными была очерчена в достаточной мере, я перешел к другим вопросам, касавшимся *Helter Skelter*, межрасовой войны, вере Мэнсона в то, что “The Beatles” общаются с ним при помощи тестов своих песен, и к его заявлению, сделанному поздним вечером 8 августа 1969 года: “Время для *Helter Skelter* наконец настало!”

Описывая внешность и выражение лица Линды во время дачи показаний, “Лос-Анджелес тайме” отметит потом, что даже при

обсуждении сексуальной жизни в “Семье” Линда Касабьян была на удивление “сдержанна, говорила тихо и даже скромно”.

Временами показания Линды бывали все же эмоциональны, хотя это и редко находило отражение в ее голосе. Рассказав, как Мэнсон разлучал матерей с детьми, и описав собственные чувства после расставания с Таней, Линда сказала: “Знаете, порой, когда никого, особенно Чарли, не случалось поблизости, я тихонько приходила к дочери, кормила ее и дарила ей свою любовь”.

Линда описывала распоряжения, отданные Мэнсоном группе как раз перед тем, как они покинули ранчо Спана в ту, первую, ночь, когда сидящий за столом защиты Чарли поднес ладонь к своей шее и, выставив палец, сделал быстрое скользящее движение вдоль горла. Я смотрел в этот момент в другую сторону и не видел этого жеста — но другие, включая и Линду, видели его.

В ответе ее, однако, не возникло заминки. Она продолжала рассказ о том, как Текс остановил машину перед воротами усадьбы; как он перерезал телефонные провода; отъезд вниз с холма и парковку; возвращение к воротам уже пешком. Пока она описывала, как они перелезли через забор справа от ворот, нарастающее напряжение в зале суда стало очевидным. Затем — внезапное появление огней автомобильных фар.

О.: “Машина остановилась прямо перед нами, и Текс прыгнул вперед с револьвером в руке... Человек сказал: “Пожалуйста, не стреляйте, я никому не расскажу!” — а Текс выстрелил в него четыре раза подряд”.

Рассказывая об убийстве Стивена Парента, Линда начала всхлипывать — как и всякий раз, когда доходила до этого места в беседах со мной. Я видел, что присяжные были тронуты — и нарастающим в рассказе ужасом, и ее собственной реакцией.

Сэди хихикала. Лесли рисовала. Кэти откровенно сучала.

К концу дня я успел довести рассказ Линды до того момента, когда она увидела Кэти, бегущую с ножом за женщиной в белой ночной рубашке (Фольгер), и Текса, бьющего ножом высокого мужчину (Фрайковски): “Он просто втыкал, и втыкал, и втыкал этот нож”.

В.: “Когда мужчина закричал, вы не расслышали каких-либо слов в этом крике?”

О.: “Там не было слов, это было уже за пределами речи, просто крик — и все”.

Репортеры, ведшие счет протестам Канарека, сдались уже на третий день, когда те перевалили за две сотни. Олдер предупредил Канарека, что если тот вновь перебьет свидетеля или представителя обвинения, то выразит тем самым неуважение к Суду. Зачастую дюжина страниц стенограммы отделяла мой вопрос и ответ на него Линды.

Буглиози: “Нам придется вернуться к самому началу, Линда. Это была настоящая буря протестов”.

Канарек: “Я протестую!”

Когда Канарек вновь оборвал Линду на полуслове, Олдер подозвал нас к своему столу.

Судья: “Мистер Канарек, вы прямо нарушили мой запрет на постоянное вмешательство в показания свидетеля. Я нахожу, что вы проявили неуважение к Суду, и приговариваю вас к заключению в окружной тюрьме с момента окончания этого заседания и до семи часов завтрашнего утра”.

Канарек протестовал и дальше: “Но я не прерывал показания свидетеля; скорее, это она прервала меня!”

К концу заседания у Канарека появилась компания. Среди предметов, которые я хотел представить Линде для опознания, была и фотография с изображением принадлежавшего “Правоверным сатанистам” меча в ножнах, рядышком с рулевым колесом собственного вездехода Мэнсона. Поскольку данная фотография проходила как вещдок на процессе по делу Бьюсолейла, я не мог получить ее до тех самых пор, пока ее не доставили к нам из другого суда. “Окружной прокурор укрывает от нас немалую долю вещественных доказательств”, — сделал выпад Хьюз.

Буглиози: “Для протокола: я сам впервые увидел это фото пару минут тому назад”.

Хьюз: “Кучу дерьма ты видел, Буглиози”.

Судья: “Я нахожу, что данным высказыванием вы нанесли Суду прямое оскорбление”.

Всецело соглашаясь с предыдущим решением Олдера относительно Канарека, я не мог понять его претензий к Хьюзу: если он и нанес кому-то оскорбление, то мне лично, а не Суду. Кроме того,

грубость вырвалась у вспыхнувшего Хьюза по чистому недоразумению: когда я поведал ему историю появления фотографии, он первый признал собственную неправоту. Олдер же в данном случае проявил меньше понимания.

Получив возможность выбирать между штрафом в 75 долларов и ночью в стенах тюрьмы, Хьюз сказал судье: “Я нищ, Ваша честь”. Не проявив и толики сочувствия, Олдер приговорил его к тому же сроку заключения, что и Канарека.

Ночь, проведенная на тюремных нарах, ничему не научила Канарека. На следующее утро он вернулся в зал суда, чтобы с еще большим азартом прерывать мои вопросы и ответы Линды. Увещевания Олдера пропали втуне; Канарек приносил извинения и тут же проделывал то же самое. Все это заботило меня гораздо меньше, чем тот факт, что время от времени Канареку все же удавалось заставить свидетеля замолчать. Обычно, когда Олдер удовлетворял протест защиты, я находил способ преодолеть помеху и получить нужные показания обходным путем. Например, когда

Олдер, не видя, какое отношение это имеет к делу, запретил мне расспрашивать Линду о поведении подсудимых во время просмотра телевизионного выпуска новостей на следующий день после совершения убийств на Сиэло-драйв, я спросил у Линды, знала ли она в ночь убийств, кем были жертвы.

О.: “Нет”.

В.: “Когда же вы впервые слышали имена этих пятерых?”

О.: “В новостях, уже на следующий день”.

В.: “По телевизору?”

О.: “Да”.

В.: “Находясь в трейлере мистера Спана?”

О.: “Да”.

В.: “Видели ли вы Текса, Сэди и Кэти в тот день, назавтра после убийств, не считая того момента, когда вы все вместе смотрели телевизор?”

О.: “Ну, в трейлере я видела Сэди и Кэти. Не помню, чтобы в тот день я вообще встречала Текса”.

Какое это имеет отношение к делу, станет ясно позднее, когда место свидетеля займет Барбара Хойт, которая покажет, что: 1) Сэди

вошла в трейлер и переключила телеканал на выпуск новостей; 2) до того дня Сэди и остальные никогда не смотрели новости; 3) сразу после того, как ведущий закончил рассказывать об убийствах и перешел к событиям вьетнамской войны, группа встала и вышла.

В моих обращенных к Линде вопросах, касавшихся событий второй ночи, просматривался один постоянный рефрен. Кто сказал, чтобы вы свернули с шоссе? Чарли. Кто-либо в машине, кроме мистера Мэнсона, указывал, куда ехать? Нет. Ставил ли кто-либо под сомнение распоряжения мистера Мэнсона? Нет, никто.

В показаниях Линды относительно обеих ночей были буквально россыпи малозначимых деталей, которые могли быть известны лишь тому, кто действительно присутствовал при описанных ею устрашающих преступлениях.

Очень быстро осознав, насколько опасны могут оказаться эти подробности, Мэнсон заметил (достаточно громко, чтобы его слышали и сама Линда, и присяжные): “Ты уже трижды солгала”.

Глядя прямо на него, Линда ответила: “О нет, Чарли, я говорила правду, и ты сам это знаешь”.

К тому времени, когда вечером 30 июля я закончил прямой допрос Линды Касабьян, у меня успело сложиться впечатление, что и присяжные тоже знают это.

Понимая, что у защиты может иметься в запасе нечто вредящее позиции обвинения, я обычно применял нестандартную тактику и сам получал у свидетеля “опасные” показания. Это не только превращает острый крючок в тупую занозу, но и показывает присяжным, что обвинение не намерено ничего скрывать. Именно поэтому я сделал очевидными еще во время прямого допроса сексуальную неразборчивость Линды и ее употребление ЛСД и других наркотиков^[169]. Готовясь подорвать доверие к ее показаниям при помощи этих самых откровений, защита снова и снова обнаруживала, что дорога уже проторена. Проходя по ней вновь, адвокаты подсудимых нередко даже подкрепляли нашу позицию.

Именно Фитцджеральд, адвокат Патриции Кренвинкль, — а вовсе не обвинение — услышал от Линды в ответ на расспросы о жизни на ранчо Спана: “Я сама была не своя... Мне можно было внушить что

угодно... Я позволила другим людям забивать мне голову идеями”; и — что даже более важно, — что она боялась Мэнсона.

В.: “Чего же вы боялись?” — переспросил Фитцджеральд.

О.: “Просто боялась. Он тяжелый человек”.

На просьбу пояснить, что она подразумевает под этим, Линда ответила: “В нем просто было что-то, понимаете, что не подпускало близко. Он был тяжелым типом. Тяжелым — и точка”.

Фитцджеральд также вытянул из Линды признание, что она любила Мэнсона. “Мне казалось, он — вернувшийся Мессия”.

И затем Линда добавила фразу, которая, пройдя долгий путь, объяснила присяжным не только почему сама Линда, но и многие другие с такой готовностью приняли Мэнсона. Увидев его впервые, сказала она, “я подумала... “Вот, значит, чего я так долго искала”, и именно это я увидела в нем”.

Мэнсон — зеркало, отражавшее чужие устремления.

В.: “Создалось ли у вас впечатление, что и другие люди на ранчо тоже любили Чарли?”

О.: “О да. Казалось, девушки поклоняются ему; они готовы были умереть ради него”.

Helter Skelter, отношение Мэнсона к чернокожим, его контроль над остальными подсудимыми — в каждом из этих предметов расспросы Фитцджеральда выявили дополнительную информацию, лишь укрепившую предыдущие показания Линды.

Нередко вопросы “давали отдачу”, как и в том случае, когда Фитцджеральд спросил у Линды: “Помните ли вы, с кем провели ночь на девятое августа?”

О.: “Нет”.

В.: “А на десятое?”

О.: “Нет, но вообще-то я спала со всеми мужчинами”.

Вновь и вновь Линда с готовностью делилась информацией, которую вполне можно было бы счесть неудобной, — но, исходя от Линды, та отчего-то выглядела искренней и безыскусной. Линда отвечала столь откровенно, что Фитцджеральд был пойман этим врасплох.

Тщательно избегая слова “оргия”, он спросил ее насчет “той любовной сцены, что проходила в доме на отшибе... вам это понравилось?”

Линда честно отвечала: “Да, наверное, понравилось; я вынуждена это сказать”.

Если только возможно, в конце перекрестного допроса Фитцджеральда Линда Касабьян выглядела даже лучше, чем после прямого.

Был понедельник, 3 августа 1970 года, и до двух часов дня оставалось лишь несколько минут. Я уже возвращался с ленча обратно в зал суда, когда меня окружила, заступив дорогу, стайка журналистов. Они все говорили наперебой, и лишь через пару секунд я сумел различить слова: “Винс, вы слышали новость? *Президент Никсон только что заявил, что Мэнсон виновен!*”

3—19 августа 1970 года

У Фитцджеральда была распечатка телеграфного сообщения Ассошиэтед Пресс. В Денвере, на конференции руководителей силовых структур, президент, сам имевший адвокатский опыт, пожаловался на то, что печать старается “прославить и сотворить кумиров из людей с криминальным прошлым”.

Президент продолжал: “Я видел, например, как освещается дело Чарльза Мэнсона... Каждый день — заголовок на первой странице и, как правило, пара минут в вечерних новостях. Этот человек виновен, прямо или косвенно, в восьми убийствах. И все же перед нами высвечивается личность, которая, благодаря подаче прессы, в чем-то выглядит даже привлекательно”.

Сразу вслед за выступлением Никсона пресс-секретарь президента, Рон Зиглер, осторожно заметил, что президент “не воспользовался словом “предположительные” в отношении действий, вменяемых Мэнсону”^[170].

Мы обсудили создавшуюся ситуацию в кулуарах. К счастью, приставы доставили присяжных с ленча еще до того, как успела разнестись новость. Они оставались в условиях секвестра в комнате выше этажом, так что на данный момент не существовало возможности просачивания к ним новостей.

Канарек предложил считать суд недействительным. Отклонено. Вечно подозревавший неэффективность условий секвестра, он

потребовал провести собеседование с каждым из присяжных — попробовать выяснить, не слышал ли кто-то из них новостей. Как выразился Аарон, “вы предлагаете размахивать заявлением Никсона, как красным флагом. Если они не слышали об этом раньше, то обязательно услышат на собеседовании”.

Олдер отклонил требование, “не принимая окончательного решения”, с тем чтобы позднее обсуждение вопроса можно было возобновить. Он также сказал, что отдаст приставам распоряжение принять необыкновенно строгие меры предосторожности. Тем вечером окна автобуса, отвозившего присяжных в гостиницу, были наглухо заклеены: таким образом, присяжные не могли видеть вездесущих заголовков. В общей комнате отдыха в “Амбассадоре” был установлен телевизор; обычно присяжные могли смотреть любую программу по выбору, кроме выпусков новостей, — но каналы переключал пристав. Этим вечером экран телевизора так и остался темным. Судебным приказом запрещалось приносить в зал суда газеты — и адвокаты получили от Олдера особые инструкции относительно того, чтобы никаких газет не было на столах для совещания защиты с подсудимыми, где их случайно могли увидеть присяжные.

Когда мы вернулись в зал суда, на губах Мэнсона блуждала довольная улыбка, продержавшаяся там всю вторую половину дня. Обыкновенные преступники не удостоиваются знаков внимания от самого президента Соединенных Штатов. Чарли купался в лучах славы.

Присяжные вошли в зал заседаний, и Дэйи Шинь, адвокат Сьюзен Аткинс, начал свою часть перекрестного допроса Линды.

Очевидно, намереваясь показать, что я давал Линде нужную мне “накачку”, он спросил: “Помните ли вы, что мистер Буглиози говорил вам во время вашей первой встречи?”

О.: “В общем, он всегда подчеркивал, что я должна рассказать всю правду”.

В.: “Я сейчас не о правде говорю”.

Как будто что-то еще должно иметь значение!

В.: “Говорил ли вам когда-либо мистер Буглиози, что какие-то из ваших показаний неверны или что какие-то из ответов — нелогичны, не вписываются в общую картину?”

О.: “Нет, это я рассказывала; он никогда ничего мне не говорил”.

В.: “То обстоятельство, что вы были беременны, — не стало ли оно причиной тому, что вы остались снаружи [усадыбы Тейт], вместо того чтобы войти внутрь с остальными и принять участие?”

О.: “Беременная или нет, я все равно никого не смогу убить”.

Шинь сдался уже через полтора часа. Показания Линды остались незыблемы.

Канарек тяжело подошел к свидетельскому месту, медленно шаркая ногами по полу. Манеры его были обманчивы. Все время, пока Канарек занимался перекрестным допросом, я ни на минуту не должен был расслабляться: в любой момент он мог пробурчать что-то, требующее немедленного протеста. Предугадать ход его мыслей было невозможно: Канарек внезапно перескакивал с одного предмета на другой безо всякой связи между ними. Многие из его вопросов оказывались столь сложны, что он терял мысль в процессе — и стенографистке приходилось зачитывать ему начало его собственной реплики.

Слушать его было изматывающе трудно. Тем не менее ничего нельзя было пропустить, поскольку (в отличие от двух адвокатов, вышедших перед ним) время от времени Канарек одерживал мелкие победы. Так, например, он заставил Линду признаться: вернувшись в Калифорнию за Таней, она сказала социальному работнику, что покинула штат 6 или 7 августа; если это правда, тогда Линда уехала еще до убийств Тейт — Лабианка. Что означало: Линда сфабриковала всю свою историю убийств, все показания от начала и до конца. Если Касабьян солгала, чтобы вернуть себе ребенка, намекал Канарек, тогда она с тем же успехом может лгать и этому Суду, стремясь обрести свободу.

Но по большому счету он говорил несвязно и монотонно, вечно повторялся, утомляя как присяжных, так и свидетеля. Многие репортеры еще в самом начале процесса “сбросили Канарека со счетов”. Имея возможность выбора среди защитников, они предпочитали цитировать Фитцджеральда, чьи вопросы были гораздо лучше сформулированы. Но именно Канарек, невзирая на свое путаное многословие, набирал одно очко за другим.

Он начинал также “цеплять” Линду. В конце дня — уже шестого дня ее присутствия в суде — она выглядела слегка уставшей, а ее

ответы были куда менее ясны. Никто не предполагал, сколько еще дней это может продлиться, поскольку Канарек, в отличие от остальных адвокатов, старательно избегал отвечать на вопросы Олдера о приблизительной продолжительности его перекрестного допроса.

По дороге домой в тот вечер я вновь испытал облегчение оттого, что присяжные были подвержены секвестру. Каждый газетный киоск пестрел аршинными заголовками. Радиоприемник в машине поминутно разражался экстренными новостными включениями. Хьюз: “Я виновен в том, что проявил неуважение к Суду, публично произнеся грязное словечко, но Никсон проявил неуважение ко всему миру, и эту вину так просто не загладить”. Фитцджеральд: “Просто руки опускаются, когда самая могущественная в мире персона выступает против тебя”. Самой повторяемой цитатой были слова Мэнсона, передавшего заявление для прессы через одного из адвокатов защиты. Насмехаясь над замечанием Никсона, Мэнсон проявил несвойственные ему краткость и точность: “Этого человека обвиняют в гибели тысяч и тысяч во Вьетнаме — и он еще имеет смелость утверждать, что я виноват в восьми убийствах!”

В кулуарах на следующий день Канарек обвинил президента в участии в заговоре. “Окружной прокурор Лос-Анджелеса выставляет свою кандидатуру на пост генерального прокурора Калифорнии. Я говорю, хоть и не могу доказать этого, что Эвелл Янгер и президент состоят в сговоре”.

Если это действительно так, заявил Канарек, то “этот человек не должен оставаться президентом Соединенных Штатов”.

Судья: “Решать это будут в другом месте, мистер Канарек. Давайте придерживаться наших собственных дел... Я удовлетворен тем, что никто из присяжных не имел доступа к любым высказываниям со стороны прессы... и не вижу причины предпринимать сегодня какие-то дополнительные действия”.

Канарек возобновил перекрестный допрос. Во время прямого допроса Линда показала, что в своей жизни она примерно пятьдесят раз “ловила кайф от ЛСД”. Теперь Канарек попросил ее описать свои ощущения от “кайфа номер 23”.

Буглиози: “Я протестую. Этот вопрос смешон, Ваша честь”.

В правоведческих книгах не упоминается подобное обоснование протеста, но, по-моему, напрасно. Очевидно, судья Олдер придерживался того же мнения, поскольку удовлетворил протест. Как и другие мои протесты, когда я обосновывал их “бесконечным повторением” или “бессмысленностью” вопроса.

Сразу по возвращении в зал суда после полуденного перерыва Мэнсон внезапно вскочил с места и, обернувшись к сидевшим отдельно присяжным, развернул перед ними первую страницу “Лос-Анджелес таймс”.

Пристав немедленно вырвал у него газету, но Мэнсон успел продемонстрировать гигантский черный заголовок:

"МЭНСОН ВИНОВЕН", – ГОВОРIT НИКСОН

Олдер распорядился вывести присяжных. Затем он пожелал узнать, кто именно из адвокатов, вопреки ясному приказу, пронес газету в зал суда. Некоторые отрицали свою причастность, но никто не захотел сознаться.

Сомнений не осталось: присяжным предстояло заново пройти процедуру *voir dire*. Каждый из них входил к судье отдельно и, принеся присягу, отвечал на вопросы. Из двенадцати присяжных и шести запасных одиннадцать видели заголовок целиком; двое успели различить лишь слова “Мэнсон виновен”; четверо видели одну только газету с фамилией “Мэнсон” на первой странице; и один, мистер Замора, не видел вообще ничего: “Как раз в это время я посмотрел на часы”.

Каждого также опросили относительно их реакции на увиденное. Миссис Маккензи: “Ну, моей первой мыслью было: “Это же просто смешно”. Мистер Макбрайд: “Я считаю, что, если президент действительно сказал такое, это настоящая глупость с его стороны”. Мисс Месмер: “Я никому не позволяю принимать решения вместо меня”. Мистер Даут: “Начнем с того, что я не голосовал за Никсона”.

После напряженного собеседования все восемнадцать заявили под присягой, что заголовок не произвел на них решительно никакого влияния и что в дальнейшем они будут руководствоваться исключительно доказательствами, представленными в суде.

Зная кое-что о психологии присяжных, я склонялся к тому, чтобы поверить им — по одной простой причине. Присяжные считают себя привилегированными участниками процесса. День за днем они принимают участие в судебной драме, разворачивающейся перед ними. Они выслушивают показания свидетелей. Они — и только они! — решают, что имеет значение, а что нет. Они склонны воспринимать себя как экспертов; те же, кто остались по ту сторону дверей зала заседаний, воспринимаются ими как любители. Присяжный Дау-сон выразил эту мысль по-своему: сам он выслушал каждое слово показаний; Никсон же не слышал ничего; “Мне не кажется, что мистер Никсон может хоть *что-то* знать об этом деле”.

Мое общее ощущение было таково, что присяжным не пришлось по нраву предпринятая президентом попытка узурпировать *их собственную* роль. Вполне вероятно, что виденный ими заголовок даже помог Мэнсону, заставив присяжных решить, что они проведут разбирательство с максимальной непредвзятостью по отношению к этому подсудимому и, в отличие от президента, предоставят ему все возможные лазейки для спасения.

По всей стране аналитики выражали мнение, что в случае осуждения Мэнсона его виновность будет поставлена под сомнение в апелляции, которая постарается извлечь все возможное из реплики Никсона. Напротив, поскольку именно Мэнсон привлек внимание присяжных к заголовку, им была совершена “умышленная ошибка”, и это попросту означает, что подсудимый не сможет получить выгоды из промаха, допущенного им самим.

Один аспект этой истории все же немного беспокоил меня. То была лишь мелкая шероховатость, которая тем не менее внушала опасения. Заголовок объявлял, что виновен Мэнсон — а отнюдь не девушки, — и, стало быть, предположительная вина Мэнсона могла оказаться “размазана” и по его подельникам. Я решил, что именно такая точка зрения прозвучит на рассмотрении апелляции, но на ее основе нельзя будет потребовать нового суда. На каждом слушании происходят те или иные ошибки, но лишь ничтожное их количество позволяет апелляционным судам выносить постановление о начале нового процесса. Это могло произойти и в нашем случае, если бы Олдер не провел *voir dire* присяжных и не получил бы от каждого из

них данного под присягой заявления о том, что инцидент никак не повлиял на их беспристрастность.

Да и трое подсудимых девушек едва ли помогли сами себе, когда на следующий день, встав перед судьей, продекламировали в хорошо отрепетированный унисон: “Ваша честь, если президент говорит, что мы виновны, зачем продолжать суд?”

Олдер не сдался в поиске виновника происшествия. Теперь Дэйи Шинь сознался, что перед самым возобновлением слушания он подошел к шкафу, куда пристав сложил все конфискованные газеты, и, выбрав несколько, отнес их к столу для совещаний защиты с подсудимыми. Он собирался почитать спортивные разделы, признался Шинь, и не подозревал, что к ним также прикреплены первые полосы.

Объявив, что Шинь нанес Суду прямое оскорбление, Олдер приговорил его к трем ночам заключения в окружной тюрьме с момента окончания текущего заседания. Мы уже миновали стадию вежливых предупреждений. Шинь попросил предоставить ему час на то, чтобы отогнать машину на стоянку и взять зубную щетку, но Олдер отклонил просьбу, оставив Шиня под арестом.

На следующее утро Шинь попросил назначить отсрочку очередного заседания. Оказавшись в неудобной постели в еще более неудобном помещении, Шинь не сумел выспаться прошлой ночью и полагал, что не может защищать свою клиентку с должной эффективностью.

И это далеко не все его проблемы, признал Шинь. “У меня начались семейные недоразумения, Ваша честь. Моя жена думает, что я провожу ночь у какой-то другой женщины. Она не читает по-английски. Теперь даже моя собака не захочет разговаривать со мной”.

Отказавшись комментировать жалобы Шиня на неустроенность быта, Олдер посоветовал ему вздремнуть во время полуденного перерыва в заседании. Просьба отклонена.

Ирвинг Канарек продержал Линду на свидетельском месте *семь дней*. То был *перекрестный* допрос в буквальном смысле этого слова: он должен был *перечеркнуть* впечатление, оставленное Линдой. Вот один только пример: “Миссис Касабьян, не был ли целью вашего

появления на ранчо Спана поиск новых мужчин — тех, с которыми вы прежде не имели физических отношений?”

В отличие от Фитцджеральда и Шиня Канарек изучал показания Линды о событиях тех двух ночей словно бы под микроскопом. Защита усматривала в подобной тактике одну лишь проблему — некоторые из наиболее разрушительных показаний Линда повторяла по два, по три, даже большее количество раз. Но Канарек просто не мог, заработав очко, перейти к следующему эпизоду. Часто он так долго задерживался на какой-то детали, что сводил на нет собственную победу. Так, Линда показала, что в ночь убийств на Сиэло-драйв ее сознание было ясным. Она показала также, что, став свидетелем того, как Текс застрелил Парента, впала в состояние шока. Канарек не остановился на выявлении явного противоречия, но поинтересовался, когда именно окончилось это состояние шока.

О.: “Я не знаю, когда оно кончилось. Я не знаю, кончилось ли оно вообще”.

В.: “Ваше сознание было абсолютно ясным, не так ли?”

О.: “Да”.

В.: “Вы не находились под воздействием какого-либо наркотика, это правда?”

О.: “Не находилась”.

В.: “Итак, ничто тогда не оказывало на вас влияния?”

О.: “Я находилась под влиянием Чарли”.

Линда по-прежнему быстро отвечала на вопросы, но становилось все более очевидным, что Канарек вконец измотал ее.

7 августа мы потеряли одного присяжного и одного свидетеля.

Присяжный по имени Уолтер Витцелио покинул свой пост, сославшись на состояние здоровья себя самого и своей супруги. Бывшего охранника сменил по жребью один из запасных присяжных — Ларри Шили, инженер-кабельщик по профессии.

В тот же день мне стало известно о смерти Рэнди Старра, наступившей в муниципальной больнице для ветеранов от “невывявленного заболевания”.

Бывший работник с ранчо Спана, подрабатывавший время от времени постановщиком трюков на киносъемках, готовился опознать “веревку Тейт — Себринга” как идентичную той, которую использовал

Чарльз Мэнсон. Что еще важнее, Рэнди отдал Мэнсону свой револьвер 22-го калибра, и эти показания должны были буквально вложить оружие в руки Мэнсона.

У меня имелись и другие свидетели, готовые дать показания по этим ключевым моментам, но внезапная болезнь Рэнди, разумеется, не могла меня не беспокоить. Узнав, что вскрытия тела Старра не проводилось, я распорядился провести его. Как выяснилось, Старр умер от естественной причины; точнее — от ушной инфекции.

Канарек: “Миссис Касабьян, я хочу показать вам эту фотографию”.

О.: “*О боже!*” Линда быстро отвернулась. В руках Канарека было цветное фото очевидно беременной и очевидно мертвой Шарон Тейт.

Линда впервые увидела эту фотографию и испытала такое потрясение, что Олдер объявил десятиминутный перерыв.

В суде не было представлено ни малейшего доказательства тому, что Линда входила в дом Тейт, или тому, что она видела труп Шарон Тейт. Таким образом, мы с Аароном немедленно поставили под сомнение целесообразность демонстрации свидетелю этой фотографии. Фитцджеральд ответил, что считает вполне возможным присутствие миссис Касабьян в домах и Тейт, и Лабианка; более того, она могла принимать участие во всех совершенных убийствах. Олдер постановил, что Канарек может демонстрировать ей фото.

Затем Канарек показал Линде фотографию мертвого Войтека Фрайковски.

О.: “Это тот самый мужчина, которого я видела у входа”.

Канарек: “Миссис Касабьян, почему вы плачете?”

О.: “Потому, что я не могу в это поверить. Просто...”

В.: “Во что вы не можете поверить, миссис Касабьян?”

О.: “Что они могли сделать это”.

В.: “Понимаю. Значит, *вы* не могли этого сделать, но *они* могли?”

О.: “Я знаю, что не делала этого”.

В.: “Вы находились в состоянии шока, не правда ли?”

О.: “Верно”.

В.: “Тогда откуда вам знать?”

О.: “Потому что знаю. Во мне нет этого, я не способна на такое зверство”.

Канарек показал Линде фотографии всех пятерых убитых на Сизло-драйв, равно как и фотографии мертвых Розмари и Лено Лабианка. Он даже настоял, чтобы она подержала в руках кожаный ремешок, связывавший запястья Лено.

Возможно, Канарек надеялся: это будет для Линды таким шоком, что она сделает какое-то опасное для себя признание. Вместо этого он добился лишь одного — выявил контраст между Линдой

Касабьян и остальными подсудимыми; всем присутствующим стало окончательно ясно, что в отличие от убийц Линда — человек, способный на глубокие эмоциональные переживания. Дикость, бесчеловечность совершенных преступлений сильно расстроили ее.

Демонстрация Линде этих фотографий была явной ошибкой. И другие представители защиты вскоре осознали это. Всякий раз, когда Канарек показывал очередную фотографию и затем просил взглянуть на какую-то малозначимую деталь, присяжные морщились или начинали ерзать в своих креслах. Даже Мэнсон — и тот вскоре заявил Суду, что Канарек действует сам по себе. Его адвокат, впрочем, продолжал настаивать.

Дождавшись перерыва, в холле ко мне подошел Рональд Хьюз: “Знаешь, Винс, я хочу извиниться...”

“Не стоит извиняться, Рои. Ты говорил в “пылу спора”. Жаль только, что Олдер принял это как оскорбление в свой адрес”.

“Да нет, я не об этом, — сказал Хьюз. — Я совершил нечто гораздо худшее. Это я предложил пригласить Канарека на роль адвоката Мэнсона”.

В понедельник, 10 августа 1970 года, *Народ* подал Суду прошение о предоставлении Линде Касабьян освобождения от судебного преследования. Судья Олдер подписал соответствующий документ в тот же день, но только тринадцатого числа официально снял все предъявленные Линде обвинения, и она получила свободу. Линда находилась под стражей с 3 декабря 1969 года. В отличие от Мэнсона, Аткинса, Кренвинкль и Ван Хоутен все это время она провела в одиночной камере.

Даже Гейл, моя жена, была обеспокоена. “Что, если она откажется от показаний, Винс? Сьюзен Аткинс так и сделала; Мэри Бруннер тоже.

И теперь, когда с нее сняли обвинения...”

“Дорогая, я доверяю Линде”, — отвечал я жене.

Я действительно доверял ей, но где-то в глубине моего сознания то и дело всплывал вопрос: “Что станется с доказательством правоты *Народа*, если доверие будет обмануто?”

На следующий день Мэнсон передал Линде длинное письмо, написанное от руки. Поначалу казалось, что оно почти целиком состоит из бессмысленного набора фраз. Лишь хорошенько приглядевшись, можно было заметить, что ключевые мысли помечены в письме крошечными галочками. Выписанные на отдельную бумажку с сохранением допущенных ошибок, они гласили:

“Любовь не остановится если это любовь... Шутки в сторону. Посмотри в конец и начни сначала... Просто поддайся любви и отдай свою любовь свободе... Если бы ты не говорила то что говорила працесс бы не состоялся... Не теряй своей любви она ждет тебя... Как ты думаешь за что убили Джей-Си? Ответ: он был Дьяволом и плохим. Никому он не нравился... Не отдавай это никому или они найдут способ использовать это против меня... Этот працесс над Сыном Человеческим только покажет миру что каждый судит себя сам”.

Полученное Линдой сразу после предоставления ей неприкосновенности, письмо могло значить лишь одно: Мэнсон старался заманить Линду обратно в “Семью” в надежде, что, получив свободу, она опровергнет собственные показания.

Ответ Линды был прост: она вручила письмо мне.

Многие видели, как Мэнсон протянул ей письмо, но Канарек продолжал настаивать, что Линда сама вырвала его из руки Мэнсона!

Как ни странно, но самый эффективный перекрестный допрос Линды провел Рональд Хьюз. Это был его первый настоящий суд, и он частенько совершал процессуальные ошибки — но зато Хьюз не понаслышке был знаком с субкультурой хиппи, будучи ее частью. Он знал все о наркотиках, мистицизме, карме, аурах и вибрациях^[171] — так что, расспрашивая Линду о подобных вещах, он заставлял ее выглядеть чуточку странной, “со сдвигом”. Именно

Хьюз заставил Линду признаться, что она верит в ESP^[172] и что временами, находясь на ранчо Спана, она ощущала себя настоящей ведьмой.

В.: “Чувствуете ли вы, что вибрации мистера Мэнсона обладают контролем над вами?”

О.: “Возможно”.

В.: “Он действительно сильно вибрировал?”

О.: “Конечно, он и сейчас это делает”.

Хьюз: “Пусть в протоколе будет отмечено, Ваша честь, что мистер Мэнсон спокойно сидит на своем месте”.

Канарек: “Не похоже, чтобы он вибрировал”.

Хьюз задал Линде так много вопросов, касающихся приема наркотиков, что случайно забредшему в зал человеку могло показаться, будто Линде предъявлено обвинение в хранении незарегистрированных психотропных средств. И все же четкие, а зачастую и остроумные ответы Линды сами по себе доказывали то, что ее сознание вовсе не разрушено приемом ЛСД.

В.: “Так, миссис Касабьян. Вы говорили здесь, что считали мистера Мэнсона Иисусом Христом. Скажите, не казался ли вам кто-то еще Иисусом Христом?”

О.: “Биолеиский Христос”.

В.: “Когда же вы перестали полагать, что мистер Мэнсон является Иисусом Христом?”

О.: “Той ночью в усадьбе Тейт”.

Я был совершенно уверен в том, что Линда произвела на присяжных хорошее впечатление, но все же был рад услышать и независимую оценку. Когда Хьюз обратился к Суду с просьбой назначить психиатров для обследования Линды, Олдер ответил ему: “Я не вижу причин для психиатрической экспертизы в данном случае. Она представляется мне человеком, обладающим абсолютно ясным сознанием и хорошей, правильной речью. До сих пор мне не приходилось наблюдать признаки нарушения ее способности запоминать события и рассказывать о них. Во всех отношениях свидетель проявляет замечательную способность четко выражать свои мысли, равно как и понимать обращенные к ней вопросы. Просьба отклонена”.

Хьюз весьма эффективно завершил свою часть перекрестного допроса Линды:

В.: “Вы говорили здесь о том, что ловили кайф от марихуаны, гашиша, фенциклидина, семян вьюнка, псилоцибина, ЛСД, мескалина, пейота, метамфетамина и ромилара. Верно ли это?”

О.: “Да”.

В.: “Вы говорили также о том, что за последний год у вас имелись две яркие иллюзии. Вы верили, что Чарльз Мэнсон и Иисус Христос — одно и то же лицо, не так ли?”

О.: “Да”.

В.: “Вы также считали себя ведьмой?”

О.: “Да”.

Хьюз: “Ваша честь, у меня больше нет вопросов к свидетелю”.

Основная задача повторного допроса свидетеля вызывавшей его стороной — реабилитировать уже полученные показания после окончания перекрестного допроса. Линда практически не нуждалась в реабилитации; следовало разве что дать ей возможность представить оборванные защитой ответы в более полном, развернутом виде. Например, я дал Линде объяснить, что упомянутое ею “состояние шока” было оборотом речи, а не медицинским диагнозом, и что она вполне сознавала все происходящее.

При повторном допросе обвинение может также уточнить подробности эпизодов, всплывших лишь при перекрестном допросе. Поскольку защите удалось поднять проблему совершенной Линдой кражи пяти тысяч долларов, я лишь теперь смог представить смягчающие обстоятельства: стянув эти деньги, Линда отдала их “Семье”, более не видела их и не имела с них личной выгоды.

И только при повторном допросе я дал Линде возможность объяснить причины ее побега с ранчо Спана без дочери. Как мне казалось, задержка в представлении этих сведений лишь сыграла нам на руку: к началу повторного допроса присяжные уже достаточно хорошо узнали Линду Касабьян, чтобы принять ее объяснение.

Прямой. Перекрестный. Повторный. Повторный перекрестный. Вновь повторный. Вновь повторный перекрестный. Лишь 19 августа, незадолго до наступления полудня, Линда Касабьян окончательно покинула свидетельское место. Там она провела семнадцать дней: больше, чем обычно длится суд в целом. В свое время защита получила двадцатистраничную выжимку всех моих бесед с нею, равно как и

копии всех ее писем ко мне, — но *ни разу* ее не смогли уличить в даче противоречивых показаний. Я очень ею гордился; если когда-либо свидетель становился “звездой обвинения”, то это Линда Касабьян.

Вслед за завершением дачи показаний Линда улетела домой, в Нью-Хэмпшир, чтобы воссоединиться с детьми. Испытание, однако, еще не завершилось для нее окончательно: Канарек сделал запрос о возможности ее повторного вызова защитой, и, кроме того, ей также предстояло вновь давать показания, когда в суд будет наконец доставлен Уотсон.

Рэнди Старр не стал единственным свидетелем, которого потерял *Народ* на протяжении августа.

Все еще не утолив жажду путешествий, Роберт Касабьян и Чарльз Мелтон отправились на Гавайи. Я просил Гари Флейшмана, адвоката Линды, попробовать отыскать их там, но тот заявил, что оба медитируют в пещере на каком-то маленьком, не указанном на картах островке и что разыскать их решительно невозможно. А ведь Мелтон был мне особенно нужен: он должен был рассказать в суде о замечании Текса: “Может, когда-нибудь Чарли и мне разрешит отпустить бороду”.

Потеря другого свидетеля стала для стороны обвинения еще большим ударом. Саладин Надер — актер, чью жизнь Линда спасла в ночь убийства четы Лабианка, — выехал из своей квартиры. Другьям он сказал, что уезжает в Европу, но не оставил никакого адреса. Я дал следователям “команды Лабианка” поручение попробовать отыскать Надера через ливанское консульство и службу иммиграции, но никаких концов они так и не сумели найти. Тогда я попросил следователей поговорить с хозяйкой квартиры, миссис Элеанор Лелли, которая, на худой конец, могла показать, что в течение августа 1969 года актер действительно проживал в Венеции, в квартире номер 501 дома 1101 по Оушн Фронт-уолк.

18 августа, однако, мы нашли другого свидетеля, причем одного из лучших.

Хуан Флинн все-таки решился на разговор — по истечении целых семи месяцев после того, как я впервые попросил Уоткинса и Постона убедить его явиться ко мне для беседы.

Опасаясь, что он станет свидетелем обвинения, “Семья” начала настоящую кампанию устрашения против долговязого панамского ковбоя: предпринятые ими меры включали письма с угрозами, молчание в телефонную трубку и выкрики “Хрю-хрю!” или “Свинья!” из машин, проносящихся по ночам мимо его трейлера. Все это вконец разозлило Хуана — настолько, что он решил связаться с ОШЛА, сотрудники которого позвонили в ДПЛА.

Я был в это время в суде, и поэтому первую беседу с Флинном в Центре Паркера провел Сартучи. То был короткий разговор; перенесенный на бумагу, он уместился всего на шестнадцати страницах машинописи, но содержал при этом действительно потрясающее признание.

Сартучи: “Когда вам впервые стало известно о том, что Чарльза Мэнсона обвиняют в преступлениях, по делу о которых в настоящее время идет суд, где он находится в качестве подсудимого?”

Флинн: “Мне стало известно о преступлениях, по делу о которых обвиняют Мэнсона, когда он признался мне в происходивших убийствах...”

На своем ломаном английском Флинн пытался сказать, что Мэнсон сознался ему в убийствах!

В.: “Был ли у вас отдельный разговор с упоминанием четы Лабианка? Может, он говорил об убийствах вообще, или как?”

О.: “Ну, я и не знаю, говорил ли он сразу или отдельно, но он привел меня к выводу... он сказал мне, что является основной причиной совершения этих убийств”.

В.: “Говорил ли он еще что-нибудь?”

О.: “Он признался... он похвастался... что за два дня лишил жизни тридцать пять человек”.

Когда сотрудники ДПЛА доставили Хуана ко мне в кабинет, я еще не успел поговорить с Сартучи или выслушать запись той первой беседы, поэтому рассказ Флинна о весьма неосторожных признаниях Мэнсона стал для меня настоящим сюрпризом.

Расспросив Хуана, я выяснил, что разговор происходил в кухне на ранчо Спана, от двух до четырех дней спустя после первых телевизионных сообщений об убийстве Тейт. Хуан только успел присесть перекусить, когда в кухню вошел Мэнсон и правой рукой потер свое левое плечо: очевидно, то был сигнал остальным выйти,

поскольку они немедленно сделали это. Понимая, что сейчас должно что-то произойти, но не зная, что именно, Хуан принялся за еду.

(Все время с момента появления “Семьи” на ранчо Спана Мэнсон пытался уговорить высокого, шести футов ростом, ковбоя присоединиться к ним. Мэнсон даже обещал Флинну: “Я раздобуду тебе золотой браслет, утыкаю его алмазами, и ты станешь предводителем моих зомби”. То была не первая попытка соблазнить Флинна. Когда поначалу Мэнсон предложил ему ту же наживку, что и прочим мужчинам, Хуан с готовностью воспользовался предложением, о чем вскоре пожалел. “Чертов триппер никак было не вывести, — сказал мне ковбой, — я бился с ним три... нет, четыре месяца”. Оставаясь на ранчо, Хуан тем не менее отказывался быть чьим бы то ни было зомби — а уж тем более зомби малыша Чарли. Впрочем, с течением времени Мэнсон становился все настойчивее.)

Внезапно Мэнсон схватил Хуана за волосы, заломил ему голову назад и, приставив к горлу нож, произнес: “*Ах ты, сукин сын, разве ты не знаешь, что именно я совершаю все эти убийства?*”

Несмотря даже на то, что Мэнсон не стал уточнять, какие именно убийства имеются в виду, это признание было чрезвычайно серьезной уликой^[173].

Не убирая острого как бритва лезвия от горла Хуана, Мэнсон спросил: “Ты со мной или мне придется убить тебя?”

Хуан ответил: “Я сижу тут, с тобой, знаешь ли, и собираюсь поесть”.

Мэнсон положил нож на стол. “О’кей, — сказал он, — убей меня”.

Возобновляя трапезу, Хуан сказал: “Я не хочу этого делать, знаешь ли”.

Потеряв терпение, Мэнсон сказал: “Приближается *Helter Skelter*, и нам нужно будет уйти в пустыню”. Затем Хуан был поставлен перед выбором: он может противостоять Мэнсону или присоединиться к нему. Если он выберет второй вариант, то, по словам Чарли, “можешь отправиться к водопаду и заняться любовью с моими девочками”.

(Выражение “мои девочки” в устах Мэнсона само по себе было хорошей уликой.)

Хуан сказал Чарли, что в следующий раз, когда ему захочется подцепить сифилис или гонорею месяцев этак на девять, он непременно даст знать.

Именно тогда Мэнсон похвастал совершенными за два дня убийствами тридцати пяти человек. Хуан воспринял это именно так — пустое хвастовство, и я склонялся к тому, чтобы согласиться. Если в течение двух дней по приказу Мэнсона действительно были совершены еще какие-то убийства кроме известных нам семи, я был уверен, что на каком-то этапе следствия мы должны были бы наткнуться на рассказывающие о них улики. Кроме того, если говорить о текущем процессе, последнее высказывание Мэнсона было совершенно бесполезно, поскольку, и это очевидно, не могло быть представлено в качестве улики.

В конце концов Мэнсон забрал свой нож со стола и вышел. А Хуан внезапно понял, что аппетит у него совсем пропал.

Той ночью я говорил с Хуаном более четырех часов. Косвенное признание Мэнсона не было единственным сюрпризом. В июне или июле 1969 года, когда Хуан, Брюс Дэвис и Клем стояли на тротуаре декораций на ранчо Спана, Мэнсон заявил Хуану: “Короче, я принял решение. Для меня остается одно: чтобы начать *Helter Skelter*, надо спуститься туда и показать черным, как это делается, поубивав целую кучу этих долбанных свиней”.

Среди других воспоминаний Флинна: Мэнсон несколько раз угрожал ему смертью, а однажды выстрелил в него из револьвера “лонгхорн” 22-го калибра; в нескольких случаях Мэнсон предлагал Хуану самому убить различных людей; Флинн не только видел, как группа покинула ранчо (видимо, в ночь гибели четы Лабианка), но и слышал обращенные к нему слова Сэди: “Мы отправляемся замочить нескольких гребаных свиней”.

Неожиданно Хуан Флинн стал одним из основных свидетелей обвинения. Оставалась только одна проблема — охранять его вплоть до момента дачи показаний. На протяжении всей нашей беседы крайняя нервозность не покидала Хуана; он замирал, напрягшись, при легчайшем шорохе в коридоре. Он сам признал, что из-за страха уже несколько месяцев подряд не может толком выспаться. И спросил меня, нет ли какого-нибудь способа посадить его под замок до тех пор, пока не придет время выступить на суде.

Я позвонил в ДПЛА и попросил направить Хуана или в тюрьму, или в больницу. Мне было все равно, где окажется ковбой, лишь бы он

перестал бродить по улицам.

Озадаченный неожиданным поворотом, приехавший за Хуаном Сартучи поинтересовался, какое преступление тот предпочитает в качестве причины ареста. Ну, сказал Хуан, немного подумав, он хочет сознаться в том, что пару месяцев тому назад распивал пиво в пустыне. Это было в национальном парке и, следовательно, может считаться преступлением. Флинна арестовали и поместили в камеру на основании именно этого обвинения.

Хуан недолго оставался в тюрьме: уже очень скоро тюремная жизнь приелась ему и окончательно перестала нравиться. Три или четыре дня спустя он попробовал связаться со мной. Не сумев поговорить немедленно, он позвонил на ранчо Спана и оставил послание одному из тамошних работников: тот должен был приехать за ним и внести необходимый залог. “Семья” перехватила сообщение и прислала за Флинном Канарека.

Канарек уплатил сумму залога и купил Хуану завтрак. Он также посоветовал ему: “Ни с кем не разговаривай”.

Когда же Хуан покончил с завтраком, Канарек рассказал ему, что уже позвонил Пищалке и что девушки уже в пути — они едут сюда подобрать Флинна. Услыхав такое, Хуан немедленно сбежал. И, находясь в бегах, периодически отзванивался мне, чтобы заверить: с ним пока все в порядке, и в нужное время он обязательно явится в суд и даст показания.

У Хуана имелась для этого особая причина, не упомянутая в суде. Коротышка Шиа был его лучшим другом.

19 августа — 6 сентября 1970 года

После того как Касабьян покинула зал суда, я вызвал серию свидетелей, чьи детальные показания либо поддерживали, либо уточняли ее рассказ. Среди них были: Тим Айрленд, воспитатель школы для девочек, расположенной ниже по склону холма от усадьбы Тейт, — он слышал крики и мольбу о помощи; Рудольф Вебер, описавший инцидент у поливального шланга и бросивший настоящую “бомбу” — лицензионный номер автомобиля; Джон Шварц, подтвердивший, что номер принадлежит его машине, и рассказавший, как две ночи подряд в первой половине августа 1969 года Мэнсон брал

ее, не спрашивая разрешения; Винифред Чепмен, описавшая свое появление в усадьбе на Сизло-драйв утром 9 августа 1969 года; Джим Эйзин, который вызвал полицию после того, как миссис Чепмен выбежала на улицу с криками “Убийство, смерть, трупы, кровь!”; первыми прибывшие на место преступления офицеры ДПЛА (ДеРоса, Вайзенхант и Барбридж), описавшие свою кошмарную находку. Осколок за осколком, деталь за деталью — от приезда Чепмен до изучения обрезанных проводов представителем телефонной компании — ими воссоздавалась сцена событий. Ужас, казалось, накрыл зал суда невидимым облаком, которое не рассеивалось, даже когда менялись очередные свидетели.

Поскольку Лесли Ван Хоутен не обвинялась в пяти убийствах на Сизло-драйв, Хьюз не задавал вопросов никому из этих свидетелей. Впрочем, он высказал интересную просьбу: Хьюз попросил, чтобы на время обсуждения этих убийств ему и его подзащитной было позволено покинуть зал суда. Просьба была отклонена, но попытка Хьюза отделить подопечную от обсуждения этих событий напрямую противоречила коллективной защите Мэнсона — и я гадал, какова будет реакция на это Чарли.

Когда присягу принял Макганн, я довольно долго расспрашивал его об увиденном в доме Тейт. Значение множества деталей — фрагменты рукояти револьвера, размеры и тип веревки, отсутствие стреляных гильз и т. д. — станет очевидным для присяжных лишь позже. Для меня особенно важно было дать им понять, что Макганн не нашел признаков ограбления или мародерства. Вновь опережая защиту, я расспросил офицера о найденных в доме наркотиках. И о паре очков.

Не дожидаясь появления в зале следующего свидетеля, коронера округа Лос-Анджелес Томаса Ногучи, Канарек попросил устроить совещание в кулуарах. Он передумал, заявил Канарек. Ранее он показывал миссис Касабьян фотографии убитых, но теперь “я все обдумал, и считаю, что это было ошибкой, Ваша честь”. Канарек попросил изъять из вещественных доказательств фотографии мертвых тел — в особенности те из них, что выполнены в цвете. Просьба отклонена. Фотографии могут быть использованы для целей идентификации, постановил Олдер; что же до возможности их предъявления свидетелям в качестве вещественных доказательств, то решение по данному вопросу будет принято позднее.

Всякий раз, когда Канарек выкидывал подобный фокус, я думал: “Ну, уж похлеще этого не бывает ничего”. И всякий раз ошибался; Канарек не только был способен перекрыть собственные “достижения”, но и делал это.

Я и прежде несколько раз беседовал с доктором Ногучи, но последний разговор состоялся в моем кабинете, прямо перед началом судебного заседания. Коронер, выполнивший вскрытие тела Шарон Тейт и руководивший вскрытиями четверых других жертв, имел привычку неожиданно преподносить маленькие сюрпризы. На судебных процессах и так хватает неожиданных заявлений, чтобы еще выслушивать их от собственных свидетелей; поэтому я прямо спросил у коронера: существует ли что-то такое, о чем я еще не знаю?

Ну, разве что только одно, признал Ногучи. Об этом не упоминалось в отчетах о вскрытии, но, изучив потертости на левой щеке покойной, он сделал вывод: “Шарон Тейт была повешена”.

Это не явилось причиной смерти, сказал он, и, скорее всего, женщина находилась в подвешенном состоянии менее минуты, но, по его убеждению, потертости представляли собою ссадины от натянутой веревки.

Я внес в свои заметки изменения, необходимые для того, чтобы этот вывод коронера мог прозвучать в зале суда.

Почти все показания доктора Ногучи были важны, но некоторые особенно: они подтверждали рассказ Линды Касабьян.

Ногучи показал, что многие из ножевых ран повредили кости; Линда рассказала о жалобах Патриции Кренвинкль: у нее болела рука из-за того, что ее нож попадал в кости.

Линда рассказала, что два ножа, выброшенных ею из окна машины, имели примерно одинаковую длину лезвия, и определила ее (показывая руками) как находящуюся в промежутке между 5 $\frac{1}{2}$ и 6 [\[174\]](#)² дюйма. Доктор Ногучи показал, что многие из ран имели глубину в 5 дюймов. Это не только почти соответствовало прикидкам Линды, но и подчеркивало крайнюю жестокость нанесения ран.

Линда определила ширину лезвия как равную дюйму. Доктор Ногучи сказал, что раны нанесены лезвием с шириной лезвия от дюйма до полутора.

Толщину лезвия Линда определила как, пожалуй, в два или три раза превышавшую толщину обычного кухонного лезвия. По словам

доктора Ногучи, толщина ран варьировалась от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ дюйма, что соответствовало приблизительному определению Линды.

Линда (которая, живя на ранчо Спана, несколько раз затачивала похожие ножи под присмотром Мэнсона) показала, что ножи были заточены с обеих сторон: с одной стороны до самой рукояти, а с другой — по крайней мере на дюйм от кончика лезвия. Доктор Ногучи показал, что примерно две трети ран сделаны лезвием или лезвиями, заточенными с обеих сторон на расстоянии от полутора до двух дюймов — одна из сторон затем становилась тупой, тогда как вторая оставалась острой¹.

Как я скажу присяжным позднее, данное Линдой описание тех двух ножей — их толщина, ширина, длина, даже характер заточки обоюдоострого лезвия — свидетельствует в пользу того, что описанные два ножа как раз и были теми орудиями, о которых говорил доктор Ногучи.

Во время своей части перекрестного допроса коронера Канарек не только постоянно использовал слово “скончались” в отношении жертв, но даже говорил об Абигайль Фольгер, бежавшей к “месту своего успокоения”. Это походило на фразы из экскурсионного путеводителя по лесным лужайкам.

Идиотизм происходящего не прошел мимо внимания Мэнсона. Он подал жалобу: “Ваша честь, мой адвокат ничего не делает из того, о чем я прошу, не слушает ни единого слова... Этот человек — не мой адвокат, он ваш адвокат. Я хотел бы уволить его и получить другого”.

Я не знал точно, серьезно говорит Мэнсон или же нет. Даже если Чарли кривил душой, это все равно был прекрасный тактический ход: по сути дела, он заявлял присяжным: “Не судите меня по тому, что этот человек говорит или делает”.

Затем Канарек отдельно расспросил Ногучи о каждой из двадцати восьми ножевых ран на теле мисс Фольгер. Его целью, как он признался у судейского стола, было установить “виновность Линды Касабьян”. Если бы Линда побежала за подмогой, пояснил Канарек, миссис Фольгер, возможно, осталась бы в живых.

Здесь явно что-то было не так. Самой постановкой вопросов Канарек, по сути дела, предполагал присутствие Линды на месте преступления. Кроме того, он подчеркивал — снова, снова и снова — активное участие в нем Патриции Кренвинкль. Ничего неэтичного в

этом не было: клиентом Канарека был Мэнсон. Меня удивляло лишь то, что собственный адвокат Кренвинкль, Пол Фитцджеральд, не так уж часто выражал протесты.

Аарон первым подметил обманчивость происходящего. “Ваша честь, даже если сам Кристиан Барнард^[175] стоял бы там вместе с операционной наготове, жертва все равно не выжила бы: ранение аорты и тогда осталось бы фатальным”.

Позже, в отсутствие присяжных, судья Олдер спросил у Мэнсона, по-прежнему ли тот желает заменить Канарека. Чарли успел передумать, но во время обсуждения этого вопроса сделал интересное замечание о собственных ощущениях по ходу слушаний: “Поначалу мы действовали совсем неплохо. А потом, когда люди начали давать показания, вроде как утратили контроль”.

Хотя первым, кто заметил одежду, найденную телевизионной съемочной группой, на самом деле был репортер программы новостей 7-го канала Эл Ваймен, вместо него мы вызвали телеоператора Кинга Баггота. Если бы мы взяли показания о находке телевизионщиков с Ваймена, впоследствии он не смог бы освещать ход процесса на своем канале. Перед тем как принести присягу, Баггот подошел к судейскому столу, где его уже ждали адвокаты; Олдер хотел удостовериться, что тот не упомянет перед присяжными об опубликованном признании Сьюзен Аткинс, приведшем тележурналистов к выброшенной одежде. В итоге, когда Баггот дал наконец показания, у присяжных создалось впечатление, что телевизионщики действовали, положившись на собственное везение.

После того как Баггот опознал различные предметы одежды, мы вызвали Джо Гранадо из ОНЭ. Джо должен был дать показания относительно взятых им проб крови.

Но Джо давал их не особенно долго. Он забыл захватить свои записи и отправился за ними. К счастью, наготове у нас уже был другой свидетель — Хелен Таббе, работающая в “Сибил Бранд” помощница шерифа, взявшая пробу волос Сьюзен Аткинс.

Джо нравился мне как человек, но в качестве свидетеля оставлял желать много лучшего. Он оставлял впечатление крайне неорганизованного человека; не мог толком выговорить многих технических терминов, хорошо известных ему как профессионалу; часто давал путанные, расплывчатые ответы. Отнюдь не приба вило ему

авторитета и то, что он не стал брать пробы множества пятен, равно как не провел тесты на подгруппу крови многих взятых проб. Меня особенно беспокоило то, что он взял так мало проб из двух кровавых лужиц на пороге дома, перед входной дверью (“Я взял несколько проб наугад, а затем решил, что вся эта кровь одного типа”), как и то, что он вообще не брал пробы с кустов у крыльца (“В то время я, наверное, решил, что вся кровь имеет одно происхождение”). Беспокоился я оттого, что взятые пробы соответствовали группам и подгруппам крови Шарон Тейт и Джея Себринга, тогда как не имелось абсолютно никаких свидетельств тому, что кто-то из них выбегал из дома через главный вход. Я мог, разумеется, заявить присяжным, что убийцы или сам Фрайковски принесли кровь на своих ногах из дома, но уже предвидел, как защита использует эту неясность для того, чтобы бросить тень недоверия на историю, рассказанную Линдой, и поэтому спросил у Джо: “Вы не знаете, насколько верно взятые наугад пробы передают общую картину?”

О.: “Справедливый вопрос. Для этого мне бы пришлось слишком долго копать”.

Гранадо также дал показания о найденном в кресле складном ноже и о радиоприемнике с часами, находившимся в автомобиле Парента. Увы, кто-то в ДПЛА, очевидно, пытался слушать радио, поскольку на циферблате больше не горели цифры 00:15 — и мне пришлось заявить, что это произошло уже после того, как их зафиксировал Гранадо.

Вскоре после окончания процесса Джо Гранадо уволился из ДПЛА и перешел работать в ФБР.

Лишенные доступа в зал суда, члены “Семьи” устроили пикетирование у дверей Дворца юстиции, на углу Темпл и Бродвея.

“Я жду, пока моего отца не выпустят из тюрьмы”, — сказала репортерам коленопреклоненная Сэнди, устроившись рядышком с одним из наиболее оживленных перекрестков в Лос-Анджелесе. “Мы останемся тут, — при почтительном молчании зевая объявила телевизионщикам Пицалка, — пока не освободят всех наших братьев и сестер”. В своих интервью девушки говорили об идущем процессе не иначе, как о “втором распятии Христа”.

Ночами они спали в кустах у здания. Когда полиция положила этому конец, спальные мешки перекочевали в припаркованный

неподалеку белый фургон. Днем “Семья” продолжала стоять на коленях или сидеть на тротуаре, давать интервью, стараться обратить в свою веру любопытствующих помоложе. Отличить настоящих мэнсонитов от случайно приблудившихся к группе было легко: у каждого из членов “Семьи” на лбу виднелся вырезанный знак “Х”. При каждом был также надежно укрытый в ножнах охотничий нож.

Поскольку ножи были выставлены на общее обозрение, их владельцев нельзя было арестовать за скрытое ношение оружия. Полицейские пробовали отвозить ведущих участников “Семьи” в участок за бродяжничество — но после собеседования или, в лучшем случае, нескольких дней заключения все они оказывались на прежнем месте, и спустя недолгое время полиция оставила их в покое.

Ближайшие городские и окружные офисные здания предоставляли им необходимый комфорт — кресла для отдыха и туалетные кабинки. Телефоны-автоматы также были под рукой; в определенное время одна из девушек подходила к телефону и дожидалась проверочных звонков от других членов “Семьи” — включая и тех, что разыскивались полицией. Некоторые доброхоты-репортеры, освещавшие ход суда, сочиняли статьи, в сочувственном тоне восхвалявшие невинность, свежесть и собранность во внешнем облике участников пикета, их трогательную, умилительную преданность подсудимым. Эти репортеры также снабжали их деньгами, которые тратились неизвестно на что — может быть, на пищу. Впрочем, мы точно знали, что “Семья” постоянно пополняет потайные склады оружием и боеприпасами. “Семья” резко выступала против убийства животных, и наверняка оружие приобреталось не для самозащиты.

Смерть матери и отчима стала для Сьюзен Стратерс большим ударом, от которого она оправлялась постепенно, с трудом. Поэтому в качестве свидетеля вызвали Фрэнка Стратерса, который опознал на фотографиях Лено и Розмари Лабианка, а также описал то, что увидел, вернувшись домой вечером в ту субботу. Увидев кошелек, найденный на станции “Стандард”, Фрэнк опознал в нем (равно как и в часиках, лежавших в одном из отделений) собственность матери. Отвечая на вопросы Аарона, Фрэнк показал также, что не обнаружил никаких других пропаж.

Рут Сивик показала, что покормила собак четы Лабианка вечером в субботу. Нет, она не видела кровавых слов на дверце холодильника. Да, она открыла и закрыла эту дверцу, доставая собачью еду.

Продавца газет Джона Фокианоса, рассказавшего о своем разговоре с Розмари и Лено между часом и двумя ночи в ту субботу, сменили офицеры полиции голливудского участка Родригес и Клайн, описавшие свое прибытие на Вейверли-драйв и увиденную ими сцену преступления. Клайн дал показания относительно сделанных кровью надписей. Галиндо, первый из появившихся на Вейверли-драйв следователей, дал подробное описание дома и прилегающей территории, сказав, в частности: “Я не обнаружил никаких следов ограбления. Мною были найдены многочисленные ценные предметы”, которые он затем перечислил. Следователь Брода дал показания относительно сделанной им находки; незадолго до начала вскрытия тела Лено Лабианка в горле убитого был найден нож, не замеченный — из-за натянутой на голову Лено наволочки — никем из других офицеров, что подвело нас к показаниям заместителя медицинского эксперта Дэвида Кацуямы. И к проблемам, связанным с ними.

В первом отчете о ходе следствия по делу об убийстве четы Лабианка читаем: “Хлебный нож, извлеченный из горла [Лено Лабианка], по-видимому, послужил орудием, использованным в обоих убийствах”.

Для такого вывода не существовало ровным счетом никакой научной основы — ведь Кацуяма, проводший вскрытия обоих тел, так и не измерил большинства нанесенных жертвам ран.

Тем не менее, поскольку нож принадлежал чете Лабианка, подобное утверждение позволяло защите объявить, что убийцы явились в дом безоружными; стало быть, они вовсе не собирались никого убивать. Хотя убийство, совершенное при попытке ограбления, все равно остается убийством первой степени, это обстоятельство может приниматься в расчет при определении наказания. Иначе говоря, может стать решающим доводом в вопросе о применении к убийцам смертной казни. Самое же главное, вывод в отчете следователей сводил на нет всю нашу теорию случившегося, заключавшуюся в том, что только Мэнсон — и никто другой! — обладал мотивом для совершения

убийств, а сам мотив связан не с ограблением (такой мотив мог иметься у тысяч людей), а с разжиганием *Helter Skelter*.

Вскоре после того как я получил отчеты по “делу Лабианка”, я заказал увеличенные масштабные копии фото со вскрытий, и попросил Кацуяму определить длину и толщину ран. Сначала я считал, что прояснить глубину ран вообще невозможно — а ведь это могло указывать на минимальную длину лезвия; в любом случае, разбирая оригиналы записей коронера, я обнаружил, что им были измерены две раны на теле Розмари Лабианка (одна длиной в 5 дюймов, другая — в $5\frac{1}{2}$), тогда как две раны на теле Лено Лабианка имели глубину в $5\frac{1}{2}$ дюйма каждая.

После многочисленных просьб с моей стороны Кацуяма нашел время измерить раны на фотографиях. Затем я сравнил его замеры с размерами хлебного ножа. Получилось вот что:

Длина лезвия хлебного ножа — $4\frac{7}{8}$ дюйма.

Глубина наиболее глубокой раны — $5\frac{1}{2}$ дюйма.

Толщина лезвия хлебного ножа — чуть менее $\frac{1}{16}$ дюйма.

Толщина наиболее широкой раны — $\frac{3}{16}$ дюйма.

Ширина лезвия хлебного ножа — от $\frac{3}{8}$ до $1\frac{3}{16}$ дюйма.

Ширина наиболее широкой раны — $1\frac{1}{4}$ дюйма.

Никоим образом, заключил я, принадлежавшим чете Лабианка хлебным ножом нельзя нанести все эти раны. Длина, ширина, толщина — в каждом случае размер хлебного ножа был меньшим, чем сами ранения. Таким образом, убийцы, должно быть, имели при себе собственные ножи.

Вспомнив, однако, как Кацуяма перепутал перед большим жюри кожаную тесемку с электрическим шнуром, я показал ему два набора цифр и — задав ему приблизительно тот же вопрос, который прозвучал бы и в суде, — поинтересовался: сложилось ли у него мнение о том, мог ли хлебный нож, найденный в горле Лено Лабианка, произвести все раны? Да, такое мнение у него имеется, ответил мне Кацуяма. И каково же это мнение? Да, мог.

подавив стон, я попросил Кацуяму вновь сравнить цифры.

На сей раз он решил, что нож четы Лабианка никак не мог причинить всех ранений.

Чтобы окончательно увериться в его ответе, я встретился с мед-экспертом в своем кабинете в тот день, когда я должен был вызвать его в суд в качестве свидетеля. Вновь Кацуяма счел, что нож мог причинить все раны, и затем вновь передумал.

“Доктор, — сказал я ему, — я ничего не пытаюсь вам внушить. Если ваше мнение как профессионала сводится к тому, что все раны нанесены хлебным ножом, — прекрасно. Но цифры, которые вы сами мне дали, указывают, что все эти раны ни могли быть сделаны этим ножом. Определитесь наконец. Только не надо сейчас говорить одно, а перед присяжными — другое. Примите окончательное решение”.

Несмотря на то что Кацуяма придерживался своего последнего ответа, во время его допроса в суде мне все же пришлось пережить достаточно неприятных минут. Так или иначе, мед эксперт показал: “Эти размеры [хлебного ножа] намного меньше размеров ран, которые я только что описал”.

В.: “Значит, вы считаете, что этот хлебный нож, извлеченный из горла мистера Лабианка, не мог быть использован для нанесения многих других ран на его теле; так ли это?”

О.: “Да, я так считаю”.

Розмари Лабианка, показал далее Кацуяма, получила сорок одну ножевую рану, шестнадцать из которых, пришедшиеся, по большей части, на ее спину и ягодицы, были нанесены уже после смерти потерпевшей. Отвечая на мои дальнейшие вопросы, Кацуяма объяснил, что в момент наступления смерти сердце перестает насыщать кровью остальное тело, и, таким образом, посмертные ранения можно отличить по их более светлой окраске.

Это было *крайне* важно, поскольку Лесли Ван Хоутен призналась Дайанне Лейк, что втыкала нож в чье-то уже мертвое тело.

Хотя Кацуяма закончил давать необходимые мне показания уже во время прямого допроса, перекрестный допрос продолжал меня все же беспокоить. В своем первом отчете заместитель коронера указал, что чета Лабианка погибла вечером в воскресенье, 10 августа, — через десяток с лишним часов после того, как они были убиты в действительности. Это не только противоречило версии событий второй ночи в пересказе Линды, но и давало защите прекрасную возможность выдвинуть алиби. Надо думать, они могли бы вызвать немало человек, каждый из которых совершенно искренне заявил бы,

что видел Мэнсона, Уотсона, Кренвинкль, Ван Хоутен, Аткинс, Грогана и Касабьян, катаясь верхом на ранчо Спана вечером в то воскресенье.

Я не только не спросил Кацуяму о приблизительном времени наступления смерти четы Лабианка в ходе прямого допроса, но даже не задал аналогичного вопроса коронеру Ногучи относительно жертв на Сиэло-драйв, потому что (хоть я и знал, что показания Ногучи совпадут с рассказом Линды) не хотел, чтобы присяжные задумывались: отчего это я спросил Ногучи, но не Кацуяму?

Поскольку Фитцджеральд первым вел перекрестный допрос свидетелей, у него всегда был шанс первым же употребить наиболее мощное оружие в арсенале защиты — а в данном случае он мог вызвать настоящую сенсацию. Но он сказал лишь: “Нет вопросов к свидетелю, Ваша честь”, — и, к моему изумлению, те же слова повторили Шинь, Канарек и Хьюз.

Я мог придумать лишь одно подходящее объяснение этому почти невероятному казусу: все отчеты о вскрытии тел были переданы защите с остальными материалами по делу, но никто из четверых адвокатов не осознал важности этих материалов.

У Сьюзен Аткинс разболелся живот. Обстоятельство само по себе незначительное, в данном случае оно привело к внезапному отстранению Аарона Стовитца от дела Тейт — Лабианка.

Четыре дня судебных заседаний прошли впустую: Сьюзен Аткинс жаловалась на боли в желудке, о которых обследовавшие ее врачи отзывались как о “несуществующих”. После того как присяжные были удалены из зала, судья Олдер разрешил Сьюзен говорить, и та, театрально закатывая глаза, перечислила свои болячки. Не слишком впечатлившийся выступлением Аткинс и убежденный, что “она попросту ломает комедию”, Олдер приказал присяжным вернуться и возобновил заседание. Когда, по его окончании, Аарон покидал зал суда, один из репортеров поинтересовался, что он думает о выступлении Сьюзен. Стовитц ответил: “Это было шоу, достойное Сары Бернар^[176]”.

На следующее утро Аарон получил вызов в кабинет окружного прокурора Янгера.

После публикации интервью Стовитца в журнале “Роллинг стоун” Янгер четко заявил Аарону: больше никаких интервью. Немного легкомысленному и свободолюбивому по натуре Аарону нелегко было

соблюсти условие. Однажды, будучи в Сан-Франциско, Янгер включил радиоприемник и услышал, как Аарон комментирует какой-то юридический аспект слушаний. Судебный приказ об ограничении гласности не был нарушен, но по возвращении в Лос-Анджелес Янгер предупредил Аарона: “Еще одно интервью — и вы будете отстранены от дела”.

Я сопровождал Аарона в кабинет Янгера. Брошенную Стовитцем фразу никак нельзя расценивать как интервью, заявил я. Просто походя сделанное замечание. Мы все делали множество подобных замечаний по ходу процесса^[177]. Но Янгер ничего не захотел слушать и объявил зычным начальственным голосом: “Нет, решено. Стовитц, вы отстранены”.

Я был сильно расстроен. На мой взгляд, решение Янгера было совершенно несправедливым. Но в данном случае обжаловать я его не мог.

Поскольку именно я готовил список свидетелей и сам опрашивал большинство из них, отстранение Аарона не слишком сказалось на данном этапе процесса. Мы договаривались, впрочем, разделить надвое окончательную аргументацию перед присяжными, которая длилась бы у каждого из нас по несколько дней. Столкнувшись с необходимостью заниматься всем этим самостоятельно, я взвалил на себя дополнительное бремя к грузу, который уже тащил на себе; только в смысле затрачиваемого времени это означало два лишних часа подготовки ежевечерне — в придачу к обычным четырем или пяти. Назначенные на смену Аарону двое молодых заместителей окружного прокурора — Дональд Мюзих и Стивен Кей — не были в достаточной мере знакомы с материалами дела, чтобы вести допросы свидетелей или излагать перед присяжными выводы, следующие из их показаний.

Ирония состояла еще и в том, что Стив Кей когда-то встречался с участницей “Семьи” Сандрой Гуд — то было настоящее свидание, устроенное матерями обоих молодых людей, выросших в Сан-Диего.

Сержанты Боен и Долан из отделения дактилоскопии ОНЭ выступили как настоящие эксперты в своем деле — какими они, в сущности, и были. Отпечатки пальцев, полицейские архивы, картотека, смазанные и фрагментарные отпечатки, непригодные для снятия поверхности, точки сравнения... К моменту окончания дачи показаний

офицерами присяжные успели выслушать мини-курс по идентификации отпечатков пальцев.

Боем описал, каким именно образом им были получены отпечатки, найденные в доме Тейт, и особый упор сделал на двух из них — на том, что был оставлен на наружной поверхности двери парадного входа, и на том, что располагался на внутренней поверхности левой створки раздвижной двери спальни Шарон Тейт.

Пользуясь заказанными мною диаграммами и многократно увеличенными фотографиями, Долан указал восемнадцать точек совпадения между отпечатком, снятым с парадной двери дома Тейт, и отпечатком безымянного пальца правой руки Уотсона, а также семнадцать точек совпадения между отпечатком с двери хозяйской спальни и отпечатком левого мизинца Кренвинкль. ДПАА, заявил Долан, требует совпадения лишь десяти точек для того, чтобы положительно идентифицировать отпечаток.

После того как Долан показал, что на данный момент нет достоверных сведений о совпадении отпечатка пальца у двух разных людей или о человеке, имеющем два одинаковых капиллярных рисунка на разных пальцах, я (с его же помощью) довел до сведения присяжных, что в 70 процентах расследуемых ДПЛА преступлений специалистам не удается получить ни единого “читабельного отпечатка пальца, принадлежащего кому бы то ни было. Таким образом, позднее я мог объявить присяжным, что факт отсутствия в доме Тейт отпечатков, принадлежащих Сьюзен Аткинс, не означает, что ее там не было, — по той простой причине, что отсутствие четких отпечатков — дело обычное для криминалистов^[178].

В доме Лабианка не было найдено отпечатков Мэнсона, Кренвинкль или Ван Хоутен. Защита могла объявить, что это доказывает, будто никто из них не входил в дом, — и, предвидя это, я спросил Долана о ручке вилки, найденной воткнутой в живот Лено Лабианка. Она сделана из слоновой кости, отвечал он, материала, на котором легко остаются отпечатки. Затем я спросил: “Получили ли вы какой-нибудь отпечаток с ручки этой вилки — краешек, мазок, фрагмент отпечатка, хоть что-нибудь вообще?”

О.: “Нет, сэр, ни единого пятнышка; фактически, у меня создалось впечатление... — тут Канарек выразил протест, но Олдер все же позволил Долану закончить, — ...впечатление, что ручка этой

конкретной вилки подверглась вытиранию”. Позднее, показал Долан, он провел опыт: взялся за ручку пальцами, затем "припорошил ее" и "получил фрагментарные отпечатки".

Хотя миссис Сивик открыла и закрыла дверцу холодильника примерно в 18 часов в день убийства четы Лабианка, Долан не нашел “ни мазка” на хромированной ручке или эмалированной поверхности дверцы. Впрочем, осмотрев дверцу, он все же нашел “следы ее вытирания”.

Особую роль играли и места обнаружения отпечатков Кренвинкль и Уотсона в доме Тейт. Обнаружение отпечатка мизинца Патриции Кренвинкль на внутренней поверхности двери, ведущей из спальни Шарон Тейт к бассейну, доказывало не только ее пребывание в самом доме; в совокупности с показаниями Линды это указывало на то, что она, вероятно, выбежала за Абигайл Фольгер именно через эту дверь. Брызги и лужицы крови внутри дома, на самой двери и уже за нею снаружи принадлежали к В-MN, группе и подгруппе Абигайл Фольгер^[179]. Таким образом, обнаружение отпечатка Кренвинкль именно здесь прекрасно совпадало с показаниями Линды Касабьян: она видела Абигайл, выбежавшую примерно отсюда, и размахивавшую ножом Кренвинкль, несшуюся за нею по пятам.

Позиция отпечатка, оставленного Уотсоном, была еще более “однозначна” в трактовке событий. Хотя Боем показал, что тот располагался на *внешней* поверхности парадной двери дома, он также сказал, что отпечаток находился над дверной ручкой, в шести-восьми дюймах от нее; кончик оставившего этот отпечаток безымянного пальца указывал *вниз*. Как я продемонстрировал присяжным, чтобы оставить подобный отпечаток, Уотсон должен был находиться *внутри* резиденции и открывать дверь с намерением выйти наружу. Чтобы оставить такой отпечаток снаружи, ему пришлось бы вывернуть руку самым неестественным и неудобным образом (читатель поймет, что я имею в виду, если попытается приложить безымянный палец правой руки к краю двери обоими способами).

Логика подсказывала, что Уотсон оставил отпечаток, преследуя Фрайковски; Кренвинкль — в погоне за Фольгер.

Это были наиболее сильные стороны показаний относительно отпечатков. Имелась и слабая сторона. Предвидя, что защита постарается извлечь максимум из отпечатков, так и оставшихся

неидентифицированными (25 из 50 найденных в доме Тейт, 6 из 25 — в доме Лабанка), я сам задал Долану соответствующий вопрос. Но и дал несколько возможных объяснений. Поскольку, как показал Долан, никто не обладает двумя одинаковыми капиллярными линиями, вполне возможно, что 25 оставшихся неидентифицированными отпечатков в доме Тейт оставлены всего тремя людьми, тогда как 6 отпечатков в доме Лабанка могли быть оставлены даже одним человеком. Более того, с помощью Долана я уведомил присяжных, что отпечаток пальца может сохраняться довольно долго; в условиях закрытого помещения он может месяцами оставаться в прямом смысле слова нетронутым. Я мог позволить себе заявить об этом, коль скоро два интересовавших меня отпечатка, принадлежащие Кренвинкль и Уотсону, располагались на поверхностях, недавно вымытых Винифред Чепмен.

Я ожидал, что Фитцджеральд сосредоточит все свои усилия на этой единственной слабой точке. Вместо этого он атаковал Долана там, где тот был защищен наилучшим образом: Фитцджеральд постарался поставить под сомнение компетентность эксперта. Ранее я представил присяжным тот факт, что Долан провел в отделении дактилоскопии ОНЭ семь лет; на протяжении этого времени он самостоятельно получил более 8 тысяч отдельных отпечатков, а также провел сличение 500 тысяч оттисков. Теперь Фитцджеральд спросил у Долана: “Поправьте меня, если мои вычисления не верны, сержант, но вы показали, что присутствовали лично на 8 тысячах мест преступлений. Если вы посещаете одно место преступления в день и работаете, в среднем, 200 дней в год, то вы должны заниматься этим уже сорок лет, не так ли?”

О.: “Боюсь, мне придется посчитать это на клочке бумаги”.

В.: “Предположим, вы посещаете одно место преступления в день... правильно ли это мое предположение, сержант? Вы действительно посещаете одно место преступления в день?”

О.: “Нет, сэр”.

В.: “Сколько же мест преступлений вы посещаете на протяжении рабочего дня?”

О.: “Ну, последние два-три года... где-то между пятнадцатью и двадцатью”.

В.: “В день?”

О.: “Да, сэр”.

Фитцджеральд угодил в собственную ловушку. Вместо того чтобы подняться, отряхнуться и перейти на относительно менее опасное место, он принялся вострить прежние колья, пытаясь атаковать статистику. Если бы Пол хорошо выполнил свою домашнюю работу (а поскольку отпечатки пальцев оставались единственными вещественными доказательствами, привязывавшими его клиента к убийствам, никаких оправданий его промаху быть не может), то узнал бы, как выяснили теперь присяжные, что с 1940 года ОНЭ ведет точный учет, показывающий, в частности, сколько звонков совершил тот или иной офицер, число полученных им отпечатков пальцев и количество раз, когда благодаря его работе устанавливалась личность преступника.

Во время своей части перекрестного допроса Канарек попытался предположить, что, проводя бензидиновые тесты на присутствие крови, Гранадо мог уничтожить какие-либо отпечатки в доме Лабианка. К огорчению Канарека, Долан возразил, что прибыл к дому Лабианка *прежде*, чем там появился Гранадо.

Канарек хуже справлялся с перекрестным допросом Долана, чем с допросами некоторых других свидетелей обвинения, но это не значило, что я могу расслабиться. В любой момент он мог выкинуть что-нибудь наподобие:

Канарек: “Ваша честь, ввиду того факта, что Департамент полиции Лос-Анджелеса даже не стал сравнивать отпечатки пальцев Линды Касабьян...”

Буглиози: “С чего вы это взяли, мистер Канарек?”

Канарек: "...у меня нет дальнейших вопросов к свидетелю".

Судья: “Ваше замечание неправомерно”.

Буглиози: “Не предостережет ли Ваша честь присяжных от принятия всерьез этой безосновательной ремарки мистера Канарека?”

Олдер так и поступил.

Перекрестный допрос в исполнении Хьюза был короток и деловит. Сравнил ли свидетель полицейские экземпляры отпечатков пальцев Лесли Ван Хоутен с отпечатками, найденными в доме Лабианка? Да. И ни один из обнаруженных там отпечатков не совпал с отпечатками пальцев Лесли Ван Хоутен, так ли это? Да, сэр. Вопросов больше не имею.

Хьюз быстро учился на чужих ошибках.

Очевидно, считая, что в рукаве у Канарека спрятано нечто действительно полезное, Фитцджеральд провел свой перекрестный допрос без особого толку и потому был вынужден просить о повторном допросе. После чего спросил: “Скажите, случалось ли вам сравнивать отпечатки пальцев, найденные в доме Тейт, и отпечатки пальцев, найденные в доме Лабианка, с полицейскими экземплярами отпечатков пальцев некоей Линды Касабьян?”

О.: "Да, сэр, я проводил такое сравнение".

В.: “Каковы же были результаты?”

О.: “Отпечатки Линды Касабьян не обнаружены на местах обоих преступлений”.

Фитцджеральд: “Благодарю вас”.

По мере своих сил я старался как можно реже выставлять ДПЛА в забавном свете, но далеко не всегда мне это удавалось. Так, ранее мне пришлось задавать сержанту ДеРосе вопросы относительно причины нажатия им кнопки, управлявшей открытием ворот усадьбы Тейт, с тем чтобы присяжные не заинтересовались, отчего это свидетели обходят стороной в своих показаниях оттиск окровавленного пальца на этой кнопке. В прямом допросе одиннадцатилетнего Стивена Вейса я удовлетворился его заявлением о том, что револьвер 22-го калибра был найден им 1 сентября 1969 года, и не вдавался в подробности последующих событий. Фитцджеральд же, напротив, выяснил во время перекрестного допроса, что полиция получила оружие в тот же день; как объявил адвокат, отдел расследования убийств ДПЛА забрал револьвер только 16 декабря 1969 года — после того, как отец Стивена позвонил и сказал полицейским, что револьвер, который они разыскивают, давно уже у них. Фитцджеральд также известил присяжных, что после того, как Стивен принял все меры предосторожности, стараясь не уничтожить возможные отпечатки пальцев, получивший оружие офицер полиции буквально вертел револьвер в руках.

Мне было даже немного жаль следующего свидетеля. Собравшиеся едва успели перевести дыхание, отсмеявшись, когда место свидетеля занял офицер Уотсон из участка ДПЛА в Ван-Нуйсе: именно он был тем полицейским, которому Стивен передал свою находку.

Показания Уотсона, впрочем, были мне необходимы: он не только опознал револьвер (отметив, что правая сторона его рукояти отсутствовала, дуло было погнуто, а гарда спускового крючка сломана), но и показал, что в барабане находилось два неиспользованных патрона и семь стреляных гильз.

Сержант Калкинс показал, что 16 декабря 1969 года ездил из Центра Паркера в участок за револьвером 22-го калибра.

На перекрестном допросе свидетеля Фитцджеральд заставил Калкинса признаться, что между 3 и 5 сентября 1969 года ДПЛА разослал около трех сотен служебных писем, вкуче с фотографией и подробным описанием типа разыскиваемого полицией револьвера, в различные полицейские участки Соединенных Штатов и Канады.

Чтобы присяжные не задумались, отчего же ДПЛА не забрал револьвер из участка сразу после рассылки писем, мне пришлось спросить Калкинса во время повторного допроса: “Посылали ли вы подобное письмо в участок Департамента полиции Лос-Анджелеса в Ван-Нуйсе?”

О.: “Насколько я знаю, нет, сэр”.

Во избежание дальнейшего пребывания ДПЛА в столь неловком положении я не стал спрашивать, какое именно расстояние разделяет участок в Ван-Нуйсе и усадьбу Тейт.

7—10 сентября 1970 года

Из-за съезда юристов штата судебное заседание было отложено на три дня. Я провел их, готовя свои аргументы и напряженно размышляя об одном звонке.

Когда 10 сентября ход процесса был возобновлен, я сделал в кулуарах следующее заявление:

“Одна из наших свидетельниц, Барбара Хойт, была вынуждена покинуть родительский дом. Мне не известны все детали, но ее мать говорит, что Барбаре угрожали: если она даст показания на этом суде, она сама и вся ее семья будут убиты.

Я уверен в двух вещах. Я знаю, что угроза не исходит от стороны обвинения и что она не исходит от моей тетушки, проживающей в Миннесоте.

Мне представляется наиболее вероятным, что угроза жизни Барбары поступила со стороны защиты.

Я сообщаю об этом лишь затем, чтобы адвокаты защиты и их клиенты знали: мы не намерены терпеть подобные вмешательства в ход процесса. Люди, ответственные за подстрекательство к даче ложных показаний, обязательно понесут наказание. Более того, когда наши свидетели займут свое место в зале суда, я постараюсь, чтобы они смогли рассказать присяжным о том, что им угрожали расправой. Это имеет прямое отношение к делу.

Предлагаю подсудимым довести мои слова до сведения своих друзей”.

Когда мы вернулись в зал судебных заседаний, мне пришлось выкинуть из головы подобные заботы и полностью сконцентрироваться на представляемых нами уликах. Наступил решающий момент. Звено за звеном, мы собирались привязать револьвер к ранчо Спана и к Чарльзу Мэнсону.

В пятницу, еще перед долгим перерывом, сержант Ли из отделения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ ОНЭ показал, что пуля, извлеченная из тела Себринга, выпущена именно из этого револьвера “лонгхорн”. Ли заявил также, что, хотя остальные пули с того же места преступления (усадьба Тейт) существуют в виде фрагментов и не имеют достаточного количества бороздок для позитивной идентификации, он не нашел никаких отметин или характеристик, которые полностью отвергали бы вероятность, что и они также выпущены из того же оружия.

Когда я попытался задать Ли вопрос относительно еще одного звена той же цепи — найденных нами на ранчо Спана стреляных гильз, — Фитцджеральд попросил разрешения приблизиться к судейскому столу. Позиция защиты такова, заявил он, что гильзы получены обвинением в ходе обыска, проведенного без соответствующего ордера, и потому не могут быть представлены в суде.

“Предвидя, что защита может выразить подобный протест, — сказал я Суду, — я записал разрешение, данное нам Джорджем Спаном, на магнитофонную ленту. Запись находится в распоряжении сержанта Калкинса. Он ездил на ранчо вместе со мной”.

Только записи у Калкинса не оказалось. И теперь, спустя почти неделю, он по-прежнему не мог найти ее. В итоге мне пришлось вызвать Калкинса, чтобы он дал показания под присягой: Джордж Спан действительно разрешил нам обыскивать ранчо. На проведенном Канареком перекрестном допросе Калкинс отрицал, что лента "исчезла" или "утрачена"; "Я просто не сумел найти ее", — сказал он.

В конце концов Олдер признал обыск правомерным, и Ли дал показания: под микроскопом обнаружилось, что гильза от патрона, выпущенного из револьвера в ходе тестов, и пятнадцать из найденных на ранчо Спана гильз имеют идентичные компрессионные метки.

Бороздки, фаски, канавки, компрессионные метки — после нескольких часов технических подробностей и более сотни протестов (в большинстве своем исходящих от Канарека) мы все же поместили револьвер, послуживший орудием убийств на Сиэло-драйв, на ранчо Спана.

Хоть Томас Уоллеман (*тик* Ти-Джей) и согласился дать показания, свидетельствовал он нехотя. Он так и не отмежевался от "Семьи". Уезжал, возвращался снова... Казалось, Ти-Джея притягивает легкий жизненный стиль, но отталкивают воспоминания о той ночи, когда он видел, как Мэнсон стрелял в Бернарда Кроуи.

Я понимал, что не смогу упомянуть в суде сам факт стрельбы в ходе разбирательства виновности подсудимых, однако задал Ти-Джею ряд вопросов о событиях, происходивших непосредственно перед выстрелом. Он вспомнил, как, поговорив по телефону, Мэнсон попросил у Шварца его "форд" 1959 года выпуска, взял револьвер и вместе с Ти-Джеем подъехал к многоквартирному дому на Франклин-авеню в Голливуде. Остановив машину, Мэнсон протянул Ти-Джею револьвер и попросил засунуть оружие за брючный ремень.

В.: "Затем вы оба вошли в квартиру, это верно?"

О.: "Да".

Расспрашивать о дальнейшем я не имел права. Теперь я показал Ти-Джею револьвер "хай-стандарт" 22-го калибра и спросил: "Приходилось ли вам видеть это оружие и раньше?"

О.: "Мне так не кажется. Похоже, конечно, но я не могу быть уверен, знаете ли".

Ти-Джей увиливал от прямого ответа, и я не собирался спустить ему это. В ходе дальнейшего допроса Томас признал, что этот револьвер отличается от виденного им в ту ночь лишь одним: не хватает половины рукояти.

В.: “Я полагаю, вначале вы посчитали, что это не тот же самый револьвер, но теперь, по вашим собственным словам, выходит, что он выглядит в точности так же”.

О.: “Ну, то есть я не знаю *наверняка*, тот ли это револьвер, но он *выглядит совсем как тот самый*. Таких револьверов полным-полно”.

Меня не беспокоило это маленькое преувеличение, поскольку Ломакс из “Хай-стандарт” уже дал показания о том, что данная модель встречается относительно редко.

Хоть и ограниченные, показания Ти-Джея были крайне важны, поскольку он стал первым свидетелем, связавшим Мэнсона и револьвер.

Вечером мне позвонили из ДПЛА. Барбара Хойт находится в больнице в Гонолулу. Кто-то дал ей предположительно смертельную дозу ЛСД. К счастью, девушку вовремя успели доставить в больницу.

Я не знал множества деталей, пока не поговорил с Барбарой.

Сбежав с ранчо Баркера, хорошенькая семнадцатилетняя девушка вернулась домой. Она сотрудничала с нами, но с чрезвычайной неохотой согласилась выступить в суде; поэтому, когда девицы Мэнсона связались с ней вечером 5 сентября и предложили бесплатный отдых на Гавайях в обмен на отказ давать показания, Барбара приняла предложение.

Среди членов “Семьи”, помогавших убедить ее, были Пицалка, Цыганка, Уич и Клем.

Ту ночь Барбара провела на ранчо Спана. На следующий день Клем отвез Барбару и Уич к одному из конспиративных убежищ — дому в Северном Голливуде, снятому одним из новообращенных участников “Семьи”, Деннисом Райсом^[180].

Райс отвез обеих в аэропорт, купил им билеты и дал пятьдесят долларов наличными в придачу к нескольким кредитным карточкам, среди которых, очень кстати, имелась и карточка “Гетуэй”^[181] от TWA. Используя вымышленные имена, девушки улетели в Гонолулу, где сняли роскошный номер в гостинице “Хилтон Гавайан Вил-лидж”.

Барбаре, впрочем, не довелось хорошенько осмотреть острова, поскольку Уич (уверенная, что Барбару разыскивает полиция) настаивала на том, чтобы оставаться в гостиничном номере.

Живя в Гонолулу, бывшие близкими подругами девушки много и подолгу разговаривали. Уич говорила Барбаре: “Мы все должны пройти через *Helter Skelter*. Если мы не сделаем этого мысленно, придется осуществить это физически. Если ты не умрешь в собственном сознании, тогда ты умрешь, когда начнется *Helter Skelter*”. Уич также заметила, что Линде Касабьян тоже недолго осталось; она умрет, самое большее, через полгода.

Примерно в одно и то же время каждое утро Уич звонила по межгороду (номер принадлежал платному телефону в Северном Голливуде, в трех кварталах от жилища Райса; по меньшей мере однажды трубку взяла Пицалка — неофициальный лидер “Семьи” в отсутствие Мэнсона).

Сразу после звонка, совершенного 9 сентября, поведение Уич резко изменилось. “Она вдруг посерьезнела и начала странно так на меня поглядывать”, — рассказывала Барбара. Уич объявила Барбаре, что ей нужно вернуться в Калифорнию, но сама Барбара останется на Гавайях. Позвонив в аэропорт, Уич заказала билет в Лос-Анджелес на рейс, улетающий в 13:15.

Они поймали такси и прибыли в аэропорт незадолго до полудня. Уич сказала, что не голодна, но предложила Барбаре что-нибудь съесть. Они зашли в ресторанчик, и Барбара заказала гамбургер. Когда еду принесли, Уич взяла ее и вынесла наружу, оставив Барбару расплачиваться.

У кассы стояла очередь, и на несколько минут Барбара потеряла Уич из виду.

Когда она вышла из ресторанчика, Уич отдала ей гамбургер, и Барбара съела его, вместе с подругой ожидая объявления посадки на ее рейс. Перед тем как расстаться, Уич заметила: “Вообрази, на что было бы похоже, если в том гамбургере было бы десять доз кислоты”. Барбара могла ответить только: “Ого!” Она никогда не слыхала, чтобы кто-то принимал больше одной дозы ЛСД, позднее скажет Барбара, и сама мысль была скорее пугающей.

После того как Уич ушла, Барбара ощутила “приход”. Она пробовала сесть на автобус, идущий к пляжу, но вскоре ей стало

настолько худо, что пришлось сойти. В панике она побежала по шоссе — все бежала, бежала и бежала, пока не рухнула без сил.

Социальный работник Байрон Галлоуэй увидел девушку, распростертую на обочине тротуара рядом со штаб-квартирой Армии Спасения. Можно считать лишь счастливым совпадением, что Галлоуэй работал в больнице штата, специализируясь на наркотической передозировке. Определив, что девушка находится в крайне тяжелом состоянии, он поспешил отвезти Барбару в медицинский центр “Квинс”, где ей поставили диагноз — острый психоз, вызванный приемом наркотиков. Обследовавший ее врач сумел узнать у Барбары ее имя и адрес в Лос-Анджелесе, но остальное показалось ему полным бредом; как указано в медицинской карте, “пациентка произнесла: “Позвоните мистеру Боглио-ги и скажите ему, что я не смогу дать сегодня показания на суде Шарон Тейт”.

Оказав ей экстренную помощь, служащие больницы позвонили в полицию и родителям Барбары. Мистер Хойт немедленно вылетел на Гавайи и уже на следующий день вернулся в Лос-Анджелес вместе с дочерью.

Получив первый, еще фрагментарный, отчет о случившемся, я заявил ДПЛА, что хочу, чтобы имеющим отношение лицам было предъявлено обвинение в попытке убийства.

Поскольку Барбара была свидетельницей по делу об убийствах на Сизло-драйв, расследование инцидента поручили следователям “команды Тейт”, Калкинсу и Макганну.

11–17 сентября 1970 года

Я знал, что Дэнни ДеКарло боится Мэнсона, но мотоциклист отлично постарался, скрывая это во время дачи показаний. Когда Чарли и девушки улыбались Ослику Дэну, тот открыто ухмылялся в ответ.

Меня беспокоило, что ДеКарло может намеренно смягчать свои ответы, как он делал это в ходе суда над Бьюсолейлом. Уже через несколько минут мои опасения, однако, совершили внезапный оборот: меня уже не столько беспокоил ДеКарло, сколько Олдер. Когда я пытался с помощью ДеКарло прояснить отношения между Мэнсоном и Уотсоном, Олдер вновь и вновь удовлетворял протесты защиты. Он также удовлетворил протест, налагавший вето на описание обеденных

рассуждений Мэнсона, когда тот разъяснял последователям свою философию относительно черных и белых.

В кулуарах Олдер сделал два замечания, которые буквально потрясли меня. Он спросил: “А какое отношение к делу имеет то, был Мэнсон их лидером или нет?” Кроме того, Олдер захотел получить доказательства тому, что сама концепция *Helter Skelter* тоже имеет отношение к делу! Так, словно до сих пор судья вообще не присутствовал в зале!

Смятение, охватившее меня при этих его заявлениях, ясно слышится в моем ответе: “Доказательство в том, что Мэнсон хотел обратить черных против белых и часто говорил об этом. Разумеется, это и есть единственный мотив для совершенных ими убийств. Вот и все. За убийствами стоит *Helter Skelter*, и больше почти ничего”.

Далее я отметил: “Обвинение считает, что мистер Мэнсон *приказал* своим подручным убивать. Его философия, и ничто иное, *привела этих людей* к совершению убийств. Мотивом убийств было *разжигание Helter Skelter*. Конечно, это имеет отношение к делу. По-моему, это должно быть настолько очевидным, что у меня просто нет слов”.

Судья: “Я хочу предложить вам следующее, мистер Буглиози. Во время часового перерыва подумайте хорошенько, что именно должны доказать приводимые вами доказательства. Теперь я понимаю, что часть их вы получаете из показаний одного свидетеля, а часть — из показаний другого. Это не так уж редко встречается. Но на данный момент я по-прежнему не нахожу никакой связи между абстрактными взглядами мистера Мэнсона на людей с черной и белой кожей и каким бы то ни было конкретным мотивом”.

На протяжении всего перерыва пот лил с меня градом. Если я не сумею доказать полный контроль Мэнсона над остальными подсудимыми, мне не удастся убедить присяжных, что они убивали, подчиняясь его инструкциям. И если Олдер не позволит мне, с помощью ДеКарло, привести в суде взгляды Мэнсона на неизбежность межрасовой войны, когда основные показания по этому вопросу (Джекобсон, Постон и Уоткинс) еще впереди, тогда обвинение зашло в тупик.

Я вернулся в кулуары, вооруженный прецедентами и судебными постановлениями, касающимися уместности и допустимости показаний ДеКарло. И все же после долгих напряженных уговоров выяснилось,

что я так и не сумел переубедить Олдера. Он все еще не понимал, например, какое значение может иметь подчиненность Уотсона Мэнсону или зачем мне нужны показания ДеКарло относительно того, что Текс не был по натуре человеком волевым, обладая для этого слишком слабым характером. Значение, разумеется, заключалось в том, что, если мне не удастся подчеркнуть это обстоятельство перед присяжными, те могут счесть, что именно Уотсон, а не Мэнсон, приказывал убивать.

Буглиози: “Мне кажется, Суд может определить, что это имеет прямое отношение к делу, по поведению защиты — они же пляшут на задних лапках, стараясь замолчать эти показания”.

Канарек: “А мне кажется, мистер Буглиози утратил присущее ему хладнокровие потому, что одержим манией: ему любой ценой нужно приговорить к смерти мистера Мэнсона”.

Буглиози: “Он обвиняется в семи убийствах, и я не собираюсь спускать ему это с рук... Я намерен вызвать всех нужных мне свидетелей и установить, кто же такой этот Текс Уотсон, кроме имени”.

Судья: “Я не стану отговаривать вас *пытаться* сделать это, мистер Буглиози”.

Вернувшись в зал суда, я задал ДеКарло точно тот же вопрос, что уже прозвучал несколькими часами ранее: “Каково ваше впечатление об общем стиле поведения Текса Уотсона?”

Канарек: “Ваша честь, я протестую: этот вопрос подводит свидетеля к выводу”.

Буглиози: “*Народ против Золлера*, Ваша честь!”

Я был настолько уверен в ответе Олдера “Протест удовлетворен”, что мне показалось, будто я ослышался, когда судья произнес: “Отклонено. Отвечайте, пожалуйста”.

ДеКарло: “Он был беспечным парнем: будь что будет, и все такое. Нормальный парень. Текс мне нравился. Он никогда не злился, не выступал. Да и говорил мало”.

Оглянувшись, я увидел, как Дон Мюзих и Стив Кей таращатся на судью с открытыми ртами. Несколько секунд тому назад, в кулуарах, Олдер объявил, что не видит смысла во всей моей линии опроса свидетелей. Теперь же он полностью противоречил сам себе. Стараясь покончить с допросом ДеКарло как можно быстрее, чтобы судья не

успел передумать снова, я выяснил, что всякий раз, когда Чарли приказывал что-нибудь сделать, Текс повиновался.

То, что Олдер принял нашу точку зрения в вопросе о доминации Мэнсона над Уотсоном, не означало, что теперь он видит смысл обсуждать *Helter Skelter*. Я скрестил пальцы, задавая ДеКарло вопрос: “Помните ли вы, чтобы мистер Мэнсон говорил что-нибудь о черных и белых? О людях с черной кожей и белокожих?”

Потрясенный, ничего не понимающий Канарек выразил протест: “Этот вопрос он уже задавал!”

Судья: “Отклонено. Отвечайте, пожалуйста”.

О.: “Ему не нравились чернокожие”.

ДеКарло показал, что Мэнсон хотел увидеть начало войны черных с полицией и белым истеблишментом, для которых у Чарли имелось одно имя — “свиньи”; по словам Чарли, свиньям “следует перерезать глотку и повесить за ноги”; что ему самому приходилось много, много раз слышать от Чарли выражение “*Helter Skelter*”. На всем протяжении дачи показаний Канарек обрушивал на Суд шквальный огонь протестов, часто звучавших посреди ответов ДеКарло. Олдер заявил ему: “Вы прерываете показания, мистер Канарек. Я уже несколько раз предупредил вас сегодня. И теперь предупреждаю в последний”.

Канарек: “Я стараюсь не выражать ненужных протестов, Ваша честь”.

Судья: “Правда? Тогда прекратите этим заниматься”.

Однако не прошло и нескольких минут, как Канарек принялся за старое, и Олдер подозвал его к себе. Не на шутку рассерженный, Олдер сказал Канареку: “Похоже, вы страдаете от какого-то физического недостатка или умственного расстройства, которое заставляет вас прерывать свидетеля и мешать ему давать показания. Сколько ни предупреждай, вы постоянно этим занимаетесь, снова и снова... Вы стараетесь сбить свидетеля с толку. Это совершенно ясно. Итак, я больше не стану делать вам поблажек, мистер Канарек, с меня довольно”.

“Но я стараюсь сознательно выполнять все ваши распоряжения”, — возразил Канарек.

Судья: “Нет-нет, боюсь, что ваши объяснения не помогут. Я слишком долго вас слушал. Я уже знаком с вашей тактикой, и более не намерен терпеть ее”. Олдер счел, что Канарек оскорбил Суд, и в конце

дневного заседания приговорил его провести выходные в окружной тюрьме.

Дэнни ДеКарло никогда по-настоящему не понимал идею *Helter Skelter*, да и не особенно ею интересовался. Как он признался мне, основные его интересы на ранчо Спана делились между “выпивкой и девчонками”. Дэнни не мог понять, как его показания насчет всей этой “черно-белой” истории могут повредить Чарли, и говорил об этом свободно, не увиливая от прямых ответов. Когда же речь зашла о вещественных доказательствах — ножах, веревке, револьвере, — он увидел связь и “попятился”; не слишком далеко, но достаточно, чтобы проявить неуверенность в опознании.

Беседа с Дэнни, я узнал многое из того, что никогда не попадало на записи, сделанные офицерами ДПЛА. Например, ДеКарло вспомнил, что в начале августа 1969 года Цыганка купила десять или двенадцать складных ножей, розданных затем различным участникам “Семьи”, жившим на ранчо Спана. Ножи, по словам ДеКарло, имели длину лезвия приблизительно в 6 дюймов; 1 дюйм в ширину; $\frac{1}{9}$ дюйма в толщину — эти цифры почти совпадали с названными Касабьян и Ногучи. Просматривая хранившиеся у шерифа отчеты о рейде 16 августа, я обнаружил упоминание о большом количестве конфискованного оружия (включая автомат, спрятанный в футляр от скрипки) — но ни единого слова о складных ножах.

Логика подсказывает, — как позднее я заявлю присяжным, — что после убийств “Семья” избавилась от остальных ножей.

Я собирался вызвать сержанта Глизона из ОШЛА, чтобы тот засвидетельствовал отсутствие ножей на ранчо в период рейда.

Вначале, однако, мне хотелось, чтобы Дэнни дал показания об их покупке. Он дал такие показания, но без особой радости. Когда я спросил у него, кто покупал складные ножи, он ответил: “Я не уверен. Кажется, Цыганка, но я не могу сказать наверняка”.

Когда речь зашла о веревке Тейт — Себринга, ДеКарло показал, что она “похожа” на веревку, купленную Мэнсоном в магазине “Джек Фрост”. Я настаивал: “Отличается ли в чем-либо эта веревка от той, что покупал Чарли?”

О.: “Нет”.

ДеКарло говорил мне, что Чарли предпочитает пистолетам ножи и сабли, поскольку “в пустыне звуки выстрелов разносятся слишком

далеко”. Я спросил, не было ли у Мэнсона каких-то особенных предпочтений среди огнестрельного оружия, имевшегося на ранчо Спана? Ну да, ответил ДеКарло, револьвер “бантлайн”, “хай-стандарт” 22-го калибра. Показав ему револьвер, я спросил: “Вам когда-нибудь приходилось видеть это оружие?”

О.: “Я видел один, совсем как этот”.

В.: “Есть ли между ними какие-нибудь различия?”

О.: “У этого сломана гарда курка”.

А еще?

О.: “Вообще-то я не уверен”.

В.: “Почему вы не уверены?”

О.: “Не знаю. Я же не помню серийного номера. Я не уверен, что это именно тот револьвер”.

ДеКарло самолично чистил, смазывал и пристреливал этот револьвер. У Дэнни имелся обширный опыт обращения со стрелковым оружием. Сама модель револьвера необычна. И Дэнни ведь рисовал ее для ДПЛА, не подозревая еще, что такой же револьвер был использован при убийствах на Сизло-драйв (я уже демонстрировал рисунок в целях опознания, преодолев заявленный Канареком протест, что бумажка, доскаты, “основана на слухах”). Если кто-то вообще был способен утвердительно опознать револьвер, то это именно Дэнни ДеКарло. Полагаю, он не сделал этого из-за страха.

Хоть и чуточку менее уверенный, чем во время наших бесед, в качестве свидетеля ДеКарло был неоценим: через него мне все-таки удалось протащить в зал суда огромное количество необходимых показаний. Заседание вновь было прервано на трое суток, но в общей сложности прямой допрос ДеКарло занял менее полутора дней. Я закончил его 17 сентября.

В то утро Мэнсон передал мне через Фитцджеральда и Шиня весть о том, что он хочет повидать меня в отведенном ему помещении во время часового перерыва. Канарек не присутствовал, хотя двое других адвокатов там все же были.

Я спросил Мэнсона, о чем он намерен рассказать.

“Я просто хотел, чтобы вы знали: я не имею никакого отношения к попытке убийства Барбары Хойт”, — сказал Мэнсон.

“Я не знаю наверняка, приказывал ли ты убить ее или они додумались до этого сами, — ответил я, — но ты сам понимаешь, как и

я понимаю, что в любом случае они сделали это, надеясь доставить тебе удовольствие”.

Мэнсону хотелось потрепаться, но я оборвал его на полуслове: “Я не в настроении разговаривать с тобой, Чарли. Может быть, если ты наберешься мужества дать показания, мы поговорим тогда”.

Я поинтересовался у Макганна, как продвигается следствие по “делу гамбургера из Гонолулу”, как окрестили попытку убийства Хойт газетчики. Макганн признался, что ему с Калкинсом так и не удалось сыскать абсолютно никаких улик.

Тогда я поручил Филу Сартучи из “команды Лабианка” взять расследование на себя. Пол вовремя представил подробный отчет со сведениями по авиабилетам, кредитным карточкам, междугородным звонкам и так далее. Так или иначе, дело было представлено большому жюри лишь в декабре. Все это время Уич, Пицалка, Клем, Цыганка и Райс оставались на свободе. Я часто замечал их в компании других членов “Семьи”, на углу Темпл и Бродвея.

На перекрестном допросе Фитцджеральд спросил у ДеКарло: “Правда ли, что мистер Мэнсон давал вам понять: на самом деле ему нравятся чернокожие?”

Дэнни ответил: “Ага. Было разок, говорил он такое”.

На повторном допросе я расспросил ДеКарло об этом конкретном разговоре. Чарли сказал ему, что любит черных, ответил

Дэнни, “потому что у них хватает духу сражаться с полицейскими”.

Шинь поставил присяжных в известность, что ДеКарло знает (и более чем просто любопытствует по этому поводу) о назначенной награде в 25 тысяч долларов, предположив тем самым, что у мотоциклиста имеется свой резон сфабриковать показания. Канарек также потратил немало времени, проясняя это обстоятельство. Далее, он в подробностях расспросил Дэнни о его пристрастии к пистолетам. Ранее ДеКарло показал, что любит огнестрельное оружие; сможет ли он описать эту свою любовь? — спросил Канарек.

Ответ ДеКарло заставил стены ходить ходуном: “Ну, я люблю “пушки” больше, чем собственную старушенцию”.

Нетрудно было догадаться, куда клонит Канарек: он пытался дать понять присяжным, что именно ДеКарло, а вовсе не Мэнсон, нес ответственность за все вооружение, имевшееся на ранчо Спана.

Канарек сменил тему. Правдиво ли утверждение, спросил он у ДеКарло, что “все время, проведенное на ранчо, вы были навеселе?”

О.: “Это уж точно”.

В.: “Бывали ли вы навеселе до такой степени, что во многих случаях вас приходилось относить в кровать?”

О.: “Я редко попадал туда на своих двоих”.

Канарек упирал на пьянство ДеКарло, равно как и на его расплывчатые оценки времени суток и дат. Как он мог запомнить один субботний вечер, а не, скажем, какой-нибудь другой?

“Ну, в тот самый вечер, — отвечал ДеКарло, — на меня здорово разозлилась Цыганка: я не стал снимать ботинки, когда занимался с нею любовью”.

В.: “Единственная вещь, которая надолго застряла в вашем сознании, единственное, что вы вообще хорошо помните, — это то, что вы часто занимались сексом, не так ли?”

О.: “Ну, кое-чего я и про секс не помню”.

Канарек набрал немало очков. Он объявил, например, что ранее (во время суда над Бьюсолейлом) ДеКарло дал показания о том, что пребывал навеселе 99 процентов всего времени. Защита могла теперь заметить присяжным, что ДеКарло настолько часто бывал в опьянении, что уже не был способен отчетливо воспринимать происходящее, не говоря уже о конкретных фразах конкретных людей. К несчастью для защиты, Фитцджеральд нечаянно подорвал этот довод, попросив ДеКарло объяснить ему разницу между понятиями “пьяный” и “навеселе”.

О.: “Я говорю, что “пьян”, когда уже не держусь на ногах. “Навеселе” — это когда я прогуливаюсь, потягивая из бутылки”.

18 сентября 1970 года

В тот день к нам в зал суда пожаловал неожиданный посетитель — Чарльз “Текс” Уотсон, собственной персоной.

После девятимесячного откладывания, из-за которого судить Уотсона придется отдельно от остальных, его наконец вернули в

Калифорнию. Произошло это 11 сентября — после того, как член Верховного суда Соединенных Штатов Хьюго Блэк отказался предоставить Тексу очередную отсрочку экстрадиции. Сержанты Сартучи и Гутиерес, сопровождавшие Уотсона в его перелете, рассказали, что тот мало говорил и сидел, в основном уставясь в пространство невидящим взором. За время заключения Текс потерял примерно тридцать фунтов веса, и большую часть — за пару последних месяцев, когда неизбежность его отправки в Лос-Анджелес стала окончательно ясна.

Фитцджеральд попросил привезти Уотсона в зал суда, чтобы посмотреть, узнает ли его Дэнни ДеКарло.

Осознав, что Фитцджеральд совершает *очень* серьезную ошибку, Канарек протестовал что было сил, но Олдер подписал судебный приказ о явке Текса.

Присяжные еще не успели вернуться, когда Уотсон вошел в зал суда. Хотя он кисло улыбнулся трем подсудимым девушкам, радостно приветствовавшим его воздушными поцелуями, Мэнсона Текс, кажется, вообще не заметил. Ко времени появления присяжных он уже занял место среди зрителей и с виду ничем от них не отличался.

Фитцджеральд: “Мистер ДеКарло, вы показали, что во время вашего пребывания на ранчо Спана в 1969 году там находился также человек по имени Текс Уотсон, так ли это?”

О.: “Угу”.

В.: “Узнаете ли вы мистера Уотсона в этом зале?”

О.: “А то, вон он сидит”. Дэнни ткнул пальцем в сидящего поодаль Текса. С понятным любопытством присяжные вытянули шеи, чтобы получше разглядеть человека, о котором столько слышали.

Фитцджеральд: “Будет ли этому джентльмену дано разрешение назваться, Ваша честь?”

Судья: “Встаньте, пожалуйста, и назовите ваше имя”.

Повинуясь жесту пристава, Уотсон поднялся на ноги, но не произнес ни слова.

Ошибка Фитцджеральда стала очевидна, как только Текс выпрямился. Один брошенный взгляд — и присяжные поняли: Чарльз “Текс” Уотсон не принадлежит к тому типу людей, что способны отдавать какие бы то ни было приказы или поручения Чарльзу Мэнсону. Текс никак не мог самостоятельно задумать семь убийств. На вид ему

было, скорее, лет двадцать, чем двадцать пять. Короткая стрижка, синий блейзер, серые брюки, галстук. Вместо чудовища с диким взглядом, знакомом им по снимку из полицейского архива (сделанному в апреле 1969 года, когда Уотсон был “на наркоте”), перед присяжными предстал типичный студент колледжа, опрятно одетый и чисто выбритый.

Не видя Уотсона, еще можно было вообразить его крутым парнем. Однажды узрев его воочию, присяжные навсегда распрощались с этой мыслью.

С нашей первой встречи на улице Индепенденса я поддерживал общение с Сэнди и Пищалкой. Порой одна из них или обе вместе заглядывали в мой кабинет поболтать. Как правило, я выкраивал время для этих посещений, отчасти потому, что по-прежнему пытался понять, отчего они (и три девушки на скамье подсудимых) влились в “Семью”, но также и потому, что питал робкую надежду: если группа спланирует какое-то новое убийство, кто-то из них может предупредить меня заранее. Ни одна из девушек, в этом я был уверен, не стала бы обращаться в полицию, а мне хотелось держать открытым хотя бы один канал коммуникации.

На Сэнди я, признаться, возлагал большие надежды, чем на Пищалку. Последняя успела почувствовать вкус власти над людьми — действуя как неофициальный представитель Мэнсона, она управляла “Семьей” в его отсутствие, — и мне казалось маловероятным, чтобы Пищалка сделала что-нибудь, способное поставить под угрозу этот ее статус. Сэнди же, однако, в нескольких случаях поступала вопреки воле Чарли; я знал, что расхождения были мелкими (так, когда ей пришло время рожать, Сэнди легла в больницу, предпочтя уверенность врачей энтузиазму “Семьи”), но они указывали, что, пробившись за частокол из заученных слов, я могу затронуть в этой девушке что-то живое, человеческое.

Во время первого посещения моего кабинета, примерно двумя месяцами ранее, мы долго говорили о кредо “Семьи”. Сэнди уверяла, что это миролюбие; я возразил, что этим кредо является убийство, и поинтересовался, как она может такое выносить.

“Во Вьетнаме людей убивают каждый день”, — заметила Сэнди.

“Предположим, ради нашего спора, что каждый, кто погиб во Вьетнаме, был преднамеренно убит, — ответил я. — Как, в таком

случае, это оправдывает гибель еще семерых человек?”

Пока она старалась придумать подходящий ответ, я сказал ей: “Сэнди, если ты и впрямь веришь в мир и любовь, докажи это. В следующий раз, когда на ранчо Спана запахнет убийством, ты должна вспомнить, что другим людям нравится жить не меньше твоего. Просто как человек, я хочу, чтобы ты сделала все возможное, чтобы предотвратить новое убийство. Ты понимаешь, что я хочу сказать?”

“Да”, — почти шепотом ответила мне Сэнди.

Мне оставалось лишь надеяться, что прозвучавший ответ был искренен. Эта наивная надежда развеялась, когда, поговорив с Барбарой Хойт, я выяснил, что Сэнди была среди участников “Семьи”, уговаривавших ее отправиться на Гавайи.

Когда, восемнадцатого числа, я вышел из здания суда, ко мне подошли Сэнди и двое юношей, относительно недавно попавших в Семью.

“Сэнди, я очень, очень в тебе разочарован, — сказал я. — Ты была на ранчо, когда решили убить Барбару. У меня нет никаких сомнений: ты знала о том, что должно случиться. И все же, хотя Барбара была твоей подругой, ты ничего не сказала, ничего не сделала. Почему?”

Сэнди не отвечала, только пристально смотрела на меня, словно бы в трансе. На долю секунды мне показалось, что она вообще не слышала моих слов, пребывая в наркотическом ступоре, — но затем, очень медленно и подчеркнуто выразительно, она опустила руку и стала поигрывать спрятанным в ножны кинжалом, который носила на поясе. Это и был ее ответ.

Не скрывая отвращения, я отвернулся и зашагал прочь. Оглянувшись, однако, я увидел, что Сэнди и двое парней двинулись за мной. Я встал, они тоже остановились. Когда я отправился дальше, они пошли следом, и Сэнди все теребила свой кинжал.

Постепенно расстояние между нами сокращалось. Решив, что опасность следует встречать лицом, а не спиной, я обернулся и подошел к троице.

“Слушай меня, проклятая Богом сучка, и слушай хорошенько! — сказал я Сэнди. — Я не знаю точно, была ты или не была замешана в попытке убить Барбару, но если ты участвовала, то я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты никогда не вышла из тюрьмы!” Переведя взгляд на двоих парней, я заявил, что если только они еще раз попробуют

преследовать меня, то получают ту взбучку, на которую нарываются. Не сходя с места.

Потом я ушел, и на сей раз никто из них не сделал и шагу в моем направлении.

Как мне казалось, такая реакция на происходящее была не особенно бурной, учитывая обстоятельства.

Канарек посчитал иначе. Когда заседание суда возобновилось в понедельник, двадцать первого числа, он поспешил подать заявление, в котором просил наказать меня за попытку воздействия на свидетеля обвинения. Канарек просил также арестовать меня за нарушение 415-й статьи Уголовного кодекса, уличив меня в произнесении непристойностей в присутствии женщины.

21–26 сентября 1970 года

Не найдя в заявлении Сандры Гуд ничего такого, что, “по моему мнению, позволило бы трактовать поведение мистера Буглиози как предосудительное”, судья Олдер отклонил несколько прошений Канарека. Вновь Мэнсон передал мне просьбу встретиться с ним во время полуденного перерыва. Он надеялся, что я не воспринимаю все это — попытку убийства, происшествие с кинжалом, суд — как личное оскорбление.

“Нет, Чарли, — ответил я, — меня приписали к делу; я не просил об этом. Работа такая”.

Теперь уже мне должно было стать ясно, сказал Мэнсон, что девицы действуют сами по себе, и никто не распоряжается ими. Когда я скептически приподнял бровь, Мэнсон возразил: “Слушай, Буглиози, если б у меня имелась вся власть, которой я, по-твоему, обладаю, я мог бы просто сказать: “Бренда, ступай убей Буглиози”, и весь сказ”.

Мне показалось интересным, что Мэнсон выделил Бренду Макканн (н/и Нэнси Питман) в качестве предводительницы своих убийц.

Позднее у меня появились хорошие причины для того, чтобы вновь и вновь вспоминать оброненные Мэнсоном замечания.

Ничего личного. Но сразу вслед за этим начались полуночные звонки; звонившие бросали трубку, стоило только ответить. Эти звонки продолжались даже после того, как мы сменили номер, и ранее не

указанный в телефонных книгах. И еще несколько раз на выходе из Дворца юстиции ко мне пристраивался молчаливый эскорт, состоящий из различных участников “Семьи”, включая и Сэнди. Лишь первый такой случай заставил меня нервничать. Гейл с детьми как раз выехала из-за угла в нашей машине, и я испугался, что их могут заметить или узнать номер автомобиля. Когда я сделал вид, что не вижу ее, Гейл быстро оценила ситуацию и проехала мимо, чтобы объезжать квартал по кругу, пока я не сумею стряхнуть с себя “хвост”. Впрочем, как она призналась потом, внешняя невозмутимость никак не отражала ее подлинных чувств.

Обеспокоенный безопасностью своей семьи, я все же не воспринимал эту угрозу всерьез, пока однажды вечером Мэнсон не заявил приставу: “Я распоряжусь, чтобы судья и Буглиози были убиты”. Очевидно, Чарли донельзя рассердило предстоявшее появление в суде свидетеля с новыми примерами его тотального контроля над остальной “Семьей”.

Откровенничая с приставом, Чарли знал наверняка, что его слова дойдут до нас обоих. Олдер уже находился под защитой. На следующий день Офис окружного прокурора приставил ко мне телохранителя, который должен был сопровождать меня повсюду до момента окончания процесса. Были предприняты и дополнительные меры предосторожности, которые я не стану здесь описывать, поскольку они, вероятно, и сейчас входят в программу защиты свидетелей и сторон. Одно из них, впрочем, вполне можно назвать. Чтобы предотвратить повторение событий на Сиэло-драйв, в нашем доме установили радиотелефон, который мог мгновенно связать нас с ближайшим полицейским участком в случае, если телефонные линии оказались бы перерезаны.

Мы с Олдером оставались единственными участниками процесса, имевшими телохранителей, но и то, что некоторые, если не все, адвокаты защиты опасаются “Семьи”, тоже не было секретом. Дэйи Шинь (как рассказал мне один из его приятелей) держал в каждой комнате своего дома по заряженному пистолету на случай визита неожиданных гостей. Какие предосторожности ис

пользовал (если использовал) Канарек, мне неизвестно, хотя Мэнсон нередко помещал его имя в первую строку своего “черного

списка”. По словам другого адвоката, Мэнсон множество раз угрожал убить Канарека; это лишь справедливо, рассуждал Мэнсон, раз уж Канарек медленно убивает его в суде.

Однажды Мэнсон даже распорядился, чтобы Фитцджеральд подготовил бумаги для смещения Канарека. Если верить Полу, который поведал мне эту историю, Канарек в буквальном смысле встал на колени и со слезами на глазах упрашивал Мэнсона не увольнять его. Чарли оттаял, и Канарек остался при своем месте — хотя их размолвки в суде продолжались.

Каждую неделю член Счетной комиссии Лос-Анджелеса издавал пресс-релиз, называвший общую истраченную в ходе процесса сумму. Несмотря на постоянные протесты Канарека, многие из которых требовали длительного обсуждения сторонами, мы продвигались вперед довольно приличным темпом, ежедневно выслушивая внушительное количество показаний. Один из старейших репортеров судебной хроники заявил, что уже лет двадцать с гаком не видал ничего подобного.

До сих пор судья Олдер отлично справлялся с тем, чтобы сдерживать Канарека. Если бы он удовлетворял хотя бы половину требований о “выездных заседаниях”, на которых вечно настаивал Канарек, мрачные прогнозы о десятилетнем разбирательстве все-таки воплотились бы в жизнь. Всякий раз вместо этого, когда Канарек выдвигал очередную подобную просьбу, Олдер говорил: “Представьте мне обоснование в письменном виде”. Из-за затрат времени на исполнение условия Канарек редко взваливал на себя этот труд.

С нашей же стороны, хотя поначалу я и собирался вызвать в суд около сотни свидетелей, число их затем сократилось до восьмидесяти; для дела подобных масштабов и сложности это чрезвычайно мало. В некоторые дни присягу принимали по десятку человек. Когда это было возможно, я старался использовать показания конкретного свидетеля сразу в нескольких целях. В придачу к прочим его показаниям, например, я расспросил ДеКарло об именах и приблизительном возрасте каждого из участников “Семьи”, чтобы присяжным стало очевидно: будучи старше их всех, Мэнсон едва ли мог играть в группе второстепенную роль.

Когда я вызвал помощника шерифа Уильяма Глизона, чтобы тот рассказал о полном отсутствии складных ножей на ранчо Спана в момент проведения рейда 16 августа, Канарек, проследив, куда я клоню, в очередной раз заявил протест — и Олдер с ним согласился.

Я уже почти оставил попытки получить эти показания, когда Фитцджеральд (видимо, решивший, что отсутствие ножей на ранчо — довод в пользу защиты) сам спросил на перекрестном допросе: “Нашли ли вы сколько-нибудь складных ножей на ранчо Спана 16 августа 1969 года?”

О.: “Нет, сэр”.

Неудавшаяся попытка “Семьи” заткнуть рот Барбаре Хойт обернулась против них самих. Ранее с неохотой говорившая с властями, теперь она с готовностью вызвалась дать показания в суде.

Барбара не только подтвердила рассказ Линды об инциденте с просмотром телевизионных новостей; она вспомнила также, что накануне ночью (то есть в ночь убийств на Сизло-драйв) Сэди позвонила ей на полевой аппарат, установленный в доме за декорациями, и попросила вынести три комплекта темной одежды к передней части ранчо. Когда же Барбара появилась там, Мэнсон сказал ей: “Они уже уехали”.

История, поведенная Барбарой, не только подкрепляла показания Линды Касабьян, но и свидетельствовала о вовлеченности в происходящее Чарльза Мэнсона; хотя и без успеха, Канарек все же отчаянно сражался за то, чтобы присяжные ее не услышали.

Я смог представить в суде разговор на ранчо Майерса только проведя полдня за спорами в кулуарах — но и тогда (как я ожидал) мне было разрешено сделать это после серьезной редакторской правки.

Однажды вечером в начале сентября 1969 года Барбара дремала в спальне на ранчо Майерса, когда ее разбудили доносившиеся с кухни голоса Сэди и Уич. Очевидно, посчитав Барбару крепко спящей, Сэди рассказала, что Шарон Тейт погибла последней, потому что “ей пришлось посмотреть сначала, как умирали другие”.

В итоге мне удалось огласить это в суде. Весь остальной разговор пришлось “вырезать” из-за *Аранды*, а именно: Барбара слышала, как Сэди сказала Уич, что Абигайль Фольгер вырвалась и выбежала из дома; Кэти догнала ее на лужайке; Абигайль боролась с таким

упорством, что Кэти пришлось звать на подмогу Текса, который подбежал и пырнул Абигайль ножом.

В кулуарах Шинь доказывал, что ему следует дать возможность расспросить об этом Барбару. Олдер же, как и остальные адвокаты защиты, возражал. “Арандизировав” разговор (удалив все упоминания об остальных подсудимых), мы сваливаем вину за все пять убийств на одну только Сьюзен, пожаловался Шинь, добавив: “Но ведь и другие люди тоже там были, Ваша честь”.

Буглиози: “Да неужто, Дэйи?”

Сам не желая того, Шинь признал факт присутствия Сьюзен Аткинс на месте преступления. К счастью и для самого адвоката, и для его подзащитной, диалог проходил в кулуарах, а не в зале суда.

Как и с другими бывшими участниками “Семьи”, с помощью Барбары мне удалось привести множество примеров сосредоточенной у Мэнсона власти, а также несколько его монологов о *Helter Skelter*. О чем я так и не смог рассказать в суде, так это о попытке “Семьи” расправиться с Барбарой и тем самым помешать ей дать показания.

Во время своей части перекрестного допроса Барбары Канарек накинулся на свидетеля, подвергая сомнению все — от ее моральных устоев до способности различать предметы.

Зная о том, что зрение у Барбары очень скверное, Канарек заставил ее снять очки, после чего стал бродить по залу суда, спрашивая, сколько пальцев он поднял.

В.: “Сколько пальцев вы видите сейчас?”

О.: “Три”.

Канарек: “Поясню для протокола, что свидетель назвала число “три”, тогда как я поднял только два пальца, Ваша честь”.

Судья: “Мне показалось, я видел еще и большой палец”.

В итоге Канарек доказал, что у Барбары действительно никудышное зрение. Значение, однако, имело не ее зрение, но слух: она ведь не заявляла, что видела Сэди и Уич в кухне на ранчо Майерса; она только слышала их.

Канарек также спросил у Барбары: “Не оказывались ли вы в психиатрической больнице на протяжении последней пары лет?”

Обычно, услышав подобный вопрос от защиты, я сразу выражал протест — но не теперь. Канарек только что распахнул передо мной

двери, через которые я мог (при повторном допросе) протащить попытку убийства Барбары.

Повторный допрос ограничен темами, затронутыми в ходе перекрестного допроса. Скажем, на повторном допросе я попросил Барбару назвать примерное расстояние между спальней и кухней на ранчо Майерса, после чего устроил проверку ее слуха. Барбара прошла ее без всяких затруднений.

Попросив разрешения приблизиться к судейскому столу, я заявил, что, поскольку Канарек намекал, будто Барбара Хойт провела немало времени в психиатрической больнице, у меня появилось право донести до сведения присяжных, что она провела там всего одну ночь, и не из-за того, что у нее возникли проблемы с психикой. Олдер согласился, с одним только исключением: я не должен был спрашивать, кто именно дал ей ЛСД.

Как только обстоятельства госпитализации Барбары окончательно прояснились, я спросил: “Приняли ли вы эту чрезмерную дозу добровольно?”

О.: “Нет”.

В.: “Вам дал ее кто-то другой?”

О.: “Да”.

В.: “В результате вы оказались на грани между жизнью и смертью?”

Канарек: “Подводит к выводу, Ваша честь”.

Судья: “Протест удовлетворен”.

Я был доволен. Присяжные способны сложить вместе два и два.

В субботу 26 сентября 1970 года целая эпоха подошла к концу. По Южной Калифорнии пронесся невиданной силы пожар. Раздуваемая ветрами (достигавшими скорости 80 миль в час), огненная стена высотой в 60 футов обратила в уголья все кругом на площади в 100 тысяч акров. В этом огненном аду погибло и “киношное ранчо” Спана, от которого и камня на камне не осталось.

Пока работники ранчо старались спасти лошадей, девицы Мэнсона, с освещенными пожарами огненно-багряными лицами, танцевали и хлопали в ладоши, со смехом выкрикивая: “*Helter Skelter* настал! *Helter Skelter* наконец-то настал!”

27 сентября — 5 октября 1970 года

Хуан Флинн, описавший свою должность на ранчо Спана как “разгребатель навоза”, казалось, отлично чувствует себя на свидетельском месте. Так или иначе, тощий панамский ковбой оказался единственным из всех свидетелей, кто открыто выразил враждебность по отношению к Мэнсону. Когда Чарли пытался испепелить его взглядом, в обращенных к нему глазах Хуана тоже сверкала ярость.

Опознав револьвер, Хуан заметил: “И мистер Мэнсон однажды стрелял из этой штуки, знаете, в мою сторону, когда, видите ли, я прогуливался с девушкой по другую сторону лощины”.

Остановить разговарившего Хуана было не так-то просто. Девушка прибыла на ранчо Спана покататься на лошадях; она проигнорировала Мэнсона, но с охотой отправилась прогуляться по склону с галантным ковбоем. Чарли настолько разобиделся, что пару раз выстрелил, особо не целясь, в их направлении.

Канареку удалось выкинуть из этих показаний Хуана все, кроме того факта, что Флинн видел пистолет в руке Мэнсона.

Он пытался также — безуспешно — не позволить прозвучать двум наиболее значительным эпизодам из показаний Хуана Флинна.

Однажды ночью, в начале августа 1969 года, Хуан смотрел телевизор в трейлере, когда туда вошла одетая в черное Сэди. “Куда это вы собрались?” — поинтересовался Хуан. “Мы хотим зарезать парочку долбанных свиней”, — ответила Сэди. Когда она ушла, Хуан выглянул в окно и увидел, как она залезает в старый желтый “форд” Джонни Шварца; Чарли, Клем, Текс, Линда и Лесли уже сидели в машине.

По словам Хуана, это происходило уже после наступления темноты, часов в восемь-девять вечера, — назвать точную дату он не смог, но прикинул, что до рейда 16 августа оставалось около недели. Таким образом, речь шла, скорее всего, о ночи убийства четы Лабианка.

История, рассказанная Хуаном, имела важность и в качестве самих показаний, и как независимая поддержка рассказанного Линдой Касабьян. Совпали не только время суток, участники, автомобиль и цвет одежды Сьюзен Аткинс; Хуан заметил также, что за рулем “форда” сидел Мэнсон.

Затем Хуан дал показания о кухонном разговоре, имевшем место "на другой день или вроде того", когда, приставив нож к его горлу, Мэнсон сказал Флинну: "Ах ты, сукин сын, разве ты не знаешь, что именно я совершаю все эти убийства?"

Репортеры поспешили к выходу.

МЭНСОН ПРИЗНАЛСЯ В УБИЙСТВАХ. –
ЗАЯВЛЯЕТ КОВБОЙ С РАНЧО СПАНА

Протесты Канарека удержали Хуана от дачи показаний по еще одному эпизоду, способному нанести защите новый мощный удар.

Поздним вечером в июне или июле 1969 года Мэнсон, Хуан и еще трое парней из "Семьи" ехали через Чатсворт, когда Чарли остановил машину напротив "богатого дома" и приказал Хуану пойти туда и связать всех, кто внутри. Когда он закончит, продолжал Чарли, то откроет дверь, и, цитируя Мэнсона, "мы войдем и перережем этих траханных свиней". На что Хуан ответил: "Нет уж, спасибо".

По сути дела, то была генеральная репетиция убийств Тейт—Лабиаанка. Но, объявив, что "эмоциональный эффект показаний намного превосходит их доказательную ценность", Олдер не разрешил мне задать Хуану соответствующие вопросы.

По той же причине мне не удалось протащить в зал суда замечание, брошенное Мэнсоном Хуану: "У Адольфа Гитлера был отличный ответ на все".

Под "ответом", ясно, подразумевалось убийство — но, благодаря своевременным протестам Канарека, ни один из этих двух инцидентов не был услышан присяжными и не попал в прессу.

На перекрестном допросе Фитцджеральд обнаружил интересное противоречие. Даже после того, как Мэнсон предположительно угрожал ему (не однажды, но несколько раз), Хуан продолжал оставаться на ранчо. После рейда он даже сопровождал "Семью" в Долину Смерти, прожил там с группой пару недель — и лишь тогда бежал, чтобы присоединиться к Крокетту, Постону и Уоткинсу.

Мне это тоже было не совсем понятно. Возможно, это объяснялось тем (как и заявил Хуан), что поначалу он счел Мэнсона "трепачом": "Никто в здравом рассудке не станет убивать кого-то, а потом хвастать этим". Кроме того, разозлить мягкого по натуре Хуана было непросто.

Пожалуй, еще более важной чертой его характера была независимость — как и Пол Крокетт, покинувший Долину Смерти далеко не сразу после угроз Мэнсона, Хуан просто не выносил попыток запугать его.

Канарек подхватил эту находку Фитцджеральда. “Скажите нам теперь, мистер Флинн, опасались ли вы за свою жизнь, находясь на ранчо Майерса в обществе мистера Мэнсона?”

О.: “Ну, я был осторожен и внимателен”.

В.: “Просто отвечайте на вопрос, мистер Флинн. Я понимаю, что вы актер, но, будьте любезны, ответьте на мой вопрос, пожалуйста”.

О.: “В общем, мне там нравилось, знаете, потому что мне хотелось обо всех думать хорошо. Но всякий раз, когда я выходил из-за угла, ну, кажется, главной темой всех разговоров было, знаете, про то, сколько раз они успели бы убить меня. А потом в итоге я удрал оттуда”.

В.: “Хорошо, мистер Флинн, не поясните ли вы мне, в чем проявлялись ваша осторожность и внимательность? Как вы защитили себя?”

О.: “Я просто взял и удрал, вот и вся защита”.

Тогда Канарек предположил, что во время беседы Хуана с Сартучи ковбой ни словом не обмолвился о Мэнсоне, приставлявшем нож к его горлу. “Вы придерживали сведения, не так ли, мистер Флинн, чтобы выплеснуть их в этом самом зале? Вы подтверждаете это?”

О.: “Нет, я рассказывал об этом еще до того, когда говорил с полицейскими, понимаете”.

Игнорируя ответ Флинна, Канарек продолжал: “Вы хотите сказать, мистер Флинн, что выдумали все это специально для суда? Это верно, мистер Флинн?”

Канарек подразумевал, что Флинн лишь недавно придумал этот драматический эпизод. Я сделал себе пометку, не подозревая, насколько важен окажется вскоре этот момент диалога.

Фокусируя внимание присяжных на деталях, прозвучавших при прямом допросе свидетеля, но не упоминавшихся в беседе с Сартучи, Канарек спросил, когда же Хуан впервые упомянул кому-либо об инциденте с ножом.

О.: “Ну, в Шошоне были полицейские, знаете ли, и я говорил с ними”. Флинн, однако, не смог припомнить их фамилий.

Канарек напирал, несколько раз подряд, на то, что Флинн якобы придумал свою историю. Хуан же не воспринимал спокойно, когда его

обзывали лжецом. Гнев закипал в нем, и это было заметно.

Собираясь доказать, что Флинн выдумал эффектную историю в надежде поправить свою карьеру киноактера (Хуан снимался в эпизодических ролях в нескольких вестернах), Канарек спросил у него: “Знаете ли вы, что суд над мистером Мэнсоном широко освещается прессой? Вы понимаете, не так ли, что каждый, кто появляется здесь, приобретает определенную известность?”

О, “Да, только этакая известность мне на фиг не нужна, жирная ты морда”.

Судья: “На этой ноте, мистер Канарек, мы прервем заседание. Объявляю перерыв”.

После дня в суде я расспросил Хуана о разговоре в Шошоне. Ему казалось, что один из офицеров принадлежал к Калифорнийскому дорожному патрулю, но Флинн не был уверен и в этом. Вечером я позвонил в Офис шерифа в Индепенденсе и выяснил, что человеком, беседовавшим с Хуаном, действительно был офицер Калифорнийского дорожного патруля по имени Дэйв Стьюбер. Лишь уже совсем поздно вечером мне удалось разыскать его во Фресно, Калифорния. Да, он говорил с Флинном, как, впрочем, и с Крокеттом, Постоном и Уоткинсом, это было 19 декабря 1969 года. Он записал весь разговор, длившийся более девяти часов, на магнитофон. Да, эти записи все еще у него.

Я заглянул в календарь. Наверное, Флинн будет давать показания еще день-другой. Может ли Стьюбер оказаться в Лос-Анджелесе через три дня вместе с записями, готовым выступить на суде? Конечно, ответил Стьюбер.

Затем он сказал мне кое-что такое, во что поначалу я попросту отказался поверить. Он уже сделал копии своих записей и передал их в ДПЛА. Это было *29 декабря 1969 года*. Позднее я выяснил, кому именно из следователей ДПЛА были отданы записи. Офицер (ныне покойный) вспомнил, что получил записи, но признался, что так и не послушал их. Кажется, он вроде отдал их кому-то, но кому — не мог вспомнить. Точно он мог сказать лишь одно: записей у него больше нет.

Возможно, это произошло потому, что запись была слишком уж длинной — девять часов. Или, что тоже вероятно, ленту куда-то

засунули по причине летних отпусков. Ни одно объяснение, однако, не умаляет того малоприятного факта, что еще в декабре 1969 года

Департамент полиции Лос-Анджелеса получил запись беседы, в которой звучало признание Мэнсона в убийствах Тейт — Лабианка, и, насколько можно судить, никто даже не удосужился зарегистрировать эту запись, не говоря уже о том, чтобы прослушать ее.

В принципе, я никак не смог бы приобщить сделанную Стьюбером запись к вещественным доказательствам на суде, поскольку показания свидетеля нельзя подкрепить его же заявлением, сделанным ранее. Впрочем, и для этого правила имеется исключение: подобные вещественные доказательства уместны, если противная сторона выражает недоверие к показаниям свидетеля, объявляя, что они недавно сфабрикованы; но и тогда, однако, предыдущее высказывание должно относиться к периоду, когда у свидетеля не было никаких причин лгать. Когда Канарек спросил: “Вы хотите сказать, мистер Флинн, что выдумали все это специально для суда? Это верно, мистер Флинн?”, тем самым он обвинил свидетеля в даче ложных показаний, и теперь я мог, отвечая на это обвинение, представить в суде запись высказываний, сделанных прежде.

Множество подобных лазеек открывалось на перекрестных допросах, но поначалу самая широкая из них вовсе не казалась лазейкой. Защита как могла раздула тот факт, что Хуан не рассказал все это представителям властей тогда же, а сделал это гораздо позднее, по прошествии немалого времени после убийств. Стало быть, как доказывал я Олдеру, мне должны дать возможность открыть истинную причину этого: Хуан Флинн всерьез опасался за свою жизнь.

Отвечая на протест Канарека, Олдер заявил: “Вы не можете раскапывать все эти вещи на перекрестном допросе и думать, что противоположная сторона будет сидеть сложа руки, мистер Канарек. Вы не можете загнать обвинение в угол и запретить им пытаться выбраться оттуда”.

Хуану было разрешено рассказать, что он не отправился в полицию сразу же, потому что “это не казалось мне вполне безопасным, знаете ли. Я получил пару писем с угрозами...”

На самом же деле Хуан получил три таких письма, переданных ему членами “Семьи”, — и последнее всего две недели назад, когда

Пицалка и Ларри Джонс обнаружили, что ковбой живет в трейлере Джона Шварца в парке Канога. Сопrotивляясь приобщению писем к материалам по делу, Фитцджеральд сделал любопытное заявление: “Моей жизни трижды угрожали, но я не раздувал из этого скандала”.

Буглиози: “Неужели сторона обвинения угрожала вам?”
Фитцджеральд: “Нет, этого я не говорил”. Углубляться он не стал.

Олдер постановил, что Хуан может дать показания относительно самих писем, но не должен называть лиц, передавших их ему. Хуан также рассказал об анонимных звонках и о машинах, проносящихся мимо в глухой ночи; пассажиры громко хрюкали или выкрикивали: “Ублюдок!”, “Свинья!” и т. д.

Я спросил у Хуана: “Вы воспринимаете подобные случаи как угрозу, не так ли?”

О.: “Ну, для меня, знаете, это звучало достаточно угрожающе”.

В.: “Относятся ли эти угрозы к причинам, по которым вы не захотели приехать в город и поговорить с властями?”

О.: “Ну, то была одна из причин, да”.

В.: “То есть вы опасались за свою жизнь?”

О.: “Да”.

Когда я спросил его о других причинах, Хуан описал, как Мэнсон, Клем и Текс пробрались “тайком-ползком” в хижину Крокетта на ранчо Баркера.

Присяжные слышали все это потому лишь, что защита, столь беспричинно набросившаяся на Флинна, открыла мне эту лазейку на перекрестном допросе.

Поскольку Канарек спросил Хуана о “программировании” участников “Семьи” Мэнсоном, я сумел протащить в зал суда разговор Чарли с Хуаном, в котором Мэнсон объяснил, что ему приходится “распрограммировать” своих последователей, чтобы снять рамки, наложенные на них родителями, школой, церковью и обществом. Чтобы избавиться от эго, рассказывал Мэнсон, необходимо стереть “все желания, какие у тебя были... распрощаться с матерью и отцом... со всеми ограничениями, запретами... просто очиститься, превратиться в чистую страницу”.

Поскольку методика Мэнсона подразумевала различный подход для лиц мужского и женского пола, я поинтересовался, что Мэнсон

говорил о депрограммировании своих девиц. Я и подозревать не мог, что, отвечая, Хуан станет вдаваться в подобные детали.

О.: “Ну, он говорит, знаете ли, чтобы избавиться от внутренних запретов, знаете, надо просто взять пару девчонок и, знаете, положить их на пол, знаете, и пусть лижут друг дружку — или сделать еще проще: увести девушку в холмы, знаете, пусть ложится и сосет мне хрен весь день-деньской...”

Канарек: “Ваша честь, Ваша честь! Можем ли мы приблизиться к судейскому столу, Ваша честь?”

Ранее один из запасных присяжных написал судье Олдеру письмо с жалобами на сексуальную откровенность некоторых показаний. Я не оглянулся на него сейчас, но, подозреваю, теперь этого человека чуть не хватил удар. Проходя мимо стола защиты по пути к судейскому столу, я бросил Мэнсону: “Не бойся, Чарли. Самого плохого они не услышат”.

Олдер объявил весь ответ не имеющим отношения к делу.

Я спросил у Флинна: “Обсуждал ли с вами мистер Мэнсон... *Не вдаваясь в подробности сказанного, Хуан...* имевшиеся у него планы “распрограмирования” людей в “Семье”?” Когда Флинн ответил: “Да”, я успокоился на этом.

Об одном только умалчивал Мэнсон, объясняя свою методу “Семье”: в процессе освобождения эго он программировал их заново, делая своими покорными рабами.

На протяжении всей своей части перекрестного допроса Канарек намекал (как и в случае со многими уже выступавшими свидетелями), что я дал Хуану четкие инструкции: как и что говорить в суде. Мне показалось, что он в тысячный раз заводит старую пластинку, когда Канарек начал на повторном перекрестном допросе: “Мистер Флинн, когда заданный вам вопрос, как вам кажется, может не совпасть с желаниями стороны обвинения в этом деле...”

Буглиози: “Ох, да когда же это кончится!”

Канарек: “Ваша честь, он перебил меня!”

Буглиози: “Чья бы корова мычала...”

Судья: “Мистер Буглиози, прошу вас, второго предупреждения не будет, сэр”.

Буглиози: “Чем он занимается, Ваша честь? Он обвиняет меня в чем-то, и мне это не нравится”.

Судья: “Подойдите к судейскому столу”.

Буглиози: “Я больше не буду терпеть. Вот где он у меня сидит”.

Мое негодование было в той же мере частью судебной тактики, как и все прочее. Если бы я позволил Канареку вновь и вновь проворачивать один и тот же старый трюк, присяжные могли подумать, будто в его словах и правда что-то есть. У стола я сказал Олдеру: “Я не хочу, чтобы этот парень каждый день голословно обвинял меня в серьезном нарушении”.

Судья: “Абсурд какой-то. Вы перебили мистера Канарека. Вы сделали непозволительное заявление перед присяжными... Я нахожу, что вы оскорбили Суд, и присуждаю к выплате пятидесяти долларов штрафа”.

К удивлению приставов, мне пришлось позвонить жене, чтобы попросить ее приехать и выплатить штраф. Позднее заместители окружного прокурора в офисе сбросились по доллару в “фонд поддержки Буглиози” и возместили ей ущерб.

Как и в случае с грубостью Хьюза, мне показалось, что если я и оскорбил кого-то, то одного лишь Канарека, а не Суд. На следующий день, для протокола, я произнес по этому поводу краткое заявление, в котором, помимо прочего, заметил: “Прошу уважаемый Суд в будущем, пожалуйста, принимать во внимание два очевидных момента: наши заседания проходят при напряженной борьбе сторон, и обстановка часто накаляется до предела; кроме того, прошу учитывать действия мистера Канарека, вызывающие реакцию с моей стороны”.

С моим штрафом процесс стал по-настоящему показательным: каждый юрист, вовлеченный в разбирательство, был либо уже наказан за неуважение к Суду, либо получил предупреждение.

Защита изо всех сил старалась высмеять страх Хуана перед Мэнсоном.

Хьюз дал понять, что с момента своего ареста Мэнсон едва ли был способен кому-либо повредить; неужели мистер Флинн действительно хочет, чтобы присяжные поверили, будто он боялся мистера Мэнсона?

Отвечая ему, Хуан мог выражать чувства всех свидетелей обвинения: “Ну, не самого мистера Мэнсона, а его *длинные руки*, знаете ли”.

К этому времени я уже видел общую схему. Чем разрушительнее показания, тем скорее Мэнсон попытается нарушить порядок в суде, стараясь, чтобы на первые страницы газет попали его фокусы, а не сами показания. То, что рассказывал Хуан Флинн, в достаточной мере беспокоило Чарли. Пока Хуан находился в суде, Олдеру несколько раз приходилось удалять Мэнсона и девушек из зала после их выходов. 2 октября это случилось снова — Мэнсон обернулся к публике и сказал: “Посмотрите на себя. Что ждет вас? Все вы прямым ходом спешите к собственной гибели”. Затем улыбнулся странной, едва заметной улыбкой и добавил: *"Это ваш Судный день, а не мой"*.

Девушки снова последовали примеру Мэнсона, и Олдер удалил из зала всех четверых.

Канарек был вне себя. Я только что показал судье те страницы в стенограмме, где Канарек обвинял Флинна во лжи. Олдер постановил: “У меня нет сомнений. Вы достаточно ясно, хоть и не прямо, выразили обвинение в недавней фабрикация показаний”. Патрульному офицеру Дэйву Стьюберу будет разрешено воспроизвести в суде тот отрывок из записи его бесед, где упоминается изобличающее признание Мэнсона^[182].

Прояснив обстоятельства беседы, Стьюбер включил магнитофон и пустил запись с того момента, когда начались показания. В подобных вещественных доказательствах есть нечто такое, что весьма сильно воздействует на присяжных. И вновь, практически в тех же выражениях, что уже звучали в зале суда, голос Хуана произнес: “Потом он поглядел на меня этак забавно... ухватил за волосы вот так, и приставил нож к моему горлу... А потом говорит: “Разве ты не знаешь, что именно я совершаю все эти убийства?”

Понедельник, 5 октября 1970 года. Пристав Билл Мюррей потом скажет мне, что его с самого начала не покидало предчувствие чего-то серьезного: что-то должно было произойти. Когда день за днем общаешься с заключенными, сказал Билл, вырабатывается нечто вроде шестого чувства; отводя Мэнсона в комнату ожидания перед возобновлением процесса, Мюррей отметил, что тот особенно напряжен и взвинчен.

Хотя подсудимые не давали обещаний вести себя должным образом, Олдер дал им еще один шанс, разрешив всем четверым вернуться в зал суда.

Показания были скучными, однообразными. На данном этапе еще никто не догадывался об истинной их ценности, хотя я и подозревал, что Чарли мог разгадать мои планы. С помощью ряда свидетелей я выкладывал фундамент для ниспровержения возможного алиби Мэнсона.

Следователь ОШЛА Пол Уайтли только что закончил давать показания, и адвокаты защиты отказались подвергнуть его перекрестному допросу, когда Мэнсон спросил: “Могу ли я задать ему пару вопросов, Ваша честь?”

Судья: “Нет, не можете”.

Мэнсон: “Вы собираетесь использовать этот зал для того, чтобы убить меня?”

Олдер сказал Мюррею, что тот может сойти со свидетельского места. Мэнсон второй раз задал свой вопрос, добавив: “Я собираюсь бороться за собственную шкуру, так или иначе. Лучше бы вы разрешили мне делать это устно”.

Судья: “Если вы не прекратите, мне придется удалить вас из зала”.

Мэнсон: “Нет, это я *вас* удалю, если не прекратите. *У меня имеются собственные средства*”.

Лишь когда Мэнсон сделал это знаменательное признание, я догадался, что на сей раз он не играет на публику; нет, Чарли говорил абсолютно серьезно.

Судья: “Вызовите следующего свидетеля”.

Буглиози: “Сержант Гутиэрес”.

Мэнсон: “*По-вашему, я тут шуточки шучу?*”

Это произошло быстрее, чем можно описать. С зажатым в правом кулаке карандашом Мэнсон внезапно перепрыгнул через стол для совещаний защиты и бросился к судье Олдеру. После прыжка он оказался всего в нескольких футах от судейского стола, но упал на одно колено. Когда Мэнсон попытался встать, пристав Билл Мюррей тоже прыгнул и повис на спине подсудимого. Двое других приставов присоединились к нему, и после короткой борьбы руки Мэнсона оказались скованы. Пока его волокли к выходу, Мэнсон орал на Олдера:

“Во имя христианского правосудия, кто-нибудь должен отрубить тебе башку!”

В придачу к прочей неразберихе, Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен вскочили с мест и принялись нараспев читать что-то на латыни. Олдер, гораздо менее потрясенный, чем я мог бы ожидать, дал им не один, но несколько шансов прекратить, прежде чем постановил удалить из зала суда и их тоже.

По рассказам приставов, Мэнсон продолжал сопротивляться, даже оказавшись в закрытом помещении, и только четверым офицерам удалось надеть наконец на него наручники.

Фитцджеральд попросил дать сторонам разрешение приблизиться к судейскому столу. Специально для протокола судья Олдер в точности описал произошедшее и свое мнение об инциденте. Фитцджеральд поинтересовался, может ли он спросить о психологическом состоянии судьи.

Судья: “Мне показалось, он собирался наброситься на меня”.

Фитцджеральд: “Я опасался этого, и несмотря...”

Судья: “Сделай он еще один шаг, и мне пришлось бы что-нибудь предпринять для собственной защиты”.

Фитцджеральд заявил, что возможная предвзятость судьи вынуждает его подать прошение о признании суда несправедливым. Хьюз, Шинь и Канарек поддержали коллегу. Олдер ответил: “У меня достаточно крепкие нервы, мистер Фитцджеральд... Подсудимые не получают выгоды от собственных нарушений... Отклонено”.

После окончания заседания Мюррей из чистого любопытства измерил дистанцию прыжка Мэнсона: десять футов.

Результат замера не слишком потряс Мюррея. У Мэнсона были чрезвычайно крепкие мускулы ног и рук. В камере он постоянно занимался гимнастикой. На вопрос, зачем ему это нужно, он однажды ответил: “Я готовлюсь к лишениям, которые ждут меня в пустыне”.

Мюррей попытался повторить собственный прыжок. Бесполезно: без того внезапного адреналинового залпа пристав не сумел даже вспрыгнуть на стол для совещаний.

Судья Олдер призвал присяжных “забыть все, что вы могли видеть и слышать этим утром”, но я знал, что до конца своих дней никто из этих людей не забудет увиденного.

Маски сброшены. Перед ними предстало истинное лицо Чарльза Мэнсона.

Из заслуживающего доверия источника мне стало известно, что после случившегося судья Олдер начал носить при себе, под мантией, револьвер 38-го калибра — и в зале суда, и в кулуарах.

Судный день. Эхом отозвались эти слова Мэнсона на углу перед зданием Дворца юстиции: девушки снова и снова повторяли их заговорщицким шепотком. “Дождитесь Судного дня. Тогда *Helter Skelter* действительно настанет”.

Судный день. Что это значило? План вызволения Мэнсона из тюрьмы? Кровавая оргия возмездия?

Еще более важен был другой вопрос: когда? Тот день, когда присяжные вынесут вердикт “виновен” или “невиновен”? Или, в первом случае, день, когда те же присяжные решат, “жизнь” или “смерть”? Или, возможно, день приведения приговора в исполнение? Или, быть может, просто завтрашний день?

Судный день. Эти слова нам приходилось слышать все чаще и чаще. Безо всяких объяснений. Мы еще не подозревали, что первый этап Судного дня уже начался, и началом его стало хищение с военно-морской базы в Кемп-Пендлтоне ящика ручных гранат.

6—31 октября 1970 года

Несколькими неделями ранее, вернувшись после заседания в кабинет, я наткнулся на телефонограмму от адвоката Роберта Стейнберга, представлявшего теперь интересы Виржинии Грэхем.

Прислушавшись к совету прежнего своего адвоката, Виржиния умолчала кое о чем, но Стейнберг убедил ее поделиться со мной этими сведениями. “А именно, — гласила телефонограмма, — Сьюзен Аткинс открыла мисс Грэхем четкие планы относительно других, уже спланированных убийств, включая убийства Фрэнка Синатры и Элизабет Тейлор”.

Будучи сильно занят, я устроил встречу Виржинии с одним из своих помощников, Стивом Кеем.

По словам Грэхем, через несколько дней после того, как Сьюзен рассказала ей об убийствах Хинмана, Тейт и Лабианка (вероятно, 8 или

9 ноября 1969 года), Аткинс подошла к кровати Виржинии в “Сибил Бранд” и начала листать журнал о кино. Он напомнил ей, сказала Сьюзен, о некоторых других запланированных ею убийствах.

Она решила убить Элизабет Тейлор и Ричарда Бартон, деловито обронила Сьюзен. Она собиралась докрасна нагреть лезвие ножа и приложить его к лицу Элизабет, чтобы оставить ей шрам — как напоминание о встрече. Затем она вырежет слова *Helter Skelter* на лбу актрисы. А потом... потом она собирается выковырять ей глаза... Чарли показал ей как... и тогда...

Виржиния прервала Сьюзен вопросом: чем же, интересно, все это время будет заниматься Ричард Бартон?

О, они оба уже будут связаны, отвечала Сьюзен. Только на сей раз веревка скует им не только руки, но и ноги, — чтобы они не смогли вырваться и убежать, “как те, другие”.

Потом, продолжала Сьюзен, она кастрирует Бартон и сунет его пенис, заодно с глазами Элизабет Тейлор, в бутылку. “Слушай, что будет дальше! — смеялась Сьюзен. — Я отправлю ее Эдди Фишеру!”^[183]

Что же до Тома Джонса, еще одной из ее будущих жертв, то Сьюзен намеревалась при помощи ножа заставить певца заняться с нею сексом, и тогда, когда Джонс достиг бы пика наслаждения, она перерезала бы ему горло.

Стив Мак-Куин тоже упоминался в списке. Прежде чем Сьюзен могла бы объяснить, что именно она уготовила ему, Виржиния вновь оборвала ее, сказав: “Сэди, нельзя же так просто прийти к этим людям и убить их!”

Да никаких проблем, отвечала ей Сьюзен. Найти, где они живут, легче легкого. А потом останется лишь “тайком-ползком” залезть в дом, “как я сделала это с Тейт”.

Для Фрэнка Синатры она придумала кое-что получше, продолжала Сьюзен. Как известно, Фрэнку нравятся девочки. Ей будет достаточно только подойти к его двери и постучать. Ее друзья, пояснила Сьюзен, спрячутся и будут ждать снаружи. А зайдя внутрь, подвешат Синатру вверх ногами и заживо сдерут с него кожу под звуки его собственных песен. А потом сделают сумочек из его кожи и продадут в хипповые магазинчики, “чтобы каждый смог приобрести маленький кусочек Фрэнка”.

Она пришла к выводу, сказала Сьюзен, что жертвами должны становиться люди известные, люди с положением в обществе, — чтобы о случившемся сразу узнал весь мир.

Вскоре после этого Виржиния прервала беседу со Сьюзен. Когда Стив Кей спросил у нее, отчего она не рассказала о разговоре раньше, Виржиния объяснила: все это казалось ей таким бредом, что никто бы ей попросту не поверил. Даже бывший ее адвокат советовал никому ничего не говорить.

Были ли то планы самой Сэди или все-таки они принадлежали Чарли? Все, что я знал о Сьюзен Аткинс, давало мне повод усомниться в способности Сэди выдумать все самостоятельно. У меня не было доказательств, но вполне логично было бы предположить, что все эти идеи она, вероятно, почерпнула у Мэнсона.

В любом случае это не имело никакого значения. Еще читая расшифровку записи разговора с Виржинией, я уже знал, что ни за что не смогу включить эти сведения в улики по делу: в юридическом смысле они не имели почти никакого отношения к убийствам Тейт—Лабланка, и та ограниченная доказательная ценность заявлений Аткинс в пересказе Виржинии Грэхем, которая все же имелаась, намного перевешивалась негативным эмоциональным эффектом.

Хотя рассказ Виржинии был бесполезен в качестве показаний на суде, я отослал по копии каждому из адвокатов.

Вскоре этот рассказ сам найдет себе дорожку в судебные протоколы.

Ронни Ховард раньше связалась с полицией, но я сначала вызвал Виржинию Грэхем: в “Сибил Бранд” она была первой, с кем разговорила Сьюзен.

Показания Виржинии отличались особым драматизмом, поскольку, слушая ее, присяжные в первый раз узнали о том, что же произошло в доме Тейт.

Показания Ховард и Грэхем были направлены против одной лишь Сьюзен Аткинс, и поэтому только Шинь участвовал в их перекрестном допросе. Атаковал он не столько показания, сколько личность свидетельниц. Он сумел, например, заставить Ронни перечислить шестнадцать различных кличек, под которыми она проходила в разное

время. Он поинтересовался также, много ли денег она зарабатывала в качестве проститутки.

Попросив Шиня приблизиться к судейскому столу, Олдер сказал: “Вам известны правила, мистер Шинь. Не надо смотреть на меня круглыми глазами и делать вид, будто вы не понимаете, о чем я говорю”.

Шинь: “Вы хотите сказать, Ваша честь, что я не имею права задавать свидетелю вопросы о роде ее занятий?”

Обвинение не заключало никаких “сделок” ни с Виржинией Грэхем, ни с Ронни Ховард. Грэхем успела отсидеть весь свой срок в “Короне”, тогда как Ховард была признана невиновной по обвинению в подлоге. В обоих случаях, однако, Шинь поднимал вопрос о награде. Когда он спросил Ронни, слышала ли та про награду в 25 тысяч долларов, она прямо ему ответила: “По-моему, я должна получить эти деньги”.

На повторном допросе я спросил у каждой: “Понимаете ли вы, что выступление в суде не является необходимым условием получения денег?” Протест. Удовлетворено. Но намек сделан.

Письма, написанные Сьюзен Аткинс бывшим сокамерницам, Ронни Ховард, Джо Стивенсону и Китт Флетчер, обладали большой силой изобличения. Я был готов вызвать в суд эксперта по почеркам, чтобы тот засвидетельствовал принадлежность писем, но Шинь, надеясь сократить время их обсуждения, первым признал, что они написаны Сьюзен. Тем не менее прежде чем заговорить о письмах в зале суда, мы должны были “арандизировать” их, исключив все упоминания о других подсудимых. Происходило это в кулуарах, вне присутствия присяжных.

Канарек боролся за то, чтобы исключить все, до последней строчки. Раздраженный его постоянными протестами, Фитцджеральд выразил Олдеру свое недовольство: “Я не хочу провести здесь остаток жизни”. В равной степени возмущенно, Олдер заявил Канареку: “Я посоветовал бы вам вести себя более благоразумно и не стараться загроздить протокол просьбами, протестами и заявлениями, либо не имеющими видимого смысла, либо вовсе не относящимися к делу — что совершенно очевидно для любого десятилетнего ребенка...”

Однако вновь и вновь Канарек указывал на какие-то тонкости, которые пропускали другие адвокаты защиты. Например, Сьюзен

написала Ронни: “Когда я в первый раз услышала, что ты настучала, я хотела перерезать тебе горло. Потом я врубилась, что настучала я сама и хочу перерезать свое собственное горло”.

“Настучать” на себя невозможно, доказывал Канарек, подсудимый может лишь “сознаться”. Это означает, что в данном случае подразумеваются другие подсудимые.

Посвятив спорам (довольно сложным) девятнадцать страниц стенограммы, мы в итоге отредактировали этот фрагмент, и он приобрел следующий вид: “Когда я в первый раз услышала, что ты настучала, я хотела перерезать тебе горло. Потом я врубилась, что хочу перерезать свое собственное горло”.

Канарек хотел вырезать из письма к Стивенсону также и строчку: “Любовь любовь любовь”, поскольку “это явная отсылка к Мэнсону”.

Судья: “Скорее, это похоже на цитату из Гертруды Стайн^[184]”.

Поскольку упоминания “любви” были в числе немногих положительных моментов писем Сьюзен, Шинь сделал все, чтобы сохранить их в тексте, заметив Канареку: “Что ты собираешься сделать — выставить ее убийцей?”

ЛИЗ И СИНАТРА В “ЧЕРНОМ СПИСКЕ” УБИЙЦ

Лос-анджелесская “Геральд экзаминер” напечатала обширную сенсационную статью 9 октября, указав в качестве автора журналиста Уильяма Фарра. Узнав поздним вечером предыдущего дня о подписании номера газеты со статьей Фарра в печать, судья Олдер вновь приказал закрыть окна автобуса, перевозящего присяжных, — чтобы те не смогли прочесть газетные заголовки на прилавках.

Статья Фарра содержала прямые цитаты из показаний Виржинии Грэхем, переданных нами защите во исполнение правила по представлению документов.

Прибывший в суд Фарр был приглашен в кулуары, где отказался назвать свой источник или источники. Признав, что по действующим в Калифорнии законам он не может заставить репортера сделать это, Олдер отпустил Фарра восвояси.

Было ясно, что кто-то из имевших доступ к материалам по делу нарушил судебный приказ об ограничении гласности. Олдер, однако, не стал устраивать по этому поводу большого шума, и на этом, казалось,

разбирательство было прекращено. В то время еще ничто не предвещало, что в итоге вопрос о передаче имеющих ограниченное хождение материалов прессе превратится в *cause celebre*^[185] и приведет к водворению Фарра в тюрьму.

Еще до своего появления в кулуарах Фарр рассказал адвокату Виржинии Грэхем, Роберту Стейнбергу, что получил заявление от одного из адвокатов защиты. Он не говорил, однако, от кого именно.

Грегг Джекобсон имел внушительный вид, и его показания были крайне важны для нас. Задавая вопросы, я старался, чтобы высокий, одетый с иголки “искатель молодых дарований” мог подробно описать свои многочисленные разговоры с Мэнсоном, в которых затрагивались вопросы, имевшие отношение к *Helter Skelter*, “The Beatles” и к девятой главе “Откровения Иоанна”, равно как и к странному влечению Мэнсона к смерти.

Шахрок Хатами занял свидетельское место вслед за Джекобсоном и описал свою встречу лицом к лицу с Мэнсоном на территории усадьбы 10050 по Сизло-драйв, произошедшую вечером 23 марта 1969 года. Так присяжные — и вместе с ними публика — впервые узнали, что Шарон Тейт встречалась с человеком, приговорившим ее к смерти.

В лице Руди Альтобелли Канарек встретил наконец достойного противника. На прямом допросе владелец усадьбы 10050 по Сизло-драйв рассказал о своем знакомстве с Мэнсоном в доме Денниса Уилсона и затем, достаточно подробно, описал появление Мэнсона в гостевом домике накануне того, как они вместе с Шарон вылетели в Рим.

Настроенный крайне враждебно из-за того, что Альтобелли не дал ему разрешения посетить усадьбу, Канарек спросил: “Как вы считаете, теперь ваши владения на Сизло-драйв, где вы в настоящее время проживаете, хорошо укреплены и безопасны?”

О.: “Надеюсь, что так”.

В.: “Не припомните ли вы нашего разговора, когда я пытался прорваться в эту вашу крепость?”

О.: “Я припоминаю ваши оскорбления и угрозы”.

В.: “Как же, интересно, я вам угрожал?”

О.: “Вы говорили буквально: “Мы позаботимся о вас, мистер Альтобелли”, “Мы найдем на вас управу, мистер Альтобелли”, “Мы

притащим весь суд к вам на дом и устроим процесс у вас дома, мистер Альтобелли”.

Альтобелли ответил Канареку, что в случае, если Суд примет соответствующее постановление, он с радостью подчинится. “Пока этого не произошло, мой ответ — нет. Это дом, и в нем живут люди. Он не станет аттракционом для туристов или парком развлечений для празднующихся”.

В.: “Уважаете ли вы заведенный в этой стране юридический порядок, мистер Альтобелли?”

О.: “Наверное, побольше, чем вы сами, мистер Канарек”.

Преодолев протесты защиты, я сумел получить, пожалуй, около 95 процентов всех показаний от Джекобсона, Хатами и Альтобелли, на которые рассчитывал.

С появлением в зале суда следующего свидетеля я внезапно обнаружил, что сел в глубокую лужу.

Чарльз Кёниг дал присягу, чтобы рассказать, как им был обнаружен кошелек Розмари Лабианка, находившийся в женской уборной станции “Стандард” в Сильмаре, где он работает. Кёниг описал, как, подняв крышку сливного бачка, он увидел оставленный на механизме кошелек, расположенный как раз над поверхностью воды.

Канарек потратил немало времени на перекрестный допрос Кёнига, расспрашивая его о тонкостях работы унитазов и туалетных кабинок, что вызвало немало смешков среди представителей публики и прессы. Затем, совершенно неожиданно, я осознал, куда клонит Канарек.

Адвокат поинтересовался у Кёнига, существует ли стандартная процедура или какой-то установленный порядок обслуживания туалетов в уборных станции? Кёниг отвечал, что инструкция по содержанию и обслуживанию станций “Стандард” требует убирать в туалетах каждый час. Как выяснилось в ходе дальнейшей дачи показаний, подсинивающее средство, хранимое под крышкой сливного бачка, должно подсыпаться в резервуар “всякий раз, когда оно подходит к концу”.

Как часто это происходит? — спросил Канарек.

Как “руководитель” или управляющий станции, Кёниг никогда не чистил уборные самостоятельно, но поручал делать это другим

работникам. Таким образом, у меня была возможность опротестовать этот и сходные вопросы, призывавшие Кёнига к выводам.

К счастью, сразу после этого заседание было отложено до следующего дня.

Я немедленно позвонил в ДПЛА и дал офицерам неотложное задание. Мне было нужно, чтобы следователи нашли и опросили всех, кто работал на этой конкретной станции техобслуживания между 10 августа 1969 года (когда Линда Касабьян, по собственному признанию, оставила там кошелек) и 10 декабря того же года (когда кошелек был обнаружен Кёнигом). Я хотел, чтобы полицейские поговорили с ними прежде, чем до этих людей сумел бы добраться Канарек; меня беспокоило, что тот мог подсказать им “нужные” ответы. Я прямо попросил офицеров: “Скажите им: “Забудьте все, к чему призывают вас инструкции; забудьте также и то, что может сказать управляющий, если выяснит, что вы не следовали букве этих инструкций. Просто честно ответьте на вопрос: вы сами, лично, меняли подсинивающее средство в бачке той кабинки когда-либо на протяжении вашей работы на станции?”

Чтобы подсыпать подсиниватель в резервуар, необходимо приподнять крышку сливного бачка. Прodelать это и не увидеть спрятанный там кошелек было невозможно. Если Канарек сумеет найти хоть одного служащего, который объявит, что подсыпал подсиниватель на протяжении интересующих нас четырех месяцев, тогда защита сможет заявить, что кошелек был “подброшен” позднее, тем самым не только подорвав доверие к рассказу Линды Касабьян, но и косвенно доказав стремление обвинения “засадить” Мэнсона за решетку любыми средствами.

Офицеры ДПЛА нашли некоторых, хотя и не всех, из бывших работников станции (никто из них ни разу не менял подсинивающее средство в бачках). К счастью, Канареку, видимо, повезло не больше.

У Хьюза нашлось лишь несколько вопросов к Кёнигу, но они были сокрушительны.

В.: “Скажите, Сильмар — это место, население которого, в большинстве своем, обладает белой кожей?”

О.: “Да, похоже на то”.

В.: “Сильмар ведь не является черным гетто?”

О.: “Нет”.

В соответствии с рассказом Линды, Мэнсон хотел, чтобы кошелек был найден чернокожим, который попался бы на использовании кредитных карточек, — тогда убийства приписали бы черным. Вся моя теория касательно мотива преступлений исходила из этого предположения. Зачем тогда Мэнсону было оставлять кошелек в районе проживания белого населения?

На самом деле, избранный Мэнсоном выезд на шоссе проходил в непосредственной близости от северных границ Пакоимы — “черного” района долины Сан-Фернандо. Я пытался получить эти сведения через Кёнига, но протесты защиты не позволили мне сделать этого, и позднее мне пришлось специально вызвать в суд сержанта Патчетта, который дал необходимые показания.

С помощью одного-единственного свидетеля, работника станции техобслуживания, защита (точнее, Канарек и Хьюз) чуть не пробила две внушительные дыры в доводах стороны обвинения.

К этому времени я уже окончательно разобрался в своих оппонентах. Фитцджеральд выглядел хорошо, но редко добивался результата. Шинь был неплох. Для первого в своей жизни процесса Хьюз справлялся чертовски отлично. Но именно Ирвинг Канарек — которого многие репортеры величали не иначе как “шут” или “фигляр” — набирал большинство очков. То здесь, то там Канареку удавалось не пропустить в зал суда важных показаний или улики.

Так, например, когда на свидетельском месте оказалась Стефани Шрам, Канарек опротестовал ее показания относительно “школы убийц”, учрежденной Мэнсоном на ранчо Баркера, — и Олдер удовлетворил протест. Со своей стороны, я не был согласен с постановлением судьи, но обойти его никак не мог.

На прямом допросе Стефани показала, что она вернулась с Мэнсоном из Сан-Диего на ранчо Спана в фургоне кремового цвета в пятницу, 8 августа. На перекрестном допросе Фитцджеральд спросил ее: “Могли ли вы ошибаться всего на день?” Это показало мне, что Мэнсон по-прежнему может настаивать на своем алиби; поэтому на повторном допросе я представил улику — штрафной талончик, полученный ими за день до того. Представив также рапорт об аресте Бруннер и Гуд, содержащий упоминание номера того же фургона, я был готов разбить защиту Чарли, если бы Канарек заявил, что в момент убийств его подзащитного даже не было в Калифорнии.

Однако я не мог сбрасывать со счетов и возможность того, что у Мэнсона может иметься собственное оружие — какая-то неожиданная улика, которую он готовится “взорвать” в зале суда.

Как мне предстояло убедиться, такое оружие у него имелось.

Сержант Гутиэрес — о двери с надписью: “HELTER SKELTER”. Девэйн Вольфер — о проведенных им в усадьбе Тейт акустических замерах. Джеррольд Фридман — о последнем звонке, сделанном Стивеном Парентом. Розанна Уолкер — об оброненных Аткинс словах насчет пары очков. Гарольд Тру — о посещениях Мэнсоном дома по соседству с домом Лабианка. Сержант Маккеллар — о попытках Кренвинкль остаться неузнанной перед ее арестом в Мобайле, штат Алабама. Кусочки и фрагменты — но, взятые вместе, они складывались в одну картину. Я надеялся только, что получившаяся в итоге картина будет убедительна.

Оставалось выслушать показания всего нескольких свидетелей обвинения. И я по-прежнему не имел понятия, какую тактику изберет защита. Сторона обвинения обязана представить защите полный список всех своих свидетелей по делу, но противная сторона не имеет подобного обязательства. Ранее Фитцджеральд объявил репортерам, что намерен вызвать тридцать свидетелей — и среди них таких знаменитостей, как Мама Касс^[186], Джон Филлипс и Джон Леннон: участник “The Beatles” должен был дать собственную интерпретацию текстов своих песен. Но это заявление, вкупе со слухами, что сам Мэнсон планирует выступить в суде, были единственными намеками, доступными обвинению. И даже на выступление Мэнсона нельзя было рассчитывать. В наших разговорах Чарли увиливал от четкого ответа. “Может быть, я дам показания. Может, и не дам”. Я продолжал подстрекать его, но уже стал опасаться, что переигрываю.

Подсудимые отсутствовали в зале со времени достопамятного броска Мэнсона к судье. Однако в день, когда должен был выступить Терри Мельчер, Олдер разрешил им вернуться. Не желая встречаться с Мэнсоном, Терри спросил: “Нельзя ли мне уйти в закрытую комнату и дать показания оттуда, по динамику?”

Из всех свидетелей обвинения Мельчер более остальных опасался Мэнсона. Страхи его были столь сильны, признался мне Терри, что ему

пришлось обратиться за помощью к психиатрам, а с декабря 1969 года — оплачивать круглосуточную охрану.

“Терри, они не искали тебя той ночью, — убеждал я Мельчера, пытаюсь вселить в него уверенность. — Мэнсон прекрасно знал, что ты там больше не живешь”.

Тем не менее Мельчер так сильно нервничал, что ему пришлось принять транквилизаторы, прежде чем занять свидетельское место. Говорил он несколько менее уверенно, чем во время наших с ним бесед, однако по окончании дачи показаний с видимым облегчением сообщил мне, что Мэнсон улыбался ему и, значит, не сердится.

Канарек, действуя, видимо, по просьбе Мэнсона, не стал задавать Мельчеру вопросов. Хьюз вытащил на свет то обстоятельство, что в ту ночь, когда Уилсон и Мэнсон подвезли Мельчера до ворот усадьбы 10050 по Сиэло-драйв, они могли заметить, как тот нажал кнопку открывающего ворота устройства. Теперь защита могла заявить, что, будучи знаком с механизмом, Мэнсон едва ли заставил бы посланных им убийц перелезть через забор — что они тем не менее проделали, если верить рассказу Линды.

К этому времени у меня имелись доказательства того, что не только Мэнсон, но и *Уотсон* бывал до убийств на территории усадьбы 10050 по Сиэло-драйв, причем *неоднократно*. Присяжные, впрочем, так и не узнали об этом.

За несколько месяцев до этого я узнал, что после того, как Терри Мельчер покинул дом, но еще до въезда в него четы Полански, Грегг Джекобсон договаривался о временном проживании там Дина Мурхауса. На протяжении этого времени Текс Уотсон навещал Мурхауса по крайней мере трижды (а быть может, и все шесть раз). В частной беседе с Фитцджеральдом я рассказал ему об этих визитах, и адвокат ответил, что уже знает о них.

Я намеревался представить эти улики на будущем процессе по делу Уотсона, но не рассчитывал упоминать их в ходе текущего разбирательства; я надеялся, что Фитцджеральд также не станет упоминать о визитах Уотсона на Сиэло-драйв в суде, поскольку это подкрепляло, скорее, связку “Сиэло — Уотсон”, нежели “Сиэло — Мэнсон”.

Подозревая, что Мэнсон также посещал Сиэло-драйв на протяжении того же периода, я получил доказательства этому лишь в

заключительной фазе процесса, когда лучший из всех возможных источников сообщил мне, что Мэнсон действительно бывал на территории усадьбы 10050 по Сизэло-драйв “пять или шесть раз”. Моим источником был сам Мэнсон, который признался мне в этом во время одной из наших “бесед по душам”. Чарли отрицал, однако, что хоть раз бывал в доме; по его словам, они с Тексом ездили туда, чтобы покататься на вездеходах-пустынниках вверх-вниз по холмам.

Эти прелюбопытные сведения я не мог, однако же, использовать против Мэнсона: он прекрасно понимал, что беседы со мной проходили по его собственному приглашению, а в начале этих бесед я ни разу не сообщал об имеющихся у Чарли конституционных правах.

Ситуация сложилась странноватая — так оно, должно быть, выглядело со стороны. Хотя Мэнсон пригрозил убить меня, он по-прежнему присылал мне приглашения встретиться и поболтать.

Не менее странными были и сами наши беседы. Мэнсон сказал мне, например, что верит в закон и порядок. Необходим “строгий контроль” со стороны властей, сказал он. Не имеет значения, к чему именно обязывает закон (добро и зло — понятия относительные), но этот закон необходимо поддерживать самыми строгими мерами; это обязаны делать все, у кого имеется хоть толика власти. Общественное мнение следует подавлять, поскольку одни люди склонны думать одно, другие же — другое.

“Иными словами, твое решение — диктатура”, — заметил я на это. “Да”.

Им найдено простое решение проблемы преступности, сообщил мне Мэнсон. Надо опустошить тюрьмы и выдворить преступников в пустыню. Но сначала вырезать по кресту на лбу каждого из них, чтобы можно было сразу заметить их в городе и пристрелить, не спрашивая документов.

“Надо ли мне гадать, кто будет пасти их там, в пустыне, Чарли?”

“Нет”, — рассмеялся он.

В другой раз Мэнсон объявил мне, что только что написал президенту Никсону письмо, в котором предлагал немедленно передать ему бразды правления. Если меня это интересует, я мог бы стать при нем вице-президентом. Я прекрасный обвинитель, похвалил Чарли,

мастерски оперирую словами, и “насчет очень многого ты совершенно прав”.

“Какого “многого”, Чарли? Насчет *Helter Skelter*, хода совершения убийств или твоих взглядов на вопросы жизни и смерти?”

Мэнсон улыбнулся и ушел от ответа.

“Мы оба знаем, что именно ты приказал им убивать”, — сказал я ему.

“Буглиози, это не я, а “The Beatles”, та музыка, что они выпускают. Они говорят о войне. А эти детишки слушают музыку и подсознательно получают скрытое в ней сообщение”.

“Ты ездил с ними в ночь убийства четы Лабианка”.

“Я вообще много куда ездил, и по ночам тоже”.

Ни разу я не получил прямого “нет”. И не мог дожидаться, когда же Чарли займет место свидетеля.

Мэнсон говорил, что ему нравится тюрьма, хотя пустыня, солнце и женщины нравятся ему еще больше. Я ответил, что

Чарли еще не доводилось бывать в зеленой комнате “Сан-Квентина”^[187].

Он не боится смерти, ответил Мэнсон. Смерть — всего лишь отвлеченная мысль. Ему уже приходилось встречаться со смертью множество раз — и в этой, и в предыдущих своих жизнях.

Я спросил, намеревался ли он убить Кроуи, когда стрелял в него?

“Конечно, — ответил Чарли и добавил: — Я могу убить любого не моргнув и глазом”. Когда я спросил почему, он пояснил: “Вы убивали меня долгие годы”. Когда я пристал к Чарли с расспросами, беспокоят ли его произошедшие убийства, Мэнсон ответил, что у него вовсе нет совести, что все на свете — лишь набор мыслей. Лишь он сам, и никто более, управляет своим мышлением; он сам полностью контролирует ход своих мыслей; никому и ничему не удалось подчинить его чуждой программе.

“Когда об этих мыслях заговорят, уж лучше поверь, что это я управляю ими, — сказал Мэнсон. — Я точно буду знать, что и зачем делаю. Я абсолютно точно буду знать, что делаю”.

Мэнсон часто прерывал показания Брукса Постона и Пола Уоткинса брошенными в сторону репликами. Канарек следовал его примеру, выражая протесты, так что Олдер, подозревая адвоката к

судейскому столу, сердито объявил ему: “Вы пытаетесь оборвать свидетеля своими пустячными, длинными, путанными, глупейшими протестами. На протяжении всего процесса вы снова и снова занимаетесь этим... Я внимательно следил за вами, мистер Канарек. Я прекрасно понимаю, чем это вы занимаетесь. Мне уже пришлось дважды уличить вас в неуважении к Суду за эти самые действия. Я не стану долго раздумывать, прежде чем сделаю это снова”.

И Канарек, и Мэнсон, понимали, конечно, что показания Постона и Уоткинса мощно поддерживают сторону обвинения. Шаг за шагом, через рассказы этих свидетелей, вырисовывалась эволюция *Helter Skelter* — не отвлеченной абстракции, как понимал это Джекобсон, но с точки зрения былых последователей Мэнсона, вместе с остальной “Семьей” наблюдавших за тем, как размытые очертания его философской концепции медленно материализовывались в пугающую реальность.

Перекрестный допрос ни в малейшей мере не поколебал этих показаний; скорее, он высветил еще большее количество деталей. Так, во время допроса Постона Канарekom адвокат сам, хоть и не желая того, вытащил из свидетеля прекрасный пример тотальной власти Мэнсона над остальными: “Когда Чарли появлялся поблизости, это было так, словно школьный учитель возвращался в класс”.

Хьюз спросил Постона: “Чувствовали ли вы, что находитесь под гипнотическим воздействием мистера Мэнсона?”

О.: “Нет, не думаю, чтобы мистер Мэнсон обладал даром гипнотического внушения”.

В.: “Но вы чувствовали, что он все же обладает некоторой властью?”

О.: “Я считал его Иисусом Христом. Для меня этого казалось достаточно”.

Оглядываясь назад, на время, проведенное с Мэнсоном, Постон сказал: “Я многому научился у Чарли, но я не думаю, что он пытался раскрепостить своих людей”. Уоткинс заметил: “Чарли всегда проповедовал любовь. Только Чарли понятия не имел, что значит это слово. Чарли был настолько далек от любви, что это даже было не смешно. *Смерть заводит Чарли. Это точно*”.

С момента своей экстрадиции в Калифорнию Чарльз “Текс” Уотсон вел себя несколько странно. Поначалу он говорил мало, затем вдруг замолчал вовсе. Заключенные блока собрали подписи под жалобой об антисанитарном состоянии его камеры. Текс часами мог пристально вглядываться в пространство, после чего, без всякого предупреждения, с силой бросался на стену. В изоляторе, куда его вскоре поместили, Текс прекратил принимать пищу, и вес его сократился до 110 фунтов — несмотря даже на то, что его кормили насильно.

Имелись улики, что Текс симулирует, по крайней мере, часть симптомов, — но его адвокат, Сэм Бубрик, попросил Суд назначить трех психиатров для проведения освидетельствования. Сделанные врачами выводы различались, но в одном сошлись все трое: Уотсон быстро регрессирует к эмбриональному состоянию, и этот процесс может привести к смертельному исходу, если только немедленно не принять врачебные меры. Действуя на основе этого заключения психиатров, судья Делл 29 октября постановил, что в настоящее время Уотсон не может участвовать в судебном процессе и будет отправлен на лечение в больницу в Атаскадеро.

Мэнсон попросил меня заглянуть к нему во время перерыва в заседании.

“Винс, — просил Мэнсон через закрытую дверь комнаты для подсудимых, — дай мне только полчаса пообщаться с Тексом. Я уверен, что смогу вылечить его”.

“Прости, Чарли, — отвечал я. — Подобными вещами я предпочту не рисковать. Если ты и впрямь исцелишь Текса, тогда каждому захочется поверить, что ты — Иисус Христос”.

1—19 ноября 1970 года

За день перед тем, как Уотсон был направлен в Атаскадеро, два назначенных Судом психиатра заключили, что состояние семнадцатилетней Дайанны Лейк позволяет ей давать показания в зале суда.

После успешного окончания своего лечения в клинике Паттона Дайанне сообщили добрую весть: следователь из округа Инио Джек Гардинер и его супруга, подружившиеся с Дайанной вслед за ее

арестом в ходе рейда, проведенного на ранчо Баркера, были назначены ее приемными родителями. Ей предстоит жить с ними и их детьми до окончания школы.

Из-за правила *Аранды* присяжные так и не услышали кое о чем (например, что Текс приказал Лесли ударить ножом Розмари Лабианка, а позднее — стереть отпечатки пальцев со всех предметов, которых они касались), потому что Дайанна знала об этом со слов Кэти, и любые упоминания о подельниках следовало вырезать.

Дайанна могла дать показания лишь относительно того, в чем ей призналась сама Лесли; впрочем, здесь имелась небольшая проблема — Лесли никогда не говорила Дайанне, *кого* ударила ножом. Она рассказала, что била ножом чье-то уже мертвое тело; что происходило это неподалеку от парка Гриффита; что снаружи находилась лодка. Я надеялся, что присяжные смогут сделать единственно возможный вывод: Лесли говорила о чете Лабианка. Дайанна показала также, что как-то утром в августе Лесли вошла в дом на заднем дворе ранчо Спана и сожгла дамскую сумочку, кредитную карту и собственную одежду, оставив лишь мешочек с монетами, которые девушки поделили и потратили на продукты. Дайанна, однако, не могла назвать точную дату, и, хоть я и надеялся, что присяжные решат, что это происходило наутро после убийства четы Лабианка, доказательств у нас не было никаких.

Поскольку показания Дайанны представляли собой единственную улику (не зависимую от рассказа Линды Касабьян), которая привязывала Лесли Ван Хоутен к убийствам на Вейверли-драйв, наше дело против нее пошатнулось — и заметно, — когда на перекрестном допросе Хьюз обнаружил, что Дайанна не уверена, то ли Лесли рассказала ей о лодке, то ли она сама прочла о ней в газетах.

Хьюз также сосредоточился на различных мелких расхождениях ее показаний со сделанными ранее заявлениями (Дайанна рассказала Сартучи, что монеты были в сумочке, тогда как я слышал версию с пластиковым пакетом) и на том, что могло бы произвести настоящий разгром представленных обвинением улик. На прямом допросе Дайанна говорила, что деньги разделили поровну она сама, Маленькая Патти и Сандра Гуд. “Мне так кажется”.

Если Сэнди присутствовала при разделе монет, тогда это не могло происходить утром 10 августа, то есть вскоре после совершения убийств обоих Лабианка, поскольку тогда Сандра Гуд и Мэри Бруннер

все еще находились в заключении. Так или иначе, но на дальнейшие вопросы Дайанна ответила, что Сэнди “там могло и не быть”.

В своей части перекрестного допроса Канарек довел до сведения присяжных, что сержант Гутиэрес пригрозил Дайанне газовой камерой. Фитцджеральд же привел сделанное ранее противоречащее заявление свидетеля: выступая перед большим жури, Дайанна говорила, что 8 и 9 августа находилась в округе Инио, а не на ранчо Спана.

На повторном допросе я спросил у Дайанны: “Почему вы солгали большому жури?”

О.: “Потому что боялась говорить правду. Я думала, если расскажу все, как было, то меня убьют участники “Семьи”. И Чарли просил меня не... приказал мне ничего не говорить людям, наделенным властью”.

4 ноября сержант Гутиэрес, надеявшийся найти чашку кофе, забрел в комнату отдыха присяжных, где подсудимые девушки проводили перерывы в заседаниях. Он нашел желтую официальную папку, помеченную именем Патриции Кренвинкль. Среди заметок и рисунков Кэти трижды написала слова “healter skelter” — совершив в точности ту же орфографическую ошибку, что присутствовала и в надписи на дверце холодильника в доме Лабианка.

Олдер, однако, не захотел разрешить мне воспользоваться этим как вещественной уликой. Я чувствовал, что судья ошибается в данном случае на все сто процентов: сделанные рукою Кэти надписи, вне всякого сомнения, были косвенными уликами по делу; они имели к нему прямое отношение и вполне могли быть приняты как таковые. Но Олдер решил иначе.

Судья невольно потрепал мне нервы, когда я пытался представить в суде отказ Кренвинкль написать те же слова печатными буквами. Согласившись, что это, действительно, косвенная улика, Олдер решил дать Патриции еще один шанс подчиниться и постановил устроить соответствующую экспертизу.

Проблема заключалась в том, что Кренвинкль просто могла, по совету адвоката, взять и написать требуемое. В таком случае, я знал, у нас возникли бы настоящие проблемы.

Кэти отказалась вторично — следуя советам Пола Фитцджеральда!

Очевидно, Фитцджеральд не понимал, насколько сложно (если возможно вообще) было бы графологам сравнить две короткие надписи

печатными буквами. И, если бы в ДПЛА не смогли сделать это, по закону Патриция Кренвинкль должна была быть оправдана по обвинению в убийстве четы Лабианка. Ее отказ представить образец почерка был единственной крупницей независимых улик, которые поддерживали показания Касабьян относительно участия Кренвинкль в этих преступлениях.

У Кэти был превосходный шанс “выбраться сухой из воды”. И по сей день я не могу понять, отчего адвокат посоветовал ей отказаться от участия в экспертизе и тем самым лишил ее этого шанса.

Два последних свидетеля *Народа*, доктора Блейк Скрдла и Гарольд Диринг, были теми самыми психиатрами, что обследовали Дайанну. Во время прямого и повторного допросов я получил от них показания, сводившиеся к одному: оставаясь сильнодействующим наркотическим средством, ЛСД никак не отражается на памяти; более того, не существует никаких медицинских данных о том, что прием этого наркотика ведет к разрушению мозга или нарушениям его функций. Это было важно, поскольку адвокаты защиты утверждали, будто сознание различных свидетелей обвинения (в особенности — Линды и Дайанны) было настолько “искажено” приемом ЛСД, что эти люди уже не отличали фантазий от реальности.

Доктор Скрдла показал, что люди, принявшие ЛСД, *могут* увидеть разницу между предметами реальными и кажущимися; фактически, у них часто обостряется восприятие. Далее, Скрдла показал, что прием ЛСД вызывает, скорее, иллюзии, чем галлюцинации, — другими словами, наблюдаемый предмет находится там, где человек его видит, только восприятие предмета меняется. Многие были немало удивлены, поскольку ЛСД часто называют именно галлюциногенным препаратом.

Когда на мои вопросы отвечал Уоткинс, я лично прояснил тот факт, что, будучи еще молодым человеком (Полу Уоткинсу было 20 лет), он принимал ЛСД уже от 150 до 200 раз. Тем не менее, как наверняка заметили присяжные, Пол был одним из наиболее ярких свидетелей обвинения и прекрасно выражал свои мысли. Скрдла также сказал: “Мне приходилось встречать людей, принимавших этот препарат несколько сотен раз и не выдававших ни малейших признаков нарушений эмоциональной сферы — если только они не находились в этот момент в состоянии наркотического транса”.

Фитцджеральд спросил у Скарды: “Может ли прием больших доз ЛСД на протяжении ограниченного периода времени сделать человека чем-то вроде зомби или разрушить его рациональное мышление?”

Если, как я подозревал, Фитцджеральд пытался заложить фундамент для защиты, построенной вокруг этого предположения, тот развалился, едва Скарда произнес: “С таким мне сталкиваться пока не доводилось”.

Доктор Диринг выступал последним. Он закончил давать показания в пятницу, 13 ноября. Большую часть понедельника (16 ноября), мы провели, представляя вещественные доказательства правоты *Народа*. Всего их набралось 320 отдельных экспонатов, и Канарек встретил протестом появление каждого из них, начиная от револьвера 22-го калибра и заканчивая масштабным планом усадьбы Тейт. Сильнее всего он протестовал против введения в вещдоки цветных фотографий тел убитых. Отвечая ему, я заявил: “Разумеется, Суд может видеть, что эти изображения жестоки и натуралистичны, спорить не приходится, но дело обстоит таким образом, что подсудимые — как раз и есть те люди, что совершили убийства; разумеется, обвинение отталкивается именно от того предположения, что подсудимые как раз и несут ответственность за жестокость и кошмарность случившегося. Это дело их рук. Присяжные должны иметь возможность взглянуть на это дело”.

Судья Олдер согласился со мной, и фотографии были включены в вещественные доказательства по делу.

Один из экспонатов так и не попал на стол для вещдоков. Как отмечалось ранее, на брошенной убийцами одежде, которая была на них в ночь убийств на Сизло-драйв, было найдено несколько белых волосков собачьей шерсти. Увидев их, Винифред Чепмен сказала мне, что они похожи на шерсть собаки, принадлежавшей Шарон. Однако когда я попросил доставить их в зал суда из хранилища вещдоков ДПЛА, то получил лишь отговорки. В итоге оказалось, что, переходя через улицу к Дворцу юстиции, один из следователей “команды Тейт” уронил и разбил стеклянную пробирку с волосками. По его признанию, ему удалось сохранить только один волосок. Осознав, что выражение “дело висит на волоске” будет слишком уж уместно, если я представлю эту единственную уцелевшую улику в суде, я решил обойтись без этого.

В 16:27 в понедельник — ровно через двадцать две недели после начала процесса и за два дня до годовщины моей приписки к делу — я сказал Суду: “Ваша честь, *Народ* штата Калифорния закончил”.

В заседании был назначен перерыв до четверга, 19 ноября, когда были рассмотрены стандартные прошения каждого адвоката о прекращении судопроизводства по делу.

В декабре 1969 года множество адвокатов предсказывали, что, когда дело дойдет до этой точки, Мэнсон окажется на свободе просто за недостаточностью улик.

Сомневаюсь, что теперь так считал хотя бы один юрист в стране, включая и самих адвокатов защиты.

Олдер отклонил все прошения.

Судья: “Готова ли защита начать выступление?”

Фитцджеральд: “Да, Ваша честь”.

Судья: “Можете вызвать своего первого свидетеля, мистер Фитцджеральд”.

Фитцджеральд: “Благодарю, Ваша честь. Подсудимые закончили”.

Почти всех присутствующих эта фраза застала врасплох. Даже судья Олдер несколько минут казался слишком потрясенным, чтобы связно говорить. В процессе по уголовному делу основной вопрос заключается не в том, виновен или невиновен подсудимый (как полагает большинство). Вопрос звучит так: сумела ли сторона обвинения выполнить свою юридическую задачу и доказать вину подсудимого за пределами разумных сомнений и моральной уверенности. [\[188\]](#)

Очевидно (хоть и неожиданно), защита решила избежать нового раунда перекрестных допросов и положиться на мнение, что мы не сумели доказать вину Мэнсона и его соотчетниц за пределами разумных сомнений, — и, значит, адвокаты по делу ждут вынесения вердикта “не виновны”.

Самый крупный сюрприз, однако, был еще впереди.

Часть 7

ВЕТЕР УБИЙСТВ^[189]

*Просто в воздухе носилось что-то, знаете ли.
Что-то в воздухе носилось.*

Хуан Флинн

*Мы еще позаботимся о стукачах и других
врагах.*

Сандра Гуд

*Прежде чем исчезнуть, Рональд Хьюз,
пропавший адвокат защиты на суде по делу об
убийствах Тейт — Лабиаанка, признался близкому
другу, что боится Мэнсона.*

“Лос-Анджелес таймс”

19 ноября — 20 декабря 1970 года

Фитцджеральд объявил, что подсудимые закончили. Но теперь все три подсудимые девушки в голос кричали, что хотят дать показания.

Созвав совещание сторон в кулуарах, судья Олдер потребовал объяснить ему происходящее.

Между адвокатами защиты и их клиентами возникли некоторые разногласия, сказал Фитцджеральд. Девушки намеревались выступить; их адвокаты противились этому и хотели завершить изложение доводов защиты не начиная.

Бурные дебаты продолжались не менее часа, и только тогда проявилась истинная причина размолвки; Фитцджеральд сделал следующее признание, не занесенное в стенограмму:

Сэди, Кэти и Лесли хотели показать под присягой, что они сами спланировали и совершили убийства и что Мэнсон тут вовсе ни при

чем!

Чарли хотел взорвать эту свою бомбу немедленно, но адвокатам удалось оттянуть взрыв, хоть и ненадолго. Впервые открыто противясь Мэнсону, Рональд Хьюз заметил: “Я отказываюсь принимать участие в любом судопроизводстве, где от меня требуется вытолкнуть клиента из окна”.

Возникшие правовые проблемы были внушительны, но в основном сводились к одному только вопросу: что первично — право на квалифицированную помощь юриста или право давать показания? Обеспокоенный тем, что любой из выбранных Олдером ответов мог быть впоследствии назван судебной ошибкой, я предложил обратиться за разъяснением в Верховный суд штата. Олдер, однако, счел, что (пусть адвокаты не захотели излагать доводы защиты и посоветовали клиентам воздержаться от дачи показаний) право голоса в суде “обладает превосходством над всеми прочими правами”. Девушкам будет разрешено дать показания.

Олдер спросил у Мэнсона, не желает ли он тоже выступить. “Нет, — ответил Чарли и, подумав немного, добавил: — То есть в любом случае не сейчас”.

По возвращении в зал суда Канарек подал прошение отделить дело Мэнсона от процесса остальных подсудимых.

Теперь Чарли пытался покинуть тонущий корабль, предоставив девушкам спасать свои жизни самостоятельно. Отклонив прошение Канарека, Олдер пригласил присяжных и позволил Сьюзен Аткинс занять свидетельское место и принести присягу. Дэйи Шинь, впрочем, отказался задавать ей вопросы, пояснив, что сама формулировка заготовленных Сьюзен вопросов изобличает её^[190].

Это создало совершенно новую проблему. Вернувшись в кулуары, Олдер отметил: “Мне становится совершенно ясно, что весь этот маневр защита провела просто для того... чтобы исказить ход процесса... Я не намерен допустить это”.

По-прежнему в кулуарах, вне присутствия присяжных, Сьюзен Аткинс сказала судье Олдеру, что хочет рассказать, “как все было. Как я сама это *видела*”.

Судья: “Понимаете ли вы, что в этом случае подвергнете себя опасности? Произнеся всего несколько слов, вы можете самостоятельно подписать себе приговор”.

Аткинс: “Я понимаю”. Она добавила, что в случае, если будет признана виновной, “пусть меня приговорят, исходя из правды. Я не хочу, чтобы меня приговорили, опираясь на кучу лжи, вырванной из контекста и рассыпанной как придется. Потому что, мистер Буглиози, ваше здание трещит по швам. Я сама видела, как пошли трещины. Подлый ты, хитрый лис!”

Буглиози: “Зачем же помогать мне подпереть эту развалину, Сэди? Ты должна быть довольна. Если все рухнет, вернешься на ранчо Баркера. Зачем же выступать в суде, чтобы помочь мне?”

Шинь сказал, что в случае, если Олдер прикажет ему задавать вопросы клиентке, он немедленно подаст просьбу о снятии с себя обязанностей адвоката подсудимой. Фитцджеральд высказался в том же ключе, добавив: “Насколько я понимаю, это будет похоже на подстрекательство к самоубийству — а затем и на само убийство”.

Когда в заседании был объявлен перерыв, Суд еще не пришел к окончательному решению.

На следующий день Мэнсон удивил всех, заявив, что он тоже желает выступить. Фактически, он намеревался занять место свидетеля прежде, чем это сделают остальные. Из-за возможных проблем с *Арандой*, однако, было решено, что сначала Мэнсон произнесет свою речь вне присутствия присяжных.

Мэнсон принес присягу. Вместо того чтобы заставить Канарека задавать ему вопросы, он запросил и получил разрешение сделать заявление.

Чарли говорил более часа. Начал он почти извиняющимся тоном, настолько тихо, что поначалу публике в заполненном зале суда приходилось наклоняться вперед, чтобы расслышать слова. Но уже несколько минут спустя голос Мэнсона изменился, он окреп, в нем появился внутренний стержень, и (как мне уже приходилось наблюдать во время наших бесед) лицо его тоже изменилось. Мэнсон Никто. Мэнсон Мученик. Мэнсон Проповедник. Мэнсон Пророк. Он становился всеми ими — и не только; метаморфоза часто происходила прямо посреди фразы, и лицо Чарли было экраном, по которому быстрыми тенями скользили эмоции, пока оно уже не стало целым калейдоскопом разных лиц: каждое вполне настоящее, но лишь на долю секунды.

Он невнятно бормотал, он делал отступления, он повторялся, но во всем выступлении Мэнсона *действительно* было нечто гипнотическое. По-своему Чарли пытался наложить на слушателей странные чары; подобным же образом ранее ему удавалось околдовать наиболее впечатлительных своих сторонников.

Мэнсон: “Меня много в чем обвиняли, многое говорили обо мне и о моих соответчиках по этому делу, перед нами выставили немало фактов, многие из которых можно попытаться объяснить и очистить от словесной шелухи...

Я никогда не ходил в школу, а потому так по-настоящему и не научился читать и писать; поэтому меня посадили в тюрьму, и я остался глупым, остался ребенком и наблюдал со стороны, как весь ваш мир понемногу взрослеет, — и вот теперь я смотрю на вещи, которые вы делаете, и не понимаю...

Вы едите мясо и убиваете создания, которые лучше вас самих, а потом ужасаетесь, какими плохими стали ваши собственные дети, называете их убийцами. Это *вы* сделали своих детей тем, что они есть...

Дети, что идут на вас с ножами, — это ваши дети. Вы научили их всему, что они знают. Я не обучал их. Я просто помог им подняться на ноги.

Большинство людей, что жили на ранчо, людей, которых вы зовете “Семьей”, — эти люди вам просто были не нужны, это люди, которые оказались на обочине; которых прогнали родители; которые не хотели жить в толпе. Поэтому я сделал для них все, что было в моих силах: я забрал их в глушь, на свою свалку, и вот что я сказал им: в любви не существует понятия плохо...

Я сказал им, что все, что они делают для своих братьев и сестер, хорошо, если это делается с мыслью о хорошем...

Я занимался уборкой по дому — тем, чем следовало бы заняться Никсону. Он должен был постоять на этой стороне дороги, попытаться собрать своих детей вместе, — но нет, его там не было. Он сидел в Белом доме, он посылал их воевать...

Я не понимаю вас, но я и не стараюсь понять. Я никого не пытаюсь судить. Я знаю, что могу судить только одного человека — себя самого... Но одно я знаю точно: в своем сердце, в своей душе каждый

из вас не меньше виноват во вьетнамской войне, чем я — в смерти этих людей...

Мне не дано судить никого из вас. Я не точу зуб, не таю к вам вражды. Но, сдается мне, настало время, когда вам всем придется взглянуть на самих себя и осудить ту ложь, в которой вы погрязли.

Я не могу испытывать к вам неприязни, но вот что я вам скажу: у вас осталось не так уж и много времени, прежде чем вы начнете убивать друг друга, потому что все вы — безумцы. И вы можете отразить, спроецировать на меня эту свою злобу.... Но я — лишь то, что живет внутри каждого из вас.

Меня породила тюрьма. Меня породила вся ваша система... Я лишь то, чем вы меня сделали. Я — ваше отражение, и ничего больше.

Я питался отбросами из ваших мусорных баков, чтобы снова не угодить в тюрьму. Я носил обноски с вашего плеча... Я изо всех сил старался приспособиться к вашему миру, и теперь вы хотите убить меня; вот я гляжу на вас и говорю себе: хотите убить *меня*? Ха! Я давно уже мертв, всю свою жизнь я мертвец. Я провел двадцать три года в выстроенных вами гробницах.

Порой я задумываюсь, не стоит ли вернуть должок; порой мне кажется, что лучший выход — броситься на вас и позволить пристрелить себя... Если бы я только мог, то оторвал бы этот микрофон и колотил бы им по вашим головам, пока мозги не полезли бы наружу, потому что это то, чего вы заслуживаете. То, что вы заслужили.

Если бы я был способен разозлиться, я постарался бы убить каждого из вас. Если в этом моя вина, я принимаю ее...

А эти дети — все, что они сделали, они сделали из любви к своему брату...

Если я показал им, что лично я сделаю ради своего брата все, что угодно, — в том числе отдам за него свою жизнь на поле битвы, — и потом они подняли это свое знамя и ушли от меня и сделали то, что сделали, тогда я не несу ответственность за их поступки. Я не указываю людям, что им делать...

Эти дети [указывая на подсудимых девушек] искали самих себя. То, что они сделали, *если* они это сделали, — это их поступки. Им придется объяснить вам, зачем они поступили именно так...

Все это — ваш собственный страх. Вы ищете, на чем можно его выместить, и выбираете маленького старого попрошайку; вы выбираете

ничтожество, которое питается мусором; которое никому не нужно; которое выкинули из исправительной колонии; которое прошло через все воображимые круги ада, — и вы хватаете его и сажаете на скамью подсудимых.

Вы ждете, чтобы я сломался? Не выйдет! Вы сломали меня много лет назад. Вы давным-давно убили меня...”

Олдер спросил, не хочет ли Мэнсон что-нибудь добавить.

Мэнсон: “Я никого не убивал и я никого не приказывал убить.

Может статься, я действительно намекал несколько раз, нескольким разным людям, что я могу быть Иисусом Христом, но я сам еще не решил для себя, кто я такой или что такое”.

Кое-кто звал его Христом, сказал Мэнсон. В тюрьме именем ему служил номер. Кому-то нужен изверг-садист, поэтому они видят его таким. Да будет так. Виновен. Не виновен. Это всего лишь слова. “Вы можете сотворить со мною все, что только пожелаете, но не сможете даже дотронуться до меня, ибо я — это всего только моя любовь... Если меня снова посадят в тюрьму, это ничего не будет значить, потому что из предыдущей меня выгнали пинками. Я не просил вас освободить меня. Я люблю сидеть за решеткой, потому что я люблю себя самого”.

Предупредив Мэнсона: “Кажется, вы отвлеклись от основной мысли”, Олдер попросил его придерживаться вопросов, имеющих отношение к процессу.

Мэнсон: “Вопросов?.. Мистер Буглиози — целеустремленный обвинитель с прекрасным образованием, мастерски владеющий речью, семантикой. Он гений. У него есть все, о чем только может мечтать любой юрист, кроме единственной вещи: состава преступления. У него нет дела как такового. Если бы мне было разрешено выступить в качестве собственного адвоката, я смог бы доказать вам это...

Вещественное доказательство в данном уголовном деле — револьвер. Этот револьвер валялся на ранчо. Он принадлежал всем и каждому. Любой мог бы взять его и сделать с ним все, что ни заблагорассудится. Я не отрицаю, что владел этим револьвером. Он множество раз бывал в моих руках.

Как и веревка, она тоже с ранчо”. Конечно, он купил веревку, признал Мэнсон, целых 150 футов, “потому что веревка всегда пригодится на ранчо”.

Одежда? “Очень удобно вышло, что мистер Баггот сумел найти ее. Подозреваю, он неплохо заработал на находке”.

Пятна крови? “Ну, это не совсем пятна крови. Они всего лишь бензидиновая реакция”.

Кожаная тесемка? “Сколько человек носили когда-нибудь мокасины с кожаной шнуровкой?”

Фотографии семи мертвых тел, 169 ножевых ранений? “Они выставляют трупы в ужасном состоянии на всеобщее обозрение и намекают: смотрите, что будет с вами, если только он выйдет на свободу”.

Helter Skelter? “Это выражение обозначает путаницу, неразбериху. Так и есть, в буквальном смысле. Это сочетание букв не подразумевает, что какие-то люди намерены убить других людей... *Helter Skelter* — путаница. Все вы здорово запутались, и вскоре путаницы вокруг вас станет еще больше. Если вы отказываетесь замечать это, тогда называйте ее, как хотите”.

Заговор? “Разве это заговор — когда музыка говорит молодежи восстать против истеблишмента, потому что люди истеблишмента разрушают все вокруг, и делают это все быстрее и быстрее? Какой же это заговор?”

Музыка говорит с вами ежедневно, но вы слишком глухи, немы и слепы, чтобы даже просто слышать музыку...

Это не мой, это чужой заговор. Это не моя музыка. Я слышу все, что она несет. Она говорит: “Восстань”, она говорит: “Убей”.

Зачем винить меня? Я не писал этой музыки”.

О свидетелях. “Например, Дэнни ДеКарло. Он сказал, что я ненавижу чернокожих и что мы с ним в этом сходимся... Но единственное, что я сделал с Дэнни, как и с любым другим, — это отразил ему его самого. Если он говорил, что недолюбливает чернокожих, я отвечал ему: “О’кей”. Так что потом он выпивал еще банку пива и уходил прочь с мыслью: “Чарли думает совсем как я сам”.

Но на самом-то деле он понятия не имеет, что там в голове у Чарли, потому что Чарли никогда не выставлял себя напоказ.

Я думаю иначе, чем остальные люди. Вы слишком много значения придаете собственной жизни. Ну, а моя жизнь ни для кого не была важна...”

Линда Касабьян. Она давала показания против него только потому, что видела в нем своего отца, а отец никогда ей не нравился. “Поэтому она встает здесь и говорит, что, заглянув в глаза умиравшему человеку, поняла, что это моя вина. Она решила так, потому что не в силах была встретиться со смертью. Но, если она не может видеть смерть, я тут ни при чем. Я могу. Я делал это постоянно. В тюрьме смерть входит в жизнь человека, он вынужден жить в постоянном страхе смерти, потому что тюрьма — мир жестокий, и хочешь не хочешь, но приходится всегда быть начеку”.

Дайанна Лейк. Ей хотелось внимания. Она притягивала к себе неприятности, она жаждала их; она устраивала нелепые выходки; ей хотелось, чтобы отец наказал ее. “Поэтому, как и всякий отец, я умирал ее сознание болью, чтобы она не подожгла в итоге все ранчо”.

Да, жившим на ранчо юношам и девушкам он приходился отцом. Но лишь в том смысле, что обучал их “не быть слабыми и не полагаться на меня”. Полу Уоткинсу был нужен отец. “Я сказал ему: “Чтобы стать мужчиной, парень, тебе придется встать, выпрямиться и самому стать себе отцом”. Он отправляется в пустыню и там находит образ отца в Поле Крокетте”.

Да, он приставлял нож к горлу Хуана Флинна. Да, он заявил ему, что ответственен за все эти убийства. “Я действительно чувствую некоторую ответственность. Я чувствую свою ответственность за загрязнение окружающей среды. Я чувствую ответственность за все происходящее”.

Мэнсон не отрицал, что сказал Бруксу Постону взять нож и пойти убить шерифа города Шошон. “Я не знаком с тамошним шерифом. Я не говорю, будто не произносил этих слов, но, если я и сказал их, в тот момент убийство этого человека могло казаться мне неплохой идеей.

Если начистоту, я вообще не помню, чтобы говорил когда-нибудь: “Возьми нож и смену одежды. Иди с Тексом и делай все, что он скажет”. Я даже не помню фразы “Пойди и убей шерифа”.

На самом же деле я выхожу из себя, когда кто-то лишает жизни змею, собаку, кошку или лошадь. Я и мясо не особенно люблю; вот до какой степени я противлюсь убийству...

На мне нет никакой вины, потому что я никогда не был способен видеть что-то в дурном свете... Я всегда повторял: делайте то, что велит вам ваша любовь, и я сам делаю то, что подсказывает моя

собственная любовь... Разве *моя* вина в том, что ваши дети повторяют то, что уже сделано *вами*?

Как же насчет ваших детей? — с негодованием спросил Мэнсон, слегка приподнимаясь со свидетельского стула, словно бы готовый рвануться вперед и наброситься на любого из находящихся в зале суда. — *Вы говорите, что их всего несколько?*

Их гораздо, гораздо больше, и все они движутся в одном направлении.

Они бегут по улицам, и они спешат прямо сюда, чтобы разделаться с вами!”

Я задал Мэнсону всего несколько вопросов, ни один из которых не был занесен в тетради, которые я вел специально для этой цели.

В.: “Вы говорите, что уже мертвы. Это верно, Чарли?”

О.: “Я считаю, что мертв, или это вы считаете меня мертвым?”

В.: “Дайте любое определение, по вашему желанию”.

О.: “Как скажет вам любой ребенок, мертвый — это когда тебя больше нет. Когда ты больше не здесь. Если тебя нет, это значит, что ты мертв”.

В.: “Сколько времени вы продолжаете оставаться мертвым?” Мэнсон уклонился от прямого ответа.

В.: “Если приводить точные цифры, вы полагаете, что мертвы около двух тысяч лет, не так ли?”

О.: “Мистер Буглиози, две тысячи лет понятие относительное, особенно по меркам того единственного мига, в котором мы живем постоянно”.

В.: “Другими словами, зал судебных заседаний номер 104 далек от Голгофы, не правда ли?”

Мэнсон заявил, что не желает ничего иного, кроме как забрать своих детей и вернуться с ними в пустыню. Напомнив ему, что “единственные люди, которые могут освободить вас, чтобы вы могли удалиться в пустыню, это двенадцать присяжных, слушающие ваше дело”, я задал новый вопрос: “Мистер Мэнсон, желаете ли вы выступить перед присяжными и повторить им все то, что говорили сегодня в суде?”

Канарек выразил протест. Олдер удовлетворил его, и на этом я закончил свой перекрестный допрос.

К моему удивлению, Олдер позднее поинтересовался, отчего я не задавал Мэнсону серьезных, действительно весомых вопросов. Мне-то казалось, что причина очевидна. Мне нечего было выигрывать, поскольку в зале не было присяжных. У меня имелось огромное множество вопросов, которые я хотел задать Чарли, несколько мелко исписанных тетрадок, — но я задал бы их лишь в том случае, если бы перекрестный допрос проходил в присутствии присяжных. Пока Мэнсон не занял свидетельское место перед ними, я не намеревался давать ему возможность “тренироваться в сухом бассейне”.

Тем не менее, когда Олдер спросил у Мэнсона, не желает ли тот выступить теперь перед присяжными, Чарли ответил: “Я уже успел высказать все, что накопилось”.

Когда Мэнсон поднялся из-за свидетельского стола и прошел мимо стола для совещаний адвокатов с подсудимыми, я расслышал его обращенную к девушкам реплику: “Теперь вы не обязаны выступать”.

Любопытно, что он понимал под словом “теперь”? Я сильно подозревал, что Мэнсон не сдался, но просто выигрывал время.

После того как защита представила присяжным свои вещественные доказательства, судья Олдер отложил следующее заседание на десять дней, чтобы дать адвокатам время на подготовку аргументов для произнесения речи перед присяжными и инструкций для них.

Поскольку это был его первый процесс, Рон Хьюз прежде никогда не выступал перед присяжными и не принимал участия в составлении инструкций, которые судья передает присяжным перед самым началом их совещания. Очевидно, он ждал этого с нетерпением. Ведущему программы теленовостей Стэну Эткинсону он признался, что убежден: ему под силу добиться оправдательного вердикта для Лесли Ван Хоутен.

Рон не получит ни единого шанса попробовать сделать это.

Когда в понедельник, 30 ноября, процесс был возобновлен, Рональд Хьюз не явился на заседание.

Олдер опросил остальных адвокатов защиты, но ни один из них не знал, куда же девался Хьюз. Фитцджеральд сказал, что говорил с ним в четверг или в пятницу и что голос у Хьюза был вполне бодрый. Хьюз часто проводил выходные, разбивая лагерь у горячих источников Сеспе

— на скалистом участке примерно в 130 милях к северо-западу от Лос-Анджелеса. За прошедшие выходные местность в тех краях оказалась затоплена. Возможно, Хьюз застрял где-то там и не может выбраться.

На следующий день мы узнали, что Хьюз еще в пятницу отправился в Сесе в компании с юношей и девушкой — Джеймсом Форшером и Лорин Элдер — в “фольксвагене” мисс Элдер. Эти двое молодых людей (которых допросили, но не задержали) рассказали, что, когда хлынул ливень, решили вернуться в Лос-Анджелес, но Хьюз остался до воскресенья. Впрочем, когда они попытались уехать, автомобиль увяз в грязи, и его пришлось бросить; до города добрались автостопом.

Утром следующего дня, в субботу двадцать восьмого числа, Хьюза видели еще трое молодых людей. В это время он в одиночестве стоял на возвышении, вдали от зоны затопления. Обменявшийся с ними парой фраз Хьюз не показался юношам чем-либо обеспокоенным или больным. Всех троих полицейские пропустили через детектор лжи и, обнаружив, что они ничего не утаивают,пустили. Поскольку Форшер и Элдер видели Хьюза днем ранее, их не стали подвергать допросу с использованием детектора, а их рассказ приняли на веру.

Из-за продолжавшегося ненастья пролетело еще два дня, прежде чем Офис шерифа Вентуры смог поднять в воздух вертолет для осмотра местности. На протяжении этих двух дней всем нам приходилось довольствоваться слухами. Одни говорили, что Хьюз намеренно сбежал, то ли избегая выступать в суде, то ли просто саботируя процесс. Зная Рона, я всерьез сомневался, что дело именно в этом, и сомнения переросли в убежденность, когда вскоре жилище Хьюза посетили несколько журналистов.

Обычно он спал на матрасе в гараже, пристроенном к дому приятеля. По словам репортеров, гараж Хьюза был страшной свалкой; один из них отметил, что не позволил бы жить в таких условиях даже своей собаке. Но на стене гаража, в чистенькой рамочке, красовалась надежно и аккуратно закрепленная адвокатская лицензия Рональда Хьюза.

Множество раз в полицию поступали сведения о том, что мужчину, подходящего под описание Хьюза, видели в самых различных местах (он садился на автобус в Рено, вел машину по шоссе в Сан-Бернардино,

напивался в баре в Бадже), — но ни одно из свидетельств не подтвердилось. 2 декабря судья Олдер сказал Лесли Ван Хоутен, что, по его мнению, следует пригласить на процесс второго адвоката, который представлял бы ее интересы, пока нет Хьюза. Лесли отвечала, что любой другой адвокат ей не подходит.

3 декабря, посоветовавшись с Полом Фитцджеральдом, Олдер назначил Максвелла Кейта вторым адвокатом Лесли.

Тихий, скромный, немного робкий человек сорока с лишним лет, чей строгий костюм и консервативные манеры ярко контрастировали с обликом Хьюза, Кейт имел превосходную репутацию среди коллег-юристов. Те, кто хорошо знал его, описывали Кейта как сознательного, абсолютно этичного специалиста, настоящего профессионала, — и было ясно с самого начала, что Кейт станет представлять в суде свою клиентку, а отнюдь не Мэнсона.

Почувствовав это, Мэнсон потребовал отстранить от дела всех адвокатов сразу (“Они вовсе не наши адвокаты; они даже не хотят нас слушать”), чтобы подсудимые могли самостоятельно выступать в свою защиту. Он потребовал также, чтобы дело вновь было открыто и они смогли бы ответить обвинению. Двадцать один свидетель ждет, чтобы дать показания, заявил Чарли. Оба требования были отклонены.

Перед Кейтом стояла почти непосильная задача. Прежде чем он смог бы подготовить выступление, ему следовало ознакомиться со сто пятьюдесятью двумя томами стенограммы — это более восемнадцати тысяч страниц.

Олдер отложил заседание до тех пор, пока Кейт не справится с этим, но объявил всем юристам: “Мы будем продолжать встречаться каждый день в девять часов утра вплоть до дальнейшего распоряжения”.

Очевидно, Олдер хотел начинать каждый день с “пересчета голов”.

За несколько дней до того Стив Кей услышал реплику Мэнсона, обращенную к девушкам: “Присматривайте за Полом; по-моему, он отбился от рук”. Со своей стороны я сделал все, чтобы Фитцджеральд узнал о разговоре. Одного пропавшего адвоката было более чем достаточно.

Ни поиски с воздуха, ни последующее прочесывание территории в районе Сеспе не выявили ни малейшего следа Хьюза. Был, впрочем,

обнаружен брошенный “фольксваген”, в котором лежала стопка отдельных страниц из судебной стенограммы, но другие имевшиеся у Хьюза бумаги (включая секретный отчет психиатров о состоянии Лесли) исчезли.

6 декабря Пол Фитцджеральд сказал репортерам: “Я думаю, Рон погиб”. 7 декабря ОШЛА издал “бюллетень о пропавшем” в отношении Хьюза; один из офицеров признался: “Это делается, когда не остается больше никаких зацепок”. 8 декабря судья Олдер посетил отель “Амбассадор”, чтобы сообщить присяжным о причине задержки. Он также сказал им: “Похоже, можно уже не рассчитывать, что секвестр будет снят до рождественских праздников”. Присяжные восприняли эту новость куда лучше, чем ожидалось. 12 декабря поиски Рональда Хьюза были прекращены.

Наиболее настойчивыми были слухи об убийстве Хьюза “Семьей”. В то время никаких доказательств правоты этой версии у нас еще не было. Но причины для подобных догадок имелись достаточно веские.

Некогда бывший немногим больше простого мальчика на побегушках, выполнявшего поручения Мэнсона, по ходу процесса Хьюз постоянно набирал независимость, пока эти двое не разругались окончательно над вопросом, должны ли адвокаты выставить защиту: Хьюз яростно противился тому, чтобы его подзащитная дала показания, снимающие с Чарли всю ответственность. Я слышал также от нескольких источников, в том числе и от Пола Фитцджеральда, что Хьюз боялся Мэнсона. Возможно, он выказал этот свой страх в присутствии Чарли — что было равносильно взмаху красной тряпкой перед быком. Страх заводил Чарли.

Если это действительно было убийство, причин можно назвать сразу несколько. Это могло быть сделано для того, чтобы убедить остальных адвокатов разрешить Мэнсону устроить защиту в ходе слушаний по вопросу назначения наказания (один из адвокатов был настолько потрясен исчезновением Хьюза, что напился до чертиков и был арестован за вождение автомобиля в нетрезвом виде). С тем же успехом убийство Рональда Хьюза могло помочь растянуть процесс — что оставляло надежду на признание суда неправым или закладывало основу для отмены вердикта после внесения апелляции.

Слухи и спекуляции, не более того. Кроме одного странного (возможно, не имевшего никакого отношения к пропаже Хьюза) происшествия. 2 декабря, через четыре дня после того, как Хьюза в последний раз видели живым, скрывавшиеся от правосудия Брюс Дэвис и Нэнси Питман (*тик* Бренда Макканн) добровольно сдались полиции. Эти двое входили в костяк, в самое ядро “Семьи”: Питман уже несколько недель, как была объявлена в розыск после неявки на вынесение приговора по делу о подлоге, тогда как Дэвис (участник убийств Хинмана и Шиа, он поднял револьвер, с помощью которого Зеро “совершил самоубийство”, но почему-то не оставил на нем отпечатков; теперь подозревался в убийстве двух изучавших сайентологию подростков^[191]) скрывался от правосудия уже более семи месяцев.

Возможно, только приблизительная одновременность этих двух событий связала их воедино в моем сознании — исчезновение Хьюза, неожиданная сдача властям Дэвиса и Питман. Но я все равно не могу отделаться от ощущения, что они как-то еще могут быть связаны.

18 декабря — через три дня после возобновления процесса по делу об убийствах Тейт — Лабианка — большое жюри округа Лос-Анджелес предъявило обвинение Стиву Грогану (*тик* Клем), Линетте Фромм (*тик* Пищалка), Рут Энн Мурхаус (*тик* Уич), Кэтрин Шер (*тик* Цыганка) и Деннису Райсу. Их обвинили в том, что они состояли в сговоре с целью не допустить появления на суде свидетеля (Барбары Хойт) и убедить ее не давать показаний. После протеста со стороны защиты судья Чозйт вычеркнул три других пункта обвинения, включая и пункт о сговоре с целью совершения убийства.

Все мы — как, мне кажется, и участвовавшие в отравлении Барбары члены “Семьи” — предполагали, что чрезмерная доза ЛСД может оказаться смертельной; однако медики-эксперты рассказали, что не существует ни единого известного науке случая чьей-либо гибели по этой причине. Впрочем, в изрядном количестве случаев наркотический препарат ЛСД приводил к смерти из-за неправильной оценки людьми ситуации: например, человек, убежденный в своей способности летать, мог выпрыгнуть из окна небоскреба. Я думал о Барбаре, бегущей по улице с оживленным движением в центральной части Гонолулу. То, что она не погибла под колесами, было счастливой случайностью, а не упущением со стороны “Семьи”. В результате, однако, вопреки всем

стараниям следователей “команды Лабианка”, доводы Офиса окружного прокурора выглядели на слушании весьма слабо.

В ожидании суда четверо из пятерых подсудимых были отпущены под залог. Они немедленно вернулись на перекресток у здания Дворца юстиции, где и пробудут, исчезая и появляясь вновь, большую часть оставшегося процесса. Поскольку Уич, передавая Барбаре “заряженный” ЛСД гамбургер, находилась уже почти на девятом месяце беременности, судья Чоэйт выпустил ее под данное Суду честное слово. Та немедленно покинула пределы штата.

Нэнси Питман, арестованная вместе с Дэвисом, была освобождена после снятия с нее обвинения в подлоге. Несколько недель спустя ее арестовали вновь, когда Нэнси попыталась передать Чарли таблетку ЛСД в комнате для посещений окружной тюрьмы. По истечении тридцатидневного срока она вновь была отпущена на свободу, воссоединилась с группой мэнсонитов на углу и впоследствии оказалась замешана в еще одно, новое, убийство.

21 декабря 1970 года — 25 января 1971 года

Когда суд продолжил заседание после долгого перерыва, четверо подсудимых, вероятно, заранее решили попасть в газетные заголовки: Мэнсон бросил в судью канцелярской скрепкой, девушки обвинили Олдера в “расправе над Хьюзом”.

Олдер приказал удалить из зала всех четверых. Когда Сэди вела к дверям, она должна была пройти мимо меня. Я не видел, что именно произошло, зато почувствовал: Аткинс перевернула подставку для вещдоков, угодив мне по затылку. Видевшие это со стороны добавили, что, по их мнению, Сэди пыталась дотянуться до складного ножа, лежавшего на столе рядом. С этих пор приставы старались держать нож подальше от подсудимых.

После этого Максвелл Кейт заявил Суду, что ознакомился с уликами и доказательствами по делу, но чтение стенограммы и других документов не придало ему уверенности в том, что он сможет эффективно защищать свою клиентку: Кейт не присутствовал при даче показаний свидетелями и поэтому не мог судить об их манере вести себя, а следовательно, и оценивать правдивость их показаний.

Отталкиваясь от этого, он предложил посчитать текущий процесс несостоявшимся.

Кейт говорил очень убедительно, но судья Олдер отклонил прошение, заметив, что адвокаты, не присутствовавшие на уголовных процессах, тем не менее ежедневно выступают в апелляционных судах.

Едва с этим прошением, как и с несколькими другими, было покончено, настало время для произнесения вступительной речи от лица *Народа*^[192].

В калифорнийском судопроизводстве по ходу разбирательства виновности подсудимых обвинение произносит вступительную речь, после которой такую же речь (или опровержение) произносит защита, — чтобы в итоге обвинение произнесло заключительное возражение (или обобщение). Таким образом, *Народ* произносит последнее слово в ходе прений о виновности.

Во время же слушаний о назначении наказания каждая сторона выступает дважды, но защите позволено подвести итог прениям.

Я провел несколько сотен часов, готовясь к вступительной речи; фактически я начал готовиться к ней еще до начала самого процесса. Результат занял около четырехсот рукописных страниц, и к этому времени я уже знал их содержание достаточно хорошо, чтобы не читать по бумажке, а только периодически заглядывать в нее.

Я начал со всестороннего раскрытия (при помощи таблиц и других вспомогательных средств) юридических понятий, с которыми придется столкнуться присяжным в ходе совещания: убийство, сговор и т. д. Инструкции, которые судья передаст присяжным, представляют собой отпечатанные набело формальные положения закона, использующие отвлеченные абстрактные термины, в которых зачастую даже не всякий юрист разберется. Более того, судья не поясняет присяжным, как эти правила и положения закона относятся к фактам по делу. Так что в сознании присяжных юридические нормы лениво плавают в воздухе, никак не привязанные к чему-либо определенному. В каждом новом деле, которое я веду, я стараюсь выделить и подчеркнуть эту связь, свободно приводя апеллирующие к здравому смыслу примеры, переводя “юридизмы” в обычные понятия, в которых могли бы разобраться присяжные, и буквально привязывая нормы права к показаниям и вещественным доказательствам конкретного процесса.

Покончив с этим, я перешел к основной части своей вступительной речи, где подвел итог выступлению каждого свидетеля, часто дословно цитируя сказанное в зале суда, подкрепляя эти показания другими доказательствами и извлекая из них самую суть. Представление этих доводов заняло три дня, но показания были ясными, твердыми и хорошо цеплялись друг за друга — так что к окончанию своей речи я ощутил уверенность в том, что мне удалось, за пределами каких бы то ни было сомнений, установить контроль Мэнсона над соответчицами, показать его мотивы и выявить роль, которую сыграли в случившемся сам Мэнсон и его подручные — Уотсон, Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен.

Очевидно, это дошло и до Чарли. В конце моего вступительного слова он пытался подкупить помощника шерифа Маупина, чтобы тот помог ему совершить побег; поздним вечером в тот день, когда я закончил вступительную речь, он пытался бежать из тюрьмы.

Официальные лица в ОШЛА все отрицали, но один из помощников шерифа сообщил мне детали. Несмотря на ежедневный обыск самого Мэнсона и его камеры, Чарли удалось раздобыть невероятно длинную нитку, к концу которой он привязал маленький груз. Каким-то неясным способом (ибо, по идее, все прилежавшие к камере помещения находились под постоянным контролем) он перебросил нитку через коридор, в который выходила камера, и далее — наружу, в окно, где та опустилась до самой земли, все десять этажей вниз. Кто-то из соучастников (осталось не проясненным, был ли это один человек или несколько) привязал к нитке контрабанду. Впрочем, что-то, наверное, случилось, и Мэнсон не сумел втянуть посылку к себе: когда один из помощников шерифа обогнул угол Дворца юстиции на следующее утро, то заметил нитку и привязанную к ней передачу — жестянку с марихуаной и полотно ножовки.

Поверив обещанию, что они будут вести себя примерно, судья Олдер разрешил трем подсудимым девушкам вернуться в зал суда уже после полудня на следующий день. Мэнсон, заявивший, что у него нет желания возвращаться, остался в отдельной комнате, откуда и следил за происходящим в суде через динамики.

Я едва успел возобновить свою речь, когда Лесли устроила очередную сцену. Сэди и Кэти последовали ее примеру, после чего все

три девушки вновь были удалены из зала. На сей раз Сэди провели перед кафедрой, с которой я выступал. Внезапно, без всякого предупреждения, она лягнула одну из сопровождавших ее помощниц шерифа в лодыжку, после чего схватила мои заметки и разорвала их пополам. Вырвав клочки из ее рук, я сквозь зубы, сам не желая того, процедил: “Ах ты, сучка!”

Мой выпад был спровоцирован, но вскоре я пожалел о том, что утратил хладнокровие.

На следующий день издаваемая в Лонг-Бич “Индепендент” вышла со следующим заголовком на первой полосе:

ОБВИНИТЕЛЬ ПО ДЕЛУ МЭНСОНА НАПАДАЕТ НА СЬЮЗЕН

В описании Мэри Нейсвендер инцидент выглядел так: “Возникший хаос лишь усилился, когда главный обвинитель разразился отборной руганью и попытка залепить пощечину одной из подсудимых... Буглиози ударил девушку по руке, схватил свои бумаги и, замахнувшись, заорал на нее: “Ах ты, сучка!”

Как и все прочие, находившиеся в зале, судья Олдер воспринял случившееся несколько иначе. Описывая сцену для протокола, он объявил: описанная прессой попытка обвинителя Буглиози воздействовать на Сьюзен силой является “полностью вымышленной. Не было никакой борьбы мистера Буглиози с кем бы то ни было. Случилось вот что: [Аткинс], проходя мимо кафедры, схватила лежавшие на ней бумаги”.

Мне хотелось бы сказать, что это был единственный печатный материал, неверно передавший произошедшее, — но, к несчастью, репортажи и других журналистов (включая сообщения представителя одного из телеграфных агентств, попавшие в газеты по всей стране) часто бывали настолько перегружены ошибками, что при их чтении создавалось ощущение, будто речь идет о совсем другом процессе. С другой стороны, такие журналисты, как Джон Кендалл из “Лос-Анджелес тайме” и Билл Фарр из местной “Геральд экзаминаер”, превосходно справлялись с задачей, часто улавливая нюансы, которые пропускали даже адвокаты.

После того как зал покинула Кренвинкль, Олдер созвал совет у судейского стола и объявил всем нам, что с него хватит. “Довольно! После стольких месяцев Суду стало наконец окончательно ясно, что подсудимые действуют в сговоре друг с другом... Думаю, любой

американский суд давно уже прекратил бы, раз и навсегда, этот ежедневный нонсенс — ясно же, что подсудимые используют этот зал в качестве сцены для своего рода представлений...” Затем Олдер заявил, что подсудимым не будет разрешено вернуться в зал суда вплоть до окончания разбирательства их виновности.

Я надеялся закончить со вступительной речью прежде, чем суд прервался бы на Рождество, но постоянные протесты Канарека не дали мне справиться с этим вовремя.

Ощущение, которое испытывали присяжные, прошедшие праздники в своем отеле, выразил один из них, вывесивший гостиничное меню с надписью наискосок: “ТЬфу, гадость”. Им разрешили встретиться с близкими, а в “Амбассадоре” были устроены специальные рождественские вечеринки, но, так или иначе, для большинства из них праздник прошел уныло. Никто из них не ожидал, что проведет вдали от дома столько времени. Многих заботило, не выгонят ли их с работы, когда процесс закончится. И никто, включая и самого судью, не мог отважиться даже высказать догадку, когда это может произойти.

На выходных присяжные, вместе с запасными (всегда в сопровождении четырех помощников шерифа, двух мужчин и двух женщин), предпринимали поездки в Диснейленд, различные киностудии, зоопарк Сан-Диего... Вероятно, за эти месяцы многие увидели больше достопримечательностей Южной Калифорнии, чем за всю остальную жизнь. Они обедали в ресторанах по всему Лос-Анджелесу. Они сбивали кегли в боулинг-клубах, плавали в бассейнах, даже посещали ночные заведения. Но это, конечно, была лишь частичная компенсация за долгое заключение в стенах “Амбассадора”.

Пытаясь поддержать дух присяжных, приставы проявляли чудеса изобретательности. Например, хотя наш процесс был, пожалуй, одним из наиболее широко освещавшихся в истории права, бывали также и деньки, когда основные действия происходили в кулуарах, за закрытыми дверями, и репортеры новостей мало что могли сообщить читателям. В подобные моменты пристав Билл Мюррей часто вырезал из газет большие куски — просто чтобы присяжные думали, будто им по-прежнему посвящают первые полосы.

Но постоянное напряжение не могло не сказаться. Люди по большей части пожилые, присяжные привыкли к размеренной, раз и

навсегда определенной жизни. Неизбежно вспыхивали споры, тлели интриги, сбивались отдельные фракции. Один из более темпераментных присяжных однажды вечером дал пощечину приставу Энн Опп, когда та переключила канал на общем телевизоре вопреки его желанию. Часто Мюррей и Опп сидели до четырех или пяти часов утра, выслушивая жалобы тех или иных присяжных. По мере приближения окончания слушаний о виновности подсудимых меня стали беспокоить уже не показания свидетелей, а личные разногласия между присяжными, которые те могли перенести и в комнату для совещания, когда будут спорить о вердикте.

Чтобы вселить сомнение в двенадцать присяжных, достаточно и одного из них.

Я завершил вступительную речь в понедельник, 28 декабря; под конец я описал присяжным, какую тактику могут избрать адвокаты, снизив тем самым психологическое воздействие аргументов защиты.

“Защита, возможно, объявит, что никакого сговора не было... Адвокаты назовут *Helter Skelter* абсурдным, смешным, невероятным мотивом... Они скажут, что восприятие Мэнсоном песен “The Beatles” абсолютно нормально... Они скажут, что ЛСД давно выжег мозг Линды Касабьян, что она придумала свою историю в надежде получить свободу, что показания Линды как соучастницы ничем не подкреплены... Возможно, адвокаты заявят вам, что не стали выступать в защиту подсудимых, поскольку обвинению так и не удалось доказать своей правоты... Они скажут вам, что Чарльз Мэнсон — не убийца, что он и мухи не обидит.

Адвокаты скажут, что Чарли вовсе не был лидером “Семьи”; что он никому не приказывал убивать... Они объявят, что против подсудимых говорят только косвенные улики — как будто косвенные улики чем-то плохи, — и при этом забудут про прямую улику, про показания Линды.

Перебрав все 18 тысяч страниц стенограммы, адвокаты выйдут сюда и укажут на мельчайшие расхождения между показаниями двух разных свидетелей — этого, разумеется, и следует ожидать, но адвокаты заявят вам, что это может значить лишь одно: что свидетели *Народа* сплошь лжецы”.

Затем я обратился к рассудку присяжных — мужчин и женщин, которые, применив здравый смысл и логику, способны сознательно

взвесить улики в данном деле и достичь тем самым верного, справедливого решения.

“По законам этого штата и нации подсудимые могут рассчитывать на собственный день в суде. Они получили его.

Подсудимые также могут рассчитывать на беспристрастный суд непредвзятых присяжных. Они получили и это.

Эти люди ни на что больше рассчитывать не могут!

Поскольку ими совершены семь бессмысленных убийств, *Народ* штата Калифорния может рассчитывать на вынесенный вами вердикт “виновны”.

Перед тем как начать речь в защиту Патриции Кренвинкль, Пол Фитцджеральд обронил: “Если бы мы решили опровергнуть слова каждого свидетеля обвинения, что появлялся здесь, то просидели бы тут до 1974 года”, — тем самым он лишь подчеркнул правоту *Народа*, равно как и неспособность защиты дать достойный ответ.

Речь Фитцджеральда сильно меня разочаровала. Он не только упустил множество моментов, которые могли подтолкнуть чашу весов в его пользу, но и постоянно путался в показаниях и уликах. Он сказал, что Себринг был повешен; что все жертвы погибли в результате ножевых ранений; что Тим Айрленд слышал крик Парента. Он назвал Шарон “Мэри Полански”; у него получилось, будто убийцы проникли в дом Тейт через окно спальни; он неверно назвал количество ножевых ран и следов ударов тупым предметом на теле Фрайковски. Фитцджеральд сказал, что Линда дала показания о пяти ножах, а не о трех; второй ночью у него Линда, а не Мэнсон, вела машину, и наоборот; оказывается, Мэнсона арестовал на ранчо Спана заместитель шерифа, которого там даже не было, — и так далее и тому подобное.

Обвинение заиклилось на слове “убийство”, сказал Фитцджеральд. “На самом же деле вы сами должны рассудить, было ли это убийством”. Первое, что должны решить присяжные, продолжал он, это “какие именно преступления были совершены, *если* только они действительно были совершены.

Теперь о револьвере 22-го калибра. Как мне кажется, это классический пример неудачно выбранного орудия для совершения убийства...

Ясно, что не имеет ни малейшего смысла вешать кого бы то ни было...

Если бы вы сами были вдохновителем преступлений, если бы имели абсолютную власть над умами и телами лижущих ваши сапоги рабов, как тут называли этих людей, — послали бы вы женщин выполнять мужскую работу?.. Чем обычно занимаются женщины, леди и джентльмены? Они дарят жизнь. Они занимаются любовью, беременеют, рожают детей. Они дают людям жизнь, а не отнимают ее. Женщины всячески противятся насилию...”

Лишь небольшая часть выступления Фитцджеральда была посвящена уликам, приведенным в суде против его клиентки. Да и их опровергать он не стал.

Пол сказал, что “нет никаких сомнений по поводу принадлежности [найденного в доме Тейт] отпечатка пальца, он действительно принадлежит Патриции Кренвинкль”. Даже предположив, что именно она его и оставила, продолжал Фитцджеральд, “вполне можно сделать вывод, что Патриция Кренвинкль сделала это, будучи приглашена в дом как гость или в качестве подруги. Это самое простое, самое логичное, самое разумное объяснение”.

Да уж, хороша подружка!

Что же касается так называемого признания, сделанного Кренвинкль Дайанне Лейк, что она якобы вытащила Абигайль Фольгер из спальни в гостиную, то это вообще никакое не “признание”, заявил Фитцджеральд. Она не упомянула, где это произошло или когда. С тем же успехом это могло случиться в Сан-Франциско в 1967 году.

Фитцджеральд действительно посвятил немало времени попыткам вселить в присяжных недоверие к показаниям Линды Касабьян. В своей речи я отмечал: “Линда Касабьян, леди и джентльмены, провела на этом свидетельском месте восемнадцать дней — чрезвычайно длительный промежуток времени для выступления одного свидетеля по любому делу. Мне кажется, вы согласитесь со мной, если я скажу, что на протяжении этих восемнадцати дней Линда Касабьян и истина шли рука об руку”. Фитцджеральд не согласился. Но он не смог привести ни единого расхождения в ее показаниях.

Впрочем, немалая часть его выступления была посвящена доводам обвинения против Чарльза Мэнсона. Все показания относительно философских воззрений Мэнсона указывали, что тот, по словам

Фитцджеральда “является представителем правого крыла движения хиппи”. Мэнсон, Мэнсон, Мэнсон.

Пол Фитцджеральд закончил свою речь длинной, эмоциональной мольбой, но не ради своей подзащитной, Патриции Кренвинкль, а ради Чарльза Мэнсона. Улик, приведенных обвинением против Мэнсона, не достаточно для вынесения вердикта о его виновности, заключил он.

Ни разу Фитцджеральд не отметил, что мы привели недостаточно доказательств вины Патриции Кренвинкль.

Он даже не попросил присяжных вернуться после совещания с вердиктом о невиновности его клиентки!

Дэйи Шинь заготовил полный список свидетелей, выступивших против его подзащитной, Сьюзен Аткинс. Он сказал, что сумеет опровергнуть каждого из них.

“Первым в этом списке значится имя Линды Касабьян, и, на мой взгляд, мистер Фитцджеральд вполне адекватно ответил на ее показания”.

Затем он прошелся по криминальному прошлому ДеКарло, Ховард, Грэхем и Уолкера.

О Дэнни ДеКарло: “Как бы вам понравилось заполучить этого типа в качестве зятя? Что бы вы сказали, если ваши дочери встречались бы с ним?”

О Виржинии Грэхем: “Как бы вам понравилось иметь такую гостью на Рождество? Сначала вам пришлось бы спрятать столовое серебро.

Мистер Буглиози смеется. По крайней мере, я не усыпил его”.

Все выступление Шиня уместилось на 38 страницах стенограммы.

Ирвинг Канарек, выступавший вслед за ним, заполнил 1182 страницы.

По большей части Канарек игнорировал мои доводы против Мэнсона. Скорее нападая, чем обороняясь, он обрушил весь свой гнев на два имени — Линды и Текса. С кем Линда Касабьян спала сразу по прибытии на ранчо Спана? Ради кого она выкрала пять тысяч долларов? Кого она сопровождала на Сиэло-драйв? Чарльза “Текса” Уотсона. Самое логичное объяснение совершенным убийствам —

одновременно и самое простое, заявил Канарек. “Виной всему любовь девушки к парню”.

Что же до своего клиента, то Канарек обрисовал его как миролюбивого человека, чьим единственным грехом (если таковой и имел место) было то, что Чарли проповедовал и практиковал любовь. “Видимо, люди, выдвинувшие эти обвинения, просто хотят засадить Чарльза Мэнсона за решетку по какой-то нелепой причине; мне кажется, их не устраивает его жизненный стиль”.

Многие из заявлений Канарека казались мне не заслуживавшими комментариев по той простой причине, что казались смешными, — тем не менее я сделал немало записей во время выступления Канарека. Ибо он вселял вместе с тем и мелкие сомнения, которые, если их не опровергнуть, могли вырасти в большие, когда присяжные удалились бы на совещание.

Если целью Мэнсона было развязать войну черных и белых, почему же после второй ночи он прекратил попытки? Почему не было и третьей ночи, и четвертой?.. Почему обвинение не пригласило сюда Надера, и полисмена с пляжа, и человека, чью жизнь Линда *якобы* спасла?.. Неужели мы должны поверить, что при помощи кошелька, найденного кем-то в сливном бачке, мистер

Мэнсон рассчитывал начать межрасовую войну?.. Если Текс толкал машину Парента прочь от ворот усадьбы Тейт, тогда почему на ней не были обнаружены отпечатки его пальцев?

Несколько раз Канарек именовал судебный процесс “цирковым представлением” — эта ремарка неизменно вызывала крайнее неодобрение судьи Олдера. Он прервал также Канарека, уже без моего вмешательства, когда тот объявил, что обвинение скрывало улики. “В ходе слушаний по делу я не заметил никаких признаков того, чтобы кто-то из присутствующих пытался что-либо скрыть”, — заметил Олдер.

Ближе к концу второго дня выступления Канарека судья Олдер сказал ему, что присяжные утомлены и могут уснуть. “Право, я вовсе не собираюсь учить вас выступать в суде, — сказал Олдер, когда стороны собрались у судейского стола, — но хочу предостеречь: возможно, вы оказываете своему клиенту не лучшую из услуг, чрезмерно затягивая это свое выступление...”

Канарек говорил и третий день, и четвертый.

На пятый день присяжные передали приставу записку, в которой просили принести для них “НоДоз”^[193] — и снотворное для мистера Канарека.

На шестой день Олдер предупредил Канарека: “Вы злоупотребляете своим правом выступать точно так же, как ранее злоупотребили практически всеми имеющимися у вас правами... Существует точка, мистер Канарек, когда выступление одной из сторон уже перестает быть выступлением, а превращается в недостойную выходку, в настоящий обструкционизм... Ваше уже приближается к этой точке”.

Канарек же продолжал говорить еще целый день, прежде чем заключить свою речь объявлением: “Чарльз Мэнсон не виновен *ни в каком* преступлении”.

Несколько раз на протяжении выступления Канарека Мэнсон прерывал его ремарками из своего закрытого помещения. Однажды он закричал, достаточно громко, чтобы его услышали присяжные: “Да сядь ты уже! Только хуже делаешь!”

Во время одного из полуденных перерывов в заседании Мэнсон попросил о встрече со мной. Несколько прежних его просьб я отвергал, отвечая, что поговорю с ним, когда он сядет на место свидетеля, — но на сей раз я все же решил выяснить, что ему нужно.

И был рад, что согласился на встречу, потому что у нас с Чарли состоялся тогда один из наиболее информативных разговоров: Мэнсон четко описал мне свои чувства к трем девушкам-соответчицам.

Мэнсон хотел прояснить для меня несколько неверных определений. Одним из них было мнение Фитцджеральда, что Чарли представляет собой “правофлангового хиппи”. Лично мне это описание показалось, по крайней мере отчасти, верным, но Мэнсон посчитал иначе. Он никогда не считал себя хиппи, сказал мне Чарли. “Хиппи не любят истеблишмента, поэтому они отходят в сторонку и формируют собственный истеблишмент. Они ничем не лучше всех прочих”.

Он не хотел также, чтобы у меня создалось впечатление, будто Сэди, Кэти и Лесли были лучшими в его стаде. “Я трахал таких девчонок, рядом с которыми эти показались бы мальчишками”, — заявил Чарли.

Почему-то для Мэнсона было крайне важно, чтобы я поверил в это, и он добавил новый штрих: “Я очень самолюбивый человек. Мне

абсолютно наплевать на этих девиц. Я только ради себя и стараюсь”.

“Ты когда-нибудь говорил им это, Чарли?” — спросил я.

“Конечно. Спроси у них сам”.

“Тогда почему они делают ради тебя то, что делают? Почему они готовы пойти за тобой куда угодно — даже в газовую камеру Сан-Квентина?”

“Потому что я говорю им правду, — ответил Мэнсон. — Другие стараются их надуть, говорят им: “Я люблю только тебя, больше никого”, и прочее дерьмо. Я же честен с ними. Я говорю им, что я — самый эгоистичный парень на всем белом свете. Так оно и есть”.

Однако Чарли постоянно повторял, что способен умереть ради своего брата, напомнил я ему. Разве это не противоречит эгоизму?

“Нет, потому что это тоже эгоизм, — поправил меня Чарли. — Никто не захочет умереть за меня, если я не скажу, что умру ради него”.

Меня не покидало ощущение, что Мэнсон наконец говорил со мною откровенно. Ради Чарли девушки — Сэди, Кэти и Лесли — были готовы убивать, даже отдать за него свои жизни. Самому же Мэнсону до них вообще не было дела.

Максвелл Кейт вообще не присутствовал при даче свидетельских показаний — и все же именно он, выступая в защиту Лесли Ван Хоутен, говорил убедительнее остальных адвокатов. Он также рискнул сделать то, на что не отважился ни один другой защитник: он свалил всю вину на Чарльза Мэнсона, хотя и сделал это весьма осторожно.

“Стенограмма суда вновь и вновь подчеркивает одну простую истину — девушки на ранчо, все как одна, верили в божественность Мэнсона; они действительно в это верили.

Стенограмма показывает, что девушки подчинялись приказам этого человека, не задумываясь и не задавая вопросов. В сознании каждой не укладывалось, что Бог может ошибаться.

Если вы верите в предложенную обвинением теорию, гласящую, что эти три девушки, как и мистер Уотсон, служили мистеру Мэнсону живыми орудиями — служили ему, так сказать, дополнительными руками и ногами, — если только вы действительно верите, что они были лишены разума роботами, то их никак нельзя признать виновными в запланированном убийстве”. Чтобы совершить убийство первой степени, пояснил Кейт, необходимо иметь злой умысел,

необходимо готовиться к убийству, планировать его. “А ведь у этих людей отсутствовало сознание... Сознание каждой из этих девушек, равно как и сознание мистера Уотсона, контролировал кто-то другой”.

Что же касается самой Лесли, Кейт объявил, что она не совершила никакого преступления — даже если обвинитель прав и Ван Хоутен действительно сделала все то, что ей здесь приписывают.

“В лучшем случае, если верить Дайанне Лейк, Лесли побывала в доме.

В лучшем случае, если верить Дайанне, Лесли сделала кое-что не совсем красивое уже после того, как убийства были совершены другими.

В лучшем случае, если верить Дайанне, Лесли уничтожила несколько отпечатков пальцев, что, однако, не делает ее помощницей убийц и их соучастницей.

Ни один человек, ткнувший ножом в уже мертвое тело, не может оказаться виновным в убийстве или в сговоре с целью убийства — даже в том случае, если это действие кажется вам невыносимо отвратительным. Я убежден, что в этом штате осквернение трупа действительно считается преступлением, но Лесли Ван Хоутен обвинили не в этом”.

Данное дело, заключил Кейт, следует рассматривать на основе улик, и, “опираясь на улики, я говорю: вы должны оправдать Лесли Ван Хоутен”.

Я начал свое заключительное возражение (последнее слово) 13 января.

На мой взгляд, заключительное возражение зачастую оказывается наиболее важной точкой во всем процессе, поскольку это последнее и окончательное обращение к присяжным. Вновь несколько сотен часов ушло на подготовку. Я начал с детального разбора каждого из утверждений защиты. Так я надеялся снять возможные неясности или остающиеся у присяжных сомнения, которые иначе могли бы отвлечь их от последней фазы моего заключительного возражения, когда я со всей уверенностью, на которую способен, снова подчеркну основательность изложенных обвинением доводов.

Соблюдая последовательность выступлений защиты, я сначала назвал двадцать четыре фактические и юридические ошибки,

прозвучавшие в выступлении Фитцджеральда. Дойдя до его заявления, будто, пожелай Мэнсон послать кого-нибудь на убийство, он выбрал бы мужчин, а не женщин, я спросил: “Разве мистер Фитцджеральд считает, что Кэти, Сэди и Лесли плохо справились с поручением? Неужели мистер Фитцджеральд не удовлетворен делом их рук?” Фитцджеральд предположил также, что Линда могла подложить окровавленную одежду за несколько дней до того, как ее нашли; в ответ я напомнил присяжным, что Линда вернулась в Калифорнию 2 декабря, под стражей, и что одежда была обнаружена 15 декабря. “Очевидно, мистер Фитцджеральд хочет, чтобы вы поверили, будто в одну из ночей между двумя этими датами Линда сумела выскользнуть из своей камеры в “Сибил Бранд”, набрать где-то тряпок, размазать по ним кровь, доехать автостопом до Бенедикт Каньон-роуд, сбросить одежду со склона холма, автостопом же вернуться обратно в тюрьму и тихонько проскользнуть в свою камеру”.

Фитцджеральд уподобил косвенные улики в этом деле цепочке, которая порвется, если выпадет хотя бы единое звено. Я предпочел другое сравнение: “Косвенные улики — это веревка, каждое волокно которой — факт, и по мере добавления все новых и новых фактов мы прибавляем веревке прочности, пока не сумеем с ее помощью притянуть подсудимых к ответу”.

Шинь предложил всего несколько доводов, нуждавшихся в опровержении. Канарек, напротив, привел огромное их количество — и каждый пришлось оспорить. Вот лишь несколько примеров.

Канарек поинтересовался, отчего обвинение не предложило подсудимым попробовать надеть семь найденных предметов одежды, чтобы посмотреть, подойдут ли они им? Я развернул вопрос: отчего, если одежда не подходит подсудимым, защита сама не прибегла к наглядной демонстрации?

По поводу отсутствия отпечатков Уотсона на автомобиле Парента мне пришлось напомнить присяжным о показаниях Долана: в 70 процентах случаев офицеры ДПЛА вообще не обнаруживают на месте преступления “читабельных” отпечатков. Я отметил также, что Уотсон вполне мог уничтожить отпечаток, немного сдвинув руку.

Когда ответа на подобный вопрос у меня не находилось, я честно в этом признавался. Но обычно я мог предложить по меньшей мере один или, чаще, несколько вариантов ответа. Кому принадлежат найденные

очки? По правде говоря, мы этого не знали. Но мы знали со слов Сьюзен Аткинс в пересказе Розанны Уолкер, что очки не принадлежали убийцам. Почему на складном ноже, завалившемся за подушку кресла, не были найдены следы крови? — спросил Канарек. Очко в его пользу. Ответа у нас не было. Впрочем, мы могли предполагать, что Сэди потеряла свой нож прежде, чем ударила Войтека и Шарон (возможно, когда связывала Войтека), а затем взяла оружие взаймы у Кэти или Текса. “Вопрос о том, какой именно нож использовала Сьюзен, меркнет перед тем фактом, что она созналась Виржинии Грэхем и Ронни Ховард в нанесении ран обеим жертвам”.

Вся суть семидневного выступления Ирвинга Канарека, сказал я присяжным, сводится к тому, что обвинение сфальсифицировало улики против его клиента, Чарльза Мэнсона.

“Другими словами, леди и джентльмены, — заметил я, — в Лос-Анджелесе произошли семь жестоких убийств, и поэтому полиция и окружной прокурор собрались на совет и решили: “Давайте устроим суд над каким-нибудь хиппи; над кем-нибудь, чей жизненный стиль стоит нам поперек горла. Кого обвиним в убийствах?

А, все равно, любой хиппи сойдет”. И просто так, пальцем в небо, выбрали козлом отпущения беднягу Чарльза Мэнсона.

Чарльз Мэнсон предстал подсудимым на этом процессе отнюдь не потому, что он — длинноволосый бродяга, который занимался любовью с несовершеннолетними девушками и открыто высказывал свои опасные антиобщественные взгляды.

Нет, он судим потому, что является порочным, дьявольски изощренным убийцей, отдавшим приказ, послушное выполнение которого свело семерых человек в могилу. Вот почему мы судим его”.

Я также обрушился, и с силой, на заявление Канарека, что это обвинение несет ответственность за столь долгое разбирательство дела. Присяжные не смогли провести в домашнем кругу Рождество и Новый год — и мне не хотелось, чтобы они удалились на совещание, распекая обвинение на все корки.

“Ирвинг Канарек, этот Тосканини^[194] скуки, уверяет, что сторона обвинения растянула этот процесс более чем на полгода. Вы, друзья, все видели сами. Каждый свидетель, которого обвинение приглашало в этот зал, отвечал на наши короткие вопросы по существу. Дни текли

один за другим не во время прямого, но во время перекрестного допроса”.

Что касается Максвелла Кейта, то он “сделал для своей подзащитной, Лесли Ван Хоутен, все, что было в его силах, — признал я. — Он хорошо потрудился. Но, к несчастью для мистера Кейта, его позицию не смогут поддержать ни факты, ни закон. Мистер Кейт, если пристально взглянуть на его выступление, ни разу, по сути дела, не подверг сомнению правдивость слов Линды Каса-бьян и Дайанны Лейк. В целом, его позиция такова: пусть Лесли даже сделала то, о чем рассказали Линда и Дайанна, она все равно ни в чем не виновата.

Интересно, захочет ли Макс признать хотя бы то, что она виновна в нарушении чужого права владения?”

Кейт: "Признаю".

Ответ Макса поразил меня. Фактически, он признал, что Лесли побывала в доме Лабианка.

Даже если Розмари Лабианка действительно была мертва, когда Лесли ударила ее ножом, сказал я присяжным, это означает, что Ван Хоутен виновна в убийстве первой степени как участница сговора и самого преступления. Ведь если человек присутствует при совершении преступления, предлагая преступникам моральную поддержку, тогда он становится соучастником. Но Лесли зашла еще дальше — она вонзила нож в тело Розмари, стерла оставленные убийцами отпечатки пальцев и т. д.

Кроме того, мы знаем о том, что Розмари Лабианка была уже мертва, когда Лесли погрузила в ее тело нож, лишь с собственных слов Ван Хоутен. “Лишь тринадцать ножевых ран на теле Розмари были нанесены после наступления смерти. Как насчет других двадцати восьми?”

Да, Текс, Сэди, Кэти и Лесли были роботами, зомби, автоматами. Сомневаться не приходится. Но лишь в том смысле, что они были абсолютно послушны Чарльзу Мэнсону, причем подчинялись ему раболепно и подобоострастно. Лишь в этом смысле. “Это вовсе не означает, что они не хотели делать то, что приказал им сделать Чарльз Мэнсон; это не означает, что они пошли на убийство, не предвкушая его и не радуясь приказу. Совсем напротив, улики говорят об обратном. Не существует никаких улик в пользу того, что подсудимые хотя бы возразили Чарльзу Мэнсону по поводу этих двух ужасных ночей.

Одна Линда Касабьян ответила ему там, в Венеции: “Я же не ты, Чарли. Я никого не могу убить”.

Остальные же не только не воспротивились, напомнил я, но даже смеялись, когда об убийствах на Сиэло-драйв рассказали в телевизионных новостях; Лесли говорила Дайанне, что бить ножом человека — это здорово, что чем больше она этим занималась, тем сильнее ей это нравилось; Сэди уверяла Виржинию и Ронни, что это лучше оргазма.

“Тот факт, что эти три девушки на скамье подсудимых подчинялись Чарльзу Мэнсону и делали то, о чем бы он их ни просил, вовсе не отменяет совершения ими убийства первой степени. Этот факт никак не оправдывает их, не смягчает их вины. Будь это так, тогда наемные убийцы или бандиты-мафиози очень просто уклонялись бы от ответственности. Им стоило бы только сказать: “Ну, я всего лишь выполнял приказы своего босса”.

Мистер Кейт также “намекнул, что Уотсон и эти три девушки страдали неким психическим расстройством, которое не позволяло им правильно оценивать ситуацию и самостоятельно принимать решения. Оно даже лишило их возможности совершить умышленное преступление”. Проблема здесь, сказал я присяжным, лишь в том, что защита ни разу не привела доказательств невменяемости или умственного расстройства; совсем напротив, Фитцджеральд описывал девушек как “умных, понятливых, восприимчивых, хорошо образованных людей”, тогда как приведенные на процессе улики говорят об одном: “подсудимые очень, очень хорошо соображали во время тех ночных убийств”.

Они перерезали телефонные линии, попросили Линду прислушиваться к шумам извне, смыли следы крови со своих тел, избавились от грязной одежды и оружия, вытерли отпечатки пальцев... “Их поведение ясно и однозначно показывает: в обе ночи подсудимые прекрасно понимали, что именно они делают. Они убивали, хорошо подготовившись, и после этого сделали все возможное, чтобы остаться не пойманными.

Нет, леди и джентльмены, они отнюдь не страдали от каких бы то ни было душевных расстройств. Они страдали от очерстневшего сердца, от окаменевшей души”.

Вновь пустив вход старые приемы, Канарек постоянно перебивал мое выступление легкомысленными протестами. Даже лишившись сотни долларов штрафа за неуважение к Суду, Канарек продолжал стоять на своем. Попросив стороны подойти к судейскому столу, Олдер отметил: “На протяжении всего процесса я наблюдал за мистером Канарек и пришел к неутешительному выводу: по ходу разбирательства данного дела мистер Канарек доказал своим поведением и манерами, что он начисто лишен совести, понятий об этике и профессиональной ответственности. Я хочу, чтобы это ясно прозвучало в стенограмме”.

Канарек: “Могу ли я принести присягу?”

Судья: “Я не поверил бы вам и в этом случае”.

Разделавшись с выступлениями адвокатов, я весь вечер потратил на то, чтобы напомнить присяжным основные положения показаний свидетельницы Линды Касабьян. В инструкциях, которые судья Олдер намеревался дать присяжным, имелся один пункт, касающийся показаний соучастников преступления. И Фитцджеральд, и Канарек прочитали вслух самое начало этого параграфа: “Показания соучастников преступления следует рассматривать с недоверием”. Тут они оба и остановились. Я же прочел присяжным остаток: “Это не значит, что вы можете не принимать в расчет такие показания, но скорее вам следует подходить к ним взвешенно и принимать их на веру лишь в той степени, в которой это будет оправдано внимательным изучением всех прочих улик, представленных по делу”.

Затем я взял показания других свидетелей, совершенно независимые от рассказа Линды, и продемонстрировал, насколько они подтверждают и поддерживают этот рассказ. Линда показала, что Уотсон выстрелил в Парента четыре раза. Доктор Ногучи подтвердил, что Парент получил четыре пулевые раны. Линда говорила, что после выстрелов Парент наклонился к пассажирскому сиденью. На полицейских фотографиях видно, что тело Парента свесилось к пассажирскому сиденью. Линда показала, что Уотсон сделал горизонтальный надрез в ставне. Офицер Вайзенхант показал, что ставень был надрезан горизонтально. Только по ночи убийств на Сиэло-драйв я указал сорок пять моментов в рассказе Линды, подтвержденных вещественными уликами и показаниями других свидетелей.

После чего сделал вывод: “Леди и джентльмены, улики в виде отпечатков пальцев, результатов экспертиз, признательных показаний и так далее убедили бы самого закоренелого скептика в мире в том, что Линда Касабьян рассказала здесь правду”.

Вслед за этим я перечислил все улики против каждого из подсудимых, начиная с девушек и заканчивая самим Мэнсоном. Я отметил также, что в стенограмме суда 238 раз упоминается власть, которую Мэнсон в повседневной жизни имел над членами “Семьи” и (в том числе) над соответчицами по делу. Вывод из этого мог быть только один, подчеркнул я: власть его простиралась и на те две ночи убийств. Мэнсон, и никто иной, управлял действиями убийц.

Вспоминая о долгих месяцах следствия, я поражался, каких же трудов нам стоило собрать хотя бы несколько таких примеров.

Helter Skelter. На суде это понятие раскрывалось постепенно, слово за словом и штрих за штрихом. Теперь же я собрал воедино отрывочные показания множества свидетелей, и результат мог ошеломить. Очень уверенно и, как мне показалось, весьма убедительно я доказал, что именно *Helter Skelter* был мотивом убийств и что мотив этот принадлежал Чарльзу Мэнсону и никому более. Я заявил, что обнаруженные на месте преступления написанные кровью буквы “*healter skelter*” — улика не менее сильная, чем отпечаток пальца Мэнсона.

Мы уже почти закончили. Еще через несколько часов присяжные удалятся на совещание. Я завершил свое подведение итогов на очень сильной ноте.

“Леди и джентльмены, Чарльз Мэнсон говорил здесь, будто наделен властью дарить жизнь. В ночи убийств Тейт — Лабианка он посчитал, что ему принадлежит также право отбирать жизнь у людей. Такого права у него никогда не было, но он сделал это.

Жаркой летней ночью восьмого августа 1969 года Чарльз Мэнсон, этот мефистофельский гуру, искаживший, замутивший сознание всем тем людям, что столь полно предали себя в его руки, выслал из адских глубин ранчо Спана трех бессердечных, кровожадных роботов и — к несчастью для него самого — одно человеческое существо, юную девушку-хиппи, Линду Касабьян.

Фотографии тел жертв показывают, как замечательно Уотсон, Аткинс и Кренвинкль справились с заданием...

Шестьдесят минут той ночи, возможно, стали самым нечеловеческим, кошмарным, наполненным невыразимым ужасом часом зверских убийств и резни в анналах криминологии. В то время как беззащитные жертвы просили о пощаде и звали о помощи в равнодушный ночной сумрак, кровь ручьями бежала из их тел, и только совершенно бессердечные люди могли бы спокойно наблюдать за этим.

Я уверен: если бы только Уотсон, Аткинс и Кренвинкль могли бы искупаться в этих реках крови, они сделали бы это с радостью, с восторженными, оргазмическими выражениями на лицах. Сьюзен Аткинс, эта вампирша, даже пробовала на вкус кровь Шарон Тейт...

На следующую ночь Лесли Ван Хоутен присоединилась к группе убийц, и несчастные Лено и Розмари Лабианка были безжалостно забиты ножами, они были зарезаны, словно жертвенные животные, в удовлетворение безумной жажды смерти, охватившей Чарльза Мэнсона...

Обвинение представило внушительные улики против подсудимых, многие из которых вещественны и научно обоснованны, и все они определенно доказывают совершение убийств этими людьми.

Улики и свидетельские показания, прозвучавшие в этом зале, не просто говорят о виновности подсудимых вне пределов разумных сомнений, в чем и заключалась задача обвинения, — нет, они доказывают их вину вне каких бы то ни было сомнений...

Леди и джентльмены, обвинение выполнило свою задачу, собрав и представив улики. Свидетели справились со своей, заняв место в этом зале и дав показания под присягой. Теперь настала ваша очередь. Вы — последнее звено в цепи правосудия.

Со всем уважением, я прошу вас вернуться после совещания в этот зал суда со следующим вердиктом”. Я зачитал вердикт, услышать который рассчитывал *Народ*.

Я подошел к самому концу выступления — к тому, что газеты позже назовут “перекличкой мертвецов”. После каждого нового имени я делал паузу, чтобы присяжные могли вспомнить этого человека.

“Леди и джентльмены, господа присяжные заседатели, — тихо начал я. — Шарон Тейт... Абигайль Фольгер... Войтек Фрайковски... Джей Себринг... Стивен Парент... Лено Лабианка... Розмари Лабианка... их нет сегодня с нами в этом судебном зале, но *из своих могил зывают они к правосудию*. И этому правосудию вы можете

послужить лишь вернувшись в этот зал с вердиктом о виновности подсудимых”.

Собирая свои заметки, я поблагодарил присяжных за терпение и внимание, которые они проявили на протяжении всего разбирательства. Это был очень, очень долгий судебный процесс, отметил я, и он создал чрезвычайные неудобства для их частной и личной жизни. “Вы были образцовыми присяжными. Истцом в этом деле выступает *Народ* штата Калифорния. Лично я совершенно уверен в том, что вы не откажете истцу в удовлетворении”.

После полуденного перерыва судья Олдер дал присяжным подобающие инструкции. В 15:20 в пятницу, 15 января 1971 года — ровно через семь месяцев после начала суда, — присяжные покинули зал, чтобы начать совещание.

Присяжные совещались всю субботу, но в воскресенье взяли паузу. В понедельник они обратились с двумя просьбами: предоставить им проигрыватель, на котором они могли бы прослушать “Белый альбом” “The Beatles”, который, хоть и был представлен в вещественных доказательствах и много обсуждался, так и не прозвучал в суде; кроме того, присяжные хотели посетить места преступлений — дома Тейт и Лабиаанка.

После долгого совещания с адвокатами Олдер удовлетворил первую просьбу и отклонил вторую. Признав, что увидеть места преступлений своими глазами ему самому также было бы весьма любопытно, судья счел, что подобный визит мог послужить причиной нового открытия заседания, с вызовом свидетелей, перекрестными допросами и т. д.

Во вторник присяжные попросили перечитать им письма, отправленные Сьюзен Аткинс бывшим сокамерницам. Это было исполнено. Вероятно, впервые в деле подобной сложности присяжные не разу не просили перечитать им те или иные выдержки из стенограммы. Я могу предположить лишь, что в ходе совещаний они полагались на подробные конспекты, которые вели на всем протяжении процесса.

Среда, четверг, пятница — присяжные совещались, не передавая дальнейших просьб или других посланий Суду. Еще задолго до окончания недели “Нью-Йорк таймс” сообщила читателям, что

присяжные совещаются слишком уж долго, и, похоже, они попросту намертво “застряли”, разойдясь во мнениях.

Меня это совершенно не беспокоило. Я уже заявил прессе, что не рассчитываю услышать вердикт ранее, чем через четыре-пять дней минимум, и что не удивлюсь, если присяжные будут совещаться полторы недели.

Меня не мучили также и сомнения относительно того, сумели ли мы доказать свою правоту.

Меня беспокоила только людская природа.

Двенадцать человек из самых разных общественных слоев провели взаперти, общаясь только друг с другом, дольше, чем любые другие присяжные в истории юстиции. Я много думал об этих людях. Один из присяжных объявил, что по окончании процесса намеревается написать книгу о своей жизни в условиях судебного секвестра, — и некоторые другие присяжные обеспокоились по поводу своего описания в книге. Тот же человек хотел быть избран старшиной присяжных, но, когда его кандидатура была отклонена еще до начала выборов, так обиделся на остальных, что день или два даже не хотел обедать вместе с ними^[195]. Станет ли он — или любой другой из остальных одиннадцати — становиться в непримиримую оппозицию просто из-за личной неприязни или неуважения? На этот вопрос у меня не было ответа.

У Тубика и у миссис Роузленд имелись дочери примерно того же возраста, что и Сэди, Кэти, Лесли. Повлияет ли это обстоятельство на их решение — а если и повлияет, то как? Этого я тоже не знал.

Ходил слухок, основанный в основном на взглядах, которыми они обменивались в суде, что самый молодой из присяжных, Уильям Макбрайд-второй, постепенно проникся симпатией к подсудимой Лесли Ван Хоутен. Слух ничем не был подкреплён, и все же, в те долгие часы, пока журналисты ожидали хоть какой-то весточки из комнаты совещаний, репортеры делали ставки на то, предложит ли Макбрайд голосовать за вердикт о виновности в убийстве второй степени для Ван Хоутен — а то и вообще за ее оправдание.

Немедленно после приписки к делу я запросил всю информацию о жизни Чарльза Мэнсона, какую только удастся найти. Как и многие улики, она приходила по почте. И лишь после того, как *Народ* закончил выступление в суде, я наконец получил официальные записи касательно

семи месяцев, проведенных Мэнсоном в Национальной исправительной школе для мальчиков в Вашингтоне, округ Колумбия. Многие из содержащихся в этих записях сведения мне уже были знакомы — за единственным поразительным исключением.

Будь это правдой, в моих руках могло оказаться то семя, которое — взращиваемое ненавистью, страхом и любовью — в итоге расцвело чудовищной, монструозной одержимостью Мэнсона “черно-белой” революцией.

Мэнсон оказался в исправительной школе в марте 1951 года, когда ему было шестнадцать лет. В отчете о поступлении, заполненном после собеседования с новым учеником, имелся раздел о семье. Первые два предложения раздела гласили: “Отец неизвестен. Считается, что им был цветной повар по имени Скотт, с которым мать ученика беспорядочно встречалась в период беременности”.

Отец Мэнсона был *чернокожим*? Прочитав записи до конца, я нашел еще два сходных утверждения, но никаких дополнительных деталей.

Существует несколько возможных объяснений появления этой записи в личном деле Мэнсона. Во-первых, это могла быть простая ошибка: какой-то бюрократический ход, о котором сам Мэнсон мог вообще не подозревать. Во-вторых, Мэнсон мог солгать во время собеседования — хотя я, признаться, не понимаю, какой ему был в этом прок, особенно в исправительной школе, расположенной на юге страны. В-третьих, это могла быть чистая правда.

Другая возможность, проистекавшая из двух приведенных фраз, была даже важнее, чем вопрос о том, были ли эти сведения правдивы или ложны. *Верил* ли в это сам юный Мэнсон? Если так, эта его вера могла, годы спустя, перерасти в порожденную им странную философию, в которой чернокожие все-таки одерживают верх над белыми американцами, но в итоге оказываются вынуждены передать бразды правления страной самому Мэнсону.

Лишь одно я знал наверняка. Даже если бы эта информация стала известна мне в ходе процесса, я все равно не мог бы воспользоваться ею. Она возбудила бы ненужные толки — и ничего более. Впрочем, я решил спросить об этом у самого Мэнсона, если мне представится такой случай.

Простуда загнала меня в постель, когда в 10:15 в понедельник, 25 января, секретарь суда Джен Дарроу позвонил мне и сказал: “Свежие новости. Присяжные подписали вердикт. Судья Олдер хочет встретиться в кулуарах со всеми представителями сторон — сразу, как только они смогут туда добраться”.

С начала совещания присяжных Дворец юстиции напоминал осаждаемую крепость. Конфиденциальный судебный приказ, изданный в тот же день, начинался словами: “Принимая во внимание рапорты агентов о возможной попытке нарушения хода процесса в заключительной фазе суда, известной как Судный день, будут предприняты дополнительные меры безопасности...” За чем следовало двадцать семь страниц детальных инструкций. Подступы к Дворцу юстиции были перекрыты; всякий, входивший в здание, подвергался допросу о цели посещения и личному досмотру. При мне теперь неотлучно находились трое телохранителей; судья имел столько же.

Причина столь жестких мер безопасности так и не стала достоянием прессы. От источника, близкого к “Семье”, ОШЛА услышал новость, которую поначалу счел невероятной. Работая на военноморской базе в Кемп-Пендлтоне, один из последователей Мэнсона выкрал со склада ящик ручных гранат. В Судный день ими собирались забросать зал суда, чтобы в итоге освободить Мэнсона.

И вновь мы не знали точно, что же все-таки “Семья” понимает под Судным днем. Но к этому моменту мы удостоверились в том, что, по крайней мере отчасти, невероятная история была правдива. Один из членов “Семьи” действительно работал на оружейном складе в Пендлтоне, а после его увольнения обнаружилась пропажа ящика гранат.

В 11:15 все представители сторон собрались в кулуарах. Прежде чем ввести в зал присяжных, судья Олдер сказал, что хочет обсудить ход назначения наказания.

Калифорния имеет раздвоенную *судебную* систему. В первой, только что законченной нами фазе процесса, выясняется виновность подсудимых. Если кто-то из них оказывается виновен по предъявленным ему обвинениям, тогда за первой фазой следует вторая — назначение наказания, соответствующего проступку. В данном деле обвинение просило присяжных о вердикте, декларирующем виновность всех четверых подсудимых в убийстве первой степени. Если присяжные

подпишут такой вердикт, возможных наказаний может быть только два: пожизненное заключение или смертная казнь.

В большинстве случаев вторая фаза процесса оканчивается весьма быстро.

После совещания со сторонами судья Олдер решил, что в случае перехода процесса ко второй фазе она займет не более трех дней. Олдер также объявил, что принял решение закрыть двери зала суда, пока вердикты по делу не будут полностью зачитаны, а присяжные не огласят своих мнений. Как только присяжные и подсудимые покинут зал, за ними последуют журналисты, а затем — наблюдатели и зрители.

Первыми в зал вошли девушки. На протяжении процесса они обычно одевались весьма пестро, но, по-видимому, сегодня у них не было времени переодеться, и поэтому все трое были одеты в стандартное тюремное платье. Тем не менее настроение у них, похоже, было хорошим: девушки шептались и хихикали. Войдя в зал, Мэнсон подмигнул им, и те подмигнули в ответ. На Чарли была белая рубашка и синий галстук; козлиная бородака его была аккуратно подстрижена. Еще одно лицо, новая маска — специально для Судного дня.

Плотной группой вошли присяжные; они снова заняли привычные места, как проделывали это уже сотни раз прежде. Только теперь все было словно в первый раз, и зрители впились взглядами в двенадцать лиц, ожидая увидеть там хоть какую-то подсказку. Возможно, самый устойчивый из всех судебных мифов гласит, что присяжные не смотрят в сторону подсудимых, если вынесли вердикт об их виновности. Это редко когда сбывается. Никто из присяжных не удержал обращенного к ним пристального взгляда Мэнсона, но никто и не отвел глаз слишком уж быстро. Их лица говорили только о напряжении и усталости.

Судья: “Присутствуют все присяжные и запасные присяжные. Присутствуют все юристы по делу, за исключением мистера Хьюза. Присутствуют подсудимые. Мистер Тубик, вынесли ли присяжные свой вердикт?”

Тубик: “Да, Ваша честь, мы вынесли вердикт”.

Судья: “Будьте любезны, передайте его пристапу”.

Старшина присяжных Тубик протянул бумаги Биллу Мюррею, который, в свою очередь, отнес их судье Олдеру. Пока судья молча просматривал их, Сэди, Лесли и Кэти умолкли, а Мэнсон лишь нервно теребил бородаку.

Судья: “Секретарь зачитает вердикты”.

Секретарь: “Верховный суд штата Калифорния, в округе Лос-Анджелес и в его интересах, *Народ штата Калифорния против Чарльза Мэнсона, Патриции Кренвинкль, Сьюзен Аткинс и Лесли Ван Хоутен*, дело номер А-253,156. Зал судебных заседаний 104”.

Дарроу сделал паузу, прежде чем зачитать первый из двадцати семи отдельных вердиктов. Казалось, протекли минуты, хотя, наверное, пауза длилась лишь несколько секунд. Все застыли, словно окаменев в ожидании.

“Мы, присяжные, действующие по вышеупомянутому делу, находим подсудимого Чарльза Мэнсона *виновным* в убийстве Абигайль Фольгер в соответствии со статьей 187 Уголовного кодекса Калифорнии, преступлении, упомянутом в первом пункте обвинительного акта, и, далее, мы считаем это деяние убийством первой степени”.

Поглядев на Мэнсона, я заметил, что, несмотря на бесстрастное лицо, руки его дрожали. Девушки не выказали вообще никаких эмоций.

Присяжные совещались сорок два часа и сорок минут на протяжении девятидневного периода — замечательно малый срок для столь долгого, сложного процесса. Зачитывание вердиктов заняло тридцать восемь минут.

Народ получил те вердикты, на которые рассчитывал, против Чарльза Мэнсона, Патриции Кренвинкль и Сьюзен Аткинс: каждый из них был признан виновным в одном сговоре с целью убийства и в семи убийствах первой степени.

Народ получил также запрошенные им вердикты в отношении Лесли Ван Хоутен: она была признана виновной в одном сговоре с целью убийства и в двух убийствах первой степени.

Позднее я узнал, что Макбрайд предлагал рассмотреть возможность достижения иного вердикта в отношении Лесли, но во время голосования в ее пользу был подан лишь один анонимный бюллетень.

Пока отдельные присяжные объявляли индивидуальные вердикты, Лесли повернулась к Кэти и спросила: “Посмотри на присяжных; разве им не грустно?” Она была права: лица присяжных отражали печаль. Очевидно, это стало для них тяжким испытанием.

Когда присяжные уже покидали зал суда, Мэнсон внезапно закричал на Олдера: “И мы по-прежнему не можем выставить защиту? Ты этого не переживешь, старик!”

Как ни странно, вердикт не расстроил Канарека. Фитцджеральд объявил прессе: “Мы с самого начала ожидали худшего”, но он был очевидно потрясен исходом дела. Покинув зал суда, он сказал репортерам: “Мы чувствовали, что проиграли, с тех самых пор, как нам было отказано в проведении процесса в другом штате. Присяжные с самого начала были настроены враждебно. У подсудимых были те же шансы, что и у Сэма Шеппарда в Кливленде: никаких”. Далее Фитцджеральд заметил, что, если суд состоялся бы в любом другом месте, кроме Лос-Анджелеса, защите наверняка удалось бы добиться оправдания всех четверых.

“Я ни секунды в это не верю, — сказал я журналистам. — Обычные отговорки со стороны защиты. Присяжные не только оказались справедливы; в вынесении вердикта они основывались исключительно на показаниях, прозвучавших из уст свидетелей”.

“Да, — отвечал я на наиболее часто звучавший вопрос, — мы намерены требовать вынесения всем четверым подсудимым смертного приговора”.

Дежурившие на перекрестке у Дворца юстиции девушки Мэнсона узнали новость из сообщения по радио. И тоже проявили странную невозмутимость. Бренда заявила репортерам: “Скоро, очень скоро будет революция”, а Сэнди сказала: “Вы следующие, все вы”, — но то были слова Мэнсона, сказанные в суде месяцы тому назад и с тех самых пор все повторявшиеся девушками из пикета. Никаких слез, никаких явных эмоций. Так, словно ничто из происходящего в зале суда вообще их не заботило. Я знал, однако, что это неправда.

Позже, посмотрев интервью с “Семьей” по телевизору, я решил, что они, наверное, давно были готовы к самому худшему повороту событий.

Раздумывая об этом теперь, я вижу другую возможность. Некогда низшие из низших в иерархии Мэнсона, годные лишь для секса, производства потомства и прислуживания мужчинам, теперь эти девушки стали его основными апостолами, хранительницами веры.

Теперь сам Чарли зависел от них. Весьма вероятно, что вынесенный вердикт не смутил их потому, что они уже выработали план, который, после осуществления, мог бы даровать свободу не только самому Мэнсону, но и всем остальным членам "Семьи".

Часть 8

“ПОЖАРЫ В ВАШИХ ГОРОДАХ”

Мистер и миссис Америка! Вы ошибаетесь. Я не Царь иудейский и не лидер культа хиппи. Я только то, что вы из меня сделали, и этот безумец, пес, дьявол, убийца, изверг, прокаженный — лишь отражение вашего общества...

Чем бы ни окончилось сумасшествие, которое вы называете справедливым судом в традициях христианского правосудия, знайте одно: внутренним зрением я вижу, как мои мысли разжигают пожары в ваших городах.

Заявление, распространенное Чарльзом Мэнсоном после признания его виновным в убийствах Тейт — Лабианка

26 января — 17 марта 1971 года

Во время второй фазы процесса перед присяжными был поставлен единственный вопрос: следует ли назначить подсудимым наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни? Во внимание теперь могли приниматься такие соображения, как смягчающие обстоятельства, социальная среда, чистосердечное раскаяние и вероятность исправления.

Чтобы не затягивать процесс и тем самым не рисковать ожесточением присяжных, я вызвал только двоих свидетелей — офицера Томаса Драйнена и Бернарда “Толстозада” Кроуи.

Драйнен показал, что в 1966 году, при аресте Сьюзен Аткинс за городской чертой Стейтона, штат Орегон, при ней был найден пистолет 25-го калибра. “Я спросил у мисс Аткинс, что она собиралась делать с этим оружием, — вспоминал Драйнен, — и она ответила: будь у нее такая возможность, она бы выстрелила и убила меня”.

Показания Драйнена доказывали, что в сердце Сьюзен Аткинс уже поселилось убийство, еще даже до ее встречи с Мэнсоном.

На перекрестном допросе Шинь задал Драйнену вопрос о пистолете 25-го калибра.

В.: “Его размер невелик; пистолетик напоминает игрушечный — так ли это?”

О.: “Ну, только не мне”.

Кроуи описал, как поздним вечером 1 июля 1969 года Мэнсон выстрелил в него и ушел, сочтя его мертвым. Важность показаний Кроуи заключалась в том, что показывала: Мэнсон вполне был способен совершать убийства самостоятельно.

1 февраля я закончил излагать доводы *Народа*. В тот же день защита вызвала своих первых свидетелей, родителей Кэти — Джозефа и Дороти Кренвинкль.

Джозеф Кренвинкль описал свою дочь как “совершенно нормальную девочку, очень послушную”. Она была “синей птицей”^[196], членом “Лагерного костра”^[197], “дочерью Джоба”^[198] и состояла в Одюбонском обществе ^[199].

Фитцджеральд: “Была ли она заботлива по отношению к животным?”

Мистер Кренвинкль: “Да, и очень”.

Патриция пела в церковном хоре, рассказал мистер Кренвинкль. Она не была отличницей, но всегда получала хорошие оценки по предметам, которые ей нравились. Она проучилась один семестр в колледже “Спринг-Хилл”, иезуитском учебном заведении в Мобайле, Алабама, прежде чем перебраться обратно в Лос-Анджелес и поселиться у сестры.

Кренвинкли развелись, когда Патриции было семнадцать. Ее отец, Джозеф Кренвинкль, уверял, что развод был мирным; они с женой расстались друзьями и поддерживают эту дружбу до сих пор.

И все же год спустя, когда Патриции стукнуло восемнадцать, она бросила семью и работу, чтобы присоединиться к Мэнсону.

Дороти Кренвинкль сказала о дочери: “Она скорее сделает больно себе, чем какому-то другому живому существу”.

Фитцджеральд: “Вы любили свою дочь?”

О.: “Да, я любила ее; я всегда буду любить мою доченьку, и никому не удастся убедить меня, что она могла сделать что-то ужасное или жестокое”.

Фитцджеральд: “Благодарю вас”.

Буглиози: “Нет вопросов, Ваша честь”.

Фитцджеральд хотел представить в качестве вещественных доказательств письма Кренвинкль различным людям, включая отца и священника из “Спринг-Хилла”.

Ясно, что я мог бы и “завернуть” такие вещдоки, стоило только сказать: “Протестую”. Но я не стал делать этого. Понимая, что они могут вызвать лишь сочувствие со стороны присяжных, я все же посчитал, что справедливость в данном случае важнее технических неровностей. Речь шла о том, будет ли девушка приговорена к смерти. И это должны были решить присяжные, а не я. Мне показалось, что при подходе к этому чрезвычайно серьезному решению они должны иметь под рукой всю доступную информацию — даже ту, что почти совсем не относится к делу.

Фитцджеральд вздохнул одновременно с облегчением и благодарностью, когда я “пропустил” эти письма.

Кейт провел перекрестный допрос Джейн Ван Хоутен, матери Лесли. Позднее Кейт рассказал мне, что хотя отец ее не захотел выступить в суде, но стоял за дочь горой. Будучи, как и Кренвинкли, в разводе, Ван Хоутены были верны дочери.

По словам миссис Ван Хоутен, “Лесли была, что называется, шепутной, озорной девочкой, с которой всегда было весело. У нее было чудесное чувство юмора”. У родившейся в Альтадене (пригороде Лос-Анджелеса) Лесли был старший брат и сводные брат и сестра помладше: корейские сироты, усыновленные Ван Хоутенами.

Когда Лесли было четырнадцать, ее родители стали жить порознь, а затем и развелись. “Мне кажется, это сильно сказалось на ней”, — сказала миссис Ван Хоутен. Примерно тогда же Лесли влюбилась в юношу постарше себя, Бобби Мэкки; забеременела; сделала аборт; впервые приняла ЛСД. После чего глотала кислоту минимум раз, а часто и все три раза в неделю^[200].

Лесли одолела два первых курса старшей школы в Монровии, где слыла красавицей. Сдать экзамены для поступления на третий курс ей, однако, не удалось. Разочарованная отказом, она сбежала с Мэкки и

увидела Хейт-Эшбери, но была напугана представшей перед нею картиной; Лесли вернулась домой, чтобы окончить школу и годовичные курсы секретарей. Мэкки тем временем сделался учеником-послушником в Братстве самопознания. Пытаясь продлить отношения между ними, Лесли стала монахиней-послушницей, отвергнув одновременно наркотики и секс. Она продержалась в этой религиозной группе изучения йоги примерно восемь месяцев, после чего порвала и с йогой, и с Мэкки.

Миссис Ван Хоутен не давала показания о периоде в жизни Лесли, который последовал затем; возможно, она сама практически ничего о нем не знала. Из бесед со свидетелями я выяснил, что Лесли сторицей вернула себе упущенное за месяцы воздержания. Бывшей монашке не терпелось “перепробовать все”, будь то наркотики или встречи по объявлениям из раздела “Ищу сексуального партнера” в “Лос-Анджелес фри пресс”. Давний друг перестал видаться с Лесли, потому что она стала “слишком уж дерганая”.

Несколько месяцев Лесли провела в коммуне в Северной Калифорнии. Там она и повстречала Бобби Бьюсолейла, у которого уже имелась собственная бродячая “семья”, состоящая из Цыганки и девушки по имени Гейл. Лесли тут же стала частью этого “любовного четырехугольника”. Гейл, впрочем, была ревнива, и ссоры возникали практически постоянно. Первой это надоело Цыганке, уехавшей жить на ранчо Спана. Затем, вскоре после этого, за ней последовала и Лесли, также присоединившаяся к Мэнсону. Ей было девятнадцать.

Примерно в это время Лесли позвонила матери и сообщила, что решила бросить ее; ждать от дочери весточек бесполезно. Так оно и продолжалось до самого ее ареста.

Кейт спросил у миссис Ван Хоутен: “Как вы теперь относитесь к дочери?”

О.: “Я очень люблю Лесли”.

В.: “Так же сильно, как и раньше?”

О.: “Еще сильнее”.

Слушая показания родителей убийц, понимаешь, что они стали такими же жертвами преступлений своих детей, как и родственники убитых.

То, что защита вызвала родителей подсудимых говорить первыми, стало серьезной тактической ошибкой с ее стороны. Показания и мольбы этих людей вызвали сострадание у каждого из присутствовавших в зале суда. Как кажется мне, родителей следовало вызвать не в начале, а в самом конце выступления защиты, как раз перед тем, как присяжные удалились бы на совещание. На деле же о них практически забыли ко времени выступления последнего из свидетелей защиты.

Шинь не стал вызывать свидетелей, которые говорили бы в поддержку Сьюзен Аткинс. Ее отец, как рассказал мне сам Шинь, не хотел иметь с дочерью ничего общего. Этот человек желал лишь одного — придушить Мэнсона.

Репортер “Лос-Анджелес таймс” разыскал мать Чарльза Мэнсона в городке на северо-западном побережье. Вторично вышедшая замуж и сменившая фамилию, она заявила, что рассказы Чарли о его несчастливом, полном лишений детстве — сплошные выдумки, и прибавила к этому: “Он был испорченным, избалованным ребенком”.

Канарек не стал вызывать ее в суд. Вместо этого он вызвал Сэмюэля Барретта, офицера, надзиравшего за условно освобожденным Мэнсоном.

Показания Барретта были самыми вялыми. Как ему кажется, он впервые встретил Мэнсона “году в 56-м, вроде того”; он не может припомнить, был ли Мэнсон освобожден условно или отпущен под честное слово; право, он не в силах помнить все про каждого из поднадзорных, потому что их у него 150 человек.

Снова и снова Барретт сводил к минимуму серьезность различных обвинений, предъявленных Мэнсону до убийств. Причина вполне очевидна: в противном случае можно было бы задаться вопросом, отчего же Барретт не подал просьбу о пересмотре меры наказания для условно освобожденного. Тем не менее вопрос возникал сам собой. Мэнсон тесно общался с бывшими заключенными, известными полиции наркоманами и несовершеннолетними девочками. Он не сообщил офицеру Барретту своего теперешнего адреса, почти не старался найти работу, постоянно лгал о своих занятиях. На протяжении первого полугодия одного только 1969 года его обвиняли, помимо всего прочего, в сговоре с целью угона автомобилей, хранении

наркотиков, изнасиловании, склонении несовершеннолетней к совершению преступлений.

Во время перерыва, в коридоре, ко мне подошел один из журналистов. “Боже ты мой, Винс, — воскликнул он, — тебе никогда не приходило в голову, что если бы Барретт подал рапорт о проступках Мэнсона, скажем, в апреле 1969 года, то Шарон и все остальные, наверное, до сих пор были бы живы?”

Я отказался комментировать, сославшись на приказ об ограничении гласности. Но это действительно приходило мне на ум. Я много об этом размышлял.

На прямом допросе Барретт показал, что в тюремном личном деле Мэнсона не значилось ничего такого, что предполагало бы риск, связанный с его поведением на свободе. Под протестами Канарека на перекрестном допросе я заставил Барретта пролистать папку с материалами по попытке бегства Мэнсона из заключения в 1957 году.

Парад лжесвидетелей открыла Пищалка.

Линетта Элис Фромм, двадцать два года, показала, что происходит из прекрасно обеспеченной семьи; ее отец — инженер-конструктор, проектирует самолеты. Когда ей было семнадцать лет, сказала она, отец пинками выгнал ее из дому. “И я оказалась в Венеции, сидела на тротуаре и плакала, когда проходивший мимо человек спросил: “Твой отец выкинул тебя из дому, верно?”

И это был Чарли”.

Пищалка сделала большой упор на то, что встретила Мэнсона раньше, чем любая из других девушек, — за исключением разве что Мэри Бруннер.

Расспрашивая ее о “Семье”, Фитцджеральд поинтересовался:

“У вас был лидер?”

О.: “Нет, мы болтались без присмотра”.

Никакого лидера, и все же...

“Чарли был нашим отцом, и он... объяснял нам разные вещи”.

Чарли ничем не отличался от остальных, но...

“Я забиралась в уголок и сидела там, читая книжку, а он проходил мимо и говорил мне, что написано в книге... А еще он читал наши мысли... Он всегда был счастлив, всегда... Он порой заходил в ванную,

чтобы причесаться, и там сразу собиралась целая толпа, потому что с ним всегда было интересно”.

Пищалка с большим трудом могла отречься от истин, преподанных ей хозяином и повелителем. Когда Фитцджеральд попытался занижить значение “Белого альбома” “The Beatles”, она ответила: “Там много всего, в этом альбоме, очень много”. Заявив: “Я никогда не слышала, чтобы Чарли произносил слова *Helter Skelter*, она тут же пояснила, что “там речь идет об эволюции, о балансе сил”, и “черные поднимаются на самый верх, как и должно случиться”.

Очевидно, Фитцджеральд ждал от Пищалки совсем других слов и, надо полагать, выдал свое неудовольствие мимикой.

Фромм: “А с чего это вы корчите такие гримасы?”

Фитцджеральд: “Простите меня, продолжайте, пожалуйста”.

Собрав совет у судейского стола, Олдер сказал: “Все, что она говорит, идет только во вред подсудимым”.

Я объяснил Олдеру свою позицию: “Если Суд удивляется, почему я не протестую, то это лишь потому, что, на мой взгляд, ее показания льют воду на мельницу обвинения”.

Фактически, показания Пищалки были столь полезны для нас, что в перекрестном допросе почти совсем не было нужды. Среди вопросов, которые я собирался задать ей, был и тот, который теперь задал Линетте Канарек: “Считали ли вы, что Чарльз Мэнсон был Иисусом Христом?”

Пищалка помолчала немного, прежде чем ответить. Уподобится ли она апостолу, отрекшемуся от Иисуса? По-видимому, она решила не делать этого, поскольку ответила: “Я думаю, что первые христиане в пещерах и лесах были кучей детишек, которые просто жили — без чувства вины, без стыдливости; они могли снять с себя одежду и просто валяться на солнышке... И я понимаю Иисуса Христа как человека, пришедшего в мир от женщины, не знавшей, кем был отец ее ребенка”.

Пищалка лгала меньше всех прочих членов “Семьи”, давших показания. И все же ее выступление стало столь сокрушительным для стороны защиты, что с этого момента Фитцджеральд предоставлял другим адвокатам вызывать свидетелей.

Кейт вызвал Бренду Макканн, *н/и* Нэнси Лора Питман, девятнадцати лет. Хотя внешность Бренды вовсе не была

отталкивающей, она оставила впечатление хитрой, злобной девчонки, до краев наполненной враждебностью, которая так и рвалась наружу.

Ее отец “проектировал системы наведения ракет там, в Пентагоне”, сказала Бренда. Он тоже выбросил дочь из дому, когда ей было шестнадцать. Бывшая ученица школы в Голливуде, так и не добравшаяся до выпускных экзаменов, она уверила присяжных, что никакой “Семьи” не существует, а Чарли “вообще не был лидером. Он просто ходил за нами по пятам и заботился о нас”.

При этом выступление Бренды (как, впрочем, и Пищалки, и других девушек, которые еще не успели появиться в зале суда) однозначно подтвердило, что весь ее мирок вращался вокруг одной лишь оси. Чарли ничем не был примечателен, но “он мог опуститься на корточки, и вокруг него тут же собирались животные, ослики, койоты, всякие другие зверушки... А однажды он опустил руку и погладил гремучую змею”.

Отвечая на задаваемые Канареком вопросы, Бренда показала, что Линда “глотала ЛСД круглыми днями... принимала “фен”... Линда была без ума от Текса... Линда всюду ходила за Тексом...” На перекрестном допросе я спросил у Бренды: “Отдали бы вы свою жизнь за Чарли, если бы он попросил об этом?”

О.: “Он много раз вверял свою жизнь в ваши руки”.

В.: “Просто отвечайте на заданный вопрос, Бренда”.

О.: “Да, отдала бы”.

В.: “Согласились бы вы солгать под присягой ради Чарльза Мэнсона?”

О.: “Нет, я говорила бы только правду”.

В.: “Значит, вы согласны умереть за него, но не солгать в этом зале?”

О.: “Вот именно”.

В.: “Считаете ли вы, что ложь, сказанная под присягой, для вас важнее смерти, Бренда?”

О.: “Я не отношусь к смерти так уж серьезно”.

Все эти свидетели описывали собственные семьи с упорным антагонизмом. Сандра Гуд, например, заявила, что ее отец, биржевой маклер, отказался от нее, — но не упомянула, что это произошло лишь после того, как он выслал дочери тысячи долларов, а Мэнсон засыпал его угрозами, требуя еще денег.

Мэнсон перерезал всем этим людям пуповину, но одновременно он свивал другие узы, накрепко приковывая их к себе. Это было ясно видно на протяжении всех выступлений. Сэнди постаралась даже больше Пищалки и Бренды, воспевая “волшебные силы” Мэнсона. Она поведала историю про то, как Чарли подышал на мертвую птичку и тем самым оживил ее. “Я верю, что его голос мог бы разнести на куски это здание... Однажды он закричал, и стекло в окне разлетелось вдребезги”.

Лишь при разбирательстве, посвященном назначению наказания, присяжные узнали о пикете, выставленном “Семьей” на перекрестке Темпл и Бродвей. Сэнди рассказывала об их жизни там с большим чувством: “Из-за смога практически вообще никогда не видно неба. Люди постоянно роются в земле; каждый день у них какой-то новый проект; они постоянно что-то ремонтируют. Они вечно выдирают что-то из земли и засовывают туда что-то другое, обычно цементное. Там творится настоящее безумие. Это сумасшествие, и чем больше времени я провожу на перекрестке, тем яснее я чувствую этот “X”. Я X-ключена оттуда”.

После того как я отказался задать Сэнди свои вопросы, она с большим ожесточением выплюнула: “Почему вы ничего не хотите спросить у меня?”

“Потому, что вы не сказали ничего такого, что повредило бы *Народу*, Сэнди, — ответил я. — Напротив, вы помогли мне”.

Я ожидал, что Сэнди заявит, будто Мэнсона даже не было на ранчо Спана на момент совершения убийств. Когда она промолчала, я понял: защита отказалась от мысли использовать тактику алиби. Это значило, что адвокаты приняли какое-то другое решение. Но какое?

Во время второй фазы процесса Мэнсону и трем подсудимым девушкам было разрешено вернуться в зал суда. Они вели себя куда тише, куда послушнее прежнего, словно до них дошло наконец: этот “театр”, как охарактеризовала процесс Кренвинкль, мог стоять им жизни. По ходу дачи показаний Пищалькой и другими девушками-мэнсонитками их ментор глубокомысленно поглядывал на них, теребя козлиную бородку, словно подтверждая: да, все так и было.

На свидетельницах были их лучшие наряды, надетые специально по случаю. Всем присутствующим было очевидно, что они

одновременно горды и счастливы оказаться здесь и постараться помочь Чарли.

По лицам присяжных блуждало одно общее выражение: недоверие. Мало кто затруднял себя, делая записи. Подозреваю, все они с ужасом впитывали потрясающий контраст. Заняв место свидетеля, девушки одна за другой рассуждали о любви, музыке и детишках. И все же, пока любовь, музыка и дети шли своим чередом, та же самая группа выбиралась из логова и зверски убивала людей. Для “Семьи”, как бы жутко это ни звучало, не существовало никакого противоречия, никакого конфликта между любовью и убийством!

К 4 февраля, по задаваемым Канарекком вопросам, я окончательно уверился, что Мэнсон не собирается давать показания. Для меня это было самое большое разочарование по ходу всего процесса: мне так и не представилась возможность “разбить” Чарли на перекрестном допросе.

В тот же день наш офис узнал, что Чарльз “Текс” Уотсон был возвращен в Лос-Анджелес и признан способным присутствовать на суде.

Всего через три дня после своего появления в Атаскадеро Уотсон перестал отказываться от пищи. Еще через месяц один из обследовавших его психиатров написал: “В настоящее время не наблюдается никаких признаков неестественного поведения пациента, если не считать его молчания, которое имеет разумную, логически выверенную основу”. Другой врач отметил чуть позднее: “Проведенные психологические тесты дали разрозненную картину реакций, не соответствующую какой-либо известной форме душевного заболевания...” Короче говоря, Текс симулировал. Вся эта информация, я понимал, окажется полезной, если Текс попытается заявить о невменяемости на своем процессе, который должен был начаться сразу после нынешних заседаний.

Выступление Кэтрин Шер (*тик* Цыганка) произвело наибольший эффект. В свои двадцать восемь она была старшей участницей женского крыла “Семьи”. И из всех членов группы имела самое любопытное и необычное прошлое.

Цыганка родилась в Париже в 1942 году; ее отец был венгром, скрипачом, а мать — беженкой немецко-еврейского происхождения.

Оба родителя Кэтрин, участники французского Сопротивления, покончили с собой во время войны. В восемь лет Цыганку удочерила американская семья, привезшая девочку в Соединенные Штаты. Страдавшая от рака приемная мать Цыганки совершила самоубийство, когда Кэтрин было шестнадцать лет. Приемный отец, психолог по роду занятий, был совершенно слеп. Цыганка заботилась о нем, пока тот не женился повторно, — тогда она и покинула родительский дом.

Выпускница средней школы в Голливуде, она три года посещала колледж; вышла замуж; год спустя развелась. С раннего детства виртуозно игравшая на скрипке, Цыганка обладала замечательно красивым голосом и хорошо пела, что помогло ей получить соответствующие роли во множестве фильмов. На съемках одного из них, в каньоне Топанга, она встретила Бобби Бьюсолейла, у которого тоже была какая-то второстепенная роль. Они стали неразлучны и отныне скитались вместе. Примерно два месяца спустя Бьюсолейл познакомил Кэтрин с Чарльзом Мэнсоном. С ее стороны то была любовь с первого взгляда, но она продолжала путешествовать по Калифорнии в гареме Бьюсолейла еще полгода, прежде чем перебралась жить на ранчо Спана. Вливаясь в “Семью”, Цыганка назвалась убежденной коммунисткой, но уже очень скоро Мэнсону удалось уверить ее, что догма, проповедуемая им самим, является истиной в последней инстанции. “Из всех девушек, — рассказывал мне Пол Уоткинс, — Цыганка любила Чарли сильнее прочих”.

Она была также самой красноречивой свидетельницей защиты. Но даже и тогда, выражая свои мысли яснее, чем все прочие, Цыганка порой “соскальзывала” с накатанной колеи.

“Всем нам вынесен один и тот же приговор, — заявила она присяжным. — Все мы сидим в газовой камере — здесь, в Лос-Анджелесе, только мы умираем медленно. Воздух понемногу изгоняется из каждого города. Скоро совсем не останется ни воздуха, ни воды; даже то, что мы едим, уже отравлено. Нас с вами отравляют. Пища, которую мы едим, убивает нас. Скоро не останется чистого клочка земли, не останется деревьев. Человек, и в особенности белый человек, убивает эту землю.

Но это не мысли Чарльза Мэнсона, это я сама так думаю”, — быстро поправилась она.

В первый день своего пребывания в зале суда Цыганка не произвела сенсации. Она пыталась, впрочем, опровергнуть различные моменты прозвучавших на суде показаний. Так, стараясь объяснить инцидент в доме на заднем дворе ранчо, она заявила, что Лесли часто выезжала куда-то и крала у людей вещи. Цыганка объявила, что именно Линда предложила стянуть 5 тысяч долларов у своего знакомого. Она сказала также, что Линда не желала нянчиться с Таней и потому оставила дочь на попечение "Семьи".

И лишь на второй день дачи показаний, во время *повторного* допроса, сразу после того, как Канарек попросил разрешения приблизиться к свидетельнице и поговорить с нею, Цыганка вдруг предложила альтернативный мотив для убийств, спроектированный специально для того, чтобы очистить Мэнсона от какого бы то ни было участия в преступлениях.

Цыганка заявила, что это Линда Касабьян, а вовсе не Чарльз Мэнсон, задумала убийства Тейт — Лабианка! Линда была по уши влюблена в Бобби Бьюсолейла, объяснила она. Когда Бобби арестовали за убийство Хинмана, Линда предложила совершить другие убийства, похожие на это, — чтобы полиция могла сопоставить обстоятельства и, осознав, что Бобби находился в заключении во время этих новых убийств, отпустила бы его на свободу.

Мотив "убийств под копирку" сам по себе не стал сюрпризом. Фактически, Аарон Стовитц, давая интервью журналу "Роллинг стоун", называл его как один из возможных мотивов. Эта версия была ущербна только в одном смысле. Она не была верна. Но в отчаянной попытке "очистить" Мэнсона и подвергнуть сомнению мотив *Helter Skelter* свидетели защиты, начиная с Цыганки, с новой силой начали фабриковать показания.

Сценарий, созданный их запоздало разгулявшимся воображением, был столь же прозрачен, сколь и ограничен.

Цыганка заявила, что вечером 8 августа 1969 года Линда открыла ей свой план и спросила, не желает ли Кэтрин присоединиться. Перепугавшись, Цыганка бежала в горы. Когда же она вернулась, убийства уже успели состояться, а сама Линда уехала.

Далее Цыганка показала, что Бобби Бьюсолейл вовсе не был виноват в смерти Хинмана; он лишь посидел немного за рулем его

машины. Да и Мэнсон тоже был ни при чем. Хинмана убили Линда, Сэди и *Лесли*!

Максвелл Кейт мгновенно выразил протест. У судейского стола он сказал Олдеру: “Мне кажется, эта девушка клонит к тому, чтобы моя клиентка дала признательные показания о ее участии в убийствах Хинмана, Тейт и Лабианка. Это неслыханно!”

Судья: “Не знаю, понимает ли мистер Канарек, что он тут устроил”.

Фитцджеральд: “Боюсь, что так”.

Канарек: “Я все прекрасно понимаю”.

Кейт заметил: “Я только вчера обсуждал с этой свидетельницей ее показания в окружной тюрьме. Насчет Лесли ее показания были совершенно безобидны. Как вдруг — хлоп! — и мы летим вверх тормашками”.

На перекрестном допросе я спросил: “Скажите, Цыганка, вы просто пытаетесь переложить вину Мэнсона на плечи Лесли и Сэди, не так ли?”

О.: “Я бы так не сказала. Нет, это неправда”.

Чтобы подорвать к ней доверие, я поставил Цыганку перед множеством противоречий в сделанных ею ранее заявлениях. Лишь затем я вернулся к ложному мотиву.

Цыганка показала, что сразу после того, как узнала об убийствах Тейт — Лабианка, она уверилась, что их совершили Линда, Лесли и Сэди.

Я спросил у нее: “Если вы посчитали, что Линда, Сэди и Лесли как-то вовлечены в убийства Тейт — Лабианка, тогда как мистер Мэнсон ни в чем не виновен и не имеет к ним ни малейшего отношения, тогда почему вы раньше не рассказали властям о вашем разговоре с Линдой?”

О.: “Я не хотела иметь с этим ничего общего. Я вообще не верю, что разговоры с полицейскими могут привести к чему-то путному”.

Ранее на перекрестном допросе Цыганка признала, что любила Мэнсона и готова была умереть ради него. Напомнив ей об этих ее показаниях, я сказал: “Хорошо. Значит, вы полагаете, что Чарли не имеет ничего общего с этими убийствами, верно?”

О.: “Верно”.

В.: “И тем не менее вы позволили ему провести в тюрьме все эти месяцы, но так и не сообщили властям свои ценные сведения?”

Цыганка уклонилась от прямого ответа.

В.: “Когда вы впервые рассказали кому-либо о том печально известном разговоре с Линдой, в котором она предложила вам отправиться вместе с нею и убить кого-нибудь?”

О.: “Прямо здесь”.

В.: “Сегодня?”

О.: “Угу”.

В.: “Значит, сегодня, на свидетельском месте в этом зале суда, вы впервые решились поделиться с кем-нибудь этой важной информацией? Это верно?”

О.: “Да, это верно”.

Я поймал Цыганку на слове. Теперь я мог заявить присяжным: вот Мэнсон, обвиняемый и судимый за семь жестоких убийств, — а там, на углу Темпл и Бродвея, сидит Цыганка. Девушка, любящая Мэнсона и готовая пожертвовать ради него жизнью. Она сидит на перекрестке круглыми сутками с самого начала процесса, и все же лишь в ходе определения наказания Мэнсону, на повторном допросе, она решается рассказать кому-то о том, что знает.

Ранним утром 9 февраля 1971 года, ровно в 6:01, Южная Калифорния содрогнулась от мощного землетрясения. Достигшее силы в 6,5 баллов по шкале Рихтера, оно погубило шестьдесят пять человеческих жизней и причинило разрушений на миллионы долларов.

Я проснулся с мыслью, что “Семья” пытается взять наш дом приступом.

Присяжных разбудили струи воды, льющейся на них из труб, прорванных выше этажом.

Девушки-пикетчицы на перекрестке сообщили журналистам, что это Чарли, и никто иной, вызвал разгул стихии.

Несмотря на катастрофическое бедствие, этим утром суд возобновил заседание в обычное время, и Сьюзен Аткинс заняла свидетельское место, чтобы обрушить на присяжных еще одно потрясение.

Первым вопросом, заданным Шинем своей клиентке, было: “Сьюзен, участвовали ли вы лично в убийствах Тейт и Лабианка?”

Сьюзен, на которой был натянутый на белую блузку темный джемпер, отчего она выглядела школьницей, почти ребенком, спокойно ответила на это: “Да”.

Хотя к этому моменту все присутствующие юристы уже знали, что девушки намерены выступить и “сознаться” (Фитцджеральд упомянул об этом в кулуарах неделю тому назад), присяжные и публика застыли в изумлении. Они переглядывались так, словно не верили собственным ушам.

Шинь затем попросил Сьюзен рассказать о себе — о ранних годах жизни, прошедших под знаком религиозности (“Я пела в Церковном хоре”); о смерти матери от рака (“Я не могла понять, почему она умерла, и это бесило меня”); об утрате ею веры; о проблемах в ее отношениях с отцом (“Он постоянно говорил мне: “Ты катишься под гору”, поэтому я и покатилась”); ее опыте танцовщицы в стриптиз-клубе в Сан-Франциско; об инциденте с пистолетом во время ее ареста в Орегоне (“Я боялась змей”); о знакомстве ее с наркотиками, о посещении Хейт-Эшбери и о первой судьбоносной встрече с Чарльзом Мэнсоном.

Возвращаясь к преступлениям, Сьюзен показала: “Вся эта история закрутилась, когда я убила Гари Хинмана, потому что он собирался покалечить моего любимого...”

Судья Олдер объявил перерыв в заседании. Прежде чем покинуть место свидетеля, Сьюзен повернулась ко мне и сказала: “Взгляните, мистер Буглиози. Рассыпался весь клубок, дружище, весь мотив. Это было так глупо. Так скучно”.

После перерыва Сэди пересказала заново отредактированную версию того, как Хинман принял смерть. По ее словам, Гари наставил пистолет на Мэнсона, едва тот вошел, чтобы убедить Хинмана подписать “розовый бланк” на машину, за которую они уже отдали деньги. Мэнсон бежал, а Гари выстрелил, целя ему в спину. “У меня не было выбора. Он мог причинить страдания моему любимому. У меня был при себе нож, я подбежала к Гари и убила его... Бобби угодил за решетку за то, что совершила я”.

Прорехи в этой ее истории были размером с миллю. Я помечал их себе, приберегая для перекрестного допроса.

После ареста Бьюсолейла, продолжала Сьюзен, Линда предложила совершить похожие убийства. “... И она велела мне раздобыть нож и

одежду... Она сказала, что люди с Беверли-Хиллз кинули ее на тысячу долларов при покупке какого-то нового наркотика, МДА...”

Прежде чем покинуть ранчо Спана, сказала Сьюзен, “Линда дала мне немного ЛСД, а Тексу — СТП... Линда распоряжалась нами всю ночь... Никто не сказал Чарли, куда мы отправляемся или что собираемся делать... Линда бывала там раньше, поэтому знала, куда надо ехать... Текс словно взбесился, застрелил Парента... Линда вошла в дом... Линда отдала мне свой нож”. В этом месте повествования Дэйи Шинь раскрыл складной нож и попытался вложить его в руку Сьюзен.

Судья: “Немедленно положите нож туда, где он лежал!”

Шинь: “Я просто хотел уточнить размеры лезвия, Ваша честь”.

Сьюзен забежала вперед в своем рассказе. Она уже держит Шарон Тейт. “Тут вернулся Текс, посмотрел на нее и говорит мне: “Убей ее”. И я убила... Я просто втыкала в нее нож, пока она не упала, и тогда я снова воткнула его. Не знаю, сколько раз я ударила...” Шарон молила о жизни ради ребенка, и “я сказала ей: “Заткнись! Ничего не хочу слушать”.

Слова Сьюзен были нестерпимо холодны, но выражение ее лица по большей части оставалось открытым, даже почти детским.

Существует лишь одно выражение, способное описать контраст: он был невероятно непристоен.

Описывая убийство Хинмана, Сьюзен поместила на место преступления Лесли Ван Хоутен. Между тем у следствия не было ровным счетом никаких улик, подтверждающих ее участие в убийстве.

Описывая ночь гибели четы Лабианка, Сьюзен внесла дополнительные поправки в список действующих лиц. Мэнсон не поехал, сказала она. Машину вела Линда; это Текс первым проник в дом Лабианка; это Линда объяснила Тексу, Кэти и Лесли, что им делать; это Линда предложила убить актера в Венеции. А когда они вернулись на ранчо Спана, “Чарли мирно спал в доме”.

Столь же неправдоподобна была новая порция выдумок. Сьюзен заявила, что обвинила в преступлениях Мэнсона в разговоре со мной и в показаниях перед большим жюри, потому что я обещал в этом случае лично проследить, чтобы никто из подсудимых, включая и Чарли, не был приговорен к смертной казни.

Наилучшим опровержением этому бреду была запись, сделанная Кабальеро задолго до нашей первой встречи с Сэди. Там, на

магнитофонной ленте, Сьюзен с тем же успехом обвиняла Мэнсона в убийствах.

Описывая наше знакомство, Сэди сказала: “Потом вошел Буглиози. Мне кажется, он был одет примерно так же, как и сейчас, в серый костюм с жилеткой”.

В.: “Это происходило в 1969 году, верно?”

О.: “Правильно. Он выглядел тогда гораздо моложе”.

Да, все мы прошли через очень многое за эти четырнадцать месяцев.

Затем Шинь стал расспрашивать Сьюзен о Коротышке! Я попросил разрешения подойти к судейскому столу.

Буглиози: “Ваша честь, я поверить не могу в происходящее. Теперь он разглагольствует о Коротышке Шиа!” Повернувшись к Дэйву, я заметил: “Ты вредишь сам себе, привлекая сюда новые убийства, да еще вредишь и соответчикам!” Олдер согласился со мной и предупредил Шиня, чтобы тот проявлял чрезвычайную осторожность.

Я был обеспокоен тем, что в случае, если бы Шинь продолжал свои расспросы, постановление суда могло быть опротестовано при подаче апелляций. Какой смысл адвокату заставлять клиента сознаваться в убийстве, в котором его даже не обвиняли?

Перекрестный допрос перешел к Фитцджеральду. Он спросил у Сьюзен, почему погибли пятеро человек в доме на Сизло-драйв.

О.: “Потому что я посчитала, что вытащить моего брата из тюрьмы — хорошее дело. Я и сейчас думаю, что была права”.

В.: “Мисс Аткинс, был ли кто-то из этих людей убит в результате выплеска ненависти или неприязни, которые вы могли ощущать по отношению к ним?”

О.: “Нет”.

В.: “Чувствовали ли вы хоть что-нибудь, какие-то эмоции, по отношению к кому-либо из этих людей — Шарон Тейт, Войтеку Фрайковски, Абигайль Фольгер, Джею Себрингу, Стивену Паренту?”

О.: “Я ни с кем из них не была знакома. Как я могла чувствовать какие-то эмоции по отношению к людям, которых даже не знала?”

Фитцджеральд спросил у Сьюзен, не считает ли она эти убийства совершенными из сострадания?

О.: “Нет. Между прочим, я вроде говорила Шарон Тейт, что не испытываю к ней жалости”.

Сьюзен объяснила затем, что считала свои действия “правильными в тот момент, когда я делала это”. Она знала точно, поскольку, когда делаешь что-то правильное, “это очень хорошее ощущение”.

В.: “Как может быть хорошим делом убийство кого бы то ни было?”

О.: “А как это может оказаться плохо, если убиваешь с любовью?”

В.: “Раскаивались ли вы в содеянном?”

О.: “Раскаивалась? В чем-то, что было для меня правильно?”

В.: “Вы вообще когда-нибудь ощущаете уколы совести?”

О.: “Совесть? Она колется только тогда, когда делаешь что-то неправильное. Нет, я не чувствую себя виноватой”.

Фитцджеральд выглядел побитым. Выявив полное отсутствие раскаяния у своей клиентки, он уже не мог убедительно доказывать впоследствии, что та еще может исправиться, загладить свою вину перед обществом.

Мы попали в очень необычную ситуацию. Совершенно внезапно, уже в ходе определения наказания, спустя долгое время после того, как присяжные признали четверых подсудимых виновными, я в некотором смысле был вынужден сызнова доказывать вину Мэнсона.

Если бы я провел перекрестный допрос слишком уж тщательно, могло показаться, что я сам не считаю, что убедительно доказал правоту *Народа*. Если же я провел бы поверхностный допрос, тогда сомнения в виновности этих людей могли остаться у присяжных, когда те удалились бы на совещание, — и тогда это повлияло бы на их решение. Таким образом, мне приходилось действовать крайне осторожно: я должен был пройти меж каплями дождя, не замочив одежды.

Защита, и в особенности Ирвинг Канарек, старалась посеять подобные сомнения, предложив альтернативу для *Helter Skelter*: мотив “убийств под копирку”. Лично мне казалось, что показания свидетелей в отношении этой версии произошедшего были вовсе не убедительны, — но это не значило, что я мог расслабиться, посчитав, что присяжные готовы со мной согласиться.

Мне было особенно важно подвести их к выводу об абсолютной приверженности Мэнсону со стороны Сьюзен Аткинс — так я сумел бы объяснить причину этой ее лжи во спасение Чарли. В самом начале

перекрестного допроса я спросил у нее: “Сэди, верите ли вы, что Чарльз Мэнсон — это Христос, вернувшийся на землю?”

О.: “Винс, за последние четыре-пять лет я видела Христа в стольких людях, что теперь уже и не знаю, кто из них Христос”.

Я повторил вопрос.

О.: “Я думала об этом. Довольно много думала... Да, у меня мелькала мысль, что он мог быть Христом... Не знаю. Может, и так. Если это он, ух, вот это класс!”

Показав Сьюзен ее собственное письмо к Ронни Ховард (в котором Сэди писала: “Если ты можешь верить во второе пришествие Христа, М — тот, кто явился спасать”), я спросил: “Даже теперь, в этом зале, Сэди, вы считаете, что Чарльз Мэнсон — тот мужчина, что сидит вон там и поглаживает бородку, — может оказаться Иисусом Христом?”

О.: “Все возможно. Пусть так и останется. Может, да. Может, нет”.

Я настаивал, пока Сьюзен не признала: “Он казался мне богом, настолько прекрасным, что я сделала бы ради него что угодно”.

В.: “Даже совершили бы убийство?” — тут же переспросил я.

О.: “Для бога я сделаю все на свете”.

В.: “Включая убийство?” — настаивал я.

О.: “Вот именно. Если я посчитаю, что бог хочет этого”.

В.: “И вы убили пятерых человек в усадьбе на Сиэло-драйв, чтобы угодить своему богу, Чарльзу Мэнсону, не так ли?”

Сьюзен подумала немного, после чего выдавила: “Я убила их ради моего бога, ради Бобби Бьюсолейла”.

В.: “О, так у вас целых два бога?”

Ответ Сэди был уклончив: “Существует только один бог, и этот бог — в каждом”.

Поскольку Сьюзен дала сейчас эти показания, обвинение могло воспользоваться ее более ранними заявлениями, включая и выступление перед большим жюри, чтобы окончательно подорвать доверие к ее словам.

На перекрестном допросе я заставил Сьюзен повторить предполагаемые причины их поездки к дому Тейт. Как только она повторила чепуху об “убийствах под копирку”, я атаковал Сьюзен ее собственными показаниями о другом мотиве — о *Helter Skelter*: она говорила о нем со мною, повторила это перед большим жюри и вскользь упомянула в письме к Ховард.

Я также довел до сведения присяжных, что Сьюзен рассказала мне (а затем и большому жюри) о том, что именно Чарли приказал совершить семь убийств Тейт — Лабианка; что Чарли руководил всеми действиями убийц второй ночью; что никто из них не принимал при этом наркотиков.

Вслед за этим я прошелся по всему наскоро сшитому сценарию убийств Хинмана, Тейт и Лабианка не торопясь, шаг за шагом. Я знал, что Сьюзен непременно сделает ошибку — и она их сделала немало.

Например, я спросил: “А где находился Чарльз Мэнсон, пока вы убивали ножом Гари Хинмана?”

О.: “Он ушел. Он вышел сразу после того, как порезал Гари ухо”. Нечаянно признав это, Сьюзен быстро добавила, что пыталась зашить ухо Хинмана.

Тогда я вновь провел ее через уже описанный сценарий: Хинман вынимает пистолет и целится в Мэнсона; тот бежит прочь; Хинман нажимает на курок; чтобы защитить любимого, она закалывает Хинмана ножом. Так когда же, спросил я, вы нашли время поиграть во Флоренс Найтингейл?^[201]

Далее, Сьюзен заявила, что рассказала Мэнсону об убийстве Хинмана лишь после ареста обоих в ходе рейда на ранчо Баркера.

Другими словами, она жила в “Семье” Мэнсона с июля по октябрь 1969 года, но так ни разу об этом не упомянула? “Верно”. Почему? “Потому, что он не спрашивал”.

Она даже не сообщила Мэнсону о совершении убийств Тейт и Лабианка, продолжала Сьюзен. И лишь два дня тому назад она впервые рассказала, что за убийствами стояла Линда Касабьян.

В.: “Как же так случилось? В промежутке между 9 августа 1969 года и 9 февраля 1971 года вы никому не говорили, что убийства задумала Линда?”

О.: “Да потому что не говорила. Вот так просто”.

В.: “Рассказывали ли вы хоть кому-нибудь в “Семье”, что эти убийства совершены именно вами?”

О.: “Нет”.

В.: “Если вы поделились этим с такими чужими вам людьми, как Ронни Ховард и Виржиния Грэхем, почему же вы не рассказали об убийствах членам своей собственной “Семьи”, Сэди?”

О.: “Незачем было рассказывать. Что сделано, то сделано, и это сделала я”.

В.: “Подумаешь, какая ерунда — семь трупов?”

О.: “Плевое дело”.

Я помолчал, ожидая, пока это невероятное заявление не растворится в воздухе, прежде чем спросить: “Стало быть, убийство семи человек — обычное занятие, ничего особенного, не так ли, Сэди?”

О.: “Кому-то надо было это сделать. И это оказалось не очень-то просто”.

Я спросил, чувствует ли она что-нибудь по отношению к жертвам. Сьюзен ответила: “Они даже не были похожи на людей... Я относилась к Шарон Тейт совсем как к манекену в магазине”.

В.: “Сэди, вам когда-нибудь приходилось слышать, как разговаривает манекен?”

О.: “Нет, сэр. Но она говорила, словно машинка “Ай-Би-Эм”... Она все просила и умоляла, сжальтесь да сжальтесь... Мне стало тошно ее слушать, и я воткнула в нее нож”.

В.: “И чем громче она кричала, тем яростнее вы втыкали свой нож?”

О.: “Да. Что с того?”

В.: “Посмотрев на нее, вы сказали: “Слушай меня, сука, мне на тебя наплевать”. Так было, Сэди?”

О.: “Именно так. Это я ей и сказала”.

Буглиози: “У меня больше нет вопросов”.

Во вторник, 16 февраля, после долгого обсуждения в кулуарах судья Олдер сказал присяжным о своем решении закончить секвестрацию.

Их удивление, как и облегчение, с которым они вздохнули, были очевидны. Этих людей продержали фактически взаперти больше восьми месяцев — самый длительный секвестр за всю историю американского правосудия.

Меня все еще беспокоило возможное вмешательство “Семьи”, но большинство других причин секвестра (таких как упоминания об убийстве Хинмана, признание Сьюзен Аткинс на страницах “Лос-Анджелес таймс”, ее показания перед большим жюри и т. д.) более не

существовали, поскольку все эти сведения присяжные уже слышали от самой Сэди и от других, занимавших свидетельское место.

Наших присяжных словно бы подменили. Когда на следующее утро двенадцать человек заняли свои ставшие привычными места на трибуне присяжных, на лице у каждого блуждала улыбка. Я уже не мог и припомнить, когда в последний раз видел их улыбающимися.

Впрочем, долго улыбаться не пришлось. Теперь на свидетельском месте оказалась Патриция Кренвинкль, готовая рассказать о своей роли в убийствах Тейт и Лабианка.

Ее показания оказались еще менее правдоподобны, чем откровения Сьюзен Аткинс: мотив “убийств под копирку” оказался размыт и почти совсем лишен поддерживающих деталей. Подоплека ее выступления могла быть только одна: Кэти хотела отвести фокус внимания от Чарльза Мэнсона, и ничего более. Вместо этого, однако, как и другие члены “Семьи” до нее, она то и дело подчеркивала его ведущую роль. Например, описывая жизнь на ранчо Спана, Патриция сказала: “Мы были совсем как лесные нимфы и прочие полудикие существа. Мы вплетали в волосы цветы и бегали по лесам, а Чарли играл нам на маленькой флейте...” Об убийстве Абигайль Фольгер: “У меня в руке был нож, а она как побежит — рванула от меня... побежала через заднюю дверь, которой я даже не касалась, то есть никто не нашел там моих отпечатков, потому что я не трогала ту дверь... и я ударила ее ножом, и все продолжала бить”.

В.: “Что вы чувствовали после этого?”

О, “Да ничего... Ну, что тут еще рассказывать? Так уж вышло, и вроде казалось правильным”.

Об убийстве Розмари Лабианка: по словам Кэти, они с Лесли отвели Розмари Лабианка в спальню и разглядывали платья в ее шкафу, когда, услышав крик Лено, Розмари схватила настольную лампу и бросилась на них.

Об увечьях Лено Лабианка: убив Розмари, Кэти вспомнила о том, что на полу гостиной лежит Лено. Фыркнув: “Ты не отправил бы на войну своего сыночка!” — она “кажется, написала “WAR” на его груди. А потом, кажется, у меня в руках оказалась вилка, и я ткнула ею в живот... потом пошла и написала на стенах...”

На перекрестном допросе я спросил у Кэти: “Когда вы прижали к полу Абигайль Фольгер и тыкали ножом ее тело, она кричала?”

О.: “Да”.

В.: “И чем больше она кричала, тем яростнее вы втыкали нож?”

О.: “Надо думать”.

В.: “А вас не беспокоила ее мольба о пощаде?”

О.: “Нет”.

Кэти показала, что втыкая нож в Абигайль, на самом деле она втыкала его в себя саму. Мой следующий вопрос были риторическим: “Но ваши раны совсем не кровоточили, верно, Кэти? Кровью истекала Абигайль Фольгер, не так ли?”

С помощью этих свидетелей защита пыталась доказать, что слова “POLITICAL PIGGY” (Хинман), “PIG” (Тейг) и “DEATH TO PIGS” (Лабанка) должны были стать уликами, с помощью которых, как якобы надеялись убийцы, полиция могла связать вместе все три преступления. Но когда я спросил у Сэди, зачем она в первый раз написала слова “POLITICAL PIGGY” на стене в доме Хинмана, она так и не смогла дать мне удовлетворительного ответа. Она также не сумела ответить, почему, если это должно было стать “убийством под копирку”, в доме Тейт надпись гласила: “PIG”, а не “POLITICAL PIGGY”. Кэти тоже не смогла убедительно объяснить собственную надпись “HEALTER SKELTER” на дверце холодильника в доме Лабанка.

Всем было ясно, что Максвелл Кейт также не намерен успокаиваться на мотиве “убийств под копирку”. На повторном допросе он поинтересовался у Кэти: “Убийства, произошедшие в усадьбе Тейт и в доме Лабанка, никоим образом не связаны с попытками вытащить Бобби Бьюсолейла из тюрьмы, это верно?”

О.: “Ну, это нелегко объяснить. Просто возникла такая идея, а потом она стала реальностью”.

Канарек мало-помалу начал утомлять судью Олдера. Предупреждения сыпались одно за другим: если адвокат не перестанет задавать неприемлемые вопросы, то уже в пятый раз будет наказан за неуважение к Суду. Да и с Дэйи Шинем все шло не слишком гладко. Приставы видели, как Шинь передал Сьюзен Аткинс записку от кого-то из зрителей. Несколько недель тому назад девушки на углу были замечены за чтением страниц из судебной стенограммы, помеченных

именем Шиня. Когда Олдер задал адвокату соответствующий вопрос, Шинь ответил: “Они одолжили их ненадолго — просто взглянуть”.

Судья: “Нет уж, извините! Вы знакомы с судебным приказом об ограничении гласности в данном деле?”

Шинь признал, что знает о приказе.

Судья: “Сдается мне, мистер Шинь, что вы ни в грош не ставите судебные приказы, и я далеко не в первый раз это замечаю. Лично у меня давным-давно уже сложилось впечатление, что утечка информации из зала суда — а такая утечка действительно имеет место — происходит через вас”.

Максвелл Кейт с большой неохотой вызвал свою подзащитную, Лесли Ван Хоутен, дать показания. Поговорив о ее детстве и семье, Кейт попросил разрешения приблизиться к судейскому столу. Там он сказал Олдеру, что его клиентка намерена признаться в убийстве Хинмана. Этот вопрос он “долгими часами” обсуждал с Лесли, но та так и не вняла голосу разума.

Но, едва Лесли начала свою повесть, нелепость ее выдумок стала вполне очевидна. Лесли заявила, что Мэри Бруннер ни разу не была в доме у Хинмана, что Чарльз Мэнсон и Бобби Бьюсолейл успели покинуть дом еще до того, как было совершено убийство. Гари Хинмана убила Сэди, и никто иной, объявила Лесли Ван Хоутен.

Впутав себя в убийство Хинмана (по крайней мере, одним своим присутствием), Лесли постаралась представить смягчающие обстоятельства своей вовлеченности в убийство четы Лабианка. Она заявила, что ничего не знала об убийствах на Сиэло-драйв, и, садясь в машину, не имела ни малейшего представления, куда это собрались ехать остальные и зачем. Убийство Розмари Лабианка в устах Лесли было необходимой самообороной. Лишь после того, как Розмари накинулась на нее с настольной лампой в руках, она “взяла один из ножей, а у Патриции тоже был ножик, и мы обе стали бить ножами эту леди”.

В.: “До сего момента вы вовсе не намеревались причинить кому-либо зло?”

О.: “Именно так”.

В.: “Вы ударили женщину ножом уже после того, как она показалась вам погибшей, Лесли?”

О.: “Я ударила ее ножом, но я не знаю, случилось ли это до или уже после того, как она умерла... Я не знаю, была ли она мертва. Она просто лежала там, на полу”.

В.: “Ударили ли вы ее хоть раз до того, как увидели лежащей на полу?”

О.: “Я не помню”.

То, что Лесли могла забыть подобную вещь, было почти столь же невероятным, как и ее заявление о том, что она не рассказывала Мэнсону об убийствах, пока “Семья” не перебралась жить в пустыню.

С великим тщанием и терпением Кейт старался установить факт раскаяния Лесли в случившемся.

В.: “Лесли, чувствовали ли вы печаль, стыд или вину за то, что принимали участие в обстоятельствах смерти миссис Лабианка?”

О.: *[Молчание.]*

В.: “Давайте, я сделаю это постепенно, шаг за шагом. Что вы чувствуете в связи с этим? Быть может, сожаление, печаль, грусть?”

В зале суда почти ощутимо повеяло холодом, когда Лесли ответила: “Жалость — всего только слово из семи букв. Жалостью ничего нельзя вернуть”.

В.: “Лесли, я пытаюсь установить, что вы чувствуете в связи с гибелью Розмари”.

О.: “Что я могу чувствовать? Это уже произошло. Она погибла”.

В.: “Хотелось бы вам, чтобы этого не случилось?”

О.: “Мне никогда не приходилось жалеть, что я не могу отмотать время назад и что-то там переиначить. Глупая мысль. Такое не может произойти. Человек не способен отменить свои прошлые поступки”.

В.: “Когда вы думаете о случившемся, вам не хочется, скажем, заплакать?”

О.: “Заплакать? Потому, что эта женщина умерла? Если я и заплачу, то только потому, что в мире существует смерть как таковая. Розмари — не единственный умерший человек на свете”.

В.: “Вы раздумываете об этом время от времени?”

О.: “Только когда сижу здесь, в зале суда”.

Большую часть процесса Лесли Ван Хоутен придерживалась амплуа невинной маленькой девочки. Теперь она распростилась с ним, и присяжные впервые увидели, насколько бесчувственна и холодна она на самом деле.

Другая сторона подлинной ее натуры выявилась при допросе Лесли Канареком. Встречая некоторые из его вопросов нетерпимостью и гневом, она выплевывала враждебные, саркастические ответы. И с каждым новым выплеском яда можно было заметить, как присяжные вздрагивают, глядя на нее словно бы впервые. Все сочувствие, какое она только могла собрать ранее, теперь улетучилось. Даже Макбрайд не желал встречаться с нею взглядом.

Лесли Ван Хоутен была признана виновной в двух убийствах. Я считал, что она принимала участие в этих действиях с готовностью и азартом, а потому заслуживает смертной казни. Но я вовсе не хотел, чтобы присяжные вынесли ей такой приговор, основываясь на преступлении, которое Лесли не совершала. Беседуя с ее адвокатом, Максвеллом Кейтом, я заявил, что намерен подчеркнуть на суде, что Лесли вообще даже не бывала дома у Хинмана: “Иначе говоря, присяжные могут решить, что она там была, и это обернет дело во вред твоей подзащитной; по-моему, это неправильно”.

Исходя из этого, я напрямик спросил Лесли в ходе перекрестного допроса: “Рассказывали ли вы кому-либо — еще до выступления в этом зале — о том, что вместе с Сэди и Бобби Бьюсолей-лом побывали в доме Гари Хинмана?”

О.: “Я говорила Патриции”.

В.: “На самом же деле в доме у Хинмана были не вы, а Мэри Бруннер; верно ли это?”

О.: “Ну, это вы так думаете”.

Я постарался не дать Лесли оговорить себя в случае с убийством Хинмана, но поступил как раз наоборот, когда речь зашла об убийстве Розмари Лабианка. Когда я закончил обсуждать с Лесли это преступление, она успела признать, что Розмари могла быть все еще жива, когда Лесли ударила ее ножом; что она нанесла удары не только в ягодицы и, возможно, в шею жертвы, но “могла ткнуть пару раз и в спину”. Как позднее я напомнил присяжным, многие из ножевых ранений в спину Розмари Лабианка были нанесены после ее смерти, но одна из них, рассекая позвоночник жертвы, могла сама по себе вызвать смерть.

Как и ранее с Сэди и Кэти, я всячески подчеркивал туманные места в рассказе Лесли об “убийствах под копирку”. Например, она показала, что была “безнадежно влюблена” в Бобби Бьюсолейла и вполне

серьезно считала, будто эти убийства совершались в попытке вытащить Бобби из тюрьмы; я же, в свою очередь, отметил тот факт, что, имея возможность дать показания на обоих процессах по делу Бьюсолейла, Лесли не захотела выступить в суде — а ведь ее рассказ, будь он правдив, мог в результате послужить причиной освобождения из тюрьмы ее возлюбленного.

На этом этапе перекрестного допроса я решил попытать счастья в “рыбной ловле”. Я не знал наверняка, но сильно подозревал, что Лесли поведала своему первому адвокату, Марвину Парту, подлинную историю убийств. Я знал, однако, что Парт записал на магнитофон эту свою беседу с Лесли, и, не зная точного ее содержания, помнил, как Марвин умолял судью прослушать запись.

Буглиози: “Правда ли, Лесли, что еще до начала этого судебного процесса вы уже говорили кому-то, будто все эти убийства совершены по приказу Чарльза Мэнсона?”

О.: “У меня был назначенный Судом адвокат, Марвин Парт, который настаивал на том, чтобы я...”

Кейт прервал ее, выразив протест: мы вторгались в закрытую область переговоров адвоката с клиентом. В ответ я заметил судье Олдеру, что Лесли сама назвала имя Парта и что у нее имеется право говорить, отказавшись от данной привилегии. Канарек также выразил протест, прекрасно понимая, к чему я могу клонить.

Ван Хоутен: “Мистер Канарек, да заткнитесь же вы, наконец, и дайте ответить на вопрос... У меня был назначенный Судом адвокат по имени Марвин Парт. У него имелось множество идей

— до которых он дошел самостоятельно, — насчет того, как вытащить меня отсюда. Он сказал, что хочет записать на магнитофон кое-что, и в общих чертах описал мне то, что надо было сказать. И я сказала все то, о чем он просил”.

В.: “Что именно вы сказали мистеру Парту?”

О.: “Не помню. Это давно было”.

Я спросил у Лесли, говорила ли она Парту, что убийства совершены по приказу Мэнсона?

О.: “Конечно же, говорила”.

А не говорила ли она Парту, что Мэнсон поехал с остальными во вторую ночь и что, когда они остановились на Вейверли-драйв, Мэнсон покинул машину и вошел в дом Лабианка?

После нескольких уклончивых ответов Лесли выпалила: “Конечно, говорила!”

Судья: “На этом мы прервем наше заседание...”

Ван Хоутен: “Ты злой человек, Буглиози!”

Каждый из свидетелей, входивших в "Семью", прямо отрицал, что Мэнсон ненавидел чернокожих. Однако, в свете недавно полученных мною сведений, некоторые из них выразили эту свою мысль довольно странно. Когда Фитцджеральд спросил у Пицалки: “Любил ли он людей с черной кожей или же ненавидел?”, та ответила: “Он любил их. Это его отец... чернокожий приходится Чарли отцом”. Цыганка показала: “Начатьстого, что Чарли почти всю свою жизнь провел в тюрьме. Поэтому он очень, очень хорошо разбирается в чернокожих. То есть они фактически были ему как отец, знаете ли”. Лесли сказала очень похожую фразу, прибавив: “Если бы Чарли ненавидел чернокожих, тогда ему пришлось бы возненавидеть и себя самого”.

В перерыве я спросил у Мэнсона: “Чарли, твой отец действительно был чернокожим?”

“Чего?” — Казалось, Мэнсон потрясен вопросом, но потому ли, что сама мысль казалась абсурдной, или же потому, что я наткнулся на что-то, тщательно им скрываемое, осталось неясным. Когда же Мэнсон достаточно пришел в себя, чтобы ответить, в его словах не было ничего уклончивого: он ответил категорическим “нет”.

Было похоже, что он говорит правду. Тем не менее сомнения меня не покинули. Не покидают и по сей день.

Следующему свидетелю было не в новинку выступать в суде. Прибывшая из Нью-Хемпшира по просьбе Ирвинга Канарека, Линда Касабьян вновь принесла присягу. Фитцджеральд, Кейт и Шинь противились ее новому появлению в зале суда; Канареку стоило бы прислушаться к их совету, поскольку Линда вновь говорила столь убедительно, что я даже не стал подвергать ее перекрестному допросу. Все более ранние ее показания не поколебались ни на йоту.

Линда жила теперь на маленькой ферме в Нью-Хемпшире с мужем и двумя детьми. Большой любитель побродяжить, Боб Касабьян на поверку оказался надежной опорой, и я был рад услышать, что их брак с Линдой наконец “состоялся”.

Двадцатилетняя Рут Энн Мурхаус, *тик* Уич, однажды поразившая Дэнни ДеКарло признанием, что ей не терпится убить свою первую свинью, повторила уже ставший знакомым припев: “Чарли не был лидером”. Но, однако, “гремучие змеи любили его, и он даже мог играть с ними”, и еще “он умел превращать стариков в юношей”.

Добавив еще несколько надуманных штрихов к общей картине мотива “убийств под копирку”, Уич заявила, что это Бобби Бьюсолейл был отцом второго ребенка Линды Касабьян.

Я спросил у нее: “Вы бы сделали все, что в ваших силах, чтобы помочь Чарльзу Мэнсону и этим трем подсудимым девушкам, не так ли, Уич?”

Когда она уклонилась от прямого ответа, я задал другой вопрос: “Ради них вы пошли бы даже на убийство, верно?”

О.: “Я не способна лишить кого-то жизни”.

В.: “Отлично, давайте поговорим об этом, Уич. Знакомы ли вы с девушкой по имени Барбара Хойт?”

Послушав совета своего адвоката, Уич отказалась отвечать на любые вопросы, затрагивающие попытку убийства Хойт. По закону, когда свидетель отказывается давать ответы при перекрестном допросе, все его прошлые показания могут не приниматься в рассмотрение. Что и произошло в случае Уич.

Следующего свидетеля защиты — девятнадцатилетнего Стива Грогана по прозвищу Клем — с легкостью можно назвать самым большим фантазером из всех. Он спокойно рассуждал о “знаках”, выложенных извилинами его мозга; на вопросы о собственном отце отвечал историями из жизни матери; заявил, что настоящим лидером “Семьи” был вовсе не Мэнсон, а Медвежонок Пух — ребенок, родившийся у Мэри Бруннер от Мэнсона.

Канарек пожаловался у судейского стола, что Олдер улыбается ответам Грогана. На что Олдер ответил: “Могу вас уверить, что не нахожу ничего забавного в этом свидетеле... Зачем было вызывать его, находится за пределами моего понимания, но это дело ваше... Никакие присяжные ни за что не поверят словам этого свидетеля, это я вам гарантирую”.

Юноша, обезглавивший Коротышку Шиа, выглядел полным идиотом. Он постоянно ухмылялся, строил рожицы и даже чаще играл со своей бородкой, чем Мэнсон. И все же его поведение как минимум отчасти было хорошей актерской игрой, что доказывали весьма осторожные ответы Клема.

Так, он вспомнил, что как-то вечером катался на машине вместе с Линдой, Лесли, Сэди, Тексом и Кэти; заявил, что Линда всем им дала ЛСД; настаивал, что Мэнсона с ними не было. При этом Клем постарался не подтвердить догадку, что поездка состоялась в ночь гибели четы Лабианка, — чтобы не впутать заодно и себя самого.

Многие из ответов Клема были прямыми цитатами из Мэнсона. Например, когда я спросил его: “Когда вы влились в “Семью”, Клем?”, то услышал в ответ: “Когда родился с белой кожей”.

Я также расспросил Клема (поскольку эта тема была затронута на прямом допросе) о его аресте в ходе рейда на ранчо Баркера. Какое обвинение было ему предъявлено? — поинтересовался я.

О.: “Меня арестовали за то, что я не сдержал обещания”.

В.: “Какого обещания? Вы что-то пообещали девушке, Клем, или что?”

О.: “Это было обещание вернуть машину к определенному сроку”.

В.: “О, теперь я понимаю. Иногда это еще называют “преступный сговор с целью угона”, не так ли, Клем?”

Защита вызвала очередного свидетеля — Винсента Т. Буглиози. У судейского стола Фитцджеральд признал, что ситуация сложилась необычная: “С другой стороны, в данном деле мистер Буглиози выступил не только как обвинитель, но и как следователь”.

Дэйи Шинь задал мне вопросы о моей беседе со Сьюзен Аткинс и о ее показаниях перед большим жюри. Почему я решил, что Сьюзен не рассказала большому жюри всей правды? — спросил он. Я перечислил причины, заметив, среди прочего, что, по моему убеждению, она убила Шарон Тейт.

В.: “Как вы пришли к такому выводу?”

О.: “Она призналась в этом на свидетельском месте, мистер Шинь, начнем с этого. Кроме того, она рассказала Ронни Ховард и Виржинии Грэхем, что ударила Шарон Тейт ножом”.

Шинь старался реконструировать “соглашение”, по которому Офис окружного прокурора соглашался не требовать применения смертного

приговора в отношении Сьюзен в том случае, если она даст правдивые показания. Уже не я, но Олдер сказал ему у судейского стола: “Сьюзен Аткинс принесла присягу и дала показания по этому делу — о том, что солгала большому жюри. Если какое-то соглашение и имело место, одного этого достаточно, чтобы оно оказалось перечеркнуто”.

Кейт спросил у меня, слышал ли я запись показаний Лесли, сделанную Партом? “Нет”. Обсуждал ли я с адвокатом содержание этой записи? Я снова ответил отрицательно. Допрос, проводимый Канарек, ушел так далеко в сторону, что в итоге судья Олдер был вынужден прекратить его.

Среди свидетелей, появившихся в зале суда в несколько последующих дней, были Аарон Стовитц, Эвелл Янгер (ранее окружной прокурор Лос-Анджелеса, а ныне генеральный прокурор штата Калифорния), адвокаты Пол Карузо и Ричард Кабаллеро, промоутер Лоренс Шиллер. Подробно обсуждались: каждый аспект соглашения от 4 декабря 1969 года; запись рассказа Сьюзен Аткинс; продажа ее истории прессе; ее показания перед большим жюри; увольнение Кабаллеро на следующий день после встречи Сьюзен с Мэнсоном. Наибольшее усердие на протяжении всего процесса Шинь проявил, опрашивая давшего присягу Шиллера: Шинь хотел знать, сколько денег выручено от продажи рассказа Сьюзен; по каким конкретно банковским счетам распределилась эта сумма, с точностью до пенни. Шиню причитался гонорар Сьюзен в уплату за его услуги.

Проведя перекрестный допрос этих свидетелей, я набрал множество очков, весьма весомых. С помощью Карузо, например, мне удалось "протащить" его замечание, сделанное во время встречи 4 декабря 1969 года, о том, что Сьюзен Аткинс, вероятно, не станет давать показания на процессе, “поскольку боится Мэнсона”.

Канарек, однако, одержал одну крупную победу — для стороны обвинения. Допрашивая Кабаллеро, бывшего адвоката Сьюзен Аткинс, он поинтересовался: “Что [Сьюзен Аткинс] рассказала вам о надписях, сделанных кровью в этих трех домах?”

Кабаллеро: “Ирвинг, я же просил не задавать мне этот вопрос.

Очевидно, решив, что Кабаллеро утаивает нечто полезное для его клиента, Канарек повторил свой вопрос снова.

Кабаллеро глубоко вздохнул и ответил: “Она сказала мне, что Чарльз Мэнсон хотел начать *Helter Skelter*, что события развивались не так быстро, как он надеялся, и что слово “свинья” было использовано для того, чтобы люди решили, будто эти преступления совершены неграми, — потому что “пантеры” и подобные им называют истеблишмент “свиньями”, и что это была основная цель, что *Helter Skelter* все никак не начинался, и Чарли собирался превратить весь мир в руины, и что именно поэтому и были совершены эти убийства.

Я просил вас не задавать мне этих вопросов, мистер Канарек”.

Потерпев сокрушительную неудачу в попытке сделать мотив “убийств под копирку” хоть сколько-нибудь правдоподобным, защита перешла к другой тактике. В суд были вызваны известные психиатры, которые подтвердили, что прием ЛСД повлиял на сознание трех подсудимых девушек, причем до такой степени, что они не могут теперь нести ответственность за свои действия.

То была не защита в полном понимании этого слова, но факты, поданные в подобном свете, могли быть представлены как смягчающие обстоятельства — и, если не постараться опровергнуть их, они могли бы качнуть чаши весов в пользу пожизненного заключения.

Первый свидетель, доктор Андре Твид, считался экспертом в вопросах, касающихся ЛСД, но почти все его заявления по этому вопросу резко противоречили показаниям признанных знатоков в этой области.

Твид заявил, что знает об одном случае, когда юноша, принявший ЛСД, услышал голоса, зовущие его убить мать и бабушку — что он и сделал. На основе этого единственного случая, действующие лица которого так и не были поименованы, доктор Твид заключил, что, “находясь под влиянием ЛСД, люди могут производить действия, способные повлечь за собою смерть окружающих”. Доктор Твид также выразил свое личное мнение, согласно которому препарат ЛСД, по-видимому, вызывал функциональные нарушения в мозге.

На перекрестном допросе я выяснил, что доктор Твид лишь однажды встречался с Патрицией Кренвинкль и разговаривал с нею не более двух часов. Нет, он не читал судебной стенограммы и не разговаривал с друзьями и близкими Патриции. Он никогда не проводил контролируемые исследования в области ЛСД, лишь однажды

прочел лекцию на данную тему и не имеет опубликованных научных работ на сей предмет. Когда я спросил, почему он считает себя экспертом по данному вопросу, доктор Твид довольно надменно ответил: “Что такое “эксперт”, если не определение, данное субъектом самому себе на основе собственного опыта? Многие считают меня экспертом, поэтому я уже привык считать, что являюсь таковым”.

В.: “Признаете ли вы доктора Томаса Ангерлейдера из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса экспертом в области ЛСД?”

О.: “Да, признаю”.

В.: “Считаете ли вы его лучшим экспертом в данной области, чем вы сами? ”

О.: “Об этом не мне судить. Я оставляю это другим”.

В.: “Признаете ли вы доктора Дьюка Фишера из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса экспертом в вопросах ЛСД?”

О.: “Да”.

Затем я объявил, что двое упомянутых специалистов опубликовали совместную статью, названную “Фактор приема ЛСД при эмоциональных расстройствах”, где заключили, что “на данный момент не имеется научно подтвержденных данных об органических нарушениях в мозге, вызванных приемом ЛСД”.

Теперь Твид был вынужден признать, что так оно и есть — с оговоркой о современном состоянии проработки проблемы.

24 декабря 1969 года, в городе Мобайл, штат Алабама, Патрицию Кренвинкль освидетельствовал психиатр, доктор Клод Браун. Поскольку Твид в своих выводах отчасти опирался на составленный Брауном отчет, я получил его копию непосредственно перед началом перекрестного допроса.

Ознакомившись с ним, я был приятно удивлен, что следует из моего следующего вопроса, заданного доктору Твиду:

В.: “Формируя свое мнение в отношении Патриции Кренвинкль, принимали ли вы в расчет ее заявление, сделанное доктору Брауну, о том, что в ночь убийств Тейт и остальных Чарльз Мэнсон приказал ей отправиться вместе с Тексом Уотсоном?” После множества протестов и долгих совещаний у судейского стола доктор Твид признал, что принимал это во внимание. Позднее вызванная в качестве свидетеля

Патриция Кренвинкль отвергла правдивость этого заявления, но признала, что действительно говорила об этом доктору Брауну.

Перевес был на нашей стороне. Пытаясь оправдаться, Мэнсон призвал Сэди, Кэти и Лесли засвидетельствовать его непричастность. В свою очередь, я доказал, что каждая из трех ранее говорила третьим лицам, что за убийствами стоит именно Мэнсон.

В отчете Брауна содержались и другие сюрпризы. Кренвинкль сказала доктору, что бежала в Мобайл, “опасаясь, что Мэнсон найдет и убьет ее”^[202]; что в день убийств на Сизло-драйв она *отходила* от кислоты и вечером не принимала никаких наркотиков; что после убийств она “пребывала в постоянном страхе ареста из-за совершенного преступления, но “Чарли сказал, что нас не посмеют и пальцем тронуть”.

Это последнее заявление подтверждало, что Кэти вполне осознавала последствия своих действий.

Это было важно, поскольку из самих вопросов, задаваемых адвокатами, стало ясно, что они пытаются обосновать невменяемость трех подсудимых девушек на момент совершения ими убийств.

По закону штата Калифорния заявление о невменяемости клиента адвокат может внести только *до начала* процесса. В этом случае сразу вслед за разбирательством виновности начинаются слушания о вменяемости подсудимого. В данном случае, однако, никто из адвокатов не внес подобного заявления вовремя. Таким образом, вопрос о том, были ли подсудимые вменяемы на момент совершения преступных действий, может считаться, в некотором роде, не имеющим отношения к делу: присяжные решают совсем другую задачу. С другой стороны, этот вопрос мог быть критически важным. Если защита сумела бы заставить присяжных усомниться во вменяемости подсудимых, это могло бы существенно повлиять на исход их голосования по вопросу о мере наказания для них.

Внезапно передо мной встала задача заново доказать не только вину Мэнсона, но и то, что все три девушки были официально вменяемы.

В большинстве штатов, включая и Калифорнию, официальная проверка вменяемости заключается в применении “правила Макнахтена”. Среди прочих позиций, Макнахтен определяет: в случае, если подсудимый (будь то в результате заболевания или врожденного

дефекта) не сознает свои действия как преступление, это значит, что официально он считается невменяемым. Впрочем, недостаточно, чтобы он сам верил в преступность своих действий: будь это так, тогда любой мог бы самостоятельно устанавливать для себя законы. Например, мужчина мог бы, изнасиловав дюжину женщин, сказать: “Я не считаю, что в сексуальном насилии что-то не так”, — и избежать тем самым уголовного преследования. Упор здесь делается на то, сознает ли он, что общество рассматривает его действия как преступные. Если так, то этот преступник не сможет быть официально признан невменяемым. И действия, направленные исключительно на то, чтобы избежать ответственности (перерезанные телефонные провода, уничтоженные отпечатки пальцев, постоянная смена имен и кличек, выброшенные оружие и одежда), как раз и представляют собой косвенные улики тому, что подсудимый хорошо понимает: общество рассматривает совершенное им как преступление.

Ранее доктор Твид показал, что Патриция Кренвинкль не считала эти убийства преступлением. Теперь же, на перекрестном допросе, я спросил у него: “По вашему мнению, когда Патриция Кренвинкль принимала участие в этих убийствах, верила ли она, что общество считает эти ее действия преступными?”

О.: “На мой взгляд, да”.

Буглиози: “Больше вопросов нет”.

4 марта Мэнсон подровнял бородку, превратив ее в аккуратную вилку, и обрил голову, потому что, как он пояснил репортерам, “я Дьявол, а Дьявол всегда был лыс”.

Любопытно, что на сей раз три подсудимых девушки не последовали его примеру. Когда же Мэнсон устраивал в зале суда очередное представление, они уже не подражали ему, как это бывало в ходе слушаний об их виновности. Очевидно, до них дошло наконец, хоть и поздно, что это лишь подчеркивает власть над ними Мэнсона.

Отрицая, что прием ЛСД способен вызвать окончательные нарушения мозговых процессов, следующий свидетель, психиатр Кейт Дитман, показал, что наркотик может тем не менее отрицательно сказаться на личности человека. Он сказал также, что принимающий ЛСД человек в большей степени оказывается подвержен влиянию

окружающих и что прием наркотика со стороны Лесли *плюс* влияние на нее Мэнсона могли стать мощными факторами, приведшими ее к участию в убийстве.

Ван Хоутен: “Сплошное вранье. На меня повлияли война во Вьетнаме и телевидение”.

На перекрестном допросе я вынудил Дитмана признать, что не все люди реагируют на ЛСД одинаково: это зависит от личностной структуры человека, принимающего наркотик. Затем я выяснил, что сам Дитман никогда не обследовал Лесли; следовательно, не зная ее личностной структуры, он не мог сказать наверняка, какой именно эффект мог оказать (и оказал ли) прием ЛСД на ее мыслительные процессы.

И наоборот: не обследовав ее, доктор Дитман не мог уверенно сказать, имела или не имела Ван Хоутен врожденную склонность к насилию.

На повторном допросе Кейт любопытно спросил: “Что подразумевается под врожденной склонностью к насилию?”

О.: “Скажем, когда человек обладает более ярко выраженным инстинктом убийцы по сравнению со среднестатистическим человеком...”

В.: “Говоря языком психиатров, вы считаете, что у некоторых людей имеется более сильный инстинкт к убийству, чем у других?”

О.: “Ну, враждебность и агрессия постоянно присутствуют в личностной структуре некоторых людей в скрытом или, наоборот, явном виде. В этом смысле эти люди *лучше подготовлены* к совершению насильственных действий, к которым относится и убийство”.

Доктор Дитман только что выразил вслух одну из главных мыслей моей заключительной речи, которую я готовился произнести в конце судебной фазы определения наказания.

Доктор Джоэл Форт, почти вошедший в легенду “врачеватель хиппи в Хейте”, не был похож на собственный образ в общем представлении. Основателю Национального центра решения социальных и медицинских проблем было за сорок, он был одет в строгий, консервативный костюм, говорил тихо и не носил длинных волос (по правде говоря, он был лысым). Рассерженный его

показаниями, Мэнсон выкрикнул: “Если этот тип когда-нибудь видел хиппи, то только проезжая мимо них на своей тачке!”

У Мэнсона имелись все причины злиться. Даже во время прямого допроса доктор Форт помог, скорее, обвинению, чем защите. Автор книги о наркотиках и соавтор еще одиннадцати, доктор Форт заявил, что “сам по себе наркотик не производит волшебной трансформации; существует множество других факторов”.

На перекрестном допросе я обнаружил один из таких факторов. Форт сказал: “У меня сложилось впечатление [после обследования Лесли Ван Хоутен], что влияние мистера Мэнсона сыграло весьма значительную роль в совершении этих убийств”.

Тогда же мне удалось выйти еще на один принципиально важный момент. Чтобы опровергнуть новый аргумент защиты, что девушки принимали ЛСД перед убийствами, а потому не могут быть полностью ответственны за свои действия, я спросил у Форты: “Правда ли, доктор, что люди, находящиеся под влиянием лсд, не имеют тенденции к насильственным действиям?”

О.: “Это правда”.

Все еще сражаясь с выдвинутой стороной обвинения теорией абсолютной власти Мэнсона, Канарек спросил у Форты: “Так, а знаете ли вы хотя бы об одном случае, когда кто-то... Ну, то есть кроме Франкенштейна и ему подобных... знаете ли вы о том, чтобы кто-то мог сидеть сложа руки и программировать людей на какие-то действия? Отправиться куда-то, предположим, и совершать вооруженные ограбления, кражи, нападения. Слыхали ли вы о подобных случаях?”

О.: “Да. В некотором смысле, мы занимаемся этим, программируя солдат во время войны... Армия использует уравнительную групповую технику и насаждает патриотические идеалы в сознание граждан конкретной страны, чтобы получить в итоге желательную схему поведения”.

Доктор Форт был среди тех, кто, в принципе не приемля применение высшей меры наказания, все же посчитал эти убийства настолько жестокими и бессмысленными, настолько лишенными смягчающих обстоятельств, что правосудие, по их мнению, могло свершиться только в том случае, если убийцы будут преданы смерти. Я узнал об этом, разговаривая с доктором в коридоре у дверей зала суда, и он признался, что чувствует себя крайне неловко, будучи вынужден

давать показания для стороны защиты в этом деле. Весьма обеспокоенный пятном, оставленным “Семьей” Мэнсона на всей молодежи, доктор Форт предложил мне дать показания для обвинения на суде по делу Чарльза “Текса” Уотсона; это предложение я позднее принял.

В подобной же “коридорной” беседе я обнаружил, насколько сокрушительными для защиты могут оказаться показания ее следующего свидетеля. Узнав, что на вечернем заседании суда Кейт собирается вызвать доктора Джоэла Саймона Хочмана, я решил сократить ленч, чтобы посвятить полчаса разговору с психиатром.

К моему изумлению, выяснилось, что Максвелл Кейт даже не говорил с собственным свидетелем. Он вызывал его “холодным”. Между тем, если бы Кейт выделил хоть пять минут на эту беседу, он никогда не вызвал бы Хочмана. Ибо доктор, *проведший* собеседование с Лесли, считал, что прием ЛСД не оказал на нее особого влияния; скорее, он считал, что серьезные проблемы у самой Лесли Ван Хоутен.

В своих показаниях, как и в психиатрическом отчете, написанном сразу после обследования, доктор Хочман называл Лесли Ван Хоутен “испорченной маленькой принцессой”, не способной “выносить разочарование и отсрочку поощрений”. С самого детства у Лесли возникали сложности с контролем над собственными импульсами. Когда ей не удавалось добиться своего, она впадала в ярость: например, колотила туфлей свою сводную сестренку.

“Если рассуждать в общем и целом, — заметил Хочман, — становится предельно ясно, что Лесли Ван Хоутен представляла собой заряженное ружье, выстрел которого раздался как следствие возникновения сложной смеси чрезвычайно необычных и даже невероятных обстоятельств”.

Хочман подтвердил мои давние подозрения. Из трех девушек на скамье подсудимых Лесли Ван Хоутен была менее прочих привязана к Чарльзу Мэнсону. “Она вслушивалась в рассуждения [Мэнсона] о философии, но это ее не интересовало”. Кроме того, “она не могла получить от Чарли сексуальную разрядку, и это сильно ее беспокоило. “Я не могу делать это с Чарли так, как это получается с Бобби”, — сказала она”. По словам Хочмана, Лесли всегда притягивала

физическая красота. “Бобби был красавчиком, а Чарльз — нет. Чарльз невысок. А это всегда отталкивало меня в мужчинах”.

И все же Лесли совершила убийство, стоило только Чарли скомандовать.

Кейт спросил у Хочмана: “Доктор, интересовались ли вы, имел ли мистер Мэнсон на протяжении их знакомства какое-либо влияние на Лесли, будь то в ее мыслительном процессе или же в поведении, в конкретных действиях?”

О.: “Она отрицает это. Но я ей не верю”.

В.: “Почему не верите?”

О.: “Ну, я не могу понять, что заставляло ее столь долго находиться при нем, если там ничто ее не интересовало. Думаю, влияние осуществлялось на каком-то подсознательном уровне”.

Как я заметил в заключительной речи, многие приезжали на ранчо Спана, но лишь немногие оставались; те, кто оставался, делали это потому, что находили горькое, суровое лекарство, раздаваемое Мэнсоном, вкусным и освежающим.

По словам Хочмана, в разговоре с ним Лесли выдавала за свои убеждения “нечто вроде примитивного христианства, любовь ко всему миру, приемлемость всего сущего. И я спросил у нее: “Хорошо: веря в это, как можно убивать кого бы то ни было?” Она ответила: “Ну, значит, внутри меня есть и это тоже”.

Максвеллу Кейту следовало остановиться уже здесь. Вместо этого, он спросил у Хочмана: “Как вы это объясняете?”

О.: “Мне кажется, это довольно реалистичный подход. Я думаю, внутри нее действительно *было* нечто, вопреки даже ее привычному отрицанию эмоциональных составляющих; внутри нее присутствовала обращенная вовне ярость”.

Кейт не успокоился и на этом. Теперь он спросил: “Что вы подразумеваете, говоря, будто внутри у Лесли была ярость?”

О.: “На мой взгляд, для того, чтобы убить кого-то, необходимо иметь ярость, проявить сильную эмоциональную реакцию. Мне кажется бесспорным, что подобное чувство присутствовало в ней”.

В.: “Памятуя о том, что Лесли никогда прежде не видела и не слышала о миссис Лабианка, вы полагаете, что в момент убийства она все же испытывала ненависть к потерпевшей?”

О.: “Ну, я полагаю, что убийство миссис Лабианка далось ей тем легче именно потому, что Лесли не была с ней знакома... Сложно убить кого-то, кто вызывает в вас расположение. Не думаю, что в миссис Лабианка было что-либо особенное.

Давайте, я окончательно проясню свою мысль: миссис Лабианка была только объектом, белым экраном, на который Лесли спроецировала свои чувства, совсем как пациент, проецирующий свои чувства на аналитика, которого он не знает лично... свое отношение к матери, к отцу, к истеблишменту...

Мне кажется, она очень долгое время жила в злобе, была чужой среди людей, и гнев, ярость от такой жизни накапливались в ней”.

Хочман произносил один из основных постулатов моего подведения итогов, а именно: Лесли, Сэди, Кэти и Текс носили в себе враждебность и ярость еще до их знакомства с Чарльзом Мэнсоном. Этим они и отличались от Линды Касабьян, Пола Уоткинса, Брукса Постона, Хуана Флинна и Ти-Джея. Когда Мэнсон предложил этим людям совершить ради него убийство, каждый ответил “нет”.

Текс Уотсон, Сьюзен Аткинс, Патриция Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен ответили “да”.

Значит, было в этих людях нечто такое, что заставило их пойти на убийство. Какая-то внутренняя червоточина. И Чарли здесь ни при чем.

Сильно повредив собственной подзащитной, Кейт пытался свалить ее вину на Мэнсона. Фитцджеральд, допрашивавший доктора Хочмана вслед за ним, сделал наоборот. Он старался снизить важность влияния Мэнсона на Лесли. Спросив у Хочмана, каково же было на самом деле пресловутое влияние Мэнсона, Кейт получил такой ответ: “Его идеи, его присутствие, роль, которую он играл в своих взаимоотношениях с нею, служили поддержкой множеству ее чувств и стремлений. Они закрепили их, дали Лесли способ и дальше углублять ее базовую социальную отчужденность, ее самоотстранение от истеблишмента”.

В.: “Значит, на самом деле, ваше мнение сводится к двум пунктам: а) Мэнсон мог, вероятно, иметь некоторое влияние и б) если он имел какое-то влияние, оно могло лишь снизить ее контроль над собственными импульсами; я правильно вас понял?”

О.: “Да”.

В.: “Стало быть, любое влияние, которое Мэнсон оказывал на Лесли Ван Хоутен, в лучшем случае может считаться незначительным. В этом и состоит ваше профессиональное мнение, не так ли?”^[203]

О.: “Позвольте, я приведу еще один пример, который прояснит это... Предположим, кто-то входит сюда и говорит: “Давайте съедим весь яблочный пирог, целиком”. Очевидно, ваше искушение стимулируется этим предложением, но ваше окончательное решение — есть пирог целиком или ограничиться кусочком — исходит только от вас. Значит, посторонний имеет на вас некоторое влияние, но не является последним арбитром или человеком, принимающим окончательное решение в данной ситуации...

Некто может предложить вам застрелить кого-то другого, но ваше решение на сей счет — стрелять или нет — будет исходить только от вас”.

Когда подошла очередь Канарека, он тут же пошел по свежему следу. “То есть, в таком случае, вы объясняете нам, понятным каждому языком, что, когда кто-то берет в руки нож и наносит удар, решение сделать это было его личным решением?”

О.: “В общем анализе, так”.

В.: “Это личное решение, принятое человеком, нанесшим удар?”

О.: “Да”.

Как это ни странно, мы с Канареком были теперь заодно. Мы оба стремились доказать, что девушки были готовы к совершению убийства вне всякой зависимости от Мэнсона.

Мэнсон был очень впечатлен выступлением Хочмана и поначалу даже хотел устроить собеседование с ним. Впрочем, я лишь вздохнул с облегчением, когда позднее он отказался от этой идеи. Меня не сильно беспокоило, что Мэнсон мог обвести Хочмана вокруг пальца. Но даже в том случае, если бы Хочман не поверил Мэнсону, Канарек обязательно “протащил” бы в зал суда содержание разговора. Таким образом, используя Хочмана как посредника, Мэнсон мог бы огласить в присутствии присяжных все, чего бы только ни захотел, — тогда как я оказался бы не в состоянии возразить ему на перекрестном допросе.

Хочман нашел в истории жизни всех трех девушек “немало признаков раннего отчуждения, раннего антисоциального или

девиантного поведения”. Еще до того, как присоединиться к “Семье”, у Лесли было куда больше эмоциональных проблем, чем у среднего человека. Сэди активно стремилась “воплотить в жизнь” все предостережения своего отца, стать чем-то, что окончательно отвратило бы его от нее. “Теперь она считает, оглядываясь назад, — заметил Хочман, — что даже не познакомься она с Чарльзом Мэнсоном, то все равно оказалась бы в тюрьме за убийство или за попытку вооруженного ограбления”. Первый сексуальный опыт Кэти приобрела в пятнадцать лет. Парня она больше никогда не видела и впоследствии невыносимо страдала от комплекса вины. Мэнсон снял этот комплекс. Кроме того, позволив Кэти вступить в “Семью”, он даровал ей социальное принятие, к которому она столь отчаянно стремилась.

Из всех трех Хочман выделял Сэди как испытывающую наибольшее раскаяние: она часто говорила, что не хочет жить дальше. И все же он заметил: “Потрясает полное отсутствие в этой девушке морали и сознательности в общепринятом смысле”. Кроме того, Хочман признал: “Она не вызывает признаков дискомфорта или неприятия по поводу своих теперешних условий, вынесенного ей вердикта или возможной смертной казни. Напротив, в настоящее время она производит впечатление совершенно спокойного человека, в мире с самим собой и с окружающими”.

По словам Хочмана, все три девушки “отрицают наличие у них чувства вины по какой бы то ни было причине”. По его мнению, они действительно верят в то, что добра и зла не существует, что мораль — понятие относительное. “Впрочем, я сам, как психиатр, знаю, что человек не может рационально расправиться с чувствами, обитающими на иррациональном, подсознательном уровне. Нельзя доказать себе, что убийство — это хорошо, если всю свою жизнь ты знал, что убивать плохо”.

Короче говоря, доктор Хочман считал, что как личности эти три девушки все же чувствуют вину глубоко внутри, хоть и стараются подавить это чувство при помощи сознания.

Кейт спросил у Хочмана: “Как вы думаете, доктор, может ли Лесли оказаться восприимчивой к интенсивной терапии?”

О.: “Да, это возможно”.

В.: “Другими словами, вам не кажется, что Лесли — такая потерянная душа, что никогда не сможет перевоспитаться?”

О.: “Нет, я не думаю, что она *настолько* потеряна, нет”.

Ни один психиатр не может утратить надежду на исправление преступника. Это обязательные, стандартные показания. И все-таки один лишь Максвелл Кейт задал этот вопрос — и то на повторном допросе!

Ранее я выяснил, что Хочман полагался только на слово девушек, рассказавших ему, что в обе ночи они принимали ЛСД. Теперь я спросил: “Приходилось ли вам читать в посвященной ЛСД литературе о достоверно известном случае, когда некто совершил убийство, находясь под влиянием этого препарата?”

О.: “Нет. Самоубийство, но не убийство”.

Как позднее я спрошу у присяжных, разве могли Уотсон, Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен — *все четверо* — оказаться исключениями?

Изрядная доля показаний Хочмана касалась умственного состояния трех девушек. Сьюзен Аткинс страдает от расстройства, вполне поддающегося диагностике, сказал он: приобретенного в раннем детстве синдрома утраты, вследствие дальнейшего развития которого она имеет теперь истерический тип личности.

Данное расстройство не входит, однако, в перечень официально признанных душевных заболеваний, составленный Макнахтенем.

Лесли Ван Хоутен представляет собой незрелую, необыкновенно импульсивную личность, имеющую тенденцию к спонтанным действиям без последующей рефлексии.

Макнахтен также не признает это официальной невменяемостью.

В своем отчете о состоянии Кренвинкль доктор Клод Браун, психиатр из Мобайла, написал, что “на момент моей встречи с мисс Кренвинкль она демонстрировала шизофренические реакции”. Он тут же добавил, впрочем: “Я не могу заявить с какой-либо степенью уверенности, что данный психоз имел место на момент совершения предполагаемых убийств”.

Шизофрения *может* быть официально признана невменяемостью по определению Макнахтена. Но мнение доктора Брауна не было окончательным, и, когда Фитцджеральд спросил Хочмана, согласится ли он, уже обследовав Кренвинкль, с мнением, что та действительно является (или являлась) шизофреничкой, доктор ответил: “Я бы сказал, нет”.

Оставалось лишь передать эти выводы присяжным, облекши их в доступную для их понимания форму.

На перекрестном допросе я попросил Хочмана расшифровать термин “психоз”. Тот ответил, что это означает “потерю контакта с реальностью”.

Затем я спросил его: “В настоящее время, доктор, считаете ли вы, что любая из этих трех девушек на скамье подсудимых страдает от психоза?”

О.: “Нет”.

В.: “По вашему мнению, ни одна из них никогда не страдала от психоза?”

О.: “Именно так”.

Буглиози: “Могу я подойти к свидетелю, Ваша честь? Хочу задать ему один вопрос приватно”.

Судья: “Да, пожалуйста”.

Однажды я уже поднимал эту тему в разговоре с доктором Хочманом, но должен был быть абсолютно уверен в его ответе. Едва получив желаемое, я вернулся к своему столу и задал несколько менее важных вопросов, чтобы присяжные не догадались о теме нашей беседы. Затем я постепенно подвел его к тому месту, где мы остановились ранее.

В.: “Термин “безумие” — вы, разумеется, знакомы с ним, доктор?”

О.: “Да”.

В.: “Дали бы вы, в самых общих чертах, такое простое определение этому термину: “безумен” тот, кто страдает от психоза?”

О.: “Я бы сказал, скорее, что под словом “безумец” люди, как правило, подразумевают человека, страдающего от психоза”.

В.: “Значит, с точки зрения психиатрии и, как я понимаю, с вашей собственной, никто из этих трех девушек в настоящее время не безумен и никогда не был безумен — это верно?”

О.: “Да, это верно”.

Показания психиатров уже можно было сворачивать: с появлением в зале суда доктора Хочмана “игра в мяч” завершилась.

Во время слушаний о назначении наказания защита вызвала еще только трех свидетелей, причем все трое были из самого ядра “Семьи”. Каждая из свидетельниц выступала совсем недолго, но их показания, в

особенности некоторые ответы первой из трех, шокировали присутствующих ничуть не меньше, чем все, что им пришлось слышать ранее.

Кэтрин Гиллис, чья бабушка владела ранчо Майерса, повторила обычные для членов “Семьи” слова: Чарли никогда никого не возглавлял; не велось никаких разговоров о межрасовой войне; убийства совершены с целью освобождения Бобби Бьюселейла.

Холодно и деловито девушка двадцати одного года от роду показала, что в ночь убийства четы Лабианка “я пошла за Кэти к машине и спросила, можно ли мне поехать с ними. Линда, Лесли и Сэди уже сидели в автомобиле. И они ответили, что для того, зачем они едут, людей вполне достаточно, так что мне ездить не стоит”.

На прямом допросе, проводимом Канарекком, Кэтрин показала: “Знаете, я не прочь убить кого-то ради брата, мы все готовы на убийство”.

В.: “Что вы имеете в виду?”

О.: “Другими словами, чтобы вытащить брата из тюрьмы, я могла бы убить. Я убила бы той ночью, да только не поехала...”

В.: “Что именно помешало вам отправиться вместе с остальными, если такая помеха имела место?”

О.: “Только то, что они меня не взяли”.

Очевидно, Фитцджеральд надеялся как-то смягчить ее ответ, спрашивая: “Приходилось ли вам лично убить человека, чтобы вытащить кого-то другого из тюрьмы?”

Со странноватой улыбочкой на губах, Кэтрин обернулась и, глядя прямо на присяжных, отчетливо произнесла: “Пока нет.”

На прямом допросе Кэтрин заявила, что Кэти рассказывала ей об убийствах Тейт — Лабианка. Когда подошла моя очередь, я спросил: “Неужели, когда Кэти говорила вам о том, что они убили этих людей, это никак вас не беспокоило?”

О.: “Я особо ничего и не почувствовала, потому что знала причину, по которой они сделали это”.

В.: “Значит, это вас не расстроило?”

О.: “Нет, вообще никак не задело”.

В.: “То есть вы не посчитали невозможным для вас продолжать жить вместе с убийцами?”

О.: “Видимо, нет”.

В.: “Расстроились ли вы, когда не поехали вместе с остальными?”

О.: “Я хотела поехать”.

Мэри Бруннер, самая первая участница “Семьи” Мэнсона, заявила, что полицейские обещали обвинить ее саму в убийстве, если только Мэри не укажет на участие Мэнсона в убийстве Хинмана. Теперь она отказалась от этих своих показаний и объявила, что ни разу даже не была у Хинмана дома.

Кейт добился от Мэри признания, что она давала показания на втором процессе по делу Бобби Бьюсолье и перед большим жюри по делу об убийстве Хинмана, но ни единым словом не упомянула о присутствии на месте преступления Лесли Ван Хоутен.

У меня не возникло вопросов к Мэри. Все и так было достаточно ясно.

Бренда Макканн дала присягу, чтобы заявить: в обе ночи убийств Тейт и Лабианка она видела Мэнсона спящим со Стефани Шрам в каньоне Дьявола.

Фундамент для моего перекрестного допроса Бренды был заложен пятнадцать месяцев назад. Я поставил ее слова под сомнение, напомнив о показаниях, данных Брендой перед большим жюри, когда она объявила, что не помнит, где она сама или Мэнсон находились в каждую из этих ночей.

Бренда давала показания последней. Она закончила выступление во вторник, 16 марта 1971 года. В тот же вечер, несмотря на различные проволочки (Канарек, например, опротестовал упоминание в протоколе факта смерти Гари Хинмана), защита закончила. В среду мы работали над инструкциями для присяжных, и уже в четверг процесс достиг финальной стадии. Оставалось лишь произнести заключительные речи, дожидаться конца совещания присяжных и выслушать вынесенный ими вердикт.

18–29 марта 1971 года

Моя вступительная речь на слушаниях о назначении наказания была короткой и продолжалась не более десяти минут. Как и с

прежними моими выступлениями во время процесса, Мэнсон решил пересидеть ее вне зала суда, в закрытом помещении. Стоящая за этим решением психология очевидна: Чарли не хотел, чтобы присяжные концентрировали на нем свое внимание, пока я говорю о нем.

Я начал свою речь, сказав: “Я не стану обращаться к отчаянной попытке трех подсудимых девушек показать, что Чарльз Мэнсон якобы не был вовлечен в эти убийства. Уверен, все вы прекрасно видели, что они лгали в этом зале, стараясь сделать все возможное для их бога, Чарльза Мэнсона.

Что же, Чарльз Мэнсон уже признан виновным. Он виновен в семи убийствах первой степени и в сговоре с целью совершения убийства.

Сложность вашего теперешнего решения, леди и джентльмены, как я это себе представляю, заключена не в самом вопросе, заслуживают ли подсудимые смертной казни. Если помнить о совершенных ими невероятно жестоких, варварских, нечеловеческих убийствах, то высшая мера наказания покажется единственно возможным наказанием”. Затем я выразил самую суть своей речи: *“Если это не тот случай, когда следует назначить наказание в виде смертной казни, тогда ни одно преступление вообще не заслуживает этой меры.* В свете содеянного этими людьми пожизненное заключение будет величайшим подарком в истории, величайшим проявлением великодушия, самой щедрой милостыней.

Сложность предстоящего вам выбора, как я понимаю, в том, достанет ли у вас стойкости вынести вердикт о смертной казни для каждого из четверых подсудимых”.

Адвокаты защиты, предвидел я, будут молить о сохранении жизни своим клиентам. И это не только достойно всяческой похвалы, сказал я присяжным, но и совершенно понятно — точно так же, как и то, что адвокаты “на протяжении всего разбора вины доказывали, будто подсудимые вовсе не замешаны в убийствах, хотя совсем недавно эти три девушки под присягой отчетливо произнесли: “Да, это мы их убили”.

Этим подсудимым не потребовалось никаких причин для того, чтобы безжалостно, зверски расправиться со своими жертвами, лишиться жизни семерых ни в чем не повинных людей, заметил я. У них *не было* смягчающих вину обстоятельств.

“Эти подсудимые не люди, леди и джентльмены. У людей есть сердце и душа. И никто из обладающих сердцем и душой не мог бы сотворить то, что эти подсудимые учинили над семьей своими жертвами.

Эти подсудимые — чудовища в человеческом обличье, люди-мутанты.

У судебного процесса по делу об убийствах Тейт — Лабьянка может быть лишь один логический конец, заключил я, — это вынесение вердиктов о смертной казни для каждого из подсудимых”.

В самом начале своей речи Канарек произнес любопытное заявление: “Мистер Мэнсон отнюдь не соткан из добра”. Впрочем, продолжал он, “мистер Мэнсон не виновен в тех злодеяниях, о которых мы говорим здесь”.

Почему же тогда его предали суду? Канарек вернулся к двум излюбленным своим темам: “На долю мистера Мэнсона выпало немало неприятностей, потому что ему нравятся девушки”. Он оказался на скамье подсудимых “только оттого, что кому-то в Офисе окружного прокурора захотелось заработать еще одну золотую нашивку и суметь гордо объявить: “Я поймал Чарльза Мэнсона”.

Речь Канарека растянулась на три дня. Порой она принимала даже нелепые формы; например, он сказал: “Мы можем послужить своей стране как граждане Соединенных Штатов Америки, если даруем этим людям жизнь, поскольку, если революция возможна, противное решение может стать искрой, которая разожжет ее”. Порой речь Канарека оснащалась ненамеренной игрой слов; так, он заявил, что, в отличие от Патриции Кренвинкль и Лесли Ван Хоутен, “у Чарльза Мэнсона нет семьи, которая могла бы выйти сюда и дать показания в его пользу”. Но в основном Канарек просто старался заронить в присяжных семя сомнений.

Зачем, если Сьюзен Аткинс лгала, давая показания только чтобы выгородить Мэнсона, ей было вовлекать его в убийство Хинмана? Разве тот факт, что, защищая людей, живущих на ранчо Спана, Мэнсон сам застрелил Кроуи, не говорил о том, что ему не было нужды приказывать другим действовать вместо него? Если эти девушки лгали, свидетельствуя о непричастности Мэнсона к убийствам, разве они не солгали бы о своем раскаянии и скорби?

Канарек лишь вскользь упомянул мотив “убийств под копирку”; он даже не пытался отстаивать его. Вместо этого он предложил еще один альтернативный мотив собственного сочинения: “Если б не то обстоятельство, что, по крайней мере, некоторые из этих людей [подразумевались, вероятно, убитые на Сиэло-драйв] занимались какими-то махинациями с наркотиками, тогда эти печальные события вообще не произошли бы”.

Дэйи Шинь, говоривший следующим, уцепился за заявление доктора Хочмана о том, что, по его мнению, эти девушки чувствовали если не сознательное, то подсознательное раскаяние.

Что касается Сьюзен, “она еще очень молода, — заявил Шинь.

— Ей только двадцать два года. Я верю, что надежда о ее исправлении еще не умерла... Быть может, когда-нибудь она исправится до такой степени, что сама поймет наконец, что совершенное ею не было хорошим поступком. Я верю, что она заслуживает шанса, малейшей возможности выйти когда-нибудь на свободу и прожить остаток жизни вне тюремных стен”.

То была весьма неудачная стратегия со стороны Шиня, поскольку подразумевала: будучи приговорена к пожизненному заключению, Сьюзен Аткинс когда-нибудь сможет быть отпущена на волю и отбывать остаток заключения условно. По закону, обвинение не может упоминать об этом, ведь это может сильно повредить подсудимому.

Из четверых адвокатов защиты Максвелл Кейт произнес лучшую вступительную речь. Он также оказался единственным, кто действительно попытался опровергнуть мои доводы.

“Мистер Буглиози говорит вам, что если смертная казнь не соответствует данному преступлению, тогда она не должна применяться ни к одному преступнику. Итак, я хочу понять, следует ли вообще применять подобное наказание?

В конце своего выступления при разборе вины этих людей мистер Буглиози зачитал вам имена убитых. Позвольте, я теперь прочитаю для вас, леди и джентльмены, список “живых мертвецов”: Лесли, Сэди, Кэти, Пищалка, Бренда, Уич, Сэнди, Кэтрин, Цыганка, Текс, Клем, Мэри, Змея, и, вне сомнений, этот список далеко не полон. Эти жизни, и жизни этих трех юных девушек в особенности, были настолько изувечены, что в некоторых случаях, возможно, спасти их уже не удастся. Я надеюсь, что дело обстоит иначе, но это все же возможно”.

Лесли Ван Хоутен, настаивал Кейт, еще способна исправиться. Ее необходимо обследовать, но не убивать. “Я не прошу вас сейчас простить ее, хотя прощение — высший акт христианского милосердия. Я прошу вас только дать ей шанс восстановить саму себя. Она заслуживает того, чтобы дать ей возможность жить. Содеянное ею не было делом рук настоящей Лесли. Пусть сегодняшняя Лесли погибнет — и она умрет, медленно и, наверное, болезненно. Но пусть Лесли, которой она некогда была, снова восстанет к жизни”.

Нигде на протяжении всей речи Пола Фитцджеральда, которая последовала затем, адвокат не заявил и даже не намекнул, что именно Мэнсон ответственен за произошедшее с Патрицией Кренвинкль.

“Патриции Кренвинкль двадцать три года, — отметил Фитцджеральд. — Если в году 365 дней, то эта девушка прожила среди нас примерно 8400 дней, или, приблизительно, 200 тысяч часов.

Совершение вменяемых ей преступлений заняло, в лучшем случае, около трех часов.

Неужели мы будем судить эту девушку за то, что произошло всего за три из этих 200 тысяч часов?”

23 мая, перед самым началом судебного заседания, я отошел от своего стола к питьевому фонтанчику. Мэнсон, сидящий взаперти неподалеку, довольно громко крикнул мне: “Если меня приговорят к смерти, прольется немало крови. Потому что я не собираюсь позволить убить себя”.

И судебный пристав, и мой помощник Стив Кей слышали это замечание. Кей, не сдержавшись, выскочил за дверь зала и повторил это высказывание журналистам. Узнав об этом, я обратился к репортерам с просьбой не публиковать этот материал. “Геральд экзаминер” не согласилась и мгновенно выпустила номер с сенсационной шапкой:

МЭНСОН УГРОЖАЕТ СМЕРТЬЮ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О МАССОВОМ ТЕРРОРЕ
В СЛУЧАЕ ВНЕСЕНИЯ СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА

Еще ранее, однако, судья Олдер, узнавший о произошедшем, принял решение не дожидаться окончания слушаний и секвестровать присяжных немедленно.

В своем заключительном слове я перебрал, пункт за пунктом, все прежние заявления защиты и возразил на каждое. Например, защита объявила, что Линда пересказала на суде услышанную где-то запись признания Сьюзен Аткинс. Зачем Линде было слушать какие-то там записи, спросил я, если она сама присутствовала при событиях обеих ночей?

Канарек сказал присяжным, что, вернувшись с вердиктом о смертной казни, они сами станут убийцами. То было очень серьезное заявление. В поддержку его Канарек зачитал пятую заповедь: “Не убий”.

В ответ я сообщил присяжным, что большинство исследователей Святого Писания и теологов интерпретируют данную мысль следующим образом: “Ты не должен совершать разбойных убийств” — именно так это и звучит в издании Новой английской Библии 1970 года.

Десять заповедей цитируются в 20-й главе Книги Исхода, напомнил я. Канарек забыл упомянуть лишь об одном: о том, что уже в следующей главе смертная казнь узаконивается. Книга Исхода, глава 21, стих 12. Читаем: “Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти”, тогда как стих 14 той же главы гласит: “А если кто с намерением умертвит ближнего коварно и прибежит к жертвеннику, то и от жертвенника Моего бери его на смерть”.

Канарек доказывал, что Мэнсон не располагал вообще никакой властью. В дополнение ко всем свидетельским показаниям, прозвучавшим при разборе виновности подсудимых, я заметил теперь, при определении наказания: “Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен сыграли роль жертвенных агнцев и признались в совершении убийств, а затем лгали в этом зале о том, что Мэнсон ни при чем; уже сам факт, что они с готовностью лгали с этого свидетельского места, доказывает, тем очевиднее, власть над ними Мэнсона...” Что же до остальных свидетелей “Семьи” — Пищалки, Сэнди и прочих, — то “их голоса раздавались в этом зале будто заезженная пластинка. У них одни и те же мысли; они пользуются одними и теми же словами; каждый из них был точной копией другого. Они по-прежнему полностью подвластны и подчинены Чарльзу Мэнсону. Все они — его помеченные “Х”-рабы”.

Я перешел теперь к мотиву “убийств под копирку”. Моей задачей было полностью уничтожить порожденные им сомнения, но не

задерживаться на данном предмете слишком долго, чтобы не показалось, будто я сам воспринимаю его как правдоподобную причину для убийств.

“Это просто смешно, леди и джентльмены, — начал я, — с каким упрямством три подсудимых девушки и свидетели защиты пытались переложить на других вину Чарльза Мэнсона.

Им пришлось изобрести новый мотив убийств, другой, чем *Helter Skelter*. Почему? Да потому, что в ходе разбора вины подсудимых не менее десяти свидетелей окончательно и бесповоротно связали Мэнсона с *Helter Skelter*; теперь они уже не могли назвать тот же мотив, ведь тем самым они сказали бы: “Да, Чарльз Мэнсон задумал эти убийства”. Отсюда и “убийства под копирку”.

Я могу назвать вам от двадцати до тридцати отдельных причин, почему я считаю очевидным, что эта бессмысленная история, преподнесенная защитой, шита белыми нитками, но я не стану занимать вашего времени, поскольку не хочу оскорбить вас недоверием к вашим собственным способностям к рассуждениям и оценке”. Впрочем, несколько из этих причин я все же назвал:

Линда Касабьян показала, уже во время определения наказания, что ни разу не слышала от кого-либо про идею совершения убийств ради освобождения Бобби Бьюсолойла.

Гари Хинмана ударили ножом не более четырех раз. Войтека Фрайковски — пятьдесят один раз, Розмари Лабианка — сорок один раз, Лено Лабианка — двадцать шесть раз. Разительное, надо сказать отличие, если речь идет об “убийствах под копирку”.

Кроме того, если эти новые убийства должны были в точности воспроизвести первое, почему в домах Тейт и Лабианка не была обнаружена надпись “POLITICAL PIGGY”? И почему там не нарисовали кровавого отпечатка кошачьей лапы?

Наиболее мощная улика, отмечающая этот смехотворный мотив, заметил я, относится к февралю 1969 года, когда, “еще задолго до убийства Хинмана, которое можно было бы скопировать, задолго до надписи “POLITICAL PIGGY”, Мэнсон объявил Бруксу Постону и другим членам “Семьи” (включая и трех соот-ветчиц): “Банда настоящих черных выберется из гетто и совершит какие-нибудь злодеяния в богатых кварталах Лос-Анджелеса и других городов. Они

сделают что-то ужасное, с поножовщиной, убийствами, напишут “PIGS” на стенах”...

Напишут “PIGS” на стенах, медленно повторил я.

Значит, слово “PIG” в домах Тейт и Лабианка попросту было частью плана Мэнсона, старавшегося начать *Helter Skelter*, а вовсе не попыткой в точности скопировать обстоятельства убийства Хинмана.

Отчего-то, заметил я, мистер Канарек ни разу не попытался объяснить вам, зачем на дверце холодильника в доме Лабианка были начертаны кровью слова “HEALTER SKELTER”. Какое отношение имеет *Helter Skelter* к освобождению Бобби Бьюсолей-ла или к предполагаемой покупке МДА в усадьбе Тейт? Абсолютно никакого, в этом-то и дело. Слова “HEALTER SKELTER” появились на дверце холодильника, принадлежащего чете Лабианка, только потому (и все представленные на процессе улики говорят в пользу такого вывода), что принципиальным мотивом этих жестоких убийств является *Helter Skelter*. Никаких сомнений и быть не может.

Да, признал я, связь между убийством Хинмана и убийствами Тейт — Лабианка все же имеется. Но это не глупая чепуха про Бобби Бьюсолейла. Связь заключена в ином: убийства Тейт — Лабианка совершены по приказу мистера Мэнсона, но он же приказал убить и Гари Хинмана. Вот и вся связь”.

Что касается заявления Сьюзен Аткинс о том, что это Линда Касабьян измыслила все эти убийства, то, как я напомнил, она впервые сказала об этом лишь во время назначения наказания подсудимым, и тогда “Линда Касабьян вдруг ни с того ни с сего превратилась в Чарльза Мэнсона”.

Я отметил некоторые причины, почему вся эта история выглядит абсурдной нелепицей, — и среди них смехотворность ситуации, когда покорная, привыкшая подчиняться другим Линда всего за месяц перехватывает бразды правления “Семьи”. “Лишь один человек, леди и джентльмены, приказал совершить эти убийства, и его инициалы — Си Эм. У него имеется и кличка: Джей-Си. Он находится недалеко отсюда, в закрытом, охраняемом помещении, и вслушивается сейчас в мои слова...”

Самая большая нелепость во всем этом, похоже, заключалась в том, что Сэди и Цыганка предположительно целых полтора года носили в себе свой маленький секрет, в своем готовом к лжесвидетельству

сердце. Обе не только не рассказали другим участникам “Семьи” о нем, но даже не излили душу адвокату Мэнсона, хотя обе говорили в зале суда о своей любви к Чарли и о готовности умереть ради него.

“Так почему же они не рассказали об этом “истинном” мотиве? Да потому, что он еще не существовал. Его сфабриковали совсем недавно”.

Что же до алиби Мэнсона — он якобы провел обе ночи, уединившись со Стефани Шрам в каньоне Дьявола, — то “разве это не кажется странным? Все помеченные знаком “Х” рабы Мэнсона говорили об этом в ходе слушаний о мере наказания, и лишь тот самый человек, Стефани Шрам, с которой Мэнсон якобы проводил эти ночи, показала, что его с нею не было?”

Затем я перешел к вопросу, следует ли применить смертную казнь к четверым подсудимым.

Как мне кажется, наиболее сильным аргументом в пользу высшей меры наказания является фактор сдерживания, предотвращения новых преступлений: применение смертной казни может дополнительно сохранить человеческие жизни. К несчастью, по закону Калифорнии обвинение может говорить лишь о возмездии, но не о сдерживании.

“Эти убийства, леди и джентльмены, не были типичными. Подсудимые объявили обществу настоящую войну и в ходе ведения этой войны совершили невыразимые зверства. Если преступники, совершившие подобное, не получают кары в виде смертной казни, тогда типичный убийца первой степени заслуживает лишь десяти дней заключения в окружной тюрьме”.

Фитцджеральд привел довод, что казнь подсудимых не вернет к жизни павших от их рук семерых человек, но, “если мы продолжим ту же логическую линию, никто и никогда не будет наказан за любое преступление: ведь наказание виновного не стирает того факта, что проступок имел место”. Например, “не стоит наказывать совершившего поджог преступника, поскольку его наказание не отстроит уничтоженный пожаром дом заново”.

В Калифорнии смертная казнь не может применяться к лицам семнадцати лет и моложе. Фитцджеральд постоянно говорил о трех подсудимых девушках, как об “этих детях”, и мне пришлось напомнить присяжным, что Лесли двадцать один год, Сьюзен двадцать два и Кэти — двадцать три. “По любым меркам, они уже взрослые и несут полную ответственность за свои действия”.

В отношении мнения защиты о неменяемости трех девушек я напомнил лишь о том, что доктор Хочман — единственный психиатр, обследовавший каждую из трех, — заявил в своих показаниях, что они отнюдь не неменяемы и никогда ими не были.

Доктор Хочман показал, что все три способны пойти на убийство, отметил я. “Он не сказал, что любой из нас может замыслить убить человека и выполнить этот замысел. Между тщательно обдуманым, безжалостным убийством и причинением смерти по неосторожности, из самозащиты или ради защиты других, лежит огромная пропасть. И никому не удастся убедить меня, леди и джентльмены, что все мы способны убивать незнакомых нам людей без всякой на то причины, как это сделали три девушки на скамье подсудимых.

Чтобы повторить их деяния, требуются люди с особым типом личности. Требуется человек, ни во что не ставящий жизнь окружающих.

Верно, Уотсон, Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен совершили убийства по приказу Чарльза Мэнсона, но правда также и в том, что они ни за что не послушались бы подобного приказа, если убийство уже не бежало бы по их жилам, уже не входило бы в их систему. Мэнсон просто сказал им: сделайте то, на что вы способны”.

Более того, не существует никаких, ни малейших улик в поддержку предположения, что Мэнсон *насиленно заставил* Уотсона и девушек убивать ради него. “Фактически, улики показывают, что они пошли на убийство с готовностью, с удовольствием. Кажется, эту готовность выражали почти все члены “Семьи”. Вспомните о показаниях Кэтрин Гиллис. Вспомните, как Сьюзен Аткинс бросила Хуану Флинну: Мы отправляемся замочить нескольких гребаных свиней”. Разве похоже, чтобы эти слова были сказаны кем-то, кто лишь с большой неохотой подчинился приказу?”

Мэнсон приказал совершить убийства, но Уотсон и три девушки лично выполнили приказ, “потому что им этого хотелось. Ошибиться невозможно. Если убийство было им противно, *они попросту могли отказаться, ничего более от них и не требовалось*”.

Я погрузился в исследование мотивации девушек. “Как и у прочих представительниц женской части “Семьи”, у них имелся один знаменатель на всех. Очевидно, что глубоко внутри каждой укоренилось сильное неприятие, антипатия, резкое чувство отвращения

по отношению к обществу, к собственным родителям”. Каждая из трех выпала из окружения еще до знакомства с Чарльзом Мэнсоном; каждая принимала ЛСД и другие наркотики до их первой встречи; каждая отвергла собственную семью прежде, чем увидеть Мэнсона впервые.

Глядя прямо в глаза присяжной по имени Джин Роузленд, у которой, я знал, имелись две дочери-подростка, я произнес: “Не следует путать подсудимых с девушками, живущими по соседству с вами. Эти три девушки на скамье подсудимых отреклись от своих семей и от общества, оборвали все родственные связи и затаили обиду на окружающих еще до того, как познакомились с Мэнсоном.

Фактически, именно поэтому они в итоге оказались рядом с ним — потому лишь, что еще до того сознательно и намеренно порвали все нити, что привязывали их к родным и близким, к обществу в целом. Вот в чем причина.

Сам Мэнсон послужил только катализатором, той движущей силой, что обратила уже теплящееся в них отвращение и ненависть к обществу и людям, его составляющим, в насилие”.

У меня было предчувствие, что Максвелл Кейт может привести в самом конце слушаний один последний довод, который я постарался назвать и опровергнуть самостоятельно. “Вам наверняка уже приходила в голову мысль, что, какими бы испорченными и безнравственными ни казались эти три девушки, по сравнению с Чарльзом Мэнсоном они выглядят и близко не настолько опасными и порочными; значит, давайте тогда приговорим Мэнсона к казни, а этих девушек — к пожизненному заключению.

Единственная проблема подобного подхода заключается лишь в том, что девушки только *выглядят* лучше рядом с крайней порочностью Мэнсона. Следуя подобной логике, если бы Адольф Гитлер был соответчиком Чарльза Мэнсона, то Мэнсону следовало бы дать пожизненное заключение из-за присутствия рядом с ним, на скамье подсудимых, невероятного злодея Адольфа Гитлера”. Вместо того чтобы сравнивать трех девушек с Мэнсоном, сказал я присяжным, следует внимательно взвесить деяния *каждого* из подсудимых порознь и определить, заслуживает ли содеянное наказания в виде смертной казни. Затем я перешел к разбору этих действий, начав с Мэнсона; один за другим я перебрал доводы, говорящие, скорее, в пользу смертной казни, чем пожизненного заключения.

Один вопрос, наверное, задавал себе каждый из присяжных — и теперь я произнес его вслух: почему никто из подсудимых не чувствует раскаяния? Ответ прост: “Мэнсон и его соотечественники любят убивать. Вот почему они ни в чем не раскаялись. Как говорил здесь Пол Уоткинс, “смерть заводит Чарли”.

Я подошел к концу выступления.

“Теперь адвокаты защиты хотят, чтобы вы дали подсудимым отдохнуть. Но разве эти люди дали отдохнуть своим семи жертвам?

Теперь адвокаты защиты хотят, чтобы вы дали их клиентам еще один шанс. Но разве эти люди дали своим семи жертвам хоть единственный шанс?

Теперь адвокаты защиты хотят, чтобы вы проявили милосердие к их клиентам. Но разве эти люди сжалились над своими жертвами, когда те просили их о пощаде?”

Затем я напомнил присяжным, что девятью месяцами ранее, во время *voir dire*, каждый из них сказал мне, что может подать голос за применение смертной казни, если сочтет такую кару правомерной. Я повторил: *"Если смертная казнь хоть что-нибудь значит в штате Калифорния, если только это не два пустых слова, тогда она более чем уместна в данном случае"*.

Я заключил: “От лица *Народа штата Калифорния*, я не в силах должным образом отблагодарить вас за ту грандиозную гражданскую услугу, которую вы оказали в качестве присяжных в этом очень долгом процессе, которому предстоит войти в анналы истории”.

Тем вечером, после обеда, я сказал Гейл: “Ведь должно же быть хоть *что-то*, чем я должен сегодня заняться, что я еще должен сделать”. Но нет. Заняться было совершенно нечем. Уже полтора года, семь дней в неделю, я был полностью поглощен этим делом. Теперь же мне оставалось выслушать заключительные речи адвокатов и, набравшись терпения, ожидать, пока присяжные не вернутся в зал суда с окончательным вердиктом по делу.

Канарек начал, предположив, что я, наверное, отравил воду в стакане, оставшемся стоять на кафедре, и закончил, более суток спустя, зачитывая главу за главой из Нового Завета.

“В эти предпасхальные дни мы должны помнить об аналогии, существующей между мистером Мэнсоном и Сыном Божьим, — это поначалу, с первого наскока, может показаться смешным, и мы вовсе не предполагаем, будто мистер Мэнсон является божеством или человеком, подобным Христу, ничего подобного, — но *откуда нам знать?*”

Судья Олдер, несколько раз предупреждавший Канарека, что тот успел исчерпать все относящиеся к делу доводы, в итоге оборвал его проповедь, когда та достигла момента воскрешения.

Шинь провел все отпущенное ему время, атакуя Офис окружного прокурора в целом и меня в частности: “Мисс Аткинс тонула, без поддержки друзей... и она увидела мистера Буглиози с веслом в руке. Она сказала: “О, наконец-то мне кто-то поможет!” Мисс Аткинс протянула руку, чтобы ухватиться за весло. И угадайте, что сделал мистер Буглиози? Она ударила тонущую девушку веслом по голове”.

Кейт произнес прекрасную речь против смертной казни как таковой. Прежде чем начать, он сказал, однако: “Как это ни странно, или, быть может, не странно вовсе, но я всем сердцем принимаю определенные моменты речи мистера Буглиози.

Я принимаю то, как он показал вам главенство мистера Мэнсона над этими девушками, как и то, что убийства были совершены по приказу того же мистера Мэнсона.

Я принимаю довод, что мотив “Свободу Бобби Бьюсолейлу!” — несусветная чушь.

Я принимаю слова мистера Буглиози о том, что вам не следует ставить убийство Хинмана в вину Лесли.

Я принимаю его вывод, что показания Лесли, равно как и других выступавших здесь девушек, показывают власть мистера Мэнсона над ними — власть, не пошатнувшуюся и поныне, все столь же мощную и всеохватную”.

Отрицать все эти вещи, сказал Кейт, значило бы отрицать представленные на суде факты. Таким образом, Кейт стал первым (и единственным) адвокатом защиты, прямо обвинившим Мэнсона в убийствах.

Впрочем, Кейт не мог согласиться с тем, чтобы смертная казнь была применена к кому-либо из четверых подсудимых, даже к Чарльзу Мэнсону. Ибо в его понимании, сказал Кейт, “мистер Мэнсон безумен”, и, вложив свои мысли в сознание трех своих соответчиц, он заразил их собственным безумием.

Кейт заключил: “Дайте Лесли шанс искупить свою вину, ибо она заслуживает этого шанса. Помните — и это слова мистера Буглиози, — что Линда Касабьян сумела оборвать пуповину, связывавшую ее с Мэнсоном и его “Семьей”. Дайте Лесли шанс сделать то же самое. Подарите ей жизнь. Благодарю вас”.

Фитцджеральд произнес короткое вступление, после которого перешел к детальному описанию того, как именно три подсудимых девушки будут казнены в газовой камере тюрьмы “Сан-Квентин”, если только присяжные вынесут вердикт, требующий смерти. Это был недопустимый ход, и я выразил протест. Когда мы подошли к судейскому столу, Пол буквально упрашивал судью Олдера позволить ему продолжать: “Это крайне важно! Я не в силах передать уважаемому Суду, насколько это важно!” Поскольку он был в таком отчаянии, я решил снять свой протест, согласившись не протестовать в дальнейшем, если Фитцджеральд будет описывать будущие казни как ситуацию полностью гипотетическую (“Вообразите, что это происходит”), а не как факт. Он сделал это, после чего судья Олдер передал присяжным необходимые инструкции. Они покинули зал суда в пятницу, 26 марта 1971 года, в 17:25.

Я был вполне уверен, что присяжные приговорят Чарльза Мэнсона к смертной казни, но вовсе не чувствовал той же уверенности, когда речь заходила о трех подсудимых девушках. За всю историю Калифорнии были казнены только четыре женщины, и ни одна из них не была столь же молода.

Я рассчитывал, что присяжные проведут, совещаясь, не менее четырех дней. Когда же вечером в понедельник, всего через два дня, мне позвонил пристав, я уже знал содержание вынесенного вердикта. Для чего-либо другого было попросту слишком рано. На самом же деле, как я узнал потом, совещание присяжных заняло не более десяти часов.

С соблюдением беспрецедентных мер безопасности несшие подписанные вердикты присяжные вновь были введены в зал суда в

16:24 в понедельник, 29 марта.

Мэнсона и девушек ввели в зал еще до того; три подсудимых девушки успели обрить головы, ведь теперь их действия уже не могли повлиять на присяжных, — но еще до того, как секретарь мог бы начать зачитывать первый из вердиктов, Мэнсон заорал: “Не понимаю, как вы будете жить с этим, так и не позволив мне хоть как-то защитить себя... У этих людей нет власти надо мной... Половина из вас хуже меня самого...” — и Олдер приказал удалить его из зала.

Выкрик Мэнсона об отсутствии защиты был нелеп. Очевидно, что защита, которую он намеревался представить при разборе вины, полностью прозвучала во время второй фазы процесса, на слушаниях о назначении наказания. Реакция присяжных на эту защиту вот-вот должна была прозвучать в зале суда, до отказа набитом зрителями и прессой.

Секретарь прочитал первый вердикт: “Мы, присяжные, действующие по вышеупомянутому делу, найдя подсудимого Чарльза Мэнсона виновным в убийстве первой степени, как это и помянуто в первом пункте обвинительного акта, назначаем в качестве наказания за это преступление смерть”.

Кренвинкль: “Вы только что приговорили себя самих”.

Аткинс: “Заприте двери получше и глаз не сводите со своих детей”.

Ван Хоутен: “Вся ваша система — лишь игра. Вы слепые, глупые люди. Ваши дети еще восстанут против вас самих”.

Судья Олдер приказал удалить всех трех девушек из зала. Они выслушали окончательный приговор через громкоговорители, когда секретарь прочел о смертной казни, назначенной всем четверым по каждому из пунктов обвинения.

Олдер вышел из-за своего стола и пожал руку каждому из присяжных. “Если бы во власти судьи было наградить каждого из вас медалью за доблесть, — сказал он им, — то я сделал бы это не задумываясь”.

Впервые после начала заседаний присяжные могли говорить с журналистами о том, что им пришлось испытать.

Старшина присяжных Херман Тубик сказал репортерам, что жюри было удовлетворено “представленным мотивом убийств, *Helter Skelter*”. Миссис Тельма Маккензи сказала, что присяжные,

“разумеется, пытались” найти обстоятельство, оперевшись на которое, можно было бы вынести трем подсудимым девушкам менее жесткий приговор, “но мы так и не смогли найти его”. Уильям Макбрайд заметил: “Я чувствовал жалость к этим женщинам, но жалость не имеет никакого отношения к отправлению правосудия. То, что они совершили, заслуживает смертной казни”. Мари Месмер сказала, что поначалу чувствовала больше жалости к Сьюзен Аткинс, чем к остальным двум девушкам, из-за ее биографии, но была шокирована полным отсутствием раскаяния у каждой из них. Что же до Мэнсона, то она сказала: “Мне хотелось защитить общество. Мне кажется, Мэнсон обладает очень опасным влиянием”. Джин Роузленд, мать троих подростков, двое из которых девушки, сказала, что для нее самым ужасным моментом на протяжении всего процесса было, когда Лесли Ван Хоутен “смотрела на меня этими большими карими глазами”. Миссис Роузленд была убеждена, что имевшаяся у Мэнсона способность манипулировать людьми исходила не от него самого, но “из черной пустоты в умах и душах его последователей”.

Позднее журнал “Лайф” напечатал статью под названием “Присяжные в деле Мэнсона: Конец долгого заключения”.

Интересно, что в этом же номере журнала имелась и заметка, озаглавленная: “Пол Маккартни рассказывает о распаде “The Beatles”.

То, что внутри группы существует напряжение, которое уже никогда не позволит ее участникам примириться, стало очевидным в процессе записи “Белого альбома”, сказал Маккартни.

Как писали газеты, полковник Пол Тейт так отозвался о вынесенных смертных приговорах: “Именно этого мы и хотели. Этого ожидали. Но мы не чувствуем радости, ничего подобного, мы не чувствуем удовлетворения. Просто свершилось правосудие. Справедливость восторжествовала. Естественно, я хотел, чтобы эти люди были казнены. Они отобрали у меня дочь и внука”.

Миссис Тейт сказала журналистам, что не считает, что хоть один человек должен иметь власть распоряжаться человеческими жизнями; это должен решать лишь Господь.

Роман Полански отказался комментировать приговор — как и другие родственники жертв, с которыми удалось связаться репортерам.

Сэнди, Кэтрин и другие девушки на углу обещали облить себя бензином и сгореть заживо, если хоть кому-то из четверых будет вынесен смертный приговор. Угрозу эту они так и не исполнили, хотя все, как одна, обрили себе головы.

Узнав о решении присяжных, Сэнди уперла взгляд в объектив телевизионной камеры и выкрикнула: *“Смерть? Все вы ее получите, все до единого!”*

Процесс был окончен, не считая подписания приговора судьей. То был самый долгий процесс в американской истории, продолжавшийся девять с половиной месяцев; он обошелся дороже любых других судебных процессов, примерно в один миллион долларов; он наиболее широко освещался в печати; присяжные оставались в ограниченных секвестром условиях дольше, чем любые другие, — 225 дней. Одна только стенограмма процесса заняла 209 томов, 31716 страниц, приблизительно восемь миллионов слов: мини-библиотека.

Почти для каждого из присяжных исполнение гражданского долга не только отняло беспрецедентно много времени, но и обошлось недешево. Некоторые из них, ожидая оплаты времени хода процесса работодателями, остались либо без денег, либо без работы. Миссис Роузленд, например, заявила, что компания “TWA” в одностороннем порядке расторгла устно заключенную договоренность выплачивать ей зарплату до окончания процесса, тем самым лишив ее совокупного дохода в 2700 долларов. TWA объявила в ответ, что никакой договоренности не существовало. И подобных отказов было несколько.

Финансовые жертвы, на которые пошли защитники, были грандиозны. Фитцджеральд просто заявил: “Я остался на мели”. Он рассказал репортеру, что потерял примерно 30 тысяч долларов дохода и потратил 10 тысяч собственных сбережений на судебные издержки. Ему пришлось продать стереоустановку и другие вещи; он также истратил 5 тысяч долларов, хотя не мог себе этого позволить. Женатый уже в шестой раз Дэйи Шинь сказал: “Я запаздываю с выплатой денег за дом, не могу поддерживать детей и вовремя платить алименты”. Шинь, по его собственным словам, получил 19 тысяч долларов от продажи прав на книгу откровений Аткинс, но примерно 16 тысяч от этой суммы ему пришлось передать “Семье” Мэнсона. Канарек наотрез отказался обсуждать свое финансовое положение. Тем не менее один из

адвокатов защиты сказал мне, что однажды, уже во время процесса, Мэнсон распорядился выдать Канареку 5 тысяч долларов, снятые со счета Аткинс, для возмещения трат, но получил ли тот еще хоть что-нибудь, остается неизвестным. Кейт, получивший свою плату из казны округа, поскольку он был назначен Судом представлять Ван Хоутен, признался, что его частная практика катится под гору и что в результате поднятой вокруг процесса шумихи он уже не ожидает найти новых клиентов.

Еще одному адвокату участие в процессе стоило жизни.

На фоне целой лавины публикаций, посвященных вынесенному Мэнсону вердикту, маленькая заметка, появившаяся в печати в тот же день, осталась незамеченной.

Офис шерифа округа Вентура сообщил, что его сотрудниками обнаружено тело, как считается, исчезнувшего адвоката защиты Рональда Хьюза. Сильно разложившийся труп был найден лежащим лицом вниз, втиснутый между двумя обломками скалы в устье реки Сеспе, далеко от того места, где Хьюза в последний раз видели живым.

Двое рыболовов наткнулись на тело ранним утром в субботу, но лишь в воскресенье вечером доложили о находке властям, поскольку “не хотели испортить рыбалку”.

Причина смерти в то время еще оставалась неизвестной. Действуя от лица нашего офиса, я распорядился о немедленном проведении вскрытия.

19 апреля 1971 года

Судья Олдер назначил датой подписания приговора понедельник, 19 апреля 1971 года.

Бытовало мнение, что Олдер может самостоятельно решить выправить, по крайней мере, некоторые вердикты, назначив в качестве наказания пожизненное заключение вместо смертной казни. Ранее Олдер сделал это в деле, где подсудимый вылил канистру бензина на две детские кровати и убил одного из спящих детей. Лично я, однако, считал, что Олдер, поблагодаривший присяжных, не станет менять свое мнение и откладывать в сторону полученный у них вердикт.

Девятнадцатого Суд выслушал и отверг несколько заявлений, поданных защитой, включая и требование о проведении нового судебного процесса. Затем судья Олдер спросил у подсудимых, желают ли они сказать что-нибудь. Один только Мэнсон выразил такое желание.

Левая рука Чарли заметно тряслась, и сам он, казалось, едва удерживается от рыданий. Дрожащим голосом, очень смиренно, он заявил: “Я принимаю этот Суд в качестве моего отца. Я всегда делал все, что только было в моих силах, чтобы поддерживать данные мне отцом законы, и я приму любое суждение, которое выскажет мне отец”.

Судья: “На протяжении девяти с половиной месяцев этого процесса были использованы все до единого прилагательные в превосходной степени, высказаны все возможные преувеличения, но все, что остается в итоге, — это простые голые факты. Произошло семь бессмысленных убийств, семь человек погибли от рук совершенно не знакомых им людей...”

Разбирая эти действия, я внимательно слушал, надеясь найти какие-то смягчающие вину обстоятельства, но так и не нашел их...

Мое взвешенное, обдуманное решение состоит в том, что смертная казнь не только вполне оправданна в этом деле, но и практически неизбежна ввиду обстоятельств. Я вынужден согласиться с обвинителем в этом вопросе: если перед нами не деяние, вызывающее к применению смертной казни, то насколько же чудовищным должно быть такое деяние?"

Обращаясь к Мэнсону, судья Олдер произнес: “Исправительному департаменту предписано передать вас в руки тюремного надзирателя государственной тюрьмы штата Калифорния в Сан-Квентине, чтобы вы приняли смерть тем образом, который предусмотрен законом штата Калифорния”.

Камеры смертников для женщин в то время еще не были построены. В калифорнийской исправительной тюрьме во Фронтере спешно возводился специальный блок-изолятор, где Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен предстояло дожидаться казни.

Предполагали, что рассмотрение апелляций может занять по меньшей мере пару лет или, возможно, даже пять.

В действительности судьба приговоренных будет решена уже менее чем через год.

Выслушав подписанный Олдером приговор, я не ожидал увидеть Чарльза Мэнсона еще хотя бы раз. Но встретился с ним еще дважды, и второй раз — при довольно странных обстоятельствах.

Эпилог

ОДНО БЕЗУМИЕ НА ВСЕХ

Более подробное описание ее состояния потребует дальнейшего, более тщательного обследования. Но в настоящее время мы вправе предположить, что она может страдать от состояния folie a famille, то есть от группового безумия, обусловленного ситуацией в конкретной группе.

Доктор Джоэл Хочман, психиатрический отчет о состоянии Сьюзен Аткинс

Я целый год жил рядом с Чарли и еще два года видел его время от времени. Я хорошо знаю Чарли. Я знаю его внутри и снаружи. Я уже сам стал Чарли. Чарли — это все, чем я некогда был. От меня самого уже ничего не осталось. И все эти люди в “Семье”, от них тоже ничего не осталось, они все превратились в Чарли.

Пол Уоткинс [\[205\]](#).

Мы такие, какими вы нас сделали. Мы росли, воспитываемые вашим телевидением. Мы выросли, глядя “Дым из ствола”, “Есть оружие — готов путешествовать”, “ФБР”, “Поединок”. Моим любимым шоу как раз был “Поединок”. Я никогда его не пропускала.

Бренда [\[206\]](#).

Когда что-то требуется сделать, надо просто делать — и все. Если кого-то необходимо убить, ничего дурного в этом нет. Просто надо сделать это и продолжать жить. Потом ты берешь ребенка

и везешь его в пустыню. Набираешь как можно больше детей и каждого, кто осмелится встать на пути, убиваешь. Это мы и есть.

Сэнди^[207].

Если вы находите яблоко с маленьким пятнышком, то непременно вырезаете это пятнышко.

Пищалка

Лучше надейтесь, что я никогда отсюда не выйду.

Бобби Бьюсолейл

Одно безумие на всех

Мэнсон и девушки были осуждены, но судебные процессы, как и убийства, еще далеко не завершились.

За участие в попытке убийства свидетельницы обвинения Барбары Хойт четверо из пяти подсудимых провели в окружной тюрьме всего девяносто дней, тогда как еще одной участнице “Семьи” удалось вообще избежать наказания.

Я не был приписан к этому делу, но живо интересовался ходом следствия и суда. Считалось, что улики против подсудимых недостаточны, а доставка свидетелей с Гавайев самолетом обойдется недешево — и поэтому Офис окружного прокурора, ДПЛА и адвокаты защиты согласились “договориться”. Заручившись согласием подсудимых не оспаривать предъявленное им обвинение в сговоре с целью предотвращения дачи показаний свидетелем, обвинитель направил Суду просьбу переправить обвинение в уголовном преступлении на менее серьезное, мисдиминор^[204]. Судья Стивен Стотерс удовлетворил просьбу и 16 апреля 1971 года приговорил четверых из пяти подсудимых — Линетту Фромм (*тик Пищалка*),

Стива Грогана (*тик* Клем), Кэтрин Шер (*тик* Цыганка) и Денниса Райса — к девяноста суткам окружной тюрьмы. Поскольку пятнадцать суток они уже успели отсидеть, то вернулись на свободу уже через два с половиной месяца.

Пятая подсудимая, Рут Энн Мурхаус, *тик* Уич, — та самая девушка, что дала Барбаре Хойт напичканный ЛСД гамбургер, — вообще ушла от наказания. Когда пришло время подписывать приговор, она не явилась в суд. Немедленно был издан судебный приказ о ее аресте, но несмотря даже на то, что властям стало известно точное местонахождение Уич — Карсон-Сити, штат Невада, Офис окружного прокурора счел, что экстрадиция Уич обратно в Калифорнию не стоит усилий, которые будут на это затрачены.

Впоследствии трое из пятерых окажутся вовлечены в новые убийства: некоторые останутся лишь неудачными попытками, некоторые вполне им удадутся.

Чарльз “Текс” Уотсон предстал перед судом в августе 1971 года. Надо сказать, большую часть потраченного мною на подготовку времени я провел не в правовой секции библиотеки, а в медицинской: я уже был относительно твердо уверен, что Уотсон решил заявить о своей невинности на почве невменяемости и что свидетели-психиатры подтвердят это.

Сам процесс, в моем представлении, должен был оказаться разбит на три отдельные фазы: слушания о виновности, о вменяемости и о назначении наказания; каждая из них представляла свои характерные проблемы.

Даже когда адвокат защиты Сэм Бубрик сказал мне, что Уотсон намерен сделать признание под присягой, я все равно знал, что должен буду представить неоспоримые улики в ходе слушаний о виновности Текса, поскольку долго гадать не приходилось: показания Уотсона наверняка подадут события в искаженном свете. Кроме того, мне нужно было доказать (уликами вроде совета, данного Линде Уотсоном: пойти и стянуть 5 тысяч долларов), что Текс испытывал, разумеется, сильное влияние Мэнсона, но был, однако, достаточно независим от него, чтобы нести всю полноту ответственности за свои действия. Затем, один из ключевых вопросов во время слушаний о виновности звучал так: страдал ли Уотсон от пониженной способности к мышлению во время

совершения убийств? Если да и это умственное расстройство носило достаточно серьезный характер, чтобы не позволить Тексу совершать умышленные, обдуманные действия, тогда присяжным придется признать убийцу семи жертв Тейт — Лабианка виновным скорее в убийстве второй степени.

Если Текс окажется виновным в умышленном убийстве любого рода, начнутся слушания о его вменяемости, в ходе которых присяжным придется ответить на единственный вопрос: был ли Уотсон вменяем во время совершения убийств? Я предвидел, имея все на то основания, что защита вызовет немало признанных специалистов в области психиатрии (их было вызвано восемь), многие из которых заявят, что, по их мнению, Уотсон был невменяем. Значит, мне не только придется проводить с каждым из них изнурительный перекрестный допрос, но и представить многочисленные доказательства того, что Текс не испытывал никаких проблем умственного порядка во время совершения убийств, а также прекрасно сознавал, что в глазах общества совершаемые им действия преступны. Короче говоря, мне надо было доказать, что, с официальной точки зрения, он вовсе не был невменяем. Для меня, таким образом, особое значение приобрели такие детали, как перерезанные Тексом телефонные линии, отданный Линде приказ стереть отпечатки пальцев с ножей, манера его речи в разговоре с Рудольфом Вебером, как и использование им вымышленных имен при допросе властями в Долине Смерти через несколько недель после совершения убийств, — косвенные улики того, что Уотсон чувствовал вину и сознавал преступность совершаемых им действий.

Если Уотсон будет признан виновным в убийстве первой степени и при этом вменяемым, то присяжным придется ответить на последний вопрос: будет ли Тексу дарована жизнь или же он будет казнен? И это означало, что мне вновь пришлось бы столкнуться с проблемами, уже знакомыми по слушаниям о назначении наказания в предыдущем процессе.

Принципиально новой проблемой была манера Уотсона вести себя. Стараясь, очевидно, создать образ студента-отличника, Уотсон приходил на судебные заседания в очень консервативном костюме — рубашка с галстуком, пиджак, широкие брюки — и с короткой стрижкой. Но тем не менее Текс все равно выглядел странновато. Глаза

его были мутными и, казалось, вообще не способными сфокусироваться. Текс никак не реагировал на чрезвычайно опасные для него показания таких свидетелей, как Линда Касабьян, Пол Уоткинс, Брукс Постон и Дайанна Лейк. Рот у Текса вечно был немного приоткрыт, поддерживая впечатление о его умственной отсталости.

Заняв свидетельское место и отвечая на вопросы защиты, Текс играл роль жалкого раба на подхвате у Мэнсона. Он признал, что лично стрелял и бил ножом шестерых из жертв Тейт — Лабианка, но отрицал, что хоть раз ударил ножом Шарон Тейт. Все, что могло говорить об умышленности, обдуманности его действий, Текс переложил на плечи Мэнсона или девушек.

Мой перекрестный допрос так потряс Текса, что он часто забывал о своей роли блаженно улыбающегося идиота. К тому времени как я закончил задавать вопросы, присяжным стало очевидно, что он прекрасно контролирует свои умственные способности и, вероятно, не терял этого контроля и ранее. Я также заставил его признать, что он ударил ножом и Шарон Тейт; что он думал о жертвах убийств не как о людях, а как о “простых пузырях, надутых воздухом”; что он рассказал доктору Джоэлу Форту, как люди бегали по усадьбе Тейт “кругами, словно цыплята с отрубленными головами”, и что сам он улыбался, произнося это. Я и камня на камне не оставил от его истории о бедном безмозглom зомби, запрограммированном Чарльзом Мэнсоном, заодно вселив в присяжных сомнения в правдивость его нынешнего заявления об испытываемых им сейчас сожалении и раскаянии.

Показания Уотсона тем не менее прояснили некоторые загадки.

Вопреки мнению эксперта по вещественным доказательствам ДПЛА Девэйна Вольфера, Уотсон указал на пару кусачек для проволоки с красными ручками, найденную в вездеходе Мэнсона, как на инструмент, использованный им в ту ночь для рассечения телефонных линий усадьбы Тейт.

Впервые также стали известны точные инструкции, данные Мэнсоном Уотсону в ночь убийств на Сиэло-драйв. Уотсон показал: Чарли отозвал меня в сторонку, за автомобиль... и передал мне револьвер и нож. Он сказал взять это и поехать туда, где раньше жил Терри Мельчер. Он сказал убить всех в доме настолько жестоко, насколько я смогу. По-моему, он говорил что-то о живущих там кинозвездах”.

Вдобавок, Уотсон признал, что уже был вооружен ножом, входя в дом Лабианка.

По ходу всего процесса по делу Уотсона более всего сложностей мне доставили не улики, не адвокаты защиты и не вызываемые ими свидетели, но сам судья, Адольф Александер, бывший близким другом адвоката Текса, Сэма Бубрика.

Александер не только постоянно потворствовал защите в своих решениях, но зашел куда дальше этого. Во время *voir dire* он заметил: “Многие из нас не приемлют смертной казни”. Когда давали свои показания свидетели обвинения, он не сводил с них недоверчивого, скептического взгляда; во время выступлений свидетелей защиты он, напротив, прилежно делал заметки. Все это происходило прямо на виду у присяжных. Нередко Александер лично проводил перекрестные допросы свидетелей обвинения. В итоге все это мне надоело, и, попросив разрешения подойти к судейскому столу, я напомнил Александеру, что он ведет суд с участием присяжных, и решение предстоит принять этим двенадцати, а не ему самому; далее, я выразил обеспокоенность тем, что, ведя допросы свидетелей, он дает присяжным понять, что не верит их показаниям — а поскольку судья в глазах присяжных предстает фигурой достаточно весомой, это может крайне скверно отразиться на интересах представляемого мною *Народа*. Я предложил Александеру записывать вопросы, ответы на которые он непременно захочет услышать, на бумаге и передавать их адвокатам защиты.

С этого момента Александер прекратил подвергать свидетелей обвинения перекрестным допросам. Впрочем, удивлять меня он не перестал. Когда присяжные удалились на совещание, судья не отсылал вещественные доказательства в зал совещаний (процессуальное действие, доведенное буквально до автоматизма), пока я во всеуслышание не потребовал сделать это. И однажды, в кулуарах и вне стенограммы, он назвал подсудимого “бедняжкой Тексом”.

В стенограмму не попало и замечание, сделанное мною уже в самом конце процесса: “Вы — единственное серьезное препятствие, мешавшее мне доказать виновность подсудимого в убийстве первой степени”.

Вопреки проблемам, воплотившимся в судье Александре, 12 октября 1971 года присяжные признали Уотсона виновным в семи

убийствах первой степени и в участии в преступном сговоре с целью совершения убийства. То, что мне благополучно и эффективно удалось разрушить показания приглашенных защитой психиатров, видно уже по тому факту, что 19 октября присяжные совещались всего два с половиной часа, чтобы решить: Уотсон был вменяем. 21 октября, проведя за закрытыми дверями лишь шесть часов, они вернулись, вынеся Тексу приговор — смертная казнь.

Процесс длился два с половиной месяца и обошелся в четверть миллиона долларов. Кроме того, он добавил еще сорок томов (5916 страниц) к мини-библиотеке по делу об убийствах Тейт — Лабианка.

Судья Александер поблагодарил присяжных за выполненную ими нелегкую работу, но в день подписания приговора Уотсону заметил: “Если бы я слушал это дело не в суде присяжных, то, вполне вероятно, мой вердикт звучал бы несколько иначе”.

На другом, уже третьем, процессе Сьюзен Аткинс признала себя виновной в убийстве Гари Хинмана и была приговорена к пожизненному заключению. Подписывая приговор, судья Рэймонд Чоэйт назвал ее “опасной по меркам любого сообщества” и заметил, что Сьюзен “следует провести в заключении всю жизнь”.

Защита добилась отдельных процессов по комбинированному обвинению Чарльза Мэнсона, Брюса Дэвиса и Стива Грогана в убийствах Хинмана — Шиа. Вопреки тому, что тело Дональда “Коротышки” Шиа так и не было найдено (его не нашли и по сей день), обвинителям Барту Катцу, Энтони Манцелле и Стивену Кею удалось выполнить сложнейшую задачу и получить вердикты о виновности каждого из подсудимых по всем пунктам обвинительного акта. Мэнсон и Дэвис были приговорены к пожизненному заключению. Присяжные вынесли решение о применении смертной казни в отношении Грогана, но, когда пришло время подписать приговор (за два дня до Рождества 1971 года), судья Джеймс Колтс, заметив: “Гроган был слишком глуп и слишком накачан наркотиками, чтобы принимать решения самостоятельно”, и что на самом деле это именно Мэнсон решал, “кому жить, а кому умереть”, — изменил приговор на пожизненное заключение.

Во время *voir dire* на его процессе Мэнсон, рассерженный отказом судьи позволить ему представлять свои интересы самостоятельно,

заявил Суду: “Я готов признать свою вину. Да, это я отрубил башку Коротышке”. Судья отказался рассмотреть заявление, и на следующий день Мэнсон забрал его назад. Во время другой вспышки гнева Мэнсон повернулся к журналистам и объявил: “Я приказал своим людям начинать новые убийства”.

И вновь Мэнсона представлял Ирвинг Канарек. С Ирвингом, Чарли понимал это, процесс затянется надолго, и тем самым отсрочит его путешествие в камеру смертников Сан-Квентина”.

На протяжении всех судебных процедур верные Мэнсону девицы несли свою вахту на перекрестке Темпл и Бродвея. Находясь буквально в тени Дворца юстиции, на виду у тысяч людей, ежедневно проходивших мимо, они придумали отчаянный план по вызволению из тюрьмы всех до единого участников “Семьи” Мэнсона.

В конце июля 1971 года мой соавтор узнал от одного из участников “Семьи” в районе залива Сан-Франциско, что “Семья” планирует устроить Мэнсону побег где-то в следующем месяце. Ему не рассказали, как именно они собираются осуществить свой замысел, но дали кое-какие дополнительные детали — “Семья” собирала оружие и боеприпасы; они тайно сняли дом в южной части Лос-Анджелеса и прятали там теперь сбежавшего заключенного; с освобождением Мэнсона “*Helter Skelter* начнется по-настоящему; тогда-то и грянет революция”.

Принимали ли эти люди желаемое за действительное? Я не был уверен и передал полученные сведения в ДПЛА. И сделав это, узнал, что среди свидетелей, вызванных Мэнсоном в ходе процесса по делам об убийствах Хинмана и Шиа, был и заключенный по имени Кеннет Комо, известный также под звучной кличкой Джесси Джеймс. В печать эта история не попала, но уже через неделю после доставки Комо в Лос-Анджелес ему удалось бежать из заключения. В ДПЛА сомневались, однако, что он по-прежнему где-то в городе. Что же до побега Мэнсона, то слухи доходили и до них, но ничего конкретного не было известно. Полицейские склонялись к тому, чтобы и дальше считать эту информацию беспочвенной.

Точно по расписанию — и правда менее чем через месяц — “Семья” Мэнсона предприняла свою попытку.

Вскоре после закрытия вечером в субботу, 21 августа 1971 года, шестеро вооруженных грабителей вошли в оружейный магазин “Вестерн сэрплс”, что в Хоуторне, пригороде Лос-Анджелеса. Один из них держал под прицелом женщину-продавца и двух покупателей, а остальные начали выносить винтовки, ружья и пистолеты к фургону, припаркованному в аллее у магазина. Грабителям удалось вынести примерно 140 единиц огнестрельного оружия, когда вдалеке показалась первая полицейская машина. Сработала бесшумная сигнализация, и офицеры ДПЛА уже перегородили аллею.

Началась пальба. В десятиминутной перестрелке фургон был прострелен более чем пятьюдесятью пулями, и где-то около двадцати угодили в черно-белые автомобили полиции. Как ни странно, никто не был убит, хотя трое из подозреваемых получили легкие ранения.

Все шестеро грабителей были участниками “Семьи” Мэнсона. Задержанными оказались: Мэри Бруннер (первая участница “Семьи”, 27 лет), Кэтрин Шер (*тик* Цыганка, 29 лет), Деннис Райс (22 года; вместе с Цыганкой он недавно был освобожден, отсидев девяностодневный срок за участие в попытке заставить молчать Барбару Хойт), Лоуренс Бэйли (*тик* Ларри Джонс, 23 года; в ночь убийств на Сизло-драйв он присутствовал при отъезде убийц с ранчо Спана) и бежавший заключенный Кеннет Комо (33 года). Еще один участник “Семьи”, Чарльз Ловетт (19 лет), удрал с места перестрелки, но был арестован впоследствии.

После их ареста выяснилось, что та же группа несла ответственность за состоявшееся 13 августа ограбление склада пивоваренного предприятия “Ковина”, понесшего убыток в 2600 долларов.

Полицейские подозревали, что с помощью серии ограблений группа намеревалась добыть достаточно оружия и боеприпасов, чтобы совершить эффектный налет на здание суда. Стив Гроган вызвал Мэнсона свидетелем на собственном процессе. Считалось, что в день появления в суде своего предводителя “Семья” собиралась взять приступом Дворец юстиции и освободить обоих.

В реальности замысел был куда грандиознее. При удачном стечении обстоятельств и достаточном давлении со стороны общественного мнения этот план *мог бы* сработать.

Прежде это не попадало в печать. По словам одного из участников “Семьи”, не понаслышке знакомого с подготовкой ограбления в Хоуторне, настоящий план был таков: при помощи украденного оружия группа собиралась захватить большой пассажирский самолет и убивать по пассажиру в час — до тех пор, пока Мэнсон и остальные оказавшиеся в тюрьме члены “Семьи” не будут отпущены на свободу.

Во время суда по делу об ограблении в Хоуторне были предприняты чрезвычайные меры безопасности — отчасти из-за свидетелей защиты, которых судья Артур Эларкон назвал “величайшей коллекцией убийц, собиравшейся одновременно в округе Лос-Анджелес”. Свидетельское место по очереди занимали двенадцать осужденных убийц, включая Мэнсона, Бьюсолейла, Аткинс, Кренвинкль, Ван Хоутен, Грогана и Дэвиса. Их присутствие в одном месте заставило всех слегка нервничать. В особенности потому, что к этому моменту “Семья” уже успела обнаружить: если только захотеть, то сбежать можно и из Дворца юстиции.

Ранним утром 20 октября 1971 года Кеннет Комо пропилил решетку своей расположенной на тринадцатом этаже камеры, спустился до восьмого этажа по связанной из простыней веревке, выбил ногою окно в зале судебных заседаний 104 (том самом, где лишь несколько месяцев тому назад я выступал в качестве обвинителя Мэнсона и трех его соотечественников), после чего просто вышел из здания, спустившись по лестнице. Сандра Гуд уже ждала Комо в принадлежащем “Семье” фургоне. Не слишком далеко отъехав, Сэнди разбила фургон и была арестована на месте происшествия, но Комо удалось разыскать и препроводить в камеру лишь через семь часов. Также были арестованы Пицалка, Бренда, Китти и двое других участников “Семьи”, но впоследствии всех их пришлось отпустить: полиции не удалось собрать достаточных доказательств тому, что они вместе готовили побег.

Во время суда над налетчиками на оружейный магазин никаких попыток вытащить Мэнсона из тюрьмы так и не было предпринято. Впрочем, двоих из присяжных пришлось заменить “запасными” после того, как им угрожали по телефону: если те проголосуют за вердикт о виновности подсудимых, расправа будет короткой. Звонки приписывались оставшейся неизвестной участнице “Семьи”.

Хотя ранее Цыганка и Райс отсидели всего по девятистам суткам за участие в попытке убийства свидетеля обвинения, теперь они, как и их соотечественники, быстро выяснили, что суды воспринимают пальбу по офицерам полиции несколько серьезнее. Всем им было предъявлено обвинения по двум эпизодам вооруженных ограблений. Райс признал себя виновным и был отправлен в тюрьму штата. Остальные были признаны виновными по всем пунктам обвинительного акта и получили следующие приговоры: Ловетт — два последовательных срока по пять лет; Шер — десять лет; Комо — пятнадцать лет; Бруннер и Бэйли — по двадцать лет заключения. Каждый из этих приговоров мог, однако, превратиться и в пожизненный срок, в зависимости от поведения заключенных в тюрьме; приговор оговаривал это особо.

Сандра Гуд впоследствии была судима за подстрекательство и содействие побегу. Ее адвокат, единственный и неповторимый Ирвинг Канарек, заявил, что Комо похитил ее с целью получения выкупа. Присяжные, впрочем, усомнились в этой версии и приговорили Сэнди к полугодовой отсидке.

В день побега Комо Канарек появился в зале суда, где работал судья Рэймонд Чоэйт, и заявил в своем непревзойденном стиле: “Я уверяю, не будучи способен сиюминутно представить доказательства, что данный побег был совершен с подстрекательского попустительства властей”.

Судья Чоэйт попросил Канарека объяснить, зачем кому-то было заставлять Комо спускаться по самодельной веревке с тринадцатого этажа на восьмой.

“Зрелище-то было уникальное, Ваша честь”, — пояснил Канарек.

Однажды, когда Мэнсона еще судили за убийства Хинмана — Шиа, я заглянул в зал суда. Для разнообразия полезно порой побыть в суде обычным зрителем.

Недавно пристрастившийся к ношению в суде военной униформы черного цвета Мэнсон заметил меня среди прочих зрителей и через пристава передал, что хочет поговорить. Мне тоже хотелось задать ему несколько вопросов, и поэтому я оставался в зале до тех пор, пока в заседании не был объявлен перерыв до завтрашнего дня. Сидя в клетке для заключенных, отгороженной в зале суда, мы говорили с 16:30 почти до 18 часов. Ни единым словом наш разговор не затронул обвинений,

предъявленных Мэнсону в настоящее время. В основном мы говорили о его философии. Я особенно интересовался эволюцией некоторых идей Мэнсона и долго расспрашивал его об отношении к сайентологии и к сатанинскому культу, известному как “Процесс”, или как церковь Страшного суда.

Мэнсону хотелось поговорить со мной, сказал он, чтобы дать мне понять: “Я совсем не таю обиды или злости”. Он сказал, что, стараясь посадить его, я проделал “замечательную работу, просто фантастическую”: “Ты судил меня справедливо и честно, как и обещал”. Результат не расстроил его, впрочем, потому что тюрьма всегда “оставалась моим домом; в последний раз я даже не хотел покидать ее, ты же позволил мне вернуться домой”. Там регулярно кормили; обеды не были особенно роскошны, но они были лучше, чем содержимое мусорных бачков с ранчо Спана. А поскольку никто в тюрьме не обязан работать, если не хочет этого, у Чарли появилось много времени для игры на гитаре.

“Может, и так, Чарли, но в тюрьме ведь нет женщин”, — возразил я.

“Телки мне вообще не нужны, — был ответ. — Все женщины, которые у меня были, *первыми* просили *меня* заняться с ними любовью. Я никогда ни о чем не просил *их*. Я могу обходиться и без женщин”. В тюрьме хватает секса, сказал он.

Мэнсон вновь заявил, что ответственность за убийства Тейт—Лабиаанка несут музыка “The Beatles” и ЛСД, но в то же время признал, что заранее знал о том, что должно было случиться, “потому что на ранчо Спана я знал даже, чем занимаются мыши”. И добавил затем: “В общем, я спросил у них: “Вот, вам потребуется эта веревка? Возьмете револьвер?” А потом посоветовал никому не рассказывать о произошедшем”.

Осторожничая, Мэнсон старался не допустить такой ошибки в зале суда, но в частных беседах часто говорил о чернокожих, используя слово “ниггеры”. Теперь он заявил мне, что отнюдь не испытывает к ним неприязни. “Я никого не ненавижу, — сказал он, — но я точно знаю, что они ненавидят меня”.

Возвращаясь к знакомой теме *Helter Skelter*, я спросил у Чарли, когда, по его мнению, чернокожие возьмут верх?

“Может, я и помешал им”, — ответил он.

“Ты хочешь сказать, что наш процесс предупредил белых, и теперь они начеку?”

Ответ Мэнсона был бесхитростен и печален: “Ага”.

Наша беседа проходила 14 июня 1971 года. На следующий же день один из адвокатов защиты подал жалобу, и судья Чозйт провел особое слушание в суде. Я дал показания, описав общую канву разговора, и заметил, что Мэнсон первым предложил мне поговорить, а не наоборот, — как упомянул и то, что его текущие обвинения мы не обсуждали. Ничего неэтичного в этом нет, заключил я. Более того, я говорил Канареку, что Мэнсон выразил желание говорить со мной, — но тот просто отвернулся и отошел.

Пристав по имени Расти Баррелл, присутствовавший при нашем разговоре, специально задержался на службе, чтобы послушать нас, потому что считал беседу интересной. Теперь он поддержал мой рассказ. Как и сам Мэнсон.

Мэнсон: “Версия, которую высказал этот человек [указывая на меня], вполне правдива. Я почти не сомневаюсь, что мистер Канарек был в курсе того, что это я просил мистера Буглиози о встрече. Я уже год искал этой встречи, и моя личная просьба послужила ее причиной”.

Что же до самого слушания, Мэнсон сказал: “Ваша честь, по-моему, это совсем не справедливо. Знаете, ведь это я совершил ошибку, и никто иной”.

Согласившись с ним и постановив, что процессуальных нарушений в данном случае не было допущено, судья Чозйт быстро свернул слушание.

Ирония происходящего не ускользнула от внимания журналистов, которые, не без определенной недоверчивости в тоне, разнесли сенсационную весть: Мэнсон дал присягу в суде, чтобы выступить в защиту человека, обвинившего его в семи убийствах.

Мой интерес к источникам убеждений Мэнсона тянулся со времен моего первого знакомства с “делом Тейт — Лабианка”. Некоторые из соответствующих источников обсуждались выше. Другие же, пусть и неприемлемые в качестве улики на суде, также могут быть любопытны, пусть даже и в качестве намека на обстоятельства зарождения нездоровой навязчивой идеи.

От Грегга Джекобсона и других мне было известно, что Мэнсон — настоящий эклектик, любитель перенимать чужие идеи. Я знал также, и из тюремных архивов, и по собственным разговорам с ним, что увлечение Мэнсона сайентологией было чем-то большим, чем быстро увядший интерес. Мне, как и Полу Уоткинсу, Мэнсон говорил, что достиг высшей ступени, “тетан-чистоты”, и более не имел к сайентологии ни малейшего отношения, уже не нуждаясь в ней. Я склонен принять, по крайней мере, последнюю часть этого заявления. В своем довольно обширном исследовании я не нашел никаких доказательств тому, что Мэнсон занимался сайентологией после своего освобождения из тюрьмы в 1967 году^[208]. К этому времени он уже вовсю развивал собственное учение.

Измерить силу влияния сайентологии на состояние ума Мэнсона, если такое влияние вообще имело место, не представляется возможным. Вне всяких сомнений, он получил определенное знание о приемах контроля над человеческим сознанием еще в тюрьме, во время своего тамошнего “одитинга”, — так же как освоил и некоторые техники, использованные им впоследствии для программирования своих последователей.

Связь Мэнсона с “Процессом”, или церковью Страшного суда, более тонка, зато одновременно гораздо более значительна и устрашающа. Лидер этого сатанинского культа — некто Роберт Мур, в рамках культа зовущийся Робертом Дегримстоном. Будучи бывшим учеником основателя сайентологии Л. Рона Хаббарда, видимо, достигшим изрядного веса в штаб-квартире движения в Лондоне, в итоге Мур порвал с сайентологией примерно в 1963 году, чтобы сформировать собственную группу. Он и его последователи позднее объявлялись в самых разных частях света, включая Мексику и Соединенные Штаты — по крайней мере несколько месяцев, если не больше, Мур жил в Сан-Франциско. Считается, что он также участвовал в одном из семинаров в Иса-ленском институте Биг-Сура, хотя остается неизвестным, совпадало ли время проведения этого семинара с каким-либо из визитов туда Мэнсона.

Одним из наиболее стойких последователей Дегримстона был некто Виктор Уайлд, молодой производитель кожаных изделий, чье имя в “Процессе” звучало как “брат Эли”.

Вплоть до декабря 1967 года жилищем Виктору Уайлду (и одновременно — штаб-квартирой “Процесса” в Сан-Франциско) служил дом 407 по Коул-стрит в Хейт-Эшбери.

Примерно с апреля по конец июля 1967 года Чарльз Мэнсон и его непрерывно растущая “Семья” жили всего в двух кварталах оттуда, в доме 636 по Коул-стрит. Принимая во внимание понятное любопытство Мэнсона, кажется весьма вероятным, что он, по крайней мере, пытался узнать о соседях-сатанистах, и существует вполне удовлетворительное доказательство тому, что он, так или иначе, “взял напрокат” некоторые из постулатов их учения.

Во время одной из наших бесед в ходе процесса по делу об убийствах Тейт — Лабианка я спросил у Мэнсона, не знаком ли он с Робертом Муром или Робертом Дегримстоном. Про последнего он, по его собственному утверждению, даже и не слышал, зато встречался с Муром. “Ты на него смотришь, — сказал мне Мэнсон. — Мы с Муром — одно и то же”. Как я понял, это должно было означать, что они разделяют одни убеждения.

Вскоре после этого разговора меня посетили два представителя “Процесса”, отец Джон и брат Мэттью. До штаб-квартиры “Процесса” в Кембридже, штат Массачусетс, дошли слухи, что я интересовался группой, и этих двоих прислали ко мне с единственной целью — твердо опровергнуть сам факт встречи Мэнсона и Мура, а также заявить о неприятии насилия Дегримстоном. Они оставили мне также целую кипу литературы о “Процессе”. На следующий день имена “отец Джон” и “брат Мэттью” появились в списке посетителей Мэнсона. Что они там обсуждали между собой, остается неизвестным. Я знаю лишь, что во время нашей последней беседы с Чарли он уклончиво отвечал на вопросы, затрагивавшие “Процесс”.

В 1968 и 1969 годах “Процесс” запустил мощную кампанию набора молодых рекрутов в Соединенных Штатах. Май и июнь 1968 года руководители движения провели в Лос-Анджелесе, как, по крайней мере, и несколько месяцев осени 1969 года, — чтобы затем вернуться в Англию примерно в октябре, сделав официальное заявление о вступлении в их секту двухсот американских хиппи. Мэнсон был в Лос-Анджелесе в оба названных периода. Возможно, что представители “Процесса” имели какие-то контакты с Мэнсоном и/или его группой, но доказательств этому у меня нет. Я склонен считать, что Мэнсон,

вероятно, контактировал с верхушкой “Процесса” в 1967 году в Сан-Франциско — как раз во время предположительного становления его собственной философии. Мне кажется, какой-то контакт непременно должен был состояться, ввиду множества параллелей между учениями Мэнсона и “Процесса”, следующих из полученной мною литературы.

Обе группы проповедовали немедленный и крайне жестокий Армагеддон, в котором должны погибнуть все живущие, за исключением немногих избранных. Обе группы находили основу для этих своих взглядов в Книге Откровения. В представлении обеих групп стихийно сбивающиеся вместе группы байкеров (такие как “Ангелы ада”) станут воинством последних дней существования мира. И обе группы предпринимали отчаянные попытки переманить мотоциклистов на свою сторону.

Тремя великими божествами Вселенной, по уверениям приверженцев “Процесса”, были Иегова, Люцифер и Сатана; Христос как абсолютный объединитель удерживал всех трех вместе. Во взглядах Мэнсона этот дуализм присутствовал в еще более упрощенной форме: своим последователям он представлялся то Сатаной, то Христом.

Обе группы проповедовали второе пришествие Христа в самом скором будущем. Вера не то чтобы очень уж необычная, если не считать интерпретации. Изданная “Процессом” брошюра утверждает: “При помощи Любви Христос и Сатана покончили с вековой враждой и объединились для наступления Конца: Христос грядет, чтобы творить Суд; Сатана приведет Приговор в исполнение”. На сей раз, когда в мир явится Христос, говорил Мэнсон, на крестах окажутся римляне (т. е. истеблишмент).

Отношение Мэнсона к страху было настолько необычно, что я полагал его практически уникальным. По крайней мере, мне так казалось до тех пор, пока в мои руки не попал специальный выпуск журнала “Процесс”, целиком посвященный этой проблеме: “Страх полезен... Страх побуждает к действию. Он питает нас энергией, он помогает живым существам добиваться желаемых результатов, поднять себя на взятие новых вершин и отбросить горечь неудачи”. Формулировки, конечно, отличаются, но это почти в точности повторяет проповеди Мэнсона.

Мэнсон часто говорил о кладезе бездны; “Процесс” — о бездонной пустоте.

Внутри самой организации “Процесс” часто называли “семьей” (вплоть до 1969 года, в любом случае); участники движения знали друг друга как братьев, сестер, матерей, отцов.

Графический символ “Процесса” схож со свастикой, вырезанной Мэнсоном на собственном лбу, хотя и не идентичен ей.

Среди наставлений “Процесса”, параллельных взглядам Мэнсона, имеются и следующие: “Настало Время Конца... Величайший грех состоит в убийстве животного... Христос говорил: любите своего врага. Врагом Христа был Сатана. Любите Христа и Сатану... Агнец и Козел должны объединиться. Чистая Любовь опускается к нам с вершины Небес, объединенная с чистой Ненавистью, поднимающейся из глубин Ада”.

Один из бывших сторонников “Процесса”, допрошенный офицерами ДПЛА по делу о сражении на ножах между двумя группировками мотоциклистов (ни одна из которых не имела ни малейшего отношения к “Процессу”), сказал об этом культе: “Им не нравятся люди, которых им не удастся переманить к себе. Они всецело противостоят “серым силам”, как они их зовут, — богатеям из истеблишмента или неграм...”

В.: “Почему они недолюбливают негров?”

О.: “Не знаю. Они им не нравятся, и точка”.

В.: “У них к неграм врожденная ненависть?”

О.: “Ну да, врожденная ненависть, но им еще хочется втянуть негров в какие-то боевые действия... Они сразу видят людей, чем-то разозленных или озлобившихся”.

Это было личное мнение порвавшего с “Процессом” участника движения, и оно вполне может не совпасть с официальной позицией самого “Процесса”, но сходство с собственной философией Мэнсона здесь неопровержимо и буквально повергает в трепет.

Это лишь некоторые из найденных мною параллелей. Их вполне достаточно, чтобы убедить, по крайней мере, меня: даже если сам Мэнсон никогда не считал себя приверженцем “Процесса”, то немало позаимствовал у этого сатанинского культа^[209].

Но и это не единственные обнаруженные мною связи между “Семьей” Мэнсона и сатанистами.

Бобби Бьюсолейл одно время весьма часто общался с кинорежиссером Кеннетом Энгером, который сам серьезно

интересовался мистикой мотоциклетных банд и оккультизмом. Бьюсолейл снимался в фильме Энгера “Восход Люцифера”, причем сыграл главную роль Князя Тьмы. Это произошло еще до его первой встречи с Мэнсоном.

В своем психиатрическом отчете о состоянии Сьюзен Аткинс доктор Джоэл Хочман подробно описал ту часть ее биографии, что прошла в Сан-Франциско, т. е. примерно к 1967 или 1968 году, также до ее знакомства с Мэнсоном: “В этот момент она вступила в фазу, которую называет сегодня сатанинским периодом своей жизни. Она познакомилась с Энтони Лавэем, главой движения сатанистов^[210]. Она принимала участие в коммерческой постановке шабаша ведьм и помнит первое представление, в ходе которого приняла АСД. По ходу действия она должна была лечь в гроб и оставалась там, подвергаясь галлюцинаторным реакциям. Она рассказала, что ей не хотелось выбираться из гроба, и вследствие этого занавес был опущен минут на пятнадцать позднее задуманного. Она заявила, что чувствовала себя живой, тогда как все прочие, населявшие отвратительный мир, казались ей мертвыми. Впоследствии этот “сатанинский приход” она испытывала [еще] примерно восемь месяцев...”

Во время процесса по делу об убийствах Тейт — Лабианка Патриция Кренвинкль рисовала на бумаге все, что придет в голову. По словам пристава Билла Мюррея, излюбленными темами ее рисунков были рогатые головы и Козел Мендес, т. е. сатанинские символы.

Перед тем как убить Войтека Фрайковски, Чарльз “Текс” Уотсон заявил ему: “Я Дьявол, и у меня здесь свои дьявольские дела...”

Еще одним человеком, оказавшим на Мэнсона очевидное влияние (и в идейном смысле, и в качестве примера), был мертвец — Адольф Гитлер. Мэнсон отзывался о нем с уважением и часто говорил о нем. Своим последователям он сказал, что “у Гитлера были наготове прекрасные ответы на все возможные вопросы”, и еще: “Гитлер был продвинутым парнем, который подровнял евреям карму”. Самого себя Мэнсон воспринимал как фигуру исторического масштаба, не меньше. В собственных глазах он был лидером, которому не только суждено запустить вспять карму чернокожих, но заодно и “подровнять” всех прочих, за исключением собственной расы арийцев — своей исключительно белокожей, исключительно американской “Семьи”.

Существовали как поверхностные, так и скрытые параллели между Гитлером и Мэнсоном.

Оба были вегетарианцами; рост обоих был невелик; оба тяжело страдали от нанесенных им в юности глубоких ран — психологических травм, которые укрепили (если не легли в ее основу) их невероятную ненависть к обществу; обоим пришлось носить клеймо незаконнорожденности — в случае Мэнсона потому, что он сам был рожден вне брака, у Гитлера же таким бастардом был отец.

Оба были бродягами-скитальцами; оба пытались добиться чего-то на поприще искусства, но испытали горечь разочарования; оба серьезно занимались оккультными областями знания; оба заставляли других совершать убийства ради себя.

Оба были расистами, но свидетельства показывают, что оба верили в то, что по их жилам струится кровь того самого народа, который они так презирали. Многие историки считают, что Гитлер был втайне одержим страхом, что кто-то из его предков был евреем. Если тюремное дело Мэнсона не лжет, он должен был верить, что его отец был чернокожим.

Оба окружили себя рабами, готовыми лизать им ботинки; оба выискивали чужие слабости и использовали их; оба программировали своих последователей с использованием техники повторения одних и тех же фраз, снова и снова; оба сознавали и использовали в своих целях психологическую силу страха.

У обоих имелся излюбленный эпитет для тех, кого они ненавидели более всех прочих: у Гитлера — *Schweinehund*, у Мэнсона — *pigs*.

Взгляд обоих собственные их последователи описывали как “гипнотический”; кроме этого, однако, оба умели подать себя, обладали харизмой и грандиозной силой личного убеждения. Генералы являлись к Гитлеру с намерением убедить фюрера в нелепости его военных планов; уходили же они, окончательно уверовав в их гениальность. Дин Мурхаус отправился на ранчо Спана, чтобы убить Мэнсона за то, что тот похитил его дочь, Рут Энн; вскоре он уже стоял на коленях, поклоняясь ему как божеству.

Оба обладали невероятной способностью воздействовать на других.

Приверженцы учений и Гитлера, и Мэнсона объясняли совершаемые их вожаками чудовищные поступки, вдаваясь в

философские абстракции.

Возможно, единственным наиболее важным влиянием на Гитлера можно считать Ницше. Мэнсон как-то заметил Джекобсону, что читал его труды. Правда это или же нет (Мэнсон читает не без труда, а Ницше — не особенно легкое чтение), оба — и Гитлер, и Мэнсон — свято верили в три основных постулата ницшеанства: женщины подчинены мужчинам, белая раса превосходит все остальные, цель оправдывает средства.

Ради этой цели оба, не задумываясь, шли на убийство. Оба считали, что массовые убийства — дело правильное, даже желательное, если оно служит осуществлению некоего грандиозного плана. У обоих имелся такой план; оба были одержимы своей навязчивой идеей: у Гитлера — Третий рейх, у Мэнсона — *Helter Skelter*.

Достигнув определенного момента, параллели перестают казаться рядом простых совпадений. Что из перечисленного было сознательно перенято Мэнсоном, а что — не более чем подсознательное подражание, остается неясным. Лично я верю, что, будь у Мэнсона такая возможность, он непременно стал бы новым Гитлером. Я не могу представить, чтобы он остановился прежде, чем принес бы в жертву миллионы человек.

Некоторые загадки так и остались неразгаданными. Среди них — точное количество убийств, совершенных участниками “Семьи” Мэнсона.

Чарли хвастался Хуану Флинну, что им якобы убиты тридцать пять человек. Когда Хуан рассказал мне об этом, я счел это пустым, хотя и жутким, бахвальством со стороны Мэнсона. Теперь же у нас есть свидетельства тому, что, даже если это и не было правдой *тогда*, то на сегодня число убитых приближается к той давней оценке и даже может превысить ее.

В ноябре 1969 года Сьюзен Аткинс сказала Ронни Ховард: “Есть уже одиннадцать убийств, которые им никогда не раскрыть”. Лесли Ван Хоутен назвала то же число, когда ее допрашивал Майк Макганн, тогда как Уич говорила Барбаре Хойт, что знает о десяти убитых “Семьей” людях, “кроме Шарон”.

Сьюзен сказала Виржинии Грэхем, что в придачу к восьми убитым (Хинман — Тейт — Лабианка) “есть больше... и еще больше — до

того". Одним несомненно был Шиа. Другим, вероятно, "тот парень из "Черных пантер" (Бернард Кроуи), которого Сьюзен, как и сам Мэнсон, ошибочно считала погибшим.

Должно быть, Сьюзен говорила о Кроуи, когда заметила на сделанной Кабаллеро магнитофонной записи о том, что револьвер 22-го калибра, использованный убийцами на Сиэло-драйв, участвовал "и в других убийствах" — при этом на ленте отчетливо слышно множественное, а не единственное число.

Сьюзен также говорила Виржинии: "Еще троих мы уложили в пустыне..." По словам Виржинии, Сьюзен "произнесла это очень невыразительным тоном, вскользь, и не называла имен". Когда Стив Забриске без успеха пытался убедить полицию Портленда, что Чарли и Клем были вовлечены в убийства Тейт и Лабианка, он признался, что Эд Бэйли говорил ему, будто собственными глазами видел, как Чарли выстрелил в голову мужчине. По рассказу Бэйли получалось, что убийство произошло в Долине Смерти, а орудием Мэнсону послужил автоматический пистолет 45-го калибра. На проведенном в мае 1970 года допросе Бэйли (н/и Эдвард Артур Бэйли) все отрицал. Тем не менее другой источник, в то время близкий к "Семье", заявил, будто слышал о том, что "вроде бы позади ранчо Баркера, на глубине в восемь футов, похоронены два парня и девушка".

Эти тела так никогда и не были найдены. Но, с другой стороны, тело Дональда "Коротышки" Шиа полиция также не сумела обнаружить.

13 октября 1968 года две женщины — Клайда Делэйни и Нэнси Уоррен — подверглись жестоким побоям, а затем были задушены кожаными ремешками в нескольких милях к югу от городка Юкайа, штат Калифорния. В тех краях примерно в то же время видели нескольких членов "Семьи". Два дня спустя Мэнсон внезапно перевез всю "Семью" с ранчо Спана к Баркеру. Офис шерифа округа Мендочино полагает, что между этими двумя событиями должна быть какая-то связь. Но предположение — еще не факт.

Ночью 30 декабря 1968 года, примерно в 3:30, семнадцатилетняя Марина Хабе, дочь писателя Ханса Хабе, была похищена с крыльца дома своей матери в Западном Голливуде, когда возвращалась домой после свидания. Ее тело было обнаружено в новогоднюю ночь на

обочине Малхолланд-драйв, у пересечения с Боумонт-драйв. Причина смерти: множественные ножевые ранения в шею и грудь.

Ходили ничем не подтвержденные слухи, будто жертва была знакома с одним или несколькими членами “Семьи”. Тогда как большинство его последователей находились на ранчо Баркера, сам Мэнсон, очевидно, 30 декабря ездил в Лос-Анджелес и вернулся на ранчо лишь на следующий день. Некоторые, включая и комментатора новостей радиостанции “Кей-Эн-Экс-Ти” Карла Джорджа, верят, будто здесь имеется некая связь, — но ничего определенного не известно до сих пор, и убийство остается нераскрытым.

В ночь на 27 мая 1969 года в своей квартире в Эшленде, Кентукки, был насмерть зарублен некто Дарвин Оруэлл Скотт. Убийство было совершено с такой жестокостью, что жертва, получившая девятнадцать резаных ран, была пригвождена к полу мясницким ножом.

Шестидесятичетырехлетний Дарвин Скотт приходился братом полковнику Скотту — наиболее вероятному отцу Чарльза Мэнсона.

Весной 1969 года называвший себя Проповедником калифорнийский гуру верхом на мотоцикле объявился в районе Эшленда в компании с несколькими “послушницами”. Бесплатно раздавая ЛСД подросткам, он попытался устроить коммуну на заброшенной ферме близ Хантингтона. И оставался там до апреля, когда местные жители сожгли дом и согнали группу с обжитой ими фермы, поскольку (по выражению местной газеты) “им не нравились хиппи, и они не хотели, чтобы они околачивались в городе”. По крайней мере четверо местных жителей позднее говорили репортерам, что Мэнсон и Проповедник — один и тот же человек. Противореча их уверенному опознанию, присутствие

Мэнсона в Калифорнии, по крайней мере в часть указанного срока, довольно хорошо задокументировано, и представляется, что в день убийства Скотта сам он находился в Калифорнии.

22 мая 1969 года Мэнсон позвонил Сэмюэлу Барретту — офицеру, надзиравшему за его условным освобождением. Чарли хотел получить разрешение отправиться в Техас вместе с группой “The Beach Boys”. Офицер пожелал увидеть документ, подтверждающий реальность работы Мэнсона в группе. В письме, датированном 27 мая, днем смерти Скотта, Мэнсон сообщал, что группа уехала в Техас без него, а сам он переезжает из Долины Смерти назад, на ранчо Спана. Назвать степень

контроля Барретта над Мэнсоном минимальной было бы большим преувеличением. Вплоть до 18 июня Барретт более не разговаривал с Мэнсоном.

Барретт не обратил внимания на штемпель, поставленный на почтовую марку на письме. Впрочем, он вспомнил, что письмо было получено им позже 3 июня — через неделю после того, как предположительно было написано. Возможно, что Мэнсон использовал письмо в качестве алиби; возможно также, что он послал кого-то из своих убийц прикончить Скотта. Но оба эти варианта — предположения в чистом виде. Убийство Дарвина Скотта не раскрыто.

Ранним утром 17 июля 1969 года шестнадцатилетний Марк Уолте покинул дом своих родителей в Чатсворте и, собираясь порыбачить, автостопом добрался до пирса Санта-Моники. Позднее его удочка была найдена на мостках. Тело же Уолтса было обнаружено примерно в 4 часа ночи на следующий день, 18 июля, на обочине бульвара Топанга-Каньон, неподалеку от его пересечения с Малхолланд-драйв. Лицо и голова юноши были покрыты синяками; в его грудь трижды выстрелили из оружия 22-го калибра.

Уолте не был наемным работником Спана или членом “Семьи”, но порой появлялся на ранчо. Следователи ОШЛА специально ездили туда, но так и не смогли обнаружить никаких улик, которые связали бы убийство с кем-либо из жителей ранчо Спана.

Брат Уолтса, однако, позвонил на ранчо и заявил Мэнсону: “Я знаю, что ты прикончил моего братишку, и я убью тебя за это”.

Угрозу он так и не выполнил, но, по-видимому, считал Мэнсона ответственным за смерть брата.

Когда Дэнни ДеКарло участвовал в марафонском интервью, проводимом ДПЛА, его спросили: “Ты знаешь что-нибудь о шестнадцатилетнем мальчишке, которого застрелили?”

ДеКарло ответил: “Никто с ранчо не имеет к этому никакого отношения. Я скажу почему. Услышав об убийстве, все они были так же шокированы [как и я сам]. Будь это их рук дело, они бы сказали мне”.

ДеКарло рассказал офицерам о звонке брата мальчика. Один из них поинтересовался: “Как ты думаешь, почему он подозревает Чарли?” ДеКарло ответил: “Потому что по городу не бегает слишком уж много маньяков, которые способны просто вынуть пушку и снести человеку голову ни за что ни про что”.

Сотрудники ДПЛА не стали развивать тему, поскольку дело об убийстве Уолтса вел ОШЛА. Оно остается нераскрытым до сих пор.

За один лишь месяц — между 27 июля и 26 августа 1969 года:

— Чарльз Мэнсон и его помешанная на убийстве “Семья” лишила жизни девять человек: Гари Хинмана, Стивена Парента, Джея Себринга, Абигайль Фольгер, Войтека Фрайковски, Шарон Тейт, Лено и Розмари Лабианка, Дональда Шиа.

Известно, что некоторые из принадлежавших к “Семье” девушек участвовали в операции по “уборке” территории вслед за убийством Шиа, но ни одна из них не предстала перед судом по обвинению в покрывательстве преступления. Некоторые и сегодня свободно ходят по улицам Лос-Анджелеса.

Произошедший 12 октября 1969 года арест Мэнсона не остановил убийства.

Как уже говорилось ранее, 5 ноября 1969 года Джон Филип Хоут (*тик* Кристофер Джизас, *тик* Зеро) был застрелен в доме у пляжа в Венисе. На момент прибытия полиции в доме находились четверо участников “Семьи”, заявившие, что Зеро совершил самоубийство, играя в “русскую рулетку”. Линда Болдуин (*тик* Маленькая Патти, *н/и* Меделайн Джоан Коттедж) рассказала, что лежала на кровати рядом с ним, когда это случилось. Другие — Брюс Дэвис, Сьюзен Бартелл (*тик* Деревенщина Сью) и Кэтрин Гиллис — заявили офицерам, что не видели, что произошло, но слышали выстрел.

По меньшей мере, кто-то из них (или, возможно, все до единого) солгал.

В ходе слушаний об определении наказания по делу об убийствах Тейт — Лабианка я спросил у Кэтрин: “ Вы заявили, что Зеро застрелился. Кто рассказал вам об этом? Ведь не сам же Зеро”.

О.: “Чего мне слушать чьи-то рассказы? Я сама это видела”.

В.: “О, так вы присутствовали при этом?”

О.: “Да”.

В.: “Расскажите, пожалуйста, что именно произошло”.

О.: “Я разговаривала с ним, и он вышел в соседнюю комнату. Маленькая Патти лежала на кровати. Он сел на кровать рядом с ней. Потянулся, подобрал револьвер и выстрелил в себя”.

В.: “Вот так просто?”

О.: “Да”.

В.: “Ни с того ни с сего?”

О.: “Совершенно ни с того ни с сего”.

Без ответа остаются три вопроса. С чего бы Зеро играл в “русскую рулетку” с полностью заряженным револьвером? Почему, если он вынул револьвер из кобуры, на ней не осталось никаких отпечатков пальцев? Почему Брюс Дэвис, по его собственному признанию поднимавший револьвер с пола, также не оставил на нем отпечатков — как не сделал этого и сам Зеро?

Примерно через неделю после того, как история об участии Мэнсона в убийствах Тейт — Лабианка просочилась в печать, с репортером “Лос-Анджелес таймс” Джерри Коэном связался некто, заявивший, что присутствовал при смерти Зеро. Вот только Зеро вовсе не играл в “русскую рулетку”; нет, его застрелили.

Информатором был молодой человек лет двадцати пяти, пять футов восемь дюймов ростом, легкого телосложения. Он отказался назвать Коэну свое имя. По его собственному признанию, он был “напуган до смерти”.

В том доме в Венеции присутствовали шесть или восемь человек, курившие гашиш. “Зеро убила одна из девчонок”, — сказал информатор Коэну. Но не пожелал уточнить, кто именно, лишь добавил, что совсем недавно, на очередном сборище “Семьи” Мэнсона, эта девушка уселась напротив и три часа кряду не сводила с него глаз, крутя в руках ножик.

Расспрашивая его, Коэн уяснил, что тот оказался в “Семье” уже после убийств Тейт — Лабианка. Встречаться с Мэнсоном ему не доводилось, зато он слышал от других членов “Семьи” об “огромном количестве других убийств, о которых полиция даже не подозревает”, и еще: “Семья” гораздо больше, чем вы можете себе представить”.

Молодой человек нуждался в деньгах, чтобы уехать в округ Марин, на севере Калифорнии. Коэн дал ему двадцать пять долларов, пообещав, что даст еще, если только тот вернется, чтобы назвать имя убийцы Зеро. И никогда более не видел его.

16 ноября 1969 года неподалеку от каньона Лорел было обнаружено тело неизвестной девушки, сброшенное через дорожное

ограждение у пересечения Малхолланд и Боумонт-драйв, почти в том же месте, где ранее было найдено тело Марины Хабе. Брюнетка лет семнадцати — девятнадцати, пять футов девять дюймов, 115 фунтов; ей нанесли 157 ударов ножом в область горла и в грудную клетку. Руби Перл вспомнила, что видела эту девушку в компании с участницами “Семьи” на ранчо Спана, и вроде бы ее звали Шерри. Девушки Мэнсона частенько меняли имена и клички, но сотрудникам ОШЛА удалось найти только одну Шерри — Шерри Энн Купер, *тик* Шерри из долины Сими. Она бежала с ранчо Баркера вместе с Барбарой Хойт и была, к счастью, жива. Жертва, погибшая не позднее суток до обнаружения тела, значится в полицейских архивах как Джейн Доу 59. Ее личность не установлена до сих пор.

То, что ее смерть наступила вскоре после самоубийства Зеро, позволяет выдвинуть догадку, что девушка могла присутствовать при убийстве, но затем и саму ее убили, чтобы заставить молчать. Но это всего лишь догадка, и она ничем не подтверждена. Убийство Джейн Доу 59 остается нераскрытым.

21 ноября 1969 года на одной из центральных улиц Лос-Анджелеса были найдены тела пятнадцатилетнего Джеймса Шарпа и девятнадцатилетней Дорин Гол. Оба были убиты при помощи ножа с длинным лезвием или штыка где-то в другом месте и затем брошены в центре города. Каждому было нанесено более пятидесяти колотых ран.

Лейтенант Эрл Димер расследовал убийства Шарпа — Гол, как и репортер Коэн из “Лос-Анджелес тайме”. Оба считают, что возможность участия в убийствах кого-либо из членов “Семьи” весьма велика, но обе смерти остаются нераскрытыми.

И Джеймс Шарп, и Дорин Гол занимались сайентологией, причем последняя достигла “чистоты” и жила в здании Церкви сайентологии. По неподтвержденным данным, Дорин Гол была бывшей подружкой члена “Семьи” Мэнсона по имени Брюс Дэвис, который и сам в прошлом увлекался сайентологией.

Местопребывание Дэвиса в дни убийств Шарпа, Гол и Джейн Доу 59 остается непроясненным. Он бесследно пропал вскоре после допроса полицией в связи со смертью Зеро.

1 декабря 1969 года Джоэль Дин Пью, муж участницы “Семьи” Сандры Гуд, был найден с перерезанным горлом в гостиничном номере

в Лондоне. Как уже говорилось, местная полиция пришла к заключению, что смерть Джоэля наступила в результате самоубийства. Узнав о смерти Пью, прокурор округа Инио Фрэнк Фоулз разослал официальные запросы, в том числе и в Интерпол: требовалось проверить, не посещал ли Англию некто Брюс Дэвис — как раз во время предполагаемого самоубийства Пью?

Скотленд-Ярд ответил следующим письмом: “Нами было установлено, что Дэвис зарегистрировался в лондонском аэропорту и улетел в Соединенные Штаты Америки 25 апреля 1969 года, имея при себе паспорт гражданина Соединенных Штатов за номером 612 2568. В этот момент он назвал адресом своего пребывания Дормер-коттедж в Фелбридже, графство Суррей. Здание по указанному адресу принадлежит Движению сайентологии и является общежитием последователей данного учения.

Местная полиция не смогла предоставить нам какой-либо информации о Дэвисе, но, как считают в Фелбридже, Дэвис посещал нашу страну и позднее апреля 1969 года. Тем не менее официальных записей об этом его визите не имеется”.

Дэвис не объявлялся до февраля 1970 года, когда его задержали на ранчо Спана, коротко допросили по обвинениям в угонах автомобилей, предъявленным властями округа Инио, и затем отпустили на все четыре стороны. После того как большое жюри обвинило его в убийстве Хинмана, Дэвис вновь бесследно исчез, чтобы объявиться уже 2 декабря 1970 года, через четыре дня после загадочного исчезновения Рональда Хьюза. Как уже упоминалось, на момент сдачи властям его сопровождала участница “Семьи” Бренда Макканн.

За тремя исключениями, это все известные убийства, совершенные “Семьей” Мэнсона или приписываемые ей. Возможно ли, чтобы их было больше? Я обсуждал это с офицерами ДПЛА и ОШЛА, и все мы сошлись на том, что, по всей видимости, это еще далеко не все. Потому лишь, что этим людям нравилось убивать. Но твердых улик у нас не было и нет.

Что же до трех других убийств, то два из них произошли уже в 1972 году.

8 ноября 1972 года путешествующий автостопом турист увидел неподалеку от базы отдыха у реки Рашн в Гуэрневилле, в Северной Калифорнии, торчащую из земли человеческую руку. Когда полиция эксгумировала труп, выяснилось, что рука принадлежала молодому человеку, одетому в темно-синюю униформу морской пехоты. Его застрелили и обезглавили.

Впоследствии погибший был опознан как Джеймс Т. Уиллетт, двадцати шести лет, бывший морской пехотинец из Лос-Анджелеса. Эти данные прозвучали по радио и в телевизионных новостях в пятницу, 10 ноября.

В субботу, 11 ноября, в калифорнийском городке Стоктон полиция заметила принадлежавший Уиллетту почтовый фургон, припаркованный перед домом 720 по Вест Флора-стрит. Когда в разрешении осмотреть дом им было отказано, полицейские ворвались в него силой и арестовали двоих мужчин и двух женщин, конфисковав при этом немало винтовок и пистолетов.

На лбу у каждой из женщин виднелся “Х”, свидетельствующий об их принадлежности к “Семье” Мэнсона. Ими оказались Присцилла Купер (21 год) и Нэнси Питман (*тик* Бренда Мак-канн, 20 лет). Через несколько минут после появления в доме полицейских раздался телефонный звонок, и третья женщина попросила подобрать ее в городе и подбросить к дому. Полицейские поехали навстречу и арестовали также Линетту Фромм (*тик* Пищалка, 24 года), бывшего официального лидера “Семьи” в отсутствие Мэнсона.

Арестованными мужчинами были Майкл Монфорт (24 года) и Джеймс Крейг (33 года), оба бежавшие из тюрьмы штата и разыскиваемые за несколько вооруженных ограблений в различных точках Калифорнии. На левой стороне груди каждого были вытатуированы две буквы: “АБ”. По словам представителя Департамента исправительных учреждений штата, инициалы представляли собой сокращенное выражение “Арийское братство”, описанное им же как “объединение белокожих заключенных тюрем, в основном посвятивших себя расизму, но также вовлеченных в преступную деятельность гангстерского свойства, что подразумевает, в числе прочего, и исполнение заказных убийств...”

Обойдя дом, полицейские заметили участок свежевскопанной земли в подвале. Заручившись ордером на обыск, они начали копать и

ранним утром на следующий день извлекли из подвала тело девятнадцатилетней Лорин Уиллетт. Она была убита выстрелом в голову, и смерть девушки наступила либо поздним вечером в пятницу, либо утром в субботу — вскоре после того, как по каналам новостей была передана информация об опознании трупа ее мужа.

Допрошенная полицией Присцилла Купер заявила, что Лорин Уиллетт совершила самоубийство, “играя в “русскую рулетку”.

Хотя, как и Зеро, миссис Уиллетт была не в состоянии опровергнуть эту историю, полиция Стоктона отнеслась к ней с куда большим скептицизмом, чем ОШЛА. Трем женщинам и двум мужчинам было предъявлено обвинение в убийстве Лорин.

Суд по делу об этом убийстве был назначен на май 1973 года.

2 апреля, однако, четверо из пяти подсудимых изрядно удивили Суд, признав свою вину. Майкл Монфорт, признавший себя виновным в убийстве Лорин Уиллетт, был приговорен в семи годам в тюрьме штата. Судья Верховного суда Джеймс Даррай вынес решение о двух последовательных сроках заключения (до пяти лет и два года) в отношении Джеймса Крейга, признавшего себя виновным в сокрытии факта убийства и во владении нелегальным оружием — винтовкой-обрезом. Обе девушки также заявили о своей виновности в укрывательстве, и обе — Присцилла Купер и Нэнси Питман (*тик* Бренда), которую Мэнсон некогда указал мне как кандидата на пост главы своих убийц, — оказались в тюрьме штата, на пять лет каждая.

Еще одна участница “Семьи”, Мария Алонзо (*тик* Кристал, 21 год), арестованная при попытке пронести выкидной нож в тюрьму Стоктона, впоследствии была отпущена на свободу.

Как и Пищалка — у полиции не нашлось достаточных улик, чтобы привязать Линетту Фромм к убийству Лорин Уиллетт, так что предъявленные ей обвинения были сняты, и сама она была освобождена, чтобы вновь возглавить “Семью” Мэнсона.

Монфорт и его поделщик Уильям Гоучер (23 года) впоследствии признали себя виновными в убийстве второй степени Джеймса Уиллетта и были приговорены к пяти годам заключения.

Мотив этих двух убийств так и остался неясен. Известно, впрочем, что Уиллетты по меньшей мере с год тесно общались с “Семьей” и, вполне возможно, даже дольше. Полиция предполагает, что Лорин Уиллетт была убита сразу после того, как ей стало известно об

убийстве мужа, — с тем чтобы предотвратить ее обращение в полицию. Что же до убийства Джеймса Уиллетта, то официальная позиция полицейских сводится к тому, что Уиллетт, вероятно, собирался рассказать властям о совершенных группой ограблениях.

Существует и другая вероятность. Возможно, Джеймс и Лорин Уиллетты убиты потому, что им было слишком много известно о совершенно другом убийстве.

Джеймс и Лорин. Что-то в этих именах показалось мне знакомым. Потом все стало на свои места. 27 ноября 1970 года Джеймс Форшер и Лорин Элдер отвезли адвоката защиты Рональда Хьюза к горячим источникам Сеспе. После исчезновения Хьюза эту пару допросили, но не сняли с них отпечатков пальцев: полиция удовлетворилась тем, что они покинули район затопления в то время, когда Хьюз был еще жив.

Поначалу я думал, что “Элдер” может оказаться девичьей фамилией Лорин Уиллетт, но это было не так. Да и проверив полицейские отчеты и газетные публикации, я не сумел найти ни единого описания внешности Форшера и Элдер. Единственное, что мне удалось найти, был их возраст (обоим по 17 лет) и адрес, по которому я затем узнал, что они давным-давно съехали. Все другие попытки найти их оказались тщетны.

Непохоже, на первый взгляд, чтобы Джеймс Форшер и Джеймс Уиллетт оказались одним и тем же человеком: Уиллетту в 1970 году было двадцать четыре года, а не семнадцать. Но Лорин — имя, которое встречается, скажем так, не слишком часто. И в 1970 году девушке действительно должно было быть семнадцать лет, поскольку в 1972 ей было девятнадцать.

Совпадение? В этом деле их хватало и раньше, причем некоторые из них бывали и удивительнее.

Так или иначе, одна вещь известна точно. Если признание, сделанное одной из первых участниц группы, не противоречит истине, то Рональд Хьюз *действительно* был убит “Семьей” Мэнсона.

Минуло уже несколько недель с момента окончания процесса по делу об убийствах Тейт — Лабианка, когда я получил заказанный мною отчет о вскрытии из округа Вентура. Идентификация, проведенная при помощи рентгена, была положительной. Найденное тело принадлежало

Рональду Хьюзу. И все же остаток отчета мало что добавлял к газетным публикациям. В нем отмечалось: Покойный был замечен лежащим в водоеме, голова и плечо зажаты массивным обломком скалы”. Одна рука почти полностью оторвана у плеча, в груди и спине присутствуют значительные открытые области. В остальном же “явных признаков насилия не обнаружено”, тогда как “исследование в рентгеновских лучах не выявило признаков совершения преступления”. Все это подавалось с большой оговоркой: разложение зашло уже достаточно далеко. Что же до первичных целей вскрытия, то они и вовсе не были достигнуты: “Природа смерти — неизвестна. Причина смерти — не установлена”.

Отчет отмечал, впрочем, присутствие в желудке погибшего некоторых следов “применения лекарственных препаратов”. Но составляющие этих препаратов (что это было: наркотик? яд?), как и причина смерти, так и не были определены.

Совершенно не удовлетворенный этим отчетом, я затребовал проведения нашим офисом следствия по факту смерти Хьюза. Мне было отказано на том основании, что признаков совершения преступления медики не нашли, а потому и следствие не имеет смысла.

На чем все, кажется, и успокоились — до самого недавнего времени. В то время как процесс по делу об убийствах Тейт — Лабианка был еще в самом разгаре, кинорежиссер Лоуренс Меррик начал работать над документальным фильмом о “Семье” Мэнсона. Эта картина, названная просто “Мэнсон”, лишь мимоходом затрагивала убийства, в первую очередь повествуя о жизни на ранчо Спана и Баркера. Я сам прокомментировал несколько эпизодов “за кадром”; в фильме присутствовали также и фрагменты интервью со многими из последователей Мэнсона. Картина была показана на Венецианском кинофестивале в 1972 году, а через год номинировалась на Оскар, награду Киноакадемии. В процессе съемок Меррик сумел добиться расположения девушек-мэнсониток. Например, Сандра Гуд призналась на экране, что, когда они с Мэри Бруннер узнали об убийствах на Сизло-драйв (в то время еще сидя в окружной тюрьме Лос-Анджелеса), “Мэри сказала: “Вот здорово!”, а я ей говорю: “Класс, похоже, это наши постарались!”

Когда камера бывала выключена и запись звука не проводилась, Сэнди делала Меррику и другие признания. Так, она сказала ему (в

присутствии свидетеля), что на тот момент “Семьей” были убиты “от тридцати пяти до сорока человек”. И что “первым убийством возмездия была смерть Хьюза”.

Описанные судебные процессы не поставили точку в саге о Мэнсоне. Как заметил обозреватель “Лос-Анджелес таймс” Дэйв Смит в журнале “Уэст”, “задернуть занавес над делом Мэнсона — значит оградить себя от любых намеков на то, откуда зверь может явиться в следующий раз, и поэтому продолжать опасаться ночных шорохов, — как все мы боялись их в августе 1969 года”.

История знает немало примеров серийных убийств. Уже после резни Тейт — Лабианка, в одной лишь Калифорнии: социальный работник Хуан Корона признан виновным в убийстве тридцати пяти сельскохозяйственных сезонных рабочих; Джон Линли Фрэйзер убил доктора Виктора Охту, его жену, их двоих сыновей и его секретаршу, после чего свалил тела убитых в принадлежавший чете Охты плавательный бассейн; в неистовстве, продолжавшемся несколько месяцев, Герберт Маллин убил тринадцать человек в возрасте от трех до семидесяти трех лет; Эдмунд Кемпер-третий, признанный невменяемым после убийства своих бабушки с дедушкой, был впоследствии признан психически здоровым и отпущен на свободу, что дало ему возможность убить свою мать, одну из ее подруг и шестерых своих однокурсниц; двоим бывшим заключенным, арестованным за бродяжничество, приписывают по меньшей мере семнадцать убийств.

За исключением последней парочки убийц, все названные преступления были делом рук одиночек, определенно страдавших нервными расстройствами (даже если и не признанных невменяемыми официально), которые *совершали убийства самостоятельно*.

Дело Мэнсона было и остается уникальным. Если, как заявила Сандра Гуд, “Семья” действительно совершила от тридцати пяти до сорока убийств, то эта цифра уже вплотную подходит к рекордной для США отметке. И все же вовсе не количество жертв будоражит воображение в данном случае. Дело Мэнсона и его “Семьи” не перестает привлекать внимания из-за сочетания в нем элементов, которое, пожалуй, не имеет аналогов в архивах американской юстиции. Известность жертв; месяцы догадок и предположений, а затем и чистого страха, прошедшие до поимки убийц; невероятно нелепый

мотив преступлений — высечь искру “чернобелого” Армагеддона; мотивационная цепочка, увязавшая с преступлениями тексты самой популярной рок-группы всех времен и народов, “The Beatles”; и прежде всего — дергающий за нити мефистофельский гуру, имевший уникальную силу убеждать идти на убийство *ради него других*, в основном юных девушек, отправившихся по его приказу и жестоко убивших совершенно незнакомых им людей, с азартом и удовольствием, без всяких признаков вины или сожаления... Все эти элементы в их комбинации делают Мэнсона, возможно, самым страшным серийным убийцей, а сами убийства — наиболее дикими, кошмарными во всей истории Америки.

Самым интригующим вопросом остается, как Мэнсон достигал подобного контроля.

В ходе процесса по делу об убийствах Тейт — Лабианка моей задачей было не показать, как именно он добивался своего, но доказать, что это происходило. И все же в понимании всего феномена Мэнсона вопрос “*Как?*” имеет чрезвычайно большое значение.

Некоторые ответы у нас есть.

На протяжении своих странствий Мэнсон встречал, вероятно, тысячи людей. Большинство не последовали за ним, чувствуя, возможно, что этот человек очень опасен, или же потому, что проповедуемая им нездоровая философия не находила в них отклика.

Те же, кто присоединился к Мэнсону в этих его странствиях, как уже отмечалось, не были похожи на обычных, среднестатистических юношей и девушек. Нет, Чарльз Мэнсон не был тем “крысоловом из Гаммельна”, что внезапно появился на баскетбольной площадке техасского колледжа, протянул Чарльзу Уотсону таблетку ЛСД и увлек его за собой в преступную жизнь. Уотсон бросил колледж всего за год до выпуска, уехал в Калифорнию, занялся не только употреблением, но и продажей наркотиков, — все это еще до его первой встречи с Чарльзом Мэнсоном. Не только Уотсон, но и почти все остальные члены “Семьи” успели “выпасть” из общества еще до знакомства с Чарли. Уже тогда почти у каждого имелась глубоко укоренившаяся враждебность к обществу и ко всему, что оно собой олицетворяло.

Те, кто пошел за Мэнсоном, сделали это (как выразился доктор Джозел Хочман) по причинам, “заложенным в структуре их личностей”. Короче говоря, у каждого из них имелись определенные потребности,

которые Мэнсон, видимо, сумел удовлетворить. Но этот процесс селекции имел и обратную сторону. Ибо только Мэнсон решал, кто может остаться. Очевидно, ему не нужны были те, в ком он распознавал потенциальную опасность, кто мог бы бросить вызов его авторитету, внести в группу расслоение или раздоры, усомниться в изрекаемых им, Мэнсоном, догматах. Они могли выбирать, после чего свой выбор делал Чарли, — и в результате на свет появилась “Семья”. Те, кто постоянно возвращался на ранчо Спана и жил там, делали это потому, что на базовом уровне все они имели сходные мысли и чувства. Таков был сырой материал, попавший в руки Мэнсона.

Чтобы вылепить из этой глины шайку хладнокровных убийц, готовых излить на незнакомых им людей его, Чарли, всеохватную злобу к обществу, Мэнсон использовал широкий набор техник.

Он чувствовал потребности людей и старался выделить, подчеркнуть их. Как отметил Грегг Джекобсон, “Чарли был человеком с тысячей лиц”, который “общался с людьми на том уровне, который был им нужен”. Присущая Мэнсону способность “вычислять” человеческую психику была столь развита, что многие из его сторонников предполагали в нем умение читать мысли.

Я сильно сомневаюсь, чтобы во всем этом присутствовала хоть капля “магии”. Имея долгие, долгие годы для изучения человеческой натуры в узких стенах тюрьмы и будучи настолько искусным лицемером, Мэнсон пришел, вероятно, к осознанию тех психических проблем, которые преследуют практически каждого из нас. Подозреваю, что все его “магические силы” — не более (но и не менее) чем умение говорить избитые банальности в нужное время нужным людям. Например, каждая бежавшая из отчего дома девушка наверняка испытывала определенные проблемы в общении с собственным отцом, тогда как всякий, попадавший на ранчо Спана, явно пытался найти, обрести там что-то недостающее или давно утраченное. Мэнсону оставалось лишь выяснить, что это такое, и предоставить человеку, по крайней мере, некое подобие желаемого — будь то суррогат фигуры отца, ослепительный религиозный символ, долгожданное принятие в замкнутую группу или уверенный в себе лидер, резко выделяющийся из толпы в нынешнее “время без лидеров”.

Другим инструментом Мэнсона были наркотики. Как стало ясно из показаний психиатров, данных в ходе судебных заседаний, ЛСД

представляет собой не препарат, оказывающий прямое воздействие, но катализатор. Мэнсон весьма эффективно применял его, стараясь сделать своих последователей более податливыми, внедрить в их сознание определенные идеи, добиться от них “согласия”. Как рассказал мне Пол Уоткинс, Чарли всегда принимал меньшую дозу ЛСД, чем все остальные, чтобы не утратить лидерства.

Он использовал повторение. Постоянно поучая своих “учеников”, читая им лекции практически ежедневно, Мэнсон постепенно и систематически стирал многие сдерживающие факторы их психики. Как сам Мэнсон заметил однажды в зале суда, “можно убедить кого угодно в чем угодно, если все время только об этом и твердить. Может, человек и не поверит тебе на все сто процентов, но он будет опираться на твои слова, высказывая свое мнение, особенно если ему не на что больше опереться”.

В этом заложен еще один ключевой принцип, который принимал в расчет Мэнсон: наряду с повторением, он использовал изоляцию. На ранчо Спана не было газет, не было часов. Оборвав связи своей группы с остальным обществом, Мэнсон создал на этой вневременной территории свое собственное тесное сообщество, со своей собственной системой ценностей. Оно было замкнутым, целостным, самодостаточным — и постоянно конфликтовало с окружающим его миром.

Он использовал секс. И еще была любовь, много любви. Не обратить на это внимание — значит не заметить одну из наиболее прочных связей, державших “Семью” вместе. Любовь основывалась на их обычаях делиться всем со всеми, их общих проблемах и удовольствиях, их отношениях с Чарли. Они были настоящей “Семьей” во всех смыслах этого слова, социологической ячейкой со своими братьями, сестрами и приемными детьми, вращавшейся вокруг доминирующей фигуры всезнающего, всесильного патриарха. Готовка пищи, мытье посуды, уборка, шитье — все те обязанности по дому, которые они ненавидели в собственных семьях, теперь исполнялись с готовностью, поскольку радовали Чарли.

Он использовал страх — и очень, очень эффективно. Овладел ли Мэнсон этой техникой в тюрьме или дошел до нее позднее, неизвестно, — но то был один из наиболее мощных инструментов его контроля над остальными. Возможно, в нем крылось и еще кое-что. Как

заметил в своей статье в “Ньюсуик” профессор Стэн-фордского университета Филип Зимбардо, долго занимавшийся изучением преступности и производимых ею эффектов, “поднимая уровень страха вокруг себя, ты заставляешь свой собственный страх казаться более нормальным и социально приемлемым”. Собственный страх Мэнсона граничил с паранойей.

Он учил, что жизнь — лишь игра. Сегодня они будут вооруженными саблями пиратами, разрубающими пополам всякого, кто осмелится прыгнуть на палубу их воображаемого корабля; завтра они сменяют костюмы и превратятся в индейцев, крадущихся по следам отряда ковбоев, или станут ведьмами и чертями, творящими заклятия. Игра. Но за всеми масками скрывался один и тот же рефрен: “мы” и “они”, кто кого. Как показал на суде доктор Хочман, “я полагаю, историей доказано, что простейший способ склонить кого-то к убийству — это убедить в том, что вокруг сплошные чужаки. Они это они, а мы — это мы, и они отличаются от нас”.

Фрицы. Япошки. Узкоглазые. Свиньи.

С помощью частой смены имен и ролей Мэнсон создал собственную банду шизофреников. Малышку Сьюзен Аткинс, певшую в церковном хоре и ухаживавшую за матерью, когда та умирала от рака, никак нельзя винить в том, что сделала Сэди Мэй Глюттц.

Мэнсон вытащил на поверхность их латентную ненависть, их врожденную склонность к насилию садистского толка, сфокусировав их на едином общем враге, на истеблишменте. Он лишил жертвы личностей, превратив их в символы. Гораздо проще ткнуть ножом в символ, чем в живого человека.

Он преподавал своим последователям абсолютно аморальную философию, которая полностью оправдывала любые их поступки. Если все хорошо, то ничего плохого не может быть. Если ничто не реально, а вся жизнь — лишь игра, тогда нет смысла сожалеть и раскаиваться.

Если им требовалось нечто, чего нельзя было отыскать в мусорных баках или в общей куче тряпья, они шли на воровство. Шаг за шагом. Попрошайничество, мелкие кражи, проституция, взломы, вооруженные ограбления и, наконец, без всякой выгоды для себя, лишь потому, что на это есть воля Чарли, а воля Чарли — это воля Сына Человеческого, последний шаг, окончательный акт пренебрежения к истеблишменту,

наиболее позитивное доказательство их абсолютной приверженности идеям Мэнсона: убийство.

Шутники говорили: “Семью, которая убивает, не разлить и водой”. За черным юмором прячется истина. Знание о том, что ими нарушена самая строгая заповедь христианства, создавало узы, тем более крепкие, что это общее знание было *их* тайной, только *их* секретом.

Он использовал религию. Мэнсон не просто находил опору для многих своих постулатов на страницах Библии, но и часто давал понять, что сам является вторым земным воплощением Христа. У него были свои двенадцать апостолов, даже больше в несколько раз; не один Иуда, а целых два — Сэди и Линда; он уходил в пустыню, на ранчо Баркера; у него был и собственный Суд — во Дворце юстиции.

Он использовал также и музыку, отчасти потому, что и сам был неудавшимся музыкантом, но еще и потому, что, как Мэнсону должно было быть известно, именно музыка быстрее всего способна достичь сердец и умов молодежи.

Он использовал свое интеллектуальное превосходство. Мэнсон был не просто старше всех своих последователей, но и сообразительнее; он говорил лучше, чем они; лучше постигал основы, подспудный смысл событий и явлений. Обладая тюремным опытом и превосходной, никогда не изменявшей ему способностью менять личины, да еще и обязательным для сводника умением манипулировать людьми, Мэнсон без труда мог убедить своих наивных, впечатлительных последователей в том, что это не они “больны”, а отвергнувшее их общество. К тому же, именно это они и хотели услышать.

Все эти факторы крепили контроль Мэнсона над “Семьей”. Но даже если собрать их воедино, станут ли они вровень с убийством без жалости, без раскаяния? Может, это и так, но мне кажется, что есть еще какой-то элемент, какое-то потерянное звено, которое позволяло Чарли до такой степени насиловать и коверкать сознание своих последователей, что в итоге они с готовностью шли вразрез с самой глубоко сидящей, с самой прочной из всех Моисеевых заповедей: “Не убий” — и охотно убивали по его приказу, даже находя в этом удовольствие.

Быть может, что-то кроется в харизматической, загадочной личности Мэнсона — какое-то едва различимое свойство, или некое

качество, или внутренняя сила, какую еще никому не удавалось вычлениить и дать ей определение. Возможно, он перенял это “нечто” у кого-то другого. Чем бы оно ни было, я считаю, что сам Мэнсон в точности знает формулу, которую использовал. И меня беспокоит то, что для нас она не прояснилась до конца. Ибо пугающий вывод, который следует из всего дела Мэнсона, прост: нечто подобное может произойти снова.

Мне кажется, Чарльз Мэнсон уникален. В любом случае, он — один из наиболее ярких преступников в американской истории, и едва ли, на первый взгляд, может появиться новый серийный убийца, во всем подобный ему. Но не обязательно быть провидцем, чтобы ощутить в сегодняшнем мире присутствие, по крайней мере, некоторых из элементов, составивших его столь заразительное безумие. Вероятность возникновения нового Мэнсона присутствует везде, где люди, не задавая вопросов, отдают свое сознание в безраздельное пользование неким авторитарным фигурам. Это может быть какой-нибудь сатанинский культ, наиболее фанатичные ветви Церкви Христовой (на правом или левом ее крыле) или же изматывающие разум секты новой чувствительности. Остается лишь уповать на то, что ни одна из этих групп не породит новых Чарльзов Мэнсонов: было бы непозволительной наивностью полагать, будто подобная зловещая вероятность не существует.

У истории о Мэнсоне есть несколько счастливых концов. И несколько не столь счастливых.

И Барбара Хойт, и Дайанна Лейк вернулись в школу и успешно окончили ее, очевидно, мало пострадав от опыта общения с Мэнсоном. У них осталось лишь несколько неглубоких душевных ран, которые со временем могут затянуться вообще. Барбара сейчас учится, чтобы стать медсестрой.

У Стефани Шрам появилось собственное дело; теперь она владеет школой дрессировки собак. Пол Уоткинс и Брукс Постон сколотили свою группу и выступают с ней в различных клубах округа Инио. Их песни оказались достаточно хороши, чтобы послужить музыкальным сопровождением документального фильма о Мэнсоне, снятого Робертом Хендриксоном.

После пожара Джордж Спан продал ранчо инвестиционной компании, намеревавшейся перестроить его в гостиницу в американском стиле для туристов из Германии. Джордж же приобрел другое ранчо, неподалеку от Кламат-Фолса, штат Орегон, — и им, как и прежде, управляет Руби Перл.

От Хуана Флинна я давненько не получал весточек, но его судьба меня вовсе не беспокоит. Хуан всегда был способен самостоятельно позаботиться о себе. В последний раз мы встречались у меня в кабинете, но отчего-то Хуан представляется мне сидящим на огромном белом жеребце: за спиной у ковбоя сидит красавица, крепко цепляясь за дружка, чтобы не свалиться с коня во время бешеной скачки к закатному солнцу. Подозреваю, Хуан именно так и представляет себе собственный образ.

После убийства жены Роман Полански снял несколько художественных фильмов, включая и новое прочтение “Макбета”. В его версии кинокритики отметили ряд тревожных параллелей с убийствами на Сизло-драйв. Сам же Полански позировал для иллюстраций к его интервью в журнале “Эсквайр” с воздетым блестящим ножом и, по сообщениям прессы, вновь вернулся в Лос-Анджелес, поселившись в доме неподалеку от Сизло-драйв, 10050.

Адвокат Полански, работая в тесном контакте с ДПЛА, разделил награду в 25 тысяч долларов следующим образом: Ронни Ховард и Виржиния Грэхем получили по 12 тысяч долларов каждая, тогда как Стивен Вейс (мальчик, нашедший оружие убийства — револьвер 22-го калибра) получил тысячу.

Ни Дэнни ДеКарло, ни Алана Спринджера не оказалось поблизости, чтобы принять участие в дележе. Вскоре после процесса по делу Уотсона Дэнни, отпущенный под залог до суда по федеральному обвинению, связанному, естественно, с оружием, бежал в Канаду; его нынешнее местопребывание неизвестно. По выражению офицера ДПЛА, байкер Эл Спринджер попросту “исчез”. Мне не известно, жив он или мертв.

Ронни Ховард пробовала работать официанткой в коктейль-баре, но удержаться на этой работе ей оказалось не по силам. Куда бы Ронни ни обратилась, по ее собственным словам, ее встречали не иначе как “стукачку в деле Мэнсона”. Несколько раз ее избивали по дороге домой с работы, а однажды вечером кто-то выстрелил в окно ее гостиной.

Пуля пролетела в нескольких дюймах от лица Ронни. Возможного убийцу так и не нашли, и на следующий день Ховард заявила репортерам: “Я жалею, что не удержала язык за зубами”.

Виржиния Грэхем устроилась работать секретаршей в юридической конторе и, казалось, быстрым темпом возвращается к нормальной жизни, когда вдруг серьезно нарушила условия досрочного освобождения. Когда я пишу эти строки, ее все еще разыскивает полиция.

Через семь месяцев после того, как Билл Фарр отказался открыть судье Олдеру, кто именно передал ему текст показаний Виржинии Грэхем о планируемых “Семьей” Мэнсона “убийствах знаменитостей”, Олдер вновь вызвал Фарра в суд и предоставил ему выбор: или назвать источник, или оказаться за решеткой.

Законы Калифорнии оберегают конфиденциальность общения журналистов с источниками их репортажей. Впрочем, уже после суда по делу об убийствах Тейт — Лабианка, Фарр оставил работу в “Лос-Анджелес геральд экзаминаер” и теперь исполнял обязанности пресс-секретаря. Олдер заявил, что, поскольку Билл уже не является журналистом, закон более не защищает его.

Фарр возразил — и, на мой взгляд, весьма убедительно, — что, если приказ Олдера останется в силе, от этого пострадают как средства массовой информации, так и публика. Лишившись гарантированной анонимности, многие воздержатся от передачи прессе важной информации — и свобода слова окажется под угрозой. На основании Конституции и собственных убеждений, Фарр наотрез отказался назвать имена лиц, передавших ему упомянутые сведения. Однако он прислушался к совету адвокатов и объявил, что копию показаний Грэхем ему передали, нарушая судебный приказ об ограничении гласности, два юриста и еще один человек. Назвать их имена Фарр, впрочем, вновь отказался.

Подчиняясь приказу Олдера, адвокаты защиты Дэйи Шинь, Ирвинг Канарек и Пол Фитцджеральд, а также обвинители Стивен Кей, Дональд Мюзих и я сам выступили в суде. Все шестеро заявили под присягой о своей непричастности к передаче показаний Фарру. Очевидно, двое из шести солгали. Все, что мне известно, — это то, что я не передавал Фарру показаний Грэхем. Кто это сделал? Догадка читателя в этом случае будет ничем не хуже моей.

Судья Олдер признал Фарра виновным в гражданском неподчинении Суду и приговорил бывшего журналиста к неограниченному сроку заключения. Тот просидел в окружной тюрьме Лос-Анджелеса сорок восемь дней, после чего был отпущен на свободу по приказу судьи Верховного суда Соединенных Штатов Америки Уильяма О. Дугласа, до принятия окончательного решения по его апелляции.

Если бы неподчинение Фарра было признано уголовным, а не гражданским проступком, то максимальное наказание, которое Олдер мог ему назначить, составило бы шестьдесят пять дней тюрьмы и штраф на сумму 6500 долларов. Но Олдер принял другое решение: неограниченный срок заключения за гражданское неповиновение. Это могло означать, что (в случае, если Олдер проявил бы твердость, а вышестоящие суды признали бы его правоту) Фарр провел бы в тюрьме пятнадцать лет — пока пятидесятипятилетний Чарльз Олдер не достиг бы возраста в семьдесят лет и не ушел бы на пенсию!

Многие, хотя и не все, участники “Семьи” Мэнсона “первого набора” теперь отбывают сроки в различных исправительных учреждениях. Другие члены “Семьи” разделились, чтобы последовать за новыми лидерами. Кэтрин Гиллис, по недавно полученным мною сведениям, стала “мамой” одной из группировок байкеров. Немногим удастся попадать в газетные заголовки. Мария Алонзо (*тик Кристал*), отпущенная на свободу вскоре после убийства в Стоктоне, в марте 1974 года была арестована вновь; ей предъявлено обвинение в предположительной организации сговора с целью похищения генерального консула иностранной державы. Тем самым Алонзо надеялась обеспечить возвращение на свободу двоих заключенных окружной тюрьмы Лос-Анджелеса. Когда я пишу это, суд по делу о преступном сговоре еще не успел начаться.

Какое-то время существовал целый всплеск книг, театральных постановок и фильмов, если не прославляющих имя Мэнсона, то рисующих его не целиком черной краской. Было время, когда могло показаться, что в стране возникает целый культ Мэнсона. Я говорю не только о значках с надписями вроде “СВОБОДУ ЧЕТВЕРКЕ МЭНСОНА!” но и о том, что раковая опухоль, известная под именем “Семья”, одно время развивалась весьма быстро. Когда журналисты

брали интервью у новообращенных ее членов — никогда и в глаза не видевших Мэнсона, — те выглядели и говорили в точности как Пищалка, Сэнди и остальные. Что создавало пугающую картину: могло показаться, что безумие, зароненное Мэнсоном, способно передаваться от человека к человеку. Но это странное время быстро прошло, и теперь от той, бывшей “Семьи” Мэнсона уже мало что осталось — хотя Пищалка, некогда руководившая “группой поддержки Чарли”, по-прежнему хранит ему верность.

Бесспорный лидер “Семьи” в отсутствие самого Мэнсона, вовлеченная, вероятно, в планирование проводимых группой акций и арестовывавшаяся полтора десятка раз по различным поводам, от мелких краж до убийств, Пищалка лишь крайне редко признавалась виновной, и то по самым ничтожным обвинениям. Более того, не так давно она нашла поддержку не где-нибудь, а в Офисе окружного прокурора Лос-Анджелеса.

Один из молодых заместителей окружного прокурора по имени Уильям Мельчер впервые познакомился с Пищалкой, когда группа еще пикетировала угол Темпл и Бродвея. На Рождество 1970 года жена Мельчера напекла печенье для девушек-мэнсониток; так возникла и начала развиваться эта странная дружба. Прошло не слишком много времени после того, как с Пищалки было снято обвинение в стоктонском убийстве, и ее арестовали снова по подозрению в участии в вооруженном ограблении в Гранада-Хиллз. Убежденный, что полиция идет по ложному следу, Мельчер успешно доказал это следователям, и Пищалку освободили. Как заявил журналисту “Лос-Анджелес таймс” сам Мельчер, снятие с Пищалки подозрений стало “величайшим моим достижением за все три года работы общественным обвинителем”.

Заметив, что группа “испытывала заметную неприязнь по отношению к полиции и судам, я захотел доказать этим людям, что справедливость может восторжествовать и в другом смысле. Юстиция может оказаться и на их стороне”. Когда-нибудь он попробует написать книгу о жизни этих девушек, добавил Мельчер. “Мне хотелось бы написать не подробный отчет о трагедиях и о насилии, на которое я вовсе не смотрю сквозь пальцы, но книгу о подлинной красоте, которую мне удалось разглядеть в этой группе, — об их неприятии войны, их искренности, их великодушии”.

Судьба Чарльза Мэнсона, Чарльза Уотсона, Сьюзен Аткинс, Патриции Кренвинкль, Лесли Ван Хоутен и Роберта Бьюсолейла была решена 18 февраля 1972 года. В этот день Верховный суд штата Калифорния объявил о своем решении (принятом шестью заседателями против одного) об отмене смертной казни в штате Калифорния. Это решение было основано на статье 1 шестой главы Конституции штата, запрещающей “жестокое или необычное наказание”^[211].

Меры наказания в отношении ста семи человек, ожидавших исполнения смертного приговора в штате Калифорния, автоматически были сведены к пожизненному заключению.

Мэнсон, узнавший эту новость в Лос-Анджелесе, где он находился в качестве свидетеля защиты на процессе по делу Брюса Дэвиса, расплылся в широкой улыбке. В Калифорнии человек, приговоренный к пожизненному заключению, может просить о помиловании уже по прошествии семи лет.

К августу 1972 года последние заключенные покинули камеры смертников Калифорнии, чтобы в большинстве своем быть переведены в места общего заключения различных исправительных учреждений штата. Когда это пишется, Аткинс, Кренвинкль и Ван Хоутен остаются в специальном блоке, построенном для них в женской исправительной тюрьме во Фронтере; очень вероятно, что и они со временем будут переведены в блок с не столь строгими условиями содержания.

В психиатрическом отчете о состоянии Патриции Кренвинкль доктор Джоэл Хочман говорил, что из всех трех девушек Кэти имела наименее прочную связь с окружающей реальностью. По его мнению, если Кэти когда-либо будет разлучена с остальными двумя и с мистикой, окружавшей Мэнсона, то, возможно, и вовсе утратит эту связь, скатившись к полному психозу.

Что касается Лесли Ван Хоутен, которая из трех девушек наименее всего была привязана к Мэнсону, но, однако же, убивала по его приказу, я чувствую, что она может лишь заостенеть, стать сильнее и хитрее. Я практически не надеюсь, что Лесли когда-либо сможет окончательно реабилитироваться.

Описывая Сьюзен Аткинс, репортер “Лос-Анджелес таймс” Дэйв Смит выразил словами то смутное ощущение, которое возникло у меня уже давно: “Наблюдая за ее поведением — то прямота, то актерство в

суде; милая зверушка, играющая с кем-то в гляделки; немного не от мира сего, когда никто не обращает внимания, — я почувствовал, что однажды она просто может зайтись в истошном крике, да так никогда и не остановиться”.

Остальные осужденные убийцы из “Семьи” Мэнсона — Чарльз Уотсон, Роберт Бьюсолейл, Стив Гроган (*тик* Клем) и Брюс Дэвис — все находятся теперь в общих местах лишения свободы. Текс больше не строит из себя помешанного, и у него появилась девушка, которая регулярно его навещает. Бобби снискал изрядную долю общественного внимания, когда Труман Капоте взял у него интервью, вошедшее в телевизионный документальный фильм об американских тюрьмах. Вскоре после премьеры фильма ему сломали челюсть и вывихнули руку в ходе потасовки на прогулочном дворе “Сан-Квентина”. Стычка была результатом борьбы за власть в группировке “Арийское братство”, в которую вступил Бьюсолейл. “АБ”, которое, как предполагается, несет ответственность за гибель (за последние несколько лет) полутора десятков заключенных в различных исправительных учреждениях Калифорнии, стало лишь наследником нескольких более ранних группировок, включая и организацию неонацистов. Сколько человек принадлежат “Братству”, остается неясным, но в нем состоят, по меньшей мере, две сотни заключенных, и оно пропагандирует многие из принципов расовой ненависти, ранее использованных и Чарльзом Мэнсоном. Наследники былых идей.

Из всех убийц “Семьи” лишь ее лидер удостоился особого отношения к своей персоне. В октябре 1972 года Чарльза Мэнсона перевели в исправительный центр максимально строгого содержания в тюрьме “Фолсом”, в Северной Калифорнии. Описываемый как “тюрьма в тюрьме”, он служит пристанищем тем “проблемным заключенным”, которые не могут быть успешно контролируемы при общих, не таких жестких условиях содержания. С переводом Мэнсон утратил не только все особые привилегии, предоставляемые ожидающим казни смертникам, но и привилегии обыкновенных заключенных. Причиной этому были названы его “враждебность и воинственность”.

“Тюрьма — мой дом, единственный дом, какой у меня когда-либо был”, — часто повторял Мэнсон. В 1967 году он упрашивал власти не освобождать его. Если бы кто-то прислушался к его предупреждению,

эта книга не была бы написана, а порядка тридцати пяти или сорока человек остались бы в живых.

Доведя свою роль обвинителя до логического конца, по выражению самого Мэнсона, я просто отправил его домой. Только на сей раз этот дом не покажется ему знакомым. Перед переводом Мэнсона в “Фолсом” начальник тюрьмы “Сан-Квентин” Луис Нельсон заметил: “Было бы опасно определить парня вроде Мэнсона в тюрьму общего режима, потому что в глазах других заключенных он совершил не слишком почетное преступление. Его осудили за убийство беременной женщины, а подобные вещи не позволят человеку подняться хоть сколько-нибудь высоко в социальной структуре тюрьмы. Как не поднимется туда и кто-то, осужденный за соращение ребенка. Парням, совершившим такое, приходится туго везде, где бы они ни оказались”.

Как и в случае с Сирханом Сирханом, осужденным убийцей сенатора Роберта Кеннеди, преследующая, такого преступника слава становится худшим из его врагов. Сколько бы он ни провел в тюрьме, Мэнсону предстоит все эти годы то и дело оглядываться через плечо: он должен понимать, что любой заключенный, надеющийся поднять свою репутацию в тюремном сообществе, в любой момент может вонзить ему в спину заточку.

То, что Мэнсон, Уотсон, Бьюсолейл, Дэвис, Гроган, Аткинс, Ван Хоутен и Кревинкль уже в 1978 году смогут подать прошение о помиловании, вовсе не означает, что они его получают. Просто до этого срока прошение у них не примут. В Калифорнии средняя продолжительность заключения для убийц первой степени составляет десять с половиной лет. Тяжесть совершенных ими преступлений и полное отсутствие каких-либо смягчающих обстоятельств позволяют мне сделать прогноз о том, что все они проведут за решеткой гораздо больше времени: девушки — от пятнадцати до двадцати лет, мужчины (за исключением самого Мэнсона) — примерно столько же.

Что касается лидера “Семьи”, то, как мне кажется, он проведет в тюрьме еще минимум двадцать пять лет или, вполне возможно, весь остаток жизни.

В середине октября 1973 года около тридцати заключенных одного из самых строго охраняемых тюремных блоков Калифорнии, “4-А” в исправительном центре тюрьмы “Фолсом”, устроили “мирную

демонстрацию протеста” против условий своего содержания (по выражению “Сан-Франциско кроникл”).

Человек, боготворивший страх и использовавший его в собственных целях, не участвовал в происходящем. Цитирую репортаж, напечатанный в “Кроникл”: “Серийный убийца Чарльз Мэнсон является одним из заключенных блока “4-А”, хотя, по словам тюремного пресс-секретаря, он не принял участие в демонстрации. В прошлом другие заключенные угрожали Мэнсону расправой, и, по заявлению тюремного руководства, он редко выходит из своей камеры из страха подвергнуться нападению”.

ОТ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

С момента вступления в силу приговора по делу Чарльза Мэнсона прошло более тридцати лет, но основные участники беспрецедентного судебного процесса все еще живы. Одному из авторов этой книги, Винсенту Буглиози, процесс принес мировую славу; он вскоре оставил Офис окружного прокурора и занялся частной адвокатской практикой, совмещая эту деятельность с преподаванием. Линда Касабьян, главный свидетель обвинения, живет в Нью-Хэмпшире и воспитывает четверых детей. Чарльз "Текс" Уотсон, отбывая пожизненное наказание в калифорнийской мужской колонии, женился, стал отцом троих детей и, приняв сан священника, служит в тюремной церкви. Сьюзен Аткинс также вернулась в лоно христианской церкви, в 1981 г. вышла в тюрьме замуж за некоего Дональда Л. Уайтхауса; впоследствии они разошлись. Лесли Ван Хоутен заочно окончила колледж и получила диплом искусствоведа. Обе женщины, которым уже за пятьдесят, по-прежнему находятся в заключении, как и Патриция Кренвинкль — ее последнее прошение о помиловании было отклонено в ноябре 1989 г. Чарльзу Мэнсону, который содержится в калифорнийской тюрьме строгого режима, в апреле 2001 г. отказали в помиловании в десятый раз. Следующее прошение он сможет подать только через пять лет. Впрочем, ему не на что жаловаться — статус "культового монстра" не оставил его и по сей день. Одна из участниц "Семьи", Линетта Фромм, в честь своего Учителя совершила в сентябре 1975 г. покушение на президента США Джеральда Форда. В 1976 г. по американским экранам прошел телесериал о "Семье" Мэнсона. Инфернальный образ "голливудского мясника" вдохновил на создание песен Нила Янга, Эксла Роуза, группу "Nine Inch Nails" (запись одного из альбомов группы проходила в том самом доме на Сизло-драйв). Курт Кобейн в юности знал наизусть последнюю речь Мэнсона на судебном процессе, а Брайан Уорнер, лидер группы "Marilyn Manson", выбрал себе псевдоним Мэрилин Мэнсон в честь самой красивой актрисы и самого зловещего убийцы прошлого.

"Я хочу, чтобы вы знали, — пишет Чарльз Мэнсон в книге, опубликованной в 1988 г., - в моем распоряжении весь мир. Силой своей воли я на свободе, я среди вас". Одно из последние широко разошедшихся его высказываний гласит: "Каждый из вас носит в себе собственную тюрьму. Никому не дано увидеть степень моей свободы".

Светлана Лисина

Документальный триллер о том, кем же на самом деле был Чарли Мэнсон, – пожалуй, самый знаменитый серийный убийца в мире. Уголовник-рецидивист, "пятый участник" "The Beatles", тонкий психолог и оригинальный философ, лидер коммуны хиппи, мистик-сатанист и герой контркультуры. Сатана и Христос в одном лице, "никто", превратившийся в "некто" и возомнивший себя вершителем судеб планеты, – убийца, которому даже не было нужды пачкать руки кровью.

Чарльз Мэнсон на пути к камерам смертников в тюрьме "Сан-Квентин". С отменой смертной казни приговор, вынесенный Мэнсону, был заменен пожизненным заключением.

www.Limbuspress.ru

---

notes

Примечания

Также принимал участие в следствии по делу об убийстве четы Лабианка. (Прим. авт.)

2

Около 33 градусов по Цельсию.

“Ангеленос” (*исп.*) — жители Лос-Анджелеса.

Имеется в виду восстание отстаивавших свои права афроамериканцев (11–17 августа 1965 г.), населявших южные кварталы Лос-Анджелеса, известные как Уоттс. Беспорядки начались с подачи оплачиваемых правительственных агентов, а завершились арестом руководящей верхушки "Черных пантер". Результат — 34 убитых, 856 раненых.

Кэндис Берген (р. 1946) — американская киноактриса, много снимавшаяся, но не имевшая крупного успеха (“Группа” (1966), “Волхв” (1968), “Начни сначала” (1970) и др.).

Терри Мельчер (р. 1942) — ключевая фигура музыкальной сцены Лос-Анджелеса в 1960-х и начале 1970-х гг.; штатный продюсер “Коламбия рекордз”, позднее ставший автором направления калифорнийский рок в качестве продюсера групп “The Byrds”, “The Raiders” и др.

Дорис Дэй (р. 1924) — успешно выступавшая певица и одна из наиболее популярных киноактрис Америки (“Юноша с трубой” (1950), “Штормовое предупреждение” (1951), “Человек, который слишком много знал” (1956) и др.). Терри Мельчер — ее сын от первого брака, усыновленный третьим мужем Дорис, Мартином Мельчером.

8

1 фут равен 30,48 см.

Неясности распространяются и на время прибытия каждой из машин. Офицер ДеРоса позднее покажет, что он подъехал к дому около 9:05, — и это раньше, чем он предположительно получил “Код 2” по рации. Офицер Вайзенхант, прибывший следом, определил время своего появления на месте как отрезок между 9:15 и 9:25, тогда как офицер Барбридж, прибывший *позднее* обоих, показал под присягой, что это произошло в 8:40. (Прим. авт.)

1 дюйм равен 2,54 см.

“СВИНЬЯ” (*англ.*)

Почему он так и не узнал юношу, с которым был знаком, неясно до сих пор. Хорошим объяснением может послужить шок, испытанный Гарретсоном. В придачу к его смятению, именно в это время Гарретсон увидел Винифред Чепмен, которую уже счел мертвой. Вполне живая, она стояла за воротами, беседуя с офицером полиции. *(Прим. авт.)*

Поскольку Гранадо, появившийся позднее ДеРосы, Вайзенханта и Барбриджа, тоже видел осколки на пороге, офицеры, прибывшие первыми, очевидно, не могут нести ответственности за эту оплошность.
(Прим. авт.)

Принятое в США обозначение групп крови, аналогичное I, II, III и IV группам крови соответственно.

Подгруппы крови определяются только в узкоспециальных анализах и имеют общее международное обозначение.

Рабочее название британского фильма, вышедшего на экраны в 1970 г. под названием "Один день на пляже". Роман Полански написал сценарий и должен был режиссировать картину; из-за описываемых здесь событий режиссером фильма стал англичанин Саймон Хесера.

Джон и Джейн Доу (John, Jane Doe) — имена, традиционно присваиваемые полицией и медработниками США неопознанным трупам.

Вновь намек на беспорядки 1965 г.

Не замеченная, по всей видимости, офицерами ДПЛА, она была обнаружена 17 августа посетившим усадьбу Романом Полански. (*Прим. авт.*)

Стивен Мак-Куин (1930–1980) — знаменитый актер (“Великолепная семерка” (1960), “Большой побег” (1963), “Паренек из Цинциннати” (1965) и др.).

Один из газетчиков напишет позднее, что полиция обнаружила в усадьбе внушительную коллекцию порнографии, включая многочисленные фильмы и фотоснимки, запечатлевшие звезд Голливуда в различных сексуальных сценах. Кроме упомянутой записи и нескольких оставшихся непроявленными роликов с видеолентой, единственными найденными на территории усадьбы фотографиями был набор свадебных снимков и большое количество рекламных фотографий Шарон Тейт.

Тот же автор объявил затем, что на чердаке найдено множество черных колпаков-капюшонов. Очевидно, он создал их из того же материала, что и снимки, поскольку полиция не нашла ничего даже отдаленно напоминавшего колпак. *(Прим. авт.)*

1 фунт равен около 0,454 кг.

“Petticoat Junction”, комедийный телесериал о трех сестрах Брэдли, снимавшийся в период 1963–1970 гг.

Продюсировал такие известные фильмы, как “Американизация Эмили” (1964), “Паренек из Цинциннати” (1965), “Гамлет” (1969), “Уловка 22” (1970) и др.

“The Beverly Hillbillies” — популярнейший комедийный телесериал о разбогатевшем семействе выходцев из глубинки, переехавших в Беверли-Хиллз; снимался в период 1962–1971 гг.

“The Americanization of Emily” (1964) — военная мелодрама с элементами “черной” комедии.

“The Sandpiper” (1965) — любовная мелодрама режиссера Винсента Миннелли.

Элизабет Тейлор (р. 1932) — знаменитая американская киноактриса (“Гигант” (1956), “Кошка на раскаленной жестяной крыше” (1958), “Клеопатра” (1963), “Очень важные персоны” (1963) и др.).

Ричард Бартон (1925–1984) — прославленный британский актер театра и кино (фильмы “Клеопатра” (1963), “Кто боится Виржинии Вульф?” (1966), “Доктор Фауст” (1968) и др.). После совместных съемок в “Клеопатре” был дважды женат на Элизабет Тейлор (в 1964–1974 и в 1975–1976 гг.).

Офицеры ДПЛА слышали об этом от родителей Шарон. Они выяснили также (у одной из бывших подружек Себринга), что за несколько дней до убийства француз серьезно поссорился с Джем в одной из голливудских дискотек. Проверив алиби актера, полиция сняла с него все подозрения. Кроме того, произошедшая между ними ссора не была, как выяснилось, достаточно серьезной: актер прервал излияния Себринга, когда тот пытался познакомиться с девушкой. *(Прим. авт.)*

“Eye of the Devil” (1967) — мистический триллер британского режиссера Джея Ли Томпсона.

“Two Men and a Wardrobe” (1958) — 15-минутный фильм, одну из ролей в котором исполнил сам Полански.

“Mammals” (1962).

“Knife in the Water” (1962) — психологическая драма.

“Repulsion” (1965) — психологический триллер об одинокой молодой женщине, испытывающей кошмарные галлюцинации с сексуальным подтекстом.

“Cul de Sac” (1966) — психологическая драма с элементами “черной” комедии.

Pole (*англ.*) означает “шест”, “палка”, “ось”; одновременно презрительное сокращение от слова Polish: “польский”, “поляк”.

Перифраз распространенного выражения “я бы до него и десятифутовым шестом не дотронулся”, т. е. не захотел бы иметь дела с человеком неприятным или бесчестным.

“The Fearless Vampire Killers” (1967), полное название — “Неустрасимые убийцы вампиров, или Простите, но ваши зубы в моей шее”.

“Rosemary’s Baby” (1968) — мистический триллер, сразу же ставший классикой жанра.

Миа Фэрроу (р. 1945) — знаменитая американская актриса, в 80-е годы снимавшаяся, в частности, во многих фильмах Вуди Аллена.

“Don’t Make Waves” (1967) — романтическая комедия британского режиссера Александра Маккендрика.

“The Wrecking Crew” (1969) — комедия с участием Дина Мартина и Брюса Ли, обыгрывавшая ходовые ситуации фильмов о Джеймсе Бонде и других суперагентах.

“Valley of the Dolls” (1967) — имевшая крупный успех драма, снятая Марком Робсоном.

Джордж Пеппард (1928–1994) — американский актер театра и кино, редко изменявший своему амплуа блестящих военных офицеров. Среди его фильмов — “Завтрак у Тиффани” (1961), “Победители” (1963) и “Третий день” (1966).

Фрэнк Синатра (1915–1998) — знаменитый певец, актер и продюсер, вышедший из бедной семьи и не имевший профессионального образования. Фильм “Отсюда в вечность” (1953) принес ему награду Киноакадемии, после чего его актерское мастерство уже не ставилось под сомнение. Среди других картин с его участием — “Вдруг” (1954), “Человек с золотой рукой” (1955), “Детектив” (1968) и др.

Пол Ньюман (р. 1925) — прославленный американский актер, режиссер и сценарист, прозванный “самые известные голубые глаза в истории кино”. Девять раз номинировался на премию “Оскар” как лучший актер года.

Питер Лоуфорд (1923–1984) — американский актер и продюсер, чаще всего выступавший в ролях представителей английской знати (“Кентервильское привидение” (1945), “Портрет Дориана Грея” (1946), “Харлоу” (1966) и др.).

Район Сан-Франциско, перенявший свое название от перекрестка двух улиц — Хейт и Эшбери. В середине 60-х гг. XX в. послужил эпицентром развития молодежной субкультуры Америки и позднее стал своеобразной “меккой” для хиппи.

“Политическая свинка” (*англ.*).

В 1972 году судья Верховного суда Лос-Анджелеса установил прецедент, позволив включить результаты проверки на детекторе лжи в число собранных следствием улик по делу о продаже марихуаны.
(Прим. авт.)

Возможно, узнав точное время, Парент установил часы на своем радиокомбайне. *(Прим. авт.)*

Поскольку никто не пробовал открыть дверь прежде, чем воспользоваться ключом, остается неизвестным, была ли та заперта.
(Прим. авт.)

“Война” (*англ.*).

“Смерть свиньям” (*англ.*).

"Восстань" (*англ.*).

"Суматоха" (*англ.*), название одной из песен "The Beatles". Верное написание: "Helter Skelter".

Некоторые из деталей оказались неточны. Так, сообщалось, что найденные на жертвах наволочки были белыми колпаками; что фраза “СМЕРТЬ СВИНЬЯМ” нанесена кровью на дверцу холодильника, тогда как на самом деле ее нашли на стене гостиной. Но вновь в прессу просочилось достаточно информации, чтобы следователи столкнулись с проблемой нахождения “ключей” для опроса подследственных на детекторе лжи. *(Прим. авт.)*

Тони Беннетт (р. 1926) — джазовый певец, актер и ведущий собственного телешоу (1956). Близкий друг Фрэнка Синатры.

Джерри Льюис (р. 1925) — комический актер, режиссер, продюсер, композитор, певец и ведущий собственного телешоу (в 1963 г. и в период 1967–1969 гг.).

Конни Стивенс (р. 1938) — актриса и певица.

Уильям Кломан — известный кинокритик, автор постоянных рубрик соответствующего содержания в солидных периодических изданиях.

Все описанное в этой книге основано на фактах. Лишь в нескольких случаях имена случайно вовлеченных людей изменены по причинам правового характера», и значок “плюс” (+) отмечает присутствие в тексте псевдонима, заменяющего истинное имя человека. Тем не менее люди, о которых здесь идет речь, были и остаются реальными, равно как и описываемые далее инциденты. *(Прим. авт.)*

Кирк Дуглас (р. 1916) — одна из ярчайших звезд послевоенного Голливуда, лауреат премии Киноакадемии за личный вклад в кинематографию за 1999 год (“Письмо трем женам” (1949), “Улисс” (1955), “Жажда жизни” (1956) и др.).

Уоррен Битти (р. 1937) — американский киноактер, режиссер и продюсер (“Бонни и Клайд” (1967), “Лилит” (1964), “Калейдоскоп” (1966) и др.).

Джеймс Кобурн (р. 1928) — знаменитый американский актер (“Великолепная семерка” (1960), а также драмы “Большой побег” (1963), “Американизация Эмили” (1964) и др.).

Ли Марвин (1924–1987) — американский киноактер и продюсер (“Убийцы” (1964), “Профессионалы” (1966), “Грязная дюжина” (1967) и др.).

Юл Бриннер (1915–1985) — американский актер; выходец из царской России, обладавший яркой цыганской внешностью ("Анастасия" (1956), "Десять заповедей" (1956), "Братья Карамазовы" (1958), "Великолепная семерка" (1960) и др.).

Питер Селлерс (1925–1980) — британский комический актер и режиссер (“Лолита” (1962), “Доктор Стренджлав” (1964), “Розовая пантера” (1969) и ее многочисленные продолжения).

Генри Фонда (1905–1982) — знаменитый американский актер, участвовавший в нашумевших постановках на Бродвее ("Новые лица Америки", "Женитьба фермера" и др.), много снимавшийся в кино: "Молодой Линкольн" (1939), "На золотом пруду" (1981, "Оскар" за лучшую мужскую роль) и др. Отец Питера Фонда (р. 1939) — актера и режиссера, снимавшегося в фильмах "Дикие ангелы" (1966), "Улет" (1967) и продюсировавшего одну из наиболее ярких лент 1960-х гг. — фильм "Беспечный ездок" (1969).

Алекс Корд (р. 1933) — американский актер кино и телевидения, выступавший в амплуа мужественных героев (“Братство” (1968), “Минута на молитву, секунда на смерть” (1968), “Стилет” (1969) и др.).

Джордж Гамильтон (р. 1939) — американский актер и продюсер, “визитной карточкой” которого служит неизменный глубокий загар (“Преступление и наказание” (1959), “Победители” (1963), “Лживое сердце” (1965) и др.).

Актриса Джоанна Петтет уже вторично сталкивается с насильственной смертью близкого человека. Одна из ее прежних подруг, Дженис Вайли, была убита вместе со своей соседкой по комнате, Эмили Хофферт, летом 1963 года в Нью-Йорке. Это дело позднее приобрело известность как “убийство карьеристок”. *(Прим. авт.)*

В конце концов следователям удалось установить личность девушки и удостовериться, что она не сопровождала Себринга в его поездке к усадьбе Тейт тем вечером. *(Прим. авт.)*

Производя обыск в гостевом домике вслед за арестом Гарретсона, офицер Вайзенхант заметил, что ручка громкости стереосистемы установлена на позицию между делениями 4 и 5. (*Прим. авт.*)

Труман Капоте (1924–1984) — известный американский писатель, автор романов, рассказов и пьес. Приобрел всемирную известность основанной на реальных фактах книгой “Действуя хладнокровно” (1966), повествующей об убийстве целой семьи двумя социопатами в городе Холкомбе, штат Канзас. То был едва ли не первый опыт романа, выполненного в жанре журналистского расследования. В 1967 году по этой книге режиссером Ричардом Бруксом снят одноименный фильм.

Образ действия (*лат.*).

“Arise, arise” (англ.).

Принятое сокращение; *тик* — полицейское обозначение выражения “также известный как”; *н/и* означает “настоящее имя”.
(Прим. авт.)

Сьюзен говорила о Мэри Бруннер, первой участнице “Семьи”, родившей Мэнсону ребенка. В то время полицейские еще не были в курсе участия Мэри в убийстве Хинмана. *(Прим. авт.)*

Разговоры Аткинс — Грэхем — Ховард приводятся по архивным записям бесед с Виржинией Грэхем и Ронни Ховард, сделанным ДПЛА, по моим беседам с обеими, по их показаниям на процессе и по моей беседе со Сьюзен Аткинс. Существуют, разумеется, мелкие расхождения в точных формулировках. Значительные различия будут помечены особо. *(Прим. авт.)*

Виржиния Грэхем видела по телевизору интервью владельца дома, Руди Альтобелли, и, хотя не помнила его имени, пребывала в уверенности, что это не Терри Мельчер. То была одна из причин, по которым вначале она не поверила рассказу Сьюзен Аткинс. Впрочем, Сьюзен уверяла, что именно Мельчер был владельцем, поскольку, вероятно, свято в это верила. *(Прим. авт.)*

Выражение “Man’s Son” (“Сын человеческий”) звучит так же, как и фамилия Manson (Мэнсон).

Том Джонс (р. 1940) — знаменитый британский певец, приобретший особую популярность в Америке во время т. н. “британского вторжения” английских групп и певцов в американские хит-парады в середине 1960-х гг.

Поскольку расспросить ни самого лейтенанта, ни его заместителя автору не удалось (что не позволило разместить здесь их версию произошедшего), имена обоих заменены в тексте псевдонимами. (*Прим. авт.*)

Мэнсон заявил ДеКарло, что сам он одарен природой куда менее щедро и потому нуждается в его помощи, чтобы не позволить девушкам разбежаться. Это звучит как плохо прикрытая лесть, хотя сам ДеКарло утверждает, что так оно и было. *(Прим. авт.)*

Поскольку дом Хинмана в Малибу и ранчо Спана в Чатсворте обслуживаются местными телефонными узлами, звонок не был платным и поэтому не регистрировался телефонной компанией. (*Прим. авт.*)

Бьюсолейл, Бруннер и Аткинс приехали к Хинману в пятницу, 25 июля 1969 года. Мэнсон рассек Хинману ухо где-то вечером того же дня. Впрочем, Хинман был жив до воскресенья, 27 июля, и лишь на следующий четверг, 31 июля, тело было найдено ОШЛА после звонка друга, пытавшегося дозвониться Хинману несколько дней подряд. *(Прим. авт.)*

Дополнительная ирония заключается еще и в том, что 28 июля два представителя ОШЛА — Ольмстед и Грап — побывали на ранчо Спана, хоть и совершенно по другому поводу. Будучи там, они видели “фиат” и, проверив лицензию, узнали, что тот принадлежит Гари Хинману. Грап был знаком с Хинманом; он также знал о его дружеских отношениях с обитателями ранчо Спана и потому не усмотрел ничего подозрительного в том, что трейлер Гари оказался там. На тот момент, хотя Хинман уже был мертв, власти еще не обнаружили тело.

После обнаружения тела 31 июля ОШЛА объявил в розыск оба автомобиля Хинмана. Грап узнал об этом, как и о смерти Хинмана, лишь гораздо позднее. Разумеется, если бы это стало известно ему сразу, он направил бы следовательскую группу на ранчо Спана, и “Семья” Мэнсона попала бы под подозрение гораздо ранее, чем Китти Лютсингер упомянула полицейским об ответственности за это преступление Сьюзен Аткинс и остальных. *(Прим. авт.)*

Джон Уэйк и Клинт Иствуд — всемирно известные актеры, игравшие в многочисленных вестернах.

Точная дата смерти Шиа остается неизвестной и поныне. Считается, что убийство произошло в ночь либо на понедельник, 25 августа, либо на вторник, 26 августа 1969 года. *(Прим. авт.)*

Как станет ясно впоследствии, в данном случае “раскрыты” не совсем удачный (точнее, совсем неудачный) термин. (*Прим. авт.*)

Перри Мейсон — непобедимый адвокат, главное действующее лицо 72 романов прославленного мастера детективного жанра, американского писателя Эрла Стенли Гарднера (1889–1970). Гамильтон Бургер — окружной прокурор, вечно противостоящий Мейсону в суде.

Будучи моим непосредственным начальником. Аарон Стовитц занимал в Офисе руководящую должность, но к делу мы были приписаны оба, причем с равными правами. Никто из нас, конечно же, не мог предвидеть, что месяцы спустя Аарон будет снят с этого дела и оставит меня в одиночестве, но я с самого начала понимал: многочисленные служебные обязанности не могут не ограничивать его участие. *(Прим. авт.)*

Коллегия из 12–23 присяжных, решающая вопрос о предании обвиняемого суду присяжных на основании изучения обвинительного акта.

0° на шкале Фаренгейта соответствует $-17,8^{\circ}$ на шкале Цельсия.

В 1971 году тогдашний губернатор Калифорнии Рональд Рейган договорился о том, чтобы судья Макмюррей вернулся на свой пост на время процесса над Анжелой Дэвис. Защита опротестовала этот его выбор. *(Прим. авт.)*

Точные даты, другие детали, отрывки из показаний ведущих следствие офицеров и пр. стали известны мне на следующий день, когда я просмотрел рапорты, составленные различными службами правопорядка.

В момент ареста почти все члены “Семьи” использовали клички. Часто их истинные имена стали известны лишь много времени спустя. Чтобы не запутывать читателя так же, как запутался поначалу я сам, я буду приводить в скобках настоящие имена этих людей и наиболее часто используемые ими псевдонимы. (*Прим. авт.*)

Дата рождения Мэнсона, как и все прочее, что написано о его раннем детстве, обычно приводится с ошибкой. Впрочем, тому есть весомая причина: не в состоянии запомнить день рождения собственного ребенка, мать Мэнсона “передвинула” его на 11 ноября, День примирения, который легче укладывался в ее памяти. (*Прим. авт.*)

Имя этого человека остается неизвестным. Даже в официальных бумагах он неизменно проходит как “полковник Скотт”. *(Прим. авт.)*

Эти данные я получил гораздо позже; тем не менее я привожу здесь некоторые цитаты из них. (*Прим. авт.*)

В одной из своих брошюр Хаббард охарактеризовал “чистым” “человека, выправившего собственный жизненный путь”. Представляется крайне затруднительным усмотреть какую-либо связь между этим определением и жизненным путем Чарльза Мэнсона. *(Прим. авт.)*

На самом деле, Мэнсон попросил о своем переводе в Ливенворт, заведение с куда более строгим режимом, “где, по его собственным словам, ему позволят чаще заниматься гитарой”. Просьба была отклонена. *(Прим. авт.)*

Виржиния Грэхем покажет позднее, что она не знала о том, что Ронни Ховард уже говорила с полицейскими. Впрочем, из “Сибил Бранд” в “Корону незадолго до того перевели группу заключенных, и те вполне могли принести с собой какие-то тюремные сплетни. *(Прим. авт.)*

Очевидное искажение; кто-то спутал “монастырь” с “коммуной”.
(Прим. авт.)

Оди Леон Мерфи (1924–1971) — прославленный герой Второй мировой войны; американский солдат, получивший наибольшее количество наград за доблесть (33), в том числе медаль Конгресса; после войны стал актером и снимался во множестве фильмов, включая картину “Путешествие в Ад и обратно” (1955), где сыграл самого себя.

Позднее мы получили информацию, указывавшую на то, что Мэнсон, возможно, посылал троих из своих последователей в Лос-Анджелес с инструкциями либо вернуть девушек, либо убить их, — но доказать это мы бы не смогли. Во время той же поездки проколота шина предотвратила убийство бабушки Кэтрин Гиллис, хозяйки ранчо Майерса. (*Прим. авт.*)

Имеется в виду лето 1967 года, на которое пришелся пик т. н. “психоделической революции”.

Оусли, известный под псевдонимом Медведь, — звукооператор калифорнийской рок-группы “The Grateful Dead”, в середине 1960-х гг. изготавливавший ЛСД в кустарных условиях.

В июне 1969 года 37-летний сенатор Эдвард Кеннеди попал в автомобильную аварию, едва не стоившую ему политической карьеры: не справившись с управлением, он съехал с моста у острова Чаппаквиддик, близ Кейп-Кода, штат Массачусетс. При этом погибла находившаяся в автомобиле 29-летняя секретарша сенатора Роберта Кеннеди; сам факт ее присутствия в машине дал прессе повод сомневаться в репутации Эдварда Кеннеди как “доброго семьянина”. Кроме того, сам он, не пострадав при падении в воду, скрылся с места катастрофы и не известил полицию о случившемся, что в штате Массачусетс рассматривается как уголовное преступление. Произошедшее стало причиной крупного политического скандала, в итоге приведя к поражению Эдварда Кеннеди на президентских выборах 1980 года.

Во Фрайковски дважды стреляли, но Сьюзен не помнила, когда именно это произошло, — поэтому точное время, когда раздались выстрелы, до сих пор остается неизвестным. (*Прим. авт.*)

Мэнсон дал Дизи немного ЛСД. Тот испытал столь ужасающий “приход”, что более не захотел иметь ничего общего ни с самим Мэнсоном, ни с его “Семьей”. *(Прим. авт.)*

Речь идет об одном из наиболее громких процессов века. Доктор Сэмюэль Шеппард был осужден судом присяжных на пожизненное заключение за убийство своей жены, произошедшее ранним утром 4 июля 1954 года; считается, что на решение присяжных повлияли весьма драматичные (и в большинстве своем ложные) публикации в прессе, к которым они имели ничем не ограниченный доступ. Проведя 10 лет в тюрьме, Сэм Шеппард был отпущен на свободу. В октябре 1966 года начался второй процесс над Шеппардом; присяжные признали его невиновным. По мотивам случившегося сняты телесериал “Беглец” (1963) и одноименный фильм с Гаррисоном Фордом (1993). Как считается, истинный убийца жены Сэма Шеппарда, Ричард Эберлинг, умер в 1998 году в тюрьме, где отбывал пожизненное заключение за другое убийство. Однако все точки над “i” в этом деле не расставлены до сих пор.

Сам же Шиллер, указанный в качестве соавтора, не только не приложил руку к написанию материала, но даже ни разу не встречался со Сьюзен Аткинс.

В соответствии с представленными на суде вещественными доказательствами, условия соглашения были таковы: 25 % получает Шиллер; из оставшихся денег 60 % достается Сьюзен Аткинс, 40 % — ее адвокатам. *(Прим. авт.)*

Издание осуществлено компанией “Нью америкэн лайбрари”, принадлежащей синдикату “Таймс миррор компани”, владеющему также и “Лос-Анджелес таймс”. *(Прим. авт.)*

Письма Аткинс цитируются с сохранением авторской пунктуации и орфографии. (*Прим. авт.*)

Они будут подробно описаны далее. (*Прим. авт.*)

Параграф 2 статьи IV гласит: “Человек, обвиняемый в любом из штатов в измене, уголовном или любом другом преступлении, бежавший от правосудия и обнаруженный в ином штате, должен по требованию уполномоченных властей штата, из которого бежал, быть доставлен в штат, обладающий юрисдикцией разбирать его вину, и покинуть тот штат, в котором был обнаружен”. *(Прим. авт.)*

Кратковременное ощущение воздействия принятых ранее, порой даже довольно давно, наркотиков.

Состав преступления (*лат.*).

Питер Маас (1929–2001) — американский писатель и публицист, известный своими хрониками мафиозных войн, написанными по дневникам и воспоминаниям очевидцев и участников. “Бумаги Валачи” (1969) — одна из первых работ, принесших ему известность; в 1972 году по книге поставлен пользовавшийся огромным успехом одноименный фильм с участием Теренса Янга, Чарльза Бронсона, Лино Вентуры и др.

В 1970 году, на волне шумихи вокруг дела Мэнсона, записанные тогда песни были изданы компанией “Перформанс” в качестве альбома *LIE: The Love and Terror Cult*. Уже в 1990-е гг. этот материал переиздан в формате компакт-диска и до сих пор продается во всех крупных музыкальных магазинах мира.

Эксперт по фолк-сцене позднее также выслушал эти записи и счел песни Мэнсона “чрезвычайно вторичными”. Из его заметок: “Где-то на середине куплета Мэнсон подхватывает неплохой гитарный ритм. В самой музыке — ничего оригинального, но о текстах этого не скажешь. Они содержат поразительное количество враждебности (“Ты еще свое получишь” и т. д.). Это редко случается в фолк-песнях, не считая старых “баллад об убийстве”, но даже и в этом случае упоминания о насилии всегда приводятся в прошедшем времени. В песнях же Мэнсона речь идет о событиях, которые еще *должны произойти*. Очень мрачно. Общий вывод: среднеодаренный дилетант”. (Прим. авт.)

Расшифровка стенографических записей переговоров вне зала суда была засекречена вплоть до окончания процесса. Конечно, порой в прессу просачивалось кое-что, но в большинстве случаев подобные материалы приводятся здесь впервые. *(Прим. авт.)*

Радикальное студенческое движение 1960-х, боровшееся за гражданские права, выступавшее за прекращение войны во Вьетнаме, выдвигавшее другие социальные и политические требования к властям. В 1969 году на основе движения была создана террористическая организация “Метеорологи” (*The Weathermen*, по строке из песни Боба Дилана: “Нам не нужен метеоролог, чтобы знать, откуда дует ветер”), секретарем которой стала радикальная коммунистка Бернадин Доурн. В результате случайного взрыва на складе изготовленных “Метеорологами” бомб (март 1970 г.) выжившие после инцидента руководители организации были вынуждены скрываться.

Джерри Рубин (1938–1994) — один из основателей радикалистской Интернациональной молодежной партии и движения йиппи (с 1980-х гг. — яппи). В 1969 году, протестуя против продолжения войны во Вьетнаме, возглавил мирный поход на Пентагон и был судим вместе с шестью другими активистами (“чикагская семерка”) за подстрекательство к беспорядкам. Поведение Рубина на процессе отличалось полной непредсказуемостью: так, он разгуливал зад-вперед по залу судебных заседаний перед ведущим дело судьей Хоффманом и, выбрасывая руку в нацистском приветствии, кричал судье: “Хайль Гитлер!”

Цит. по изд.: *We Are Everywhere*, by Jerry Rubin. New York: Harper & Row, 1971. (Прим. авт.)

Хьюи Ньютон (1942–1989) — политический активист, выступавший за вооруженное восстание борющихся за гражданские права афро-американцев и основавший в 1966 году экстремистскую партию “Черные пантеры”. В 1967 году Ньютон был арестован и судим за убийство офицера полиции, что вызвало к жизни широкую кампанию “Свободу Хьюи!”; в 1968 году он был отпущен на свободу по причине множественных процессуальных нарушений в ходе слушания дела.

От англ. глагола to slip — “плавно проникать”, “скользить”.

Роберт Мур (р. 1935) — британский оккультист, в 1966 году основавший (совместно с женой, Мэри Энн Макклин) новейшее религиозное течение “Процесс”. Проповедовал скорое наступление Апокалипсиса и придавал наивысшее значение акту смерти как моменту, подводящему итог человеческой жизни и дарующему ей высший смысл. Символом “Процесса” как религии, автором которого был сам Мур, служат четыре перекрещенные буквы Р", отдаленно напоминающие свастику. В 1971 году Чарльз Мэнсон опубликовал в издававшемся последователями Мура журнале философскую статью “Смерть как псевдонизвержение”. Впрочем, там же публиковались и Другие знаменитости — такие как Марианна Фэйтфул и Сальвадор Дали.

Свершившийся факт (*лат.*).

Катарина Хепберн (р. 1907) — прославленная американская театральная и киноактриса, лауреат четырех премий “Оскар”. Снималась в таких фильмах, как “Утренняя слава” (1933), “Филадельфийская история” (1940) и др.

Саманта Эггар (р. 1939) — британская актриса, запомнившаяся зрителям по главной роли в фильме “Коллекционер” (1965) по одноименному роману Фаулза; снималась также в картинах “Доктор Дулиттл” (1967), “Свет на краю Земли” (1971) и др.

Баффи Санте-Мари (р. 1941) — канадская актриса 1960-х: “Фестиваль” (1967), “Улица Сезам” (1969) и др. ленты; позднее выступала как автор музыки для кино.

Кристофер Джонс (р. 1941) — американский актер, снимавшийся в конце 1960-х. Исполнитель главной роли в телесериале “Легенда о Джесси Джеймсе” (1965), фильмах “Чубаско” (1968), “Трое на чердаке” (1968) и др.

Салли Келлерман (р. 1936) — американская актриса, много снимавшаяся в 1960—70-е гг.: “Бостонский душитель” (1968), “Увлечение” (1970), “Добро пожаловать в Лос-Анджелес” (1977) и др.

Очевидно, Мэнсон извлек цифру 144 000 из седьмой главы “Откровения Иоанна”, где упоминаются двенадцать колен сынов Израилевых, по 12 тысяч в каждом. (*Прим. авт.*)

“Джей-Си” — J. C. (*англ.*), инициалы Иисуса Христа (Jesus Christ).
Разговорная форма употребления имени Господа всеу.

Ср.: "Charles Willis Manson" и "Charles' Will Is Man's Son" (англ.).

Бас-гитарист Стюарт Сатклифф покинул группу в 1961 году, чтобы заняться живописью; умер от кровоизлияния в мозг в Гамбурге 10 апреля 1962 года.

Погубитель (*лат.*).

Махариши Махеш Йоги (р. 1911) — индийский святой, философ и мистик, автор методики трансцендентальной медитации и основатель (1957) движения Духовного Возрождения. Разработанная им методика приобрела широкую популярность на Западе и стала, наряду с индийской музыкой и эстетикой, важным элементом молодежной субкультуры конца 1960-х гг., когда “The Beatles”, а вслед за ними и другие знаменитости (актриса Миа Фэрроу, культуролог Маршалл Маклюэн, многие рок-музыканты и др.) отправлялись в Индию встретиться с Махариши и научиться медитации по его методике.

Сооп — черномазый (*англ., устар., презр.*).

“Поднимись” (*англ.*).

В отличие от других бывших участников группы, Джона Леннона и Пола Маккартни, Джордж Харрисон отказал автору в разрешении использовать цитаты из принадлежащих его перу песен, включая “Свинок”. *(Прим. авт.)*

В первый раз голос появляется на тридцать четвертой секунде третьей минуты звучания композиции, сразу за шумом толпы, за которым следуют фразы: “Учитывая большое количество ножевых ранений” и “Сообщил ему на третью ночь”, — как раз перед словами “номер 9, номер 9”. *(Прим. авт.)*

Параметры сходства включают цвет, диаметр, длину, равно как и медуллярные характеристики. *(Прим. авт.)*

Мои беседы с Линдой Касабьян не записывались. Точные цитаты я привожу по собственным заметкам, по адресованным мне письмам-воспоминаниям самой Линды либо по ее показаниям на процессе.
(Прим. авт.)

Мэк Сеннетт (1880–1960) — прославленный кинопродюсер эпохи “немого кино”, часто и сам снимавшийся в лентах собственной постановки. В 1912 году основал киностудию “Кейстоун”, работавшую со множеством комиков тех лет, включая Чарли Чаплина. Своеобразной “визитной карточкой” студии можно считать, в первую очередь, знаменитых “кейстоунских копов” — неуклюжих полицейских, прибывающих на место грандиозной потасовки в перегруженных автомобилях, затем разбиваемых в щепки в ходе всеобщей свалки.

Речь идет о снимавшемся в Голливуде фильме “Сломанные крылья” (1964) ливанского режиссера Юссефа Маалуфа.

30 июля 1969 года, в 15:07, кто-то звонил из усадьбы Тейт в Исаленский институт, Биг-Сур, Калифорния, по номеру 408-667-2335. То был короткий звонок с одного телефонного аппарата на другой и обошелся он звонившему в 95 центов. Не установлено, кто звонил или (поскольку номер принадлежит коммутатору) кому звонили.

Этот телефонный звонок имел место всего за шесть дней до визита в Исален Чарльза Мэнсона и поэтому вызвал к жизни определенные спекуляции. Кое-что, однако, все же известно: никто из убитых на Сиэло-драйв не бывал в Биг-Суре в период нахождения там Мэнсона; в прошлом Абигайль Фоль-гер посещала семинары в Исалене; некоторые из ее друзей по Сан-Франциско периодически бывали там. Возможно, Абигайль просто пыталась найти кого-то — но это лишь предположение.

Несмотря на то, что и указанный звонок, и визит Мэнсона в Исален так и остались загадкой для следствия, я хотел бы все же подчеркнуть, что, за единственным исключением (разговор Хатами — Тейт — Мэнсона 23 марта 1969 года), мне не удалось обнаружить какой бы то ни было связи между жертвами Тейт — Лабианка и их убийцами. *(Прим. авт.)*

Перифраз названия одной из композиций “The Beatles”, изданной в 1967 году в альбоме “Оркестр клуба Одиноких Сердец сержанта Пеппера”: *With a Little Help from My Friends*, т. е. “С небольшой помощью моих друзей” (англ.).

Гораздо позднее я обнаружил, что помощники шерифа Джордж Палмер и Уильям Глизон слышали примерно то же от Стефани Шрам еще 3 декабря 1969 года, но ОШЛА не стал сообщать об этом в ДПЛА.
(Прим. авт.)

Уолтер Слезак (1902–1983) — австро-американский актер с интересной и трагичной судьбой. Случайная встреча молодого клерка с режиссером Майклом Кертисом привела его в кино; он впервые снялся в Германии, в немом фильме “Содом и Гоморра” (1922), а в 1930-е годы, уже после множества других киноролей, с успехом играл на Бродвее. В молодости Слезак был строен и красив; с годами же начал быстро полнеть, что сделало его моментально узнаваемым и любимым публикой характерным актером. Среди его ролей — неотесанные крестьяне и плюшевые медведи, которых Слезак играл с равным удовольствием и шармом. Снимался в таких фильмах, как “Принцесса и пират” (1944), “Синдбад-мореход” (1947), “Чудесный мир братьев Гримм” (1962) и др.

Фрост помнил, что у него была в продаже белая трехжильная нейлоновая веревка, но ему казалось, что ее толщина была полдюйма. Вербка же Тейт — Себринга была чуть толще: $\frac{5}{8}$ дюйма. Возможно, Фрост ошибался или маркировка на товаре была ошибочной, но защита всегда могла заявить, что это попросту были разные веревки. (*Прим. авт.*)

Когда Мэнсона перевели из Индепенденса в Лос-Анджелес, Руби Перл навестила его в тюрьме. “Я пришла по одной лишь причине, Чарли, — заявила она ему. — Я хочу знать, где похоронен Коротышка”.

Избегая встречаться с ней взглядом, Мэнсон разглядывал пол. “Спроси об этом у “Черных пантер”.

“Чарли, ты прекрасно знаешь, что “Черные пантеры” ни разу даже не были на ранчо”, — ответила Руби, повернулась к нему спиной и вышла. (*Прим. авт.*)

Револьвер “лонгхорн”, серийный номер 1902708, числился среди оружия, пропавшего из штаб-квартиры Отряда стрелков в Эль-Монте, штат Калифорния, во время кражи, совершенной в ночь на 12 марта 1969 года. По утверждению Старра, он приобрел револьвер путем обмена с мужчиной, известным ему лишь по имени “Рон”. Мэнсон постоянно брал у него револьвер взаймы для учебных стрельб, и в итоге Рэнди отдал ему оружие в обмен на грузовичок-пикап, принадлежавший Дэнни ДеКарло. *(Прим. авт.)*

Ни одна из пуль 22-го калибра, обнаруженных в ходе этих двух поисков, не соответствовала пулям, найденным на месте преступления или полученным в ходе тестовых стрельб. (*Прим. авт.*)

Ли установил это, сравнив отметины на концах гильз с ранчо Спана с: 1) отметинами на гильзах, обнаруженных в барабане револьвера, 2) отметинами на гильзах, выпущенных из него в ходе тестов, и 3) затвором револьвера. *(Прим. авт.)*

Скорее всего, письмо было перехвачено Сьюзен Аткинс: она передала Ханнуму информацию и ключ, но умолчала об извинениях Линды и не показала ему самого письма. Понятно раздосадованный, Ханнум доехал до Альбукерка на автобусе и, починив машину, забрал ее. *(Прим. авт.)*

Очередное доказательство влияния творчества “The Beatles” на “Семью”, очевидно, не замеченное автором; приведенная здесь строка входит в текст песни “Ты никогда не давал мне денег” с альбома “Abbey Road”, выпущенного группой в сентябре 1969 года.

“Helter Skelter быстро надвигается” (англ.).

Позднее, получив новые оценки продолжительности слушания от ряда юристов, судья Олдер сменил формулировку на “до трех месяцев или более”, после чего отказы из-за чрезмерного неудобства резко сократились. (*Прим. авт.*)

Так оно позднее и вышло. (*Прим. авт.*)

Двенадцать присяжных: Джон Баер — электромонтер; Алва Доусон — помощник шерифа на пенсии; миссис Ширли Эванс — секретарь школы; миссис Эвелин Хайнс — оператор голосового телетайпа; Уильям Макбрайд-второй — служащий химической компании; миссис Тельма Маккензи — корректор; мисс Мари Месмер — бывший театральный критик закрывшейся газеты “Дэйли ньюс”; миссис Джин Роузленд — ответственный секретарь; Энли Систо — специалист по электронике; Херман Тубик — владелец похоронного бюро; Уолтер Витцелио — охранник завода на пенсии; Уильям Замора — инженер-дорожник. (*Прим. авт.*)

TWA — аббревиатура американской авиакомпании Trans World Airlines.

Шесть альтернативных присяжных: мисс Фрэнсис Чейзен — гражданская служащая на пенсии; Кеннет Даут-младший — служащий Управления шоссейных дорог штата; Роберт Дугласс — служащий армейского инженерного корпуса; Джон Эллис — служащий телефонной компании; миссис Виктория Кемпман — домохозяйка; Ларри Шили — инженер-кабельщик. *(Прим. авт.)*

Так, признания, сделанные Сьюзен Аткинс перед Виржинией Грэхем и Ронни Ховард, прозвучали в суде как показания с чужих слов, приемлемые для Суда благодаря исключению из этого правила. (*Прим. авт.*)

Линда показала, что принимала ЛСД около пятидесяти раз, и последнюю дозу — в мае 1969 года, за три месяца до убийств. (*Прим. авт.*)

Уже на борту президентского самолета, летящего из Денвера в Вашингтон, президент Никсон распространил дополнительное заявление:

“Меня поставили в известность, что мое замечание в Денвере относительно проходящего в Лос-Анджелесе суда по делу об убийстве Тейт по-прежнему может неверно истолковываться, вопреки недвусмысленному заявлению, сделанному тогда же моим пресс-секретарем.

Ни в малейшей степени я не намеревался проявить предвзятость, поставив под сомнение гражданские права любого человека, при любых обстоятельствах.

Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, заявляю: ни сейчас, ни в будущем я не намерен обсуждать с кем-либо виновность подсудимых в “деле Тейт”, будь то доказанный факт или нет. До сих пор еще не оглашены все материалы следствия. На данном этапе судебного разбирательства все подсудимые считаются невиновными”. *(Прим. авт.)*

“Вибрации” — широко распространенное в 1960-е годы, но имеющее хождение и поныне понятие, используемое людьми, принимающими галлюциногенные, т. н. “психоделические” наркотики. Исходящие от человека вибрации — ощущения, испытываемые окружающими от чьего-то присутствия, но воспринимаемые в обход органов чувств.

Аббревиатура, не имеющая аналогов в русском языке. ESP (от *англ.* Extra-Sensory Perception) буквально означает “экстрасенсорное восприятие”, но часто применяется в более широком смысле. Здесь: “сверхъестественное”.

С точки зрения закона, высказывание Мэнсона было, скорее, косвенным признанием, чем подлинным.

Косвенное признание — это утверждение, произнесенное подсудимым, которое само по себе не является достаточным для вменения подсудимому в вину содержащихся в нем фактов, но которое, будучи рассмотрено наряду с прочими уликами, подтверждает их и дополняет.

Подлинное признание — это утверждение, произнесенное подсудимым, которое раскрывает его намеренное участие в уголовно наказуемом деянии, составляющем предмет судебного разбирательства, и выявляет его виновность в этом преступлении. (*Прим. авт.*)

Еще треть ран, как сказал Ногучи, могла быть нанесена лезвием с односторонней заточкой — но он, впрочем, не исключил возможности того, что и они также могли быть нанесены обоюдоострым орудием, незаточенная часть которого расширяла края раны, так что при поверхностном осмотре могло показаться, будто использованное лезвие имело лишь одну острую сторону лезвия. *(Прим. авт.)*

Кристиан Барнард (р. 1922) — южноафриканский хирург, первым осуществивший пересадку сердца человеку (1967).

Сара Бернар — сценический псевдоним Розины Бернар (1845–1923), французской театральной актрисы, прославившейся трагическими ролями в классических постановках (“Король Лир” и “Гамлет” Шекспира, “Федра” Расина и др.)

По причинам дипломатического свойства я не упомянул об этом, но сам Янгер, борющийся за место генерального прокурора Калифорнии от республиканцев, ранее созвал даже несколько пресс-конференций, посвященных ходу процесса, — к крайнему неудовольствию судьи Олдера. *(Прим. авт.)*

Я мог бы привести еще более удручающую статистику. Отпечаток пальца, совпадающий с отпечатком подсудимого, выявляется лишь в 3 процентах дел, расследуемых ДПЛА. Таким образом, в 97 процентах случаев полицейские вообще не находят отпечатков, соответствующих отпечаткам подозреваемых. 97 процентов — довольно сильный козырь обвинения в деле, где никто из подсудимых не оставил отпечатков пальцев на месте преступления. Причина того, что я не упомянул эту цифру в данном случае, очевидна: сотрудники ДПЛА нашли в доме 10050 по Сизло-драйв не один, но целых два идентифицированных отпечатка. *(Прим. авт.)*

Кровь Парента и Фрайковски имела ту же группу, но следствие не располагало никакими доказательствами того, что Парент вообще входил в дом Тейт, тогда как имелись улики, подтверждающие, что Фрайковски выбежал через парадную дверь. *(Прим. авт.)*

Зрелый мужчина тридцати одного года, Райс имел обширную историю конфликтов с законом, уходившую в прошлое до 1958 года включительно, и обвинялся, как и Клем, в правонарушениях, варьировавшихся от незаконного владения наркотическими средствами до непристойного поведения в общественных местах. В настоящее время Райс отбывал условное наказание за оскорбление, нанесенное офицеру полиции. Новичок в "Семье", он быстро стал одним из ведущих членов группы. *(Прим. авт.)*

“Побег с места преступления” (*англ., разг.*).

Стьюбер расследовал дело об угоне автомобиля, а вовсе не убийство, когда столкнулся с Флинном, Постоном, Крокеттом и Уотсоном в Шошоне. Впрочем, осознав важность их рассказа, он провел более девяти часов, расспрашивая всех четверых о том, что им известно о Мэнсоне и его "Семье". После окончания процесса я написал в Калифорнийский дорожный патруль письмо, в котором выразил благодарность Стьюберу за сделанную им замечательную работу. *(Прим. авт.)*

Эдди Фишер (р. 1928) — американский актер и певец; в начале 1950-х гг. вел рекламное телевизионное шоу компании “Кока-кола”; позднее записывал продававшиеся миллионными тиражами пластинки с поп-песнями, но в 1960-е гг., после скандальной женитьбы (1959–1964) на Элизабет Тейлор, вдове своего лучшего друга Майка Тодда, его карьера была погублена, и он лишь изредка выступал с сольными концертами в Лас-Вегасе и Нью-Йорке. Новый скандал, приведший Фишера к разводу с Тейлор, заключался в любовной связи Элизабет с актером Ричардом Бартоном во время съемок “Клеопатры” (1963). В 1964 г. Тейлор и Бартон поженились.

Гертруда Стайн (1874–1946) — американская писательница и поэтесса, во многом повлиявшая на развитие в XX веке авангардной литературы США; введенные ею литературные приемы, в том числе использование повторов и отсутствие пунктуации, создавали у читателя дополнительное ощущение реализма и сиюминутности описываемого.

От *фр.* *cause* — суд, судебное разбирательство; перешедшее в английский юридический лексикон из французского языка выражение, обозначающее “судебное дело, вызывающее грандиозный общественный резонанс”.

Касс Элиотт — участница музыкальной группы “The Mamas and the Papas”.

Отчасти из-за успокаивающего эффекта, отчасти по традиции, в США окрашивают в зеленый цвет комнаты для приведения смертного приговора в исполнение. В данном случае речь идет о газовой камере (ср.: “зеленая миля” в одноименном романе Стивена Кинга).

В уголовном праве Америки официальное понятие “не виновен” не является абсолютным синонимом невинности подозреваемого. “Не виновен — сделанный присяжными официальный вывод, основанный на их мнении, что обвинение не смогло доказать своей правоты. Вердикт “не виновен”, основанный на недоказанности вины подсудимого, может свидетельствовать о наличии у большинства присяжных одной из двух различных точек зрения: они могут счесть, что подсудимый не виноват в приписываемом ему преступлении (не совершал преступления) *или* что доводы обвинения не были достаточно убедительны, чтобы доказать вину подсудимого за пределами разумных сомнений и моральной уверенности (хотя, как считают присяжные, подсудимый действительно совершил вменяемое ему преступление). (Прим. авт.)

Перифраз названия одной из песен Боба Дилана — “Blowin’ In the Wind”.

Подобные замечания Шиня, сами по себе уличающие Сьюзен, позднее были удалены из стенограммы. *(Прим. авт.)*

Об этих смертях речь пойдет в последней главе книги. (*Прим. авт.*)

Не следует путать ее со вступительным словом, которое произносится в начале процесса. (*Прим. авт.*)

Снимающее сонливость, тонизирующее средство.

Арту́ро Тоска́нини (1867–1957) — итальянский дирижер, превративший театр “Ла Скала” в Милане, где он работал, в ведущую оперную сцену мира. В 1908–1915 гг. Тосканини дирижировал в американской Метрополитен-опера; в 1936 году, протестуя против прихода к власти фашистов, он окончательно покинул Италию и поселился в США.

Равное количество голосов получили Алва Доусон, бывший помощник шерифа, и Херман Тубик, владелец похоронного бюро. Бросили монетку, и старшиной был назначен Тубик. Чрезвычайно религиозный человек, начинавший и заканчивавший каждый день совещания беззвучной молитвой, Тубик оказывал стабилизирующее влияние на остальных присяжных во время их долгой секвестрации. *(Прим. авт.)*

“Синие птицы” — члены орнитологического общества North-American Bluebird Society. Целью общества является исследовательская и практическая работа по поддержанию сокращающейся популяции гнездящихся в дуплах деревьев певчих птиц с синим оперением. В частности, “синие птицы” изготавливают и укрепляют на деревьях коробки-“скворечники” особой конструкции для птиц редких видов.

“Лагерный костер” (Camp Fire) — организация герлскаутов, основанная в 1910 году супругами Шарлоттой и Лютером Гулик с целью предоставления девочкам-подросткам возможности обучения и активного отдыха на природе; одной из первых детских организаций выступила в поддержку совместного обучения белых и цветных детей. С середины семидесятых годов в “Лагерный костер” стали принимать и мальчиков; в 1993 году она получила свое нынешнее официальное название — Camp Fire Boys and Girls USA.

“Орден дочерей Джоба” (International Order of Jobs Daughters) — масонская воспитательная организация, основанная миссис Этель Вид-Мик в 1920 году в городе Омаха, штат Небраска. Изначально целью Ордена было связать девочек-подростков масонскими узлами и формировать их личность в духе глубокой религиозности, почтения к родителям и попечителям, патриотизма, уважения к национальной символике и т. д. Сегодня в эту организацию вступают как дети, так и уже взрослые девушки; она широко известна своей благотворительной деятельностью.

Одюбонское общество (National Audubon Society) — некоммерческая организация любителей природы, ставящая задачей сохранение и восстановление естественных экосистем Америки. Основана в 1905 году; названа именем прославленного орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1785–1851).

Патриция Кренвинкль также приняла ЛСД в первый раз еще до знакомства с Мэнсоном. Страдавшая от избыточного веса в подростковом возрасте, она начала принимать диетические пилюли с четырнадцати лет, а затем уже попробовала красные пилюли барбитурата, мескалин и ЛСД, которые ей приносила ныне покойная сестра Чарлин, так и не избавившаяся от героиновой зависимости. *(Прим. авт.)*

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская сестра милосердия, первой поставившая это занятие на профессиональные рельсы. В 1856 году она основала в Лондоне Дом сестер милосердия и курсы подготовки медсестер, известные как Школа Найтингейл.

Это заявление могло, конечно, повредить Мэнсону, но говорило в пользу клиентки Фитцджеральда — Патриции Кренвинкль. Тем не менее в суде оно прозвучало из уст Кейта, причем уже после того, как Фитцджеральд закончил допрашивать свидетеля. *(Прим. авт.)*

Не существовало сколько-нибудь значительного различия между Лесли Ван Хоутен и собственной подзащитной Фитцджеральда, Патрицией Кренвинкль. Обе девушки присоединились к “Семье”, обе подчинились доминации Мэнсона, обе сознательно совершили убийства ради него. Пытаясь установить, что Мэнсон не несет ответственности за участие Лесли в убийстве, Фитцджеральд одновременно давал понять, что Мэнсон также не ответственен за убийства, совершенные Кэти. Ответ Хочмана сильно повредил не только Лесли, но и остальным девушкам. *(Прим. авт.)*

В американском праве — категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями.

Из документального фильма “Мэнсон” Роберта Хендриксона.
(Прим. авт.)

Там же. *(Прим. авт.)*

Там же. *(Прим. авт.)*

Один из подручных Мэнсона и его доверенное лицо, Брюс Дэвис, некоторое время занимался сайентологией более чем плотно, работая в лондонской штаб-квартире движения с ноября или декабря 1968 года по апрель 1969 года. По утверждению спикера движения, Дэвиса исключили из организации за употребление наркотиков. Брюс вернулся в “Семью” на ранчо Спана как раз вовремя, чтобы принять участие в убийствах Хинмана и Шиа. *(Прим. авт.)*

Существует, по меньшей мере, одна заповедь, которую Мэнсон не унаследовал от движения: неженатым последователям предписывалось хранить целомудрие. (*Прим. авт.*)

Лавэй, основатель базирующейся в Сан-Франциско церкви Сатаны, известен людям, знакомым с вопросом, скорее как выдающийся шоумен, чем как сатанист демонического толка. Прилюдно сам Лавэй многократно осуждал насилие и ритуальные жертвоприношения. *(Прим. авт.)*

В июне 1972 года Верховный суд Соединенных Штатов постановил (пятью голосами против четырех), что смертная казнь, в случае ее применения в произвольном виде, когда присяжным предоставлена полная свобода действий и никаких руководящих указаний, представляет собой “жестокое и необычное наказание”, что противоречит Восьмой поправке к Конституции Соединенных Штатов Америки.

Хотя многие штаты, включая и Калифорнию, впоследствии приняли законы, восстанавливавшие смертную казнь и делавшие ее применение обязательным в качестве наказания за определенные виды преступлений (в том числе и за массовые убийства), на момент написания этих строк Верховный суд Соединенных Штатов еще не успел принять окончательного решения об их соответствии Конституции.

Даже в случае признания соответствующего закона Калифорнии конституционным это никак не скажется на судьбе убийц из числа “Семьи” Мэнсона, поскольку окончательное решение не будет иметь обратного хода. *(Прим. авт.)*